

Бела
Желицки

ВЕНГРИЯ
НОВЕЙШИХ
времён

Очерки
политической истории
1944–1994 гг.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Б. Й. ЖЕЛИЦКИ

ВЕНГРИЯ новейших времён

Очерки
политической истории
1944–1994 гг.

Москва
2017

УДК 930.85
ББК 63.3(4Вен)
Ж50

Ответственный редактор:

Н. Ю. Калашникова,
кандидат исторических наук

Рецензенты:

Б. А. Шмелёв,
доктор исторических наук

А. С. Стыкалин,
кандидат исторических наук

Желицки Б. Й.

Ж50 Венгрия новейших времен. Очерки политической истории 1944–1994 гг. / Бела Желицки. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 648 с.

ISBN 978-5-7576-0399-5

Книга посвящена политической истории Венгрии с конца Второй мировой войны до утверждения многопартийной парламентской демократии в начале 90-х гг. XX в. Анализируются процессы становления и изменения политической системы, ключевые проблемы 40–50-х гг., особенности кратковременного народно-демократического развития и утверждения диктаторского режима. Освещены важнейшие аспекты народного восстания 1956 г. и постреволюционного социалистического эксперимента, охарактеризовано время правления Я. Кадара и описаны советско-венгерские отношения той эпохи.

Особое внимание уделено анализу причин системного кризиса и роста оппозиционных сил, приведших к краху «развитого социализма». Охарактеризованы обстоятельства и особенности смены общественно-политического строя и системы на рубеже 1980–1990 гг., показаны процесс переговоров партийной власти с оппозицией в рамках «круглых столов», парламентские выборы 1990 г. и деятельность первого избранного на многопартийной основе парламента и правительства страны.

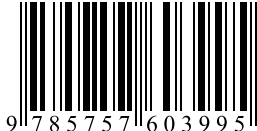
Книга предназначена для историков, преподавателей, студентов и аспирантов, учителей истории и широкого круга читателей.

Bela Zhelitsky's book covers Hungary's political history from the end of the World War II Hungary the transition to the pluralistic democracy in 1990s. It analyse the main lines of political system's formation and evolution, key problems of Hungarian history of 1940–1950s, the brief period of «popular democracy development» with the subsegment dictatorship's establishment. Author treats the main aspects of the 1956 popular uprising and the postrevolutionary socialist experiment as well as János Kádár's portrait and Soviet-Hungarian relations.

Special attention is devoted to the growth of the systemic crisis, development of the opposition and the collapse of the «developed socialism». Details and specifics of the systemic transition of 1980–1990s, description of Communist party – opposition «round table» talks, 1990 first free parliamentary elections and the first post-Communist parliament and government are analyzed.

УДК 930.85
ББК 63.3(4Вен)

ISBN 978-5-7576-0399-5

9 785757 603995

© Желицки Б. Й., 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017

Оглавление

Введение	4
Венгрия в конце и после Второй мировой войны	
Глава 1. Военно-политическая ситуация в Венгрии и гитлеровская оккупация 1944 г.	20
Глава 2. Проблемы выселения венгров из Чехословакии	68
Глава 3. Народная демократия и становление тоталитарного режима в Венгрии	161
В условиях социалистического эксперимента	
Глава 4. Будапешт – Москва: год 1956-й.....	208
Глава 5. Кадаровский контекст советско- венгерских отношений 1957–1988 гг.	263
Глава 6. Венгерская экономическая реформа 60-х – начала 70-х годов XX века: социальные аспекты.....	284
Системный кризис и утверждение современной парламентской демократии	
Глава 7. Общий кризис «реального социализма» и демократические преобразования в Венгрии	308
Глава 8. Венгерская «переговорная революция»	344
Глава 9. Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989–1994 гг.)	406
Портреты политических деятелей эпохи	
Глава 10. Имре Надь	481
Глава 11. Янош Кадар	539
Примечания	600
Список сокращений.....	625
Именной указатель	627
Библиография трудов Б. Й. Желицки (избранное).....	635

Введение

В книге предлагается анализ политических процессов, происходивших в Венгрии в течение полувека — с 1944 по 1994 г.: от завершающего этапа Второй мировой войны до перехода страны к современной европейской демократии. Хронологические рамки рассматриваемого периода определяются важными событиями в истории Венгрии. Это гитлеровская оккупация страны весной 1944 г. и начало ее освобождения осенью 1944 г. В конце Второй мировой войны, в которой Венгрия по ряду обстоятельств оказалась «по другую сторону баррикад», ее судьба определялась союзниками и Парижским мирным договором 1947 года. Без учета этих обстоятельств не могут быть поняты многие аспекты венгерского послевоенного времени. Закрывает исследование 1994 год, когда после кардинального политического и системного поворота, произошедшего в жизни страны на рубеже 1989–1990 гг., завершило свою работу первое правительство, проводившее демократическое переустройство современной Венгрии, в результате чего процесс трансформации стал необратимым.

В конце 1990-х годов в европейской политической печати появился термин «короткий XX век». Под «краткостью» века, подразумевалось, с одной стороны, отсутствие в жизни Европы до Первой мировой войны каких-либо ярких политических событий, а с другой стороны — произошедший в конце 80-х — начале 90-х гг. крутой поворот в развитии Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Считалось, что эти события «укоротили» XX век и стали началом новой эры в европейской истории.

Этот век, в его полном либо кратком исчислении, на самом деле был насыщен бурными историческими собы-

тиями, революционными потрясениями, которые не раз меняли политическую карту и облик Восточной Европы, в том числе Венгрии. Историк, изучающий эти процессы, несомненно, должен признать, что как послевоенное политическое и системное переустройство во второй половине 1940-х годов, так и стремительно произошедшие на рубеже 1980–1990 гг. антикоммунистические революции и развернувшиеся демократические преобразования сыграли важную роль в историческом развитии этой части света. Как и после Второй мировой войны, европейские народы связывали с наступлением новой эры немало ожиданий и надежд. Насколько они были обоснованы и насколько оправдываются сейчас, судить будущим поколениям и будущим исследователям.

Для Венгрии XX век был щедр на перемены и политические эксперименты. Он был отмечен коренными системными преобразованиями, повлекшими за собой кардинальное переустройство государственного механизма, ломку существовавших режимов и систем. С конца Второй мировой войны в стране сменилось несколько форм государственно-политического устройства. Политические режимы, обстоятельства их утверждения и развития, как и факторы проведения системных преобразований в Венгрии, стали предметом исследования в этой книге.

Не претендуя на систематическое изложение всех аспектов истории Венгрии второй половины XX века, автор сосредоточил внимание на наиболее важных политических событиях и проблемах, которые, однако, позволяют читателю получить достаточно цельное представление о венгерском историческом процессе. В центре исследования — ключевые проблемы политического развития, пережитые страной и ее народом в сложных исторических условиях конца Второй мировой войны и последующих десятилетий. В монографии анализируются причины, внутренние и внешние политические обстоятельства, которые вызвали

значительные перемены в общественно-политическом устройстве страны и привели к изменению строя или смене системы в целом. Эти события рассматриваются в хронологической последовательности и анализируются на конкретном фактическом материале с использованием большого объема доступной венгерской и российской исторической литературы, как опубликованных документальных источников, так и архивных материалов.

Из российских архивов были привлечены материалы ряда фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Из венгерских архивов использовались в основном документы Нового Центрального венгерского архива (Új Magyar Központi Levéltár – ÚMKL) и Архива Института политической истории (Politikatörténeti Intézet Archivuma – PIA), материалы которых впоследствии были переданы Венгерскому Государственному архиву (Magyar Országos Levéltár – MOL).

В первом разделе книги закономерно исследуются проблемы военного, в историческом смысле переломного 1944 г., без осмысления которых была бы непонятна логика и направление дальнейшего развития страны. Следует учитывать, что Венгрия, которой в начале Второй мировой войны удавалось оставаться островком относительно спокойствия среди разгоревшегося мирового пожара, с 27 июня 1941 г. уже не могла избежать участия в антисоветской военной кампании на стороне гитлеровской Германии. Венгерскому народу пришлось испытать не только тяготы военного времени, но и пережить гитлеровскую оккупацию с марта 1944 г. Страна именовалась королевством, но возглавлялась правителем (регентом) М. Хорти. В условиях войны наступил крах хортистской, консервативной по своей сути, политической системы, существовавшей с

1920 г. Освобожденная Красной Армией весной 1945 г., Венгрия прошла этап оккупации также союзническими войсками, находясь под полной властью Союзной контрольной комиссии (СКК) вплоть до возвращения ей в 1947 г. государственного суверенитета.

В декабре 1944 г. была образована временная система национальной власти, которая после парламентских выборов 1945 г. уступила место демократическому коалиционному правительству, избранному на многопартийной основе. В феврале 1946 г. Венгрия стала республикой. За короткий временной период практически единовременно она *поменяла форму государственного правления и систему политической власти*. Сложившаяся тогда система именовалась венгерской народной демократией, которая в послевоенных условиях была достаточно ограничена в своих возможностях, но функционировала именно на многопартийной парламентской основе.

Новой властной структуре на этапе народно-демократического развития пришлось столкнуться с решением такой непростой задачи, как выселение венгров из Чехословакии и обмен населением между двумя странами. Эта акция инициировалась чехословацкой стороной, а Парижская мирная конференция отдала решение этого вопроса на рассмотрение заинтересованных сторон. В феврале 1946 г. венгерское правительство было вынуждено подписать соглашение об обмене, и решение этой проблемы стало одной из его основных внешнеполитических задач. Однако установившаяся в стране система ограниченной многопартийной парламентской демократии подверглась и другим испытаниям, будто проверялась на прочность и внутренними политическими силами, и внешними контрольными органами. Особенно разрушительными для нее оказались действия руководства одной из партий правящей коалиции, стремящейся к утверждению диктатуры от имени пролетариата. В 1948 г. компартия Венгрии установила в стра-

не режим однопартийной, коммунистической диктатуры (при номинальном сохранении республиканской формы правления), совершив следующий крутой поворот в ее историческом развитии.

Эти резкие и быстро следовавшие друг за другом изменения политического устройства и общественно-политической формации во второй половине 40-х гг. сопоставимы с политическими переменами на рубеже 80–90-х гг. XX века, с той лишь разницей, что они имели разную направленность и содержание, которые и характеризуются подробно в данной книге.

Важные вехи, определившие поворотные моменты в историческом развитии страны обозначаются датами: 1944–1945, 1947–1948, 1956, 1989–1990 гг. При этом если 1956 г. в итоге только скорректировал политический курс дореволюционного режима, то события предыдущих и последующих дат обусловили как смену существовавших режимов и государственного правления, так и смену системного устройства в целом. Эти политические переходы и системные переломы, кардинально менявшие характер, направление и вектор дальнейшего развития Венгрии, рассматриваются вплоть до времени возникновения современной многопартийной парламентской демократии.

Политический и системный перелом 1947–1948 гг. в послевоенной истории Венгрии стал результатом целенаправленных действий руководства компартии страны. Это были годы, когда компартия, будучи одной из коалиционных партий правящего блока, методично расшатывала еще не окрепшую систему молодой многопартийной народной демократии, вытесняя из нее не только политических противников, но и ближайших партнеров по коалиции. Коммунисты изначально стремились к единовластию, считали многопартийную демократию временной и лишь по необходимости терпели ее. Небольшая группа руководящих деятелей партии, используя различные варианты воздействия на

демократические структуры, далеко не всегда только политического, в 1948 г. сочла возможным установить в стране тоталитарный режим.

С утверждением режима коммунистического правления в Венгрии был провозглашен курс на строительство социализма. При этом стране навязывалось детальное копирование советского — сталинского — опыта социалистического строительства. В 1950–1953 гг. эти действия обрели самые жесткие формы. В 1953 г. они вызвали растущее недовольство населения. Для спасения положения потребовалось вмешательство высшего советского руководства. После корректировки курса и наступления некоторой оттепели небольшая группа тоталитарных сил в компартии в марте 1955 г. произвела реставрацию старых порядков, что сопровождалось еще более сильным нарастанием напряженности в венгерском обществе. Ситуация в итоге привела к резкому обострению политического кризиса, дала толчок к проявлению мощной вспышки народного недовольства, вызвавшего революционную бурю 1956 года. Какими методами и средствами пользовалось руководство компартии для достижения своих целей, как осуществляло переход от многопартийной парламентской политической демократии к однопартийному тоталитарному режиму и как он действовал — все это анализируется в монографии на основе документальных и литературных источников, воспоминаний самих деятелей компартии. Затрагиваются также и другие важные проблемы эпохи построения основ социализма по советскому образцу.

В первых двух разделах монографии центральное место занимают вопросы политического переустройства страны, проведения социалистического эксперимента до и после революционных событий 1956 г., основные аспекты взаимоотношений между Будапештом и Москвой. Эти сюжеты в доступной читателям русскоязычной исторической литературе советской эпохи далеко не всегда представлены объек-

тивно и достоверно. Вопросы участия Венгрии в мировой войне, становления и развития системы народной демократии, утверждения диктатуры пролетариата в исторической литературе 1950–1970 гг. освещались довольно широко, однако эти работы зачастую страдают недосказанностью, тенденциозностью и предвзятостью.

Большой вклад в изучение обозначенных проблем внесли А. И. Пушкаш¹ и Л. Н. Нежинский², опубликовавшие монографии и соответствующие разделы в третьем томе «Истории Венгрии»³. Для своего времени это были работы, позволившие студентам, преподавателям и широкой общественности наиболее полно ознакомиться с историей Венгрии новейшего времени, включая послевоенный период. Следует учитывать, однако, что исследователям 1960–1970 гг. не были доступны многие необходимые источники, которые позволили бы составить более объективную картину об этих исторических событиях, поэтому авторам прежних работ многие факты и обстоятельства не были известны, а на официальном уровне они трактовались своеобразно. К тому же существовала цензура, да и над самими авторами довлели определенные стереотипы и идеологические штампы.

Все это относится и к освещению исторических причин и последствий венгерской революции 1956 г. (не говоря уже о реформаторских идеях и устремлениях тогдашнего премьер-министра Венгрии И. Надя и о его последующих действиях как политика). Достаточно отметить, что события 1956 г., сама революция, официально получили предвзято искаженное толкование (разделы о «контрреволюционном путче» и «завершении строительства социализма» в Венгрии в третьем томе «Истории Венгрии» были написаны ответственными работниками ЦК КПСС П. П. Безушко и КГБ СССР – В. А. Крючковым).

Со времени издания трехтомника прошли десятилетия. Сменились поколения историков, представители которых

с середины 1980-х годов, особенно в условиях горбачевской перестройки, открывшейся свободы слова и печати в СССР, получили возможность знакомиться с архивными документами. Используя материалы архивов, поступавшую из Венгрии научную литературу и публицистику, периодику зарубежных стран, воспоминания политиков и самих участников венгерской революции (они в основном печатались в западноевропейских изданиях), историки публиковали статьи, которые расширяли представление о венгерских событиях. Один из сборников⁴, подготовленный сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН в 1990 г., был передан в издательство «Наука» лишь в 1993 г., после долгих проверок и рецензирования в ЦК КПСС, и наконец получил допуск к изданию. К этому времени круг доступной научной информации уже существенно расширился, и труд, увы, потерял новизну. В 1996 г. сотрудники Института славяноведения РАН внесли весомый вклад в подготовку научно-публицистического сборника к 40-летию венгерской революции⁵.

В 1990-е годы российская историография обогатилась новыми информационными базами и научными разработками по истории Венгрии периода 1950-х годов. В них давался если не полный, то объективный анализ событий, приведших к революционному взрыву 1956 г., освещались события самой революции. Ученые Института славяноведения РАН наряду с публикациями статей и очерков большое внимание уделяли сотрудничеству с венгерскими коллегами. В результате в архивах были выявлены новые пласты исторических документов. На базе материалов советской эпохи, прежде всего документов ЦК КПСС, МИД СССР и других центральных ведомств, был подготовлен и в 1998 г. издан сборник документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года»⁶, имеющий исключительное значение для изучения проблемы. В Институте на новой документальной основе проводилось изучение событий 1956 г. Освещение вопросов становления социализма, венгерского

восстания 1956 г. и его подавления стали неотъемлемой частью исследований также в других российских научных центрах. В 1995 г. Институт российской истории РАН опубликовал коллективную монографию под редакцией Л. Н. Нежинского «Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение»⁷, где также анализировались события 1956 г. и вопросы советско-венгерских отношений того периода. Затем в 2000 г. Институт международных экономических и политических исследований РАН издал трехтомный коллективный труд «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века», где соответствующие главы были подготовлены автором настоящей монографии⁸. В 2003 г. на базе опубликованных архивных и других материалов, с наиболее полной монографической разработкой причин и проблем венгерского кризиса 1956 г. выступил А. С. Стыкалин⁹. Он и другие ученые Института славяноведения внесли существенные поправки, уточнения и дополнения в существовавшую до этого времени научную литературу.

Проблематика 1956 г., советско-венгерские отношения последующего периода, характеристика основных черт пост-революционной политической и экономической системы составляют основное содержание второго раздела данной работы. Следует отметить, что в условиях революции, победа которой в определенный момент казалась ее участникам реальной, реформаторские силы уже обозначили координаты возвращения Венгрии к многопартийному политическому устройству времен народной демократии. Подавление революции советскими войсками и восстановление социалистического устройства прежнего образца помешали им сделать это.

С 1963 г., после привлечения к ответственности участников революции, в Венгрии формировался режим политической диктатуры в относительно менее жестком варианте, чем до событий 1956 года. Он базировался на молчаливом

согласии власти и покоренного народа, становясь постепенно более приемлемым для него вариантом «реального социализма». Новое политическое руководство допускало больше гражданских свобод, проводило ограниченные реформы, которые при этом не затрагивали основ существующего строя. Этот режим впоследствии не без основания именовался «мягкой кадаровской диктатурой». В несколько модифицированном виде социалистический эксперимент продолжался на протяжении трех десятилетий.

В том же разделе монографии анализируется опыт и политическая практика эпохи Я. Кадара. Как и при освещении послевоенных событий, автор стремился представить необходимые факты и еще не вошедшие в научный оборот материалы. Главы раздела, дополненные биографическими сведениями о Кадаре, помогут лучше понять характер и содержание эпохи. Читатель также найдет здесь необходимые сведения о таком новаторском для своего времени начинании, как «реформа экономического механизма» и о судьбе этой реформы в условиях «реального социализма». В какой-то степени более либеральный, чем в других социалистических странах, политический режим в Венгрии в сочетании с реформой 1968 г. иногда позволял — за рубежами страны — говорить о некотором модифицированном варианте венгерского социализма либо именовать его отдельной моделью. Опираясь на упомянутую негласную договоренность с народом, власть не вмешивалась в жизнь граждан и гарантировала определенный стандарт жизненного уровня. Взамен она получала молчание народа, который мало интересовался политикой высшего руководства.

Назревание политического и экономического кризиса, переросшего в конце 1980-х годов в кризис системный, работа «круглых столов» в ходе венгерской мирной переговорной революции 1989 г. и последующие коренные демократические преобразования, составляют основное содержание третьего раздела книги.

Российская научная литература о Венгрии, посвященная периоду 60–90-х годов прошлого века, сегодня представлена главным образом статьями в научных сборниках и главами в коллективных трудах, подготовленных преимущественно Институтом славяноведения РАН. Среди них наиболее значимым является коллективный труд «История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа»¹⁰. Важнейшие черты политической и экономической системы, нарастание политического кризиса во второй половине 1980-х годов в Венгрии и других социалистических странах нашли отражение и в третьем томе упомянутого выше издания ИМЭПИ РАН¹¹, где венгерские сюжеты – от политической стабилизации до наступления нового кризиса (1966–1989 гг.) – были подготовлены автором настоящей монографии.

С середины 1980-х годов в условиях накопления социально-экономических проблем, возросших требований к демократизации, монополярная партийная власть Венгрии больше не могла обеспечивать обещанный рост жизненного уровня, в стране появились признаки нового общественно-политического кризиса. Однопартийной власти, не имевшей до этого оппонентов, пришлось столкнуться с вызовом со стороны зарождающихся общественных движений и оппозиционных организаций. В новых исторических условиях она нашла в себе силы учесть уроки прошлого. Произошла смена лидера. Власть оказалась достаточно предусмотрительной, прагматичной и готовой к компромиссу. В 1987–1988 гг. с выходом на арену политической жизни многочисленных альтернативных оппозиционных организаций и с возрождением партий периода народной демократии правящая компартия была вынуждена вступить с ними в диалог. В стране постепенно складывались предпосылки и условия для нового общественно-политического переустройства, демократических изменений.

1989–1990 гг. стали для Венгрии временем очередного разворота политической истории, третьего системного преобразования, началом новых демократических перемен. Эти процессы представляли собой переход от коммунистического единовластия и однопартийного государства с плановой экономикой к современной многопартийной парламентской демократии с рыночной экономикой.

Со второй половины 1980-х годов в самой структуре партийной власти однопартийного государства тоже началось брожение, усиливалось осознание неизбежности дальнейшей демократизации жизни общества. В книге показано, как во внутрипартийной политической борьбе сторонникам этого направления удалось укрепить свои позиции и пойти навстречу требованиям демократических сил. После смены в 1988 г. лидера компартии новое руководство вскоре было вынуждено пойти на переговоры с силами тогда еще слабой и разрозненной демократической оппозиции. Последние еще дожидались законной возможности стать политическими партиями, но уже создали свое временное объединение для проведения переговоров с партийной властью. Первые их встречи прошли еще в 1988 г. на согласительных переговорах, где выяснялись требования и позиции сторон. Затем, после подготовительных действий, растянувшихся с февраля до июня 1989 г., во встречах наступил перерыв, полный сомнений и ожиданий. Следует учитывать, что это был последний год однопартийного государства, когда правящая компартия еще была сильной, но, осознавая необходимость, постепенно уступала позиции законным органам государственного управления и сама готовилась к неизбежной смене строя. В монографии показан процесс освобождения от строгой партийной опеки последнего коммунистического правительства и парламента страны, утверждения этими ветвями власти своей самостоятельности.

13 июня 1989 г. возобновились прерванные переговоры, и за общенациональным «круглым столом» началось обсуж-

дение предстоящих демократических преобразований с участием представителей всех общественных и политических сил. До 18 сентября 1989 г. они обсуждали и согласовали условия проведения мирного перехода, выработывали основополагающие документы становления современной многопартийной парламентской демократии. Важнейшие из этих документов были утверждены парламентом еще прежнего созыва.

Весной 1990 г. в Венгрии состоялись первые свободные парламентские выборы на многопартийной основе, где решительную победу одержали демократические силы страны. Они стали преобладающими в составе нового венгерского парламента.

Парламент вместе с первым демократическим правительством, сформированным на коалиционной основе, безотлагательно приступил к реализации задач, намеченных Национальным круглым столом. Осуществленные ими кардинальные преобразования стали прочной основой дальнейшего развития современной Венгрии на пути к демократии. Эти перемены одновременно означали как смену политического строя, так и переход к системе современного европейского «демократического неокapитализма».

В российской историографии еще недостаточно работ, в которых были бы проанализированы коренные общественно-политические преобразования в Венгрии в 1980–1990 гг. Для написания этого раздела монографии автору пришлось привлекать самые разные источники и материалы. Наряду с официальными государственными и партийными документами, отражающими рассматриваемый процесс, безусловно, особый интерес представляет информационная база новых венгерских политических и общественных организаций. Был изучен большой объем венгерской периодики, по тем временам очень либеральной. Ценными источниками стали аналитические статьи политиков и политологов на страницах периодических изданий, в частности объемного «Венгерского политического ежегодника»¹².

Являясь современником описываемых событий, автор уже по ходу происходящего вынужден был ориентироваться в далеко не простых явлениях стремительно меняющейся венгерской политической истории. Наряду с периодикой, изучались выступления и интервью ведущих политических деятелей¹³, воспоминания участников событий¹⁴, программные документы политических движений и партий¹⁵, бесценный материал, содержащийся в четырехтомном сборнике протоколов заседаний Национального круглого стола¹⁶.

Если при освещении исторических процессов периода 1940–1950 гг. у нас была возможность опереться на монографические работы венгерских коллег (в частности, Ш. Балого, Л. Ижака, И. Виды, Ш. Домбарди, Л. Тота и др.) и на разделы в исторических трудах о Венгрии¹⁷, то такого рода работ историков, обратившихся к характеристике кардинальных общественно-политических перемен рубежа 1980–1990 гг., долго не появлялось. С краткими обзорами отдельных аспектов процесса демократизации жизни в широкой печати сначала выступили сами участники событий (З. Биро, И. Коня, И. Кукорелли, Ш. Лежак, Д. Ченгеи и др.), затем аналитики – с характеристикой основных черт преобразований или с очерками о политиках новой эпохи (А. Бозоки – о политическом плюрализме, Э. Чизмадиа – об оппозиции, Й. Дебрецени – о Й. Анталле и В. Орбане). Из историков первыми к осмыслению перемен обратились преподаватели вузов Л. Ижак, М. Бихари, И. Ромшич, Ч. Хорват и др.¹⁸, которые на страницах университетских учебников изложили первые общеисторические обзоры, отражающие переход страны к многопартийной демократии; но и позже они продолжали интересоваться разными сюжетами современной истории страны. Так, книга М. Бихари «Венгерская политика 1944–2004» содержит ценный политологический анализ разных периодов эпохи. Единственным известным нам сегодня специальным монографическим исследованием по истории перехода Венгрии к

современной демократии является книга З. Риппа «Смена системы в Венгрии, 1987–1990 гг.»¹⁹.

Жаль, что большинство венгерских публикаций по рассматриваемой теме недоступны российским исследователям, их просто нет в библиотеках Москвы. Знакомство с основными положениями работ венгерских авторов, безусловно, было полезно, прежде всего, возможностью сопоставить различные оценки и позиции. Ограниченный объем книги не позволяет достаточно полно представить результаты анализа и оценить вклад каждого из авторов в осмысление венгерских общественно-политических преобразований конца XX века.

Автор выражает надежду, что материалы книги станут для российского читателя надежным источником информации, помогут разобраться в сложных исторических процессах 1940–1994 гг., и особенно в новейших демократических преобразованиях рубежа 80–90-х. Дополнительные сведения о них можно получить, обратившись к солидному историко-аналитическому справочнику «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в.», изданному в 2015 г. Институтом славяноведения РАН под редакцией К. В. Никифорова.

Последний раздел монографии посвящен ведущим политикам эпохи, Имре Надю и Яношу Кадару, с именами которых теснейшим образом связана значительная часть политических событий Венгрии 1940–1980 гг. Их биографии в историческом контексте – это свидетельства эпохи диктаторского и «реального социализма». Это жизнь и деятельность политиков, имеющих в чем-то схожие, но в целом принципиально разные представления о путях политического развития Венгрии. Их судьбы по-разному, но теснейшим образом переплелись с историей самой страны. Политические портреты этих деятелей представлены в тесной взаимосвязи с реальными событиями, в которых они участвовали, играя значительную или определяющую роль.

* * *

Монография подготовлена в Отделе современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. В нее включены переработанные и дополненные статьи и очерки, написанные или опубликованные автором ранее на страницах малотиражных журналов и научных сборников, сегодня уже недоступных читателю. Статьи эти тем не менее сохранили свою актуальность, поэтому автор счел возможным воспользоваться ими, сделав их базовым материалом для отдельных глав (1, 4, 8) книги. В этой связи автор выражает искреннюю признательность сотрудникам Института славяноведения РАН: М. И. Леньшиной за техническое содействие в возвращении этих очерков в научный оборот; моей дочери, к. и. н. Ч. Б. Желицки, — за поддержку и помощь в оформлении работы. Глубокая благодарность рецензентам, взявшим на себя труд изучить и оценить эту работу, а также сотрудникам Отдела за их полезные замечания и комментарии. Особая благодарность ответственному редактору книги Н. Ю. Калашниковой.

Венгрия в конце и после Второй мировой войны

Глава 1. **Военно-политическая ситуация в Венгрии и гитлеровская оккупация 1944 г.**

Обстановка в Венгрии, начиная с лета 1943-го вплоть до ее оккупации гитлеровцами весной 1944 г., несмотря на сильное влияние немцев и их пропаганды — как справедливо отмечалось в одном из донесений в Наркомат иностранных дел СССР, — оставалась «весьма благоприятной для союзников и даже для Советского Союза»¹. Венгрия вместе с нейтральными государствами при правительстве Миклоша Каллаи (1887–1967) действительно оставалась в 1942–1944 гг. единственной воюющей страной Европы, где не стояли немецкие войска и где находили убежище тысячи беженцев от фашизма из самых разных стран мира. Для понимания основных исторических событий, имевших место в 1944 г., необходимо хотя бы кратко охарактеризовать состояние страны, включая важнейшие обстоятельства и причины ее вовлечения в войну на стороне гитлеровской Германии. Они важны для понимания событий 1944 г.

Следует учитывать, что Германия вместе с Италией по поручению великих западных держав, будучи членами двух международных венских арбитражей (1938 и 1940 гг.) способствовали вынесению решения о возвращении Венгрии части отнятых у нее после Первой мировой войны исконных территорий с 3,5-миллионным этнически венгерским населением. Нельзя не отметить, что при этом Венгрия перед Второй мировой войной тем не менее отказала Гитлеру

в просьбе принять участие в захвате Чехословакии, не дала согласие и на пропуск через свою территорию гитлеровских войск для нападения на Польшу. С учетом этих факторов, прежде чем перейти к анализу событий 1944 г., необходимо обозначить некоторые ключевые моменты, которые заставили политическое руководство страны приобщиться в 1941 г. к антисоветскому походу Германии. Причины и обстоятельства подобных действий будут способствовать пониманию процессов, протекавших в Венгрии в 1944 г.

С началом Второй мировой войны венгерская политическая элита во главе с правителем страны адмиралом М. Хорти (1868–1957) всячески пыталась избежать вовлечения Венгрии в военные конфликты, сохранить ее независимость. В первые годы войны ей удавалось выполнять поставленную задачу, и некоторое время в пылающей Европе Венгрия оставалась своеобразным островком мирной жизни. Внешнеполитическое ведомство страны даже весной 1941 г. ориентировало свои зарубежные представительства на продолжение именно такого политического курса. В специальной правительственной инструкции для представителей дипслужб за рубежом от 3 марта 1941 г., в частности, говорилось: «Основной задачей венгерского правительства в европейской войне, вплоть до ее окончания, является стремление сберечь военные и материальные силы, людские ресурсы Венгрии. Мы любой ценой должны помешать нашему вовлечению в военный конфликт. В восточной части Европы возникает хаотическая ситуация, которая будет иметь самые угрожающие последствия для незащищенных государств, если они до окончания конфликта пожертвуют своими материальными богатствами и армией. Мы не должны рисковать страной, молодежью и армией ни в чьих интересах, мы должны исходить из собственных интересов»².

Однако настало время, когда в почти полном нацистском окружении, а затем, когда Венгрия оказалась между воюющими Германией и Советским Союзом, ей стало не-

легко сохранять избранный ею политический курс и статус «вооруженного нейтралитета». Основным смыслом последнего состоял в том, чтобы оставаться нейтральной страной, имея при этом лишь небольшую армию исключительно для защиты границ своего государства. Венгрия даже в соответствии с новой, Дьерской программой вооружения содержала армию численностью всего 85 тыс. солдат и офицеров. Это было известно и германскому командованию³. Однако пришло время, когда под давлением Берлина ей, подобно некоторым другим небольшим странам Европы, во избежание гитлеровской оккупации пришлось присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, а затем стать невольной союзницей Германии. Об этом впоследствии вполне определенно заявлял правитель Венгрии, регент М. Хорти⁴.

Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, гитлеровское командование, зная ограниченные военные возможности Венгрии, слабую техническую оснащенность ее армии, вначале и не предусматривало ее привлечения к участию в войне. Такое отношение к ней вполне удовлетворяло руководство Венгрии. Вступление же в войну непосредственных соседей (Румынии и Словакии) вызвало, однако, беспокойство среди прогермански настроенных офицеров венгерского генералитета, тесно связанных с гитлеровской военщиной. Группа высших офицеров во главе с бывшим начальником военной академии, затем начальником генштаба армии генерал-полковником Г. Вертом была не прочь поучаствовать в антисоветской войне на стороне Германии. К такой позиции склонялся также бывший посол Венгрии в Берлине Д. Стояи. Они убеждали руководство страны в том, что Гитлер, хотя и не просит об этом открыто, на самом деле желает участия Венгрии в походе против Советского Союза.

После нападения Германии на СССР Венгрия сделала лишь символический жест в адрес германского союзника по Антикоминтерновскому пакту — 23 июня 1941 г. она ра-

зорвала дипломатические отношения с СССР и сочла, что этим отдала должное своим обязательствам. Тогда фюрер обратился к Хорти с одной-единственной просьбой: укрепить венгерские границы на востоке. При этом он, конечно, не только предполагал, но точно рассчитал, что Венгрия все равно окажется втянутой в войну, потому что побоится отстать от своих соседей, Румынии и Словакии, тогда уже заявивших о своем участии в антисоветском походе. Сделанный венграми чисто символический жест был расценен в военных кругах Берлина так: «Это меньше того, что вы могли сделать». Немцы ожидали от Будапешта большего, а 26 июня 1941 г. германское верховное командование уже напрямую обратилось к командованию венгерской армии с предложением присоединиться к восточному походу. Премьер-министр Венгрии Л. Бардоши, при котором произошло вступление страны в антисоветскую войну, на судебном процессе над военными преступниками 7 января 1946 г. признал, что вступление в войну фактически произошло по «желанию немецкого государственного руководства»⁵. Он подтвердил, что на Венгрию оказывалось силовое давление, она не могла противостоять этому и была вынуждена занять место рядом с Германией.

Формальным поводом к вступлению Венгрии в антисоветскую войну послужили, как известно, воздушные налеты на страну с востока, в ходе которых подверглись пулеметному обстрелу железнодорожные линии и пассажирские поезда, было сброшено несколько бомб на город Кашша (ныне Кошице в Словакии). В результате бомбардировки погибло 30 человек и 285 получили ранения. Кто участвовал в этих налетах, историкам до сих пор не удалось выяснить. В результате официального расследования были найдены осколки бомб с клеймом ленинградского Путиловского завода, что и послужило для военных основанием утверждать: удары наносились советскими самолетами. Военным удалось убедить в этом и главу государства.

Долгие споры венгерских историков по этому вопросу в 70–80-е годы XX века (не исключавшие возможность случайного пограничного залета советских самолетов) привели участников дискуссии к выводу, что руководство СССР вряд ли стремилось к ухудшению отношений с Венгрией и в этом скорее были заинтересованы немцы. Другие же полагали, что налет мог быть совместной акцией германских и румынских военных. Прогермански настроенные генералы настаивали на советском авторстве бомбардировки, они были готовы на все, чтобы убедить руководство страны в необходимости выступить против СССР.

Как отразилась отмеченная воздушная акция в материалах ТАСС? В служебном выпуске агентства 27 июня 1941 г. в связи с бомбардировкой восточных территорий Венгрии со ссылкой на иностранные телеграфные агентства сообщалось: «Советские самолеты 26 июня около полудня обстреляли из пулеметов венгерский поезд вблизи Ясиня [тогда пограничный поселок Венгрии Кёрёшмезё. – Б.Ж.]. 26–27 июня на Кашшу [ныне Кошице, Словакия] сброшено 27 бомб, четыре из которых попали в здание почты, разрушив связь, нанесен ущерб военным сооружениям и другим объектам. Всего убито 20, тяжело ранено 28, легко ранено 23 человека». 28 июня ТАСС сообщил: «Вчера во второй половине дня советская авиация снова совершила налет на территорию Венгрии, 3 бомбардировщика сбросили восточнее Хуста несколько бомб, которые причинили незначительный материальный ущерб»⁶.

27 июня 1941 г. Венгрия сделала официальное заявление о том, что считает себя находящейся в состоянии войны с СССР. Впоследствии бывший премьер-министр Бардошши заявил, что «Советский Союз и Венгрия в результате этого провокационного враждебного нападения оказались в состоянии войны»⁷. Вопреки бытующим в литературе утверждениям, объявления войны, как такового, не было, констатировалось лишь то, что страны оказались «в состоянии войны».

На другой важный фактор вовлечения Венгрии в войну справедливо указал перешедший на сторону советской Красной Армии член венгерского Комитета национального освобождения М. Чомош, подавший 19 ноября 1944 г. докладную записку на имя Я. Вёрёша (хортистского генерала, совершившего такой же поступок, с апреля 1944 г. ставшего начальником генштаба венгерской армии). В этом обнаруженном нами архивном документе, в частности, говорится: «Уже в 1939 г. каждый сознательный трудящийся знал, что все командиры венгерских корпусов и работники Генерального штаба образуют единую прогерманскую группу. Члены этой группы уже по причине своего [немецкого] происхождения верили в победу Германии и, исходя из результатов этой войны, строили свои планы на личную карьеру. Воля главы государства уже тогда была бессильна перед этой закоренелой империалистической и ослепленной войной кликой»⁸. Данный фактор, несомненно, сыграл свою роль в вовлечении Венгрии в военную авантюру, в которой она абсолютно не была заинтересована. В отличие от Румынии, она никогда не имела претензии ни на одну пядь земли восточнее Карпатских гор. Венгрия, как известно, добивалась лишь возвращения ей отделенных от нее венгерских этнических территорий, включенных в 1920 г. в состав Румынии, Чехословакии и Югославии.

Вступление Венгрии в войну на стороне Германии стало свершившимся фактом после того, как в июле 1941 г. на советско-германский фронт был отправлен венгерский подвижной корпус. В его составе находились три бригады (1-я и 2-я механизированные и 1-я кавалерийская) под общим командованием генерал-полковника Ф. Сомбатхейи (с 1941 г. по апрель 1944 г. он возглавлял генштаб венгерской армии). Этот корпус совместно с немцами участвовал в боях на Уманском, Кировоградском и Днепропетровском направлениях. Согласно советским разведанным, потеряв 80 % танков и значительное количество личного состава,

корпус, точнее — его остатки, в начале декабря 1941 г. были возвращены в Венгрию.

Об этом, а также о венгерском военном контингенте и его дальнейшем участии в войне на стороне гитлеровцев сохранились архивные документы, в частности справка от 12 октября 1944 г. Эти сведения были составлены начальником ГРУ Красной Армии генерал-лейтенантом И. Ильичевым для заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. Г. Деканозова⁹. Следует, однако, отметить, что отправка подвижного корпуса на фронт в июле 1941 г. и его участие в боях имели для немцев больше символическое, чем военное значение, ведь сильная и хорошо оснащенная германская армия тогда еще не нуждалась в поддержке этого маломощного корпуса. Германское командование, которое с первых же часов антисоветской войны имело на своей стороне хорошо вооруженную румынскую армию, могло рассчитывать на поддержку финнов, получало подкрепление со стороны добровольно поддерживавших военную компанию итальянцев, а затем и словаков. Тем не менее Берлин ожидал доказательств и со стороны венгров, хотел знать, как поведут себя Хорти и его окружение. Ведь ранее венгры дважды отвергли приглашение фюрера принять участие в совместных военных действиях (против Чехословакии и Польши). Гитлеровцы хотели знать, готовы ли венгры предоставить хоть какое-нибудь доказательство своего реального союзнического участия. Присоединение Венгрии к общему антисоветскому походу, разумеется, имело для фюрера прежде всего политическое значение, ведь гитлеровские генералы, как отмечалось, были хорошо осведомлены о недостаточной оснащенности и устаревшем вооружении венгерской армии. И хотя она поспешно пополнялась и комплектовалась, по-прежнему оставалась слабой и плохо подготовленной.

В дальнейшем, согласно справке Ильичева, венгерские формирования численностью до шести дивизий до мая 1943 г.

включительно выполняли охранно-коммуникационные функции на оккупированных немцами территориях, образуя Восточную и Западную оккупационные группы. Первая — восточнее Киева, в районе Шостки, Капотни, Нежина, Чернигова и части Смоленска, вторая — западнее Киева, в районе Бердичева, Шепетовки и Городницы; обе осуществляли охрану коммуникаций, боролись с партизанами и строили дороги. С июня 1943 г. по май 1944 г. такие же функции выполняли сначала 9 легких пехотных дивизий в районе Брянска, Бреста, Харькова и Черновиц, а затем до середины 1944 г. — 7 таких же дивизий возле Бреста, Кобрина, Янова и Пинска¹⁰.

Свою роль в определении линии поведения венгерского политического руководства в 1944 г. сыграли события вокруг 2-й венгерской армии. Как известно, в середине 1942 г. по настоятельному требованию Гитлера эта армия (в ее составе — 3-й, 4-й и 7-й армейские корпуса, а также 1-я танковая бригада) под командованием генерал-полковника Г. Яни была отправлена на Восточный фронт. Она насчитывала в своем составе, по советским данным, 160 тыс. человек. С сентября 1942 г. до середины января 1943 г., находясь на Воронежском фронте, 2-я армия выполняла оборонительную функцию по линии фронта на западном берегу Дона протяженностью 200–210 км¹¹ и находилась под германским командованием группы войск во главе с генерал-полковником М. Вейхсем. Как известно, в ходе развернувшегося контрнаступления советских войск в январе 1943 г. 2-я венгерская армия была полностью разбита, а ее сохранившиеся малочисленные остатки переброшены для несения охранной службы в тылу¹².

Гибель армии под Воронежем имела катастрофические последствия для страны. С ее потерей Хорти и его окружение посчитали активные боевые действия Венгрии против СССР фактически завершенными, а Венгрия стала не только «колеблющейся», но и «увиливающей» союзни-

цей Германии. Потеря армии способствовала активизации поиска венгерским руководством путей выхода страны из войны. Правитель Венгрии М. Хорти с особой остротой почувствовал эту необходимость после потери своего старшего сына Иштвана — летчика-истребителя, погибшего в августе 1942 г. под Киевом в результате «несчастливого случая» (организованного, как полагают, не без участия гитлеровцев). Сын регента накануне гибели написал отцу письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я убедился в том, что немцам никогда не победить русских, нужно отказаться от союза с Гитлером. Жаль венгерских солдат, напрасно проливающих кровь»¹³.

Хортистское политическое руководство, включая премьер-министра М. Каллаи, в дальнейшем проводило политику «качелей» и лавирования, по мере возможности торпедировало все требования фюрера по депортации евреев из страны, саботировало отправку свежих сил на Восток. Правительство искало пути сепаратного выхода Венгрии из войны, тайно налаживая контакты с западными союзниками, членами антигитлеровской коалиции в Стокгольме, Лондоне, Женеве, Берне, Лиссабоне и Турции¹⁴. Правда, эти переговоры проходили натянуто, с перерывами и не оправдали ожиданий. Западные страны советовали венграм договариваться на сей счет с Москвой.

Параллельно с этим Хорти в 1943–1944 гг. неоднократно добивался от фюрера — правда, тщетно — возвращения на родину остатков разбитой на Дону 2-й венгерской армии. Речь шла о приблизительно 60–70 тыс. солдат и офицеров, и еще 5–6 тыс. человек, отбывавших в армии трудовую повинность¹⁵. С января 1944 г. Хорти, при полном согласии премьер-министра Каллаи, дал указание начальнику генштаба армии генерал-полковнику Ф. Сомбатхейи добиться от Берлина возвращения венгерских оккупационных сил на родину (в крайнем случае, их перемещения в Галицию), мотивируя это тем, что страна больше «не может обходить-

ся без них, они нужны для защиты восточных границ». Во время переговоров Сомбатхейи с маршалом В. Кейтелем и Гитлером по этому вопросу те наотрез отказывались даже обсуждать такую идею, ссылаясь на то, что эти силы нечем заменить. Венгерские же политики, как отмечал в своих воспоминаниях впоследствии прежний начальник генштаба венгерской армии В. Надьбацони-Надь¹⁶, рассчитывали на то, что если границы Венгрии в 1944 г. будут охранять только венгерские войска, то Красная Армия, преследуя немцев, может обойти ее территорию. Если же развитие событий пойдет иначе, то возникнет больше возможностей заключить сепаратный мир с СССР и вывести страну из войны.

Однако Гитлер, имея на то свои причины, не хотел и слышать об этом. К тому же он не без основания начал подозревать Будапешт в поисках контактов с союзными державами на Западе. Фюрер не был удовлетворен и мерами венгерского правительства по «еврейскому вопросу» (принятие двух законов, ограничивавших права евреев, для него было недостаточно), поэтому, начиная с апреля 1943 г. и весной 1944 г. он потребовал от Хорти радикального решения этого вопроса. Недовольство вызывала у Берлина политика и деятельность правительства М. Каллаи в целом. Все эти исторические обстоятельства, на которые прежде исследователи обращали мало внимания, сыграли свою роль в событиях, имевших место в Венгрии в 1944 году.

12 февраля 1944 г. Хорти снова направил очередное личное письмо Гитлеру¹⁷ с настоятельной просьбой вернуть остатки венгерских войск на родину или хотя бы переместить их ближе к Карпатам. Он ожидал быстрого ответа, но фюрер ответил молчанием.

Спустя несколько недель, 15 марта 1944 г., германский посол в Будапеште Д. Ягов неожиданно попросил срочной аудиенции у главы венгерского государства. Явился он к Хорти прямо в Будапештский оперный театр, где пожилой правитель Венгрии находился на спектакле. Не дожидаясь

окончания представления, посол прямо в перерыве вручил ему послание Гитлера, кратко проинформировав о предложении фюрера лично встретиться с Хорти уже 18 марта в штаб-квартире в Клесхейме для обсуждения «положения в мире, в России и вопроса о возвращении на родину венгерских войск». Венгерское руководство и не подозревало об истинных намерениях и причинах приглашения Хорти в ставку фюрера. Гораздо больше знал об этом имперский министр пропаганды Й. Геббельс, который в своем дневнике еще 4 марта 1944 г. записал, что Гитлер «намерен заставить венгерское руководство подать в отставку, арестовать правительство, взять под стражу Хорти и попытаться создать новое правительство»¹⁸.

Гитлеровское военно-политическое руководство, располагая достаточно полной информацией о реальной ситуации в Венгрии, о внешнеполитических устремлениях и внутренней политике правительства М. Каллаи, вызывающего недовольство, и даже возмущение у фюрера, уже в начале 1944 г. имело разработанный план оккупации Венгрии. В конце февраля этот план под названием «Маргарет-I» приобрел окончательный вид, 11 марта уже был определен конкретный срок его исполнения, а 12-го числа его подписал Гитлер. В соответствии с планом немецкие войска одновременно с четырех сторон вторгались на территорию Венгрии, чтобы овладеть всей западной частью страны до реки Тиса. В соответствии с этим были определены территории южной, юго-западной, северо-западной и северной групп оккупационных войск. В их состав были включены также 5 дивизий и бригад СС. Четырем группам оккупационных войск предстояло разоружить находившиеся в стране малочисленные венгерские вооруженные силы, взять под контроль стратегические объекты, мосты и дороги. Овладеть Будапештом (операция «Троянский конь») были призваны четыре укрепленных батальона, которым предстояло наступать на венгерскую столицу со стороны Вены и

из-под Белграда. Восточную зону гитлеровской оккупации предполагалось определить в зависимости от политической ситуации¹⁹. Характерно, что по первоначальному варианту для оккупации Венгрии Берлин по договоренности с И. Антонеску и Й. Тисо предполагал использовать также военные формирования Румынии и Словакии²⁰. Некоторые подробности участия этих сил стали известны благодаря штурмбаннфюреру СС В. Хёттлу, бывшему референту службы германской внешней разведки, непосредственно подчинявшегося В. Шелленбергу. «Когда Гитлер убедился в том, – отмечал этот хорошо информированный эсэсовец, – что Хорти и его сторонники вопреки всему продолжают свои тайные дипломатические переговоры с англичанами и американцами, он принял решение – оккупация! Причем она должна была стать такой, какой ее давно разработали военные – с привлечением румынских и словацких войск, с разоружением и прочим»²¹.

Подготовка к военной оккупации Венгрии уже была завершена, когда МИД Германии, взяв за основу старую идею Везенмайера, предложил фюреру заменить чисто военную по характеру операцию на «эволюционное решение». Новый план фюреру изложил Й. Риббентроп 15 марта 1944 г. Его суть заключалась в следующем: пригласить Хорти в ставку и добиться от него согласия на мирную оккупацию Венгрии, создать вместо непослушного правительства Каллаи новое, отвечающее интересам Германии. Авторы плана были уверены, что венгерские руководители, разочаровавшись и потеряв надежду получить поддержку от англосаксонских стран, убедившись в их медлительности и одновременно испытывая страх перед большевизмом, при оказании на них давления во время предстоящих переговоров согласятся на «мирную оккупацию» страны. К тому же немцы рассчитывали на то, что при данном варианте будет соблюдена видимость законности действий германских войск.

После таких подготовительных шагов германский посол в Венгрии Д. Ягов получил указание в этот же день вручить Хорти приглашение в Клесхейм на 18 марта. В Будапеште помнили «головомойку» фюрера почти годичной давности – за поражение 2-й венгерской армии на Дону, бездействие венгерского правительства в «еврейском вопросе», поиски контактов с западными странами; но тогда Хорти сумел защитить Каллаи. И теперь, посчитав, что если даже придется выслушать новые упреки Гитлера, следует поехать, чтобы при личной встрече убедить его вернуть венгерские войска на родину. Мысль о возможной оккупации страны окружению Хорти не приходила в голову.

Приглашение в Клесхейм на самом деле было хитроумной приманкой, о которой Хорти не подозревал. Он попал в расставленную Гитлером ловушку. Первоначальное намерение Хорти ответить отказом перевесили надежда и возможность вернуть венгерских солдат на родину. Некоторые сомнения и опасения, которые возникли у главы государства, в следующий же день были развеяны на совещании с премьер-министром М. Каллаи, министром иностранных дел Е. Гици, министром обороны Л. Чатаи и начальником генштаба Ф. Сомбатхейи. Последнему удалось убедить адмирала в целесообразности поехать на встречу. Его главным аргументом было то, что лишь Хорти способен убедить Гитлера в необходимости возвращения в страну венгерских войск. С этим согласился даже осторожный Чатаи²². Только Каллаи, который к тому же остался без экстренной связи с членами делегации, словно предчувствуя беду, накануне отъезда делегации предлагал главе государства отменить поездку. Однако надежда на лучшее победила.

Впоследствии выяснилось, что в генштабе венгерских вооруженных сил еще с начала марта 1944 г. из пограничных гарнизонов стали поступать донесения о сосредоточении немецких войск вблизи венгерской границы. Среди них была телеграмма, отправленная 8 марта начальником

гарнизона из города Сомбатхей на западе страны, которая заканчивалась иронической фразой: «Перед нами русские, позади немцы, над головами — англичане. Жду приказаний»²³. Однако генералитет, где было немало лиц немецкого происхождения, не обращал на них достаточного внимания или не принимал их всерьез. Правда, по настоянию премьер-министра, у которого все же закрались некоторые сомнения, МИДу и главному командованию армии было дано задание выяснить в соответствующих ведомствах причины концентрации армейских сил немцев у границы. Были получены успокоительные ответы.

Итак, 17 марта 1944 г. Хорти по приглашению Гитлера в сопровождении главы венгерского МИДа Е. Гици, министра обороны Л. Чатаи и начальника генштаба Ф. Сомбатхейи отправились в Клесхейм вблизи Зальцбурга. 18 марта 1944 г. они сели за стол переговоров с фюрером в его штаб-квартире, практически не имея представления об истинных намерениях гитлеровского руководства, которое и не помышляло обсуждать главный для Венгрии вопрос — возвращение венгерских солдат на родину.

Делегации, особенно Хорти, пришлось пережить беспрецедентные в дипломатической практике часы унижения и горьких испытаний. Гитлер в самом начале встречи без каких либо предисловий, не давая членам делегации слова для ответа, обрушил на Хорти лавину унижительных упреков и обвинений, граничивших с ругательствами. Его обвинения касались венгерских дипломатов, искавших пути к заключению мира с западными странами. Фюрер был крайне недоволен деятельностью правительства М. Каллаи, а затем последовало особенно поразившее главу венгерского государства заявление фюрера о решении оккупировать Венгрию.

Хорти, как только появилась возможность вставить слово в излияния фюрера, попытался опровергнуть обвинения. Когда же услышал о принятом Гитлером решении начать военное вторжение в Венгрию (при этом фюрер положил

перед ним подготовленный для подписания текст соглашения о том, что немецкие войска вводятся в Венгрию с его согласия)²⁴, возмущенный Хорти в своем первом порыве вскочил со стула и покинул зал заседания. Он собирался тут же уехать из Клесхейма, но выяснилось, что он вместе с членами всей высокой делегации фактически лишен связи с Будапештом и стал пленником гитлеровцев.

Из высшего политического руководства в венгерской столице остался только премьер-министр Каллаи, к которому у фюрера были особые претензии. В нем, как подчеркивает известный венгерский историк М. Ормош, «Гитлера больше всего возмущало то, что в Венгрии сохранялся „еврейский эдем“, а Каллаи продолжал политику „качелей“; все это привело к тому, что терпение фюрера лопнуло еще в феврале, когда Хорти к тому же заявил о своем требовании отозвать венгерские войска с Восточного фронта»²⁵.

Здесь небезынтересно сослаться на один из документов, поступивших в советское внешнеполитическое ведомство еще в начале марта 1944 г., до оккупации Венгрии. В испанском городе Толедо проходила международная конференция солидарности с преследуемыми народами, и положению в Венгрии была дана следующая оценка: «Венгрия является единственной страной Европы, где в лагерях беженцам созданы условия для нормального существования, где сохранился единственный оазис покоя в беспокойной Европе. В Венгрии нашли убежище 75 000 солдат [союзников] и более 100 000 евреев. Мы должны отметить, что если еврейская раса вообще переживет нынешнее тяжелое время, то за этот вклад мы должны благодарить Венгрию. Мы должны откровенно сказать, что это характеризует венгерский народ, показывает, как он себя проявляет и какую позицию занимает, — это должны признать даже его самые ярые критики»²⁶. И это делала хортистская Венгрия, союзница Германии. Правда, с середины марта 1944 г. ситуация коренным образом изменилась.

18 марта 1944 г. члены венгерской делегации, оказавшись в ловушке в Клесхейме, все же смогли убедить Хорти еще раз встретиться с Гитлером. Произошло это в тот же день после неудавшихся попыток со стороны Ф. Сомбатхейи, а затем и Й. Гици убедить сначала В. Кейтеля, а затем самого фюрера в нецелесообразности оккупации. Но в 17 часов Гитлер уже отдал приказ о реализации плана «Маргарета», означавшего начало оккупации Венгрии, которой Хорти так и не смог помешать. Затем фюрер попросил к себе Хорти, шантажируя его тем, что если он решит покинуть свой пост и не согласится на образование угодного Германии правительства, в оккупации примут участие румыны, хорваты и словаки. При этом он заверял Хорти в том, что, «как только Вы назначите такое правительство, которое будет пользоваться моим доверием, войска будут выведены из Венгрии»²⁷.

Глава венгерского государства оказался перед выбором: демонстративно уйти со своего поста или воспользоваться малыми возможностями и остаться, чтобы сохранить хотя бы ограниченный контроль над ситуацией в стране, а главное — не допустить к власти ярых германофилов, нилашистов из партии «Скрещенные стрелы». Он выбрал второе. Данное фюрером обещание склонило его к некоторому компромиссу. Осознав, что оккупации помешать уже невозможно, Хорти счел возможным согласиться на смену правительства. При этом он не дал своего согласия на ввод германских войск в Венгрию, хотя на самом деле был вынужден признать сам факт оккупации; как сам Хорти, так и члены его делегации на этой встрече отказались подписывать какие-либо документы и заявления. Хорти отверг даже просьбу Риббентропа подписать подготовленное его ведомством совместное коммюнике о переговорах, заявив, что «все это ложь». Несмотря на отказ регента, немецкие информационные агентства и ведомства распространили информацию о том, что венгерский руководитель «понял

намерения фюрера и принимает его требования». Хорти сохранил свой пост, согласился продолжать выполнение обязанностей главы государства в надежде на то, что тем самым сможет умерить также некоторые чрезмерные немецкие требования, сдерживать объем поставок, а, возможно, со временем вернуть суверенитет страны²⁸.

18 марта в 21 час поезд с членами венгерской делегации отправился из Клесхейма в обратный путь, но по указанию Гитлера в Линце его задержали до 4 часов утра 19 марта, чтобы гитлеровские оккупационные силы успели пересечь венгерскую границу. После «переговоров» фюрер несколько скорректировал план оккупации, отказавшись от устрашающего пролета немецкой авиации над Будапештом, от привлечения румын и словаков и распорядился о «мирном вводе войск» в венгерскую столицу, а разоружение венгерских войск заменил их переводом на казарменное положение. Следовавший в одном поезде с Хорти начальник генштаба Ф. Сомбатхейи по пути следования дал телеграмму в Будапешт не оказывать сопротивления вводу гитлеровских войск на территорию Венгрии²⁹.

Тем временем в Венгрию на рассвете 19 марта с четырех направлений вводились войска вермахта в составе 8 дивизий численностью около 100 тыс. человек, которые наводнили западную часть страны до течения реки Тисы, практически не встречая сопротивления. В этом сыграла свою роль и телеграмма Сомбатхейи в генштаб венгерской армии. В Нови-Саде немцы еще разоружили гарнизон, но в дальнейшем подчинились приказу фюрера о «мирной оккупации». Небольшое сопротивление оккупантам оказали, однако, в Шопроне, Дьёре, Секешфехерваре и вблизи Будапешта, в аэропорту в Будаёрше³⁰. Правда, на востоке страны (вне зоны оккупации) гарнизоны и командующие округами в городах Дебрецене, Коложваре (ныне Клуж в Румынии) и Ниредьхазе без команды из центра подняли войска по тревоге, но столкновений не было.

С началом ввода войск гитлеровцев премьер-министр М. Каллаи в 2 часа ночи собрал совещание заместителей соответствующих ведомств для выяснения ситуации и шансов на военное сопротивление. На нем присутствовали И. Сентмиклоши (МИД), генерал-полковник Ф. Русицаи-Ридигер (МО), генерал-полковник Й. Байноци (генштаб), генерал-лейтенант Й. Мадьяроши (начальник группы военно-воздушных сил МО), начальник полиции Й. Шомбор-Швейнитцер (МВД) и другие высокие военные чины. На вопрос Каллаи о возможностях оказания вооруженного сопротивления все (кроме генерал-полковников И. Надаи и Б. Миклоша) заявили о его безнадежности, обосновывая это тем, что в стране нет достаточно подготовленных вооруженных сил, прошедших должную подготовку. Отрицательно была оценена и возможность эвакуации правительства в восточный регион страны³¹.

Поезд Хорти вернулся в уже оккупированный Будапешт, в королевский замок, где им было проведено заседание Коронного совета. Еще по пути в столицу к Хорти в поезд явился германский посол Ягов и представил ему будущего «имперского уполномоченного» в Венгрии. Им оказался Э. Везенмайер, ставший одновременно и полномочным наместником Гитлера в стране. Ему было поручено держать под контролем Хорти, не допуская его к слишком активному вмешательству в политическую жизнь. На заседании Коронного совета 19 марта венгерский руководитель доложил о «переговорах» в Клесхейме, отметив, что фюрер заверил его в том, что, в отличие от Чехии, которая «всегда принадлежала империи», он не собирается превращать Венгрию в германскую провинцию. Хорти также довел до сведения Коронного совета, что, в отличие от него самого, «рейх не доверяет правительству Каллаи»³², и поэтому придется подчиниться требованию о формировании нового кабинета министров. Коронный совет поддержал Хорти в его решении. Получив от премьер-министра заявление об отставке, он

снова выразил ему свое полное доверие. Каллаи же, со своей стороны, попытался уговорить Хорти отойти от всех дел и больше не подписывать никакие государственные бумаги, отказаться и от поста главнокомандующего армией. Сам Хорти по уже указанным мотивам не согласился с этим и по решению Коронного совета решил остаться на посту главы государства. Хотя и под неусыпным контролем германского наместника и гестапо, он хотел попытаться спасти то, что еще было возможно, а главное — не допустить к власти нилашистских фашистов, ярых сторонников Гитлера.

В советских политических и венгерских эмигрантских кругах в Москве по-разному воспринимали и оценивали мартовские события 1944 г. в Венгрии. Они, конечно, не располагали достоверными сведениями об обстоятельствах гитлеровской оккупации страны. Хотя в Москву поступали информационные сообщения по разным неофициальным и официальным каналам, они были недостаточны для объективной оценки, тем более не могли убедить венгерскую коммунистическую эмиграцию, в рядах которой появились разные представления и толкования произошедшего. Ярые противники Хорти заподозрили его не только в том, что он не просто добровольный «союзник и сообщник Германии», но традиционно выражали сомнение даже в самом факте гитлеровской оккупации страны. Некоторые из них называли оккупацию просто слухами и традиционно обвиняли Хорти и его окружение в сговоре с Гитлером³³. О реальных обстоятельствах встречи в верхах в Клесхейме не имели достоверной информированности даже в Наркоминделе СССР. Подтверждением тому может служить статья «Оккупация Венгрии Гитлером», опубликованная в московском журнале «Война и мир» (№ 7 за 1944 г.), где в уже привычном пропагандистском духе говорилось о «тесном и добровольном сотрудничестве Хорти с Гитлером», о «хортистском фашизме», что на самом деле не соответствовало действительности. Но эта публикация заставила венгерского эмигранта

З. Липпай, научного сотрудника Института мирового хозяйства и мировой экономики Академии наук СССР, выступить против упрощенного подхода к толкованию событий. Липпай поставил под сомнение ряд положений этой статьи, составив специальную докладную записку 10 апреля 1944 г. и направив ее в НКВД СССР на имя заместителя наркома В.Г. Деканозова. З. Липпай опровергал ложную версию о «полном сговоре Хорти с Гитлером» и убедительно показывал, что правитель Венгрии на самом деле оказался пленником фюрера, а после возвращения в Будапешт был вынужден приспособливаться к условиям оккупации, стремясь в меру своих возможностей помешать приходу к власти явных фашистов. Ученый догадался, что Хорти на посту главы государства был нужен Гитлеру именно для того, чтобы создать видимость существования «сговора» между ними. При этом с помощью логики и конкретных примеров Липпай аргументированно доказывал отсутствие сговора как такового. Он отмечал также, что сохранение Хорти на посту главы государства вызвало определенное «замешательство в рядах тех офицеров и чиновников, которые были настроены антигермански и верили Хорти как гаранту национальной независимости»³⁴.

В докладной записке З. Липпай подчеркивалось также, что «использовать Хорти, подобно Гахе [имеется в виду роль Гахи в развале Чехословацкого государства. — Б.Ж.], Гитлеру полностью не удалось. Фюрер, — подчеркивал ученый, — добился от Хорти всего лишь „назначения” Стояи премьером». Отвергая возможность «совместной игры» Хорти с Гитлером, Липпай не только исключил подобную версию, но и указал, что при наличии соглашения и союза между ними «отпала бы необходимость вторжения германских войск, не было бы нужды в проведении “внутреннего переворота”»³⁵. Знания и интуиция ученого, как выяснилось впоследствии, сделали его аналитические выкладки наиболее точными и достоверными. Другой вопрос, что они

не могли поменять уже сложившиеся стереотипы и представления о Венгрии и «клике Хорти». Окончательное выяснение объективных обстоятельств и факторов осталось за исследователями проблемы, за исторической наукой.

Здесь уместно отметить, что советский наркоминдел, проявивший в условиях военного времени закономерный интерес к событиям в Венгрии, располагал определенными сведениями о ведущих политиках страны, среди них и о премьер-министре М. Каллаи. После гитлеровской оккупации страны в этих материалах, собранных у НКВД СССР, Каллаи правомерно предстает как преданный сторонник Хорти, долгое время умело лавировавший при взаимоотношениях с Германией, но вместе с тем он характеризуется также как человек слабый, не решившийся открыто выступить против Гитлера. Это давало основания для определенных сомнений и даже подозрений относительно политических шагов и поступков этого, по существу антифашистского, политика. Так, в одном из документов, составленных на основе информационных сообщений, полученных 21 марта 1944 г. из Стокгольма, ему была дана такая характеристика: «За период пребывания на посту премьер-министра Каллаи, видя неизбежность поражения Германии, постепенно удалял из правительства «наиболее рьяных проводников политики сотрудничества с Германией» и стремился постепенно создать кабинет, способный в подходящий момент договориться с союзниками о секретном выходе Венгрии из войны». В полученной же 15 июня 1944 г. из Будапешта от турецкого журналиста Шарифа Арзыка информации указывалось на то, что Каллаи начал заигрывать с союзниками, но не смог отказать и немцам в выполнении ранее взятых на себя обязательств. При этом справедливо подчеркивалось, что при нем «венгерское правительство стало посылать меньше войск на Восточный фронт и чаще уклоняться от выполнения требований немцев». Вслед за этим был сделан вывод о том, что, «поскольку надежды Каллаи на кон-

такт с союзниками стали нереальны, ... он прямо не выступил против немцев». Вслед за этим был сделан вывод о том, что «такая политика не могла не кончиться крахом».

Политика Каллаи вызывала недовольство со стороны Германии и, как справедливо подчеркивалось в одном из агентурных донесений в адрес начальника 1-го Управления Наркомата госбезопасности СССР Фитина, «давление Берлина на Каллаи нарастало»³⁶.

Эта характеристика Каллаи и его политики была справедлива. В то же время встречались и информационные материалы, которые искажали либо недостоверно истолковали события в Венгрии, не имея объективных сведений о реальных процессах, происходивших в стране. Эти материалы, в частности, касались и возможностей правительства Каллаи. Так, в одном документе, в связи с резким изменением ситуации в результате оккупации страны гитлеровцами, отмечалось, что Каллаи «ничего не понял в этой обстановке и проявил бессилие в тот момент, когда немцы предъявили Венгрии ультиматум. Вместо того чтобы оказать сопротивление немцам, он бросил все свои дела премьер-министра и прибежал в турецкое посольство»³⁷. Эта информация, конечно, искажала реальное положение вещей: ведь фашистская оккупация угрожала многим, включая самого премьера Каллаи.

Политика премьер-министра была осторожной и расчетливой, ориентированной на перспективу. Как справедливо отмечалось в информационных материалах, поступавших из венгерской столицы в Москву, «Венгрия дала приют не только тысячам поляков, но и многим тысячам французов, а также нескольким сотням английских подданных, бежавших из Германии. Немецкая оккупация уготовила бы ужасную участь всем этим беженцам, не говоря уже о евреях. Видя, какие репрессивные меры были приняты немцами в Северной Италии, евреи Будапешта стали просить правительство избегать всего, что могло бы спровоцировать

немцев»³⁸. И тем не менее оккупация стала суровой реальностью, помешать которой в сложившихся непростых условиях не мог ни Хорти, ни оставшийся в стране М. Каллаи. Как было показано, ввиду ряда обстоятельств он не мог решиться на бесперспективное вооруженное сопротивление, ведь остановить поток сил вермахта уже было невозможно.

Другой вопрос, что как Хорти, так и правительство Каллаи упустили время, не подготовив заранее необходимые оборонительные силы, способные отразить гитлеровское вооруженное вторжение. Впрочем, нельзя не отметить, что на опасность гитлеровского вторжения еще в феврале 1944 г., когда в стране под ружьем находилось до 360 тыс. человек³⁹, обращал внимание депутат венгерского парламента Э. Байчи-Жилински. В письме на имя премьер-министра он указывал на необходимость подготовки армии, прежде всего, для защиты рубежей страны. Он писал тогда, что для этого «следует добиться увольнения из армейских рядов всех офицеров, включая находящихся на самых высоких постах генералов, которые представляют немецкие интересы и готовы пожертвовать судьбой Венгрии»⁴⁰. Предлагаемые им своевременные действия по подготовке сил внутренней обороны (в середине марта 1944 г. на территории Венгрии вместе с незначительными военными силами на востоке базировалось почти 494 тыс. мобилизованных под ружье людей)⁴¹, возможно, могли бы дать шанс на кратковременный успех сопротивления оккупантам. Время, однако, было упущено. Не ожидая военного вторжения со стороны «союзника», Венгрия и ее высшее государственное и военно-политическое руководство оказались перед суровой реальностью.

Вместе с войсками вермахта в Венгрию прибыли агенты гестапо и СС, а также служба безопасности (СД), которые имели заранее подготовленный список почти 400 ненадежных венгерских политических и общественных деятелей — депутатов парламента, журналистов, социал-демократов, руководителей профсоюзов. Их планировалось арестовать.

В числе арестованных сразу же оказалось 9 депутатов верхней и 13 — нижней палаты парламента. Из них только депутат парламента антифашист Э. Байчи-Жилински 19 марта 1944 г. на своей квартире оказал вооруженное сопротивление эсэсовцам при аресте. Отстреливаясь из пистолета, он был тяжело ранен, связан и взят в плен гестапо⁴². Сам премьер-министр М. Каллаи избежал ареста только благодаря тому, что успел по подземному коридору покинуть королевский замок и укрыться в турецком посольстве⁴³. А бывшему премьер-министру (в 1920-х годах) графу И. Бетлену, открытому стороннику Хорти и его советнику по выводу страны из войны, приходилось долго прятаться от гестапо в Трансильвании. До конца марта 1944 г. гитлеровцы арестовали 3369 человек, а к 28 апреля их число выросло до 8240. Среди них было немало иностранных граждан, которых собрали в будапештской гостинице «Рояль», превращенной во временный специальный накопитель для арестованных. Среди них были сбежавшие из плена военные и гражданские лица, получившие убежище и скрывавшиеся от гитлеровцев в Венгрии. В их числе оказалось 5450 поляков, 812 французов, 39 англичан, 11 американцев, 16 бельгийцев и 180 советских граждан, а также представители итальянского легиона⁴⁴.

Во время оккупации полномочным хозяином страны был имперский наместник Э. Везенмайер. Главой квислинговского правительства по его требованию был назначен прогерманский политик Б. Имреди, которого в свое время сам Хорти, именно за его приверженность Гитлеру, отстранил от власти. Везенмайер настаивал на включении в состав кабинета Имреди тех политиков, которых Каллаи в свое время собирался освободить или даже освободил от занимаемых должностей. М. Хорти, в условиях гитлеровской оккупации сохранивший свой пост главы государства, под неусыпным контролем Везенмайера пытался выполнять свои функции. Поначалу он хотел сформировать лишь вре-

менное, так называемое техническое, или переходное, правительство с ограниченными функциями, но угрозы со стороны фюрера заставили его отказаться от этой идеи. Тем не менее Хорти не согласился на предлагаемую Везенмайером кандидатуру Б. Имреди на пост премьер-министра. Когда обстановка вокруг назначения Имреди и кандидатов на другие министерские посты накалилась и процесс согласования кандидатур затянулся, Гитлер по просьбе Везенмайера остановил начатый еще 20 марта частичный вывод войск из венгерской столицы. Немецкие оккупационные войска были подняты по тревоге и получили приказ начать подготовку к военному захвату Дворцового замка в Будапеште и оккупации всей восточной территории страны⁴⁵. В результате компромисса 23 марта 1944 г. новым премьер-министром оккупированной Венгрии Хорти назначил бывшего венгерского посла в Берлине, Дёме Стояи, который сохранил за собой также пост руководителя МИД. Министром обороны остался беспартийный Чатаи.

В материалах НКВД СССР Д. Стояи был охарактеризован как «ярый германofil, который пользовался полным доверием всех германских военных и политических кругов». Все же он был более удобен для Хорти, чем Имреди. В краткой биографии Стояи указывалось на его хорватское происхождение, отмечалось, что «его настоящее имя Душан Строжанович» [на самом деле Стоянович. — Б.Ж.], что он, «пробыв долгое время за границей, начал забывать венгерский язык и сейчас говорит плохо, с большим акцентом». Отмечалось также, что люди, сталкивавшиеся с ним, характеризовали его как «недалекого и малокультурного человека»⁴⁶.

Образование нового венгерского правительства во главе с Д. Стояи не помешало активным самостоятельным действиям СС и гестапо, которые продолжали аресты неугодных политиков и общественных деятелей. В числе арестованных оказались и высокопоставленные военные. 17 апреля гестапо

арестовало генерал-полковника Д. Кадара, возглавлявшего в генштабе 2-й отдел. Ему были предъявлены обвинения по 26 пунктам, из которых стало очевидным, что гитлеровцы были осведомлены даже о самых секретных данных венгерской ставки. По просьбе германского посла в Будапеште был задержан и предстал перед военно-полевым судом даже начальник штаба армии генерал-полковник Ф. Сомбатхейи, обвиненный в поисках контактов с западными странами, но был оправдан. Несмотря на это, ему также пришлось скрываться, так как его дело так и не закрыли вплоть до захвата власти нилашистами. Новым начальником генштаба по требованию немцев стал генерал-лейтенант Я. Вёрёш, получивший вскоре звание генерал-полковника. На этот пост Хорти сначала назначил генерал-полковника Г. Лакатоша, но под немецким давлением ему пришлось заменить Лакатоша на кандидатуру Вёрёша. В военном отношении правительство Стояи тоже было вынуждено полностью подчиниться германским требованиям⁴⁷. Для контроля над венгерской армией, которая была заблокирована в казармах, а также над военно-воздушными силами страны Берлин назначил своих уполномоченных. Впрочем, фюрер, который при последней встрече с Хорти дал обещание, что, если глава государства не покинет свой пост и будет образовано приемлемое для Берлина венгерское правительство, сразу же распорядится о выводе из страны оккупационных войск, конечно, не сдержал слова.

Оставшись у власти, Хорти по традиции сам назначал министров, по ходатайству которых утверждал государственных секретарей, мэра столицы и глав комитатов (областей), т.е. руководителей администрации, а также университетских преподавателей. Однако в период оккупации, особенно на ее начальном этапе, как уже говорилось, в назначения на высшие государственные посты часто вмешивались высокопоставленные гитлеровцы. Хорти сохранил за собой право предварительного визирования важнейших прави-

тельстванных указов и законов. Назначение правительства, выполнение правителем функций главы государства (хотя и под немецким контролем) для внешнего мира создавали видимость некой преемственности власти и сохранения государственной независимости даже в условиях оккупации. И все же глава государства и правительство, находясь под контролем Везенмайера, далеко не все могли делать самостоятельно. Это особенно касалось решения «еврейского вопроса» и вопроса внешнеполитических связей, чтобы не допустить контактов Венгрии с западными союзниками с целью выхода из войны. Имперский наместник и его относительно небольшой штат контролировали также печать и экономику. Единственным положительным для населения моментом было то, что даже в условиях оккупации действовала традиционная венгерская гражданская администрация, а не немецкая военная. Формально существовал даже венгерский «суверенитет»: работали государственные учреждения и органы местного самоуправления, однако гитлеровские органы безопасности и полиция при этом могли беспрепятственно и без каких-либо ограничений поступать с гражданами страны по своему усмотрению. Более того, в июне 1944 г. фюрер пригрозил Хорти, что если его «замковая клика» в какой-либо форме «попытается вмешаться в политическую сферу [это касалось преимущественно внешних связей. — Б.Ж.], то немецкая служба безопасности СС тут же примет меры по ее аресту и в течение 24 часов расстреляет»⁴⁸. Были и другие вопросы, которые не решались без согласия Берлина, точнее, решались прямо по указанию Гитлера (как, в частности, было с «еврейским вопросом»).

Вместе с оккупационными войсками в Венгрию со специальным заданием прибыл и небезызвестный оберштурмбаннфюрер СС А. Эйхман со своим уже опытным штабом, насчитывавшим несколько сотен человек, для проведения депортации евреев. Они безотлагательно приступили к делу, от которого воздерживались Хорти и Каллаи, несмотря на

требования фюрера. Хотя служба безопасности СС и гестапо в оккупированной Венгрии, по некоторым данным, имели аппарат численностью всего 500–600 человек⁴⁹, они бесконтрольно хозяйничали в стране, не требуя на то согласия венгерских властей. Выбрав себе помощниками пособников из системы МВД (таких, как А. Ярош, Л. Эндре и Л. Баки)⁵⁰, команда Эйхмана действовала активно и решительно, начав собирать евреев в гетто и вывозить в Германию. Целе-направленные действия антисемитских отрядов начались в провинции, прежде всего на восточной окраине страны, где накопилось также немало галицийских евреев-беженцев из Польши и Украины. Последних частично отправляли обратно, в свои родные места, на уже занятые гитлеровцами территории, где их судьба также была предрешена, остальные вывозились в Германию (якобы в трудовые, но на самом деле в концентрационные лагеря). Об отправке в Германию первого эшелона с 1800 евреями⁵¹ Везенмайер сообщил в Берлин уже 29 апреля. Массовая же депортация проводилась с 15 мая по 10 июля 1944 г. С территории Венгрии в общей сложности было депортировано 437 тыс. 402 еврея⁵², причем большинство из них в итоге оказалось в Ауш-витц-Биркенау⁵³. Депортация продолжалась до тех пор, пока правитель оккупированной Венгрии решительно не остановил этот процесс. Он получил достоверные сведения о судьбе вывезенных из страны евреев. Свидетельства очевидцев и сбежавших из лагерей заключенных, письма от представителей католической и реформатской церквей, а также участвовавшие зарубежные протесты заставили Хорти действовать, несмотря на условия оккупации. Личное вмешательство регента летом 1944 г. помогло спасти жизнь многих (по некоторым подсчетам, около 200 тыс.)⁵⁴ будапештских евреев. Депортация была прекращена. Имея на руках письменное требование главы государства, правительство Стояи 21 июня вынесло решение о ее немедленном прекращении. Затем 26-го числа Хорти, собрав заседание

Коронного совета, потребовал немедленного снятия со своих постов упомянутых венгерских пособников депортации евреев⁵⁵. На следующий день правитель вызвал к себе Везенмайера и решительно заявил ему, что не допустит вывоза из страны ни одного вагона с евреями, хотя они и останутся в гетто⁵⁶. Вмешательство главы государства, даже в условиях оккупации, помешало осуществлению гитлеровской идеи об «окончательном решении еврейского вопроса» в стране.

Когда в конце марта 1944 г. линия фронта приблизилась к Карпатам, советские войска уже освободили города Каменец-Подольский, Тернополь и Черновцы, Гитлер был вынужден вывести из Венгрии часть оккупационных сил, отправив на фронт 367-ю пехотную и 100-ю горнострелковую дивизии. Одновременно он обратился к румынскому диктатору И. Антонеску с предложением послать свежие дивизии на буковинский фронт. Тот согласился взамен на передачу Румынии Северной Трансильвании, принадлежавшей тогда Венгрии. Вскоре, сославшись на военную необходимость, фюрер объявил территорию всей Венгрии немецкой зоной боевых действий⁵⁷.

Военная обстановка и нехватка живой силы заставили гитлеровцев снять блокаду с венгерских казарм и после 28 марта 1944 г. использовать венгерских военных для немецких нужд, в том числе под германским контролем даже отправлять их на передовую. Так, усилиями германского военного атташе в Венгрии Ганса фон Грейффенберга гитлеровцы добились согласия венгерского генштаба и правительства Стояи на срочную мобилизацию дивизий 1-й венгерской армии и их отправки в Галицию. Правда, в конечном счете эта армия осталась в Восточной Венгрии. Во главе с генерал-полковником И. Наради она заняла линию обороны в Восточных Карпатах, проходящую по горному хребту от горы Говерла по линии Кёрёшмезё (ныне Ясиня в Закарпатье)–Татарский–Торуньский–Верецкий и Ужок-

ский перевалы, а также Кёрёшмезё–Воловец–Королево-Волосянка (представлявшие собой укрепленную защитную полосу – т.н. «линию Арпада») ⁵⁸. Хотя фюрер, вопреки своему обещанию, так и не вывел оккупационные войска из Венгрии, немецкое командование еще в мае 1944 г. было вынуждено осуществить их частичную замену, отправив наиболее боеспособные войсковые части на Восточный фронт. На их место были введены другие армейские части (численностью около 40–50 тыс. солдат и офицеров), менее подготовленные к боевым условиям или находившиеся в стадии формирования ⁵⁹.

Успешное наступление советской Красной Армии, ее победа в Ясско-Кишиневской операции завершились известными событиями 23 августа 1944 г. В этот день в Румынии, прежде считавшейся самой верной союзницей фюрера, была свергнута диктатура Антонеску, и части румынской армии по приказу короля сложили оружие перед советскими войсками и вступили в борьбу против Германии. Такой поворот событий ускорил политические изменения в Венгрии. Премьер-министр Стояи подал в отставку, а Хорти 24 августа, не спрашивая согласия представителей гитлеровской оккупации, назначил новое правительство во главе с менее лояльным к немцам военным, бывшим командующим 1-й венгерской армией генерал-полковником Г. Лакатошем. Смена правительства не без основания была воспринята венгерской общественностью как важный шаг к перемирию, но одновременно обострились отношения с Берлином, который любой ценой старался помешать выходу Венгрии из войны.

Венгерское руководство при этом втайне продолжало искать возможности заключения перемирия с союзными державами, сначала на западе, а затем на востоке. Уже 7 сентября 1944 г. М. Хорти провел заседание Королевского совета в узком кругу (заведующий его канцелярией Д. Амбрози, его главный военный помощник А. Ваттаи, новый

премьер Г. Лакатош, глава МИД Г. Хеннеи и министр обороны Л. Чатаи). Глава государства заявил о своем решении обратиться к союзным державам с предложением перемирия. Втайне от немцев были предприняты шаги по реализации этого решения. Их составной частью стало направление на переговоры с союзными державами в Италию генерал-полковника в отставке И. Надаи, а в Москву — делегации во главе с генерал-лейтенантом, бывшим военным атташе в СССР Г. Фараго.

Ситуация не особенно благоприятствовала реализации намеченных планов и продолжала осложняться. Разрыв Румынии с Германией заставил фюрера с обостренным вниманием следить за действиями венгерского руководства, к которому он относился с растущим подозрением, будучи уверен, что Венгрия ищет возможности выхода из войны. 12 сентября Гитлер прямо заявил генерал-полковнику Я. Вёрёшу, что не доверяет правительству Лакатоша, особенно сомнительным показался ему состав кабинета министров. Фюрер имел в Венгрии достаточные силы, чтобы помешать попытке выхода страны из войны. Генерал-полковник в отставке В. Надьбацони-Надь, оценивая соотношение военных сил немцев и венгров внутри страны, отмечал, что «два венгерских батальона контролировались тремя немецкими дивизиями». Отставной генерал в своей книге обратил внимание и на некоторые другие факторы. В его рассуждениях в связи со сложившейся к концу августа 1944 г. новой военно-политической ситуацией отмечается, что на территории Венгрии на том этапе «против находившихся там 500 000 немцев правительство страны практически не располагало никакими реальными венгерскими силами»⁶⁰, а это означает, что в случае вооруженного выступления против гитлеровцев оно не могло рассчитывать на благоприятный исход. К тому же, в отличие от румын, венгры тогда еще не могли рассчитывать ни на содействие советских вооруженных сил, которые находились еще на

восточной стороне Карпатских гор, ни на англо-американскую помощь. Правда, по мнению названного генерала, если бы 1-я и 2-я венгерские армии, которые уже стояли на линии от Дуклинского перевала до г. Надьварада (ныне Орадя в Румынии), начали действовать по румынскому варианту, то «находившиеся на территории Венгрии немецкие части не смогли бы им противостоять, и германская оборона не выдержала бы и тут так же развалилась, как в Румынии»⁶¹. Следует учитывать, однако, что немцы, чтобы обезопасить себя от такого сценария, заранее предусмотрительно сконцентрировали свои силы, находящиеся в стране, в районе Будапешта, а также предприняли другие меры, гарантирующие удержание оккупированной страны в невольных «союзниках».

Хорти со своим ближайшим окружением, реализуя принятые решения, полагал, что Берлин о намеченных планах не знает. При этом в Будапешт поступали телеграммы от послов из разных стран с требованием ускорить разрыв с Германией. Отмечая осведомленность гитлеровцев о венгерских делах и намерениях, достаточно сослаться на воспоминание штаурмбаннфюрера СС В. Хётгла, который неплохо ориентировался в сложившейся ситуации. Он, в частности, писал: «Когда я увидел, что Хорти без предварительного согласования с нами увольняет с поста Дёме Стояи и на его место назначает генерала Лакатоша, мы были вынуждены делать вид, что ничего не произошло. Стало ясно, что Хорти и его окружение готовятся к разрыву отношений с нами, чтобы закончить войну. Однако они упустили прекрасную возможность сделать это, когда в Румынии начались развал и неразбериха. Эти события Хорти использовал только для увольнения Стояи. Это дало нам возможность выиграть время»⁶².

Высшее венгерское руководство действовало по своему плану, но осторожно. Делегация генерала Г. Фараго, отправленная М. Хорти на переговоры о перемирии в Москву, в составе дипломата Д. Сентивани и известного географа Г. Те-

леки (сына бывшего премьер-министра графа П. Телеки) в начале октября 1944 г. была принята первым заместителем начальника генштаба Красной Армии генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым, затем начальником генштаба генералом армии А. И. Антоновым. Последнему Г. Фараго вручил письмо от Хорти И. В. Сталину. Делегацию 8 октября 1944 г. принял В. М. Молотов, который вручил ей предварительные условия перемирия. Венгрии предлагалось отвести свои войска с фронта, объявить войну Германии и выступить против нее вместе с советскими войсками. При этом от Хорти потребовали дополнительного подтверждения безоговорочного принятия этих условий. 11 октября 1944 г. делегация получила от венгерского регента дефинитивное согласие на принятие условий и повторное подтверждение права на подписание предварительного соглашения о перемирии. Делегация в тот же день подписала это соглашение. Москва поставила условие — обнародовать подписание соглашения, которому в 10-дневный срок предстояло вступить в силу⁶³.

Гитлеровцы, хотя и засекали работу радиопередатчика из королевского замка в Будапеште во время сеансов связи с делегацией в Москве, расшифровать текст не сумели. Тем не менее они начали действовать по заранее разработанному плану, направленному на захват резиденции и изоляцию Хорти. Немцы привели в боевую готовность находившиеся вблизи столицы 5 специальных батальонов СС во главе с весьма опытным О. Скорцени, а также один бронетанковый батальон и 22-ю конную дивизию СС. Кроме них на подступах к Будапешту находилась также 24-я бронетанковая дивизия⁶⁴. У гитлеровцев были и другого рода подготовительные мероприятия. 8 октября 1944 г. они похитили командующего оборонительными силами венгерской столицы генерал-лейтенанта С. Бакаи. А вечером 14 октября особый отряд СС во главе со Скорцени устроил западню младшему сыну Хорти. Тот руководил «канцелярией по выходу из войны» и не мог не привлечь внимания гестапо и СС. Хор-

ти-младшего выманили из королевского дворца под предлогом встречи с партизанами Тито. При попытке задержать его он оказал вооруженное сопротивление, был ранен. Затем жестоко избитого и раненого, М. Хорти-младшего, завернутого в ковер, в бессознательном состоянии вывезли из страны, чтобы сделать орудием шантажа и давления на престарелого правителя Венгрии.

Утром 15 октября 1944 г., еще не зная об этих событиях, М. Хорти-отец занялся проведением процедур, необходимых для выполнения условий подписанного в Москве соглашения о перемирии. Сроки поджимали, разрыв с Германией не был достаточно подготовлен, и в политическом, и особенно в военном отношении. Этому были свои объективные объяснения. Не хватало продуманного плана взаимодействия с советскими частями и должной связи венгерских войск с руководством развернувшегося в стране под эгидой Венгерского фронта антифашистского движения. Отдельные венгерские историки считают, что объявить о перемирии, заявить о разрыве отношений с Германией Хорти следовало бы не в столице, а на востоке страны. Для этого и для дальнейшей успешной реализации намеченных задач ему надо было вылететь к месту дислокации частей 1-й венгерской армии, в частности, в район гг. Хуста или Берегсаса⁶⁵ (ныне Берегово в Закарпатье), поближе к наступающей Красной Армии, которая могла бы оказать ему необходимое содействие и поддержку⁶⁶. Кстати, такой вариант ранее обсуждался, но по совету премьер-министра был отвергнут, учитывая достаточную осведомленность гитлеровцев о месте пребывания главы государства и членов правительства. В условиях оккупации перелет Хорти на восток страны не прошел бы незамеченным. Иными словами, подготовить такую акцию втайне от гитлеровцев было невозможно. Сам Хорти согласился с премьер-министром, хотя обсуждавшийся вариант действий, несомненно, принес бы пользу стране и дал бы гораздо больший эффект.

Венгрия в соответствии с условиями перемирия должна была объявить о выходе страны из войны не позднее 16 октября 1944 г. Поэтому Хорти 12 октября дал указание министру обороны Я. Вёрёшу передислоцировать 1-ю и 2-ю венгерские армии к Будапешту. Вёрёш, вопреки запрету начальника генштаба сухопутных войск немецкого генерал-полковника Х. Гудериана, начал передвижение двух армий в центральную часть страны, но к нужному для Хорти сроку прибыть в столицу они бы не успели, даже если бы немцы им не препятствовали. Для должного военного обеспечения задуманной операции не хватило 3–4 дней. И хотя положение регента Хорти осложнилось, он по мере своих возможностей продолжал действовать, стараясь выполнить условия подписанного в Москве перемирия в более стесненных условиях, чем румынский король Михай в августе того же года. Чтобы избежать преждевременной утечки информации (что могло помешать обнародованию договора) и успешно реализовать условия перемирия, Хорти не посвятил в детали плана даже премьер-министра Лакатоша и министра иностранных дел Хеннеи.

15 октября 1944 г. был для Будапешта днем, полным важными, переломными для страны политическими событиями. Хорти через начальника своей канцелярии Д. Амбрози еще накануне вечером известил премьер-министра Лакатоша о проведении в следующий, воскресный день заседания Коронного совета с основной повесткой дня – заключение перемирия. Хотя премьер считал решение Хорти роковым, все же обещал поддержать его. При этом, однако, из текста проекта Хорти «Обращение к венгерской нации», предназначенного для радио и печати, Лакатош исключил важную фразу: «С сегодняшнего дня Венгрия считает себя находящейся в состоянии войны с Германией». Тем самым он нанес ощутимый урон позиции главы государства, ослабив результативность воздействия документа, фактически лишив текст его выступления ключевой фразы, которая могла бы служить ориентиром для венгерских военных.

Позже Хорти пытался компенсировать этот недостаток и дал распоряжение начальнику генштаба Вёрёшу издать «зашифрованный приказ» по войскам, который предписывал бы армии установить контакт с советскими войсками в целях совместного выступления против оккупантов⁶⁷. К сожалению, «зашифрованный приказ» Вёрёша так и не дошел до венгерских войск, в самом штабе или по цепочке был заблокирован немецкими или прогермански ориентированными службами.

15 октября, в 11 часов дня, началось заседание Королевского совета, открывшееся выступлением Хорти, в котором давалось обоснование необходимости заключения перемирия. Глава государства говорил о критической ситуации в войне и неизбежном крахе Германии. «Заклучение перемирия, по всей вероятности, приведет немцев к безжалостному и жестокому обращению с нами. Но третьего не дано, мы должны решиться», — подчеркивал глава государства. При этом регент тогда еще не раскрыл все свои карты. Затем он попросил Вёрёша изложить военную обстановку, а вслед за ним — выступить премьер-министра Лакатоша. Последний поддержал выступление Хорти, но заявил, что без согласия парламента он просить перемирия не будет и не готов открыть путь перед советскими войсками. После речи премьер-министра Хорти заявил, что он, как глава государства, для заключения перемирия вовсе не нуждается в одобрении парламента и имеет законное право принять решение самостоятельно⁶⁸.

После этого заседание Коронного совета пришлось прервать. К 12 часам дня по вызову главы государства во дворец явился Везенмайер, и М. Хорти вместе с премьер-министром и главой МИД Г. Хеннеи вышли ему навстречу. В самом начале (встреча оказалась, можно сказать, хорошо срежиссированной и была проведена по всем законам драматургии) Хорти в довольно резкой форме выразил германскому послу серию упреков в адрес германского ру-

ководства. Он обвинил нацистское руководство в том, что Германия вынудила Венгрию вступить в войну, в которой она вовсе не заинтересована, что оккупировала страну и совершила насильственные действия против граждан, что в стране хозяйничает СС и гестапо, совершаются аресты и похищения даже депутатов парламента; что арестован ряд политических деятелей, а также генерал Бакаи; что Берлин финансирует оппозиционные национал-социалистические партии. После этого Хорти заявил послу, что решил прекратить войну и просить перемирия, добавив затем, что такое решение уже принято. Везенмайер побледнел, а придя в себя, стал просить Хорти не делать этого. И тогда регент со всей силы бросил перед ним на стол полупустой магазин от автомата, найденный на месте ареста и похищения его сына Миклоша, закончив словами — «вот вам доказательство». Имперский уполномоченный все же надеялся переубедить Хорти и наконец обратился к последнему аргументу, предложив ему принять только что прибывшего из Берлина особого поверенного в делах Гитлера посла Р. Рана и побеседовать с ним. Хорти согласился, но категорически заявил, что не намерен отказываться от своего решения⁶⁹. Спустя полчаса Везенмайер вернулся вместе с Раном. Когда они покидали королевский замок, уходя от Хорти, через открытую дверь можно было слышать передаваемое по радио «Обращение к венгерской нации». Все это стало полной неожиданностью для германских послов и для Берлина в целом.

Хотя описанный эпизод дипломатической и политической истории Венгрии 1944 г. и стал переломным, он не мог коренным образом изменить военно-политическую ситуацию и жизнь страны. На рассвете 16 октября отряды СС и 24-й немецкий танковый корпус штурмом взяли замковую гору венгерской столицы, а также королевский дворец, где в перестрелке гитлеровцы потеряли 28 человек⁷⁰. Хорти, убедившись в бессмысленности сопротивления, решил не рисковать жизнью своих ближайших соратников и тело-

хранителей, распорядился прекратить стрельбу. Хозяевами в Будапеште стали гитлеровцы. Участники сопротивления были арестованы, и многие из них оказались в концлагере Дахау. Сам Хорти и члены его семьи были задержаны и временно размещены в штаб-квартире СС. Затем престарелого правителя Венгрии в унижительных условиях — в ванной комнате дворца под дулом автоматов трех эсэсовцев — заставили подписать заранее подготовленную «бумагу» о сложении с себя полномочий главы государства и назначении главой правительства гитлеровского ставленника Ф. Салаша, возведенного в ранг новоиспеченного венгерского «фюрера». При этом Хорти подвергался шантажу и давлению, ему были даны лживые обещания, в частности, о том, что взамен на его подпись ему в Вене вернут похищенного сына. На самом деле гитлеровцы, как и прежде, не выполнили своего обещания. Хорти вместе с остальными членами семьи вывезли в Германию, где он оказался настоящим пленником рейха; сына же, освобожденного из концлагеря американцами, он увидел только после окончания войны. Упущенная возможность действовать в конце августа и дефицит времени на подготовку военной поддержки проведенной акции в октябре 1944 г. обрекли попытку Хорти разрыва с Германией на неудачу. Вследствие этого венгерская столица и вся западная часть Венгрии остались в руках гитлеровцев и их нилашистского ставленника, которые продолжили войну.

Возвращаясь к характеристике ситуации, которая осенью 1944 г. сложилась на линии фронта, надо сказать, что к тому времени советские войска, успешно прошедшие по Румынии, стремительно достигли Восточных Карпат, чтобы затем в их юго-восточной части прорваться на территорию Северной Трансильвании и продвинуться в глубь Венгерской низменности. Горы представляли собой серьезную естественную преграду на пути дальнейшего наступления войск; также горной хребет, по которому проходила госу-

дарственная граница тогдашней Венгрии, был хорошо укреплен. Ставка советского Верховного Главнокомандования еще в самом начале сентября 1944 г. отдала приказ 1-му и 4-му Украинским фронтам, а также 2-му Украинскому фронту нанести удары соответственно в северной части Карпат и выйти к Карпато-Дуклинскому перевалу, а на юге — в обход горной цепи и через менее защищенные южные перевалы прорваться через Трансильванские Альпы⁷¹. Продвижение с боями через карпатские перевалы и в обход горного хребта с юга в дальнейшем предусматривали выход в северо-восточные регионы Трансильвании и на территорию нынешнего Закарпатья. Планом предусматривалось овладение такими, тогда еще венгерскими, городами, как Сатмарнемет (ныне — Сату-Маре в Румынии) и Мункач (Мукачево на Украине) с дальнейшим продвижением на север, с тем чтобы помочь войскам 4-го Украинского фронта под командованием генерала И. Е. Петрова перейти Карпаты и занять территорию в районе города Унгвар (Ужгород на Украине). Эти непростые задачи были успешно выполнены. Войска 4-го Украинского фронта 20 сентября уже пересекли на севере польско-словацкую границу и вышли к Дуклинскому перевалу.

Войска же 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского, прорвавшиеся через южные перевалы Карпат, успешно преодолев значительные расстояния, как и планировалось, через территорию Трансильвании вышли в низменные районы, и перед ними открылись равнинные просторы Большой венгерской низменности (Алфёльд). Прорыв советских войск в этом направлении создал угрозу тылу 1-й венгерской армии, оборонявшей Карпатский хребет. Опасаясь окружения, она была вынуждена оставить укрепрайоны в горах и начать отвод войск на запад. Правое крыло 2-го Украинского фронта, повернув на север, оказало помощь 4-му Украинскому фронту реализовать боевые задачи в направлении на Словакию⁷². 17-й стрелковый корпус фронта под командованием гене-

рал-майора А. И. Гастиловича сначала безуспешно штурмовал укрепрайон в Карпатах на Татарском перевале возле населенного пункта Кёрёшмезё (ныне — Ясиня в Украине), но после вывода оборонявших его венгерских дивизий совершил прорыв через горный хребет и, взаимодействуя с 40-й армией 2-го Украинского фронта, 18 октября 1944 г. занял город Сигет (Марамарошсигет в верховьях Тисы), а 23 октября — город Хуст. Тем временем войска 18-й армии под командованием генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева, совершив глубокий обход Главного Карпатского хребта⁷³, 16 октября овладели Верецким и Ужокским перевалами в Карпатах, оказав содействие 4-му Украинскому фронту в освобождении Мукачева и Ужгорода на территории нынешнего Закарпатья. Эти города были взяты 26–28 октября 1944 г. Почти на протяжении недели шли бои за овладение железнодорожным узлом Чап (ныне — Чоп в Украине)⁷⁴, тогда еще принадлежавшим Венгрии.

Левое крыло 2-го Украинского фронта вместе с его основными силами, противостоя разным немецким группам войск, уже в сентябре 1944 г. выдвинулись по направлению к таким крупным городам тогдашней Венгрии, как Коложвар (ныне — Клуж в Румынии) и Надьварад. Уже 23 сентября советские войска дошли до г. Дюла на юге нынешней Венгрии, встретив там упорное сопротивление крупной группы немецкой армии «Юг» под командованием генерал-полковника Г. Фриснера. Немецкий генштаб 30 сентября поставил перед этой группой задачу попытаться малыми силами удержать занятую ею линию в течение зимы. В задачу советского командования, наоборот, входило скорейшее изгнание гитлеровцев из страны. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования приказала 2-му Украинскому фронту нанести удары в северном и северо-западном направлении, в обход города Дебрецена⁷⁵.

Войска Р. Я. Малиновского 6 октября 1944 г., преследуя цель по разгрому гитлеровской армии в районе Коложвар—

Надьварад—Дебрецен, перешли в наступление, и перед ними открылись мало защищенные равнинные просторы Венгрии. Уже первые дни наступательных действий привели к прорыву немецкой обороны, и на отдельных участках советские войска успешно продвинулись на запад до 100 км, и вышли в район города Карцаг⁷⁶. Город Коложвар был взят 11 октября, и Красная Армия заняла большую территорию южнее Дебрецена. Со стороны реки Марош (Муреш) к Дебрецену 6 октября были подтянуты и некоторые другие советские формирования, после чего 9 октября развернулись бои за овладение этим крупным венгерским центром. Гитлеровцам, хотя они бросили туда дополнительные силы, удержать город не удалось, итог Дебреценской операции был предрешен. Сам город был освобожден 20 октября. В дальнейшем советские войска, практически не встретив серьезного сопротивления, быстро овладели следующим крупным городом Сегедом, освободили территорию Бачки. К концу октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта полностью овладели территорией на востоке страны вплоть до реки Тиса, затем очистили междуречье Тисы и Дуная. 1 ноября был освобожден Кечкемет, 4-го — Солнок, 24-го — Печ, 30-го — Эгер, а в декабре — Секешфехервар, Надьканижа и другие города. В результате сложились условия для наступления на Будапешт⁷⁷.

При подходе Красной Армии к Карпатам осенью 1944 г., как справедливо отмечал один из советских исследователей, в 1-й венгерской армии «господствовали антигерманские настроения, отражавшие политический кризис в самой стране», участились случаи невыполнения приказов. Исследователю удалось установить, что на сторону советских войск (конкретно, 18-й армии 4-го Украинского фронта) еще в июле 1944 г. «добровольно перешло более 6 тыс. солдат» из взятых в плен «десятков тысяч венгерских солдат и офицеров»⁷⁸. Недаром сразу после 23 августа 1944 г. немецкое главнокомандование, учитывая возможный выход

Венгрии из войны, приказало генералу Г. Хейнрици, командовавшему группой войск «А», в подчинении которого находилась и 1-я венгерская армия, быть готовым к аресту венгерского командования и штаба⁷⁹. Осенью 1944 г. в Карпатах на сторону советских войск с частью своего штаба перешел командующий 1-й венгерской армией генерал Б. Далноки-Миклош. Как отмечал впоследствии в своих воспоминаниях генерал-полковник вермахта Г. Фриснер, осенью 1944 г. «у Чопа, где венгры в массовом порядке переходили на сторону противника, также сложилось крайне серьезное положение, которое вынудило нас отвести войска с этого участка за реку Бодрог. То же самое вынужден был сделать и левый сосед группы армий – 1-я танковая армия. Вследствие глубокого вклинения противника западнее Ужгорода 1-я танковая армия оттянула назад свой правый фланг»⁸⁰. Фриснер подчеркивал также, что на подступах к такому крупному промышленному центру Венгрии, как город Мишкольц, «свыше 20 тысяч местных рабочих подняли восстание и заняли по отношению к [гитлеровским] войскам враждебную позицию». Под Будапештом, отмечал генерал, вообще «появились признаки разложения» армии и «венгерские солдаты поодиночке и большими группами до 100 человек с белыми флагами переходили на сторону противника. Всего за 2–3 дня к русским перебежало 5 офицеров и 1200 солдат. Доверие к венгерской армии было полностью потеряно, и на нее уже не делали ставки»⁸¹.

Как подчеркивают венгерские военные историки, на территории Венгрии в условиях боевых действий «главной и массовой формой выражения своего противодействия войне стало крупномасштабное бегство солдат из армии». По их подсчетам, уже весной–летом 1944 г. число солдат и офицеров, перешедших на сторону Красной Армии и затем принявших участие в боях против гитлеровцев вместе с советскими частями, достигло 10 тыс. человек⁸². Кроме них к этой категории следует отнести еще более 700 уроженцев

Венгрии, подготовленных в советских партизанских и разведывательных школах. Они осенью 1944 г. отдельными группами были заброшены в тыл противника для участия в борьбе против оккупантов.

Затрагивая вопрос о причастности венгерской политической эмиграции к борьбе против немецких фашистов, нельзя пройти мимо одного небезынтересного факта, имевшего место в 1944 г. По инициативе лидера венгерской компартии в московской эмиграции, известного деятеля Коминтерна М. Ракоши еще в начале марта 1944 г. было отправлено письмо в Наркоминдел СССР с предложением формировать из бывших венгерских военнопленных дивизию для участия в боевых действиях против гитлеровской Германии. Тогда это предложение было отклонено. Отказ заведующего 3-м Европейским отделом НКВД СССР А. Смирнова мотивировался тем, что Венгрия не является оккупированной немцами страной и является союзником Германии. Кроме того, в самой стране нет какого-либо оформившегося и признанного демократического движения, которое выдвинуло бы конкретную политическую программу борьбы с кликой Хорти. Иными словами, в наркомате не считали целесообразным формировать войсковую часть из венгерских военнопленных, отметив, что политический и военный эффект от этого мероприятия сомнителен. Правда, при этом обращалось внимание и на то, что венгерские правящие круги «сами не прочь предпринять попытку выйти из войны». Справедливо отмечалось также, что «никто из находящихся в плену высших венгерских офицеров не высказал желание с оружием в руках бороться с режимом Хорти»⁸³. И это действительно так, ведь значительная часть офицеров в плену не была готова к этому, поскольку, в отличие от основной массы коммунистов-политэмигрантов, не считала венгерского правителя и его режим фашистским, хотя при этом многие выражали желание воевать против гитлеровцев.

После оккупации Венгрии гитлеровцами в марте 1944 г. ситуация изменилась. И тогда от руководства венгерской коммунистической эмиграции в Москве на имя В.М. Молотова, зампреда ГКО СССР, поступила новая докладная записка. В ней отмечалось, что в изменившихся условиях «в Управлении НКВД по делам военнопленных и интернированных накопилось десятки коллективных заявлений» от находившихся в плену венгерских солдат и офицеров с просьбой дать им возможность включиться в борьбу против гитлеровских оккупантов. В дальнейшем, по мере приближения Красной Армии к Карпатам, движение за участие в такой борьбе только усиливалось. Поэтому руководство компартии Венгрии, которое уже давно и активно работало с военнопленными, считало важным организовать и поднять эти силы на борьбу с гитлеровцами. В докладной записке, которая легла на стол Молотова, говорилось о целесообразности формирования на территории СССР венгерской добровольческой бригады, которая, наподобие чехословацкого корпуса генерала Л. Свободы, вместе с советскими войсками приняла бы участие в освобождении Венгрии. Обращалось внимание на то, что «рядовой и офицерский состав венгерской бригады может быть подобран из числа венгерских военнопленных», а «политический состав может быть выделен из рядов венгерской политэмиграции». К записке прилагалось ходатайство о формировании такой бригады численностью до 3 тыс. человек⁸⁴.

К 20 мая 1944 г. был подготовлен соответствующий проект Постановления ГКО СССР для решения этой проблемы. Оно состояло из следующих пунктов:

«1. Разрешить формирование венгерской бригады численностью в три тыс. человек из числа венгерских военнопленных, добровольно изъявивших желание бороться против гитлеровской Германии, а также венгерских политэмигрантов-антифашистов;

2. Формирование бригады возложить на Комиссара государственной безопасности тов. Жукова Г.С., поручив ему в течение 7 дней представить Наркому Обороне штаты и смету на содержание бригады»⁸⁵.

Уже была проведена вся необходимая организационная, подготовительная и отборочная работа для создания в СССР этой венгерской антифашистской боевой бригады из числа добровольцев, отобранных коммунистами и советскими политработниками. Казалось, что завершению работы по формированию бригады (наподобие чехословацкого корпуса) уже ничто не могло помешать. Ведь она была нужна как для фронта, так и для сплочения сил венгерских антифашистов, могла бы стать опорой для движения сопротивления в стране, способствовала бы подъему их боевого духа и, безусловно, сыграла бы положительную роль при изгнании гитлеровцев из Венгрии. Но создание бригады было отменено, причем на завершающем этапе. Над причиной, которая помешала образованию этой бригады, долго размышляли не только партийные круги московской венгерской эмиграции, но и военные историки последующих лет. В конечном счете мнения сошлись на том, что создание бригады было аннулировано по настоятельной просьбе влиятельного в московских кругах экс-президента Чехословакии Э. Бенеша, оказавшего воздействие на высшее политическое руководство. Именно он был глубоко заинтересован в том, чтобы помешать ее созданию. Участие венгерской добровольческой бригады в антигитлеровской борьбе могло помешать реализации его амбициозного плана, направленного на полное изгнание из послевоенной Чехословакии венгерского национального меньшинства. Планы и действия чехословацкого экс-президента в этом направлении уже ранее получили поддержку со стороны В.М. Молотова и даже И.В. Сталина. В сложившейся ситуации Э. Бенеш, считавшийся образцом европейского «демократа», в негласном соперничестве с М. Ракоши оказался победителем.

В 1944 г. ему удалось помешать формированию венгерской бригады, а в 1946–1948 гг. на базе его декретов сотни тысяч венгров подверглись насильственному переселению и изгнанию со своих земель на основании своей национальной принадлежности. Бенеш почти полностью реализовал свой антигуманный проект по очистке послевоенной Чехословакии от национальных меньшинств⁸⁶. Создание венгерской бригады и ее участие в освобождении Венгрии, в совместной борьбе против гитлеровской Германии вместе с советскими войсками могли бы помешать реализации его планов.

В конце октября 1944 г. начался второй этап освобождения Венгрии Красной Армией, в ходе которого предполагалось взять Будапешт и вывести страну из войны. Войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Малиновского 29 октября перешли в наступление и уже 2 ноября подошли к венгерской столице, где засели крупные силы гитлеровцев. Взять город сразу не удалось. Но в начале декабря войска 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф. И. Толбухина уже вышли в район озера Балатон, что угрожало гитлеровской группировке окружением с юга и юго-запада. К концу 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе Будапешта практически окружили эту группировку фашистских войск численностью около 188 тыс. солдат и офицеров⁸⁷. Однако для взятия города потребовалось время.

Неудачная попытка М. Хорти и его окружения заключить перемирие не остановила силы венгерского антифашистского сопротивления, наоборот, заставила их сплотиться. В антифашистском движении Сопротивления были задействованы различные политические силы, которые продолжали действовать и в условиях оккупации, работая в подполье. К нему принадлежали коммунисты и социал-демократы, представители Партии мелких хозяев и Национальной крестьянской партии, беспартийные интеллигенты, военные, рабочие и крестьяне, а также студенческая

молодежь. После провала их сотрудничества с хортистской «канцелярией по выходу из войны» они предприняли еще одну попытку организации вооруженного восстания. В начале ноября 1944 г. был создан специальный орган, который занялся подготовкой общенационального восстания. 10 ноября был образован Освободительный комитет Венгерского Национального восстания (ОКВНВ), который возглавил депутат парламента Э. Байчи-Жилински. Освобожденный из гестаповской тюрьмы благодаря венгерскому правительству, после взятия власти сторонниками Салаша он был вынужден скрываться. В начале ноября организаторы движения антифашистского Сопротивления нашли его, и он согласился вернуться в столицу, чтобы встать во главе названного комитета, который при его участии с привлечением военных разработал план будущего национального восстания. В частности, предусматривалась организация восстания при сотрудничестве и поддержке со стороны Красной Армии (через установление контактов с командованием 2-го Украинского фронта и венгерской коммунистической эмиграцией в Москве). К середине ноября 1944 г. план восстания был готов. 19 ноября Байчи-Жилински подготовил также специальное послание к советскому руководству, в котором предлагалось согласовать такие вопросы содействия, как: 1) открытие фронта перед советскими войсками; 2) переход венгерских частей на сторону Красной Армии под венгерским командованием и их совместная борьба против фашистов; 3) включение в состав Венгерской освободительной армии венгерских военнопленных; 4) создание рабочих отрядов и партизанских формирований из числа добровольцев, их вооружение; 5) налаживание необходимой связи между советскими войсками и венгерскими повстанческими частями в районе Будапешта⁸⁸. Для реализации плана во главе с генералом в отставке Я. Кишшем был сформирован и Военный штаб ОКВНВ (полковников Енё Надя и Вилмоша Тарчай), который установил связи с

венгерскими армейскими частями. Комитет за короткое время провел значительную организационную работу, наладив связь с военными и партизанами, запасался оружием и боеприпасами. Штаб привлек к участию в восстании более 50 офицеров из 8-го армейского корпуса, 10-й и 12-й пехотной дивизий, среди них полковника Ш. Андраша, подполковника О. Варихази. Все они принимали активное участие в подготовительной работе, привлекли к восстанию еще несколько сотен офицеров⁸⁹. В соответствии с намеченными целями предполагалось, что в районе Чепель–Эржебет повстанцы при содействии солдат и рабочих откроют коридор и обеспечат проход советских войск к Будапешту, чтобы ускорить освобождение столицы⁹⁰.

Конспирационные недочеты в организации восстания и предательство со стороны одного из военных привели к провалу. Руководители Военного штаба были арестованы гестапо. 6–8 ноября они предстали перед военно-полевым судом, по приговору которого 10 человек из числа руководителей казнили⁹¹, остальных приговорили к 10–15 годам тюремного заключения.

Дело Э. Байчи-Жилинского как депутата парламента, который пользовался соответствующим правом неприкосновенности, на некоторое время отделили от остальных. Он еще находился в Будапештской тюрьме на улице Маргит, когда приговор над его соратниками, членами Военного штаба ОКВНВ, уже привели в исполнение. Самого Байчи-Жилинского нилашисты вместе с другими «политическими преступниками» увезли в Шопронкёхида, где 23 декабря состоялся военно-полевой суд, приговоривший его к смертной казни через повешение. На следующий день, в канун Рождества, на рассвете 24 декабря 1944 г., приговор был приведен в исполнение. Его последними словами были: «История оправдает меня. Я боролся за правое дело»⁹². С завершением жизненного пути этого стойкого борца-антифашиста практически завершились и основные истори-

ческие события 1944 г., весьма нелегкого в жизни народа Венгрии. И хотя это уже несколько выходит за пределы рассматриваемого года, все же целесообразно завершить наш исторический очерк краткой оптимистической концовкой.

Конец 1944 г. застал гитлеровские войска в венгерской столице. В январе 1945 г. они попытались разблокировать будапештскую группировку своих войск, надеясь подвести к городу подкрепления. Этому, однако, помешали советские войска. Вместе с Красной Армией сражались венгерские подразделения Будайского добровольческого полка, образованного 12 февраля 1945 г. — 2534 венгерских воина-добровольца под командованием подполковника Оскара Варихази⁹³, они приняли деятельное участие в освобождении венгерской столицы. Красная Армия перешла в контрнаступление и на втором этапе боев ликвидировала группировку гитлеровцев, овладев Будапештом 13 февраля 1945 г.⁹⁴. К этому времени было освобождено уже две трети территории современной Венгрии.

Глава 2. || Проблемы выселения венгров из Чехословакии

В истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX век ознаменовался крутыми поворотами, кардинальными политическими ломками и переменами, оставившими глубокий след в судьбе народов и стран этого региона. Произошедшие здесь со времен Первой мировой войны политические катаклизмы, не раз потрясавшие мир, привели к существенным изменениям в их внутривнутриполитическом устройстве, а также к изменению их национальных границ. Именно перекраивание политической карты в этом регионе старого континента — чаще всего без учета этнических границ — повлекло за собой появление в ряде стран многочисленных национальных меньшинств, что стало причиной

последующих острых противоречий между сопредельными государствами. Конфликты, возникшие на почве несоответствия этнических и государственных границ, непродуманная национальная политика и ущемление прав граждан других национальностей стали уже в конце 30-х годов XX века одной из причин Второй мировой войны, в которую быстро была втянута вся Европа.

После Второй мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе произошли новые глубокие общественно-политические перемены, на долгие десятилетия приведшие к разделению Европы на два противоположных военно-политических лагеря и противостоящие друг другу политические системы. К концу века, на новом витке исторического развития, эти два лагеря вступили на путь взаимного сближения и попыток найти новые возможности для решения затянувшегося национального вопроса в интересах межнационального примирения.

Причиной появления венгерского меньшинства в Чехословакии стал территориальный передел Европы после Первой мировой войны. При создании в 1918 г. Чехословацкой Республики (ЧСР) ее территориальные контуры были проведены без объективного учета реальных, веками сложившихся этнических границ, хотя сам передел осуществлялся именно под лозунгом установления этнической справедливости. Передел этот осуществлялся после поражения в войне Германии и распада Австро-Венгрии как двуединого государства. Это обстоятельство и позволило державам-победителям отделить от этих государств в пользу создаваемой Чехословакии ряд земель с инонациональным — преимущественно немецким и венгерским — населением, которое проживало компактно вдоль границ соответственно с Германией и Венгрией.

Политическое руководство нового чехословацкого государства, стремясь к сплочению чехов и словаков в единую «чехословацкую нацию», в межвоенные годы уделяло

недостаточно внимания налаживанию межнациональных отношений в стране, и не только отношениям с национальными меньшинствами, но и между титульными нациями. К концу 30-х годов XX века сыграл свою роль и менявшийся внешний фактор: фашистская Германия прибегла к использованию национального вопроса в своих политических интересах. Президент Э. Бенеш, подавший в отставку и покинувший Чехословакию 5 октября 1938 г., т.е. через несколько дней после Мюнхена, в годы Второй мировой войны стал убежденным сторонником необходимости полного очищения возрождаемого в прежних границах государства от всех представителей неславянских народов, считая их виновниками распада Чехословацкой Республики.

В межвоенные годы Чехословакия и Венгрия существенно отличались друг от друга по национальному составу населения. Статистика свидетельствует, что Венгрия после Первой мировой войны стала почти мононациональным государством с незначительным национальным меньшинством, но за ее границами в сопредельных государствах осталось более 3 млн венгров. Такое положение сохранялось и после Второй мировой войны. На территории Венгрии даже после возвращения ей отдельных территорий по решению первого и второго Венского арбитража нацменьшинства составляли всего 7,1 % населения. Чехословакия же, наоборот, хотя номинально провозглашалась национальным государством чехов и словаков, на деле являлась страной многонациональной, где свыше трети населения составляли представители других национальностей.

По данным официальной переписи 1930 г. в Чехословакии, наряду с чехами (7426 тыс.) и словаками (2295 тыс.) проживало 3306 тыс. немцев, 597 тыс. венгров, 118 тыс. подкарпатских русин, русских и украинцев, вместе взятых (статистика четко не разделила эти меньшинства друг от друга), 100 тыс. поляков и 156 тыс. представителей прочих национальностей⁹⁵. В процентном выражении это означало, что

53 % населения составляли чехи, 16,4% – словаки, 32,6% – немцы, 4,2% – венгры, 0,7% – поляки, 0,8% – русины, русские и украинцы, 1,2% – прочие (сведения приведены без учета населения Подкарпатской Руси – части территории нынешнего Закарпатья, где проживало еще 447 тыс. русин, 117 тыс. венгров, 13 тыс. немцев, а также значительное число евреев)⁹⁶. На территории собственно Словакии в то же время картина национального состава была несколько иной. В 1930 г. здесь 68,4 % населения составляли словаки, 3,7% – чехи, 17,6% – венгры, 4,5% – немцы, 2,8% – русины-украинцы, 2,0% – евреи⁹⁷. Такой национальный состав при уважении прав меньшинства, казалось бы, должен был заставить политическое руководство страны искать и находить пути решения национальных вопросов, однако им не уделялось должного внимания. «Чехословацкую республику составляют следующие нации: чехи, словаки, немцы, венгры, поляки, русины и евреи, – с полным правом писал в этой связи преподаватель Карлова университета в Праге, чешский философ Э. Радл. – Права этих наций государством должны быть определены не просто абстрактной формулой, а с учетом специальных потребностей каждой отдельной нации. Ведь представители этих национальностей являются не иностранцами или иммигрантами и даже не меньшинствами, которые более или менее защищены от господствующей нации, а конструктивными элементами государства»⁹⁸. Политическая элита республики в послевоенные годы по ряду причин воспринимала национальные меньшинства, особенно немецкое и венгерское, совершенно по-другому и решала национальную проблему по-своему.

После войны в условиях возрождения Чехословакии, Бенеш и его окружение решили избавиться от этих меньшинств, настаивая на создании «чисто славянского государства». Как известно, Вторая мировая война, поражение в ней гитлеровской Германии и ее союзников, в числе ко-

торых была и Венгрия, создали совершенно новую обстановку для ряда национальных меньшинств в центрально-европейском регионе, в том числе и на территории бывшей Чехословакии. Это позволяло главе чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне Бенешу активно добиваться избавления возрождающейся в домюнхенских границах Чехословакии от большей части национальных меньшинств путем их массового выдворения и насильственной ассимиляции⁹⁹. Первые шаги, направленные на реализацию таким способом «окончательного решения» национального вопроса, были предприняты Бенешем еще на рубеже 1942–1943 гг. и предусматривали прежде всего полное очищение страны от немецкого нацменьшинства, а заодно и от венгров; остальных предполагалось ассимилировать. Чехословацкая дипломатия, заручившись поддержкой СССР, вплоть до Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1946 г.) методично и последовательно добивалась этого самыми различными средствами. В конце войны она попыталась получить согласие великих держав на включение самого пункта о выселении в текст договора о перемирии с Венгрией. Однако это предложение было отклонено представителями Великобритании и США, которые сослались на то, что такой сложный вопрос может быть решен только после войны, в крайнем случае во время подписания мирных договоров.

Повторная попытка Бенеша решить национальный вопрос после Второй мировой войны прежними силовыми мерами, как показала история, оказалась малоэффективной, то есть имевшей результат лишь в течение короткого промежутка времени и принесшей жившим в Чехословакии народам немало испытаний и страданий, и в конечном счете привела к новому распаду этого государства, в котором две титульные нации так и не нашли взаимопонимания именно из-за нерешенности национальной проблемы.

Проблема выселения национальных меньшинств из послевоенной Чехословакии на московских переговорах Бенеша 1943 и 1945 гг. Согласование вопроса

Получить согласие советского руководства и других представителей великих союзных держав по антигитлеровской коалиции на выселение с территории послевоенной Чехословакии немцев лидеру эмиграционного правительства Э. Бенешу было не так трудно. С согласием на выселение венгерского меньшинства дело обстояло гораздо сложнее. Фактически ему удалось заручиться поддержкой лишь с советской стороны, и то не сразу. Произошло это после соответствующей работы по дипломатическим каналам во время его поездок в Москву в декабре 1943 г. и марте 1945 г. Об этом свидетельствуют воспоминания участвовавших в переговорах лиц и советские архивные документы.

Еще перед отправлением в Москву на переговоры в декабре 1943 г. Э. Бенеш имел заверения советской дипломатии в том, что СССР по-прежнему считает Чехословакию самостоятельным государством и согласен добиваться ее восстановления в домюнхенских границах. Чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер, занимаясь подготовкой поездки Бенеша в Москву, еще летом 1943 г. после соответствующих консультаций с главой советского внешнеполитического ведомства – Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) – В. М. Молотовым, выяснил принципиальную позицию советской стороны по вопросу о выселении немцев из послевоенной Чехословакии и сообщил в Лондон. «Немцы будут выселены. Разумеется, в наших краях порядок мы должны будем навести сами, но Советское правительство не будет мешать нам в этом». Посол, выражая свое мнение, при этом добавил также: «Москва только одобрит, если мы позаботимся об уничтожении немецких островков и о выселении немцев-шовинистов»¹⁰⁰.

Прибыв в Москву для подписания советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимной помощи (12 декабря 1943 г.), Бенеш в ходе переговоров поднял вопрос и о нацменьшинствах в Чехословакии, инициировав его обсуждение. Особый акцент он ставил, разумеется, на выдворении из страны лиц немецкой национальности. Необходимость их выселения экс-президент обосновывал тем, что представители нацменьшинств причастны к развалу государства, поэтому их выселение сделает невозможным использование национального вопроса в случае очередного раздела Чехословакии¹⁰¹. Стороны на переговорах признали справедливым выдворение из страны «фашистов и значительной части немецкого населения из пограничной полосы Республики» с тем, чтобы обеспечить надежные в военном отношении границы для будущего государства. Но Бенешу этого было недостаточно, и он заявил, что в интересах «окончательного сплочения нации, экономики и общества», укрепления национального характера чехословацкого государства он намерен «таким же образом поступить с венгерским меньшинством, проживающим вдоль южных границ республики»¹⁰². В подытоживающем результате переговоров советском внешнеполитическом документе в этой связи было записано: «Проблема выселения в значительной степени затрагивает и венгерское меньшинство вдоль южных границ Республики»¹⁰³.

Во время своего пребывания в Москве Бенеш передал советскому НКВД памятную записку под названием «О выселении части населения Чехословакии», датированную 14 декабря 1943 г. В этом документе говорилось о его намерении выдворить немцев и венгров из Чехословакии, очистив тем самым страну от наиболее крупных национальных меньшинств. Подчеркивалось, что «Чехословакия будет национальным государством» и поэтому остающиеся в стране меньшинства по закону «не будут считаться национальностями или политическими коллективами». Документом пре-

дусматривалось, что в послевоенной Чехословакии не останется ни одного населенного пункта, где бы чехи, словаки или карпаторусы (ныне украинцы) не составляли 67% , т. е. 2/3 населения. В одном из параграфов документа с подзаголовком «Перемещение мадьярского населения из Словакии и Подкарпатской Руси» подчеркивалось, что венграм будут предъявлены те же требования, что и немцам, но с учетом местных особенностей. В то же время отмечалось, что на территории Венгрии проживает «значительное число словаков и подкарпаторусов» и поэтому «желателен обмен населением» между двумя странами¹⁰⁴. Здесь же говорилось о том, что все остающиеся на территории Чехословакии «школы будут только чехословацкие и украинские», видимо, по языку преподавания в них. В заключительной части документа подчеркивалось, что будет выработан подробный план выселения национальных меньшинств из страны, которое будет реализовано в течение двух лет.

Следует обратить внимание на одну примечательную деталь. Добиваясь советского согласия на выселение национальных меньшинств с территории послевоенной Чехословакии, Бенеш аргументировал это тем, что правительство Великобритании в «конфиденциальном письме» якобы уже дало «принципиальное согласие» на выселение меньшинств из Чехословакии (забыв отметить, что такое согласие на деле касалось только немецкого меньшинства) и даже президент Рузвельт высказал ему «свою позитивную точку зрения по этому вопросу»¹⁰⁵.

После подписания договора Бенеш встретился с руководителями Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в эмиграции. В беседах с ними в связи с послевоенным переустройством страны затрагивалась и национальная тема. Бенеш рассказал деятелям КПЧ, что в ходе переговоров с советским руководством уделялось внимание также «решению немецкого вопроса в будущей республике», и подчеркнул, что «поражение немцев дает нам уникаль-

ную историческую возможность радикально очистить нашу страну от немецкого элемента»¹⁰⁶. Коснувшись проблемы венгерского меньшинства, он заявил, что применительно к нему будут приняты такие же меры, как и в отношении немцев, и добавил, что «венгерское население можно обменять на словаков Венгрии, и это облегчит дело»¹⁰⁷. Коммунистическое руководство фактически согласилось с ним и поддержало его.

Подписание советско-чехословацкого договора и, как следствие, укрепление международной позиции лондонского правительства позволили ему активизировать свои внешнеполитические действия, добиваясь поставленных целей. 24 августа 1944 г. оно сформулировало свои претензии к Венгрии в виде специальной памятной записки, переданной НКВД СССР. В ней отдельным пунктом значилась просьба обязать Венгрию после войны принять всех венгров, которых предполагалось выслать из Чехословакии, «признать их своими гражданами и взять на свое полное попечение до окончания их поселения»¹⁰⁸. Чехословацким правительством в свое время было выражено также пожелание ознакомиться с будущим проектом «Условий перемирия с Венгрией», чтобы оно могло высказать свои замечания и проследить за их учетом. Просьба была удовлетворена, и Бенеш пожелал внести в этот документ пункт о массовом перемещении венгерского населения из Чехословакии в Венгрию и словацкого — из Венгрии в Чехословакию. В одном из документов НКВД СССР от 30 декабря 1944 г. в этой связи отмечалось: «Чехословацкое правительство желает, чтобы венгерское правительство в принципе согласилось на обмен и перемещение населения. Г. Рипка* пояснил при этом, что перемещение немцев из Судетской области для Чехословакии является важным вопросом, од-

---

* Губерт Рипка — государственный министр чехословацкого правительства в лондонской эмиграции, один из видных руководителей Чехословацкой национально-социалистической партии, идеологом и лидером которой являлся сам Э. Бенеш.

нако, чехословацкое правительство заинтересовано в том, чтобы Советское правительство оказало давление на венгров в вопросе об обмене и перемещении населения, ибо это будет очень важным прецедентом при разрешении вопроса о перемещении судетских немцев»¹⁰⁹.

Бенеш и его правительство, настаивая на восстановлении Чехословакии в ее домюнхенских границах, придавали большое значение своеобразному силовому «решению» венгерского вопроса, усиленно добиваясь выселения этого, в основном компактно проживающего вдоль границы, национального меньшинства из страны, равно как и фиксации такой необходимости советской стороной в каждом из очередных внешнеполитических документов, касающихся Венгрии. Лондонское правительство Бенеша оказывало в этом направлении, особенно с конца 1944 г., растущее давление на советское внешнеполитическое ведомство. Перед III и IV европейскими отделами НКВД СССР в связи с этим встал вопрос о том, целесообразно ли вносить данное требование чехословацкой стороны в текст соглашения о перемирии с Венгрией. По мнению руководителей указанных отделов И.М. Лаврова и В.А. Зорина в этом не было необходимости. В совместной записке в адрес руководства они подчеркивали, что «выдвинутое Чехословацким правительством требование о переселении мадьяр с территории Чехословакии в Венгрию... подлежит рассмотрению на мирных переговорах»¹¹⁰. Такая же позиция нашла отражение и в «Заключении» Зорина на поступившие 31 декабря 1944 г. из Лондона телеграммы: «Перемещение населения из Чехословакии в Венгрию относится к условиям мирного договора, а не к условиям перемирия. Нет нужды сейчас фиксировать это требование Чехпра (чехословацкого правительства. — Б.Ж.), хотя по существу у нас вряд ли могут быть возражения против перемещения известной части венгерского населения из Чехословакии в Венгрию»¹¹¹. Несмотря на это, правительство Чехословакии продолжало и далее

настаивать на том, чтобы выселение венгров из Словакии было документально зафиксировано как принцип еще до согласования проектов мирных договоров великих союзных держав с Венгрией. Получив подготовленный в Москве текст договора о перемирии с Венгрией, чехословацкое правительство 15 января 1945 г. передало через З. Фирлингера новую памятную записку, в которой, в частности, настаивало на включении в договор следующего: «Венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство и лишенные его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет заботиться об этих лицах с момента пересечения ими венгерской границы»¹¹².

С 17 по 30 марта 1945 г. Бенеш снова побывал в Москве, где проводил переговоры с советским правительством по целому ряду вопросов. Вторым пунктом повестки дня на переговорах 21 марта с В. М. Молотовым стала проблема «трансфера (перемещения) немецкого и венгерского населения» из Чехословакии. В беседе участвовали также заместитель наркома А. Я. Вышинский, В. А. Зорин, министр иностранных дел чехословацкого правительства Я. Масарик и З. Фирлингер. Согласно советской записи об обмене мнениями, Бенеш убеждал своих собеседников в том, что англичане уже согласились на трансфер немецкого населения, только не знают, куда девать «7–8 миллионов немцев», к тому же «еще ожидают мнения Советского правительства». Отвечая на вопрос Молотова, он определил общую численность представителей национальных меньшинств страны в пять миллионов, очевидно, имея в виду кроме немцев и венгров также поляков, русин, украинцев, русских, евреев, цыган и других, вместе взятых. При этом Бенеш настаивал на том, что «нельзя решить польский и внутренний вопрос Чехословакии без трансфера»¹¹³, и тут же сформулировал практическую программу его проведения. Отметим, что чехословацкий руководитель с полным правом говорил о принципиальном согласии Великобритании на трансфер немцев

из Чехословакии, но умолчал о позициях британского правительства по венгерскому вопросу. Представляется, что в своей беседе с Молотовым он явно преднамеренно связал воедино вопрос о выселении немцев и венгров.

После того как Молотов от имени советского правительства дал согласие на выселение немцев и спросил Бенеша, сколько же немцев его правительство намерено выслать из Чехословакии, тот увязал проблему трансфера немцев и венгров. В советской записи беседы ответ чехословацкого лидера зафиксирован так: «Два миллиона немцев придется выселить, и в Чехословакии останется, очевидно, до 800 тысяч их. Вся немецкая буржуазия уйдет, останутся рабочие, которые будут расселены среди чешского населения. Сейчас в Чехословакии, по-видимому, до 4 миллионов немцев, венгров около 600 тысяч. Из венгров до 400 тысяч должно быть выселено»¹¹⁴. В заключение этой беседы в Москве Фирлингер выразил Молотову благодарность за содействие и «оказание большой поддержки в этом вопросе» во время переговоров о перемирии с Венгрией.

Собственно, эти же сведения повторил в связи с предстоящим практическим осуществлением выселения венгров из Словакии 16 апреля 1945 г. Фирлингер, уже в качестве премьер-министра республики, советскому послу в Чехословакии В. А. Зорину, отметив, что Словацкий Национальный Совет (СНС) вместе с правительством обсудил вопрос о выселении венгров и принял решение провести эту акцию «как можно быстрее, сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом». Он сказал, что СНС уже «подготавливает выселение в течение 3 месяцев до 400 тысяч венгров из южных районов Словакии»¹¹⁵. Центральная власть и местные словацкие органы были единодушны в проведении массового выселения, хотя между ними не было единого мнения в отношении этапов проведения данной акции. Об этом свидетельствует запись беседы Зорина с министром внутренних дел Чехословакии В. Носеком в ап-

реле 1945 г. «Словацкая Народная Рада, — сообщал посол в Москву, — предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии, причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным». Министр считал, что хотя и можно венгров «безболезненно выселить в Венгрию», сначала следует «объявить трудовую повинность,... создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были нелояльны по отношению к Чехословацкой Республике, а затем отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии». «Во всяком случае, Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров»¹¹⁶, — отмечалось в донесении посла из Кошице. Хотя подготовка к проведению акции массового выселения шла полным ходом, летом 1945 г. Фирлингер, находясь в Москве, снова согласовал вопрос с советским руководством. Встречаясь со Сталиным 28 июня, он снова задал вопрос о том, как быть с выселением немцев и венгров. Он получил такой ответ: «Мы мешать вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими»¹¹⁷. При этом Фирлингер обратился к нему с просьбой о содействии советских частей в выдворении венгров, однако, такого согласия не было дано¹¹⁸.

Следует отметить, что Временное Национальное правительство Венгрии ничего не знало о договоренностях Бенеша в Москве и о том, что он заручился советской поддержкой не только в вопросе о выселении немцев, но и венгерского меньшинства из Словакии.

Вопрос о выселении венгров на Потсдамской конференции ||

В ходе послевоенного мирного урегулирования в центрально-европейских странах, захваченных в годы Второй мировой войны гитлеровской Германией, остро встал вопрос об выселении из них немецкого меньшинства. Потсдамская конференция великих союзных держав-победитель-

ниц (17 июля – 2 августа 1945 г.) специально рассматривала просьбу чехословацкого правительства о выселения немцев из Чехословакии. Как отмечалось, Бенешу, который настаивал не только на удалении из страны немцев, но и венгерского меньшинства, удалось заранее заручиться поддержкой советского руководства по этому вопросу. Поэтому на конференции данная проблема рассматривалась одновременно и во взаимосвязи.

Чехословацкое правительство в специальной ноте великим державам от 3 июля 1945 г. поставило вопрос о высылке из страны 2–2,5 млн немцев и «около 400 000 венгров»¹¹⁹. Конференция обсудила прежде всего немецкую проблему, которая стала основной, и приняла единогласное решение об удалении немцев из трех европейских государств. Представители великих держав, учитывая, что гитлеровская Германия совершила тяжкие преступления против человечности, сочли возможным возложить коллективную ответственность за это на весь немецкий народ, подчинившийся своему фюреру. Великобритания, США и СССР договорились о перемещении «остатков немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии» (хотя временное правительство новой Венгрии и не обращалось с такой просьбой) на послевоенную территорию Германии.

Следует отметить, что это решение было принято фактически тогда, когда большие массы немецкого населения уже покинули пределы указанных государств вместе с отступавшими гитлеровскими войсками. Поэтому в пункте XIII «Коммюнике Берлинской конференции трех держав», подписанном С. Р. Этли, И. В. Сталиным и Г. Трумэнном, говорилось именно о переселении оставшегося в этих странах «немецкого населения или его части». При этом указывалось на необходимость организованного и гуманного проведения этой акции. В документах конференции была определена и численность подлежащих выселению немцев. Проведение выселения из Польши и Чехословакии было

доверено правительствам этих стран, а в Венгрии — действующей в этой стране Союзной Контрольной комиссии (СКК) во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым.

Союзный Контрольный совет в Германии предполагал переселить из Венгрии 500 тыс. немцев в американскую зону оккупации. Об этом намерении 20 ноября 1945 г. он проинформировал венгерское правительство, что и было принято последним в качестве руководства к действию. СКК в Венгрии в свою очередь 30 ноября 1945 г. также довел эту информацию до сведения венгерского премьер-министра З. Тильди. Принятое венгерским правительством 29 декабря 1945 г. решение за № 12330 о переселении немцев было довольно радикальным¹²⁰. Достаточно отметить, что выселению подлежали даже швабы из области Бачка и Задунайского края Венгрии, которые в годы войны активно выступали против фашизма и национал-социалистской идеологии. Учитывая, что реальная численность немцев в стране была гораздо ниже квоты, определенной в Потсдаме, министр иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши срочно проинформировал союзные державы об этом, назвав число подлежащих выселению немцев в 200 тыс. человек. При этом он отметил, что правительство считает желательным переселить только тех немцев, «которые своим поведением предали Венгрию и перешли на службу к гитлеровцам». Выселение немцев из Венгрии лоббировалось правительством Чехословакии, так как оно было заинтересовано в освобождении места для размещения там словацких венгров, выселяемых в эту страну.

В конечном счете, по официальным данным, из Венгрии до конца декабря 1946 г. в американскую зону оккупации было перемещено 133 655 немцев, а затем до мая 1947 г. эпизодически еще отправлялись новые группы переселенцев. Правда, американская администрация их уже отказывалась принимать, и поэтому около 50 тыс. немцев были размещены в советской зоне оккупации¹²¹. Дело в том, что процесс

переселения немцев из Венгрии с весны 1946 г. по просьбе США был приостановлен, а с конца июня по декабрь практически прекращен, так как венгерское государство в условиях послевоенной разрухи оказалось не в состоянии обеспечивать переселяемых необходимыми средствами (по 300–500 долларов на каждого). С весны 1948 г. процесс перемещения немцев был продолжен, но уже в советскую зону оккупации, т. е. на территорию будущей ГДР¹²². В дальнейшем, с изменением международной обстановки и принятием в 1949 г. новой Конституции Венгрии, провозгласившей полное равенство всех национальностей страны, проблема переселения была снята с повестки дня окончательно.

Вопрос о венгерском национальном меньшинстве в Словакии и его выселении в Венгрию в Потсдаме был решен иначе. Прежде всего, из-за несогласия англо-американской стороны чехословацкому руководству не удалось добиться решения, аналогичного решению с немцами. Хотя западные державы предпочли не вмешиваться в процесс перемещения населения между Чехословакией и Венгрией, они пошли на проведение этой акции по обоюдному согласию заинтересованных сторон и гуманными методами. Представитель США в Будапеште 12 июня 1945 г. передал венгерскому правительству меморандум, в котором было выражено отношение США к принципу коллективной ответственности. В нем говорилось, что «правительство Соединенных Штатов считало бы неправомерным относиться к представителям этнического меньшинства словно к государственным преступникам, которых исключительно по этническому происхождению намереваются изгнать из мест их проживания», т. е. фактически поддержало венгерскую позицию. Ведь именно на этом основании чехословацкое политическое руководство решило изгнать венгров из страны. В меморандуме подчеркивалось также, что удаление нацменьшинств допустимо лишь в полном соответствии с международными соглашениями. Делалась ссылка на обещание министра иностран-

ных дел Чехословакии Я. Масарика, данное 21 мая 1945 г. в Сан-Франциско, что его правительство будет «наказывать только тех венгров, которые участвовали в сговоре против Чехословацкой республики и которые воевали на стороне нацистов», а все остальные «могут остаться в стране и пользоваться всеми правами гражданина республики»¹²³. Но это были слова, а практика оказалась иной.

Потсдамская конференция также отвергла предложение Чехословакии полностью выселить венгерское меньшинство. Было предложено решить проблему путем проведения переговоров между двумя странами на принципе обмена населением. Такое решение не могло удовлетворить Бенеша. Политическая элита Чехословакии решила дождаться начала работы Парижской мирной конференции (сентябрь 1946 г.), с тем чтобы снова попытаться добиться желаемого. Венгрия же в Потсдаме получила передышку для решения вопроса о словацких венграх путем переговоров.

Между тем чехословацкая дипломатия прибегла и к другим, сепаратным приемам, пытаясь действовать непосредственно через советского руководителя СКК в Венгрии. В частности, обсуждалась возможность передачи венгров из Словакии Союзной Контрольной комиссии во главе с Ворошиловым. При этом утверждалось, что якобы «в Венгрии проживает 345 000 словаков»¹²⁴, которые желают переселиться в Словакию, поэтому можно переселить в Венгрию соответствующее число словацких венгров.

В конечном счете основным вариантом решения проблемы действительно стал обмен, но далеко не такого масштаба, как предполагала чехословацкая сторона. Представленный в Потсдаме чехословацкий план исходил из возможности обмена максимального числа словацких венгров на венгерских словаков. При этом, как отмечал чехословацкий исследователь, специалист по исторической демографии и национальному вопросу Ю. Звара, правительство Чехословакии исходило из того, что возможен

почти полный обмен, полагая, что в Венгрии насчитывается приблизительно столько же словаков, сколько венгров в Словакии, а именно 450 тысяч¹²⁵. Следует обратить внимание на разноречивую приводимых чехословацкой стороной оценочных данных, основанных на недостоверных сведениях об их численности (345–550 тыс. человек*)¹²⁶. Преувеличенность данных, которыми оперировала на различных форумах чехословацкая сторона, не подтверждается материалами чехословацких и венгерских переписей населения 1930 г., зафиксировавших в Чехословакии свыше 500 тыс. венгров, а в Венгрии — всего 100 тыс. словаков¹²⁷. Впрочем, несовпадение, или весьма значительные расхождения, между численностью словацких венгров и венгерских словаков выявила и последующая практика проведения обмена населением между обеими странами.

Начало реализации чехословацкого плана массового выселения словацких венгров и реакция Венгрии

В программе Национального фронта чехов и словаков, так называемой Кошицкой правительственной программе, провозглашенной в апреле 1945 г., еще не говорилось о всеобщем выселении из страны немцев и венгров, но в местах их компактного проживания уже предписывалось введение особого административного управления¹²⁸. Однако вскоре желание очистить Чехословакию от немцев и венгров стало не только очевидным, но и публично провозглашен-

---

* На мирной конференции в Париже 5 февраля 1919 г. Э. Бенеш определил численность словаков Венгрии цифрой 450 тыс. Он же на международной встрече 14 марта 1921 г. говорил о 380 тыс. словаках. В. Клементис 6 июня 1945 г. оперировал цифрой 350 тыс., а председатель СНС др. Й. Леттрих называл 346 тыс. Член чехословацкой делегации на чехословацко-венгерских переговорах говорил о 400 тыс. словаках в Венгрии. Словацкий демограф Я. Светонь в 1946 г. определял их численность в 475 тыс. Со стороны венгерских политиков максимальную численность словаков в Венгрии — 180 тыс. — называл премьер-министр страны П. Телеки в конце 30-х годов. Официальные же переписи населения Венгрии приводили следующие данные: в 1920 г. — 142 тыс. словаков, в 1930 г. — 105 тыс., в 1941 г. — 75 тыс., в 1949 г. — 25 988 чел. (*Dávid Zoltán. A magyarországi szlovákok száma, 1900–1960 // Medvetánc, [Bp.], 1988. 4. sz.; 1989. 1. sz., 88. old.*)

ным политическим курсом. Национальные предрассудки, предвзятость, огульное осуждение немцев и венгров были возведены в ранг государственной политики, стали своеобразной политической доктриной, вскоре узаконенной. На них возлагалась коллективная ответственность за распад Чехословакии. Исходя из этого, не только немецкое, но и все венгерское население Словакии, независимо от его социального статуса, участия или неучастия в политике, вслед за немцами фактически провозглашалось «преступной нацией» и подлежало выдворению из страны.

Официальной мотивацией для выселения венгров из Чехословакии служило пропагандистское утверждение о том, что венгерское население после мюнхенского диктата якобы предало республику, «став на службу венгерского ревизионизма», и поэтому до тех пор, пока в стране остается венгерское население, сохраняется и опасность новых ирридентистских требований со стороны Венгрии. Ратуя за создание «чисто национального», точнее «чисто славянского государства», чехословацкое руководство утверждало, что якобы именно это и позволит в перспективе сохранить мир в регионе¹²⁹. Выступая по радио 16 февраля 1945 г., Э. Бенеш, в частности, говорил: «Мы должны подготовить окончательное решение вопроса о наших немцах и венграх, ибо новая Чехословацкая республика станет национальным государством»¹³⁰. Возложение коллективной ответственности на венгров происходило вопреки тому, что подавляющее большинство венгерского населения Словакии, как до 1938 г., так и после, вполне определенно придерживалось антифашистских взглядов. Венгерское крестьянство края вообще не интересовалось политикой, тем более идеологией национал-социализма, а венгерская интеллигенция, среди которой насчитывалось немало известных и убежденных демократов, по-прежнему оставалась приверженной гуманизму и демократии. В этой связи примечателен пример председателя Венгерской партии в Словакии, гра-

фа Я. Эстерхази. Будучи ведущим политиком венгерского меньшинства, он в условиях тисовского режима Словакии оказался единственным депутатом словацкого парламента, поднявшим свой голос против принятия законов, направленных на фашизацию государства, а затем также единственный голосовал против депортации евреев¹³¹.

Политическая концепция выселения венгров фактически, но в завуалированной форме нашла отражение в Кошицкой правительственной программе. Однако уже ранее были осуществлены практические действия в этом направлении. Так, постановлением СНС от 6 сентября 1944 г., т.е. в период Словацкого национального восстания, были закрыты даже все начальные школы с венгерским языком обучения¹³², в феврале 1945 г. постановлением того же органа власти об аграрной реформе подверглись конфискации венгерские помещичьи землевладения, дополненные вскоре президентским декретом от 21 июня 1945 г. о конфискации и ускоренном разделении земельной собственности немцев, венгров и предателей чешского и словацкого народов. Затем было лишено гражданства все немецкое и венгерское население Чехословакии¹³³. Но еще до этого, 5 мая 1945 г., было издано распоряжение уполномоченного СНС по внутренним делам, на основании которого до 1 июля 1945 г. через венгерскую границу лишь с ручным багажом были выдворены 31 780 словацких венгров, которые поселились на территории Словакии после первого Венского арбитража 2 ноября 1938 г., а затем с весны под Братиславой в лагерях для интернированных содержались на протяжении целого года несколько тысяч венгров в качестве «военных преступников»¹³⁴, отнесенных к этой категории по далеко неясным критериям. Предпринимались и другие административные меры репрессивного характера. Распоряжения, указы и декреты 1945 года привели к выселению чехословацких граждан венгерской национальности из их квартир и домов, к увольнению с занимаемых должностей.

Среди этих актов был июльский декрет президента Бенеша за № 27 о расселении венгров по стране. На основании другого декрета Бенеша (№ 108 от 25 октября 1945 г.) подверглось конфискации «вражеское имущество», принадлежащее юридическим и физическим лицам венгерской национальности, за исключением оставшихся верными Чехословацкой республике. При этом пострадали в основном венгерские крестьяне и рабочие, так как крупные и средние землевладения уже были конфискованы еще в марте месяце. С целью «поголовного выселения из страны были взяты на учет 138 162 венгерских семьи»¹³⁵.

Уже в июне 1945 г. на развернутое преследование венгров в Словакии обратило внимание Управление 2-го Украинского фронта, доложив об этом начальнику VII Управления ГлавПУРККА М. И. Бурцеву. В донесении, в частности, подчеркивалось: «В настоящее время в Чехословакии органами власти на местах практикуются неправильные действия в отношении к венгерскому населению. В Чехословакии проживает сейчас 750–800 тысяч венгров. В основном это малоземельные крестьяне, батраки и рабочие... В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с.г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания. В этом духе действует и компартия Чехословакии»¹³⁶. В документе обращалось внимание на перегибы местных властей, на вспышку словацких националистических и шовинистических настроений, приводились конкретные подробности этих проявлений. Отмечалось, в частности, что «в Новых Замках управление завода Батя, на котором работает до 90 % венгров, объявлено о запрете говорить на венгерском языке, приказано снять лозунги на венгерском языке: “Да здравствует маршал Сталин!”, “Да здравствует Красная Армия!”». Был приведен и такой, наиболее характерный пример, когда военный комендант Западной Словакии

полковник Я. Чернек издал циркуляр, предписывавший осуществить «переселение венгров в течение суток», причем «из вещей выселяемым разрешалось взять только то, что они могли унести с собой»¹³⁷.

Характеризуя ситуацию того времени в Словакии, М. И. Бурцев в своем донесении Г. Димитрову 19 июня 1945 г. писал: «Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, не будучи в состоянии прекратить незаконные действия, уезжают в Венгрию... Необходимо отметить, что все действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендантами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям советских комендатур. Отмечены случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе пытаются препятствовать применению грубых методов к венгерскому населению»¹³⁸. При этом Бурцев обращал внимание и на то, что в результате применения «неправильных методов в осуществлении национальной политики, в Словакии усиливается деятельность реакционеров, выступающих под прикрытием словацкого патриотизма», что СНС «фактически способствует самочинным действиям местных властей», поэтому «многие организации компартии Словакии, занявшие неправильные позиции в национальном вопросе, лишаются влияния среди венгерских трудящихся».

Представители венгерского меньшинства под угрозой преследования в целях самозащиты решили обратиться к правительству Чехословакии и Словацкому национальному Совету. В поданном ими еще 19 апреля 1945 г. «Меморандуме» подчеркивалось, что «живущие на территории Словакии венгры ни до, ни после 14 марта 1939 г. не совершали

предательства против демократии и гуманизма». Они просили справедливо рассмотреть и объективно проанализировать поведение венгерского меньшинства за истекшие годы и, если потребуется, выслушать их представителей, прежде чем принимать окончательное решение о словацких венграх. Хотя авторы не отрицали, что в свое время на «улучшение своей судьбы они могли надеяться исключительно посредством ревизии Трианонского мирного договора», но категорически возражали против «отождествления венгров с немцами». В документе отмечалось: «Венгерская партия в Словакии ни в какой мере не была похожа на бывшую Немецкую партию в Словакии. Широко известен факт, что венгры и Венгерская партия не сотрудничали с немцами, с Немецкой партией, и даже со Словацкой Народной партией Глинки, ни с Глинковской Гвардией или их молодежными организациями. Наоборот, немцы и названные словацкие организации преследовали венгров и Венгерскую партию, которая в Словакии была единственной (официально действующей. — *Б.Ж.*) антифашистской политической партией». Отмечалось также, что партия и ее руководитель, Я. Эстерхази, сыграли важную роль в борьбе против фашизма в Словакии. «Общеизвестно, — говорилось в «Меморандуме», — что Янош Эстерхази был единственным (депутатом словацкого парламента. — *Б.Ж.*), кто не проголосовал за словацкий закон, направленный против евреев, кто всегда призывал венгров к конструктивной работе, был единственным, кто осмелился выразить свое отношение к словацкой форме государства и его основателям»¹³⁹.

Не получив ответа на свой меморандум, представители венгерского меньшинства Словакии в начале июня 1945 г. подали словацким властям другой документ с подробным описанием положения венгров в тисовской Словакии и послевоенной Чехословакии в последние шесть лет. В нем характеризовались преследования венгров в годы войны, их участие в антифашистской борьбе, говорилось о поло-

жительной деятельности Венгерской партии, описывалось пребывание более десятка тысяч венгров в застенках «словацкого Гестапо», а затем отмечалась несправедливость депортации, преследования и массового выселения венгров с родных мест. В Словакии периода правления Тисо, утверждалось в этом документе, лишь Венгерская партия оставалась «единственным оплотом демократического духа, либерального и антигитлеровского поведения, подчеркнутой христианской идеи в борьбе против нацизма, лишь она одна отвергла гитлеровскую форму и практику приветствия»¹⁴⁰. Характеризуя социальный состав венгерского населения Словакии, авторы описания подчеркивали, что «подавляющее большинство словацких венгров составляют бедные городские слои, промышленные рабочие, пенсионеры, несколько десятков средних и десять крупных землевладельцев, которые вместе с живущими на селе тысячами крестьян и составляют позитивную ценность Словакии».

Специальный раздел в описании занимала характеристика участия венгров в партизанском движении и в Словацком национальном восстании. Но основная часть была посвящена их гонениям в конце и после войны. Отмечалось, что в новой Чехословакии «с венграми обращаются так, будто Гитлер прямо из Будапешта «посылал» свои угрозы Чехословакии». Составители документа не снимали вину и ответственность с венгерских фашистов (нилашистов) за совершенные ими преступления в Словакии в конце 1944 г., но при этом подчеркивали, что к этому не имели отношение словацкие венгры, «которые сейчас подвергаются разнужданному и несправедливому наказанию»¹⁴¹. Обращалось внимание и на то, что Венгерская партия даже в указе СНС от 25 мая 1945 г., в отличие от Партии Глинки, не была обвинена в коллаборационизме. «Тем не менее, сразу же после освобождения Братиславы, венгров начали мерить одной меркой с немцами и словацкими фашистами», – говорилось в документе. Отмечалось также, что представите-

ли словацких венгров уже в апреле 1945 г. подали меморандум руководителям СНС, министрам Гусаку и Тварожеку, с просьбой об «объективной проверке 6-летнего поведения венгерского населения Словакии и сохранения за ним его прав, а также с предложением позволить ему участвовать в возрождении государства». Приводились слова названных лиц, которые при передаче меморандума подтвердили членам делегации словацких венгров, что «словацкие венгры в государстве Тисо вели себя хорошо и не заслуживают, чтобы с ними обращались так, как с немцами», более того, даже заверили делегатов, что те, «кто не был фашистом, следовательно, 90 % венгров, не пострадают»¹⁴². На деле все вышло наоборот. «3 мая 1945 г., — значилось в документе, — венгерское население Братиславы, неожиданно, без всякого предупреждения, начали интернировать вне города. Полицейские, детективы и солдаты прошли по кварталам, уводя за собой горожан-венгров в полицейские участки, где им были вручены извещения о выселении с мотивацией “по соображениям национальной безопасности”»¹⁴³.

В описании далее говорилось о депортации венгров даже из пролетарских районов словацкой столицы, развернувшейся в канун приезда Бенеша в город. Венгры моментально лишились всего своего имущества и собственности — им разрешалось брать с собой лишь ручную кладь. «Депортировали даже евреев, которые были зарегистрированы как говорящие на венгерском языке». «Депортация — самое печальное событие, — отмечалось в этом документе, — которое оценивается всеми трезво мыслящими и демократически настроенными словаками как жестокий, достойный сожаления акт... и, прежде всего, потому, что главным образом он направлен против откровенно антифашистских венгров, которые заслуживали бы как раз противоположного обращения»¹⁴⁴.

Составители «Меморандума» и «Описания положения венгров Словакии» обращались к названным органам посоединенной Чехословакии с просьбой позволить венгерскому

меньшинству принять участие в строительстве нового государства, ходатайствовали о сохранении за ним прав, зафиксированных в конституции страны 1920 года. Однако в этом им было отказано.

Были и другие, направленные высокопоставленным представителям чехословацких властей меморандумы о позициях венгерского меньшинства в часы испытаний. Некоторые из них, например К. Готвальд, В. Широкий, Л. Новомеский, сами должны были помнить о таких фактах, в частности, о массовом митинге, проведенном венграми в Кошицах 31 июля 1938 г., где известный представитель венгерского меньшинства, писатель-антифашист З. Фабри от имени всех чехословацких венгров осудил то давление, которое оказывалось тогда на республику извне. Но после войны из упомянутых лиц один лишь поэт Л. Новомеский, исполнявший функции поверенного в делах школьного образования, попытался, хотя и несколько нерешительно, возразить против коллективного осуждения венгров в Словакии. Побывавший во время правления Тисо в илавском концентрационном лагере, З. Фабри и другие представители интеллигенции словацких венгров также писали меморандумы, в которых приводили конкретные доказательства несостоятельности обвинений в адрес венгерского меньшинства, опровергали его коллективную вину, требовали остановить «негласную кампанию его истребления», отмечая, что «это в интересах не только граждан Чехословакии, но и мира и стабильности во всем Дунайском бассейне, чему самым серьезным образом угрожает трагедия ошибочных действий Чехословакии как раз тогда, когда измученные и обманутые народы региона освободились от германского ига и расчищают развалы на путях, ведущих друг к другу»¹⁴⁵. Фабри позже направил еще один обширный меморандум в защиту венгров Словакии, озаглавленный «Слово обвиняемого» и адресованный чешской и словацкой интеллигенции. В переводе на словацкий оно было разослано не-

скольким десяткам политиков и литераторов страны, в том числе лично писателю Л. Новомескому, политикам В. Клементису, Г. Гусаку и другим, литературным переводчикам Я. Смреку, Э. Б. Лукачу, чешским поэтам Ф. Галасу и В. Незвалу, близким к окружению президента и министра иностранных дел. Однако ответа и реакции не последовало.

В соответствии с главой VIII Кошицкой программы, на возобновление чехословацкого гражданства могли претендовать только активные антифашисты, участвовавшие в борьбе за освобождение страны, и те, кто преследовался в годы войны за свою преданность и верность республике. Однако такой подход, как следует из цитированных документов венгерского меньшинства, на практике далеко не всегда соблюдался. Здесь достаточно сослаться на пример упомянутого Я. Эстерхази, который во время чехословацкого кризиса 1938 г., в отличие от словацких политиков, попавших под влияние Гитлера, в одном из интервью подчеркивал, что Венгерская партия вовсе не желает выхода Словакии из состава республики, а «стремится только к реализации прав венгерского меньшинства в рамках Чехословацкой Республики». Граф оказался в числе тех венгерских политиков Словакии, которые были репрессированы. Несмотря на его антифашистские позиции, Эстерхази обвинили в том, что он якобы являлся «агентом Хорти в Чехословакии», и уже 20 апреля 1945 г. по личному указанию уполномоченного по внутренним делам Г. Гусака арестовали и передали НКВД. При этом, фабрикуя против Эстерхази ложное обвинение, не учли такую «мелочь», как предложение, сделанное ему в 1936 г. лично президентом Бенешем занять министерский пост в чехословацком правительстве. Вряд ли президент предложил бы такой пост агенту Хорти. Другой вопрос, что граф был сторонником налаживания добрососедских отношений с Венгрией и сотрудничества Чехословакии с Западом. Выступая в парламенте, он неоднократно обращал внимание на нарастающую угрозу со стороны гит-

леровской Германии, осуждал создание трудовых и концентрационных лагерей режимом Тисо, после взятия власти Салаша в Венгрии отверг предложение его правительства реорганизовать Венгерскую партию в Словакии по типу геллейновских национал-социалистов, был арестован, прятался от гестапо.

Арестованный после освобождения Братиславы, Эстерхази был отправлен в СССР и приговорен к 10 годам «исправительных работ». В ходе политических процессов против военных преступников в Чехословакии этот видный представитель венгерского меньшинства был обвинен в служении фашизму, в содействии развалу чехословацкого государства и 16 ноября 1947 г. заочно приговорен к смертной казни через повешение¹⁴⁶. Весной 1949 г. заболевший туберкулезом граф был выдан чехословацким властям, и К. Готвальд заменил ему смертный приговор на пожизненное заключение. Скончался Эстерхази в 1957 г. после 12 лет, проведенных в тюрьме. В апреле 1993 г. посткоммунистическая Россия передала Венгрии архивные документы о реабилитации российскими властями этого видного представителя венгерского нацменьшинства ЧСР и еще 12 незаконно осужденных вместе с ним венгров.

Это был лишь один из наиболее ярких примеров политической расправы с неугодными словацкими венграми в условиях послевоенной Чехословакии. То, что произошло с Эстерхази, лишний раз убеждает в справедливости слов чешского мыслителя Э. Радла, который писал: «Народные суды имеют смысл лишь в том случае, если им не дано полное право вынесения окончательных решений, если судебный процесс ведется достойными методами. Народ ведь тоже ошибается, как ошибается отдельный человек; поэтому меньшинства тоже должны иметь свои права, и особенно важно, чтобы они всегда имели право на апелляцию даже после “народного суда”... Низость не может привести к настоящей демократии даже в том случае, если за ней сто-

ит преобладающее большинство»¹⁴⁷. Ныне, спустя более 70 лет, политические и идеологические мотивы действий чехословацких властей против представителей венгерского меньшинства могут быть объяснены, но и сегодня вряд ли можно оправдать массовое ущемление прав и свобод, бесчеловечное отношение, жестокие меры, направленные против ни в чем не повинных людей, массовое изгнание их из страны, с мест многовекового обитания их предков.

Лишение словацких венгров гражданства, разумеется, еще не означало их автоматического выдворения из страны, тем более в массовом масштабе, чего столь усердно добивались от великих держав Бенеш и все политическое руководство Чехословакии.

Э. Бенеш же 9 мая 1945 г. заявил: «Чехи и словаки решат, и уже решили окончательно, что с немцами и венграми жить в одном государстве в нынешних условиях не могут и не будут. После этой войны... у меньшинств не будет никаких прав. Вслед за наказанием всех виновных из нашей страны должно уйти подавляющее большинство немцев и венгров»¹⁴⁸. Это заявление Бенеша стало поворотным в публичной оценке венгерского меньшинства в Чехословакии, ведь до этого во всеуслышание никто никогда не связывал напрямую судетских немцев и словацких венгров. Наоборот, оценка этих меньшинств ранее существенно отличалась. Так, в годы войны словацкий коммунист В. Клементис еще сам говорил о существующих различиях между венграми и судетскими немцами, отмечая, что «большинство венгерских рабочих и крестьян политику и культурное развитие республики оценивали достойно»¹⁴⁹, но после выступления Бенеша он предпочел не упоминать об этом. Следует сказать, что и Бенеш в своих воспоминаниях, говоря о развале Чехословакии, жаловался только на немцев и словаков, тогда как о словацких венграх не говорил ничего отрицательного. «Я отчаянно боролся против всего. Против меня стоял внутренний фронт, так называемое движение

судетских немцев, затем фронт словаков»¹⁵⁰, — писал он. Следовательно, словацких венгров Бенеш не причислял к тем силам, которые в составе такого фронта противостояли ему. После войны это не мешало ему, однако, добиваться их массового выселения.

Для словацких венгров резкий поворот в их оценке со стороны чехословацкой политической элиты, их огульное осуждение, стали неожиданностью. Недаром один из представителей венгерского МИДа отмечал впоследствии, что «коалиционное правительство Венгрии не могло и предположить, что новое чехословацкое государство откажется от принципов первого президента республики Т.Г. Масарика и, уподобившись нацистской Германии, решится на преследование и расовую ненависть»¹⁵¹. Выступление Бенеша в Братиславе стало, однако, не только публичным свидетельством его намерений превратить Чехословакию в «чисто национальное» государство, но и вполне конкретным выражением того, что политическое руководство страны не желает, чтобы немцы и венгры жили с чехами и словаками в одном государстве. Такая позиция означала полный отход от принципов Т.Г. Масарика, который еще в первом своем президентском послании заверял народы страны в том, что «в нашей республике не будет насильственной денационализации, ... при любых условиях наша политика будет преследовать цель усиления национальной терпимости» с тем, чтобы «для меньшинств были созданы исключительно беспрепятственные условия для их национального развития»¹⁵².

Ситуация, которая сложилась в Словакии после выступления в начале мая 1945 г. чехословацкого президента в Братиславе, характеризовалась вспышкой антивенгерских настроений и массовыми арестами и выселением венгров. Эта акция началась именно с Братиславы. В одной из работ, опубликованной в словацкой столице в середине 90-х годов прошлого века, она описана так: «Многих венгров, возвра-

щающихся с воскресного богослужения уже не пускали в квартиры. Бесчеловечности не было предела. Многих венгров сразу же отправляли в военные бараки на территории концлагеря в Петржалке, остальных – в другие города и села. Согласно решению управления национальной безопасности они могли быть размещены, однако, лишь в постройках, возведенных до 1918 года. Правда, сам лагерь был построен уже после 1918 г. Органы национальной безопасности были беспощадны, ... венграм не разрешали брать с собой даже семейные реликвии – настенные фотографии своих родителей, дедов и бабушек, свадебные фото в рамках»¹⁵³. После братиславских арестов и депортаций подобные действия, которыми занимался специальный отдел национальной безопасности – политическая полиция НБ-11, – развернулись по всей Словакии, в результате чего только в петржалкском лагере «Кошут» ко времени его закрытия в 1946 г. насчитывалось свыше 20 тысяч словацких венгров. Многие были просто изгнаны из страны. Число изгнанных из Словакии, по сохранившимся далеко не полным данным, по оценке историков, составляло 31 780 человек¹⁵⁴.

Обращение словацких властей с венграми удивило не только самих венгров, но и представителей командования советских войск. Получив в июне 1945 года ряд донесений о депортации представителей этого нацменьшинства в Венгрию, о жестоком обращении словацких властей с венграми¹⁵⁵, в июле того же года Г.М. Димитров решил обратиться на это внимание высшего руководства ВКП(б), отмечая, что из материалов, которыми он располагает, «видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия». При этом он счел важным «в соответствующей форме обратиться на это внимание представителей чехословацкого правительства»¹⁵⁶. Произошло ли это на деле, нам не известно. Однако 15 августа Димитров получил очередное информационное письмо от Бурцева о

продолжающейся «антивенгерской политике чехословацкого правительства» с выдержками из полученных им донесений. Так, в донесении начальника 7-го отдела Политуправления Центральной группы войск говорилось: «В течение мая–июня с.г. чехословацкое правительство провело ряд мероприятий, свидетельствующих о его антивенгерской политике. Несмотря на то, что в декларации, опубликованной правительством, говорится о выселении лишь тех венгров, которые прибыли в Чехословакию после 1938 г., и о наказании тех лиц венгерской национальности, которые в период оккупации Чехословакии сотрудничали с нацистскими оккупационными органами, ряд членов центрального и словацкого правительств, в том числе и сам президент Бенеш, неоднократно (в Братиславе 9-го, в Брно 12 мая, а затем в Лидице. — *Б. Ж.*) выступали с речами и статьями, в которых требовали выселения всех венгров из Словакии»¹⁵⁷.

Из письма Бурцева Димитрову вытекало, что такая политика уже отражает не просто перегибы местных властей, но и политику Праги. В письме подчеркивалось, что публичные выступления президента «словацкими властями на местах воспринимаются как руководство к действию», что «преследования венгров в Словакии усилились». «Венграм под страхом увольнения с работы запрещают говорить на родном языке, имели место попытки заставить венгров носить на рукаве отличительную букву «М» (мадьяр), — отмечалось в письме Бурцева. — В ряде городов и сел Словакии, где большинство населения составляют венгры, закрыты венгерские школы, из многих городов, напр., из Братиславы, выселяется все венгерское население, причем условия выселения чрезвычайно жестки. Тон чехословацкой печати, особенно словацкой, в отношении венгров стал чрезвычайно резким и агрессивным. Исключения не составляет и центральный орган коммунистической партии Словакии»¹⁵⁸. В заключительной части письма указывалось, что «события в Чехословакии, затрагивающие судь-

бу более чем 700 тысяч венгров, населяющих восточные и южные районы Словакии, вызвали сильное возбуждение среди общественности Венгрии», что «немедленно вслед за последним выступлением Бенеша вся венгерская печать реагировала на них опубликованием ответных статей, в которых выражается негодование по поводу национальной политики чехословацкого правительства в отношении венгерского меньшинства». К письму прилагались выдержки из венгерской печати, в которых выражалось сомнение в том, что «Бенеш решился на такие действия без предварительного согласования с Москвой», что она «настолько слаба, что допускает подобные заявления Бенеша, если они не соответствуют ее намерениям». Прилагалось и интервью члена ЦК Венгерской компартии М. Фаркаша, который, в частности, заявлял: «Нас, коммунистов, чрезвычайно волнуют и возмущают события, которые сейчас происходят в Чехословакии... Пока мы не поднимаем шума вокруг этого вопроса. Надеемся, что Москва заставит виновников этих безобразий прекратить их. Однако я должен заявить, что, если подобные бесчинства по отношению к венграм будут продолжаться, мы вынуждены будем начать кампанию против Бенеша»¹⁵⁹.

Наиболее заметным актом в отношении венгерского меньшинства в Словакии стал, однако, декрет президента Э. Бенеша за № 33 от 2 августа 1945 г., имевший наиболее тяжелые последствия, и поэтому на нем следует остановиться подробнее. Этим декретом оперативно, собственно в последний день работы Потсдамской конференции, чехословацкого гражданства лишилось, наряду с немецким, практически все венгерское население республики, насчитывавшее тогда 691 621 человек¹⁶⁰. Гражданство потеряли и активные антифашисты, и участники освобождения страны. Правда, они могли ходатайствовать о его восстановлении. Декрет можно рассматривать как своеобразный ответ чехословацких властей на отказ указанного международно-

го форума поддержать их просьбу о том, чтобы поступать с венграми таким же образом, как с немцами. Этот принятый в послевоенных условиях декрет президента, по определению отдельных юристов — исследователей права в современной Словакии, был целиком и полностью чужд духу и букве Конституции республики 1920 г., противоречил Уставу ООН, ибо нарушал основополагающие права человека и гражданина¹⁶¹.

Декрет Бенеша стал основополагающим и определяющим юридическим документом, открывшим путь политического, административно-силового воздействия на венгерское население. Он создал для него атмосферу нервозности, бесправия и страха за свое будущее, угрожая самому существованию этого национального меньшинства. Бенеш и политическое руководство страны явно полагали, что, имея за собой советскую поддержку, могут обходиться с венграми по своему усмотрению, и этому не может помешать никто.

Венгерское население Словакии, даже в пограничной с Венгрией примерно 60-километровой полосе его компактного проживания, сразу же после освобождения Чехословакии указом уполномоченных по внутренним делам СНС было лишено всякой возможности образовывать свои местные органы власти, национальные комитеты. Венгры не могли быть членами никаких политических партий и массовых организаций, их тысячами интернировали и отправляли в концентрационные лагеря. С появлением декрета о лишении их чехословацкого гражданства прекращалось членство венгров даже в КПЧ. Правда, бывшие коммунисты могли просить рекомендации и добровольно переселиться в Венгрию, где была возможность кооптироваться в венгерскую компартию. Все школы с венгерским языком обучения были закрыты, в том числе частные. Конфискованная у венгров собственность была взята под «национальное управление». Все их культурные, спортивные, социальные и прочие организации и объединения были распущены.

Изымались радиоприемники, запрещалась публикация на венгерском языке газет, книг, журналов, даже молитвенников. На улицах городов, в церквях, в системе почтовой связи было запрещено пользоваться венгерским языком. Специальным постановлением СНС (№ 253/1945 г.) предписывалось закрытие всех венгерских церковных приходов, епархий и деканатов. Их собственность передавалась во владение словацких церквей. Священники были уволены, служба должна была проводиться «только на государственных языках». Венгры, в одночасье ставшие негражданами, лишились медицинского обслуживания, всех социальных прав и льгот, пенсионерам, равно как и инвалидам и вдовам, была прекращена выплата пенсий. Неграждане, как евреи в годы войны, должны были носить отличительный знак — белую повязку на рукаве¹⁶².

Все эти и другие меры были направлены на то, чтобы заставить венгров «добровольно» эмигрировать. В целом численность таких беженцев уже в начале 1945 г. достигла 40 тыс. человек¹⁶³. Специальными постановлениями СНС (№ 44 и 99 за 1945 г.) были отстранены со своих должностей в системе местной администрации и лишены возможности где-либо трудиться все работники венгерской национальности, а затем даже служащие частных организаций и предприятий (№ 69 за 1945 г.). В городах Словакии, и, как отмечалось, особенно в Братиславе, венгры массово выгонялись из своих домов, причем с последующим их интернированием и конфискацией имущества. С осени 1945 г. словацких венгров, лишенных гражданства, ожидали и другие, не менее жестокие испытания, в том числе начавшиеся перемещения крестьян в чешские провинции.

В одном из обзоров, составленном советским представителем СКК в Венгрии 11 октября 1945 г., в связи с гонением на венгров в Словакии отмечалось: «В Братиславе и других городах Чехословакии органы национальной безопасности продолжают настоящую „охоту на людей“». Соби-

рают венгров, которые не располагают удостоверениями о политической надежности и направляют их в концлагеря. Согласно декрету от 5 мая, „все венгры ненадежны”¹⁶⁴. В обзоре со ссылкой на центральную газету ВКП «Сабад Со» отмечалось, что «венгерское общественное мнение рассчитывало на Бенеша, тем более, что, по мнению некоторых, Бенеш является учеником великого гуманиста и демократа Масарика... Но сам Бенеш подтвердил, что его взгляды не отличаются от взглядов Словацкого национального Совета, заявив, что приблизительно 400 тысяч венгров должны оставить Чехословакию и обмен населением между Чехословакией и Венгрией неизбежен». В заключение советский советник СКК приводил следующие слова: «Политика чехословаков относительно венгров является последствием планомерной и обдуманной политики, и в подготовке этой политики принимали одинаковое участие и чехи во главе с Бенешем, и словаки... Преследование венгров является официальной программой Чехословакии, которая называет себя демократической страной»¹⁶⁵.

Положение венгерского меньшинства в Словакии, поступившие оттуда сообщения о намерениях полностью очистить Чехословакию от венгров вызвали в Венгрии большую озабоченность как среди населения, так и в политических кругах. Известно, что в послевоенные годы руководитель венгерской компартии М. Ракоши часто информировал международный отдел ЦК ВКП(б) о положении в стране. Среди сохранившихся материалов партийного архива в Москве есть письмо от 5 мая 1945 г., адресованное руководителю отдела Г. Димитрову. В нем генеральный секретарь ВКП, на том этапе еще глубоко надеявшийся на широкое сотрудничество новых демократий сопредельных стран, выражал беспокойство тем, что выселение венгров из Чехословакии, вызывает в Венгрии «неприятное впечатление». «Общественное мнение ничего плохого не находит в том, что венгры, поселившиеся после 1938 г. в районах, отторг-

нутых от Чехословакии, будут выселены, — писал он. — Но если будут изгнаны венгерские крестьяне и рабочие (примерно полмиллиона человек), живущие там с незапамятных времен, то это было бы тяжелым испытанием для венгерской демократии. Одновременно это мероприятие лило бы воду на мельницу реакции»¹⁶⁶.

Находясь в Москве и будучи принятым 23 июня Г. Димитровым, Ракоши лично проинформировал его о положении в Венгрии и, естественно, не мог не затронуть вопрос о тяжелом положении венгерского меньшинства в соседней Чехословакии. «Начинаются очень жесткие преследования венгров в Чехословакии, — говорил он своему собеседнику. — Это очень сложный внутривластный и внешнеполитический маневр чешской реакции. Дело в том, что Бенеш, по всей вероятности, хочет отвлечь общественное мнение от вопросов чистки государственного и экономического аппарата от изменников. Он организует кампанию нападок на немцев и венгров, а в Словакии поддерживает преследование венгров, надеясь на то, что словаки в таком случае будут предъявлять меньше требований к чехам»¹⁶⁷.

Ракоши выразил озабоченность по поводу того, что из Словакии «выгоняют венгерских крестьян и рабочих, что вызывает огромную (отрицательную. — Б.Ж.) реакцию в Венгрии». При этом он обращал внимание своего собеседника на то, что в Словакии «больше преследуют венгерских коммунистов, чем венгерских и своих фашистов»¹⁶⁸. В стенограмме беседы не зафиксирована конкретная реакция Димитрова, однако спустя несколько дней, когда он принимал в ЦК ВКП(б) З. Неедлы с докладом о положении в Чехословакии, то попросил его охарактеризовать Бенеша и подробно рассказать о своем видении проблемы венгерского меньшинства в стране. Характеристика, данная Неедлы Бенешу, получилась далеко не лестной, развенчивающей демократический ореол его личности. В изображении Неедлы он предстал как «демократ только теоретически», как

«очень хитрый человек», опытный адвокат, недовольный на том этапе ходом выселения из страны немцев и венгров¹⁶⁹. Касаясь венгерского вопроса в Словакии, собеседник Димитрова фактически уклонился от детальной характеристики проблемы, отделавшись формальной, лежащей на поверхности оговоркой. Он сослался на то, что при наступлении Красной Армии на Венгрию с востока и юга часть фашистов сбежала в Словакию. «Теперь, когда надо их из Словакии выдворить, — отмечал Неедлы, — новая Венгрия спрашивает, почему ей посылают этих фашистов»¹⁷⁰. На самом деле правительство новой Венгрии возражало не против удаления или наказания фашистских элементов или представителей старого чиновничьего аппарата, а против намерения чехословацких властей в массовом масштабе изгнать или переселить венгерских крестьян и рабочих с мест многовекового проживания их предков. Характеризуя ситуацию 1945 года, Ракоши в своих «Воспоминаниях», опубликованных в Венгрии только в конце 1990-х годов, отмечал, что из освобожденной Чехословакии десятками тысяч уходили в Венгрию люди — венгерские служащие, учителя, врачи, железнодорожники и пр., что «Бенеш, а под его влиянием и компартия начали проводить такую политику в отношении венгерского меньшинства, которая приводила к ухудшению отношений между двумя странами»¹⁷¹.

Первые официальные протесты Венгрии в ответ на преследование венгров в Чехословакии появились в апреле 1945 г. и были направлены руководству СКК в Будапеште. Затем, 4 июля 1945 г., появился меморандум в адрес советского правительства, в котором излагались положения указов и распоряжений пражских и братиславских властей, ущемлявших права венгерского меньшинства в Чехословакии, говорилось о жестокостях по отношению к венграм в Словакии, выражалась просьба к Москве о срочном вмешательстве. Но ответа не последовало. С апреля 1945 г. по июль 1946 г. венгерский МИД подал в СКК 184 записки о

нарушении прав венгров в Чехословакии¹⁷². Однако положение не менялось.

Согласно записи советского посла в Венгрии Г. М. Пушкина от 5 июля 1945 г., представитель Чехословакии при СКК в Будапеште Д. Крно признался ему в том, что «венгры имеют некоторые основания быть недовольными, так как словацкие власти выселяют венгров со всей территории страны без предварительного уведомления, отбирают при этом все движимое и недвижимое имущество. Венгерские граждане (имеется в виду чехословацкие граждане венгерской национальности. — *Б.Ж.*) таким образом попадают в весьма тяжелое положение»¹⁷³. Разумеется, такая ситуация только стимулировала «добровольный» отток венгров, заставляла их искать спасения в Венгрии, усугубляла положение оставшихся в Словакии, превращая их жизнь в настоящий ужас.

Отношение к венграм в Словакии стало темой переговоров между компартиями двух стран — ВКП и КПЧ. Летом 1945 г. состоялась встреча их лидеров в Праге, на которой с чехословацкой стороны присутствовали К. Готвальд, В. Широкий, Р. Сланский и ряд министров. Об этой встрече 4 августа Ракоши так информировал Г. Димитрова: «Чешские товарищи аргументировали свою позицию высказыванием тов. Сталина, который на встрече с чехословацкой делегацией в конце июня 1945 года выразил свое мнение в связи с венгерским и немецким вопросом (т. е. в связи с выселением их из Чехословакии. — *Б.Ж.*), предлагая при встрече с венграми “дать им по зубам”»¹⁷⁴. Иными словами, чехословацкие коммунисты в вопросе выселения венгров апеллировали к позиции «отца народов», который, как отмечалось ранее, пообещал Бенешу поддержку. Кроме того, чехословацкие политики аргументировали свои действия стоящей перед ними задачей по созданию «великой славянской федерации».

Реакция Димитрова на высказывание Ракоши автору неизвестна. Однако остается фактом, что руководитель венгерских коммунистов, озабоченный положением дел, про-

должал добиваться ясности в вопросе о выселении венгров из Словакии и защиты их советским руководством. Он написал письмо и Сталину, ходатайствуя о поддержке и прося о помощи. Проект его письма был обсужден 7 августа 1945 г. Секретариатом Центрального Руководства (ЦР) ВКП. Сообщив, что «чехословацкое правительство и компартия решили выселить с территории Чехословакии всех венгров, мотивируя тем, что присутствие в Словакии 600 тысяч венгров мешает им в создании сильной великой славянской федерации», Ракоши отметил, что чехи в качестве аргумента ссылаются на согласие Сталина в данном вопросе. «Когда чехословацкая делегация в конце июня посетила Вас, они задали вопрос, могут ли они поступить с венграми так же, как с немцами, и Вы якобы дали положительный ответ и даже заявили, что "Дайте им по зубам!"», – говорилось в письме Ракоши. Надеясь на вмешательство Сталина, он мотивировал свою просьбу тем, что ситуация с выселением венгров «может испортить отношения между Венгрией и Чехословакией, станет тяжелым ударом для молодой венгерской демократии», отрицательно скажется на советско-венгерской дружбе и может усилить влияние англичан в Венгрии. Он указывал на то, что даже «обмен населением мало чем поможет, ведь венгерские словаки составляют всего лишь одну пятую часть словацких венгров»¹⁷⁵. Как отреагировал И. В. Сталин на полученное письмо, автору также неизвестно. Скорее всего, оно осталось без ответа, хотя в его завершающих строках содержалась просьба о срочном рассмотрении вопроса и сообщении принятого решения.

Попытка венгерских коммунистов прийти в данном вопросе к какому-то соглашению с чехословацким коммунистическим руководством не увенчалась успехом, поскольку оно не желало отступать от намеченного политического курса на полное очищение страны от венгров. Это подтверждалось и представителями венгерского нацменьшинства в Словакии, которые при описании своего положения отмечали: «Па-

радоксально, что акции против венгров возглавляют словацкие коммунисты, газета которых „Правда” разыгрывает крайне националистические ноты в венгерском вопросе, не пренебрегая даже фальсификацией истории»¹⁷⁶. Подобное положение вещей, разумеется, вызывало беспокойство руководителя ВКП, озабоченного престижем коммунистов. Чехословацкая же сторона, будучи уверенной в советской поддержке, не желала уступать венграм и идти им навстречу даже ради сохранения своего престижа.

О том, что руководство КПЧ не намерено было мешать процессу выселения венгров из Чехословакии, М. Ракоши доложил на заседании политбюро ЦР ВКП 15 августа 1945 г. «При любых обстоятельствах из Чехословакии будет переселено 200 000 венгров», и хотя «словацкая проблема еще не решена, заботиться об их обеспечении продуктами питания мы должны сами»¹⁷⁷, — говорил лидер партии.

Учитывая, что принимаемые меры не дали результатов, МИД Венгрии в сентябре направил трем великим державам меморандум, в котором излагались меры чехословацкого правительства, направленные против венгерского меньшинства в Словакии. Уже после того, как премьер-министр З. Фирлингер подал Совету министров Иностранных дел трех великих держав чехословацкое ходатайство с просьбой дать согласие на выселение венгров из Чехословакии, правительство Венгрии также обратилось к этому международному органу с просьбой выслушать венгерскую точку зрения по этому вопросу и изучить спорные вопросы между двумя странами. Ввиду ухудшающегося положения венгров в Словакии оно повторило свою просьбу 20 ноября 1945 г.

В арсенале средств чехословацкого руководства по очищению страны от венгров были различные средства и формы, в частности, такие, как обмен населением между двумя странами, предоставление права негражданам на оптацию или же выбор между гражданством двух стран — Венгрии и Чехословакии — путем так называемой ресловакизации.

Переговоры между Венгрией и Чехословакией: трансфер или обмен населением?

Переговоры между странами об обмене населением фактически инициировал представитель чехословацкого правительства генерал Ф. Дастич, выполнявший в Будапеште сначала дипломатические функции, а позже прикомандированный к СКК. 3 сентября 1945 г. он предложил в два этапа избавиться от венгров, которые, по его мнению, якобы представляли «постоянную угрозу» для Словакии. Для начала Дастич допускал обмен, а в случае если бы этого было недостаточно, от остальной части венгров он предлагал избавиться путем их одностороннего перемещения на территорию Венгрии. Генерал при этом считал недопустимым передавать их Венгрии вместе с территорией, на которой они компактно проживали, т. е. исходил из нерушимости трианонских границ. Вслед за ним 9 декабря 1945 г. с предложением начать переговоры об обмене населением выступил представитель чехословацкого правительства при СКК в Венгрии Д. Крно. До этого, в ноябре, представители Венгерской социал-демократической партии, участвовавшие в конгрессе социал-демократов в Праге, также поддерживали проведение обмена¹⁷⁸.

Министр иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши сначала не принимал идею обмена и согласился на нее лишь под международным и внутренним давлением. При этом он подчеркивал, что ввиду несоразмерности численности обмениваемых – венгров в Словакии и словаков в Венгрии – в интересах людей следовало бы подумать над другим вариантом решения проблемы. Дёндёши заявлял: «Если Словакия ради своей будущей безопасности желает освободиться от венгров, тогда стоит всего лишь соответствующим образом поправить линию границ, и тогда не будет необходимости в антигуманном акте перемещения сотен тысяч жителей с мест их проживания»¹⁷⁹.

Позиция венгерского правительства оставалась неизменной вплоть до осени 1945 г. Оно не было готово к переговорам о приеме больших масс венгерского населения из Словакии на предлагаемых чехословацкой стороной условиях. В октябре–декабре, поддавшись советскому и американскому давлению, после образования нового венгерского правительства во главе с З. Тильди, Будапешт все же принял предложение Праги. Министерство иностранных дел Венгрии мотивировало свое согласие тем, что равный обмен населением будет способствовать улучшению взаимоотношений между двумя новыми демократиями и может привести к изменению положения остающегося в Словакии венгерского населения. Вместе с тем 28 ноября 1945 г. премьер-министр Венгрии направил письмо в Прагу, в котором от имени правительства выразил протест против мер, ущемляющих права венгерского меньшинства в Чехословакии, и подчеркнул, что чехословацкая сторона пользуется этим, чтобы укрепить свои позиции на предстоящих переговорах.

В октябре–ноябре 1945 г. настал момент, когда венгерскому руководству показалось, что Чехословакия начинает склоняться к решению проблемы на двусторонней основе. Дело в том, что в выступлениях чехословацкого президента и премьер-министра З. Фирлингера от 28 октября оно узрело проявление определенной склонности делать какие-то различия между венгерским и немецким меньшинством в Чехословакии¹⁸⁰, а отсюда и попытку подойти к решению этих проблем по-разному. К сожалению, на практике решимость чехословацкого правительства полностью удалить всех венгров из Словакии не изменились. Так или иначе, венгерское правительство согласилось принять приглашение Праги на переговоры, и об этом в первые же дни декабря Тильди известил чехословацкого представителя в СКК Д. Крно. Тем самым оно взяло на себя обязательства перед великими державами участвовать в проведении переговоров по обмену населением между двумя странами. При

этом Дёндёши исходил из того, что обмен должен осуществляться на добровольной основе и что не может быть речи о привлечении к коллективной ответственности венгерского меньшинства в Словакии и о его выдворении из страны.

Переговоры начались 3 декабря 1945 г. в Чернинском дворце в Праге и продолжались до 6 декабря. Малочисленной венгерской делегацией руководил министр иностранных дел Я. Дёндёши, чехословацкую же в отсутствие руководителя МИДа, Я. Масарика, возглавил его заместитель, госсекретарь по внешним делам коммунист В. Клементис. Предложения чехословацкой стороны на переговорах касались, прежде всего, равного обмена населением по принципу добровольного перемещения словаков из Венгрии и вынужденного перемещения такого же числа венгров из Словакии. Но кроме того, они предусматривали также выселение оставшихся в Чехословакии венгров, собственность которых подлежала бы полной конфискации чехословацкими властями. Клементис в своем выступлении при открытии переговоров отреагировал и на будапештское высказывание Дёндёши о возможности изменения границ, заметив, что такое решение вопроса венгерского нацменьшинства в Словакии «не может и не будет иметь место».

Венгерский министр иностранных дел со своей стороны заявил, что он даже обмен населением считает «несовместимым с принципами демократии и гуманизма», но в интересах смягчения противоречий между двумя странами демократическая Венгрия с определенными оговорками все же готова согласиться на это. Он предложил провести обмен под англо-американским и советским контролем, аннулировать дискриминационные декреты, указы и распоряжения, лишившие словацких венгров гражданских прав, возратить им собственность либо выплатить за нее компенсацию. Дёндёши назвал неприемлемым переселение на территорию Венгрии той части словацких венгров, которая останется после обмена, и заявил о необходимости

соответствующего урегулирования их положения в самой Словакии¹⁸¹.

В. Клементис в ответ сказал, что Чехословакия желает стать «национальным государством», и поэтому остающиеся в Чехословакии после обмена венгры в подавляющем большинстве так или иначе будут переселены в Венгрию, а те, кто останется, будут полностью лишены всех прав меньшинств. Он аргументировал это тем, что Чехословакия больше не признает ни международные соглашения о защите прав национальных меньшинств, ни двусторонние соглашения по этому вопросу, и вновь подтвердил, что единственным способом решения проблемы остается насильственное выселение венгров. Госсекретарь повторил, что остающимся в Чехословакии венграм не следует рассчитывать на сохранение каких-либо прав в будущем. Он открыто заявил, что их ожидает ускоренная ассимиляция. При этом было отмечено, что чехословацкое правительство считает естественным такой процесс и, со своей стороны, «ставит крест» также на ассимилировавшихся словаках, живущих в Венгрии. В заключение, говоря о выселении венгров и о Чехословакии как будущем «национальном государстве», он заявил: «Это наш основной принцип, который мы хотим реализовать как итог нашей 150-летней национальной борьбы».

Венгерская сторона, в свою очередь, исходила из того, что есть принципиальная разница между теми словаками, которые в XVIII веке после изгнания турок добровольно переселились из Словакии на Большую Венгерскую низменность и живут там среди венгров, и теми венграми, которые не по своей воле, а в результате территориального передела оказались в составе нового чехословацкого государства, были отделены искусственно от основной массы венгерского народа и оказались на положении национального меньшинства. Перемещение их с мест многовекового обитания руководитель венгерского МИДа назвал аморальным. Его делегация, кроме того, подчеркивала, что речь идет о несо-

поставимой численности переселяемых на принципах обмена. В самом деле, в Чехословакии в 1945 г., согласно оценочным цифрам чехословацких демографов, еще оставалось 652 тыс. венгров (по венгерским данным — 700–800 тыс.). В Венгрии же статистика при переписи населения зафиксировала в 1941 г. 75 920 словаков. Клементис же и его делегация на переговорах исходили из того, что в Венгрии проживает 450 тыс. словаков. Представители венгерской делегации поэтому посчитали, что при равном обмене судьба более половины венгерского населения в Словакии остается нерешенной¹⁸².

Я. Дёндёши заявил, что лишение гражданства и уже практикующееся насильственное расселение венгерского меньшинства в Чехословакии под видом отправки на общественные работы свидетельствуют о том, что «чехословацких венгров исключительно по причине их происхождения, без всякого на то морального и правового основания подвергают коллективному наказанию и хотят выдворить из страны»¹⁸³.

В итоговом протоколе о встрече, составленном с венгерской стороны И. Кертесем, в сжатом виде были отражены позиции сторон. Согласно этому документу, венгерское правительство не было готово согласиться на обмен населением, так как он противоречил принципам гуманизма и демократии, но при этом отмечалось, что в случае восстановления дружественных отношений между странами, при определенных условиях обмен мог бы состояться. В число граждан, подлежащих обмену, предлагалось включить и тех венгров, которые, являясь гражданами Чехословакии до 1 ноября 1938 г., уже были изгнаны из Чехословакии или сами бежали в Венгрию, опасаясь последствий вышеуказанных декретов Бенеша. Венгрия соглашалась принять и тех словацких венгров, которые будут названы чехословацкими органами «врагами государства». Кроме того, в протоколе указывалось, что о перемещении остальных венгров из

Словакии стороны могли бы договориться по линии политических партий обеих стран, учитывая место жительства, профессиональную ориентацию, материальное положение будущих переселенцев. Венгерское предложение исходило из необходимости проведения обмена под международным контролем (что было, однако, отклонено чехословацкой делегацией). Оно содержало требование немедленной отмены дискриминационных мер и возмещения имущественного ущерба. Чехословацкое требование согласиться на принятие всех венгров, высылаемых из Словакии, было полностью отклонено венгерской делегацией. Дёндёши заявил, что Венгрия может принять словацких венгров сверх обмена лишь вместе с территорией, на которой они проживают. Делегация выразила свое согласие на равноценный обмен с оговоркой, что положение остающегося в Словакии венгерского меньшинства будет урегулировано¹⁸⁴.

В сложившихся условиях переговоры зашли в тупик. Дело в том, что Клементис, отвергая предлагаемый венгерской стороной контроль за обменом населением со стороны союзных держав, надеялся на решение проблемы сепаратным путем, договорившись непосредственно с руководителем СКК в Венгрии маршалом Ворошиловым. Он отметил, что выселение немцев из Венгрии освобождает достаточно места для того, чтобы принять всех словацких венгров. Руководитель же венгерской делегации не признал возможным такое решение вопроса и свою позицию выразил словами: «Либо предоставление прав меньшинству, либо передача его вместе с землей»¹⁸⁵.

Таким образом делегациям двух стран в Праге так и не удалось договориться о взаимоприемлемом решении. В. Клементис, однако, уверенный в советской поддержке чехословацкой позиции, заявил одному из членов венгерской делегации, что Чехословакия все равно выселит всех венгров¹⁸⁶. Он же 25 октября 1945 г. с полной уверенностью сказал об этом французскому представителю Келлеру,

отмечая, что выселение венгров из Словакии зависит не от благого намерения западных держав, а исключительно от согласия советских военных органов, так как именно они ответственны за порядок в Венгрии¹⁸⁷. Видимо, этой убежденностью чехословацких властей и объяснялась их попытка договориться непосредственно с Ворошиловым о трансфере еще 200 тыс. венгров из Чехословакии, тем более что к тому времени ими уже были сделаны предварительные шаги в данном направлении.

После обмена меморандумами руководители двух делегаций пришли к выводу о невозможности договориться. Переговоры завершились 6 декабря заявлением министра иностранных дел Венгрии, который снова воззвал к идее гуманизма и демократии, просил чехословацкое правительство отказаться хотя бы от новых дискриминационных мер против словацких венгров и покончить с их преследованием¹⁸⁸. Примечательно, что стороны не могли договориться даже о едином тексте совместного коммюнике. Член делегации, бывший сотрудник МИДа Венгрии И. Кертес, с 1945 г. заведовавший отделом подготовки мирного договора и часто встречавшийся с глазу на глаз с В. Клементисом, в этой связи впоследствии писал: «Национальная политика Венгрии, неоднократно подвергавшаяся критике, конечно, имела немало недочетов, однако ее нельзя даже сравнивать с той, направляемой правительством, методичной политикой преследования, которая проводилась в новой Чехословакии. Гуманизм Масарика в чехословацкой политике после Второй мировой войны был заменен стержневой идеей крайней расовой ненависти. Совершенно очевидно, что руководители чешской и словацкой политики злоупотребили своими властными полномочиями и упустили возможности сотрудничества со своими соседями, и особенно с Венгрией». Он упомянул о словах, сказанных ему лично Клементисом, а именно, что «Чехословакия, которая пользуется поддержкой как Советского Союза, так и западных держав, все

равно так или иначе выселит венгров»¹⁸⁹. Бенеш в беседе с министром Дёндёши пошел дальше, заявив, что великие державы в Потсдаме якобы уже дали ему «принципиальное согласие на высылку венгров» и одновременно выразил свое удивление «упрямством»¹⁹⁰ венгерского правительства. Скорее всего, это был лишь тактический прием, психологическое воздействие на противника, т. к. на практике утверждение президента не соответствовало действительности и не было реализовано.

Характеризуя позиции сторон на этих первых пражских переговорах, инициированных Чехословакией, стоит обратить внимание на то, как они отразились и как оценивались в советских внешнеполитических документах. Один из них, под названием «К вопросу об обмене населением между Венгрией и Чехословакией»¹⁹¹, был подготовлен сотрудником III Европейского отдела НКВД СССР А. Лаврищевым 5 апреля 1946 г. в форме отчета для руководства этого ведомства. В нем отмечается, что на переговорах чехословацкая сторона «настаивала на полном разрешении вопроса о венгерском меньшинстве», что на деле означало стремление полностью изгнать все венгерское население Чехословакии. Она предлагала, во-первых, провести обмен венгров на словаков, проживающих в Венгрии, а во-вторых, «осуществить выселение венгров, которых лишили чехословацкого гражданства», то есть фактически всех остальных венгров. Отмечалось, что, в случае согласия венгерской стороны на такое «окончательное решение» национальной проблемы венгров в Чехословакии, делегация этой страны была бы готова на отсрочку с выселением словацких венгров и временно ограничила бы мероприятия по его проведению, а также по конфискации имущества выселяемых венгров. Такая позиция, однако, не означала согласия чехословацкой стороны оставить часть венгров в Словакии, говорилось в документе. Автор отчета отмечал и то, что, реагируя на встречное венгерское предложение о готовности Венгрии принять

всех словацких венгров, проживающих компактной массой вдоль границы, но вместе с территорией, чехословацкая сторона ответила категорическим отказом, заявив, что «при решении проблемы венгерского меньшинства не может быть и речи об исправлении чехословацко-венгерской границы в пользу Венгрии»¹⁹².

Венгерская делегация, подчеркивалось в указанном документе, соглашалась «лишь на равный обмен словаков на венгров и возражала против дальнейшего выселения венгров из Чехословакии». Руководитель делегации министр иностранных дел Я. Дёндёши при этом отмечал: «В Словакии проживает около 600 тыс. венгров, в то время как в Венгрии насчитывается от 350 до 400 тыс. словаков (здесь допущена явная неточность, ведь министр знал, что в Венгрии нет такого числа словаков. — Б.Ж.) и из них только примерно 50 тыс. пожелает переселиться в Чехословакию. Поэтому обмен на такой основе затронул бы лишь одну десятую часть венгерского населения Словакии». Венгерская сторона, согласно документу, заявила о своем согласии провести равный обмен лишь при условии, «если бы в число венгров, подлежащих обмену, были включены те, которые уже выселены или которым Чехословакия не разрешает вернуться в свои семьи (т.е. военнопленные)». Венгерская делегация, отмечал автор, добивалась того, чтобы остающимся после обмена в Чехословакии венграм были возвращены все права, которые они имели до 1938 г. Делегация решительно настаивала также на необходимости отмены так называемого «распоряжения о трудовой повинности, смысл которого, по словам Дёндёши, заключается в том, чтобы выселить венгров в Чехию и Северную Словакию и таким образом рассредоточить венгерское население»¹⁹³. Венгры возражали против этого, поскольку расселение разрушало не только компактное этнотерриториальное единство словацких венгров, но и ускорило бы их ассимиляцию. В документе НКВД говорилось, что переговоры не привели к согласию сторон и были отложены.

В конце декабря 1945 г. венгерский МИД, находясь под внешним и внутренним давлением, решился на возобновление переговоров, выработав предварительно модифицированный вариант своих предложений. Переговорам предшествовала личная встреча представителя чехословацкого правительства в СКК, коммуниста Д. Крно и И. Кертеса. Крно предложил ему в качестве первого шага не выдвигать требование об отмене чехословацких законов, направленных против словацких венгров, а ограничиться пожеланиями улучшения условий жизни венгерского меньшинства в Чехословакии. Он намекнул также, что чехословацкие власти претендуют на неограниченное право самим определить тех венгров, которых намерены обменять на живущих в Венгрии словаков. При этом Кертесу было сказано, что если венгры не согласятся на такие условия, то Чехословакия развернет мощную пропагандистскую и дипломатическую кампанию против Венгрии¹⁹⁴. К продолжению переговоров с Чехословакией, к принятию ее предложений министра иностранных дел Венгрии склонял и посол СССР в Будапеште Г. М. Пушкин. По имеющимся сведениям Ворошилов также попытался оказать воздействие на венгерского президента З. Тильди в этом же направлении, заявив, что в случае подписания с Прагой соглашения об обмене населением Венгрия могла бы рассчитывать на более благоприятный для себя исход в вопросе о Трансильвании¹⁹⁵. В конце концов венгерское политическое руководство согласилось начать новые переговоры с Чехословакией об обмене населением.

Информация об этом 30 января 1946 г. была передана поверенному в делах Чехословакии в Будапеште. И хотя официального ответа не последовало по причине недоработки чехословацкого дипломата, 5 февраля венгерская делегация снова отправилась в Прагу. Только там она узнала о том, что Прага намерена отклонить и новый пакет венгерских предложений, в котором речь шла об образовании совместной комиссии для отбора переселенцев, об участии

представителей союзных держав в осуществлении обмена и т. д. Переговоры все же были начаты. Они возобновились 6 февраля 1946 г. и на сей раз по инициативе венгерского правительства. Чехословацкая делегация снова хотела решить все проблемы немедленно и по своему усмотрению, венгерская же сторона заявила о своей готовности заняться лишь частью проблемы, а именно обсуждением вопроса о равном обмене населением.

Выступая при открытии этого второго раунда венгерско-чехословацких переговоров, продолжавшихся с 6 по 10 февраля 1946 г., Клементис вновь заявил, что его правительство «желает решить вопрос полностью и окончательно»¹⁹⁶. В качестве первого шага он, однако, согласился на обсуждение вопроса об обмене населением. Между тем словацкие органы внутренних дел издали в дополнение к президентскому декрету свое распоряжение о том, что проживающие в Венгрии словаки, пользующиеся в быту словацким языком, желающие возвратиться в состав «материнского этноса», могут получить чехословацкое гражданство. По расчетам чехословацкой стороны, «после сбора заявок и проведения обмена населением ... в Чехословакии не останется больше 150–200 тыс. венгров». По мнению Клементиса, их можно будет переселить в Венгрию в места, где население в ходе войны понесло большие человеческие потери, и туда, откуда будут «выселены швабы». Последних он предлагал венграм «выставить из страны без всякой материальной компенсации», обещая, что в этом им окажет содействие чехословацкое правительство. «Тем самым для нас вопрос полностью был бы решен, и я заявляю об этом от имени чехословацкого правительства, — отмечал он. — После этого мы больше не проявляли бы никакого интереса к тем словакам, которые решили остаться в Венгрии и ассимиляцию которых я считаю естественной»¹⁹⁷.

Отвечая на словацкие предложения, Дёндёши заявил, что он имеет полномочия исключительно для обсуждения

вопроса о равном обмене населением, изложил проект своей делегации по этой проблеме и просил ее обсудить. Обсуждение было долгим. Стороны после завершения работы экспертов по согласованию формулировок достигли договоренности. Венгерская сторона согласилась с тем, чтобы вынужденных переселенцев из Словакии отобрали чехословацкие органы власти. Варианты текста соглашения каждой из сторон были подготовлены 6 февраля 1946 г., а 10 февраля составлен общий проект об обмене венгерским и словацким населением.

Соглашение о равноценном обмене населением между Венгрией и Чехословакией было подписано 27 февраля 1946 г. в Будапеште. С чехословацкой стороны его подписал В. Клементис, с венгерской – Я. Дёндёши. В выше упомянутом советском отчете отмечалось, что в соответствии с соглашением Венгрия обязалась принять из Словакии столько венгров, «сколько словаков выскажут добровольное желание переехать в Словакию». При этом было оговорено, что «в число подлежащих переселению венгров войдут уже выселенные из Словакии венгры»¹⁹⁸. И хотя принцип равного обмена впоследствии соблюдался не в полной мере, все же следует отметить некоторое смягчение максималистских позиций чехословацкой стороны в этом вопросе. Обратим внимание на то, что чехословацкая сторона, в отличие от своих прежних, явно преувеличенных данных о численности словаков, живущих в Венгрии, здесь уже говорила только о 200–250 тыс., признавая, что из них лишь около 100 тыс. будут готовы переселиться в Словакию¹⁹⁹. Дёндёши же полагал, что в случае соблюдения принципа добровольности из Венгрии переселится не более 30–40 тыс. венгерских словаков²⁰⁰. Хотя его расчеты оказались также ошибочными, он все же считал необходимым дать согласие на обмен, т.к. видел в этом единственную возможность сохранения венгерского меньшинства в Словакии хотя бы до мирной конференции.

Подписание соглашения позволило чехословацкому правительству направить в Венгрию комиссию для организации переселения словаков и провести там в течение трех месяцев работу по вербовке среди венгерских словаков. Соглашением предусматривалась возможность уже высланным из Словакии венграм вернуться обратно, «чтобы забрать оставленное имущество», но если оно уже исчезло, то специальная комиссия должна была установить размер компенсации. Документ давал право переселяемым брать с собой «все движимое имущество и свободно реализовать остающуюся недвижимость»²⁰¹. Расходы на переселение брали на себя правительства, соответственно: на переезд словаков из Венгрии чехословацкое, венгров из Словакии – венгерское. Иными словами, были введены некоторые элементы права вместо прежних методов силового выдворения словацких венгров.

К соглашению об обмене населением прилагался протокол, где было оговорено, что до окончательного решения вопроса, на котором Прага настаивала, чехословацкое правительство «приостанавливает дальнейшее выселение и внутреннее переселение венгров (по Чехословакии. – Б.Ж.), а также конфискацию их имущества»²⁰². Выступивший при подписании соглашения Я. Дёндёши отметил: «Оба правительства согласны с тем, что, несмотря на подписание соглашения, вопрос о венгерском населении в Чехословакии не разрешен. Поэтому оба правительства вновь подтверждают свое стремление разрешить этот вопрос. Если это не удастся, то оба правительства оставляют за собой право поставить этот вопрос на рассмотрение мирной конференции»²⁰³.

Чехословацкая сторона не скрывала, что не намерена довольствоваться одним лишь обменом и будет в дальнейшем предпринимать меры в целях «окончательного решения» венгерской проблемы. Об этом заявил руководитель чехословацкой делегации на встрече с лидерами политических партий Венгрии в Будапеште после подписания со-

глашения. Им было четко сказано, что Чехословакия хочет стать «национальным государством». Клементис настаивал на том, что Венгрия должна подписать еще одно соглашение о дополнительном принятии ею 200 тыс. словацких венгров, а в случае если такого согласия получено не будет, отмечал он, остающиеся в Чехословакии венгры и впредь не будут иметь никаких прав меньшинства. Он заявил, что все компактно проживающее в Словакии венгерское население будет расселено по различным регионам страны для ускорения его ассимиляции. Дёндёши и лидеры политических партий Венгрии такой подход к решению национальной проблемы сочли неприемлемым, однако Клементис 27 февраля оставил письменное напоминание министру о том, что обмен является лишь частичным решением стоящей перед его правительством задачи, и оно намерено выселить всех венгров из страны.

Обмен населением, «решловакизация» и новая угроза трансфера ||

С подписанием соглашения об обмене прекратились насильственное выдворение и бегство лишенных гражданства венгров из Чехословакии, процесс перемещения людей приобрел более или менее организованный характер. Дело в том, что, соглашаясь на обмен населением на паритетных началах, Дёндёши поставил условие – прекратить практиковавшееся до этого одностороннее выдворение венгров, а также приостановить действие указов и распоряжений чехословацких властей, ущемлявших права венгерского меньшинства в Чехословакии²⁰⁴. Нельзя утверждать, что эти условия в полной мере соблюдались, однако чехословацкая сторона обещала на время приостановить одностороннее выселение, дальнейшее расселение венгров по стране, а также конфискацию их имущества. Правда, это не означало, что чехословацкие власти окончательно отказались от использования прочих средств и приемов воздействия на

венгерское меньшинство, чтобы способствовать его «добровольному» бегству из страны.

Соглашение в принципе предполагало добровольный и паритетный обмен населением. При этом, однако, оговаривалось, что чехословацким властям будет позволено в одностороннем порядке переселять те венгерские семьи, земельные угодья которых были конфискованы как у «военных преступников» и которые фактически уже тысячами содержались в лагерях. Чехословацкие власти с самого начала прикрывались этой формулировкой для максимального освобождения от венгров пограничных районов. Притом в категорию «военные преступники» они постарались включить как можно больше зажиточных крестьян, собственность которых конфисковалась с целью передачи ее словакам. Такой подход был нацелен на кардинальное изменение этнического состава населения в пограничном районе²⁰⁵.

В соответствии с подписанным соглашением была образована Чехословацкая комиссия по переселению, которая получила право проводить среди словаков на территории Венгрии агитационно-вербовочную работу в течение марта–апреля 1946 г. Комиссия прибыла в Будапешт 4 марта. Венгерское правительство не мешало ее работе. Оно исходило из того, что если венгерский гражданин словацкой национальности изъявит такое желание, то может свободно уехать из страны, но если останется, то за ним гарантированно сохраняются все права и свободы, которыми пользуются венгры. При этом предполагалось, что переселение не может быть насильственным и в каждом конкретном случае должно быть добровольным решением гражданина.

С 8 марта комиссия при широкой поддержке печати и радио развернула активную работу в районах, которые считала местом проживания словаков. Там проводились специальные народные собрания по этому вопросу. О масштабах агитационно-вербовочной работы позволяют судить данные словацкого исследователя Ю. Звары: было

использовано 790 тыс. экземпляров газет, 490 тыс. брошюр, 540 тыс. листовок, проведено 60 концертов, 226 специальных радиопередач и 277 собраний в 133 населенных пунктах Венгрии, где, как отмечалось, могли быть словаки²⁰⁶. В одном из вербовочных призывов СНС говорилось о торжественности исторического момента для словаков Венгрии, отмечалось, что «осколок словацкой нации может вернуться на свою родину, в демократическую Чехословацкую республику, и занять то место, откуда венгры должны уйти»²⁰⁷. Агитаторы, обращаясь к национальному сознанию словаков, нередко ссылались на тяжелое экономическое положение Венгрии, не брезговали и распространением слухов о том, что те, кто откажется от переселения добровольно, позже будут перемещены насильно на территорию Чехословакии, но тогда уже там не получают земли, а остающиеся в Венгрии словаки будут расселены в Задунайский край»²⁰⁸. Правительственный уполномоченный по переселению с венгерской стороны, впоследствии известный историк К. Виг, в одном из отчетов о ходе вербовочной кампании от 5 сентября 1946 г., в частности, писал: «Наиболее частыми аргументами чехословацких агитаторов были: вывезем всех словаков, хотят они того или нет; кто не явится сам (на пункты регистрации. — Б.Ж.), тому будет разрешено брать с собой всего до 30 кг багажа; кто не придет, того русские увезут вместе с венграми в Сибирь»²⁰⁹.

Работу чехословацкой комиссии можно считать весьма успешной, ведь очень много словаков Венгрии в конечном счете согласилось на переселение, во всяком случае, таких было гораздо больше, чем предполагал Я. Дёндёши. С другой стороны, вербовочная кампания все же не дала, да и не могла дать таких результатов, на которые рассчитывали ее организаторы. Чехословацкая комиссия 25 июня 1946 г. передала венгерскому правительству составленный ею список словаков, готовых переселиться в Словакию. В него сначала было включено 92 390 человек²¹⁰. При проверке совместной

комиссией, однако, выяснилось, что часть из них не отвечала условиям соглашения между странами. О том, что чехословацкая сторона не была удовлетворена таким результатом, косвенно свидетельствовала передача ею 25 августа венгерскому правительству своего списка венгров, которых надлежало по итогам вербовки переселить из Словакии в Венгрию на основании эквивалентного обмена. В этом списке фигурировало 105 тыс. словацких венгров, т.е. больше, чем состояло в списке по набору словаков для переселения в Чехословакию.

Первая группа словацких венгров, переселенных организованно, в соответствии с соглашением, покинула пределы Чехословакии 12 апреля 1947 г., о чем чехословацкая печать сообщала под такими заголовками: «Изменится облик нашего Южного края», «И все же они уедут», «Восстанавливается историческая справедливость» и пр.²¹¹. В конечном счете, в рамках обмена населением в 1946–1948 гг. из Чехословакии в Венгрию было перемещено 89 660 венгров, а из Венгрии в Словакию 73 187 словаков. Эти цифры, однако, не отражали реальную картину перемещения, поскольку чехословацкая сторона воспользовалась оговоренным в соглашении правом одностороннего выселения тех венгров, которые квалифицировались как «военные преступники». Численность причисленных ею к этой категории лиц, учитывая возможность их беспрепятственного перемещения на территорию Венгрии, чехословацкие власти постарались сделать внушительной. Они представили список, в котором кроме лиц, подлежащих обмену на паритетной основе, значилось еще в общей сложности 108 325 «военных преступников». Именно по этой статье чехословацкая сторона предлагала выдворить 1927 так называемых «малых военных преступников» (на основании VII статьи соглашения) и 106 398 «главных военных преступников» (VIII статья)²¹². Только до конца 1946 г. чехословацкие органы в срочном порядке осудили 75 000 чехословацких венгров,

часть из них произвели в «военные преступники», чтобы было легче переправить их в Венгрию. Уже 27 августа генерал Дастич, занявший пост посла в Венгрии, передал первый, еще не полный список с фамилиями свыше 23 тысяч таких «военных преступников», которых предлагалось принять в качестве таковых со ссылкой на пункт соглашения об обмене. Будапешт, реагируя на такое предложение, обратился к Парижской мирной конференции, где на повестке дня обсуждений стояла проблема военных преступников. Выступая 18 сентября 1946 г. на этом форуме, венгерский посланник А. Сегеди-Масак указал на то, что чехословацкое правительство, пользуясь моментом, «пытается под вывеской «главных военных преступников» переправить в Венгрию 23 192 словацких венгров, которые вместе с семьями составляют около восьмидесяти тысяч человек, лишенных имущества и недвижимости»²¹³. В своем выступлении он привел и конкретные доказательства того, как проходили в Кошице судебные процессы над так называемыми военными преступниками, указывая при этом на то, что всего за одну неделю чехословацким судом было рассмотрено 750 дел словацких венгров, т. е. в среднем «ежечасно судили по 40–50 человек», вынося им приговор: «главный военный преступник»²¹⁴. Подавляющее большинство этих «военных преступников» составляли крестьяне, т. е. сельское население, которое не играло активной политической роли, но имело земельную собственность. Теперь их собственность и вся недвижимость передавались словакам-переселенцам²¹⁵. Не добившись в Париже согласия на высылку из Словакии более сотни тысяч «военных преступников», Клементис, находясь еще во французской столице, направил письмо Дёндёши, в котором предложил договориться об отправке в Венгрию «главных военных преступников» численностью в 199 человек, но при этом потребовал, чтобы до конца 1946 г. Венгрия, независимо от результатов переговоров в рамках чехословацко-венгерской комиссии, которые начались в

Братиславе 3 июня 1946 г., приняла еще 30 тыс. словацких венгров²¹⁶. В конечном счете между сторонами была достигнута договоренность, согласно которой Венгрия обязалась принять «военных преступников» численностью до одной тысячи человек.

Таким образом, несмотря на то, что чехословацким властям не удалось реализовать свои первоначальные цели по полному очищению Словакии от всего венгерского меньшинства, а попытка переправить в Венгрию более ста тысяч словацких венгров под вывеской «военные преступники» также не прошла, дисбаланс в паритетном обмене населением в пользу Чехословакии был очевиден. Ведь Венгрия по линии «равного» обмена населением в итоге согласилась принять больше людей, чем численность выехавших из страны словаков. К тому же в число лиц, перемещенных по официальному обмену, не входили те 20–30 тыс. венгров, которые были обязаны уехать из страны, как переселившиеся в Словакию после 2 ноября 1938 г., равно как и неучтенные представители венгерского административного аппарата и силовых структур, которые в соответствии с соглашением о перемирии должны были покинуть воссоединенную в 1938 г. с Венгрией по первому Венскому арбитражу словацкую территорию. Неучтенными оказались в большинстве и те словацкие венгры, которым «добровольно» пришлось бежать из страны к концу войны и позже под страхом неопределенности и угроз, вызванных декретами и постановлениями официальных чехословацких властей, а затем — от «ресловакизации» и последующей депортации в пограничные районы Чехии. Таким образом, не считая их, только на основании двух соглашений (о перемирии и чехословацко-венгерского соглашения об обмене) из Чехословакии в Венгрию было перемещено более 120 тыс. венгров. Переселенцы были размещены в местах, откуда выселили немцев, а беженцы различного рода были вынуждены в основном сами устраиваться. С другой стороны, венгерской

дипломатии, хотя и с немалыми трудностями, все же удалось помешать полному изгнанию всего венгерского населения их Словакии, что можно считать ее несомненным успехом.

Приведенные сведения об обмене населением между двумя странами относятся, таким образом, лишь к лицам, перемещенным на основании соглашения. Вместе с тем этим арсенал мер чехословацкого правительства, направленных против венгерского нацменьшинства, не ограничивался. Вскоре после начала обмена положение венгров в Словакии снова стало стремительно ухудшаться. Была проведена их полная перепись, власти прибегли к таким мерам и рычагам «внутреннего решения» проблемы венгерского меньшинства, как «решловакизация» и массовое его перемещение в отдаленные районы страны якобы для отбывания «трудовой повинности» на общественных работах. По сути оно являлось скрытой формой депортации. С повестки дня не снималась и заявленная ранее проблема о выселении еще 200 тыс. венгров сверх осуществляемого обмена населением. Известие об этом вызвало новые осложнения отношений между двумя странами. Обозначенные три варианта воздействия на словацких венгров представляли в дальнейшем основную угрозу самому существованию этого нацменьшинства Чехословакии.

Распоряжение СНС от 17 июня 1946 г. касалось «решловакизации» венгров Словакии. Оно основывалось на гипотетическом предположении о том, что венгерское население в южных районах Словакии имело словацкие корни, но со временем было мадьяризовано. Хотя несостоятельность такого утверждения в межвоенные годы фактически была подтверждена исследованиями чехословацких демографов, словацкие политики использовали эту идею в своих интересах. В указанных исследованиях было четко показано, что существующая «венгеро-словацкая языковая граница протяженностью в 400 км и глубиной 10–25 км» почти не

менялась веками и что «на ее формирование почти не оказывало влияния развитие двух наций»²¹⁷, т.е. этническая граница между ними оставалась стабильной. Это означало, что в районе проживания словацких венгров в прошлом не было усиленной мадьяризации, следовательно, не могло быть и речи о какой-либо реальной «ресловакизации», т.е. о каком-то «возвращении» венгерского населения края в состав словацкой нации. Политики же убеждали, что ресловакизация, возможность «возвращения в материнскую нацию» позволит им избежать выселения из страны²¹⁸.

Эта привлекательная, с точки зрения властей, идея была призвана заставить словацких венгров воспользоваться этой своеобразной «привилегией», отказаться от своей подлинной национальной принадлежности и «добровольно» стать словаками. Так или иначе, распоряжение СНС поставило венгров-неграждан перед выбором: либо признать себя словаками по национальности и в этом случае вернуть себе чехословацкое гражданство, либо готовиться к выселению. По оценкам известного венгерского историка Ш. Балоба, власти Чехословакии «при помощи этой, объявленной добровольной, но на деле почти нескрываемой насильственной кампании добивались того, чтобы венгры, даже не понимающие по-словацки, в массовом масштабе признали себя словаками»²¹⁹. Расчет идеологов неонационального государства оправдался. Многие венгры, поставленные в бесчеловечные условия выбора, соглашались на это. Если декрет Бенеша лишил словацких венгров гражданства и сыграл роль кнута, то распоряжение СНС о «ресловакизации» могло им казаться даже своего рода пряником, ибо многие не желали покидать родные места, где веками жили их предки. Летом 1946 г. 410 820 венгров в добровольно-принудительном порядке обратились к властям Чехословакии с просьбой о «ресловакизации», просили считать их словаками, только бы остаться в родных местах. Из названного числа заявок просьба 326 679 человек была удовлетворена²²⁰,

и они могли «возвратиться» в лоно своей якобы «первоначальной» нации. Признав себя словаками, они «получили гражданские права и возможность найти работу», однако после 1948 г., когда выселение было остановлено, большинство «ресловакизированных», как отмечалось в недавно опубликованной в Москве книге «История Словакии», восстановило свою прежнюю национальность²²¹.

Характеризуя и оценивая “ресловакизацию”, отправку венгерского населения в трудовые лагеря на западные окраины Чехии, чешский исследователь Я. Шинделка, в частности, писал: «Формально “ресловакизация” проводилась на базе представления о том, что большинство венгров Южной Словакии изначально были словаками и поэтому должны вернуться в словацкую нацию. На самом деле, основой всей этой акции явилось давление на венгров с тем, чтобы заставить их записаться словаками. Им обещали, что тем самым они могут восстановить свое чехословацкое гражданство, получить равные с остальными гражданами права, и тогда принятые против венгров меры не будут на них распространяться... До конца июня 1946 г. было подано около 410 тыс. заявок на “ресловакизацию”. Часть венгров затем взяла свои заявления обратно и до конца 1947 г. около 200 тыс. были признаны частью словацкой нации. В 1948 г. “этническими” венграми записались уже всего 190 тыс. граждан, остальные были “ресловакизированы”. “Ресловакизация” напомнила о себе еще раз в 1950 г., когда по переписи населения более 368 тыс. жителей заявили себя венграми (естественно, это тоже показывает, что значительная часть “ресловакизированных” восстановила свою начальную венгерскую национальность). Насильственность и формализм всей этой акции наиболее убедительно показали итоги переписи населения 1961 г., когда уже 534 тыс. граждан назвали себя венграми по национальности. Эти данные примерно соответствуют переписи населения 1930 г., если считать и тех, кто уехал в ходе обмена населением и был выселен»²²².

Наряду с указанными мерами, направленными против венгров в Словакии, чехословацкие власти прибегли и к принудительному использованию венгерского нацменьшинства в качестве дешевой и даже бесплатной рабочей силы в западнечешских областях под предлогом отбывтия трудовой повинности. Как отмечается в упомянутой «Истории Словакии», «44 тыс. венгров было насильственно переселено в чешское пограничье в целях возмещения немецкой рабочей силы»²²³. На деле это было принудительное переселение, фактически депортация венгров из Словакии в Чехию, оно представляло собой целенаправленную акцию по реализации задач национальной политики чехословацких властей. Отправка венгров на эти работы производилась в соответствии со специальным декретом президента № 88 от 1 октября 1945 г. об общественных работах, согласно которому венгерские мужчины 16–55 лет, а женщины 18–45 лет направлялись отбывать трудовую повинность из Словакии в Западную Чехию. Как только в конце 1946 г. было в основном завершено выселение немцев из Чехии, чехословацкие власти начали направлять в эти места венгров. Их массовую депортацию начали с района Верхней Большой Отмели (междуречье Малого Дуная и Дуная – венгерское наименование Чаллокёз). «Села были окружены войсками, а семьи по заранее составленным спискам насильно доставлялись в места сбора (брать с собой разрешалось только самое необходимое). Оттуда поездом в сопровождении вооруженных солдат их увозили в места назначения. Оставленные недвижимость, скот и живность, а также инвентарь тут же были конфискованы»²²⁴, – писал очевидец. Достоверность такого описания подтверждает и современный исследователь проблемы из Словакии, который так описывает эту акцию местных властей: «Настоящий ад (для словацких венгров. – Б.Ж.) наступил после издания директив Словацкого управления по переселению от 4 ноября 1945 г. Главам 9619 венгерских семей были вручены решения словацких

властей, против которых не могло быть никакой апелляции. После вручения жертвам этих бумаг, села тут же были окружены войсками, перед их домами останавливались армейские грузовики, в них грузились несчастные семьи в полном составе, затем их пересаживали в вагоны для перевозки скота и под конвоем, нередко при 30-градусном морозе, увозили. Исключение не делалось даже для грудных младенцев»²²⁵. С 19 ноября 1946 г. по 25 февраля 1947 г. акция по депортации практически была завершена. Но вслед за ними туда же было отправлено еще 2154 семьи словацких венгров, «добровольно» под давлением завербованных на сельскохозяйственные работы. В целом из 393 населенных пунктов 17 округов Южной Словакии в Чехии и Моравии оказались 11 764 венгерских семьи. Это означало, что в общей сложности такому насильственному переселению в эти районы подверглись 44 129 венгров трудоспособного возраста²²⁶. По документальным данным, содержащимся в материалах советского НКВД, численность венгров, отправленных чехословацкими властями на работу на промышленные и сельскохозяйственные предприятия этих районов республики, составляла до 50 000 человек²²⁷.

В этой связи венгерский историк Л. Ижак с полным основанием отмечал, что в Чехословакии Бенеш «обращался с десятками тысяч венгров как с военными преступниками»²²⁸. По имеющимся сведениям, отправка в принудительные трудовые лагеря затронула несколько больше словацких венгров – свыше десяти тысяч семей, или же до 60 тыс. человек, так как молодые, как правило, не захотели оставлять на произвол судьбы своих близких, престарелых неграждан-родителей и детей. Все они были отправлены в Чехию в те места, где раньше жили немцы. Причем из 44 тыс. молодых и среднего возраста венгров 41 640 были без всякого предупреждения собраны, посажены в вагоны для скота и отправлены на эти бесплатные работы в Судетской области. В официальном отчете католического священника К. Петё,

который в декабре 1947 г. посетил места расквартирования в Чехии и Моравии словацких венгров, говорится: «В ходе депортации в различные районы Чехии и Моравии было вывезено около 70–75 тыс. лиц венгерской национальности. Из них на прежние места проживания с осени возвратилось около 10–15 тыс. человек... Они могли вернуться, так как их дома не были еще заняты словаками. В настоящее время, — писал в отчете священник 14 января 1948 г., — вдали от родных мест остается еще около 60–65 тыс. депортированных»²²⁹. В связи с массовым перемещением венгров в этот район Я. Шинделка отмечал, что «переселение венгерского населения в пограничные районы Чехии формально проводилось в виде набора рабочей силы, но на самом деле в подавляющем большинстве это было насильственное выселение»²³⁰. Венгерская историческая литература именуется это массовое перемещение венгров из пограничных районов Словакии не иначе как депортацией²³¹. В самом деле, люди, отправленные на эти восстановительные или общественные работы, должны были оставлять свои хозяйства, недвижимость, имущество, а в их дома были поселены словаки. Депортация осуществлялась с 10 ноября 1946 г. по 25 февраля 1947 г., когда властям Чехословакии пришлось ее прекратить в результате сильного международного протеста, вызванного дипломатической активностью венгерского правительства, а также отправкой им 7 января 1947 г. специальной ноты в ООН. Разумеется, депортация давала очередной импульс «добровольному» бегству новых групп венгров на территорию Венгрии²³².

Бывший венгерский социал-демократ В. Бём, после Второй мировой войны представлявший правое крыло партии, которого никак нельзя заподозрить в предвзятости или негативном отношении к Бенешу и к Чехословакии, в книге воспоминаний впоследствии писал: «Эта игра продолжалась без малого три года. Сотни тысяч проживающих в Чехословакии венгров были лишены всех гражданских прав.

У них отняли школы. Десятки тысяч детей выросли без посещения школ. У многих десятков тысяч имущих крестьян отняли земли и дома без всякого возмещения. Многие десятки тысяч венгров были выдворены из страны. Другие тысячи были уволены со службы в государственных и общественных учреждениях, им почти не давали работать даже на частных предприятиях. И наконец, на основании какого-то сомнительного декрета многие десятки тысяч южнословацких венгров с использованием самых злостных гитлеровских методов были депортированы в Судетскую область и использованы на принудительных работах. Венгерское общественное мнение с возмущением следило за возрождением этого гитлеровского варварства в демократической Чехословакии»²³³. Беженцы и изгнанные из Чехословакии венгры, создав свой Совет, в свою очередь, направили телеграмму в адрес Парижской мирной конференции, в которой отвергли обвинения чехословацкого руководства в свой адрес и просили прислать в Словакию комиссию для расследования положения венгерского меньшинства. В телеграмме, в частности, отмечалось: «Сотни тысяч словацких венгров подвергаются угнетению такими варварскими методами, которые напоминают те бесчеловечные методы, которые применялись гитлеровцами против евреев. Мы протестуем против продолжающихся десятков тысяч массовых и не имеющих под собой никаких реальных оснований приговоров, конфискации имущества, закрытия школ... Мы протестуем против привлечения к коллективной ответственности словацких венгров и отвергаем насильственный обмен населением, который проводится насильственными и негуманными методами»²³⁴.

Политическое руководство послевоенной Чехословакии явно не было удовлетворено плодами своей национальной политики применительно к венгерскому меньшинству (лишение гражданства, проводимый обмен населения, «ресловакизация», депортация и другие антигуманные приемы) и

готовилось к дополнительному выдворению оставшихся в стране лиц этой национальности. Оно добивалось дальнейшего выселения в одностороннем порядке сверх произведенного обмена как минимум 200 тыс. человек. Напомним, что именно это число было названо главой чехословацкой делегации В. Клементисом еще в Будапеште при встрече с лидерами политических партий Венгрии²³⁵. Он выразил решимость властей Чехословакии добиваться этого путем заключения еще одного международного соглашения с Венгрией. И хотя Венгрия отвергала это предложение, Чехословакия продолжала добиваться этого, пытаясь снова решить вопрос с помощью великих держав, и прежде всего советской дипломатии. Дело в том, что чехословацко-венгерским соглашением была оговорена возможность самостоятельных действий каждой из сторон, чтобы доказать правоту своих позиций, в том числе на международных форумах.

Проблема венгерского меньшинства на Парижской мирной конференции ||

Чехословацкое правительство, не ставя об этом в известность венгерскую сторону, обратилось со специальным меморандумом к великим державам, добиваясь содействия тому, чтобы Венгрия в течение трех месяцев после вступления в силу мирного договора заключила с Чехословакией соглашение о трансфере 200 тыс. венгров. В случае отказа Венгрии подписать подобное соглашение Чехословакия считала бы себя вправе осуществить выселение указанного числа венгров в одностороннем порядке. Трансфер такого числа словацких венгров уже фактически был согласован с советским внешнеполитическим руководством. Отметим, что для советской делегации, отправлявшейся в Лондон на совещание заместителей министров иностранных дел великих держав, где должны были рассматриваться вопросы подготовки мирного договора с Венгрией, был составлен специальный документ под названием «Дополнение к Ди-

рективам от 21 марта 1946 г. по мирному договору с Венгрией». В нем определялись принципы и конкретизировались задачи, которых должна была придерживаться советская делегация по данному вопросу.

В соответствии с данным ранее Бенешу обещанием, НКВД СССР предписывал членам своей делегации: «В связи с Меморандумом Чехословацкого правительства, касающимся мирного договора с Венгрией, Советская Делегация должна руководствоваться следующим: 1. Выселение венгров из Чехословакии. Считать целесообразным в целях урегулирования взаимоотношений между Чехословакией и Венгрией и в интересах поддержания мира и безопасности в Европе переселить 200 тысяч венгров сверх переселенных в порядке обмена населением между Венгрией и Чехословакией». Вместе с тем не рекомендовалось давать согласия на лишение прав венгерского национального меньшинства в Чехословакии, хотя на этом также настаивало чехословацкое правительство. В инструкции советским дипломатам в этой связи было записано: «Рекомендовать при этом Чехословацкому правительству сохранить за оставленным на территории Чехословакии венгерским населением прав национальных меньшинств»²³⁶.

В упомянутом меморандуме чехословацкое правительство решило заявить также о других претензиях к Венгрии, в частности, об увеличении своей территории за счет сопредельного государства якобы в целях обеспечения безопасности словацкой столицы. Это касалось пяти населенных пунктов в Венгрии. Они расположены очень близко к Братиславе, а город, — говорилось в меморандуме, — в перспективе может развиваться лишь в этом направлении; к тому же с этих мест столица находится в досягаемости венгерской артиллерии²³⁷.

Правительству Венгрии ничего не было известно об этих приготовлениях и требованиях Праги. 3 апреля 1946 г. Д. Крно, незадолго до этого избранный заместителем Гене-

рального секретаря ООН, вручил меморандум заместителю министра иностранных дел Великобритании в Лондоне. В документе содержались заявки чехословацкого правительства на получение от Венгрии упомянутых 5 населенных пунктов, на «ресловакизацию» 250 тыс. и на трансфер 200 тыс. словацких венгров, а также некоторые экономические требования, предъявляемые Венгрии. По мнению М. Ракоши, территориальный вопрос был затеян Бенешем и его окружением специально с целью «затруднить положение как венгерских, так и чехословацких коммунистов и тем самым создать между ними новые трения», ибо эти населенные пункты на самом деле не имели «никакого военно-стратегического значения»²³⁸. Он считал, что в случае возражения со стороны чехословацких коммунистов по этому территориальному вопросу Бенеш намеревался обвинить КПЧ в ее непатриотичности, но поскольку она поддержала президента, то тот все равно оказался в выигрыше, потому что ему удалось столкнуть чехословацких и венгерских коммунистов.

В распоряжении Венгрии было не так много средств и возможностей, чтобы противостоять требованиям ЧСР и нейтрализовать их, чтобы реально воздействовать на обстановку на международной арене. Тем не менее были предприняты определенные действия в этом направлении как по государственной, так и по межпартийной линии с целью воздействовать на ситуацию, прежде всего на мнение великих держав. Правительство Ф. Надя во время подготовки к подписанию мирного договора активизировало свою внешнюю политику, но это приносило лишь частичный успех. В начале апреля 1946 г. Дёндёши был принят Молотовым по вопросу подготовки мирного договора. Во время встречи, естественно, была затронута и проблема венгерского меньшинства в Чехословакии. Венгерский министр иностранных дел выразил свое беспокойство судьбой остающихся в Словакии венгров и их массовым расселением в другие регионы

страны. Он вновь заявил, что Венгрия «не в состоянии принять этих 450 тыс. соплеменников (из Чехословакии, сверх паритетного обмена. — Б.Ж.) как по экономическим, так и по политическим причинам». Отвечая на вопрос Молотова, как он определяет цифру 450 тыс., Дендешти объяснил: чехословацкое правительство добивается принятия Венгрией именно такого числа словацких венгров, остальных же 200 тысяч примет «в чехословацкое гражданство при условии, если (эти. — Б.Ж.) венгры будут считать себя словаками»²³⁹. Он информировал собеседника о ходе переговоров в Праге и отметил, что если выселить из Чехословакии всех венгров, как того добивается правительство этой страны, то оно «должно дать им землю, так как большинство венгерского населения Чехословакии занимается сельским хозяйством». Он просил не рассматривать его предложение в качестве стремления к территориальной ревизии и отметил, что «вопрос венгерского меньшинства можно решить либо путем предоставления правительством Чехословакии венграм равных (со словаками. — Б.Ж.) прав, либо путем обеспечения венгров в экономическом отношении»²⁴⁰.

В апреле 1946 г. состоялась поездка в Москву венгерской правительственной делегации во главе с премьер-министром Ф. Надем, где она встречалась с Молотовым и дважды была принята И. В. Сталиным. В ходе встречи 10 апреля Надь после характеристики положения в Венгрии рассказал, что «Чехословакия хотела ликвидировать национальные меньшинства средствами, до сих пор неизвестными, причем чехословацкое правительство перебросило (с территории Словакии. — Б.Ж.) в Венгрию без предварительной консультации с венгерским правительством тысячи венгров». При этом он подчеркнул, что в Чехословакии «проживает 650 тыс. венгров, причем много сотен тысяч из них живет компактно вдоль венгерской границы». Излагая свое видение решения вопроса «о судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии», Ф. Надь озвучил два ре-

шения. Первый вариант: «мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства равноправие, при котором венгры могли бы свободно жить и развиваться»; учитывая, однако, что чехословацкие государственные деятели «намерены ликвидировать венгерское меньшинство, венгерское правительство ставит вопрос об альтернативе». Вторым решением может быть следующее: «часть чисто венгерских областей, населенных компактно венграми, можно было бы вернуть Венгрии, с тем, чтобы в случае дальнейшего стремления чехословацких властей ликвидировать национальное меньшинство, иметь возможность разместить (там. — *Б.Ж.*) это население»²⁴¹. Глава венгерского правительства заявил о готовности Венгрии принять любое из предлагаемых решений, отметив, что это успокоит венгров и создаст основу для добрососедских отношений с Чехословакией.

В ходе беседы Сталин поинтересовался, не хотят ли венгры совершить обмен населением, чтобы словацким венграм не угрожала денационализация. После разъяснений, данных на этот вопрос Дёндёши, Сталин отреагировал фразой: при обмене «качество (населения. — *Б.Ж.*) не играет роли». Затем указал на одну из причин сложившейся ситуации: «Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправляться с венграми, а чехи не противодействуют этому. Это не справедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т. д.». И тут же назвал обмен населением возможным решением проблемы, как это имело место между Польшей и Латвией. В протоколе беседы записано: «Тов. Сталин говорит, что для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить этих венгров»²⁴². Затем Сталин спросил, как относится к такому решению венгерское правительство, заметив, что он не

знает, «как думают на этот счет чехословаки». На вопрос ответил Дёндёши, рассказав о достигнутом соглашении по эквивалентному обмену и его начавшейся реализации. При этом министр иностранных дел Венгрии обратил внимание на то, что после обмена населением в Чехословакии остаются еще около 600 тыс. венгров, из которых 200 тысячам чехословацкие власти готовы дать гражданство при условии, «если они объявят себя словаками со ссылкой на словацкое происхождение, и даже в случае незнания словацкого языка», остальных же они «намерены перебросить в Венгрию». Дёндёши подчеркнул, что венгерское правительство не может одобрить такое решение, так как «эти венгры являются древними жителями территории, на которой они... живут уже на протяжении тысячи лет». «Сущность проблемы сводится к тому, — разъяснял Дёндёши, — чтобы обеспечить для венгерского меньшинства гражданские права... Если же Чехословакия намерена перебросить венгров в Венгрию, то в таком случае необходимо обеспечить для них экономические условия жизни, что может быть достигнуто лишь путем передачи Венгрии части территории и экономической компенсации лицам, которые будут переселены»²⁴³.

В ходе переговоров было выражено пожелание венгерской стороны включить в мирный договор положение о венгерском национальном меньшинстве в сопредельных с Венгрией государствах. Премьер-министр Ф. Надь просил Сталина и Молотова рассмотреть этот вопрос и оказать содействие. Сталин в ответ заявил, что «положение об обеспечении венгерскому меньшинству прав является правильным, и выразил мнение, что чехословаки не согласятся уступить Венгрии территорию», но пообещал, что советское правительство «постарается содействовать урегулированию этого вопроса»²⁴⁴.

Хотя Ракоши не входил в состав делегации, он также встречался с Молотовым и Сталиным и тоже затрагивал вопрос о венграх в Чехословакии. В своих «Воспоминаниях»

о встрече со Сталиным, он писал: «Позиция Бенеша в этом вопросе была простой: словацкие венгры для него были такими же фашистами, как судетские немцы, и он собирался их также выселить. Таковую же позицию занимали, по сути, и чехословацкие коммунисты. Мы же считали такую позицию неправильной. Мы согласились на обмен населением по принципу один к одному. За каждого словака, желающего переселиться в Чехословакию, мы принимаем одного венгра (из Словакии. — *Б.Ж.*). Даже такое решение было для нас невыгодным: у нас могли добровольно записываться на обмен, в Чехословакии же сами органы власти определяли тех венгров, от которых хотели избавиться. Поэтому к нам (в рамках обмена. — *Б.Ж.*) присылали не тех, кто был политически ненадежен, а тех, у кого было больше земли и богатства. На этих землях размещали затем словацких колонистов. На счет остающихся у них людей были различные планы: часть из них (чехословацкие власти. — *Б.Ж.*) хотели “ресловакизировать”... остальных же развезть по стране, в частности, в те места, откуда выселили немцев». «Я рассказал Сталину, — вспоминал Ракоши, — что у нас насчитывается 100 000 словаков, из которых, возможно, около половины согласятся на обмен. В Чехословакии же численность венгров составляет 500–600 тысяч, а это означает, что подавляющее большинство будет подвергнуто преследованиям, что, естественно, затруднит работу венгерских коммунистов»²⁴⁵.

По утверждению Ракоши, Сталин сначала спросил: «Что собой представляют эти элементы, которых чехословаки хотят переселить?» Услышав, что они «в подавляющем большинстве хорошие земледельцы и промышленные рабочие», он удивился тому, почему же тогда Венгрия не хочет их принимать. Советский руководитель тут же привел пример с обменом украинского и польского населения, отметив, что из Польши украинцы все выехали в СССР, а большинство поляков в то же время осталось в Советском Союзе, что, в

свою очередь, свидетельствует о привлекательной силе Страны Советов. По сути, это было предложение Венгрии подражать советскому образцу и принять к себе словацких венгров. Ракоши, однако, тут же разъяснил, что обмен населением между Польшей и СССР затронет не более полу-процента населения Советского Союза, тогда как 600 тысяч составляют «6–7% населения (Венгрии. — Б.Ж.), и их негде разместить, уже не говоря о том, каким тяжким политическим грузом станет это для молодой венгерской демократии и может вызвать волну шовинизма, вина за которую ляжет прежде всего на партию коммунистов». Аргументы Ракоши, и особенно о том, что если венгры будут выселены из Словакии, то этому захотят последовать и румыны, и югославы, что вызовет цепную реакцию и новые большие осложнения обстановки, заставили Сталина задуматься. По словам М. Ракоши, он сказал: «Видимо, вы правы. Проведите обмен населением корректно, но, а впрочем, выступайте решительно, по-коммунистически, против преследования словацких венгров. Ведь партия венгерских коммунистов — эта партия венгерских патриотов, и, естественно, она не может молчать, если по соседству преследуют венгров»²⁴⁶.

После этого Ракоши впервые решился выступить публично с осуждением перегибов чехословацких агитаторов и вербовщиков, «сотнями разъезжавших вдоль и поперек по стране на новеньких грузовых автомобилях, в которых помимо водителей сидела группа чехословацких солдат в униформе и с автоматами в руках, что наводило страх на сельское население»²⁴⁷. Сразу же после возвращения из Москвы Ракоши, выступая на одном из публичных митингов 22 апреля 1946 г., помимо прочего, говорил: «Молодая венгерская демократия сначала не хотела и слышать об обмене населением. Обмен населением — это тяжелая и очень болезненная операция..., но мы в интересах улучшения отношений между двумя нуждающимися друг в друге демократическими странами, Чехословакией и Венгрией, готовы принести

жертву и согласились на добровольный обмен. Мы знали, что это окончательно не решит проблему, ибо численность словаков в Венгрии не достигает и ста тысяч, а словацких венгров больше шестисот тысяч... Тем более нас удивляет, что недавно президент Чехословацкой республики Бенеш в связи с этим соглашением заговорил о большой чехословацкой победе... Для нас в этом вопросе неприятно говорить о победе или поражении, поскольку мы заключили соглашение не в духе борьбы, а в духе взаимопонимания»²⁴⁸. Говоря о положении венгров в Чехословакии, лидер венгерской компартии отметил: «Все, что делается с ними в этой стране, ни в коей мере не совместимо с понятием «демократическое государство». Венгры там не имеют никаких прав. Не имеют ни газет, ни политических организаций, не имеют школ, лишены избирательного права, в ходе земельной реформы не получили земли. Все мы знаем о планах Чехословакии перебросить через границу остающихся еще там после обмена венгров, а если это не удастся, то рассеять их по территории Словакии. Венграм хотят не разрешить пользоваться родным языком, развивать свою культуру, не позволяют иметь свои школы, свои газеты»²⁴⁹.

В июне 1946 г. венгерская правительственная делегация совершила поездку также в Вашингтон и Лондон с остановкой в Париже, в ходе которой обсуждались вопросы послевоенного устройства, положения венгров в сопредельных государствах. Однако эти переговоры не имели для Венгрии каких-либо положительных последствий²⁵⁰. Глава делегации Ф. Надь, выступая в Лондоне, назвал обмен населением между Чехословакией и Венгрией, «ресловакизацию» и последующую попытку выселить из ЧСР еще дополнительно 200 тыс. венгров аморальными²⁵¹.

Чехословацкое руководство, готовясь к Парижской мирной конференции, направило в Париж для обсуждения проблем выселения венгров представителя чехословацкого правительства В. Гайдю, который вместе с посланником

ЧСР во Франции Й. Носеком 30 апреля 1946 г. встречался в столице Франции с В.М. Молотовым, добиваясь его поддержки на мирной конференции по вопросу о выселении всех оставшихся в Словакии венгров. Гайду говорил, что «лица венгерской национальности, проживающие в Чехословакии, считают Венгрию своей родиной, но не хотят возвращаться в Венгрию, а желают оставаться в Чехословакии», что «никто из венгров добровольно не уедет из Чехословакии». Молотов подтвердил позицию советского правительства по венгерскому вопросу и посоветовал «принять более энергичные меры, чтобы договориться с венграми на той базе, на которой СССР договорился с Польшей о переселении людей». Затем, отвечая на просьбу Гайду «оказать давление на венгров», сказал, что чехословацким органам «надо было более энергично действовать сразу после окончания войны. Трудно ставить такой вопрос на мирной конференции»²⁵².

В третьей декаде июля 1946 г. в Москве побывала чехословацкая правительственная делегация, где К. Готвальд, Я. Масарик и В. Клементис вновь добились советского обещания поддержать требование о выселении из Словакии 200 тыс. венгров. Советская дипломатия на открытых международных форумах продолжала поддерживать Чехословакию в этом вопросе, но, в конечном счете, она вынуждена была считаться с принципами принятия решений великой «тройкой», и поэтому, вопреки обещанию, согласилась оставить этот вопрос для двусторонних венгеро-чехословацких переговоров.

Венгерское правительство еще надеялось на решение проблемы венгерского нацменьшинства Словакии в ходе работы Парижской мирной конференции. Министр иностранных дел Венгрии, выступая 14 августа 1946 г. на этом форуме, отмечал, что после обмена населением в Чехословакии осталось еще около полумиллиона венгров, и обращал внимание конференции на то, что их дальнейшее выселе-

ние не решит проблемы. Он просил обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства в этой стране гражданские права и достойные условия для их человеческого существования²⁵³. Венгерская дипломатия в ходе подготовки мирного договора основной упор делала именно на защиту коллективных прав венгерского меньшинства. Проблема затрагивалась и 20 августа 1946 г. в беседе Дёндёши с Молотовым на приеме в советском посольстве в Париже. Дёндёши тогда подчеркивал, что Венгрия будет удовлетворена границей между двумя странами, если Чехословакия «сохранит не только территориальный, но и юридический статус венгерского меньшинства». «Чехословакия поступит неправильно, если оставит без прав венгерское меньшинство, — отмечал глава венгерского МИДа. Он напомнил о том, что «в настоящее время венгры в Чехословакии лишены гражданских прав и гражданства, а собственность их конфискована». Затем выразил мнение своего правительства о том, что «это не внутренний вопрос чехословацкого государства, а международный вопрос, вопрос человеческих прав»²⁵⁴. Молотов попытался оказать посреднические услуги, ссылаясь на то, что по мнению чехов на южной границе Чехословакии не будет спокойствия до тех пор, пока из Словакии не выселят словацких венгров. На такое замечание Дёндёши отреагировал словами: «Вопрос мог бы быть решен положительно, если бы правительство Чехословакии подошло к нему более открыто. У чехословацкого государства был плохой опыт с национальными меньшинствами. Это не было неожиданностью, еще в период учреждения чехословацкого государства Масарик и Бенеш предвидели эту опасность... Если чехословацкое государство хочет стать национальным государством и стремится выселить венгерское меньшинство, то не следует возлагать тяготы решения этого вопроса лишь на венгерское правительство». При этом он отметил, что если чехословацкое правительство переселит якобы «представляющих опасность для Чехословакии венг-

ров» на 50–100 километров от своих границ, то оно может действительно оказаться перед лицом враждебно настроенных к нему людей. И тогда «никакое взаимопонимание и хорошие отношения между Чехословакией и Венгрией не будут невозможны». Поэтому, заключил глава венгерского МИДа, лучшим путем к установлению взаимопонимания и сотрудничества между Венгрией и Чехословакией, которые столь необходимы, будет то, что «венгры останутся в Чехословакии» и «их права будут гарантированы»²⁵⁵.

Хотя Чехословакия на Парижской мирной конференции настаивала на включении в мирный договор с Венгрией положения о трансфере еще хотя бы 200 тысяч венгров, это требование первой отклонила Великобритания, считавшая, что данная проблема относится к компетенции двух заинтересованных сторон и может быть решена лишь путем венгеро-чехословацких переговоров. Поскольку Венгрия заявила о невозможности принять такую массу людей, представитель США согласился с позицией англичан, и поэтому, в конечном счете, она была поддержана и советскими дипломатами. Однако в вопросе «ресловакизации» чехословацкое правительство получило свободу действий. При этом Запад выразили надежду, что чехословацкое правительство не совершит ничего такого с венгерским населением Словакии, что противоречило бы принципам свобод и прав человека, содержащимся в основополагающих документах ООН. В то же время чехословацкое предложение о включении данного вопроса в текст договора с Венгрией было отвергнуто. Советские представители были вынуждены согласиться с позицией своих союзников²⁵⁶.

Политическое руководство Венгрии не могло смотреть безучастно на продолжавшееся в Чехословакии ущемление прав и ухудшение положения венгерского меньшинства. Правительство Ф. Надя неоднократно пыталось обратить внимание представителей Совета Министров иностранных дел великих держав на эту проблему, хотя его старания и

не дали должных результатов. Правда, эти попытки нельзя считать и совершенно безуспешными, т. к. проблема трансфера, вынесенная в сентябре 1946 г. в Париже на публичное обсуждение, все же не была решена так, как ожидало чехословацкое правительство, в результате словацкие венгры остались в Чехословакии. Деятельность венгерской делегации на конференции была направлена именно на то, чтобы помешать насильственному выдворению венгерского меньшинства из Словакии. Делегация США 6 сентября поддержала венгерскую позицию, что объяснялось ее попыткой оказать содействие и поддержку венгерским демократическим партиям, и особенно Независимой партии мелких хозяев (НПМХ), а также стремлением избежать привлечения к коллективной ответственности целой этнической группы, чтобы не повторять ошибок Потсдама.

Решающий перелом в обсуждении вопроса о трансфере 200 тыс. венгров произошел 23 сентября 1946 г., когда представитель Великобритании, выразив понимание чехословацких стремлений окончательно решить национальный вопрос, все же назвал вредным включение принципа о насильственном выселении венгров в мирный договор с Венгрией, даже в том случае, если Чехословакия намерена провести трансфер с учетом принципов гуманизма²⁵⁷. Инициатива чехословацких властей получила, таким образом, «вето» со стороны США и Великобритании, в результате чего трансфер был отвергнут Парижским международным форумом.

**В ожидании советского содействия в смягчении
венгерско-чехословацкой напряженности.
Изменения в национальном составе
Венгрии и Чехословакии**

Тем временем Я. Дёндёши на возобновившихся венгерско-чехословацких переговорах 29 сентября 1946 г. категорически отклонил предлагаемый чехословацкой стороной трансфер, заявив, что он противоречит как Атлантичес-

кой хартии, так и Уставу ООН. Хотя в конечном счете было выработано компромиссное решение, отношения между обеими сторонами продолжали оставаться напряженными. Это касалось и межгосударственных, и межпартийных отношений по линии утверждающих свое влияние коммунистических партий. Причиной тому по-прежнему оставалось положение венгерского меньшинства в Чехословакии, которое, несмотря на обязательства, взятые на себя чехословацким правительством, фактически не менялось к лучшему. Правительство Венгрии, обеспокоенное продолжающимся ухудшением положения венгров в Чехословакии после Парижской мирной конференции, в феврале 1947 г. было вынуждено обратиться с меморандумом к великим державам. В этой связи 14 февраля в НКВД был принят посланник Венгрии в СССР Д. Секфью, который в беседе с заместителем наркома В. Г. Деканозовым рассказал, что «чехословаки, используя существующий у них закон о трудовой повинности, проводят массовое насильственное переселение венгров из Словакии в Судетскую область на место высланных оттуда в Германию судетских немцев. Они делают это вопреки венгерско-чехословацкому соглашению от 27 февраля 1946 г., в котором предусматривалось оставить венгерское население Словакии на прежнем месте»²⁵⁸. Посланник пожаловался на те «несправедливости, которые чехословацкое правительство совершает в отношении переселенных венгров, эксплуатируя их и ставя в положение рабов». При этом, как отмечается с советской записи о беседе, он сослался на заявление Фирлингера «о факте переселения в Судеты 30 000 венгров, которые теперь будут якобы ассимилированы», и сказал, что при таких условиях невозможно говорить о каких-либо двусторонних переговорах по данному вопросу между Венгрией и Чехословакией. Деканозов заверил посланника, что меморандум будет должным образом изучен советским правительством, но настаивал на двустороннем решении проблемы с Чехословакией. О перс-

пективах и результативности такого решения Секфью высказался весьма скептически. Он подчеркнул, что чехословацкое правительство «стремится оттянуть переговоры с Венгрией, чтобы тем временем рассыпать венгерское меньшинство внутри Чехословакии и ассимилировать венгров». В таких условиях быстрого и положительного решения проблемы венгерского меньшинства в Чехословакии трудно было ожидать.

Продолжающийся обмен населением, выдворение значительного числа так называемых военных преступников, «ресловакизация» и массовая депортация словацких венгров в западные районы Чехии сопровождалась резким ухудшением отношений также между КПЧ и ВКП, о чем уже упоминалось в беседе Ракоши со Сталиным. Лидер венгерских коммунистов и в дальнейшем выступал против выселения венгров из Чехословакии, стараясь убедить советское руководство в недопустимости такого акта. Он был особенно обеспокоен тем, что выселение венгров ударит по престижу ВКП, которая остро нуждалась в поддержке со стороны трудящихся в целях утверждения своего политического курса, ориентированного на СССР. Поскольку с руководством КПЧ достичь договоренности по этому вопросу, взбудоражившему всю венгерскую общественность, ему не удалось, он решил вновь обратиться за помощью к советскому руководству.

Прибыв 27 апреля 1947 г. самолетом в Москву, М. Ракоши передал письмо в отдел внешней политики ЦК ВКП(б) М. А. Сулову для вручения И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. А. Жданову. «Мы просили бы помощи Советского Союза в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии, — говорилось в его письме. — По совету американцев Партия мелких сельских хозяев вместо достижения соглашения (с Чехословакией. — *Б.Ж.*) стремится передать этот вопрос на решение Организации Объединенных Наций, а наши чехословацкие товарищи всемерно содействуют осуществлению американского плана. Компартия имела

бы огромный успех, если бы по ее инициативе было достигнуто соглашение по этому вопросу». Впрочем, сам Ракоши в то же время от имени компартии добивался дальнейшего выселения немцев (швабов) из Венгрии. В своем письме он подчеркивал: «Мы просили бы также Вашей помощи в деле выселения швабов из Венгрии, т. к. американцы отказались выполнять решения Берлинской мирной конференции по этому вопросу»²⁵⁹.

Письмо Ракоши имело информационный характер, и два дня спустя стало предметом его беседы с Молотовым. Обсуждалась проблема венгерско-чехословацких отношений, включая обмен населением, взаимоотношения между компартиями обеих стран, а также вопрос об остатках немецкого нацменьшинства в Венгрии. Генсек ВКП утверждал: «Отношения с чехословаками очень плохие. Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это обходится нам в 200 млн форинтов, что составляет 7% бюджета. Чехословаки при переселении берут у нас пролетариев, а нам присылают крестьян-богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается». Отметив, «что в Словакии преследуют даже венгерских коммунистов», и по этой причине «мы смотрим на наших чехословацких товарищей, как на сумасшедших», он надеялся получить советскую поддержку. Кроме того, Ракоши сделал акцент на том, что представители венгерских буржуазных партий «добиваются вмешательства в это дело (выселение венгров. — Б.Ж.) Организации Объединенных Наций»²⁶⁰.

В ходе беседы с Молотовым Ракоши упрекнул его за недавнюю поддержку Чехословакии, пожаловался руководителю советского НКВД на то, что «чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область», где они «использовались в качестве чернорабочих». Руководитель ВКП, отвергая чехословацкое требование трансфера венгров из Словакии, доказывая невозможность принятия Венгрией такого числа переселенцев, считал, что это повлечет

«за собой крах демократии и усиление реакции» в Венгрии. «Коммунисты не могут поддержать заключение соглашения о переселении словацких венгров», — подчеркивал Ракоши.

Касаясь выселения немцев, он отметил, что из Венгрии успели «выселить только одну треть швабов», хотели и остальных, но, «как нам стало известно, американцы против этого». Молотов подтвердил, что американцы в самом деле «препятствуют переселению швабов в американскую зону Германии и поэтому шансов на решение этого вопроса очень мало». «Вы упустили благоприятный момент»²⁶¹, — сказал он. Ракоши отвечал на это замечание: «Ранее мы должны были выселять швабов через Австрию, но советские коменданты вернули их нам обратно в Венгрию и прислали вместе с ними еще и немцев из Австрии», и спросил, нельзя ли договориться об их переселении в советскую зону оккупации. В конечном счете именно по этому каналу и проводилось дальнейшее выселение немцев из Венгрии в Германию, хотя в отличие от коммунистов основные коалиционные партии Венгрии и само правительство вовсе не настаивали на проведении этой акции, но подчинились международному решению, принятому по ходатайству Чехословакии с целью освобождения как можно больше места для перемещения венгров — переселенцев из Словакии.

Активные действия венгерской компартии (ВКП) против ущемления прав и преследования венгров Словакии, их изгнания с мест исторического обитания проявили себя не только в попытках генерального секретаря ВКП выступить в их защиту перед «хозяином» Кремля, но и перед некоторыми другими членами высшего партийного руководства. Так, член политбюро и Центрального Руководства ВКП Й. Реваи, выступая на совещании представителей компартий в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г., вынес противоречия между Венгрией и Чехословакией на этот международный форум коммунистов. Отметив, что в Чехословакии венгров, вместе с судетскими немцами, счи-

тают главным виновником раскола Чехословакии, заявил: «Я должен сказать, что это весьма односторонняя правда и объяснение причин распада Чехословакии. Я боюсь, что это одностороннее обвинение венгров вело к ослаблению борьбы против чешской и в первую очередь против словацкой реакции. Наши чехословацкие товарищи думали, что раздувание ненависти к венграм может служить общей платформой сотрудничества, начиная от КП (компартии. — *Б.Ж.*) и кончая словацкими националистами». Назвав такое сотрудничество выгодным только для националистов, он подчеркнул: «Я отрицаю, что большинство венгров в Словакии не поддерживало во время Мюнхена чехословацкое государство, но также нельзя отрицать того, что значительное демократическое меньшинство было готово защищать Чехословакию против Гитлера и Хорти. Ведь всем известно, что Чехословацкая КП в Словакии имела большое влияние и прекрасные кадры именно в венгерском рабочем движении (этого края. — *Б.Ж.*)». Касаясь бесправного положения венгерского меньшинства в Чехословакии, он отметил: «Я заявляю, что мы охотно пошли бы на такое соглашение (с чехословацким руководством. — *Б.Ж.*), по которому венгры в Словакии получили бы такие же права, как словаки, живущие в Венгрии»²⁶². Эти попытки венгерских коммунистических лидеров остановить преследование словацких венгров в Чехословакии далеко не сразу возымели ожидаемое воздействие, хотя со временем, видимо, по мере накопления критической массы, все же оказали определенное воздействие на советское руководство.

Перемещение населения между Чехословакией и Венгрией, равно как и «ресловакизация» и насильственное расселение словацких венгров в порядке внутреннего «решения» национальной проблемы для ЧСР, тем временем продолжались. Выступая на заседании чехословацкого правительства в октябре 1947 г., Клементис подчеркивал, что в Словакии не должно оставаться более 100–200 тысяч венг-

ров. По его предложению были утверждены принципы дальнейшего обращения с остающимися в стране национальными меньшинствами. «Эти группы должны быть рассеяны по стране так, чтобы больше не представляли собой единую массу, — подчеркивал заместитель министра иностранных дел Чехословакии. — Если мы будем проводить разумную политику, эту проблему мы сможем решить полностью и за короткое время... Со временем мы снова могли бы предоставить им гражданские, но не национальные права»²⁶³. Характерно, что Готвальд лишь в начале июня 1948 г. осознал неизбежность существования в будущем вместе с венграми. Тогда он заявил: «Нашей стране придется считаться и далее с несколькими сотнями тысяч венгров. Мы должны предоставить им какие-то права,... но никаких прав на создание политических партий или профсоюзов, никакого особого статуса. Хотя что-то мы должны им дать ради нашего спокойствия. Это необходимо по внешнеполитическим причинам»²⁶⁴. В этих словах была ярко выражена позиция лидера КПЧ по национальной политике, проводившейся во второй половине 40-х гг. XX в. Хотя некоторые моменты перемещения населения как по стране, так и между Чехословакией и Венгрией еще продолжали обсуждаться, работала совместная комиссия по вопросам обмена и после Парижской мирной конференции, к концу рассматриваемого периода серьезно изменился национальный состав населения как одной, так и другой страны.

Первая послевоенная перепись Венгрии 1949 г. зафиксировала уже только 1,5 % невенгерского населения. Хотя еще в 1941 г. самое многочисленное немецкое национальное меньшинство (475 491 чел.) составляло 5,1 % населения Венгрии. За ними следовали словаки (75 877 чел., или 0,8 %), хорваты (21 395 чел., или 0,3 %), румыны (21 395 чел. — 0,2 %), сербы (5442 чел. — 0,1 %) и представители прочих малочисленных национальных групп общей сложностью 21 445 человек, что составляло 0,3 % населения. К 1949 г. данная картина

национального состава претерпела существенные изменения. В стране в результате выселения немцев и обмена населением с Чехословакией осталось всего 92 210 граждан страны, принадлежавших, согласно переписи, к другим национальностям, а именно: 22 455 немцев, 25 988 словаков, 14 713 румын и 30 054 представителей других национальных групп (в том числе 10 тыс. хорват и 5 тыс. сербов)²⁶⁵.

Выселение венгерского меньшинства из Словакии, после того как февральский коммунистический переворот 1948 г. создал в стране новую политическую обстановку, было приостановлено, а со временем и прекращено. Отношение к национальному вопросу и способы его решения также стали меняться. В Конституции Чехословакии, принятой 9 мая 1948 г., еще не говорилось о присутствии в стране национальных меньшинств. По оценкам, содержащимся в одной из справок Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) от 19 июня 1948 г., «новая конституция (Чехословакии. – Б.Ж.) обходит молчанием вопрос о предоставлении гражданских прав национальным меньшинствам, закрепив, таким образом, законом политику дискриминации по отношению к неславянскому нацменьшинству»²⁶⁶. Но вскоре в ЧСР появилась возможность сделать некоторые практические шаги в интересах улучшения положения нацменьшинств. Венгры, оставшиеся в Чехословакии, вскоре были восстановлены в своих гражданских правах, прекратилась прежняя практика обмена и переселения. Более того, после мая 1949 г. начали издаваться газеты, снова открылись школы на венгерском языке. Венграм, оказавшимся не по своей воле в Западной Чехии, постепенно было разрешено вернуться в родные места.

Картина национального состава Чехословакии, согласно официальной переписи 1950 г., также изменилась и стала следующей. Чехи (8384 тыс.) составляли 67,9% населения, словаки (3241 тыс.) – 26,3%. Число венгров после обмена населением, выселения и «ресловакизации» сократилось до 367,7 тыс., или же до 3% населения (из них 355 тыс. –

в Словакии, 13 тыс. – в Чехии), немцев – до 165 тыс., или же 1,3%. Поляки (73 тыс.) составляли 0,6%, украинцы-русины и русские (68 тыс.) – 0,6%, а представители остальных национальностей (41 тыс.) – 0,3%. В то же время, если взять отдельно Словакию, то национальная палитра была несколько иной, а именно: словаки (2982 тыс.) как основная нация составляли 86,6% населения, тогда как чехи (40 тыс.) – 1,2%, венгры (355 тыс.) – 10,3%, украинцы-русины и русские (48 тыс.) – 1,4%, немцы (5 тыс.) – 0,1%, поляки (1,9 тыс.) – 0,1%, а прочие нацменьшинства вместе (9,7 тыс.) – 9,3% населения²⁶⁷. Результаты этой первой послевоенной переписи населения свидетельствуют о том, что политическому руководству Чехословакии удалось сделать существенные шаги по очищению страны от нацменьшинств и реализации плана, нацеленного на укрепление национального характера государства чехов и словаков, хотя полностью намеченные цели ни в той, ни в другой сфере достигнуты не были.

Подвергая анализу положение дел с перемещением населения между Венгрией и Чехословакией в 1945–1948 гг., характеризуя национальную политику чехословацкого руководства по отношению к венгерскому национальному меньшинству, направленную на его полное выдворение из страны, нельзя пройти мимо отдельных важных, с точки зрения рассматриваемой проблемы, документов, хранящихся в партийных архивах Москвы. Ведь на несправедливое отношение к венгерскому меньшинству, на ущемление национальных прав венгров в Чехословакии тех лет в конечном счете обратили внимание и в московских кругах, близких к высшему партийному руководству, которому тут же подавались соответствующие информационные и аналитические записки о положении дел в национальной политике руководства ЧСР и компартии страны. Правда, создавались эти документы уже весной 1948 года, т. е. после февральского кризиса. Авторы таких записок не раз подвергали чехо-

словацкие власти весьма нелюбезной, достаточно резкой критике. Так, в ЦК ВКП(б) 29 марта 1948 г. была подана записка ответственного секретаря Общеславянского комитета СССР И. Н. Медведева, в которой указывалось на ошибочную и, как отмечалось здесь, явно дискриминационную политику руководства КПЧ по отношению к национальным меньшинствам. Автор записки прямо подчеркивал, что представители партийного руководства «пытались доказать правомочность такой политики в отношении венгров, апеллируя к настроениям словацких народных масс и особенно подчеркивая, что для КПЧ „венгерский вопрос – это не национальный вопрос, а вопрос классовый”, и якобы прежде всего потому, что речь идет о выселении из Чехословакии венгерских кулаков». В действительности же, – отмечалось в записке, – это не так, ибо вопрос переселения венгров в Венгрию и неправильная политика чехословацких властей затрагивает известным образом и пролетарскую часть населения (особенно в Восточной Словакии)»²⁶⁸.

Среди записок и справок подобного рода Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) обращает на себя внимание объемный аналитический документ под названием «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» от 5 апреля 1948 г., и прежде всего его раздел «Ошибки КПЧ по национальному вопросу». В нем была подвергнута критике позиция партийного руководства и его отдельных членов за огульное осуждение всех немцев и венгров, за общие позиции и совместное с буржуазными партиями выступление «особенно по отношению к венграм». Было подчеркнуто, что все это «неизбежно привело лидеров КПЧ (а также компартии Словакии) к серьезным ошибкам в национальном вопросе, точнее, к такому положению, когда компартия оказалась вынужденной идти в фарватере националистических извращений и политики крайнего шовинизма чехословацкой буржуазии»²⁶⁹. В документе осуждалось намерение чехословацких государственных деятелей превратить Чехословакию

в страну «только для чехов и словаков», без каких-либо национальных меньшинств. В документе приводились конкретные доказательства тому, что именно «в этом духе были сделаны неоднократные заявления лидеров других партий, включая и президента Бенеша». В Чехословакии велась «открытая антинемецкая и антивенгерская кампания, причем все выступления государственных и партийных лидеров в духе этой кампании неизбежно подогревали и усиливали националистические и крайне шовинистические настроения», — отмечалось здесь. Политикой же «преследования немцев и венгров пытались отвлечь внимание трудящихся масс от необходимости очищения государства от реакционеров»²⁷⁰. Готвальд подвергся критике за высказывания о том, что политика Национального фронта должна быть направлена против немцев и венгров, что «жить с этими меньшинствами невозможно», что после проведения обмена населением между Венгрией и Чехословакией «будем добиваться того, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выселена в Венгрию». В связи с выселением венгров из Словакии авторы записки заняли принципиальную позицию, отметив, что «в действительности речь идет не только о выселении венгерских кулаков, ибо внешняя политика чехословацких властей по отношению к венграм затрагивает и пролетарские слои этого меньшинства».

В документе обращалось внимание на то, что в Венгрии после войны произошли радикальные изменения, а позиция КПЧ «в вопросах отношения к венграм в республике (в ЧСР. — *Б.Ж.*) не изменилось». Критическая оценка национальной политики Чехословакии и руководства компартии по данному вопросу суммировалась следующими словами: «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще оставшихся в стране, основных демократических прав. По существу, реализовалась официальная программа дискриминации венгров, изложенная в конце

февраля 1946 года на пресс-конференции в Будапеште статс-секретарем Министерства иностранных дел чехословацким коммунистом Клементисом, заявившим тогда, что “венграм, остающимся в Чехословакии, и в дальнейшем не будет предоставлено никаких прав национальных меньшинств...”. Ошибочная политика руководства КПЧ в вопросах о неславянских национальных меньшинствах, в частности, — в вопросе о политике по отношению к венграм, живущим в Чехословакии, — проистекает прежде всего из того, что видные деятели компартии по существу скатываются на порочный путь приспособления принципиальных основ национальной политики к остальным националистическим настроениям»²⁷¹.

Еще более определенно, с детальными выдержками из отдельных выступлений деятелей чехословацкого государства и КПЧ, были сформулированы критические замечания в их адрес в справке ОВП ЦК ВКП(б) от 19 июня 1948 г., где прямо указывалось: руководство партии «с самого начала освобождения страны от немецкой оккупации в разрешении вопроса о немцах и венграх выступило с общих с лидерами буржуазных партий позиций. Исходным положением, общим как для КПЧ, так и для буржуазных партий в отношении неславянских меньшинств, являлось убеждение в необходимости создания Чехословакии как государства двух славянских народов — чехов и словаков». Здесь же с документальным подтверждением были приведены заявления президента республики, направленные на дискриминацию неславянских меньшинств страны. Приведем выдержку из этого текста: «Бенеш после прибытия на освобожденную чехословацкую землю в г. Кошице заявил: “Наше государство будет государством национальным, государством чехов и словаков, и никаким другим”» (За свободне Ческословенско, 6.4.1945 г.)... Центральный орган партии Бенеша «Ческа правда» 15.5.1945 г. писала в статье, озаглавленной «Строгое национальное государство»: «Мы требуем немедленного выселения всех немцев и венгров, и

всех остальных элементов, враждебных государству, со всей территории республики...»²⁷². Далее отмечалось, что вслед за этими заявлениями президента такая «точка зрения неизменно повторялась во всех последующих высказываниях как лидеров КПЧ, так и лидеров буржуазных партий», было налицо «полное единство взглядов» с ними, а пресса всех партий в один голос писала о выселении всех немцев и всех венгров. Этим самым, по мнению составителей документа, «принципы национальной политики были подчинены «общим» интересам с буржуазией», а компартия была втянута «в антивенгерскую и антинемецкую кампанию». В документе был сделан вывод о том, что чехословацкая реакция специально раздувала такую кампанию, преследуя собственные цели, что «руководство КПЧ не случайно оказалось в одном лагере с буржуазными партиями» и допускало «одинаковый подход как к капиталистическим кулацким элементам венгерского населения, так и к другим слоям, в том числе пролетарским». При этом подчеркивалось: «Позиция КПЧ в отношении венгерского меньшинства остается неизменной до настоящего времени. Опубликованная 28 января 1948 г. в центральном органе КПЧ газете «Руде право» редакционная статья «Об отношении КПЧ к Венгрии» подтверждает это»²⁷³.

Представляется, что, отбросив идеологическую оболочку приведенных выводов, нельзя не разделять и ныне, спустя полвека, справедливость и обоснованность критики в адрес руководства КПЧ, приведенной в названных аналитических материалах ЦК ВКП(б), равно как и оценок, которые были даны тогда современниками характеру и состоянию национального вопроса в Чехословакии в 1945–1948 гг. Безусловно, это касается не только общего подхода к решению венгерского вопроса. Они лишний раз показывают, что идея массового изгнания не только немецкого, но и венгерского национального меньшинства из Чехословакии без соответствующего учета социальной принадлежности

и конкретного поведения в годы Второй мировой войны представителей этих национальных общностей, без анализа и доказательства их причастности к каким-либо антигосударственным действиям и исключительно на основании их национальной принадлежности являлась абсолютно антигуманной и национал-шовинистической по своей сущности, даже в случае, если она и реализовывалась ради создания свободного от инонациональных элементов национально-го государства. Хотя сама идея, как убедительно показала В.В. Марьина в одной из своих журнальных статей, зародилась в голове не только у Э. Бенеша²⁷⁴, она все же была наиболее четко сформулирована и неоднократно выражена именно им. Ведь благодаря его стараниям и конкретным действиям эта идея стала реальной политической доктриной, принятой государством к практической реализации. Впрочем, это вытекает и из изложенного нами материала, подтверждается фактами, в том числе приведенными в документах названного отдела ЦК ВКП(б). Бенеш лично излагал ее как программу действий на встречах со Сталиным, в своих публичных выступлениях уже на освобожденной территории Чехословакии весной 1945 г. Его выступления, как следует их документов, были приняты в Словакии как руководство к действию, уже не говоря о его президентских декретах, лишивших неславянские народы Чехословакии всех политических и гражданских прав. Национальная политика руководства КПЧ периода 1945–1948 гг. ничем не отличалась от политики других политических партий и самого президента республики. Отдельные аспекты этой национальной политики, как известно, были подвергнуты критическому анализу, но лишь позже, а наиболее основательно — в 1963 г. на специальном заседании ЦК КПЧ.

Декреты Э. Бенеша и вытекающие из них постановления и решения различного уровня властей, а также конкретные действия государства, претендовавшего на то, чтобы именоваться демократической республикой, хотя и стали по сути

ответной реакцией на гитлеровскую политику в регионе, обернулись для миллионов жителей страны тяжелейшим испытанием. Дело в том, что эти декреты предусматривали не только лишение гражданства, но и влекли за собой нарушение всех прав человека, насильственное изгнание огромного числа ни в чем не повинных людей — перемещение миллионов с вековых мест их и их предков постоянного обитания. Простые люди подлежали выдворению из страны на основании лишь своей национальной принадлежности: политическое руководство Чехословакии возлагало на них ответственность за действия политической элиты сопредельных государств в предвоенные годы и в период войны, с которым они имели мало общего. Явно дискриминационные меры по отношению к представителям национальных меньшинств, граничившие с национальным шовинизмом, возведенные в ранг официальной государственной политики, даже с короткой исторической дистанции кажутся весьма жестокими, антигуманными, бесчеловечными. Они не только ущемляли права человека, но и влекли за собой длительные страдания и лишения, омрачали жизнь ряда поколений перемещенных лиц, а также отношения между соседними народами отложились в их исторической памяти черным пятном.

Глава 3. || **Народная демократия и становление тоталитарного режима в Венгрии**

Послевоенный режим Венгрии, впрочем, как и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшихся в сфере советского влияния и контроля, определяется в историографии преимущественно как строй народной демократии. Дефиниция «народная демократия» должна была подчеркнуть народный, истинно демократический характер

новой власти, принципиально отличавшей ее от демократии буржуазной. Несмотря на неудачную, с языковой точки зрения, тавтологическую конструкцию этого понятия («демократия демоса», т. е. «народное народовластие»), данное словосочетание утвердилось и получило распространение в литературе. Этот новый тип общественно-политического строя, возникшего при активном содействии Москвы, отличался и от системы власти, существовавшей в СССР.

Народная демократия, которая начала утверждаться в Венгрии на завершающем этапе войны, характеризовалась наличием парламентской системы государственного устройства, базировавшейся на многопартийной основе и на широком союзе всех антифашистских коалиционных сил. Режим народной демократии не оставался неизменным, он эволюционировал в зависимости от расстановки политических сил внутри страны и на международной арене. Система народной демократии была призвана помешать установлению любого унитарного строя – авторитарного, диктаторского, тоталитарного режима. Возникшая без вооруженной борьбы венгерская народная демократия даже в программных документах Венгерской коммунистической партии (ВКП) представляла как особая политическая система, рассчитанная на длительную историческую перспективу и обеспечивающая постепенное продвижение к социализму без диктатуры пролетариата (именно этим она и должна была отличаться от советской политической власти). При этом предполагалось также существование различных форм собственности, одновременное функционирование государственного, капиталистического и частного секторов в экономике.

На самом же деле народная демократия оказалась кратковременным эпизодом в истории Венгрии. Этот строй не сумел по ряду внешних и внутренних причин достаточно укрепить и выполнить возложенные на него задачи, т. е. помешать сползанию страны к диктатуре, к тоталитаризму.

Можно говорить об эволюции строя народной демократии, о процессе ее перерождения, трансформации, о постепенном выхолащивании ее демократической сущности.

Рассматривая изменения характера венгерской народной демократии, историку важно выяснить весь комплекс предпосылок, приведших к замене демократии режимом диктатуры от имени пролетариата, ракошистским тоталитарным режимом сталинского типа.

Кратковременная история ограниченной венгерской народной демократии весьма богата политическими событиями, еще недостаточно полно отраженными и проанализированными в научной литературе. Ход острой политической борьбы 1944–1947 гг., а также процесс трансформации народно-демократического общественного устройства от республики к диктатуре с демократическим фасадом в 1948–1949 гг. официальной историографией прошлых лет трактовался как победа коммунистов над своими противниками в честной политической борьбе. При этом почти ничего не говорилось о скрытых механизмах постоянного давления ВКП на своих демократических союзников, о ее действиях по методичному отстранению их от власти. Это происходило несмотря на то, что партнеры коммунистов по национальному фронту признали их программный курс на постепенное продвижение к социализму. Вытеснение из политической жизни демократических лидеров союзных партий объяснялось необходимостью защищать и укреплять народную демократию. Сам процесс становления однопартийной диктатуры от имени пролетариата, приведший в конечном счете к тотальной диктатуре генерального секретаря компартии Матяша Ракоши и его узкого окружения, объявлялся апофеозом «подлинной народной демократии». Искусственное обострение внутривнутриполитической ситуации в Венгрии к концу 1940-х годов и необходимость исключения из политической жизни бывших коалиционных партий мотивировались осложнением международной обстановки

и активизацией действий «вражеских» сил в самой стране. При этом, естественно, от широкой общественности скрывались методы, при помощи которых ракошисты утверждали свое единовластие. Историография 1950–1980-х годов обходила молчанием и подлинные причины жестокой расправы со сторонниками венгерской демократии второй половины 40-х, которые были главными оппонентами Ракоши, стоявшими на пути утверждения коммунистической диктатуры. В 1949 г., после отстранения от власти оппозиционных партий, перед генсеком ВКП встала задача устранить собственных партийных собратьев, его потенциально возможных соперников.

Пытаясь охарактеризовать основные стадии процесса возникновения венгерской народной демократии и процесс ее последующей трансформации в направлении тоталитаризма, мы намерены обратить особое внимание на малоизвестные в научной литературе факты, указать на появление симптомов и поползновений леворадикальных сил овладеть полнотой власти. Предполагается, в частности, описать особую тактику коммунистов, которую те применяли, чтобы отстранить известных венгерских политиков от власти, обезглавить и дискредитировать лидеров леволиберального движения.

К середине декабря 1944 г., когда более половины территории Венгрии была очищена от гитлеровских оккупантов, в стране уже развернулись демократические преобразования. Советский Союз, армия которого освободила Венгрию, мог бы навязать стране чисто коммунистическое правительство, но не сделал этого. Москва решила создать условия для формирования центральных органов власти новой, демократической Венгрии на базе сотрудничества всех антифашистских сил.

В основе планов Кремля лежала «народно-демократическая» программа, разработанная эмигрантским правительством ВКП при участии членов официальной венгерс-

кой делегации, прибывшей в Москву 11 октября 1944 г. для подписания предварительных условий перемирия, и части перешедших на сторону Красной Армии хортистских офицеров. 23 октября вышеуказанная делегация подала советскому руководству свои предложения по этому вопросу.

Реагируя на них, сотрудники 3-го Европейского отдела НКВД СССР Г. М. Пушкин* и Бела Гейгер 22 ноября 1944 г. подали на имя заместителя руководителя этого ведомства, В. Г. Деканозова, собственные предложения. В них, в частности, отмечалось: «Образование на освобожденной венгерской территории центра, наделенного всеми функциями центральной власти, в настоящий момент нецелесообразно». Мотивировалось это тем, что «мы не можем пока обеспечить такой состав этого центра, который был бы для нас приемлемым и в то же время пользовался бы авторитетом среди различных слоев населения Венгрии», а «образование венгерского центра из представителей Хорти в Москве... создаст дополнительные трудности для наших военных частей». Было поэтому предложено образовать сначала «венгерскую руководящую группу в количестве 5–6 человек со строго ограниченными задачами», которую по прибытии на родину можно было бы именовать Венгерским национальным комитетом. При этом отмечалось, что «Комитет не должен на территории Венгрии заниматься вопросами формирования венгерского правительства»²⁷⁵. В течение ноября 1944 г. этот план обсуждался, согласовывался, уточнялся, и в итоге появилась идея созыва Венгерским фронтом национальной независимости (ВФНН) Временного национального собрания, которое должно было сформировать на многопартийной основе временное национальное правительство. В процессе обсуждения первоначальных вариантов создания руководящей группы дело дошло до эскизов поименного состава правительства²⁷⁶ и различных подготовительных

---

* Вскоре политический советник уполномоченного СССР в Венгрии, а с 25 сентября 1945 г. — посланник СССР в Будапеште.

комиссий по созыву делегатов будущего Временного национального собрания. Это означало, что принципиальные вопросы демократического переустройства Венгрии после войны были определены еще в Москве. В ходе и после освобождения страны они только реализовывались.

30 ноября 1944 г. ВКП обнародовала свою программу, которая предусматривала создание союза демократических сил Венгрии с участием ряда антифашистских партий, что тогда называлось формированием широкого национального единства. В конкретных условиях послевоенного времени ни одна политическая сила страны не ставила под сомнение правомерность инициативы коммунистов, направленной на решение антифашистских демократических задач по преобразованию всей общественно-политической жизни. И это понятно, ведь компартия считалась силой, за которой стоит реальная и могущественная внешняя поддержка. ВКП тогда тоже не возражала против создания демократической многопартийной системы. 2 декабря 1944 г. в г. Сегеде был сформирован Венгерский фронт национальной независимости (ВФНН). Он объединял в своих рядах ВКП, Социал-демократическую партию (СДПВ), Национальную крестьянскую партию (НКП), Независимую партию мелких хозяев (НПМХ), Буржуазно-демократическую партию (БДП) и профсоюзы. Все они признали обнародованные коммунистами программные цели и выразили готовность к созданию новой демократической государственной системы и образованию ее центральных органов.

На освобожденной территории страны ВФНН начал подготовку к единственным в регионе парламентским выборам. В других странах органы национального сопротивления были в большинстве случаев просто преобразованы в законодательную и исполнительную власть. Проведение чрезвычайных выборов в конце 1944 г. в восточной части Венгрии позволило сформировать Временное национальное собрание. 21 декабря оно провело свое первое заседание

в г. Дебрецен. Этот день и стал днем рождения венгерской народной демократии. Новый парламент торжественно заявил, что «берет в свои руки управление делами оставшейся без руководства страны»²⁷⁷, считает себя выразителем национальных интересов и государственного суверенитета. На следующий день было образовано Временное национальное правительство, которое обнародовало свою программу, нацеленную на восстановление независимости страны и осуществление демократических преобразований. Были приняты меры по формированию органов власти на местах – национальных комитетов.

Новая власть базировалась на сотрудничестве различных социальных и политических сил: рабочих, крестьян, интеллигенции, мелких городских слоев и антифашистской буржуазии; из 230 депутатов парламента 71 был избран от ВКП, 38 – СДПВ, 19 – профсоюзов, 16 – НКП, 55 – НПМХ, 12 – БДП, а 19 депутатов являлись беспартийными. В правительстве, состоявшем из 12 человек, расстановка политических сил была примерно такой же. Первым премьер-министром народно-демократической Венгрии стал генерал Б. Далноки-Миклош, который вместе с министром культуры и образования графом Г. Телеки и министром обороны генералом Я. Вёрёшем представлял политические силы сошедшего с исторической сцены хортистского режима. Коммунисты в правительстве имели три министерских портфеля, социал-демократы или мелкие хозяева – по два, а крестьянская партия – один. Беспартийные заняли четыре министерских поста.

Компартия, в конце 1944 г. еще довольно малочисленная (2,5 тыс. человек), активно взялась за пополнение своих рядов²⁷⁸ (главным образом за счет левых сил в рядах СДПВ и переселившихся из Трансильвании, Югославии, Словакии и Закарпатья, а также вернувшихся из эмиграции венгерских коммунистов), становясь все более важной и влиятельной политической силой послевоенной Венгрии. Числен-

ность ее членов стремительно увеличивалась (в феврале 1945 г. в ВКП насчитывалось почти 30 тыс. человек)²⁷⁹, партия организационно укреплялась, ее политические возможности росли. После освобождения всей страны произошло слияние двух руководящих центров ВКП – подпольного и заграничного. Первый во главе с Я. Кадаром и Л. Райком в Будапеште осенью 1944 г. организовывал на оккупированных территориях акции антифашистского сопротивления. Второй после возвращения из московской эмиграции в ноябре 1944 г. приступил к обновлению сохранившихся парторганизаций, проверке лояльности их членов. Формированием нового Временного центрального руководства партии занялись прибывшие из Москвы в Сегед Э. Герё, М. Фаркаш, Й. Ревай и И. Надь. В декабре 1944 г. – январе 1945 г. уже была создана сеть территориальных организаций ВКП.

С освобождением столицы 23 февраля 1945 г. два центра ВКП объединились в единое Центральное руководство (ЦР) во главе с генеральным секретарем М. Ракоши, приехавшим из Москвы. После значительного перерыва (со времени партконференции, состоявшейся в 1930 г. в Апрелевке, под Москвой) 20–21 мая 1945 г. в Будапеште было проведено первое всевенгерское совещание ВКП. Оно стало важным фактором растущей роли коммунистов в политической жизни государства. Это был период, когда между демократическими партиями развернулась борьба за овладение массами. Все они демонстрировали желание внести вклад в дело послевоенных преобразований, восстановления разрушенного хозяйства, проведения земельной реформы. Однако уже тогда обнаружилось несовпадение интересов и целей партнеров по коалиции, появились разногласия в руководстве ВКП. Выяснилось, например, что вернувшиеся из московской эмиграции руководители партии во главе с Ракоши и Герё пренебрежительно и с подозрением относятся к работавшим в условиях подполья коммунистам. Это проявилось, в частности, на майском партийном форуме,

где встал вопрос о сотрудничестве ВКП с другими политическими организациями. Леворадикальные настроения в партии начали выливаться в сектантскую нетерпимость, в стремление скорее избавиться от «попутчиков» и перейти к установлению диктатуры. Подобные устремления были характерны и для некоторых руководителей СДПВ, например П. Юстуса²⁸⁰. В целом же руководство ВКП пока еще выступало за сотрудничество с партиями Национального фронта, хотя, скажем, в отношении Буржуазно-демократической партии уже предпринимались меры, направленные на ее вытеснение из коалиции демократических сил. В определенной степени об этом свидетельствовало майское совещание ВКП²⁸¹.

В мае 1945 г. коммунисты реально оценивали ситуацию в стране, как и свои шансы в открытом соперничестве политических сил в целом. Это и сдерживало радикалистские настроения, и не позволяло отказаться от идеи продолжительного, долговременного мирного демократического развития. Именно тогда руководитель социал-демократов А. Сакашич на основании бесед с Ракоши, Герё, Фаркашем и идеологом ВКП Й. Реваи утвердился в мысли об эволюционном переходе к социализму. Считалось, что социализму должен предшествовать мирный демократический этап «социальной революции»²⁸², поэтому социал-демократы в унисон с руководством ВКП полагали, что в союзнической политике будут реализовываться общенациональные интересы. Казалось, обе левые партии в равной мере придерживались тогда лозунга «Сегодня — за демократию, завтра — за социализм». Остальные демократические движения также поддерживали такой курс, в связи с чем принимали программные цели ВКП, не возражая против длительного демократического пути перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации. Несколько иначе представляли себе этот процесс руководители ВКП, вернувшиеся из советской эмиграции. Они дожидались подхо-

дящего момента, чтобы, укрепив свои позиции, попытаться мирным путем вытеснить из власти своих оппонентов, а если это не получится, перейти в открытое наступление против своих союзников. Существование национального фронта они считали кратковременным явлением и использовали в качестве тактического средства, рассчитывая отказать от него при первом же удобном случае. Согласно утверждениям ближайшего соратника Ракоши, Золтана Вашы *, «Венгрия как в политическом, так и в экономическом отношении находилась в руках Москвы». Компартия располагала своими людьми, внедренными в руководство СДПВ и других демократических партий.

Они помогали ВКП контролировать ситуацию в этих организациях и управлять ими. Коммунисты держали в своих руках МВД и некоторые другие ключевые министерства. ВКП до поры до времени не торопила события, не стремилась к захвату власти, она «делилась» ею и выжидала. Со знанием дела утверждая, что все зависело от позиции Москвы, З. Ваш подчеркивал: «Сталин считался с формальностями. Созданием коалиции мы доказывали Западу, что придерживаемся международных договоренностей, что правительство создано в результате выборов»²⁸³. Такой «медовый месяц», характеризующийся в целом относительно мирными, уравновешенными взаимоотношениями между различными партиями ВФНН, некоторое время еще сохранялся, но затем в этих взаимоотношениях стало появляться все больше проблем, множились признаки будущего противостояния.

На второй сессии Временного национального собрания, открывшейся в Будапеште 5 сентября 1945 г., присутствовали уже и депутаты, избранные от столицы и Задунайского края. Их участие увеличило состав законодательного орга-

---

* З. Ваш в 1920-е годы вместе с Ракоши был осужден. Освобожденные в октябре 1940 г., они были обменены советским правительством на 56 гонимых венгерской национально-освободительной борьбой 1848—1849 гг. и провели долгие годы в московской эмиграции, а после освобождения вернулись в Венгрию. На начальном этапе З. Ваш отвечал за продовольственное снабжение Будапешта.

на до 498 человек. Среди депутатов существенно выросло число представителей НПМХ (с 56 до 122), что предвещало рост влияния этой крупнейшей политической партии²⁸⁴.

С приближением парламентских выборов, состоявшихся 4 ноября 1945 г., между партиями усилилось соперничество. ВКП, рассчитывая на свою возросшую численность, явно переоценила свои возможности и на предпарламентских муниципальных выборах в Будапеште 7 октября 1945 г. выступила в союзе с СДПВ, надеясь на внушительную победу левых сил. Лидеры ВКП полагали, что эти выборы станут генеральной репетицией, которая обеспечит им большинство на парламентских выборах и, следовательно, даст возможность образовать правительство левых сил. Они хотели продемонстрировать И. В. Сталину, что в Венгрии живы коммунистические традиции и симпатии, что рабочий класс проголосует именно за социализм. Муниципальные выборы, однако, продемонстрировали совсем иную картину. За общий список ВКП и СДПВ отдали свои голоса 42,7% избирателей, тогда как НПМХ получила 50%. Вспоминая об этом, член ЦР ВКП З. Ваш впоследствии в одном из интервью говорил: «Это была катастрофа. Мы были уверены, что выступление по единому списку вместе с социал-демократами принесет нам победу. Ракоши лично гарантировал Ворошилову*, что победа будет за нами. Первые вечерние сообщения подтверждали нашу надежду, и поэтому в 23 часа Ракоши, Герё, Фаркаш, Ревай и я в партийном центре уже распивали шампанское за победу. На рассвете наступило не только отрезвление, но нас охватило и отчаяние. Ракоши смертельно побледнел, без единого слова упал на стул²⁸⁵.

Итоги выборов побудили ВКП сделать попытку убедить партию мелких хозяев выступить на парламентских выборах общим списком, но те отвергли данное предложение. 4 ноября 1945 г. партии вышли на выборы самостоятельно,

---

* К. Е. Ворошилов — Маршал Советского Союза, председатель Союзной контрольной комиссии (СКК) в Венгрии.

что и явилось настоящей проверкой реальной расстановки политических сил. Результаты выборов в Национальное собрание показали, что страна выбирала между двумя вариантами развития: народно-демократическим и возможным поворотом к советскому типу общественно-политического устройства. В ноябрьских парламентских выборах приняли участие 92,4 % избирателей, отдавших за НПМХ абсолютное большинство своих голосов — 57 %, ВКП получила 17 %, СДПВ — 17,4 %²⁸⁶. Даже вместе с Крестьянской партией левым удалось заручиться поддержкой всего 41 % избирателей. Буржуазно-демократическая партия, которая в своих представлениях о будущем страны не выходила за рамки буржуазной демократии, под давлением коммунистов еще накануне выборов была вытеснена из Фронта независимости и на выборах получила лишь 1,6 % голосов. В парламенте ей досталось всего два депутатских места. Венгерская радикальная партия во главе с Б. Жолтом, выступавшая с программой социалистической демократии, не сумела провести в парламент ни одного депутата. Как муниципальные, так и ноябрьские парламентские выборы принесли горькое разочарование коммунистам, рассчитывавшим на безусловную победу и поддержку со стороны населения. Но результаты голосования убедили ВКП в целесообразности дальнейшего сохранения союза демократических сил. Венгры проголосовали за народную демократию, чем огорчили Ракоши и его единоверцев, которые, в свою очередь, разочаровались в венгерском народе, не оправдавшем их ожиданий.

Результаты выборов позволили сохранить режим народной демократии, умерить леворадикальные устремления, но вместе с тем международные реалии и советское присутствие в Венгрии оказали сдерживающее воздействие на партию мелких хозяев. Она не решилась самостоятельно формировать кабинет министров. В Венгрии по-прежнему можно было создать только коалиционное правительство, в котором по семь министерских портфелей имели НПМХ и

левые партии. Но главой кабинета все же стал бывший священник реформатской церкви Золтан Тильди (НПМХ). Министерские посты были поделены на межпартийном совещании. Из семи мест, доставшихся НПМХ в правительстве, лишь одно кресло занял видный политик этой партии Бела Ковач, который стал министром земледелия, остальные были отданы малоизвестным ее представителям. Председатель НПМХ Ференц Надь, в отличие от лидеров ВКП М. Ракоши и СДПВ А. Сакашича, не вошел в правительство. Двое последних и И. Доби (представитель левого крыла НПМХ, по сути «скрытый» коммунист) стали государственными министрами с достаточно широкими полномочиями. Большие споры на указанном совещании развернулись вокруг поста министра внутренних дел, который коммунисты не желали уступить никому. В итоге это место сохранилось за ними. Кроме того, они получили еще два министерских портфеля. СДПВ достались три министерских поста, НКП — один.

Парламентские выборы в постоянное Национальное собрание и формирование кабинета З. Тильди привели к существенному изменению в расстановке политических сил в пользу коммунистов. Если в прежнем парламенте и правительстве правые были численно преобладающей политической силой, то теперь, несмотря на внушительную победу НПМХ на выборах и сохранение парламентского большинства за ней, влияние этой партии в исполнительной власти ослабло. Коммунисты вместе с двумя левыми партиями существенно укрепили свои позиции в правительстве Тильди. Более того, они овладели в декабре 1945 г. и таким суперминистерством, каким стал Главный экономический совет, курировавший фактически все экономические структуры Венгрии. Его возглавил коммунист З. Ваш.

Ноябрьские (1945 г.) парламентские выборы явились событием, знаменовавшим конец первого этапа истории венгерской народной демократии, который характеризовался широкой коалицией всех антифашистских сил. Состоялась

проверка коалиции на прочность, завершилась проба сил, были выявлены реальные симпатии населения страны. В конечном счете подтвердилась его приверженность демократии, но при этом бывшие представители хортистского офицерства, аристократии и крупной буржуазии были вытеснены из власти.

В ходе обсуждения новой правительственной программы в декабре 1945 г. СДПВ подняла вопрос об изменении государственной формы правления, выступив за провозглашение Венгрии республикой. Предложение встретило поддержку ВКП, НКП, левого крыла НПМХ, ее центра, возглавляемого Ф. Надем, а также представителя лидера партии З. Тильди. Все они ратовали за скорейшее провозглашение республики и избрание президента страны всенародным голосованием. 31 января 1946 г. избранное демократическим путем Национальное собрание Венгрии приняло закон № 1–1946, подчас называемый даже конституцией. Закон определил основные параметры новой венгерской демократии. Венгрия, до этого являвшаяся формально королевством, провозглашалась теперь республикой. В преамбуле закона были намечены пути демократического развития страны, закреплены права человека и важнейшие принципы жизни и деятельности демократического правового государства. Естественными, неотчуждаемыми правами граждан являлись «свобода личности, право на жизнь без эксплуатации, страха и лишений, свобода выражения мыслей и мнений, право свободного вероисповедания, свобода союзов и собраний, право на собственность, на труд и достойное человеческое существование, на образование и участие в управлении государством и самоуправлении».

Первым президентом Венгерской Республики (кандидатура была выдвинута коммунистами и поддержана СДПВ) 1 февраля 1946 г. был избран З. Тильди. На посту премьер-министра его заменил Ф. Надь. Полномочия президента Венгрии были более ограниченными, чем в традиционных

буржуазных республиках. Парламентские выборы, замена «временных» органов власти постоянными государственными институтами явились переломным событием в развитии народно-демократического строя. Наряду с ними была осуществлена ликвидация крупных поместий и крупного капитала, проведена земельная реформа. Преобразования носили революционный характер и привели к необратимым изменениям, свидетельствовавшим о невозможности реставрации старых порядков. Сформировавшаяся система была поддержана всеми политическими силами. Казалось, что с провозглашением парламентской республики, созданием и упрочением ее институтов система народной демократии стала на путь долговременного, перспективного развития, отвечающего интересам всей страны.

В правящей коалиции, возникшей после парламентских выборов, ВКП и НПМХ представляли противоположные политические полюса. Левые во главе с ВКП образовали внутри коалиции «левый блок» и сохранили свои выгодные позиции, полученные еще на первом этапе утверждения народной демократии. НПМХ, победив на выборах, улучшила свое положение в Национальном собрании. Такая расстановка сил свидетельствовала о наступлении этапа политического равновесия, продолжавшегося до осени 1946 г. Правда, это не означало наступления затишья в политической борьбе, хотя оба лагеря в интересах эффективного управления страной были вынуждены сотрудничать друг с другом и идти на взаимные уступки. Коммунисты после выборов уже могли себе позволить открыто заявлять, что времена «ухаживания» заканчиваются, и предложили провести чистку государственной бюрократии, мотивируя ее необходимость тем, что среди чиновничества есть немало элементов, «не являющихся приверженцами демократии». Лидеры партии мелких хозяев были вынуждены согласиться на такую реформу административного аппарата. До октября 1946 г. из органов управления на различных уровнях

было уволено 60 тыс. человек²⁸⁷. Это была реальная уступка НПМХ коммунистам, которые и без того контролировали положение на местах.

Следует учесть, что еще в правительстве Тильди такие важные посты, как министерства внутренних дел (Имре Надь) и транспорта (Эрнё Герё), возглавлялись коммунистами. К тому же по стране в целом в исполнительной власти и системе административного управления 62 % должностей занимали члены ВКП и СДПВ, а НПМХ была представлена всего 16 %²⁸⁸. ВКП пользовалась реальной поддержкой и со стороны главы Союзной контрольной комиссии, а после парламентских выборов овладела также Высшим экономическим советом. Эти позиции сохранились за партией коммунистов и при правительстве Ференца Надя, когда левые развернули активное наступление против «реакции».

С назначением 20 марта 1946 г. на пост министра внутренних дел коммуниста Л. Райка МВД взяло курс на свертывание политического плюрализма путем наступления на низовые ячейки общества. Начался разгон общественных, религиозных и просветительских объединений, действовавших на принципах гражданской самоорганизации снизу. Только в 1946 г. было расформировано около 1500 подобных гражданских обществ, союзов и ассоциаций²⁸⁹. Дело в том, что коммунистам пришла на помощь Союзная контрольная комиссия, любые требования которой, как известно, подлежали немедленному исполнению. Летом 1946 г. в Будапеште произошел инцидент (подросток стрелял в советских солдат), после чего заместитель председателя СКК генерал-лейтенант В. П. Свиридов пригласил к себе Ф. Надя и потребовал принять энергичные меры, чтобы исключить подобные случаи и гарантировать безопасность военнослужащих Красной Армии в Венгрии. Он передал премьеру письмо с упреками в адрес правительства с перечнем проступков молодежных организаций, проявлений недружественной пропаганды буржуазной печати и католических

священников и потребовал проведения соответствующих действий. В письме рекомендовалось распустить союз бойскаутов, молодежные католические организации, в том числе насчитывавшее более 500 тыс. членов объединение сельских юношей (КАЛОТ), и очистить от правых элементов молодежные союзы партии мелких хозяев. Было предложено также уволить государственного секретаря юстиции З. Пфейффера и губернаторов — членов НПМХ, придерживающихся правых взглядов, привлечь к ответственности отдельных депутатов парламента²⁹⁰. Свиридов просил МВД срочно составить перечень всех действующих в Венгрии общественных организаций, позаботиться о контроле над ними или принять меры по их запрещению в будущем.

Реальная опасность для новой демократии исходила не от политической борьбы в рамках парламента либо от преобладания правых в органах власти, а скорее, от леворадикальных сил. Именно они, опираясь на небезызвестный сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму и обладая приобретенным в советской эмиграции опытом, развернули кампанию под лозунгом защиты республики от внутренних «врагов», спровоцировали обострение политической ситуации. Именно ими было начато преследование неудобных и неугодных правых политиков. Коммунисты все чаще прибегали к далеко не парламентским приемам и методам борьбы, компрометируя и устраняя своих политических оппонентов, прежде всего из числа руководящих деятелей коалиционных демократических партий. Иными словами, если на начальном этапе народной демократии леворадикальные устремления не получили явного выражения, а их носители еще придерживались демократических принципов, то теперь наметился четкий курс на постепенное и методичное вытеснение из власти партнеров по коалиции. Одним из характерных инструментов этого курса стала своеобразная тактика индивидуального «разоблачения» и избавления

от наиболее популярных лидеров демократических партий (в венгерской историографии она получила наименование «тактика нарезки салями»). В ней проявилось целенаправленное стремление очистить все политическое пространство для грядущей однопартийной системы.

Главным препятствием на пути к диктатуре была НПМХ. Поэтому коммунисты стали постепенно вытеснять из ее среды силы, открыто противостоявшие ВКП. Об этом свидетельствует случившееся с представителем правого крыла партии мелких сельских хозяев Д. Шуйоком. После избрания 2 февраля 1946 г. Тильди президентом политсовет НПМХ именно этого известного деятеля партии намеревался выдвинуть на пост премьер-министра, но Ракоши при поддержке Сакашича и содействии Ворошилова тогда сумел помешать этому. Вскоре, 12 марта 1946 г., когда уже началось целенаправленное расшатывание НПМХ, Д. Шуйок вместе с 20 членами партии по требованию коммунистов был исключен депутатами парламента из ее рядов. Эти депутаты во главе с Шуйоком 26 ноября образовали первую, выделившуюся из НПМХ самостоятельную партию-наследницу, Партию венгерской свободы, которая из-за преследований не смогла полностью развернуться и вскоре прекратила свое существование. В следующем году названная группа депутатов была вынуждена прекратить свою работу и в Законодательном собрании. 1 июля 1947 г., покидая под давлением коммунистов парламент и обращаясь к ним, Шуйок сказал: «Да, мы полностью и непримиримо отличаемся друг от друга, ведь мы сторонники демократии, которая базируется на свободе личности, вы же приверженцы рабства, которое строится на тотальной экономической и государственной системе»²⁹¹. Он был противником абсолютизации и всеислия государства, что, по его мнению, «приведет к отмиранию гражданского общества»²⁹². Шуйоку 14 августа 1947 г. пришлось покинуть Венгрию, он был лишен венгерского гражданства.

Случай с Шуйоком убедил коммунистов в эффективности своей тактики «нарезки салами», и они не отказались от дальнейшего ее применения. Ведь наряду с И. Доби, внедренным в НПМХ и возглавившим ее левое крыло, еще оставались руководители и определенная часть членов партии, которые не разделяли левых взглядов. Это давало возможность для дальнейших «нарезок» вплоть до сохранения в партии одного лишь левого крыла. Таким образом из НПМХ были «убраны» и другие лидеры, включая руководителей центристского крестьянского крыла.

В конце 1946 г. в Венгрии разразился своеобразный политический кризис, свидетельствующий о наступлении нового этапа в истории венгерской народной демократии. Он характеризовался еще большим усилением давления коммунистов на НПМХ. Дело в том, что осенью состоялся III съезд ВКП, прошедший под знаком массированного наступления на капитал и лозунгом «Врагов народа вон из коалиции!»²⁹³. На съезде звучали призывы к установлению рабочей власти, к строительству социализма, правда, еще на основе многопартийной модели и без диктатуры пролетариата. Это был явный намек на ревизию строя народной демократии. Идеолог ВКП Й. Реваи, в частности, констатировал, что страна находится на распутье, стоит перед выбором пути дальнейшего развития. Л. Райк выразил недовольство тем, что «мы остановились на полпути, мы уже не просто буржуазная демократия, но еще и не народная демократия; такое половинчатое состояние не может быть безнаказанным, и мы должны решить, чего хотим»²⁹⁴. Так или иначе, ставился вопрос о власти, об изменении политического строя.

Центристские силы НПМХ (Б. Ковач, Б. Варга, Н. Надь), от которых лидеры ВКП требовали развернуть критику правых в партийных рядах, наоборот, подвергли критике левое соглашательское крыло своей партии за тесное сотрудничество с коммунистами. Стремясь остановить напор ВКП,

«мелкие хозяева» напомнили о том, что если коммунисты не удовлетворены своим участием во власти в соответствии с полученными ими на выборах 17%, то НПМХ вообще может отказаться от сохранения коалиции и править самостоятельно.

В ответ подконтрольные ВКП силовые ведомства (отдел госбезопасности МВД во главе с Г. Петером и отдел армейской контрразведки под руководством Д. Палффи) провели основывающуюся на ложных, сфабрикованных обвинениях акцию по разоблачению так называемого антиреспубликанского заговора, которая хотя и косвенно, но была направлена именно против НПМХ. Предваряя анализ мотивов предпринятой коммунистами акции, обратим внимание на ряд возможностей, которыми ВКП располагали в существовавших исторических условиях. Компартия и ее руководство представляли в Венгрии особую, наиболее организованную, силу, воспитанную на идеях Коминтерна, знакомую с методами пропагандистского воздействия на массы. Эта партия, как отмечалось выше, выжидала, формально принимая правила демократии и парламентских форм борьбы, но при этом ее лидеры были уверены в том, что настанет час, когда нужно будет устанавливать власть советского образца. Коммунисты готовились к этому, испытывая свои силы и возможности. Как уже говорилось, был короткий период, когда казалось, что задача установления однопартийного режима отодвигается на далекую перспективу, и поэтому ВКП органически «встроилась» в демократическую коалиционную систему новой власти, реально контролируя при этом важнейшие сферы государственного механизма. Пользуясь покровительством и всемерной поддержкой присутствовавших в стране советских оккупационных войск, остававшихся там до подписания мирного договора, ВКП имела преимущество по сравнению с другими партиями. Политическая практика показала, что постоянная и безусловная поддержка со стороны представителей СКК позволяла лиде-

рам компартии не только эффективно влиять на общеполитическую атмосферу, но и решать проблемы по устранению своих соперников из рядов других коалиционных партий. Учитывая комплекс этих факторов и полный контроль коммунистов над силовыми ведомствами, видный венгерский философ Д. Лукач (кстати, овладевший своей профессией в СССР) констатировал, что власть, «которая утвердилась в 1950-е годы, с самого начала была диктатурой, и не правда, что ей предшествовал демократический период»²⁹⁵.

В словах Лукача, разумеется, есть доля правды. Ведь народно-демократический строй 1945–1947 гг. на самом деле являлся ограниченной демократией или государственной системой, которая в значительной степени контролировалась коммунистами. По состоянию на начало 1947 г. ее все же можно было назвать демократией или, по крайней мере, попыткой установления демократии. Устремления двух определяющих политическое развитие Венгрии партий – ВКП и НПМХ – были разными: коммунисты, заручившись поддержкой левых сил, намеревались превратить демократию в диктатуру от имени пролетариата, а «мелкие хозяева» стремились сохранить установившийся строй с элементами буржуазной демократии. Несовпадение целей рано или поздно должно было привести к столкновению. Коммунистов торопило время: приближалось подписание мирного договора, после чего советские войска и СКК должны были покинуть страну. Для ВКП было важно успеть воспользоваться этой опорой и, укрепив свои позиции, расправиться с НПМХ.

Молодая и слабая венгерская демократия не смогла противостоять левоэкстремистским поползновениям. Лидеры ВКП, манипулируя массовым сознанием, сумели направить развитие страны на путь свертывания демократии. Практически это означало, что все либеральные силы в Венгрии не смогли, да и не успели, окончательно консолидироваться. Новая система зародилась, но не сумела окрепнуть, оставшись в истории как кратковременный период коалицион-

ного правления, переходная стадия к тоталитарному режиму советского типа.

Венгерская Республика с ее многопартийностью начала разрушаться, трансформироваться именно в результате активных действий ВКП. Компартия сумела реализовать свои цели благодаря контролю над органами госбезопасности, а также потому, что она была партией нового типа, основывавшей свою деятельность на принципе демократического централизма в сочетании с железной дисциплиной. Этот определяющий признак организации сохранился, несмотря на стремительный рост рядов ВКП, несколько «разбавивший» боевой отряд коммунистов*. В открытую конфронтацию с ВКП опасалась вступить даже самая влиятельная НПМХ. В ноябре 1946 г. Й. Реваи отмечал, что, хотя лидеры НПМХ и являются «бархатными», «эта компания сильна и развалится лишь тогда, когда мы ударим по ней, а мы ее чистку начнем»²⁹⁷. Задачу «расшатывания» других партий, и прежде всего НПМХ, коммунисты решали в 1946–1948 гг. весьма успешно.

С осени 1946 г. в условиях начавшегося охлаждения международного климата силовые ведомства, руководимые Г. Петером и М. Фаркашем, активизировали аппарат политического сыска. Фаркаш входил в самую узкую группу партийной верхушки ВКП, где принимались все важнейшие решения, в том числе о преследовании неугодных политических лидеров. Специально сфабрикованные политические процессы берут свое начало с упомянутого «заговора против республики», «деле» Венгерского сообщества, членам которого приписывалась организация антиреспубликанского заговора. Эта задуманная ракошистами акция была направлена также на дискредитацию лидеров НПМХ.

---

* В мае 1945 г. в ее рядах уже было 150 тыс., а в октябре — почти полмиллиона членов. Этот рост во многом достигался за счет люмпенизированной части общества. Прием в ВКП в интересах роста ее силы и популярности был существенно облегчен, в результате чего немало бывших налашистов (рядовых членов профашистской партии прежних времен) оказались в рядах ВКП, таким способом они намеревались уйти от ответственности²⁹⁶.

Нелегальную «антиреспубликанскую» организацию органы безопасности раскрыли в середине декабря 1946 г. 5 января 1947 г. газеты сообщили о разоблачении «военного заговора», организованного якобы Венгерским сообществом во главе с генерал-майором Л. Далноки-Верешем, депутатами парламента Д. Донатом, Д. Сентивани, Б. Аранем и др. Отмечалось, что эта организация осуществляла свою деятельность со второй половины 1946 г. В действительности Венгерское сообщество было создано еще в период войны с целью противостояния гитлеровской оккупации. В послевоенных условиях организация уже не функционировала и, следовательно, не могла помышлять о подготовке мятежа. Названных депутатов парламента обвинили в попытках восстановить королевство и вернуть на свой пост регента М. Хорти. Было арестовано несколько сотен «заговорщиков». Среди них сначала почти не было членов НПМХ, но следствие добавило к материалам дела компрометирующие признания на них, преднамеренно вовлекая в орбиту дознания лиц, знакомых или приближенных к премьер-министру Ф. Надю, депутатов от НПМХ. В марте стало известно о раскрытии «террористической организации», якобы обосновавшейся в горах Баконь. Одновременно в городах и местечках коммунисты организовывали митинги и шествия, участники которых требовали привлечь к ответственности «заговорщиков», очистить НПМХ от «реакционных элементов», лишить депутатской неприкосновенности членов парламента, якобы причастных к заговору. Эти акции «стихийного протеста и народного возмущения» сопровождались шумной пропагандистской кампанией, в ходе которой ВКП объявлялась главным центром борьбы с реакцией, «мотором демократического развития». Д. Донат на процессе по делу Венгерского сообщества в своем последнем слове, отвечая на обвинения, сказал, что в Венгрии существует организация, которая действительно покушается на демократию. Эта организация уже захватила «все важные места

в венгерской общественной жизни, имеет свои вооруженные отряды... и несоразмерно своей численности оказывает воздействие на венгерскую политическую жизнь». «Мы знаем и ее идеологию, — заявил Донат, явно намекая на ВКП. — Она учит, что пролетариат должен захватить власть насильственным путем»²⁹⁸. Главные фигуранты этого первого сфабрикованного политического процесса понесли суровое наказание. Донат был приговорен к смертной казни, Далноки — к пожизненному заключению, остальные — к 10–12 годам принудительных трудовых работ в лагерях²⁹⁹.

Расправа с Венгерским сообществом стала началом фронтального наступления на НПМХ. Подконтрольные ВКП средства массовой информации затрубили сначала об ответственности генерального секретаря НПМХ Б. Ковача, а затем и самого премьера Ф. Надя, требуя от него сделать политические выводы. ВКП одновременно поставила вопрос о привлечении к уголовной ответственности Б. Ковача, поскольку подчиненные ей органы дознания путем пыток и шантажа заполучили компромат на него. Б. Ковач добровольно явился в политическую полицию, надеясь снять с себя и с партии все подозрения и помешать попыткам насильственного развала партии мелких сельских хозяев. На очной ставке перед ним предстали «избитые, измученные подозреваемые», которые твердили лишь вложенные в их уста слова о том, что именно он является руководителем заговора³⁰⁰. Ковач, желая уберечь арестованных от дальнейших побоев, не стал отрицать эти «признания».

Протоколы допросов арестованных, которые Ракоши предъявил Ф. Надю и его заместителю по партии, председателю парламента Б. Варге, заставили их задуматься о замене Ковача на посту генерального секретаря НПМХ. 19 февраля 1947 г. на его место, после острой дискуссии в руководстве партии, был назначен Иштван Балог, а Ковач отправлен в отпуск. Когда же сведения о подлинных методах работы органов безопасности и дознания стали известны парламен-

ту, тот не дал согласия на лишение Ковача депутатской неприкосновенности. Этот отказ один из депутатов от НПМХ обосновывал следующим образом: «С глубокой болью мы убеждаемся в том, что оклеветаны те наши товарищи, у которых одна с нами судьба, которые рождены крестьянскими отцами и матерями с мозолистыми руками. Сегодня — Белу Ковача, а завтра потребуют Ференца Надя». В заключение оратор сказал, что депутаты от крестьянства будут выступать против «любых стремлений, направленных на насильственное разрушение Партии мелких хозяев». Ковач отклонил предложение своих друзей выехать за границу, хотя понимал возможные последствия этого. «Мы предстанем пред судом, чтобы вернуть правду, — заявил он. — Мы хотим, чтобы все увидели наконец: для коммунистов демократия означает диктатуру пролетариата, а коалиция — коммунистическую власть»³⁰¹. Казалось, старания коммунистов были напрасны. Но Ракоши не сдавался. Он обратился за помощью к советским оккупационным властям с просьбой о содействии и не ошибся в своих расчетах. 25 февраля 1947 г., т. е. уже после подписания Парижского мирного договора, в котором суверенитет Венгрии получил окончательное подтверждение, депутат венгерского парламента Б. Ковач был арестован советскими военными властями. Многократные аргументированные обращения генерального секретаря НПМХ к генералу Свиридову с просьбой освободить Ковача не дали результатов. Ковач был вывезен сначала в Австрию, а затем в СССР. В советском ГУЛАГе он находился до 1955 г. и вернулся на родину тяжело больным*.

Арест генсека самой крупной коалиционной партии, несмотря на его парламентскую неприкосновенность, сделал

---

* 8 ноября 1955 г. советские органы передали Б. Ковача венгерским властям, которые освободили его только 2 апреля 1956 г. Небезынтересно, однако, отметить, что в октябре 1956 г., в условиях возрождавшейся в Венгрии многопартийности, А.И. Микоян и М.А. Суслов предлагали Имре Надю включить этого «надежного мелкобуржуазного демократа» в состав своего правительства, чтобы он своим авторитетом способствовал укреплению власти. Позже за участие в этом правительстве Ковач снова был привлечен к ответственности. Но в 1989 г. Верховный суд Венгрии полностью реабилитировал этого политика.

очевидным тот факт, что демократии в Венгрии пришел конец. США направили СССР две ноты протеста, поддержанные Великобританией. В них ВКП была обвинена в попытке «овладеть властью неконституционными методами» и говорилось об угрозе существованию демократии в стране. Приспособленческий, соглашательский курс, характерный для тогдашнего руководства НПМХ (З. Тильди, Ф. Надь), не мог защитить интересы партии и в итоге привел к ее полному краху. В такой ситуации центрист, премьер-министр Ф. Надь все больше терял внутривластное влияние и личный авторитет. Весной 1947 г. из НПМХ начался отток членов. Ее покинули около 50 депутатов парламента. Процесс распада партии ускорился. Тактика «нарезки салями» оказалась эффективной. В руководстве НПМХ окрепла позиция прокоммунистического левого крыла. Расправа над Ковачем позволила ВКП сделать очередной шаг к изгнанию из политической жизни целого ряда видных венгерских оппозиционных лидеров. Среди персон нон грата оказался член руководства НПМХ З. Пфейффер, призвавший руководство своей организации отказаться от соглашательского курса, защитить своих членов и оказать сопротивление действиям ВКП. За это 10 марта 1947 г. он был исключен из партии*. В знак протеста против ареста Б. Ковача ушел из НКП заместитель ее председателя, депутат парламента, видный антифашист Имре Ковач.

С арестом Б. Ковача окончательно развеялись иллюзии о возможностях укрепления демократии в Венгрии. Осенью 1947 г., когда газеты ВКП начали обвинять видных политиков из партии мелких хозяев в «заговоре с целью уничтожения демократии»³⁰², многие из них предпочли эмигрировать на Запад.

---

* З. Пфейффер в конце июля 1947 г. создал Партию венгерской независимости под лозунгом «За чистую демократию», которая провозглашала принцип «социализма на евангельской основе и свободу личности». Но она, как и другие партии, в условиях наступления на демократию не имела шансов окрепнуть.

Руководство ВКП после ареста Б. Ковача решило не ослаблять нажим на НПМХ, используя в этих целях административные методы и средства. 25 мая 1947 г. Ракоши публично заявил, что «антидемократический заговор» Венгерского сообщества еще не до конца раскрыт и что «еще осталось много лиц на руководящих постах, которые оказывали поддержку заговорщикам либо были недостаточно бдительны»³⁰³. Это был новый призыв нанести сокрушительный удар по лидерам партии мелких хозяев, и время для него было выбрано удачно — Ф. Надь 14 мая уехал в отпуск в Швейцарию, и партия практически осталась без руководителя. Перед отъездом Надь отправил письмо руководству СССР с ходатайством о возвращении Ковача на родину. Просьба была отклонена под предлогом незавершенности следствия. Но ответ содержал и некоторые упреки по адресу самого премьера, которые и были использованы Ракоши в качестве повода для наступления на Ф. Надя. Будучи заместителем главы правительства, исполнявшим обязанности премьера в его отсутствие, Ракоши провел на заседании правительства решение с предложением премьеру прервать свой отпуск и срочно вернуться в Будапешт для выяснения затронутых в советском письме вопросов. Новый генсек НПМХ И. Балог и руководство партии дали на это согласие. Но Ракоши форсировал события и потребовал, чтобы Ф. Надь подал в отставку. Получив извещение президента и министра иностранных дел с просьбой вернуться домой и объясниться, Надь собрался было в дорогу, но, заехав по пути в Женеву, получил новое сообщение от соратников по партии о том, что коммунисты обвиняют его в соучастии в «заговоре» и требуют его ухода с поста премьер-министра. Надь был предупрежден также, что по прибытии в Будапешт он может быть арестован. После этого он предпочел «добровольно» остаться в эмиграции и согласился подать в отставку, выдвинув лишь одно условие — чтобы к нему привезли сына с воспитательницей. Просьба была выполнена,

и 2 июня 1947 г., подписав на капоте прибывшей из Будапешта машины документ о «получении сына», Надь ушел в отставку. В письме президенту о сложении с себя полномочий он заявил о своей непричастности к так называемому «антиреспубликанскому» заговору. Как следует из некоторых дипломатических документов, Надь понял — ничто не сможет спасти его от репрессий со стороны коммунистов, решивших вести курс на установление диктатуры. По убеждению бывшего премьера, Ракоши при поддержке советских представителей (заместителя председателя СКК В.П. Свиридова и посла СССР в Венгрии Г.М. Пушкина) заранее и тщательно подготовил правительственный кризис и еще до отъезда Надя в отпуск знал, что «признания» Б. Ковача помогут в реализации этого плана. Целью было во что бы то ни стало приписать Надю участие в «антиреспубликанском заговоре»³⁰⁴.

События в Венгрии вызвали международный резонанс, особенно после того, как Надь решил выехать из Швейцарии в США, где его старший сын находился на дипломатической службе. Американские сенаторы назвали отстранение Надя от власти коммунистическим путчем и потребовали вынести дело на обсуждение ООН³⁰⁵. Для этого через американскую и английскую миссии в СКК были запрошены копии документов и на Б. Ковача. Президент США Г. Трумэн на своей пресс-конференции назвал положение в Венгрии страшным, а случай с Надем — позорным. Он заявил, что Госдепартамент США не намерен смотреть сквозь пальцы на происходящее в Венгрии³⁰⁶. США хотели использовать случившееся для осуждения восточноевропейской политики СССР, но в конце концов вопрос был спущен на тормозах и снят с повестки дня. Вашингтон ограничился тем, что на заседании Совета Безопасности ООН 21 августа 1947 г. блокировал принятие Венгрии в эту международную организацию, чтобы СССР не получил там дополнительного голоса.

В самой Венгрии тем временем продолжалось массированное наступление на НПМХ. Очередной жертвой кампании стал член ее руководства председатель Национального собрания Б. Варга. Выходец из крестьянской семьи, сельский католический священник, он затем поднялся до уровня политика государственного масштаба. В 1943 г. Варга был инициатором создания столичной партийной организации. Ракоши не мог ему простить, что в канун парламентских выборов 1945 г. именно по его настоянию руководство НПМХ отказалось принять предложение коммунистов о едином списке кандидатов, хотя на этом настаивал и К. Е. Ворошилов. В июне 1947 г. Варга был вынужден уйти со своего поста главы парламента и эмигрировал в США*.

В стране все более набирали силу и становились «государством в государстве» подконтрольные ВКП силовые ведомства, в том числе отдел МВД по борьбе с внутренней реакцией. Этот орган занимался сбором компромата на лидеров демократических партий. Согласно воспоминаниям бывших работников отдела, они лично от Ракоши получали указания о прослушивании как деловых, так и частных телефонных разговоров премьер-министра И. Надя, членов его семьи и личного секретаря. За работу по сбору таких данных ведущий работник отдела, сын М. Фаркаша Владимир, получил повышение в декабре 1947 г. и стал полковником следственного отдела. Этот чекист впоследствии детально описывал, как добывались сведения о положении дел в разных партиях, фабриковались «дела» с целью проведения различных процессов, как отдел способствовал приходу к власти коммунистов³⁰⁷.

В ослаблении НПМХ свою роль сыграл и президент З. Тильди, все больше уступавший давлению ВКП. По утверждению лидера левого крыла партии И. Доби, Тильди

---

* В 1990 г. по приглашению премьер-министра Венгрии Й. Анталла 87-летний Б. Варга приехал в страну, чтобы открыть заседание первого посткоммунистического парламента и продемонстрировать тем самым преемственность демократии 40-х и 90-х годов. Варга в 1991 г. вернулся на родину, где и скончался в октябре 1995 г.

с радостью воспринял перемены, происшедшие после освобождения страны, приветствовал становление системы народной демократии³⁰⁸. Он не возражал против участия коммунистов в коалиции, признавал программу Фронта независимости, поддерживал курс на земельную реформу и национализацию крупной промышленности. Будучи реалистом в политике, Тильди положительно оценивал и поддерживал новую внешнеполитическую ориентацию Венгрии. Он считал важным восстановление независимости страны и понимал, что это недостижимо без нормальных взаимоотношений с СССР. Президент стремился обеспечить поддержку НПМХ со стороны СССР, но это ему не удалось. Он обещал, что даже после вывода советских войск из страны Венгрия не будет проводить антисоветскую политику. Став в феврале 1946 г. первым президентом Венгерской Республики, Тильди проводил именно такой курс. Находясь на левом крыле НПМХ, Тильди и его окружение (И. Доби, Д. Ортутаи) пользовались поддержкой, прежде всего, беднейших и средних слоев венгерского крестьянства, мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции. С центристскими силами в руководстве партии (Ф. Надь, Б. Ковач), представлявшими середняков и состоятельных крестьян, а также городских мелких хозяев, у него не было гармоничных отношений, в них наблюдались постоянные противоречия.

3. Тильди в 1946–1947 гг. проводил политику, направленную на достижение компромисса, на сохранение баланса сил. В ноябре 1945 г., когда на выборах в парламент НПМХ одержала победу, а правое крыло партии добивалось образования правительства с преобладанием в нем членов НПМХ, именно по предложению Тильди министерские портфели были разделены поровну между партией мелких хозяев, с одной стороны, ВКП и левыми партиями — с другой. В марте 1946 г. он рекомендовал своей партии выполнить требования левого блока и пойти на уступки в интересах сохранения коалиции. В политической борьбе вокруг Венгер-

ского сообщества президент пытался играть роль посредника. Он просил Ракоши и других лидеров ВКП не накалять искусственно политическую обстановку и не вовлекать в круг «заговорщиков» невинных деятелей НПМХ. Вместе с тем он убеждал Ф. Надя не защищать тех членов партии, против которых будут найдены «весомые доказательства их участия в заговоре». Тильди отмолчался и тогда, когда Надь решительно выступил в защиту Б. Ковача (президент недолюбливал Ковача за прямоту, бескомпромиссность и вспыльчивость)³⁰⁹, а после их вынужденной отставки и эмиграции Тильди отмежевался от обоих центристских политиков. Позже президент поддержал в НПМХ левых, прокоммунистически ориентированных деятелей во главе с Доби.

Тильди слишком поздно осознал суть произошедшего. Крупнейшая демократическая партия страны оказалась полностью дискредитированной, и президент уже не смог помешать проведению досрочных парламентских выборов в августе 1947 г., инициированных коммунистами и завершившихся катастрофическим поражением НПМХ.

Методичное отстранение от власти руководящих деятелей НПМХ ослабило партию, лишило народную демократию ее важнейшей опоры. Более мелкие политические образования, созданные вышедшими из НПМХ людьми, уже не могли помешать Ракоши и его сторонникам встать у государственного руля. Развернув подготовку к новым парламентским выборам, ВКП торопилась — ведь мирный договор с Венгрией был подписан 10 февраля 1947 г. СКК свертывала свою деятельность, готовился вывод части советских войск из страны*, что означало потерю компартией мощной поддержки. По настоянию партий левого блока в закон о выборах были внесены существенные изменения, разработанные коммунистами во главе с Л. Райком³¹⁰. Они примерно

---

* На самом деле ограниченный контингент советских войск оставался в Венгрии до подписания договора с Австрией в мае 1955 г., а затем — на основании соглашения в рамках Варшавского договора. Окончательный вывод войск состоялся в июне 1991 г.

на 10 % сократили число граждан, имеющих право голоса. Лишились прав члены руководства довоенных партий и организаций правого толка, лица, попавшие по политическим причинам в список неблагонадежных (так называемый список Б), немцы, которым предстояло выселение из страны, а также переселенные из Чехословакии венгры.

Накануне выборов коммунисты еще были заинтересованы в сохранении коалиции, включавшей, наряду с ВКП, СДПВ, НКП и НПМХ. Компартия теперь могла открыто провозгласить курс на социализм без гражданской войны, поскольку получила поддержку левых в рядах СДПВ (А. Сакашич, Д. Марошан), НКП (Ф. Эрдеи, И. Дарваш, П. Вереш), НПМХ (И. Доби, Д. Ортугаи). Центристские силы этих партий выступали за крестьянско-мелкобуржуазную демократию. Три новые политические организации, возникшие на развалинах НПМХ, перешли в оппозицию и участвовали в выборах самостоятельно под лозунгами буржуазной демократии*.

Состоявшиеся 31 августа 1947 г. выборы в парламент, прошедшие со значительными нарушениями, продемонстрировали укрепление позиций коммунистов. ВКП получила 22,3 % голосов, заняв таким образом первое место среди 11 прошедших в парламент партий. За НПМХ, оказавшуюся на третьем месте, проголосовали лишь 15,4 % избирателей. Она получила на 2 млн голосов меньше, чем в 1945 г., хотя вместе с партиями-наследницами результат был почти прежним. На второе место вышла одна из таких организаций, Демократическая народная партия, получившая 16,4 % голосов³¹¹, остальные партии — «выходцы» из НПМХ, — в частности, Партия венгерской независимости (13,4 %) и Независимая венгерская демократическая партия (5,2 %) также добились относительно неплохих результатов. Успехи этих движений укрепили, однако, уже не коалицию, а ла-

---

* Созданная депутатами парламента четвертая партия — Партия свободы — в июне 1947 г. заявила о своем роспуске и не участвовала в выборах.

герь оппозиции. С учетом голосов остальных трех буржуазных партий внекоалиционные силы собрали в целом более 39% голосов, что свидетельствовало о все еще значительном влиянии их идей среди населения. Правда, разобщенность этих организаций позволила в дальнейшем легко расправиться с ними.

В левом блоке партий также произошла поляризация сил, и в мае 1947 г. он фактически перестал существовать. В ходе предвыборной кампании социал-демократы попытались оказать сопротивление компартии. Следует отметить, однако, что правое крыло СДПВ тогда открыто потребовало от руководства своей партии покинуть ряды коалиции. 3 августа, когда голоса еще только подсчитывались, лидеры трех правых партий, которые ранее выделились из состава НПМХ (партии З. Пфейффера, И. Балоба, И. Бранковича), тоже пытались убедить председателя их бывшей общей партии И. Доби создать вместе с ними новое партийно-политическое объединение. Они считали, что такое образование могло бы взять исполнительную власть в свои руки. Но Доби решительно отклонил их предложение. Итак, по сравнению с 1945 г. новые парламентские выборы выявили резкое падение престижа и поддержки населением НПМХ (с 57,4 до 15,4%). Своеобразным сюрпризом выборов стала потеря СДПВ части своих избирателей (с 17,4 до 14,9%). Социал-демократы оказались лишь на третьем месте, в то время как центристская буржуазная Демократическая народная партия вышла на второе.

В Государственном собрании (это традиционное название венгерского парламента было теперь восстановлено) партии коалиции – ВКП, НПМХ, СДПВ и НКП – имели теперь 271 мандат, а оппозиционные правые силы – 140.

Успеху ВКП на выборах способствовали так называемые синие бюллетени, инициатором использования которых был М. Фаркаш. Поскольку новый закон о выборах разрешил голосование не только в местах постоянного житель-

ства, руководство ВКП при содействии МВД и Главного экономического совета напечатало лишние синие бюллетени и снабдило ими 12 тыс. активистов партии. Министерство транспорта выделило для них грузовики, на которых активисты проехали по стране и в 4729 избирательных округах проголосовали повторно. Таким способом планировалось набрать 200 тыс. дополнительных голосов. Хотя данную идею в полной мере реализовать не удалось, за ВКП было отдано на 300 тыс. голосов больше, чем в 1945 г.³¹².

После выборов коммунисты не могли отказаться от коалиции, поскольку они не могли обойтись без НПМХ. Только вместе с нею набиралось коалиционное большинство (60,9%) в парламенте. Следовательно, от позиции мелких хозяев по-прежнему многое зависело при формировании новых органов власти. Благодаря стараниям И. Доби коалиция была сохранена. В сформированное 23 сентября 1947 г. новое правительство Л. Диннеша (представитель НПМХ) вошли пять министров-коммунистов, по четыре — от социал-демократов и мелких хозяев и два — от НКП³¹³. Решающая роль во всех ветвях власти осталась за коммунистами, они сохранили свои позиции в силовых органах и административном управлении. Теперь левые могли беспрепятственно проводить в жизнь любые свои решения, воздействуя в нужном им направлении на политическую жизнь страны. После выборов лидеры компартии отказались от диалога с союзниками по коалиции и с венгерским обществом в целом. Отныне они диктовали свою волю.

С лета 1947 г. народная демократия вступила в последнюю, завершающую, стадию своего развития, которая характеризовалась формальной коалиционностью и видимостью демократизма. Во всех партиях коалиции брали верх левые, коммунистические или прокоммунистические силы, поддерживавшие курс ВКП на построение социализма. На деле же ВКП полностью контролировала ситуацию, все более откровенно подчиняя себе остальные партии, ограничи-

вая на практике их возможности и вытесняя на периферию политической жизни.

Резкий поворот ВКП в отношении к своим союзникам, фактически окончательный разрыв с коалиционной политикой, т. е. отказ от плюралистического характера народной демократии, по сути означавший переход к копированию сталинской модели социализма, начался сразу же после парламентских выборов в сентябре 1947 г. Это было время создания Коминформбюро, что явилось сигналом к полному свертыванию народной демократии. Началась эпоха фронтального наступления на демократию, и не только в Венгрии, но и во всем регионе. Наступил этап утверждения однопартийной политической системы советского образца, хотя еще и в 1948 г. среди коммунистов имели место колебания и разные мнения относительно сохранения или смены системы народной демократии.

Идеолог ВКП Й. Реваи, например, считал целесообразным сохранить многопартийность, усматривая в ней самую удобную форму связи рабочего класса с остальными слоями населения. Э. Герё после утверждения парламентом правительственного законопроекта о национализации крупных банков в ноябре 1947 г. уже заговорил о первых успехах социалистических преобразований. «Наша страна уже идет не капиталистическим путем, она перешла рубликон между буржуазной и народной демократией», — отмечал он, добавив, что начался процесс формирования «основ по сути социалистической, хотя еще не последовательно социалистической, экономической системы»³¹⁴.

В позициях лидеров ВКП обозначились явные расхождения. Это объяснялось то ли степенью их информированности, то ли относительной самостоятельностью мышления. Так или иначе, еще не сформировалось общего взгляда на проблему перехода к социализму. Представляется, что наиболее уверенно и со знанием дела о перспективах развития «народной демократии» говорил сам Ракоши. Выступая

в марте 1948 г. на совещании секретарей коммунистических организаций Будапешта, он заявил, что в будущем четкие партийные структуры сохранит только ВКП. Венгерский фронт национальной независимости превратится в Народный фронт со «строго централизованной организацией, ядром которого станет компартия, сплачивающая вокруг себя остальные партии», а «что касается существующих правых... и реакционных [партий], то мы сами позаботимся, чтобы они исчезли»³¹⁵. Он сказал, что остающиеся политические партии не будут иметь своих ячеек по стране, хотя в столице на некоторое время их еще сохранят. Сказанное им, конечно, предназначалось исключительно для ориентации столичного партактива.

По мере того, как коалиционные партнеры становились все более послушными, под предлогом «восстановления организационного единства рабочего класса» готовилось «поглощение» СДПВ компартией. Оно и стало знаковым событием на пути преднамеренного свертывания многопартийной структуры, а следовательно, всей еще существовавшей системы народной демократии. Предстояло силовое слияние СДПВ и ВКП. Левый «социал-демократ» Д. Марошан, приложивший к этому немало сил, уже осенью 1947 г. призвал скорее покончить с «двусмысленностью» и начать процесс объединения двух партий, ибо «будущее можно и нужно представлять исключительно в объединении»³¹⁶. С этого времени деятельность левых лидеров СДПВ фактически уже направлялась компартией. Коммунисты развернули усиленную пропагандистскую работу в социал-демократической среде, стремясь дискредитировать популярных деятелей в СДПВ. Компартия и ее активисты среди социал-демократов во главе с Марошаном при поддержке генсека СДПВ А. Сакашича занялись применением тактики «нарезки салями» теперь уже в рядах социал-демократов.

Стараниями Марошана на заседаниях будапештского исполкома СДПВ 31 декабря 1947 г. и 18 февраля 1948 г.

были сняты с руководящих постов, а затем исключены из партии такие лидеры, как Ф. Седер, А. Кетли, И. Селиг, А. Бан. Они хотели сохранить самостоятельность организации и сопротивлялись ее слиянию с ВКП. Вслед за ними из партии были исключены десятки тысяч членов — уже в начале 1948 г. Марошан и его сторонники заслужили похвалы от Ракоши, который, выступая в марте 1948 г. на последнем, XXXVI съезде СДПВ, говорил: «Мы, коммунисты, скажем прямо, не раз были недовольны медлительностью наших левых друзей, методами и темпами их борьбы против правых. Но сегодня, оглядываясь назад, мы можем констатировать, что большей частью в решающих вопросах вы занимали правильную позицию»³¹⁷. Бывший социал-демократ Р. Нерш, с именем которого связана экономическая реформа 1968 г. в Венгрии, в связи с актом объединения двух партий впоследствии вспоминал: «Объединяться хотели коммунисты, мы же, хотя партия в начале 1948 г. разваливалась на отдельные части, еще не желали этого... Однако вскоре, спустя два месяца, мы сами согласились с этим. Я считаю трагической потерей выход и исключение из партии Антала Бана, Анны Кетли, Вильмоша Бёма, Эдена Кишхази, Имре Селига, Дюлы Келемена. Мы попали в ловушку сталинизма»³¹⁸.

Успех тактики коммунистов, разумеется, объясняется не только присутствием в Венгрии Красной Армии и СКК, хитроумными находками и приемами Ракоши, но и слабостью, неопытностью лидеров демократических партий, их уступчивостью, боязнью открыто противостоять устремлениям ВКП. В окружении Ракоши были люди, помогавшие ему реализовывать планы по дискредитации и вытеснению из власти неудобных ему политиков. Главным стратегом коммунистов считался Реваи, умевший анализировать расстановку политических сил и сталкивать друг с другом противников ВКП. Этот рафинированный мастер интриг, переговоров и шантажа оставался, однако, лишь разработчиком концепций³¹⁹. Грязная работа поручалась в основном Г. Пе-

теру, М. Фаркашу, а также Л. Райку и Д. Палффи, в подчинении которых находились силовые органы, они широко пользовались также услугами «пятой колонны», внедренной в партии.

На состоявшихся 12 июня 1948 г. съездах ВКП и СДПВ было провозглашено объединение двух партий. В «единую» организацию – Венгерскую партию трудящихся (ВПТ) – наряду с 753 тыс. коммунистов вошли 240 тыс. социал-демократов. Остальные, свыше 500 тыс. членов СДПВ, от сотрудничества с коммунистами отказались. Председателем новой партии без определенных функций был избран А. Сакашич, а генеральным секретарем, у которого находились реальные рычаги руководства ВПТ, стал М. Ракоши, его заместителями – М. Фаркаш, Я. Кадар и Д. Марошан. Съезд принял принципиальное решение о том, что новая партия в своей «программе, политике и организационной деятельности руководствуется идеями марксизма-ленинизма».

Принятая на съезде программа ВПТ представляла собой классический набор атрибутов, характерных для советского типа системы. Программные цели предусматривали исключительную роль ВПТ в обществе, обозначили перспективу прекращения деятельности всех остальных партий посредством объединения в единую массовую организацию – Народный фронт независимости под эгидой ВПТ. Главным принципом ее строительства и организационной деятельности был провозглашен демократический централизм. С образованием ВПТ необходимость в коалиционном правлении отпала. Началась реализация курса на упрочение коммунистической диктатуры.

Появление на венгерской политической арене новой партии не сразу сняло с повестки дня вопрос о существовании демократии. В ходе развернувшейся дискуссии по этой проблеме выявились различные взгляды и подходы³²⁰. 26 сентября 1948 г. Реваи на страницах газеты «Сабад неп» писал: «У нас существует народная демократия, у нас коа-

лиция, еще сохранились классы... в таких условиях формальная ликвидация партий не стала бы шагом вперед. Союзнические классы и слои еще смотрят на свои самостоятельные партии как на самые подходящие формы участия в управлении, союза с рабочим классом». Он считал, что многопартийность учитывает особенности Венгрии и позволяет развиваться в направлении социализма. Его концепция предполагала длительный этап сохранения многопартийной народной демократии. При этом он не отождествлял ее с диктатурой пролетариата. Вскоре было найдено компромиссное решение по этому вопросу, состоявшее в том, что народная демократия выполняет основные функции диктатуры пролетариата. Об этом заявил Герё, вернувшись с учредительного съезда Польской объединенной рабочей партии, состоявшегося в конце 1948 г. Это положение считалось, и не без основания, «сталинской формулой»*. В письме членам секретариата ЦР ВПТ, критикуя позицию Реваи, Герё отмечал: «Наша дефиниция в определенном смысле означала, что мы извращаем суть ленинизма, доказывая, что без диктатуры пролетариата можно строить социализм»³²². Вслед за этим Ракоши выразил недовольство состоянием теоретических разработок по проблемам соотношения на-

---

* И. В. Сталин 6 декабря 1948 г. в беседе с Г. Димитровым и руководителями польских коммунистов затронул принципиальные вопросы народной демократии и диктатуры пролетариата. Он, в частности, подчеркивал: «В истории марксистской мысли выделяются две возможности или две формы диктатуры пролетариата. То, что нельзя осуществить переход от капитализма к социализму без диктатуры пролетариата, это мы считаем аксиомой». При этом он указал на две формы пролетарской диктатуры: демократическую республику с большим перевесом пролетариата и советскую форму диктатуры. Сталин отмечал, что если для России, «где взятие власти пролетариатом осуществлялось путем восстания», «советская форма оказалась самой подходящей», то в странах народной демократии, «где взятие власти рабочим классом осуществлялось не путем внутреннего восстания, а путем помощи извне, советских войск, т. е. легко, без особых усилий, можно обойтись без советской формы». «Мы считаем, — говорил далее И. В. Сталин, — что вы можете обойтись без советского режима. Для вас народно-демократический режим достаточен, чтобы осуществить переход от капитализма к социализму. Но этот режим будет осуществлять функции пролетарской диктатуры». Сравнивая советскую и парламентскую формы пролетарской диктатуры, Сталин подчеркивал, что первая «хороша тем, что (проблему. — Б. Ж.) решает быстро — кроваво, но быстро, — а вы можете обойтись без этого, потому что ваши капиталисты сдались сразу». Он считал также, что «основные функции пролетарской диктатуры режим народной демократии может исполнять» и в ходе строительства социализма³²¹.

родной демократии и советской формы государства, народной демократии и диктатуры. В ноябре 1948 г. на заседании узкого круга лидеров ВПТ Ракоши вновь сформулировал и уточнил свое видение «многопартийной демократии», в какой-то мере повторяя уже сказанное им в марте. Он утверждал: «Наше развитие, если мы будем правильно работать, приведет к тому, что остальные партии медленно увянут. Этот процесс мы ускорим. Эти партии должны умереть, во всяком случае, стать теньевыми, символическими партиями... У нас еще коалиция, но мы должны взять курс и на ликвидацию наших союзников»³²³. Однако эти идеи Ракоши не нашли столь откровенного отражения в его статье «О некоторых проблемах народной демократии», опубликованной 16 января 1949 г. в «Сабад неп». Они остались для внутреннего пользования. Пленум ЦР ВПТ, состоявшийся в марте и принявший решение о реорганизации Народного фронта, так охарактеризовал сущность новой власти: «Народная демократия — это пролетарская диктатура без советской формы правления»³²⁴. Однако новая формула на самом деле не соответствовала существующим политическим реалиям. В государстве уже развернулось механическое копирование советской практики, ее «пересаживание» на венгерскую почву без учета особенностей страны.

В левых кругах возобладало мнение, что в условиях народной демократии диктатура пролетариата не может быть полной, так как власть делится с остальными союзниками. Сам факт существования других, пусть даже союзных, партий воспринимался как разделение власти и опасность для демократии, поскольку некоммунистические организации были лишь «резервом для буржуазии, для классового врага». Такая логика неизбежно вела к упрочению однопартийной системы, к искусственному обострению классовой борьбы, к ликвидации даже остатков демократической многопартийности. При этом Ракоши и его сторонники продолжали говорить о политической свободе, называя

складывавшийся режим «нашей народной демократией», «народно-демократическим строем».

Осенью 1948 г. член высшего руководства ВПТ, министр внутренних дел Л. Райк, говоря о роли компартии в Народном фронте четко обозначил, что у венгерского народа не может быть никаких других политических целей, кроме определенных в программе партии. «Круг замкнулся, — заявил он, — кто хочет другой программы, кроме программы строительства социализма, тот является врагом венгерского трудового народа»³²⁵. 27 ноября 1948 г. на заседании ЦР ВПТ ее председатель А. Сакашич считал необходимым отказаться от старых форм и институтов власти, т. е. от народной демократии, прямо призывал соответствовать советскому примеру. «Наша партия должна следовать примеру Советского Союза, мы должны выполнять его указания, — отмечал он. — Товарищ Ракоши прав, нет самостоятельного венгерского пути к социализму... Есть только один-единственный путь — славный, освященный кровью путь Советского Союза, путь марксизма-ленинизма! Все остальные пути ведут лишь к позору и рабству»³²⁶. Он поддержал курс на ликвидацию остальных партий, согласился с Ракоши в том, что Народный фронт должен стать даже не массовой организацией, а лишь лабильным объединением различных сил, выполняющим намеченные ВПТ задачи.

В ноябре 1948 г. заместителями генерального секретаря ЦР ВПТ стали ближайшие соратники Ракоши — Герё и Фаркаш. Наступление на демократию продолжалось. Для этого все чаще и масштабнее привлекался отдел госбезопасности (АВО) министерства внутренних дел. Более того, 6 сентября 1948 г. указом министра внутренних дел Я. Кадара по советскому образцу было создано самостоятельное Управление госбезопасности (УГБ — венгерская аббревиатура АВХ), которое курировалось МВД СССР через своего постоянного советника. Особое внимание венгерского руководства уделялось специальному отделу УГБ по борьбе с внутренней реакцией (во

главе с коммунистом Э. Сюч). Новое ведомство (начальник Г. Петер), формально оставаясь в рамках МВД и подчиняясь отраслевому министру (поскольку курировалось министром обороны М. Фаркашем), фактически являлось автономным. Общее руководство над ним осуществлял лично генеральный секретарь компартии. Он установил над ними собственный контроль, о чем упомянул в своих мемуарах: «Управление госбезопасности — по советскому образцу и советскому предложению — только формально было подчинено Министерству внутренних дел и пользовалось почти полной самостоятельностью... Госбезопасность являлась по сути отдельным министерством, хотя для внешнего мира ее в Совете министров представлял министр внутренних дел. Такая конструкция придавала ей большую самостоятельность, которая все более усиливалась. Габор Петер, руководитель УГБ, зорко следил за сохранением этой автономии, в результате трения с министром внутренних дел стали постоянными... По партийной линии УГБ контролировалось одним из членов политбюро. До конца 1948 г. им был Михай Фаркаш, в ведении которого находились все силовые органы. Это не было известно широкой общественности, что и позволяло перенаправить все нападки на УГБ против МВД и его руководителя Ласло Райка»³²⁷. (Последний занимал данный пост до начала августа 1948 г.) Кроме того, Райк по просьбе Ракоши 4 марта 1948 г. внес предложение в политбюро ВКП о создании специального Комитета УГБ, который возглавил сам Ракоши (секретарем стал Л. Райк, а членами — М. Фаркаш и Г. Петер). Такая структура позволила Ракоши стать полноправным хозяином в этом высшем органе УГБ и распоряжаться всей его деятельностью по своему усмотрению. Недаром Ракоши впоследствии признавал: «Я лично руководил Управлением госбезопасности... вмешивался в проведение дел, я лично определял, кого следует арестовать, кого надо избивать, каким образом следует судить»³²⁸. Главной задачей госбезопасности стали поиск и разоблачение «врагов народа».

Изменение политических условий в стране и регионе заставили президента Венгрии З. Тильди, выходца из НПМХ, заняться поиском места для своей партии в новой обстановке. Будучи политиком-прагматиком, он обратился к изучению идей социализма. Его общение с лидерами ВКП (ВПТ) позволило надеяться, что переход к социализму в Венгрии будет плавным и продолжительным. Это порождало иллюзии о том, что леводемократическая часть НПМХ сохранится и окажется нужной в будущем, что и склоняло Тильди к дальнейшему сотрудничеству с коммунистами. Однако его готовность к компромиссам не спасла ни партию, ни его самого. Он стал больше не нужен коммунистам. Приближалось время его отстранения от власти. С лета 1948 г. Ракоши организовал систематическое давление на президента ВР. «Началось это в первых числах июля, а может быть, чуть раньше, когда Коминформ осудил Тито, — вспоминал впоследствии Тильди. — Меня посетил Ракоши и сообщил, что как бы это ни было тяжело для меня, но нам, венграм, также адресовано заявление Коминформбюро». Ракоши поднял и вопрос о неизбежности коллективизации сельского хозяйства, но президент не пожелал оказывать ему в этом содействие, заявив, что тогда он «откажется от поста президента»³²⁹. Ракоши не воспользовался этим случаем, но нашел другой повод, чтобы сместить президента с поста. В середине июня 1948 г. он созвал в Будапешт всех послов Венгрии, чтобы проинформировать их о решении Коминформбюро. В столицу приехал и зять Тильди В. Черноки, посол в Египте, который тут же был арестован и приговорен к смертной казни по ложному обвинению в государственной измене. Примечательно, что президент узнал о случившемся только из сообщения по радио. Сначала у Ракоши было намерение предъявить обвинение самому Тильди и НПМХ, организовав показательный судебный процесс. Но затем отказался от этой мысли, решив ограничиться лишь отстранением президента от власти. 3 июля Ракоши явил-

ся к Тильди и, используя «шпионское дело» зятя, положил перед ним подготовленный текст заявления о «добровольной» отставке, которую тот и подписал. Президент оказался под домашним арестом и находился под постоянным контролем органов государственной безопасности. С августа 1948 г. по май 1956 г. Тильди вместе с семьей содержался в полной изоляции от внешнего мира в одном из особняков Будапешта по улице Будакеши*. Арест Тильди символизировал печальный конец реальной системы народной демократии. Следом за главой государства подал в отставку и премьер. Контролируемый коммунистами парламент 3 августа 1948 г., очевидно, за заслуги в объединении СДПВ с ВКП избрал новым президентом страны А. Сакашича. Было образовано новое правительство во главе с И. Доби, в его состав были введены четыре члена ВПТ. 1 февраля 1949 г. был создан Народный фронт, который избрал своим председателем Ракоши, а генеральным секретарем – Райка. Все партии и организации фронта являлись обязанными «во всем подчиняться решениям его Всевенгерского Совета и выполнять их»³³⁰. Народный фронт объединил остатки всех партий прежней коалиции. Отныне больше вообще уже не говорилось о каких-либо партнерских отношениях в рамках этой структуры. Лидеры коммунистов считали Народный фронт инструментом перехода к однопартийной системе. По мнению Ракоши, он должен был стать ступенью в процессе отмирания союзнических партий, которые якобы уже все равно не имели массовой базы. Считалось, что «их существование приносит демократии больше вреда, чем пользы».

В марте 1949 г. на заседании ЦР ВПТ Реваи с полным основанием говорил: «Формально у нас еще сохранились элементы разделения властей... существует коалиция. Но

---

* В дни октябрьской революции 1956 г., в условиях восстановления многопартийности, по инициативе и под воздействием И. Доби Тильди согласился занять в правительстве Имре Надя пост государственного министра, за что потом был приговорен к шести годам заключения. В апреле 1959 г. ввиду слабого здоровья и преклонного возраста он был освобожден и жил в полной изоляции до своей кончины 3 августа 1961 г.

на самом деле, товарищи, у власти у нас находится пролетариат, и фактически лишь одна наша партия руководит страной. То обстоятельство, что премьер-министром является не товарищ Ракоши, а Иштван Доби, имеет лишь формальное значение, ведь на практике даже теми министерствами, во главе которых стоят еще не коммунисты, управляем мы»³³¹.

На новых парламентских выборах уже все номинальные партии выступили с «единым списком кандидатов Народного фронта». 18 августа 1949 г. Государственное собрание приняло Конституцию уже нового государства, Венгерской Народной Республики. Ее основным закон по сути стал копией советской Конституции 1936 г. Был избран Президентский совет, председателем которого стал действующий президент А. Сакашич. Многопартийность фактически была ликвидирована. Все партии, хотя они специально и не запрещались, прекратили свою деятельность, т.е., как и предполагали коммунисты, произошло их «отмирание». На политической сцене осталась единственная руководящая сила — ВПТ. Фактически же власть в стране все больше сосредоточивалась в руках Ракоши и небольшой группы его приближенных (Э. Герё, М. Фаркаш, Й. Реваи), а также УГБ. Именно они и утвердили в Венгрии на рубеже 40–50-х годов разновидность тоталитарного, никем не контролируемого режима, которому на заседании политбюро ЦР ВПТ 20 июня 1953 г. сам Реваи давал такое определение: «В старом понимании мы стали полицейским государством»³³².

Таким образом, Ракоши и его единомышленники от имени пролетариата установили в Венгрии сначала антидемократический, а затем в полном смысле этого слова тоталитарный строй, управляемый сверху, из единого центра. Установившийся режим стал полным антиподом «народной демократии» коалиционного периода. Это была система безраздельной власти единственной «государственной партии» во главе с ее лидером. Строгая централизация поз-

воляла вождю и узкой группе его приближенных стать фактически над конституцией, над законами, келейно принимать любые решения.

Ракоши и его «сотоварищи» в дальнейшем также использовали органы УГБ для преследования своих оппонентов, убирая теперь уже из сферы политики своих потенциальных соперников в самой коммунистической обойме. Достаточно вспомнить хотя бы нашумевший, целиком сфабрикованный политический процесс 1949 г. по «делу» Л. Райка³³³, вызвавший целую серию дальнейших арестов и аналогичных судебных процессов, которые должны были продемонстрировать проникновение «классовых врагов» в святая святых — в высшее руководство партии — и послужить дальнейшему укреплению безраздельной власти Ракоши. Эту же цель преследовали последующие аресты главы государства А. Сакашича, осужденного на специальном закрытом процессе, затем — Я. Кадара, Д. Марошана и других, оказавшихся в ракошистских застенках. Диктаторско-бюрократические методы руководства Ракоши, повлекшие за собой акты дальнейшего беззакония и произвола, получили полное осуждение лишь в 1962 г.

Режим личной власти Ракоши достиг своего расцвета в 1949–1953 гг.: вождь партии в 1952 г. занял и пост главы правительства ВНР. Созданная ракошистами система соответствовала всем признакам и критериям тоталитарной власти, получившей определение в работах К. Фридриха, дополненных З. Бжезинским³³⁴. Она имела официальную идеологию и однопартийную политическую структуру с соответствующей строгой иерархией, во главе которой стоял партийный вождь, наделенный фактически абсолютной властью. Партийные органы осуществляли полный контроль над всеми институтами власти и ячейками общества, утвердилась централизованная экономика³³⁵. Однако следует отметить, что при такой левототалитарной системе власти Ракоши оставался лишь удельным князьком, васса-

лом более могущественного диктатора. Он не был полностью свободен в своем выборе. Как во внутренней, так и во внешней политике ему приходилось придерживаться курса и указаний, диктуемых И. В. Сталиным.

Итак, кратковременно существовавший, не успевший укрепнуть народно-демократический строй не оправдал надежд и ожиданий сил венгерской демократии. Под воздействием партии коммунистов он трансформировался в режим тоталитарного типа. Период венгерской народной демократии остался, по историческим меркам, лишь небольшим, хотя и весьма насыщенным политическими событиями, эпизодом в истории страны.

В условиях социалистического эксперимента

Глава 4. || Будапешт — Москва: год 1956-й

Венгрия встретила 1956 год в обстановке обострившихся общественных противоречий и незатухающих внутриполитических коллизий, что было не в последнюю очередь связано с колебаниями и непоследовательностью политики руководства СССР в предшествующие годы. Как известно, после смерти И. Сталина в руководстве КПСС созрела мысль о необходимости определенных перемен. Они диктовались осознанием неизбежности отказа от губительных для страны жестких методов управления обществом либо являлись следствием борьбы за власть, развернувшейся в высшем партийном эшелоне.

В сфере внешней политики хрущевское руководство начало с восстановления дипломатических отношений с Югославией, пошло на заключение перемирия в Корее, то есть сделало ряд шагов, свидетельствовавших о решимости открыться миру, а во внутренней политике выступило за ликвидацию культа личности, укрепление законности и повышение жизненного уровня. Все это означало, что 1953 год стал важной прелюдией перемен не только для СССР, но и для мира в целом, намечая новый подход к проблемам международных отношений. Казалось, что на смену конфронтации приходит курс на мирное сосуществование и сотрудничество государств с различным политическим строем.

Изменения в высшем руководстве в СССР, коррективы политического курса вызвали смятение и растерянность в кругах партийно-политической элиты Венгрии, привыкшей к детальному копированию сталинского режима. Вер-

ные сталинисты-догматики на партийном Олимпе во главе с Матяшем Ракоши, в отличие от своей прежней практики, на сей раз не спешили копировать советский опыт. И все же происходившее в Москве являлось для Венгрии (впрочем, как и для других стран социалистического блока) не только барометром, на который было целесообразно ориентироваться, но и сигналом, к которому по понятным причинам необходимо было прислушаться. Ведь у всех режимов восточноевропейского региона были общие корни, их внешняя и внутренняя политика направлялась из единого московского центра. Однако Ракоши и его единомышленники не были готовы к тому, чтобы отказаться от привычной для них сталинистской модели тоталитарной власти, основывающейся на культе вождя и терроризирующей венгерское общество. Любые перемены в сторону ослабления диктатуры угрожали существованию режима Ракоши, вызывавшего все большее недовольство в стране. Москва опасалась возможного народного взрыва в Венгрии¹. В конце мая 1953 года венгерский коммунистический лидер негласно и в срочном порядке был вызван в советскую столицу².

Новые советские лидеры, осознав катастрофичность последствий правления Ракоши, призвали его последовать примеру Кремля и поделить власть, пойти на некоторое ослабление пресса, давившего на общество. Призывы и советы «старшего брата» на сей раз, однако, не вызвали моментальной послушной реакции. Ракоши, который вместе со своими единомышленниками накануне смерти Сталина всерьез рассматривал идею о присоединении Венгрии к СССР, выжидал и надеялся.

Бездействие Ракоши вызвало недовольство новых лидеров Кремля, которые сочли необходимым срочно вмешаться и оказать коммунистическому руководству Венгрии экстренную «помощь». Она пришла в виде прямых политических рекомендаций венгерским руководителям, вызванным в Москву 13 июня 1953 г.

На совместном совещании, проходившем с 14 по 16 июня 1953 г., обсуждалось сложное положение в стране и в ВПТ. С советской стороны присутствовали Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, А. И. Микоян и советский посол в Будапеште К. В. Киселев; с венгерской стороны – Имре Надь, Иштван Доби, Эрнё Герё, Андраш Хегедюш, Иштван Хидаш, Рудольф Фёльдвари, Бела Салаи и Матяш Ракоши³. Советские руководители тогда подвергли резкой критике руководство ВПТ, подчеркнув личную ответственность Ракоши, Герё, Фаркаша и Реваи за допущенные «ошибки», узурпацию власти, за культ личности и тяжелую социально-экономическую ситуацию в стране. Лидеры КПСС обратили внимание на взрывоопасность ситуации в Венгрии. Как ни парадоксально, но они упрекали Ракоши за злоупотребления и массовое привлечение граждан к судебной ответственности (540 тыс. за девять месяцев 1952 г.!)⁴.

Пожелания советских партийно-государственных руководителей, тогда имевшие, кстати, отнюдь не рекомендательный характер, больше не могли быть отвергнуты или не приняты во внимание ракошистской партийной элитой. Суть предъявленных и обязательных к исполнению венгерским руководством требований заключалась в необходимости отказа от догматического курса ВПТ. Ракоши должен был признать свои ошибки, он мог продолжать работу, но уже в качестве не генерального, а первого секретаря ЦР ВПТ. Пост премьер-министра предписывалось уступить И. Надю, а из политической жизни необходимо было удалить скомпрометировавших себя министра внутренних дел М. Фаркаша и «главного идеолога» Й. Реваи. На этой же встрече были согласованы кандидатуры и на некоторые посты в государстве и партии.

Вернувшись в Венгрию, Ракоши 17 июня 1953 г. на заседании секретариата ЦР ВПТ заявил, что его «сначала поразила критика советских товарищей», но затем он якобы

осознал свои ошибки. На последующих закрытых заседаниях высших органов партийной власти он выступил с самокритикой, которая, однако, стала достоянием гласности лишь в начале 90-х годов. Ракоши и его окружение не осмеливались заявить о своих «ошибках» публично.

Еще в Москве было решено, что с докладами на июньском пленуме ЦК ВПТ выступят Ракоши и Надь. Первый из них на этом форуме вынужден был признать, что почти не было такой сферы государственной жизни, где не допускались бы «серьезные ошибки». Учитывая «советы и указания советских товарищей», он обязался исправить их. «Если мы не совершим немедленный поворот, — говорил он, — нам грозит самый тяжелый кризис»⁵.

Ритуальная самокритика и лживые обещания, звучавшие на том партийном форуме, не являлись искренним покаянием «лучшего ученика Сталина». Ракоши и его сторонники лавировали и, в надежде на возвращение к сталинизму в СССР, лишь дожидались удобного момента, чтобы повернуть колесо истории вспять.

Венгерская общественность узнала о перемене политического курса из выступления И. Надя на заседании парламента летом 1953 года. Именно ему как новому премьер-министру ВНР было поручено провозгласить перемены. Его новый курс начал осуществляться летом и предусматривал ряд преобразований с целью смягчения тоталитарного давления на общество, реформы в экономике и демократизацию существовавшей политической системы. Послабления, осуществленные правительством И. Надя, исправление наиболее вопиющих нарушений законности, начатые реабилитационные процессы незаконно репрессированных, попытки установления хотя бы минимального контроля над абсолютной однопартийной властью в государстве давались, однако, нелегко и встречали явное и скрытое сопротивление со стороны Ракоши и его окружения⁶. Поэтому реформирование шло медленно. Оно, естественно, не со-

проводилось сменой режима, но происшедших изменений оказалось достаточно, чтобы посеять зерно надежды на возможность более глубоких перемен.

Реформаторская деятельность Надя и его правительства начала приносить свои плоды. Она получила поддержку и одобрение со стороны венгерской интеллигенции, особенно писателей и журналистов. Вокруг И. Надя объединялись единомышленники, которых по сегодняшней терминологии можно было бы называть коммунистами-реформаторами.

Надь воспринимал обещания и заверения лидеров КПСС всерьез, верил им и, будучи весьма дисциплинированным коммунистом, осознавшим губительность ракошистской политической практики, взялся за осуществление далеко не поверхностных или камуфляжных мер по искоренению прежней практики. Продолжалось, однако, это недолго. Ракоши, с самого начала воспринявший предложенные руководством КПСС перемены как временные, после появления признаков расхождений в высшем эшелоне власти СССР воспрянул духом. Не теряя надежды на возобновление поддержки со стороны левацко-догматических сил в КПСС, он перешел к открытому сопротивлению новому курсу И. Надя.

Осенью 1954 года Ракоши провел отпуск в СССР. Он умело использовал это время для укрепления своих позиций. Вернулся в конце октября в Будапешт, не только отдохнув, но и обогатившись свежей информацией и заручившись необходимой поддержкой. Укрепив в Москве свои позиции, он развернул атаку против реформ. Пренебрегая решениями пленумов ЦР и III съезда ВПТ, он и его сторонники фактически осуществили настоящий государственный переворот. За считанные недели была восстановлена его личная власть, воцарились произвол и беззаконие. Была подавлена критика, неугодных удалили с занимаемых постов, запрещалось даже упоминание нового курса. Главной опасностью был провозглашен «мелкобуржуазный правый уклон»⁷.

Такой крутой поворот внутри Венгрии объяснялся изменениями в советской международной политике. Во-первых, информация, поступавшая из Будапешта в Москву, вызывала опасения, что реформы, проводимые И. Надем в интересах достижения политической стабильности, хотя и направлены на «улучшение социалистической системы», но выходят за рамки советской модели социализма. Реформы И. Нады в интерпретации Ракоши не могли не вызвать настороженности у руководства КПСС. В итоге было подорвано доверие Москвы к И. Надю. Во-вторых, осложнившаяся на рубеже 1954–1955 годов международная обстановка вызывала озабоченность руководства СССР, которое стало вносить определенные коррективы в свою внешнюю политику. В этих условиях оно не возражало против «наведения порядка» в Венгрии, о котором мечтали ракошисты, готовые вернуться к прежней политике приоритетного развития тяжелой индустрии, подчиненного интересам военных приготовлений.

На 8 января 1955 г. Ракоши, Надь и другие члены венгерского руководства вновь были приглашены в Москву для обсуждения положения в Венгрии. На совещании премьер-министр подвергся критике за свой «правый уклон». Правда, в случае самокритики, публичного отмежевания от начатого им процесса демократизации ему пообещали сохранить за ним пост премьер-министра. Однако, несмотря на усиливавшееся давление, и после возвращения в Будапешт Надь не сделал этого. Даже находясь в больнице в феврале 1955 года с приступом острой сердечной недостаточности, он продолжал отстаивать свою правоту.

Ракошистская реакция в дальнейшем не упускала удобного случая для полной ликвидации достижений первых реформаторов социализма в Венгрии. Воспользовавшись ситуацией, она с молчаливого согласия московского руководства приняла весьма жесткие меры против Нады и его сторонников. 14 апреля 1955 г. на закрытом заседании

ЦР ВПТ Надь был заклеямен, лишен всех своих постов и даже исключен из партии. После этого наступил конец и самого эксперимента, связанного с его именем.

Наступление ортодоксальных сил на реформаторов и «вольнодумцев» было поддержано высшим советским руководством.

В мае 1955 года в противовес НАТО во главе с СССР был создан военно-политический союз социалистических стран — Организация Варшавского договора — с общим командованием вооруженными силами. Договор являлся ответным актом на привлечение в НАТО Германии, демонстрацией силы. На деле же идея создания такого органа возникла еще в 1952 году и существовала на уровне политических согласований между лидерами стран Восточной Европы. Применительно к Венгрии ОВД давала юридическое основание для того, чтобы советские войска, расквартированные в стране в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. (в 1955 г. — 5 дивизий), могли оставаться там в целях обеспечения коммуникации с частями в Австрии после получения ею статуса нейтрального государства и вывода оттуда советских войск. Вместе с тем их присутствие в масштабах, во много раз превосходивших численность венгерской армии, не только обеспечивало защиту общей «линии фронта с империализмом», но и в значительной степени предопределяло возможности развития внутривнутриполитической обстановки, служило опорой для коммунистического руководства страны.

Реставрация старых, ракошистских порядков имела для Венгрии не просто тяжелые, но катастрофические последствия. Она не была принята народом. В ВПТ и в обществе зарождалась и крепла оппозиция режиму, и, как ни странно, она находила поддержку в советской политике. Ведь руководство СССР во главе с Хрущёвым начало все энергичнее выступать за смягчение международной напряженности: в мае 1955 года был подписан договор с Австрией, затем про-

изошла нормализация отношений с Югославией, летом советские лидеры приняли участие в Первой международной встрече глав государств в Женеве, а в сентябре СССР установил дипломатические отношения с ФРГ. Все это противоречило риторике ракошистской пропаганды и давало морально-политический стимул силам оппозиции. Под их влиянием оживились внутривнутрипартийные дискуссии по проблемам строительства социализма, писатели и журналисты стали выступать с требованием продолжения реформ, начатых И. Надем.

Как и в других странах Восточной Европы, большой резонанс получили в Венгрии решения XX съезда КПСС, который разоблачил культ личности Сталина и принял важные политические решения. Выводы съезда имели для Венгрии особое значение и оказали благотворное воздействие на общество. Они, однако, застали врасплох догматическое высшее партийное руководство. Сфабрикованных судебных процессов в Венгрии, как известно, было немало, ответственность за них должны были нести лидеры ВПТ и главы силовых структур. Ракоши, однако, вопреки логике попытался доказать, что XX съезд якобы оправдывает именно его политический курс и нет необходимости менять что-либо, а кадровые перестановки им уже осуществлены. Элита ВПТ была явно заинтересована в том, чтобы ничего не менять. Сам Ракоши старался переложить собственные грехи и ответственность за них на руководителей силовых министерств — на Г. Петера и М. Фаркаша (а те — на Берия), безусловно, виновных, как и сам Ракоши, в совершении преступных действий. Но тайное становилось явным. В конце марта 1956 года он был вынужден признать свою причастность к политическому убийству Л. Райка, после чего потерял доверие даже большинства своих сторонников. И все же партийное руководство не нашло в себе силы, чтобы удалить его с поста лидера партии.

Летом 1956 года обстановка в Венгрии в результате всеобщего недовольства политикой Ракоши достигла критической точки. Обеспокоенные этим, советские лидеры послали в Будапешт высокопоставленных партийных деятелей для выработки необходимых мер по стабилизации положения. Побывавший в Венгрии член политбюро М.А. Суслов, однако, не увидел тогда особых причин для беспокойства. 13 июня он доложил ЦК КПСС о «здоровых настроениях» в среде рабочих и крестьян, о том, что на производстве и речи нет о недоверии к партийному руководству» или о кризисе. Вместе с тем Суслов констатировал наличие среди интеллигенции и работников партийного аппарата (включая часть аппарата ЦР ВПТ) «недовольных нынешним руководством», но объяснил это недостатками в кадровой политике, проникновением в руководство сторонников И. Надя, бывших социал-демократов и политически незрелых элементов. Среди членов политбюро наиболее ярко выразил свое недовольство политикой Ракоши первый секретарь Будапештского горкома ВПТ И. Ковач, а за его пределами — Я. Кадар. Суслов доложил также, что в высшем партийном руководстве почти нет венгров, что работают там в большинстве «товарищи еврейской национальности». В интересах решения кадровой проблемы в высших органах власти он посоветовал Ракоши и другим лидерам ВПТ «смелее выдвигать на руководящую работу кадры венгерской национальности». В Москву он сообщил, что в этом отношении «здесь имеют место большие ненормальности»⁸.

Суслов поддержал предложение расширить политбюро, введя в него Й. Реваи и Я. Кадара. Как известно, Реваи являлся давнишним противником И. Надя и его политического курса, а кандидатура Кадара должна была умиротворить ярых антиракошистов. По сути, предложение Суслова было направлено на сохранение прежней расстановки сил в высшем партийном руководстве. «Что касается Кадара, то известная польза от его пребывания в политбюро будет, — со-

общал он в ЦК КПСС, — поскольку у него еще не полностью изжито чувство обиды на Ракоши. Но после длительной беседы с Кадаром я сомневаюсь, что он отрицательно настроен против СССР. Введение же его в политбюро значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет. Кадар сейчас первый секретарь Пештского обкома партии и работает активно, имеет безусловный авторитет и как работник венгерской национальности»⁹.

Поддержка Суловым предложения о введении в состав политбюро Ревая и Кадара свидетельствовала о том, что он не разделял точку зрения посла Андропова, выраженную в его телеграмме в Москву от 29 апреля 1956 г. В своей депеше он высказался в пользу Ракоши (мнение о том, что Ракоши не способен претворить в жизнь решения XX съезда, квалифицировалось как демагогия и происки «правооппортунистических и враждебных элементов»). Андропов считал, что смещение Ракоши станет «серьезной уступкой для правых и демагогических элементов»¹⁰. В целом же Сулов, желая того или нет, как и Андропов, способствовал продлению прежнего положения в венгерском руководстве. Он выполнил свою миссию по укреплению позиций Ракоши, не желая замечать, что тот ведет страну и партию к пропасти.

Завершив свою миссию, Сулов на следующий день отправился на отдых, но ситуация в Венгрии по-прежнему находилась под советским наблюдением. Ответственные работники посольства СССР в Будапеште, сам Андропов часто извещали Москву о положении в венгерском руководстве. Так, 13 июня ответственные работники посольства сообщили о том, что растет число «недовольных политикой ВПТ и ее руководством». Среди них назывались и члены ЦР ВПТ, и работники центрального партаппарата: З. Санто, К. Кишш, З. Ваш, М. Хорват, И. Дёгеи, И. Кёбёл и др. Сообщалось также об отсутствии единства в самом политбюро¹¹. Из информации советника посольства В. В. Астафьева стало ясно, что все больше членов партруководства именно под влиянием

решений XX съезда КПСС стали отвергать догматический курс Ракоши, что как в партийном, так и в государственном аппарате растет число сторонников И. Надя¹².

Сторонники Ракоши остались весьма удовлетворенными результатами пребывания Сулова в Венгрии и начали разрабатывать меры по усилению борьбы с «правой опасностью». Об этом Герё и Хегедюш рассказали Андропову, посетив его 19 июня 1956 г.¹³. Характерно, что сам Андропов не видел иного пути для преодоления кризиса в партии и в стране, кроме того, что предлагало политбюро ЦР ВПТ, следуя рекомендациям Сулова: «...разработать и осуществить мероприятия, обеспечивающие усиление партийной работы в МВД и его местных органах, а также принятие других необходимых мер для борьбы с подрывной деятельностью оппозиции и вражеской агентуры». По сути, это означало использование полицейских методов борьбы с оппозицией и вполне отражало настроения самого Андропова.

Между тем решения и идеи XX съезда КПСС продолжали воздействовать на венгерское общество, вызывая брожение и явное оживление деятельности партийных и различных социальных сил, приверженных идее демократизации общественной жизни. Съезд, как бы ни старались Ракоши и его сторонники формально отделаться от его решений, не прошел бесследно для ВПТ, нашел весьма живой отклик прежде всего в рядах партийной интеллигенции, которая с мая начала проводить по всей стране семинары и дискуссии по проблемам социалистического строительства. О них часто сообщала печать. Так, в рамках молодежного дискуссионного клуба, известного под названием Кружок им. Петефи, под эгидой партии развернулось обсуждение животрепещущих теоретических и практических проблем социалистического строительства. Радикализировал свою деятельность Союз писателей Венгрии. Все эти форумы попали в центр внимания общественности. Во время дискуссий многие ораторы поднимали весьма болезненные вопросы строительства «ре-

ального социализма», нередко подвергая резкой критике ракошистскую практику или требуя отставки Ракоши и Герё.

Информация о распространении таких настроений, естественно, доходила и до советского руководства. 29 июня 1956 г. в одном из донесений в Москву секретарь советского посольства В.А. Крючков (на базе своих бесед с венгерским журналистом Ф. Вадасом) охарактеризовал дискуссию о печати, которая проходила в переполненном Доме офицеров в присутствии более 5 тыс. человек. «Молодежь заняла все помещения здания, которые пришлось радиофицировать. Ход обсуждения принял нездоровый характер, — резюмировал Крючков. — Резко критиковалось руководство ВПТ, выдвигались требования о демократизации партийной жизни, об осуществлении дальнейших мер по реабилитации всех невинно осужденных. Причем все преподносилось под лозунгом полного претворения в жизнь решений XX съезда КПСС». Кульминация дискуссии, отмечалось в донесении, наступила тогда, когда ораторы потребовали восстановления И. Надя в партии. «В едином порыве вся масса присутствующих поднялась со своих мест и устроила бурную овацию Надю (Надь не присутствовал на этом собрании)»¹⁴. Записи Крюčkова хорошо отражали мнение самого дипломата, впрочем, как и настроения масс и молодежи, стремившихся к демократизации социализма в духе XX съезда.

Сам Ю. В. Андропов в своих донесениях в Москву в конце июня счел необходимым подтвердить не только оживление «враждебных и оппозиционных элементов», но и «нерешительность венгерских товарищей» по отношению к ним. Он сетовал на то, что на партийных и других собраниях выступают не только представители оппозиции, но и отдельные члены политбюро, что все еще имеются колебания «в вопросах использования против враждебных и оппортунистических элементов жестких мер», что даже органы госбезопасности «не проявляют должной решимости против контрреволюционных элементов»¹⁵.

Отметим, что выражение «контрреволюционные элементы» применительно к силам, отвергавшим догматический курс ракошистов и желавшим демократизировать советскую модель социализма в духе решений XX съезда, в дальнейшем все чаще стало фигурировать в донесениях советского посла из Будапешта, внедрявшего в сознание высшего советского (да и венгерского) руководства вполне определенный стереотип. К осени он вырос в официальную концепцию, исходя из которой стали характеризоваться все силы, не разделявшие позиций высшего руководства.

Эти силы, согласно июньскому донесению Андропова, «начинают вести себя недопустимо нагло», а Ракоши, Хегедюш и Герё «не принимают решительных мер против этих нездоровых проявлений»¹⁶. Вместе с тем посол пришел к заключению, что поспешное исключение Надя из партии лишает ее возможности оказывать на него необходимое воздействие. Он выразил также свое недовольство тем, что УГБ, прокуратура и милиция в последнее время занимаются почти исключительно реабилитацией людей, незаконно привлеченных к ответственности, что даже генпрокурор Д. Нонн (славившийся своими жесткими, сталинскими позициями) заявляет «о прекращении активной деятельности многочисленных врагов в результате снижения международной напряженности». Андропов рекомендовал Москве развернуть в советской печати соответствующую кампанию против правооппортунистических сил, с тем чтобы эти материалы могли быть использованы венгерской компартией. Он выражал надежду, что советы Суслова помогут в кратчайшие сроки достичь улучшения внутривнутриполитической обстановки в Венгрии.

26 июня, когда Андропов отправил в Москву свою строго секретную информацию, Ракоши уже находился в советской столице на закрытой встрече в верхах партийно-государственных руководителей социалистических стран. Секретный характер встречи, состоявшейся 22–23 июня

1956 г., был вызван обсуждением проблем военно-политического сотрудничества, положения в социалистическом лагере (экономический и политический кризис в Польше и Венгрии), а также вопросов, касающихся взаимоотношений с Югославией¹⁷. Встреча в верхах принесла Ракоши как надежду, так и разочарование.

Надежда заключалась в том, что Хрущёв и Президиум ЦК КПСС летом 1956 года начали сдерживать критику сталинизма и в то же время перед лицом назревавшего кризиса в регионе сделали шаг к возобновлению административных методов воздействия на ситуацию. В целях сохранения «единства» в руководстве компартий, целостности социалистического лагеря они были готовы прибегнуть к решительным мерам. Об этом свидетельствуют и слова из послания Хрущёва, направленного Тито после его возвращения в Белград: «Если ситуация в Венгрии будет и дальше ухудшаться, то нужно будет использовать все средства для преодоления кризиса. Советский Союз никак не может допустить, чтобы появилась брешь в линии фронта нашего лагеря»¹⁸.

Огорчение же для Ракоши принесло изменение отношений с Югославией, примирение советского руководства с Тито. Возникла парадоксальная ситуация: позиция Ракоши в глазах советских лидеров стала терять свою привлекательность в условиях, когда политический курс в СССР начал ужесточаться. Тем не менее это явление вполне объяснимо.

После завершения встречи в верхах Ракоши был принят председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым. Как вытекает из записи, сделанной Ворошиловым для Президиума ЦК КПСС, об этой беседе, Ракоши осознавал сложность своего положения после XX съезда КПСС, но был особенно обеспокоен предстоящим разбирательством дела Фаркаша на пленуме партии, явно опасаясь, что раскроется немало фактов, касающихся его личного участия в преступлениях, о которых партия не знала. Во время обмена мнениями о нормализации отно-

шений с Югославией Ракоши, как свидетельствует Ворошилов, «был заметно сдержан и сделал ряд критических замечаний в адрес югославских руководителей»¹⁹. И это естественно, ведь после на шумевшего в 1949 году процесса по «делу Райка» Тито порвал все контакты с этим «венгерским Сталиным». Призыв Ворошилова покончить с «ошибками прошлого, смелее приступать к укреплению братских связей с Югославией» в тех условиях звучал для Ракоши как многозначительное предостережение.

Возвратившись из Москвы, Ракоши приступил к масштабным и решительным акциям по наведению «порядка». На заседании политбюро и ЦР ВПТ он вновь пытался (сославшись на якобы полученные в Москве указания) доказать, что ведет партию в правильном направлении. Он попытался упрочить свое положение в этих руководящих органах и реализовать политику «твердой руки». И хотя на названных форумах ему удалось навязать руководству свою волю и получить формальную поддержку, многие все же усомнились в правильности проводимой им линии. Однако Ракоши удалось осудить деятельность Кружка им. Петефи, повторить критику реформаторских устремлений (характерно, что даже Реваи усомнился в целесообразности столь масштабных нападков на Надя и «правый оппортунизм»); была предпринята попытка убедить сомневающихся в правильности прежней политики в отношении Тито и Югославии. На заседании ЦР ВПТ Ракоши показал себя в прежнем блеске, но заметно активизировался и Герё, больше самого Ракоши требовавший проведения политики «твердой руки», сплоченности в борьбе «против врагов», мотивируя это опасностью, грозящей системе²⁰.

После этого ракошисты перешли к решительным действиям. 30 июня была запрещена деятельность Кружка им. Петефи, заработал репрессивный аппарат. Кризис, вызванный политикой самого руководства, Ракоши собирался ликвидировать с помощью массовых арестов (им был

составлен список из 400 самых авторитетных деятелей оппозиции, подлежавших аресту). И все же ситуация не благоприятствовала лидеру ВПТ. Его авторитет был окончательно подорван как изменениями в политике Москвы в отношении Тито, так и крахом собственной политической линии. Его больше не могли спасти ни ужесточение политического курса руководства КПСС, ни строгие меры против оппозиции в самой Венгрии.

Примирение советских лидеров с Тито для Ракоши оказалось «миной замедленного действия». Некоторые историки полагают, что именно югославский партийный лидер поднял вопрос о необходимости замены Ракоши на посту руководителя ВПТ. Свое отношение к Ракоши он выразил советскому руководству посредством демонстративного отказа возвращаться из Москвы в Белград через Будапешт²¹. Подобные нюансы в условиях начавшегося возрождения советско-югославских отношений не могли не учитываться кремлевским руководством. К тому же начатая ракошистами кампания «по наведению порядка» взбудоражила и без того беспокойную венгерскую общественность, что создавало опасность взрыва народного негодования.

Вышеизложенные обстоятельства, напряженная обстановка в Венгрии, а также известия, поступавшие из Польши, о восстании и расстреле рабочих в Познани вызвали озабоченность советского руководства. Осознавая, что Ракоши фактически потерял авторитет даже в собственной партии, и опасаясь возможного повторения в Венгрии польского исхода, оно срочно направило в Будапешт нового эмиссара для снятия остроты сложившейся ситуации.

13 июля 1956 г. в Будапешт с необъявленным визитом прибыл член политбюро и Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян. Его миссия явилась вторым по счету с 1953 года «экстренным оказанием помощи» коммунистическому руководству Венгрии (кстати, не без основания расцененной в стране в качестве положительного «хирургического вмешательства

ва») и была продиктована стремлением спасти безнадежно больной организм догматического социализма сталинистско-ракошистского типа. Поездка Микояна привела к такому исходу, которого давно ждала и который с радостью восприняла вся Венгрия, — М. Ракоши был снят с поста первого секретаря партии и члена политбюро (официально это произошло 18 июля 1956 г. на очередном пленуме ЦР ВПТ).

Согласно воспоминаниям А. Хегедюша, он вместе с Ракоши встречал на аэродроме высокого московского гостя. Они ничего не знали о предстоящих переменах. Микоян еще в машине, по пути следования в город, неожиданно обратившись к Ракоши, сказал: «Мы в Президиуме партии думаем, что тебе, товарищ Ракоши, сославшись на болезнь, следует подать в отставку»²². А. И. Микоян решил, однако, детально разобраться в ситуации, найти необходимую замену Ракоши. Уже утром 13 июля на закрытом заседании группы руководителей высокого ранга он довел до их сведения, что «в ЦК КПСС и во всем социалистическом лагере наблюдается беспокорство в связи с положением в Венгрии», и недвусмысленно дал понять, что недопустимо какое-либо неожиданное развитие событий. Он сказал, что ЦК КПСС «готов протянуть руку помощи венгерским товарищам» в интересах нормализации положения²³. Это было заявлено в присутствии посла Андропова. В результате четырехчасовой беседы Микояну удалось выяснить, что в стране и партии складывается «неприглядная картина», в борьбу за смещение руководства партии «вовлекаются все новые круги, вплоть до рабочих». На вопрос Микояна, почему против них не используются репрессии и аресты, Ракоши был вынужден ответить, что это сделать чрезвычайно сложно, так как репрессивные меры уже не помогут: на место арестованных встанут другие²⁴. Выяснилось также, что как в партии, так и за ее пределами наблюдается рост влияния «правых элементов», ориентирующихся на И. Надя, что укрепляются силы, которые «не могут терпеть у власти Ракоши и его сподвижников».

Микоян провел беседы и консультации с членами ЦР ВПТ и пришел к выводу, что центральной проблемой так или иначе является вопрос о Ракоши. Мнения всех опрошенных членов руководства, включая политбюро, сошлись в одном: Ракоши должен уйти. Второй вывод, сделанный Микояном, как он сообщал в Москву, состоял в том, что венгерские партийные деятели до сих пор «считали себя связанными с нашей линией по этому вопросу, переданной им от имени нашего ЦК т. Сусловым в виде заявления о том, что снятие т. Ракоши в данное время было бы подарком для американцев»²⁵. Речь шла об указаниях Суслова, данных венгерскому партийному руководству месяц назад.

14 июля, сообщая в Москву о результатах своих бесед в венгерском партруководстве, Микоян отметил: «Ракоши вел себя правильно», он созрел для того, чтобы подать в отставку. Советский представитель привел высказывание и секретаря ЦР ВПТ, члена политбюро Б. Салаи: «Ракоши необходимо исключить из руководства в интересах самой партии»²⁶. После этого был начат поиск кандидатуры на пост первого секретаря ЦР ВПТ, о чем Микоян доложил в ЦК КПСС 15 июля 1956 г. Кандидатуру Э. Герё как «наиболее подходящую» выдвинул А. Хегедюш. Но Герё отвел свою кандидатуру. Вот как изложил Микоян в своем донесении доводы, приведенные Герё в обоснование самоотвода: «Во-первых, он еврей, а было бы правильно и политически верно, чтобы первым секретарем был венгр; во-вторых, он человек больной; в-третьих, те, которые атакуют Ракоши, после его ухода переключатся на Герё, и ему будет трудно умиротворить партию на этом посту»²⁷. Ракоши, почему-то не желавший поддержать кандидатуру Герё, заявил, что если того выберут, то это будет лишь временным решением. Он заявил, что «при обсуждении вопроса о первом секретаре на пленуме ЦР не обойтись без кандидатуры Кадара». Герё тоже признал, что «самой лучшей кандидатурой в нынешних условиях» действительно была бы кандидатура

Кадара, однако добавил, что «в его прошлой деятельности имеются факты, характеризующие его отрицательно». Круг претендентов постепенно сужался.

Эмиссар КПСС работал интенсивно. Вместе с Андроповым он встречался с Кадаром и имел с ним трехчасовую беседу. Микоян выяснял его мнение о положении в партии и стране, интересовался его прошлым. «Я, конечно, ему не говорил ничего о предположительном уходе Ракоши и о возможном выдвижении Кадара в секретари ЦК»²⁸, – сообщил Микоян в Москву. Беседа с Кадаром дала много полезной информации о ситуации, сложившейся в стране.

Кадар (согласно донесению Андропова) рассказал Микояну о полной потере доверия к Ракоши, об опасениях, что тот и Герё, «играющие решающую роль в политбюро, могут вновь допустить повторение прежних ошибок» в деле соблюдения социалистической законности и, воспользовавшись ситуацией, «проведут поворот к прежней практике произвола и репрессий». По мнению Кадара, «об антисоветских настроениях в Венгрии делать выводы нельзя»²⁹.

Микоян в своей шифротелеграмме в ЦК КПСС об этой беседе, в частности, сообщал: «Впечатление о Кадаре положительное. Видно, что он прямой, открытый и правдивый человек, имеет свое мнение по всем вопросам, в курсе всей политики. По его выводу, актив партии не доверяет Ракоши, а также и Герё. Все считают, что реабилитация арестованных, прекращение режима террора в партии – все это произведено под давлением, под нажимом со стороны как Москвы, так и низов. Все боятся, что если обстановка несколько изменится, в частности международная обстановка, то Ракоши и Герё снова приступят к новым арестам, репрессиям и восстановят свой режим произвола. После 1953 года они имели полную возможность исправиться, однако они это делали нехотя, зигзагами, каждый раз под нажимом. Если бы они честно исправились, тогда или сразу после XX съезда, то не было бы нынешнего кризиса в пар-

тии и не было бы такого недовольства против Ракоши, Герё и Фаркаша»³⁰.

Миссия Микояна (как и Суслова в июне) все же не достигла тех результатов, которые могли бы быть в случае полного отстранения от руководства всего дискредитировавшего себя проракошистского крыла. Хотя формально Микоян и не вмешивался в процесс выбора нового лидера партии (он не присутствовал на том заседании политбюро), а когда с ним хотели согласовать новые наметки его состава, отделался замечанием, что, мол, венгерские лидеры «лучше понимают свои дела», он фактически одобрил предложение политбюро избрать первым секретарем Э. Герё, а секретарями ЦР ВПТ И. Ковача и Я. Кадара. Он считал, что Кадар фактически станет вторым секретарем ЦР ВПТ³¹.

Пленум ЦР ВПТ, начавший свою работу 18 июля 1956 г. с участием Микояна, узаконил «отзыв» М. Ракоши с поста лидера партии. Его отставку поддержали все выступавшие, и формально он ушел с принятой тогда формулировкой «по состоянию здоровья». Выдвижение на этот пост Герё не поддержали лишь два члена политбюро. Один из них, З. Ваш, предсказывал, что в случае его избрания через полгода вновь нужно будет решать проблему, аналогичную сегодняшней, — проблему Герё³². Большинство членов политбюро также выражали свое недовольство методами работы, грубостью и нетерпимостью выдвигаемого кандидата к людям, но партийный форум все же не отказался от кандидатуры Герё. Видимо, ракошистская гвардия партийных лидеров в его лице видела гаранта продолжения прежнего курса.

Выступление Микояна на пленуме касалось общих политических проблем. Он выразил озабоченность ЦК КПСС положением в Венгрии, обратил внимание на то, что желательнее сделать выводы из познаньских событий и не допустить повторения чего-либо подобного; рассказывая о событиях в Польше, Микоян сравнил проводимые в Венгрии

дискуссии в рамках «Кружка им. Петефи» с «идеологической Познанью без выстрелов». Там, сказал он, тоже не было «прямых контрреволюционных выходов», как и здесь, в «Кружке им. Петефи», не выдвигаются контрреволюционные лозунги, что снижает бдительность венгерских коммунистов. Он подчеркнул, что смягчение международной обстановки, лозунг мирного сосуществования не исключают, а, наоборот, предполагают усиление борьбы с враждебными идеологией и взглядами³³.

Состоявшиеся выборы, хотя и подтвердили отставку Ракоши с поста лидера ВПТ, в целом все же свидетельствовали о сохранении прочных позиций догматического крыла в высшем партийном руководстве. Герё стал первым секретарем партии, а для его поддержки в политбюро были введены два сталиниста — Й. Ревай и министр внутренних дел Л. Пирош, что обеспечивало перевес консервативных сил. В Секретариате ЦР их было абсолютное большинство, лишь один Кадар выступал за политические перемены³⁴.

Все это показывает, что меры, принятые в результате миссии Микояна, хотя и способствовали смене в партийном руководстве самой одиозной фигуры, все же не могли привести к кардинальному решению проблемы и преодолению общественно-политического кризиса в партии и стране. По сути, как и во время визита Суслова, решения оказались половинчатыми, что объяснялось природой самой системы.

После пленума Э. Герё удалился на два месяца отдыхать. И. Ковачу с благословения Микояна было поручено провести за это время «некоторую чистку аппарата от элементов, оппозиционно настроенных» к ЦР ВПТ. Эту работу, как считал Микоян, докладывая Москве, лучше выполнить не Кадару, а Ковачу, так как именно подлежащие сокращению «работники аппарата ЦК выдвигали Кадара в состав политбюро и его все время поддерживали. Кадару будет с ними трудно расстаться»³⁵.

Итак, важное и нужное «хирургическое вмешательство» КПСС в венгерские дела завершилось не только снятием с поста, но и немедленной отправкой в Москву бывшего «хозяина» Венгрии, чтобы тот не мешал новому руководству. И все же, как показали последующие события, этого оказалось явно недостаточно, чтобы остановить процесс назревания острого политического кризиса.

Ситуация, сложившаяся в ВПТ, частичное обновление ее руководства и действия, направленные на сохранение прежних порядков, готовность лишь к незначительным переменам, естественно, не могли удовлетворить потребности общественности, ожидавшей обещанной демократизации или хотя бы частичной либерализации режима в духе решений XX съезда КПСС. Герё, личность которого символизировала формальный характер перемен на политическом Олимпе, оказался неспособным понять, а тем более удовлетворить насущные потребности страны, и прежде всего ее демократических сил.

Андропов, 30 августа 1956 г. информировавший Президиум ЦК КПСС о том, что после пребывания в Будапеште Микояна внутривластная напряженность несколько ослабла, вынужден был признать, что «ситуация все еще достаточно сложна и заслуживает большого внимания»³⁶. На сей раз он уже перестал защищать позиции снятого с поста Ракоши и признал, что «партийное руководство, и прежде всего товарищ Ракоши», были виновны в том, что в стране не выполнялись решения XX съезда. Виновниками напряженной ситуации в стране посол, однако, по-прежнему считал «враждебные элементы» из интеллигентской, в том числе писательской, среды, которые в своем донесении в Москву называл «демагогическими контрреволюционными» силами.

Нет сомнения, что реформаторы в ВПТ и за ее пределами, имея за своими плечами хоть и погубленный, но все же важный первый эксперимент по некоторой демократизации социализма, по-прежнему играли роль двигателя пере-

мен и, возможно, сами того не осознавая, оказывали идейное влияние на широкие массы и тем самым готовили их к предстоящим действиям. Разумеется, коммунисты-реформаторы стремились лишь к некоторой корректировке, но никак не к уничтожению коммунистического режима. Устремления венгерских реформаторов, однако, как и прежде, встречали непонимание и ярое сопротивление со стороны догматического большинства в высшем партийном руководстве, что и обостряло ситуацию в стране.

Советское руководство, очевидно, больше осознавало сложность ситуации, чем сам Герё и лидеры ВПТ. Характерно, что летом — осенью 1956 года в Кремле уже допускали возможность даже силового воздействия на развитие событий в Венгрии и в Польше. Так, после июньского совещания руководителей компартий в Москве Хрущёв писал Тито, что если венгерская ситуация будет ухудшаться, то для преодоления кризиса не исключается использование любых средств³⁷. При этом он подчеркивал, что Советский Союз не может допустить, чтобы была пробита брешь в системе. Венгрию же считали слабым звеном в ней.

В сентябре 1956 года Андропов уже докладывал в Москву о своих опасениях в связи с попытками ревизии марксизма-ленинизма в Венгрии, «происками реакционной интеллигенции», направленными на «отрыв Венгрии от Советского Союза и на замену советского влияния югославским». Он обращал внимание на скопление «антипартийных элементов вокруг Имре Надя», на недооценку ЦР ВПТ растущей опасности на идеологическом фронте. Со ссылкой на его донесения заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко, обращаясь в Президиум ЦК КПСС, уже писал об опасности, которая «грозит единству социалистического лагеря»³⁸.

В Венгрии осенью 1956 года действительно сложилась взрывоопасная ситуация, которую партийно-государственное руководство во главе с Герё и премьером А. Хегедюшем не сумело предвидеть и разрядить. Над ним тяготел груз

всей ракошистской эпохи. На отказе от такого наследия на сей раз настаивали не только коммунисты-реформаторы, но и широкие народные массы. Выразителями этих устремлений выступили прежде всего студенты крупнейших городов Венгрии (Будапешта, Дебрецена, Мишкольца, Сегеда, Сомбатхея, Печа и др.), которые с 16 октября начали выдвигать свои требования (отказ от изучения марксизма-ленинизма, от сталинских методов управления страной и др.), настаивая на переустройстве политической системы на демократических началах. Требования студентов все больше радикализировались.

22 октября 1956 г. в Будапештском политехническом университете к сформулированным студентами обычным требованиям – созыв партсъезда, удаление сталинистов из руководства, расширение социалистической демократии, возвращение на пост премьера И. Надя, отказ от чрезмерных и губительных для крестьянства госпоставок сельскохозяйственной продукции и др. – прибавились такие, которые выражали национально-демократические устремления: предоставление гражданских прав, разрешение многопартийности, проведение свободных выборов, возвращение старой национальной символики. Среди требований будапештских студентов появились и такие, как нормализация советско-венгерских отношений на основе равноправия и принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, а также вывод советских войск из Венгрии в соответствии с положениями Парижской мирной конференции 1947 года.

23 октября 1956 г. венгерские студенты решили выйти на митинг солидарности с польскими трудящимися, в борьбе против сталинизма добившимися прихода к власти нового правительства, которое возглавил В. Гомулка.

Ситуации в Венгрии и действиям правящей партийной элиты решили дать оценку и венгерские писатели, также сформулировавшие свои требования. 23 октября газета Союза венгерских писателей опубликовала обращение, в

котором, в частности, говорилось: «Руководители партии и государства до сих пор не представили жизнеспособной программы. Ответственность за это несут те силы, которые вместо развития социалистической демократии упрямо продолжают организовываться ради восстановления сталинско-ракошистской террористической системы». Венгерские писатели сформулировали волеизъявление венгерской нации в нескольких пунктах, из которых к сфере внешней политики относились следующие: «1. Проводить самостоятельную национальную политику на основе идей социализма. Урегулировать наши отношения со всеми странами на ленинских принципах, и прежде всего с Советским Союзом и другими странами народной демократии. Пересмотреть межгосударственные и экономические соглашения под знаком равноправия наций. 2. Покончить с национальной политикой, мешающей дружбе народов. Мы хотим, чтобы дружба с союзниками — с Советским Союзом, с народно-демократическими государствами — была искренней и правдивой. Это возможно лишь при реализации ленинских принципов»³⁹.

Решимость студентов провести 23 октября демонстрацию вызвала особое беспокойство высших властей. Партийно-государственное руководство, представители которого только что вернулись из Белграда, не отдавало себе отчета в сложившейся в стране обстановке, не осознавало степени накала политического кризиса, возросшего недовольства масс. К тому же оно оказалось в полной растерянности, было напугано и склонялось только к силовым действиям. Подтверждением тому служит протокол первого же после возвращения из Белграда заседания Совмина Венгрии. Выступивший там премьер Хегедюш признал необходимость «дальнейшего строительства социалистической демократии», обещал дать соответствующую программу. Но все же он не понимал, что назревшие проблемы требуют неотложного решения. Свидетельством того, что высшее руководство не понимало этого, является намерение провести лишь

через восемь дней заседание ЦР ВПТ для выработки конкретной программы действий. Только вице-премьер Ф. Эрдеи и министры Й. Богнар и И. Дарваш настаивали на перенесении заседания на более ранний срок, мотивируя это тем, что «настроение масс не позволяет выжидать»⁴⁰.

К требованиям, выдвинутым массами, студенческой демонстрацией, партийные власти оказались неподготовленными. Собравшееся на свое заседание политбюро ЦР ВПТ колебалось. Министр внутренних дел Л. Пирош по указанию сверху то запрещал, то разрешал демонстрацию студентов.

Обстановка в стране вызывала беспокойство и у советского руководства, заблаговременно принявшего меры по приведению в повышенную боевую готовность воинских частей, расквартированных в Венгрии и прилегающих к ней Румынии, Чехословакии, Закарпатья и Прикарпатского военного округа. 23 октября генералы армии – глава КГБ СССР И. А. Серов и первый заместитель начальника генштаба Советской Армии М. С. Калинин уже находились в Венгрии: первый – в УГБ, а второй – в расположении командования советских войск.

Когда перед венгерским руководством встал вопрос о невозможности воспрепятствовать проведению демонстрации мирными средствами, то начальник милиции Будапешта Й. Силади в присутствии Серова отказался дать согласие на использование подведомственных ему формирований для вооруженного разгона демонстрантов. Лишь ракошистский идеолог Й. Ревай и новый член партруководства вице-премьер Д. Марошан открыто заявили: «Если потребуется, мы будем стрелять»⁴¹.

23 октября студенты и присоединившиеся к ним жители Будапешта вышли на демонстрацию, требуя удаления «символа сталинистской тирании и политического подавления» – памятника Сталину, возвращения на родину Ракоши, нашедшего убежище в СССР, с тем чтобы тот пред-

стал перед судом за свои преступления и антинародные действия⁴².

Демонстрация и митинги 23 октября прошли мирно, но вечером после завершения трудового дня у здания парламента собрались сотни тысяч представителей разных социальных групп, включая рабочих крупнейших промышленных предприятий Будапешта. Они требовали, чтобы перед ними выступил опальный Имре Надь, настаивали на возвращении его на пост премьер-министра страны и продолжении его реформ. Они ждали также заранее объявленного на 20 часов выступления лидера партии Э. Герё, надеясь получить от него конкретные обещания. Однако их постигло разочарование. Кумир масс И. Надь (которого по просьбе высших партийных органов с трудом, но все же удалось уговорить прибыть к парламенту и обратиться к людям) призвал собравшихся доверить решение всех проблем партруководству и мирно разойтись по домам. Выступление же Герё по радио было перенасыщено привычной партийной фразеологией. Лидер партии не изъявлял никакой готовности пойти навстречу справедливым требованиям народа, демократических сил, к тому же пригрозил собравшимся и оскорбительно отозвался об участниках массового митинга.

Демонстранты уходили с площади недовольными, возмущенными. В толпе слышались крики: «Долой Герё!» Часть демонстрантов отправилась к памятнику Сталину и самовольно приступила к его демонтажу; другая часть во главе со студентами отправилась к зданию радио, надеясь встретиться там с Герё и объяснить ему свои позиции, добиться передачи по радио своих требований. Руководство радио в духе прозвучавшего выступления партийного лидера не пожелало разговаривать со студентами, не разрешило огласить студенческие требования в эфире. На попытку студентов проникнуть в здание отряды безопасности ответили огнем. Пролилась кровь... Оскорбленные и возмущенные

люди на кровавый акт ответили разоружением группы солдат, прибывшей для поддержки охраны здания. Кровапролитие, жертвы среди мирных граждан вызвали возмущение со стороны отдельных милиционеров и военных, которые встали на сторону масс.

Началось восстание...

Следует отметить, что ни Герё, ни другие члены венгерского партийно-государственного руководства, ни возглавляемая Хрущёвым КПСС, ни советские лидеры в целом не ожидали такой ответной реакции народа, такого стремительного и бурного развития событий в Будапеште. Весть о вооруженном восстании, вероятно, поразила их.

Ночью под воздействием народного восстания партийные власти Венгрии принимали срочные меры по пополнению высшего руководства людьми из демократического крыла партии в расчете на то, что с их помощью удастся успокоить разбушевавшиеся массы. И. Надь, после своего выстуления оставшийся по просьбе партийной верхушки на заседаниях политбюро ЦР ВПТ, был срочно восстановлен в высшем руководстве, а затем по предложению ЦР назначен Президиумом ВНР на пост председателя Совмина вместо А. Хегедюша. Это вынужденное и запоздалое кадровое решение уже не смогло переломить развитие событий. Не могло и введение чрезвычайного положения.

Лидер ВПТ Э. Герё, еще раньше встревоженный ростом численности демонстрантов, в очевидном страхе перед угрозой, нависшей над режимом, обратился к советским политическим деятелям за помощью, поднимая вопрос о вооруженном вмешательстве. Он явно надеялся на то, что меры устрашения, и особенно введение в Будапешт советских танков, успокоят страсти и заставят людей разойтись. Определенная подготовленность войск к вмешательству независимо от этого существовала и с советской стороны, так как Москва располагала соответствующей информацией о ситуации.

Кто именно из венгерских политических деятелей и в какой форме пригласил советские войска в Будапешт, оставалось долгое время неясным. Нет, однако, сомнения в том, что военному вмешательству СССР положили начало, с одной стороны, телефонные звонки самого Герё, а с другой — поступавшие из Будапешта донесения. Венгерскими историками установлено, что 23 октября Герё попросил по телефону Андропова и военного атташе посольства о помощи, а о вмешательстве распорядилось командование группы войск с согласия главного советника — генерал-лейтенанта М.Ф. Тихонова, находившегося при министерстве обороны ВНР⁴³.

О просьбе венгерского руководства оказать ему помощь 24 октября утром сообщило и Будапештское радио, однако без указания конкретного лица, обратившегося за помощью. Согласно венгерским источникам, официальное оформление данной просьбы состоялось лишь 27 октября. Тогда Андропов и Герё обратились к И. Надю с просьбой подписать документ о приглашении советских войск в венгерскую столицу. Под текстом стояла дата — 24 октября. Надь тогда отказался подписать документ, мотивируя это тем, что в момент принятия данного решения он не занимал никакой ответственной должности⁴⁴. Сам же Э. Герё, как лидер ВПТ, юридически не обладал государственными полномочиями и, согласно международным нормам, не имел права подписывать такой документ. Лишь 28 октября Андропов, получивший наконец подпись под предлагаемым им текстом приглашения советских войск «для ликвидации возникших в Будапеште беспорядков, для быстрого восстановления порядка и создания условий для мирного, созидательного труда», шифротелеграммой известил об этом московское руководство. Под этим важным для Москвы документом, оформленным 28 октября, была обозначена дата — 24 октября 1956 г. — и поставлена подпись А. Хегедюша⁴⁵, с 24 октября уже отстраненного с поста премьер-министра страны.

Согласно найденным в Праге архивным документам, Н. С. Хрущёв лично подтвердил, что 23 октября, вскоре после того как он имел телефонный разговор с Герё, Г. К. Жуков сообщил ему о срочной просьбе последнего, обратившегося к советскому военному атташе посольства СССР в Будапеште об оказании помощи в целях разгона «демонстрации» небывалого масштаба⁴⁶. Президиум ЦК КПСС тогда еще не давал «добро» на использование советских войск. Это произошло лишь после того, как вскоре вновь позвонили из Будапешта и доложили «об исключительно опасной ситуации и необходимости советского вмешательства». Между Хрущёвым и Герё состоялся повторный разговор по телефону. Советский лидер сначала просил соответствующего письменного обращения от правительства Венгрии, но в тех условиях Герё считал невозможным собрать заседание Совмина. Тогда Хрущёв предложил, чтобы Хегедюш сделал это позже. И хотя это так и не было сделано, а документ был подписан одним лишь Хегедюшем несколько дней спустя, военное вмешательство произошло. «Ситуация сложилась таким образом, — отмечается в чехословацком источнике со ссылкой на слова Хрущёва, — что Жуков получил приказ занять Будапешт силами советских войск, расквартированных на территории Венгрии и в Ужгороде»⁴⁷.

Под впечатлением настойчивых звонков Герё и информации, поступавшей из посольства в Будапеште, Президиум ЦК КПСС решился на военное вмешательство, имевшее тяжелые последствия как для советско-венгерских отношений, так и для международной обстановки в целом. Отказ от силового давления, от защиты потерявшей влияние партийной элиты, от прямого силового воздействия на события, то есть от вмешательства во внутривнутриполитические дела Венгрии, трезвое и взвешенное политическое решение проблем, связанных с кризисом власти, на демократических принципах (а такая возможность явно существовала)

могли бы предотвратить трагедию. В этом случае удалось бы избежать жертв как с одной, так и с другой стороны.

После решения Президиума ЦК о вмешательстве маршал Жуков отдал приказ советским войскам войти в Будапешт⁴⁸. 24 октября на рассвете они уже вступили в город.

В тот же день министр обороны СССР Г.К. Жуков и командующий советскими войсками в Венгрии маршал В.Д. Соколовский доложили ЦК КПСС о конкретных действиях по «оказанию помощи» против «политических беспорядков в стране»⁴⁹. Согласно их донесению, 23 октября в 23 часа пять дивизий, расположенных в Венгрии, Румынии и Закарпатье, были подняты по тревоге. Главные силы Особого корпуса в Венгрии с 2 до 4 часов по местному времени уже вошли в Будапешт и взяли под свой контроль важнейшие объекты венгерской столицы, очистили район радиостанции от повстанцев. Следует отметить, что советские войска тогда не встретили какого-либо сопротивления.

Демонстрация силы была призвана устрашить «мятежных венгров». Появление танков, разгон демонстрантов, однако, лишь усугубили положение в стране. Эти умиротворяющие действия способствовали выдвиганию новых лозунгов и требований, направленных на выведение из страны советских войск, оказавших поддержку потерпевшему крах венгерскому партийному руководству.

Вслед за войсками 24 октября в Будапешт в срочном порядке прибыли считавшиеся компетентными в венгерских делах два члена Президиума ЦК КПСС — Микоян и Сулов. Приземлившись недалеко от столицы, они тотчас же на бронемашинах в сопровождении танков поспешили в Будапешт. В своем первом донесении в ЦК КПСС они сообщили, что дороги, ведущие в столицу, сам город переполнены советскими танками и другой техникой, однако венгры стоят спокойно небольшими группами и наблюдают за передвижением советских колонн; некоторые из них были озабочены, другие улыбались, то есть не наблюдалось враж-

дебного отношения к ним. Правда, как отмечается в том же документе, по признанию партийного лидера Э. Герё, появление советских частей в городе оказало на настроение жителей, включая рабочих, отрицательное воздействие⁵⁰. Прибывшие для оказания помощи венгерскому партийно-политическому руководству посланцы Кремля пришли к выводу, что ситуация в Венгрии не столь тяжела, как об этом докладывал Андропов накануне. Их оценка создавшегося положения была более оптимистичной, чем высказывавшаяся самим Герё и его сторонниками. Микоян и Суслов выразили уверенность в том, что советские части вместе с отрядами венгерской безопасности быстро справятся с «нарушителями порядка».

Они полагали, что демонстрация силы, быстрое подавление стихийно возникших точек сопротивления, организованные ими выступления известных партийных и общественных деятелей по радио, создание «революционных рабочих отрядов» помогут быстрому наведению порядка в стране. Они рассчитывали на полное взаимопонимание с высшим венгерским руководством относительно силовых методов воздействия. В их присутствии никто из венгерских политических деятелей не оспаривал целесообразность советского военного вмешательства в ход событий. Первые впечатления Микояна и Суслова были поэтому благоприятны, рождали уверенность в том, что венгерское руководство сможет удержать ситуацию под своим контролем. В таком духе они докладывали и своему руководству. В Москве эта информация вызвала некоторое облегчение⁵¹. Вместе с тем они были вынуждены признать, что положение может оказаться более сложным, чем казалось вначале, так как на улицах среди недовольных политикой руководства и «участовавших в беспорядках» были далеко не только «фашистские элементы», «крикуны и свистуны», как это представлялось по официальным сообщениям из Будапешта, но и «часть рабочих, особенно из числа молодежи». В этой связи

Микоян уже 26-го числа был вынужден доложить в Москву, что хотя сопротивление подавлено, но «мирное народное движение продолжает нарастать»⁵². Он также не скрывал, что Герё не пользуется популярностью и часто слышатся требования о его снятии с поста руководителя партии.

Часть людей в венгерском руководстве тем не менее оставалась сторонниками наведения порядка силой, полагалась на советские войска и собственные органы безопасности. В ночь на 24 октября был создан специальный военный комитет ЦР ВПТ. Другая, меньшая, часть руководства высказывалась за решение проблемы мирными средствами, путем политических уступок и демократизации режима. Те, кто придерживался такой позиции, понимали, что массы на улицах не доверяют Герё и поэтому нужны срочные меры, и прежде всего безусловная смена руководства. Сам Герё чувствовал необходимость этого, о чем сообщил Микояну и Сулову сразу же по их приезде в Будапешт. Он сказал, что усиливаются голоса против него как первого секретаря даже в партийном руководстве, что народ обвиняет во всем случившемся его⁵³.

Москва через своих эмиссаров постоянно получала информацию о ситуации в стране и в венгерском руководстве. В ЦК КПСС в первый же день узнали о том, что Герё потерял авторитет даже среди партийных деятелей. Политическое руководство Венгрии встречалось со все чаще прибывавшими делегациями рабочих, студентов, интеллигенции, провинциальных партийных комитетов, требовавшими его отставки. И. Надь в беседе с советскими эмиссарами также подтвердил это. Герё не мог избавиться от прежних порочных методов управления. 23 октября вместо того, чтобы попытаться мирно урегулировать обострившийся конфликт (в тех условиях это было вполне возможно), он стал угрожать, «махать дубинкой», что существенно осложнило положение дел в стране. Москва, предвзято информированная о положении дел в Венгрии и, кроме того, чувствующая уг-

розу распространения «непослушания» в соцлагере, сочла возможным и нужным вмешаться. Комплекс этих обстоятельств и другие факторы привели в итоге к трагическим последствиям и к обострению ситуации в стране. После провокационного массового расстрела безоружных демонстрантов 25 октября на площади возле здания парламента (там остались сотни убитых и тысячи раненых) стала очевидна несостоятельность дальнейшего пребывания партийного лидера Э. Герё на своем посту.

В тот же день, 25 октября, вопрос о замене Герё встал на заседании политбюро, где в присутствии Суслова и Микояна было принято решение о его смещении с поста первого секретаря ЦР ВПТ. Его место занял Я. Кадар. Докладывая об этом ЦК КПСС, советские представители обратили внимание на усугубление положения в стране, в том числе в провинциальных городах, где начались многолюдные митинги, протесты против массового расстрела возле парламента, выдвигались различные требования, демонстранты настаивали на отставке Герё. По утверждению А. Хегедюша, Микоян на этом заседании назвал Герё виновным в восстании 23 октября и от имени Президиума ЦК КПСС сам рекомендовал заменить его Кадаром⁵⁴. В донесении советских представителей в Москву было подчеркнуто также, что в последующих массовых выступлениях в Венгрии появилось новое требование — о выводе советских войск из страны⁵⁵.

В тот же день был принят ряд мер по расширению состава ЦР ВПТ за счет кооптированных членов, приверженных идее демократизации.

Народное восстание, переросшее в революционную борьбу под национально-демократическими лозунгами, заставило правящую партию принять меры, которых долго добивалось ее реформаторское крыло. Запоздалое решение об удалении из руководства ВПТ ярых догматиков-консерваторов (оно касалось половины избранных летом 1956 г. членов политбюро), хотя и привело к преобладанию в высших

органах партии сил, склонных к переменам, в новых условиях уже не могло кардинально изменить ситуацию. Время было упущено, а события 25 октября еще больше накалили внутривластную обстановку в стране. Правда, избрание Кадара на пост лидера ВПТ позволило правительству Надя сделать конкретные шаги в направлении ликвидации кризиса демократическим путем. Согласно донесению Микояна, даже массы все настойчивее требовали изменений, в том числе в составе правительства. Отказ удовлетворить эти требования, продолжение сопротивления массам при опоре на Советскую Армию, подчеркивал посланник Кремля, были бы чреваты потерей доверия мирного населения, привели бы к новым жертвам и углубили бы разрыв между правительством и населением⁵⁶.

Созданное 25 октября второе правительство И. Надя приобрело черты правительства Народного фронта. В него вошли такие политические деятели, как А. Апро, Й. Богнар, Ф. Эрдеи — заместители премьера, З. Тильди, Г. Лошонци, Я. Кадар — государственные министры, и 21 министр. Правительственная программа отражала намерение демократизировать общественную жизнь, строить социализм и обеспечивать национальную независимость. Следует отметить, что Надя не стремился ввести в состав правительства большое число своих явных сторонников. Кадар же тогда твердо заверил Микояна, что в новом правительстве нет «контрреволюционных элементов», все его члены — достойные люди, твердо стоящие на позициях социализма и демократии, к тому же «решающие позиции находятся в руках партии, а введение нескольких некоммунистических деятелей в правительство поможет ему привлечь к себе народные массы»⁵⁷.

Присутствие в стране советских войск, их участие в подавлении восстания способствовали тому, что наряду с демократизацией внутренней жизни на передний план требований повстанцев все чаще стали выдвигаться вопросы

национального суверенитета и вывода советских войск из страны. Об этом докладывали в Москву 25 октября Микоян и Суслов, обращая внимание на то, что такие требования приобретают массовый характер. В то же время они заявляли венгерским руководителям, что ни в коем случае нельзя поднимать вопрос о выводе советских войск из Венгрии, так как это означало бы ввод американских частей в страну. Мы сказали, докладывали они в ЦК КПСС, что можно заявить: советские войска, «как только будет восстановлен порядок в Будапеште, возвратятся в прежние места их дислокации»⁵⁸.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Первоначально среди студенческих лозунгов и требований демонстрантов 23 октября не фигурировал пункт о выводе советских войск (он присутствовал только среди требований студентов Будапештского политехнического университета). Затем под влиянием новых условий, изменившегося настроения улицы, после трагического решения политического руководства о введении в Будапешт советских войск и их вступления с целью подавления возникших очагов сопротивления, то есть после вооруженного вмешательства в ход событий, с 24 октября начали все чаще звучать такие призывы и требования.

Новый глава правительства — И. Надь — лишь под давлением масс в целях смятения напряженности, в интересах прекращения вооруженных стычек был вынужден от имени правительства заявить (в одном из своих выступлений по радио 25 октября с одобрения ЦР ВПТ), что между ВНР и СССР «на основании венгеро-советской дружбы, пролетарского интернационализма, а также равноправия коммунистических партий и социалистических стран, на базе национальной независимости» будут начаты переговоры о взаимоотношениях, включая вопрос о выводе «советских вооруженных сил, расквартированных в Венгрии»⁵⁹. «Я убежден, — отмечал глава Совмина, — что венгеро-советские отношения, построенные на этой основе, станут

прочной базой искренней, правдивой дружбы, национального развития и социалистического будущего»⁶⁰. Советские войска, «участвовавшие в боях в насущных интересах нашей социалистической системы», как пообещал Надь, будут выведены «незамедлительно после восстановления мира и порядка»⁶¹.

Заявление И. Надя по радио не встретило одобрения со стороны высоких советских представителей, которые упрекнули его за самовольное, заранее не согласованное с ними «обещание начать переговоры с Советским Союзом о выводе советских войск из Венгрии». Подчеркивалось, что советская сторона не может согласиться на такой шаг⁶². Надь, как говорилось в донесении Микояна и Суслова в Москву от 26 октября, в присутствии членов политбюро ЦР ВПТ заявил в ответ, что основные положения его выступления были согласованы с политбюро. Данный факт подтвердил и Э. Герё, сказав, что с учетом требования рабочих масс, особенно из крупных промышленных центров, ряда парторганизаций, Дебреценского и Мишкольского обкомов партии они были вынуждены включить это в текст выступления Надя, по их мнению, «в довольно мягкой формулировке». Микоян и Суслов тут же довели до сведения венгерского руководства, что данное обещание считают «самой грубой ошибкой, так как вывод советских войск неизбежно приведет за собой введение американских частей». После этого Надь и Кадар пообещали советским представителям не включать в официальный текст обращения ЦР и Совмина обещание о выводе советских войск из страны⁶³.

Эмиссары КПСС и советского правительства доложили в Москву, что, в отличие от большинства членов ЦР ВПТ, И. Надь колеблется и его «оппортунистическая натура» не ведает, что пора остановиться с уступками. В свою очередь, они предупреждали венгерских лидеров, что «в дальнейшем не может быть никаких уступок, так как в противном случае это приведет к потере власти»⁶⁴. Следует учитывать,

однако, что ни правительство, ни ЦР ВПТ не смогли противостоять растущим требованиям, поступавшим из различных регионов страны, где по мере охвата восстанием большинства территорий возникали различные революционные органы на местах (революционные, национальные комитеты, рабочие Советы, независимые общественные и политические организации), которые так или иначе вынуждали правительство на новые уступки и все более радикальные действия.

Как свидетельствуют протоколы заседания ЦР ВПТ за 26 октября, партийные лидеры начали все больше осознавать и признавать, что происходящее в Венгрии нельзя больше считать «сплошной контрреволюцией». «Против нас, по сути, теперь уже стоят рабочие массы» — к такому выводу пришел новый лидер партии Я. Кадар. Секретарь ЦР ВПТ Ф. Донат сказал, что выступление десятков тысяч рабочих нельзя больше расценивать как результат влияния контрреволюции. В подавляющем большинстве случаев речь идет «о массовом демократическом движении»⁶⁵. Если А. Хегедюш, И. Ковач, А. Апро настаивали на ликвидации центров сопротивления силой оружия, то З. Ваш, Ф. Донат и др. высказывались за преодоление противостояния с массами с помощью переговоров, считая, что продолжение вооруженной борьбы равносильно «выступлению против самого народа». Член Военного комитета ЦР ВПТ Л. Фёлдеш констатировал: «С 7 часов утра мы уже не стреляем (в народ. — *Б.Ж.*)»⁶⁶.

Просьба Микояна и Суслова была учтена в тексте Заявления ЦР ВПТ, обращенного к народу. Второй пункт был сформулирован следующим образом: «Новое правительство начнет переговоры с Советским правительством в интересах урегулирования отношений между нашими странами. Первым шагом на этом пути после восстановления порядка станет незамедлительное возвращение советских частей на свои базы. Полное равноправие Венгрии и Советского Союза

отвечает интересам обеих стран, ибо только на такой основе может строиться подлинно братская и нерушимая венгеро-советская дружба. На такой основе формируются сейчас также отношения между Польшей и Советским Союзом»⁶⁷.

Правительство И. Надя встало на позицию урегулирования конфликта с повстанцами мирными средствами. Оно призвало к прекращению огня, объявило амнистию для тех, кто сложит оружие. Свободу действий правительства и демократических сил в самой партии существенно ограничивало присутствие хотя и снятых с должностей, но еще не отстраненных от руководства Герё и его сторонников (бывших премьер-министра А. Хегедюша, министра внутренних дел Л. Пироша, министра обороны И. Ваты). По признанию того же Хегедюша, своим присутствием в руководстве они, по сути, создавали ситуацию своеобразного двоевластия. Ведь Надь во всем должен был считаться с ними, с мнением самого Герё и верных ему коллег, а также с их вооруженной охраной. Характерно, что связь с советскими лидерами Надь по-прежнему мог осуществлять только через Герё⁶⁸. Лишь 28 октября, в условиях растущего недовольства широкой общественности, требовавшей предать суду обанкротившихся политических деятелей, по предложению Надя и Андропова их срочно эвакуировали в СССР, чтобы спасти от народного гнева⁶⁹.

Вместе с тем продолжало оказываться давление на правительство и снизу, с тем чтобы оно выполнило три основных требования: а) вывод советских войск; б) формирование правительства на коалиционной основе; в) роспуск ставших ненавистными для народа органов госбезопасности (главных виновников массового расстрела 25 октября у парламента). Союз писателей Венгрии выступил с требованием немедленно прекратить огонь и предложил объявить амнистию участникам боев и отвести советские войска в казармы. Представительная делегация рабочих области Боршод подала петицию с требованием вывести советские

войска из страны до начала 1957 года, а также вывести Венгрию из ОВД⁷⁰. Радиостанция рабочего Совета г. Мишкольца 26 октября призывала Надя «воспользоваться народным доверием и отправить домой советские войска, не допустить дальнейшего кровопролития ни в Будапеште, ни в других местах». «Мы настоятельно требуем, — говорилось в передаче, — чтобы советские войска немедленно прекратили бои и в сжатые сроки покинули территорию Венгрии»⁷¹. На следующий день по радиостанции г. Дьёр прозвучало обращение рабочих Советов области к рабочим крупных венгерских городов: «Обращайтесь к войскам Советского Союза и на русском языке, чтобы они не подавляли справедливую борьбу венгерского народа за свободу. Мы желаем считать Советский Союз своим другом, но не хотим зависеть от него и не хотим воевать против них»⁷². К премьеру прибывали делегации из разных регионов страны, информировавшие его о положении на местах. Требования немедленного прекращения огня и вывода советских войск стали повсеместными.

К 28 октября правительство Надя встало перед дилеммой: либо полная конфронтация с народом, либо попытка примирения на основе удовлетворения национально-демократических требований. Такая альтернатива уже возникала на заседании правительства 26 октября. События последующих дней — расстрелы мирных демонстрантов и протестующих в Мишкольце, Дьёре, Эстергоме, Мошонмадьярваре, Залаэгерсеге, Кечкемете, Тисакечкеше и других городах (ныне известны 82 случая спровоцированных УГБ массовых расстрелов безоружных демонстрантов) показали, что террор не достигает цели и национальное примирение возможно лишь в результате уступок и переговоров, удовлетворения хотя бы части требований восставшего народа. Тут же были начаты переговоры с повстанцами в Будапеште.

В ночь на 28 октября в высшем венгерском политическом руководстве, а затем в посольстве СССР прошли совещания (содержание последних до сих пор остается неизвест-

ным) с участием И. Надя, после чего наступил перелом в развитии событий⁷³. Я. Кадар и большая часть венгерского руководства, а также Микоян и Суслов поддержали линию И. Надя на преодоление кризиса мирным путем. Вечером 28 октября премьер выступил по радио и пообещал удовлетворить часть требований повстанцев. Он изложил программу обновленного правительства, в котором несколько мест было выделено для не скомпрометировавших себя коммунистов, два места — для представителей бывшей некогда влиятельной Партии мелких сельских хозяев, которая получала возможность возобновить свою деятельность. Было обнародовано распоряжение правительства о немедленном прекращении огня. Прекратили боевые действия соответственно и советские подразделения. После согласования с представителями СССР правительством И. Надя были расформированы и распущены органы госбезопасности. Получили признание стихийно возникшие органы народного самоуправления — революционные и рабочие Советы. Были восстановлены национальный герб и национальный праздник 15 марта — День памяти революции 1848 года. В заявлении Надя говорилось, что, согласно достигнутой договоренности с правительством СССР, начнется вывод советских войск из Будапешта. Он пообещал также проявить инициативу в проведении переговоров с СССР о полном выводе его войск из страны.

Произошла кардинальная переоценка и самих событий, именуемых ранее контрреволюцией. Речь шла теперь о демократическом, национальном и народном движении. Характерно, что даже преданный друг СССР, известный по гражданской войне в России интернационалист, коммунист Ф. Мюнних (новый министр внутренних дел), как говорится в донесении генерала Серова в Москву, вечером 28 октября называл перед своими сотрудниками октябрьские события 1956 года «движением трудящихся за удовлетворение их справедливых требований»⁷⁴.

Правительственное заявление было встречено с одобрением со стороны населения, оно означало перелом в противостоянии между правительством и восставшим народом. Ревком венгерской интеллигенции расценил выполнение требований повстанцев о роспуске УГБ и выводе войск из столицы как «конец предательской сталинистской политики Ракоши – Герё – Фаркаша». Он выразил благодарность всем, кто «с первой минуты встал на сторону народа», а также тем солдатам и офицерам Советской Армии, которые «не проявляли склонности направить оружие против венгерского народа и его свободы»⁷⁵. Возрождавшаяся Христианско-демократическая народная партия предложила предоставить политическое убежище тем советским военным, «которые перешли на сторону венгерского народа и таким образом доказали свое недовольство террором, царящим в их стране»⁷⁶, то есть в СССР.

В Венгрии возникла новая политическая обстановка, стали складываться предпосылки для мирного диалога и преодоления противостояния, открывалась возможность мирного выхода из сложившейся ситуации.

Последующие дни прошли под знаком консолидации. И хотя повстанческие центры и революционные комитеты еще не доверяли правительству Надя и обещаниям обновленного политического центра и поэтому высказывали намерение сложить оружие лишь после отвода советских войск, признаки готовности перейти к мирной жизни все же появились сразу после 28 октября. «Перестрелка уже почти полностью прекратилась»⁷⁷, – сообщили в Москву Микоян и Суслов. С их согласия 28 октября Надя заявил о ликвидации однопартийной власти и о намерении создать кабинет министров на многопартийной основе с участием демократических сил по образцу 1945–1948 годов. Новый кабинет должен был сыграть роль правительства национального единства. Началось возрождение демократических партий, которые были вынуждены прекратить свою деятельность

в условиях ракошистской диктатуры. Создавались отряды для охраны общественного порядка, формировалась Национальная гвардия. Вскоре рабочие Советы заявили о готовности прекратить всеобщую политическую забастовку. Прибывшие в правительство делегации рабочих Советов 1–3 ноября заверяли И. Надя в своей поддержке, а возрождающиеся демократические партии – в готовности придерживаться курса на демократический социализм. С 3 ноября ряд предприятий уже приступил к работе, заработал транспорт, начали очищаться от руин города. Все эти и другие факты свидетельствовали о победе сил, стремившихся к демократизации строя на принципах социализма. Казалось, что путь к примирению, к демократическому обновлению найден.

Но процесс обоюдного движения к мирному выходу из ситуации был омрачен еще одним серьезным инцидентом. 30 октября у Будапештского горкома партии группа повстанцев заметила солдат распущенных органов госбезопасности. Повстанцы полагали, что в подвале здания держат арестованных. Желая их освободить, собравшиеся на площади попытались проникнуть в здание. Направленная туда делегация была уничтожена, после чего началась перестрелка, которая завершилась штурмом здания⁷⁸ и расстрелом его защитников. В общей сложности в дни венгерских событий жертвами народного самосуда стали 28 человек (26 из них – сотрудники госбезопасности).

Советские войска, как и обещал И. Надь, 30 октября были выведены из Будапешта. Этому, однако, предшествовали важные события на международной арене и в самом СССР, которые в итоге оказали роковое воздействие на развитие ситуации в Венгрии и на судьбу венгерских революционно-демократических преобразований.

Восстание в Будапеште оказалось неожиданным как для венгерского, так и для советского руководства. Оно застигло врасплох и страны Запада и на протяжении последующих

двух недель, безусловно, находилось в центре внимания всей мировой общественности. 28 октября Совет Безопасности ООН поставил на повестку дня вопрос о положении в Венгрии. Примерно в то же время московскому руководству стало известно о принципиальной позиции администрации США по венгерскому вопросу. Нежелание окончательно порывать с принципами Ялтинских и Потсдамских соглашений, концентрация внимания на суэцкой проблеме, а также «расслабившая» Вашингтон антисталинистская кампания Хрущёва способствовали тому, что президент Эйзенхауэр отказался от какой-либо действенной поддержки восставшей Венгрии. Вашингтонская администрация уже 27 октября провозгласила политику невмешательства, о чем посол США в Москве Ч. Болен 29 октября дополнительно уведомил советское руководство⁷⁹. В тот же день Израиль, начав войну против Египта, вторгся в зону Суэцкого канала. В военный конфликт вмешались вооруженные силы Англии и Франции. Венгерские историки не без основания полагают, что все эти факторы в итоге оказали решающее влияние на политику СССР, руководители которого изменили тактику поведения в отношении Венгрии⁸⁰.

Говоря в целом о позиции Запада в отношении венгерских событий, нельзя не отметить ее двойственность, противоречивость и в значительной мере подстрекательский характер. С одной стороны, венгерское население чрезвычайно будоражили передачи на Венгрию радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». Нередко в этих передачах содержалась, по существу, программа действий для людей, несогласных с порядками, существовавшими в Венгрии. К тому же материалы «Голоса Америки» и «Свободной Европы» были составлены таким образом, что порождали у многих венгров иллюзию, что если развитие событий примет «чрезвычайный характер», то Запад «не оставит Венгрию в беде». Однако когда события действительно приобрели чрезвычайный характер, то все обернулось совсем

по-другому. Как показывают исследования последних лет, западные державы и не собирались идти на помощь венгерским повстанцам⁸¹.

В руководящих кругах США и НАТО считалось, что события в Венгрии являются внутренним делом советского блока. В этой связи красноречивы свидетельства бывшего в то время министром обороны ФРГ Ф.-Й. Штрауса. «Сперва американцы внушают венграм надежду, — писал Штраус в своих воспоминаниях, — а когда дело становится серьезным, они бросают венгерский народ на произвол судьбы. Не могло идти речи о военном вмешательстве со стороны НАТО. Подавление венгерского народного восстания Красной Армией не рассматривалось как акция, затрагивающая интересы НАТО... Я и сегодня твердо убежден, что русские не осуществили бы вторжения, если бы американцы заранее позаботились о том, чтобы занять ясную позицию»⁸². Когда Микоян и Сулов убеждали венгерских руководителей в невозможности вывода советских войск из Венгрии, поскольку их место тут же займут американцы, то московские эмиссары явно лукавили.

30 октября перед отъездом в Москву Микоян и Сулов, однако, еще заверяли И. Надя в своей поддержке проводимого им курса на стабилизацию положения. О готовности урегулировать конфликт в Венгрии мирными средствами свидетельствовал и текст Декларации советского правительства от 30 октября, в которой признавалось, что в прошлом были допущены ошибки в отношениях СССР с другими социалистическими странами, выражалась готовность к их устранению, к налаживанию отношений на принципах равноправия, взаимной выгоды и уважения национального суверенитета. В связи с событиями в Венгрии подчеркивалось, что «к законному и прогрессивному движению трудящихся присоединились и реакционные элементы, и контрреволюционные силы», стремящиеся к восстановлению «феодално-капиталистического строя».

Вместе с тем было заявлено о намерениях удовлетворить просьбу венгерского правительства и вывести советские войска из Будапешта, начать переговоры и об их выводе с территории Венгрии⁸³. Декларация давала венгерским демократическим силам и повстанцам надежду на завершение демократических преобразований, на построение демократического социализма, учитывающего национальную специфику. Она успокоила не только венгерское правительство, но и мировую общественность.

Стечение обстоятельств, международные факторы (позиция Вашингтона, Суэцкий кризис и др.) толкали большую часть советской правящей верхушки к действиям, соответствующим ее военно-стратегическим и идеологическим устремлениям. В венгерском восстании и последующих внутривнутриполитических событиях Москва видела отход от основополагающих советских образцов (однопартийность и др.), ущемление своего престижа и настаивала на безусловном наказании «мятежных венгров», на ликвидации их завоеваний и восстановлении прежних порядков.

Впрочем, об этом ни новое партийное руководство, ни Надь и его правительство тогда еще не догадывались. Между тем 27 октября на основании приказа Жукова министерство обороны СССР и генштаб уже приступили к разработке конкретных военных операций⁸⁴, а 28 октября на заседании Совмина Венгрии были получены первые сведения о переходе двумя механизированными советскими полками советско-венгерской границы. В этой связи Суслов и Микоян 30 октября сообщили в ЦК КПСС: «Вчера ночью Имре Надь попросил к себе Андропова» и поинтересовался у него о целях прибытия новых советских формирований, заметив, что «об этом мы не договаривались». Советские представители информировали ЦК о своих намерениях объяснить Надю, что формирования прибыли в Венгрию в соответствии с прежней договоренностью и дальнейший ввод войск не планируется. Они действительно советовали Москве

приостановить передвижение войск через границу и сосредоточить их на советской территории. Одновременно была высказана просьба незамедлительно прислать в Венгрию первого заместителя министра обороны, главнокомандующего объединенными вооруженными силами ОВД маршала И.С. Конева⁸⁵.

30 октября, в 2 часа ночи, Андропов был приглашен к заместителю министра иностранных дел Венгрии И. Хорвату, который заявил ему, что новые советские военные формирования в районе Захони, Дебрецена и Ниредьхазы пересекли венгерскую границу, и потребовал выяснить причину этого⁸⁶. Андропов тогда не мог дать необходимые объяснения. Между тем посол США в Москве Ч. Болен после приема в Кремле в тот же день телеграфировал своему департаменту: «Советские руководители, включая Хрущёва, Булганина, Молотова и Кагановича, были сегодня заметно более мрачными, чем вчера». При этом он высказал догадку, что «в Венгрии могли произойти такие события, о которых мы здесь не знаем»⁸⁷. Тогда же руководитель внешнеполитического департамента США Дж. Ф. Даллес в своей директиве американским дипломатам в связи с положением в Венгрии обратил внимание на следующее: «Вопрос в том, позволят ли Советы осуществить стабилизацию под руководством правительства того Надя, который стал приверженцем вывода их войск (со всеми вытекающими из этого последствиями для остальных стран-сателлитов), или же в качестве иностранных оккупантов вновь восстановят полный контроль над страной (что на будущее чревато тяжелыми военными расходами и подрывет их сегодняшние позиции на международной арене)»⁸⁸.

Позиция советского руководства в венгерском вопросе окончательно оформилась 31 октября 1956 г. в результате решений Президиума ЦК КПСС⁸⁹. Принятый там комплекс организационных и военно-политических мер решил в итоге судьбу восставшей против тоталитаризма страны и

венгерского народа, вставшего на путь поиска более приемлемого варианта социализма во главе с коммунистами-реформаторами, начавшими под давлением народа добиваться относительно большего национального суверенитета.

Венгерские исследователи долгое время полагали, что посланцы Кремля, побывавшие в Венгрии, занимали более мягкие и демократичные позиции по отношению к Венгрии, чем участники двух заседаний Президиума ЦК КПСС, но они не успели доложить о них этому высокому партийному органу, принявшему решение о вооруженном вторжении. Однако содержание их донесений за 30 октября, где говорилось о невозможности ликвидировать опорные пункты венгерских повстанцев мирными средствами, о желательности концентрации войск на советской территории вблизи венгерской границы и о целесообразности немедленной отправки Конева в Венгрию⁹⁰, все же позволяет предположить наличие общих позиций относительно окончательного решения судьбы венгерских преобразований. Полную ясность в этот вопрос могли бы внести телеграмма (видимо, последняя перед отъездом советских эмиссаров из Будапешта) и ответ из Москвы, но, к сожалению, эти документы пока недоступны исследователям и их содержание неизвестно.

30 октября Президиум ЦК КПСС утвердил текст телеграммы лидеру Итальянской компартии П. Тольятти, из которой становится ясно, как на деле Москва оценивала тогда действия венгерского правительства. В телеграмме говорится, что оно «попало под влияние реакционных сил», что мы (т. е. советские руководители) «открыто пока не выступаем против Надя, но и не можем смириться с реакционным поворотом»⁹¹.

Итак, окончательное решение положить конец преобразованиям в Венгрии, начавшимся вслед за народным восстанием, переросшим в мощное национально-демократическое движение, направленное на плюрализацию

политической системы и демократизацию социализма, было принято на втором заседании Президиума ЦК КПСС. О конкретных мотивах второго, решающего, советского вмешательства силой оружия в венгерские дела позволяет судить не только идеология, не допускавшая каких-либо отступлений от советского образца, но и содержание информационных сообщений, поступавших в Москву от Андропова, спецпосланцев и представителей других ведомств. Они часто давали собственное толкование происходящего. События даже в период, характеризовавшийся относительно спокойствием и отчетливым проявлением склонности повстанцев и сторонников демократического социализма к примирению, компромиссу и стабилизации, изображались ими в тревожных тонах, как якобы свидетельствующие об усилении позиций правых, «контрреволюционных» сил. Такая предвзятая интерпретация, несомненно, подогривала у московского партруководства опасение, что оно может потерять Венгрию, народ которой осмелился бросить вызов ортодоксальным взглядам и установившимся имперским порядкам. Позиция США, Суэцкий кризис позволили советскому партийному ареопагу без каких-либо серьезных опасений насчет неблагоприятной внешней реакции принять жесткое решение и прервать революционный процесс, начавшийся в Венгрии.

Второе советское военное вмешательство официально произошло лишь 4 ноября. Конкретные действия по подготовке этого вторжения начались сразу после принятия упомянутого решения в Президиуме ЦК КПСС. Отметим, что им предшествовали определенные приготовления в войсках.

Венгерское политическое руководство до 1 ноября 1956 г. и не подозревало, что начатый наконец процесс стабилизации вскоре будет прерван. Правда, 31 октября было замечено, что вывод войск приостановлен. Они сосредоточились вокруг Будапешта, а затем началась их передислокация по стране. Представители Задунайского национального Со-

вета, обращаясь к И. Надю, следующим образом выразили свое опасение: «Трудовой народ промышленного края опасается, что Советы полностью оккупируют Венгрию и поставят великие державы перед свершившимся фактом»⁹².

На состоявшемся в тот же день заседании Совмина ВНР было принято решение обратиться к СССР и в духе декларации его правительства выразить пожелание «начать переговоры о выводе советских войск со всей территории Венгрии», определить время и место проведения переговоров. Телеграмма такого содержания 31 октября была отправлена Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову⁹³.

Собравшиеся на рассвете 1 ноября 1956 г. в Будапеште члены кабинета министров ВНР узнали о начавшемся вторжении в пределы Венгрии новых советских воинских формирований. И. Надь к 9 часам утра пригласил к себе посла Ю. В. Андропова и заявил ему протест в связи с прибытием войск, апеллируя при этом к недавней декларации советского правительства. Было решено, что последующие действия кабинета И. Надя будут зависеть от того, какой ответ даст посол к вечернему заседанию правительства (назначенному на 19 часов), на которое он был также приглашен. На случай неудовлетворительного ответа со стороны СССР кабинет решил известить о случившемся иностранные представительства в Будапеште, ООН и средства массовой информации⁹⁴.

Андропов, как об этом он сам доложил Москве, вел себя в духе полученных директив⁹⁵, что было расценено венгерским правительством как неудовлетворительный, уклончивый ответ. Венгерские военспецы тогда привели Андропову конкретные доказательства вооруженного вторжения в страну. И. Надь заявил послу, что правительство «вторжение советских войск расценивает как шаг, грубо попирающий независимость и суверенитет Венгрии, и самым решительным образом требует» их отвода. Он предупредил Андропова, что если советское правительство не остановит

продвижение войск, то Будапешт объявит о нейтралитете страны, о ее выходе из ОВД⁹⁶. Я. Кадар, судя по докладной Андропова, полностью поддержал И. Надь⁹⁷.

После этого правительство ВНР тут же приняло решения⁹⁸, которые предусматривали: а) немедленное провозглашение нейтралитета страны; б) выход из ОВД, обращение к ООН с просьбой о внеочередном рассмотрении вопроса и о защите суверенитета Венгрии со стороны четырех великих держав; в) информирование иностранных представительств в Будапеште и обнародование принятых решений в печати; г) принятие предложения советской стороны провести советско-венгерские переговоры о выводе войск, определение состава венгерской правительственной делегации для переговоров. Согласно протоколу правительства И. Надь, Андропову было заявлено, что в случае отвода советских формирований, вторгшихся в Венгрию, телеграмма в ООН будет отозвана.

1 ноября, после того как были предприняты эти действия, И. Надь по радио провозгласил нейтралитет ВНР и объявил о ее готовности жить в дружбе со всеми соседними странами, включая СССР, на принципах равноправия и независимости. Он говорил о революционной борьбе венгерского народа, которая наконец привела к свободе и независимости⁹⁹. А. Хегедюш, бывший премьер свергнутого восстанием режима, спустя три с лишним десятилетия в своей книге не без удивления писал в этой связи: «Я и сегодня не могу понять, как мог Имре Надь, пришедший 28-го числа (!) к власти с советской помощью, предположить, что Москва согласится на многопартийную систему, на выход из Варшавского договора и нейтралитет страны!.. Все поступавшие донесения подтверждали ведь одно и то же подозрение: советское руководство не сдержит своего слова, советские войска не выходят из страны, а, наоборот, вводятся в нее. Надю изменила его партийность, которой он оставался верен на протяжении 40 лет»¹⁰⁰.

1 ноября Москва приступила к активным действиям. Проводились согласования с лидерами компартий социалистических стран, с тем чтобы оправдать вооруженное вторжение, которое якобы осуществлялось в целях ликвидации «контрреволюционного путча». В тот же день поздно вечером из Будапешта исчезли лидер партии Я. Кадар и Ф. Мюнних. Самолетами они были доставлены в Москву, где с ними началась, а затем была продолжена в Закарпатье интенсивная организационная и подготовительная работа по созданию нового венгерского правительства, призванного заменить правительство И. Надя.

Для ничего не подозревавшего венгерского Совмина последующие дни начала ноября 1956 года прошли под знаком оживленной дипломатической деятельности. Надь и его правительство использовали все возможные правовые и дипломатические средства для спасения революционно-демократических завоеваний. Однако их судьба была уже предрешена.

4 ноября 1956 г. в 12 часов маршал Жуков доложил в высшие партийные инстанции о ходе операции «Вихрь»: «В 6 часов 15 минут 4 ноября с. г. советские войска приступили к проведению операции по наведению порядка и восстановлению народно-демократической власти в Венгрии»¹⁰¹. Было также доложено о взятии городов, важнейших мостов, железнодорожных узлов и других стратегических объектов страны, в том числе венгерской столицы. Обращалось внимание на то, что гарнизоны венгерских войск не оказывали сопротивления. Несколько раньше генерал КГБ И. А. Серов арестовал всю венгерскую правительственную делегацию, которая вела переговоры в Венгрии, на территории одной из советских военных баз, о выводе советских войск из страны¹⁰².

Сам И. Надь после активного наступления войск на Будапешт сообщил народу страны и мировому сообществу по радио об «очевидных намерениях свергнуть законное де-

мократическое венгерское правительство»¹⁰³, а сам вместе с остальными коммунистами-реформаторами из правительства нашел убежище в здании югославского посольства в Будапеште. Радио Будапешта на русском и венгерском языках постоянно передавало сообщение: «Венгерское правительство просит офицеров и солдат Советской Армии не стрелять. Избегайте кровопролития! Русские – наши друзья и останутся ими!»¹⁰⁴.

Рано утром 4 ноября, почти одновременно с началом военных операций, на волнах Солнокского радио (а по некоторым другим сведениям, передача велась из Ужгорода) прозвучало обращение нового, созданного якобы в Солноке Революционного рабоче-крестьянского правительства Я. Кадара. В нем говорилось, что это правительство обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно «помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране»¹⁰⁵.

В донесении Жукова ЦК КПСС говорилось, что 4 ноября в Венгрии остался лишь единственный «крупный очаг сопротивления мятежников», которые обороняются в районе кинотеатра «Корвин» в Будапеште. Войска действительно не оказывали противодействия, но стихийное сопротивление повстанцев имело место в ряде районов венгерской столицы и продолжалось вплоть до 11 ноября. Последним опорным пунктом, где велись упорные арьергардные бои повстанческих отрядов национального сопротивления, был знаменитый бастион венгерских рабочих – Чепель¹⁰⁶.

Известный венгерский мыслитель, бывший государственный министр в последнем кабинете И. Надя (единственный, кто оставался в парламенте, когда там появились советские войска) И. Бибо, автор знаменитого «Меморандума» (1957), в котором он дал глубинный анализ произошедшего, в частности, писал, что делу социалистического строительства в результате вмешательства советских войск

4 ноября 1956 г. «была нанесена незаживающая рана». «Чем было вызвано советское решение — холодным ли политическим расчетом под воздействием Суэцкого кризиса или озабоченностью ситуацией в Венгрии, — мы не знаем. Можно, однако, с полной уверенностью сказать, что с точки зрения реальной политики оно не было оправданным, а если решение было вызвано озабоченностью, то оно не стоит той цены, которая была за него заплачена. Свободное развитие венгерской ситуации вскоре показало бы, что она не только не опасна, но даже плодотворна и поучительна для дела социализма... Можно рассуждать о венгерской революции: какой она была, какой стала или могла стать, якобы превращаясь в контрреволюцию. Реальность, однако, состоит именно в том (и это является наиболее фантастической неожиданностью), что тот самый поворот, который называют контрреволюцией и реставрацией, отнюдь не являлся таковым. Все силы, взявшие в руки оружие, — молодежь, рабочий класс и солдатские массы, перешедшие на сторону революции, в своем большинстве были не просто социалистами, но социалистами марксистско-ленинского воспитания, мировоззрение которых переживало кризис».

Далее И. Бибо обращал внимание на то, что «в момент советского вмешательства положение уже стало стабилизироваться, прекратились народные самосуды, в защиту социалистических завоеваний подавались решительные и авторитетные голоса, было создано такое правительство национального единства, которое не имело причин допускать развитие событий вправо. Тот, кто хоть чуточку сталкивался с реальностями сопротивления, которое развернулось вслед за подавлением венгерской революции, должен хотя бы почувствовать (если не желает того признать): он был свидетелем расстрела советскими танками самого волнующего социалистического эксперимента нашего века»¹⁰⁷.

С появлением в Будапеште 7 ноября 1956 г. Я. Кадара, доставленного на советской бронемашине в сопровождении

танков, началась новая глава во взаимоотношениях Москвы и Будапешта.

Вооруженное вмешательство Кремля в венгерские события 1956 года оставило глубокий след в послевоенной истории Восточной Европы, жившей под знаком «холодной войны». Дорогую цену пришлось заплатить народам Венгрии и СССР за упорное стремление советской партократии сохранять в неизблемом виде свою гегемонию на территории стран-сателлитов. По венгерским данным, с 23 октября 1956 г. по январь 1957 г. (т. е. до тех пор, пока не прекратились отдельные вооруженные стычки повстанцев с венгерскими властями и советскими войсками) с венгерской стороны погибли 2502 человека и были ранены 19226 человек¹⁰⁸. С советской стороны были убиты, умерли от ран и пропали без вести 720, а ранены 1540 человек¹⁰⁹. В первые месяцы после подавления восстания Венгрию покинуло свыше 200 тыс. человек (при общей численности населения, не достигавшей 10 млн), подавляющее большинство которых составляли люди самого активного и работоспособного возраста. Никто пока еще не подсчитал, каковы были общие материальные потери Венгрии и СССР в связи с событиями 1956 года.

Трагедия состояла в том, что кровавое подавление народного восстания 1956 года и борьбы за национальную независимость и последующий террор, в результате которого было проведено 22 тыс. судебных разбирательств, 400 человек приговорены к смертной казни и 20 тыс. интернированы¹¹⁰, нанесли глубокую травму многим венграм, до этого искренне верившим в гуманность и справедливость социалистических идеалов, настойчиво прокламируемых Москвой и Будапештом. Потуги властей с обеих сторон не дать зачахнуть и во что бы то ни стало удержать в дальнейшем на «соответствующем уровне» традиции «нерушимой советско-венгерской дружбы» воспринимались как откровенный цинизм.

«Зависший» после 1956 года на несколько лет в ООН «венгерский вопрос», многолетнее, из ряда вон выходящее «затворничество» в стенах американского посольства в Будапеште примаса католической церкви Венгрии И. Миндсенти и другие проблемы во взаимоотношениях Венгрии с западными странами негативно сказались на международном престиже как Венгрии, так и СССР, создали для венгерской дипломатии серьезные трудности, которые она не могла преодолеть даже при самой активной поддержке «братской» советской дипломатии. Понадобилось свыше трех десятилетий, чтобы «венгерский ледник холодной войны», образовавшийся осенью 1956 года, наконец растаял в условиях изменения международного климата, чтобы в России и Венгрии была сказана правда об этих событиях и подведена черта под этой трагической страницей в послевоенной истории.

Глава 5. || **Кадаровский контекст советско-венгерских отношений 1957–1988 гг.**

История советско-венгерских отношений этого хронологического периода, в отличие от прежних этапов, изучена лишь в малой степени. В российской литературе нет научных исследований на эту тему. Объективное изучение отношений «эпохи Кадара» находится в зачаточной стадии и в самой Венгрии. Затрагивая эти вопросы, автор должен оговориться и отметить, что выражает лишь свое собственное видение истории взаимоотношений двух стран в свете тех материалов, которыми он располагает, и поэтому его оценки не могут считаться официальной точкой зрения.

Общеизвестно, что отношения *социалистического периода* между СССР и ВНР базировались на принципах «пролетарского интернационализма» и мотивировались ус-

ловиями, диктовавшимися, прежде всего, интересами СССР в мировой политике. Это предполагало безусловную подчиненность внешней политики Венгрии советским и блоковым интересам Варшавского Договора.

Взаимоотношения СССР и Венгрии формально базировались на «Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», заключенном 18 февраля 1948 г. на 20 лет и регламентировались двусторонними соглашениями между странами¹¹¹. С установлением коммунистического единовластия в ВНР взаимоотношения двух стран целиком развивались исключительно на названном принципе. Однозначность такой ситуации особенно характерна для конца 1940-х и для 1950-х годов XX в. Отношения тех лет, впрочем, как и тема советской военной помощи обанкротившемуся партийно-государственному режиму ВНР осенью 1956 г., уже нашли отражение в литературе. Вопросы же взаимоотношений последующей исторической эпохи, которую нередко именуют кадаровской, охватывающей три десятилетия относительно спокойного развития, а также последующий краткий и насыщенный событиями этап перехода Венгрии к парламентской демократии, завершающийся мирной сменой общественно-политического устройства и развалом социалистической системы, несомненно, требуют дальнейшего изучения.

Если не считать возросшее советское военное присутствие в ВНР и особый «патернализм» Москвы, то отношения официальных кругов двух стран после подавления советскими войсками венгерской революции 1956 г. и ликвидации ее завоеваний не претерпели принципиальных изменений. Венгрия оставалась под полным советским контролем, определяющей силой которого стали именно расквартированные в стране советские воинские формирования. Власть формально находилась в руках Революционного рабоче-крестьянского правительства и Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), которые воз-

главлял Янош Кадар в качестве доверенного лица Кремля и КПСС. Функции этих органов на начальном этапе были ограничены и во многом формальны, но за ними стояла советская военная мощь. Внешнеполитическая деятельность нового правительства на первом этапе фактически не выходила за пределы контактов с Москвой, командованием Объединенных вооруженных сил Варшавского договора (ОВД), Белградом и Пекином. И это понятно, ведь в тех условиях трудно было говорить о каких-то самостоятельных внешнеполитических действиях Будапешта. Власть Кадара поддерживалась и контролировалась Москвой. Более того, до марта 1957 г. оставалась неясной и до конца не решенной дальнейшая судьба самого Кадара, над которым нависла угроза возможного возвращения в страну прежнего ортодоксального партийного лидера М. Ракоши, антинародная политика которого (и его ближайшего окружения) и вызвала революционную вспышку осенью 1956 г. Я. Кадару, однако, удалось наладить хорошие личные отношения с Хрущёвым, что позволило изменить ситуацию и положить начало относительно благоприятному развитию советско-венгерских связей в их несколько модифицированном виде. При этом сложившаяся ранее система межгосударственных и межпартийных отношений в принципе не менялась и продолжала функционировать в том же режиме, в прежних рамках беспрекословной подчиненности «младшего брата» старшему.

Венгерская дипломатия первых после 1956 г. постреволюционных лет, разумеется, не имела собственной, тем более самостоятельной, линии поведения, ведь любые действия Будапешта на внешнеполитической арене по-прежнему требовали предварительного согласования с Москвой. Но советское политическое руководство во главе с Хрущёвым, исходя из необходимости частичного учета тех обещаний, которые были даны социалистическим странам в «Декларации правительства Союза ССР» от 30 октября 1956 г.

в канун советской военной агрессии против революционной Венгрии, пошло на некоторые уступки. Наряду с обещанием соцстранам впредь строить с ними «свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга», эти уступки касались взаимопомощи в экономической, политической, военной и культурной областях, пересмотра системы советских советников и пребывания советских войск на территории этих стран¹¹², а также частичного расширения самостоятельных компетенций во внутренней политике партийно-государственных руководителей подконтрольных стран, включая ВНР.

Советско-венгерское взаимодействие после 1956 г. не без основания началось с военной сферы. Прежняя венгерская армия, которая поддержала повстанцев и встала на сторону революции, после ее подавления не пользовалась доверием ни советского руководства, ни новой венгерской власти. Негласно она была фактически разоружена и расформирована. Об этом говорилось в отчетах министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова¹¹³, в выступлениях венгерских политиков. «Когда вошли советские войска... разоружили всю венгерскую армию. В этой ситуации мы должны были просить, чтобы нам оказали содействие в создании новой армии»¹¹⁴, — отмечал Кадар 11 ноября 1956 г. на заседании Временного ЦК ВСРП. Глава МВД ВНР Ференц Мюнних вскоре доложил высшему партийному руководству, что «в соответствии с договоренностью с советским командованием создание новой армии началось»¹¹⁵. Программу формирования новой армии правительство Кадара обсудило в начале декабря, но окончательное решение было принято советской стороной на советско-венгерских переговорах, проходивших с 28 января по 1 февраля 1957 г. в Москве. В документах встречи четко прослеживается факт разоружения и роспуска прежней, а также создания новой

венгерской армии, общей численностью 50 тыс. человек. Была достигнута договоренность о ее будущей структуре, вооружении и перспективах развития, а также об обеспечении воздушной обороны страны советскими ВВС. По просьбе венгерской стороны существенному сокращению подверглась численность советских военных советников — до 8 вместо прежних 194 человек, с конкретным обозначением места их будущей деятельности¹¹⁶.

В советско-венгерских отношениях того времени военная составляющая не без основания выдвигалась на первый план сотрудничества. Такое положение фиксировалось одним из первых *межгосударственных* официальных документов, заключенных 27 мая 1957 г. между СССР и ВНР. Это было соглашение, которое узаконило длительное присутствие «временно дислоцированных» советских воинских формирований на территории Венгрии¹¹⁷. Документ регулировал и правовой статус советских войск на территории ВНР, которая, наряду с Польшей и Чехословакией, имела для СССР в тех условиях также и важное стратегическое значение. Но не только советское руководство, сам Кадар тоже нуждался в них в самой Венгрии. Известен факт, ярко свидетельствующий о зависимости кадаровского правительства от советского военного присутствия. Когда в 1957 г. СССР выводил свои войска из Румынии, Н. С. Хрущёв, явно проверяя реакцию Кадара, предложил ему вывести советский контингент также из ВНР¹¹⁸, но Кадар отклонил такое предложение. Разумеется, если бы такое предложение последовало в 1955 г., когда СССР выводил войска из Австрии, оно могло бы изменить ход истории. Тогда в партийных кругах Венгрии допускали, а население даже надеялось на вывод советских войск, возможность превратить ВНР в нейтральное государство¹¹⁹. Если бы такое предложение тогда было принято, то Венгрия, конечно, избежала бы революции 1956 г. Но у Москвы тогда были другие планы. После подавления революции ситуация изменилась: вывод

войск повлек бы за собой моментальный крах утвержденного танками режима. Поэтому сохранение советских войск на территории ВНР отвечало интересам обоих родственных режимов и их политических лидеров — Кадара и Хрущёва.

Именно в условиях советского военного присутствия произошла стабилизация внутренней обстановки и постреволюционная консолидация кадаровского строя в ВНР. Без него они были бы невозможны. Конечно, в этом сыграли свою роль и внутривнутриполитические действия правительства Кадара, его прагматичная внутренняя политика, которая учитывала социально-политические причины потрясений 1956 г. К началу 60-х годов Кадару удалось добиться определенного перелома в отношениях со своим народом. Наряду с внешними обязательствами ВНР перед «лагерем социализма», Кадар в своей политике постоянно учитывал уроки 1956 г., которые напоминали ему о необходимости уступок и компромиссов, о соблюдении социальных приоритетов для населения. Это и отличало его политику от политики его предшественников, которые, копируя в деталях советский опыт, привели страну к социально-политическому взрыву. Став новым, более открытым к компромиссу партийно-государственным лидером ВНР, Кадар постоянно держал под пристальным личным контролем как социальную, так и внешнюю политику страны. По сути, это и позволило ему относительно быстро добиться своеобразного молчаливого соглашения, почти примирения с народом Венгрии. Уступки в социальной политике, отказ от контроля за частной жизнью граждан, постепенная либерализация строя в пределах допустимого для системы, а также регулярное согласование внешнеполитических действий с Москвой составляли основное содержание политического курса этого венгерского политика.

Основу доверия между Хрущёвым и Кадаром, естественно, положил сам советский выбор Кадара на высокий государственный пост в поверженной Венгрии. С учетом

последующей истории рассматриваемой эпохи можно констатировать, что из числа возможных в то время претендентов выдвижение именно его кандидатуры следует считать наиболее удачным, ведь фигура Кадара в конечном счете была принята и понята народом, а он это доверие старался оправдать. Довольным оказалось и советское руководство. Доверие Кремля к Кадару стало взаимным со времени московской встречи в верхах 21–28 марта 1957 г.¹²⁰. Хрущёв уже тогда высказал ему полное понимание экономической и политической ситуации, сложившейся в Венгрии, и пообещал оказать экономическую поддержку, выразившуюся в увеличении советских поставок сырья, в предоставлении долгосрочного льготного двухпроцентного кредита на сумму 750 млн рублей (в том числе 200 млн в свободной валюте) для использования в 1957 г. Была достигнута договоренность о растущем товарообмене и всестороннем сотрудничестве между странами¹²¹.

Для Кадара лично, а следовательно, и для страны (хотя это не нашло выражения в совместной правительственной декларации и заявлении КПСС и ВСРП о переговорах) не менее важным было то, что Хрущёв согласился не допустить возвращения М. Ракоши к политической деятельности в Венгрии. Эта была политическая победа Кадара. Добившись от Хрущёва гарантии этого, Кадар укрепил свои позиции, а вместе с тем и личную дружбу с советским лидером. Обещание Хрущёва позволило ему вести успешную борьбу на два фронта — против «леваков» и «правых ревизионистов». Правда, в совместном советско-венгерском заявлении о межпартийном сотрудничестве осуждению подвергся лишь «правый ревизионизм» в лице «Имре Надя и его общников»¹²². Надо полагать, что Кадар тогда узнал также о секретном решении Президиума ЦК КПСС окончательно дискредитировать Имре Надя¹²³ и, очевидно, согласился соответствовать планам Кремля в этом вопросе, став вольным или невольным участником доведения «дела» этого поли-

тика до печального конца. Во всяком случае, согласованные с Кремлем действия Кадара закономерно привели летом 1958 г. к казни И. Надя и его товарищей.

Состояние взаимоотношений между СССР и ВНР были оценены Н.С. Хрущёвым 4–6 июня 1959 г. во время его кратковременного пребывания в Венгрии. Он с удовлетворением говорил: «Наше мнение такое: связи у нас самые хорошие, как между странами, так и партиями, и личные — между руководителями стран. Между нами нет спорных вопросов... Мы ваши близкие друзья и очень рады сложившейся в вашей стране ситуации»¹²⁴. Такая удовлетворенность советского лидера сложившейся в ВНР ситуацией означала признательность и самому Кадару, его политическому курсу.

В лице Кадара постреволюционная Венгрия приобрела политика, который, несомненно, был предан идеалам социализма, признавал советские приоритеты, старался угадывать ожидания Москвы и соответствовать им как во внутренней, так и во внешней политике. При всем этом поведение венгерского лидера не было простым приспособленчеством, оно было далеким как от угодничества Живкова, так и от позерства Чаушеску, кичившегося своей «самостоятельностью», скорее оно являлось поведением прагматичного руководителя, оказавшегося в непростых условиях, когда необходимо было проявлять заботу о стране и постоянно соответствовать советским ожиданиям во внутренней и внешней политике. Об этом говорят его предельная осторожность в действиях и одновременные попытки добиваться максимально допустимого во внутреннем развитии страны, использовать различные инструменты для решения насущных внутренних и внешнеполитических проблем, стоявших перед Венгрией.

Сохраняя до самого конца вассальную зависимость от Кремля, Кадар начиная с 60-х годов осторожно, но постепенно добивался некоторой самостоятельности в своих действиях, правда, во внешней политике это касалось лишь

отношений со странами третьего мира, особенно Индией, Индонезией, Египтом, Сирией. К началу 1960-х годов Венгрия имела дипломатические отношения уже с 57 странами, тогда как в 1955 г. их было всего 36. Специфика отношений с государствами развитого мира исчерпывалась предупреждением для дипломатов быть предельно осторожными в своих суждениях. Такой подход позволил кадаровской Венгрии добиться в конце 1962 г. восстановления доверия к себе, что нашло выражение в возвращении ей мандата ООН.

Советские ожидания к венгерскому партнеру годами не менялись. Оставаясь прежними, они предполагали безусловную подчиненность внешнеполитического курса страны советским и блоковым интересам, предварительного согласования всех действий с Кремлем. Признавая приоритет Москвы в определении общего курса внешней политики, Будапешт выражал лояльность с генеральной линией КПСС по всем ключевым вопросам. Правда, в некоторых вопросах социалистического строительства возникали нюансы. Так, в апреле 1964 г., когда Хрущёв провозгласил программу построения коммунизма в СССР и ожидал подобного энтузиазма от лидеров братских компартий, Кадар тогда, хотя и в мягкой форме, но все же возразил советскому лидеру. Не желая забегать вперед, он осторожно заметил, что Венгрия еще находится на более низкой ступени общественно-политического развития¹²⁵. Такая скромность была оценена Москвой, а в апреле 1964 г. за «большие заслуги в укреплении дела мира и социализма, дружбы и сотрудничества между советским и венгерским народами» Кадару было присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»¹²⁶.

Отношения между лидерами двух стран и партий постепенно приобрели дружеские черты. При этом иерархия межгосударственных и межпартийных отношений по своему содержанию и характеру оставалась прежней, ведь исходные позиции и основные принципы двусторонних

и блоковых отношений не менялись. Учитывая, что внешнюю политику, ее направленность как в СССР, так и в ВНР всегда определяли первые лица стран, можно сказать, что дружеские отношения, сложившиеся между Я. Кадаром и Н.С. Хрущёвым, имели важное значение и для взаимоотношений в самом широком плане. Разумеется, сложившийся тип отношений между руководителями сохранился и во времена Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева, хотя контакты с каждым из них имели свою специфику.

Освобождение 14 октября 1964 г. Н.С. Хрущёва с поста первого секретаря ЦК КПСС было воспринято Кадаром весьма болезненно. Он опасался возможной реставрации сталинизма в СССР. В отстраненном советском руководителе он видел прежде всего активного борца с культом личности, считал его гарантом невозможности возвращения к старым, проникнутым духом догматизма, порядкам. Кадар искренне разделял решения XX съезда КПСС, а Хрущёва ценил за его принципиальную готовность к реформам. Далеко не безразличным ему, видимо, было и то, что советский руководитель являлся гарантом политического существования и самого Кадара как политика. Его недовольство отстранением Хрущёва нашло выражение в известном импровизированном выступлении в будапештском аэропорту после того, как он узнал о случившемся, возвращаясь из Варшавы на родину.

Свою принципиальную оценку случившемуся Кадар дал в речи на заседании политбюро ЦК ВСРП 23 октября 1964 г., где всерьез, как и многие венгры, выразил свое опасение реальной угрозы неосталинизма. Основанием для этого являлись первые действия нового генсека, которые давали повод опасаться в том числе возвращения в страну ненавистного М. Ракоши. Свои опасения Кадар открыто выразил и советскому послу в Будапеште, указав на несостоятельность обвинений Хрущёва в культе личности. Он подчеркнул, что

придерживается отличного от мнения советских товарищей мнения в оценке Хрущёва и считает ситуацию в советском партийном руководстве «нездоровой»¹²⁷. При этом Кадар не мог не понимать, какую реакцию может вызвать его позиция со стороны Л. И. Брежнева. Соблюдая правила приличия, Кадар 19 октября 1964 г. все же отправил новому первому секретарю ЦК КПСС поздравительную телеграмму, вслед за которой 24 октября написал и письмо, где детально изложил, что руководство ВСРП принимает к сведению информацию о решении КПСС, но не может согласиться с методами освобождения Хрущёва, так как при этом не были отмечены его заслуги¹²⁸. В письме выражалось желание прибыть в Москву для консультаций.

При личной встрече Брежнев пытался, но так и не смог убедить Кадара в ошибочности политического курса Хрущёва. Лидер ВСРП заявил, что оценивает роль Хрущёва положительно, хотя и видит разные стороны его деятельности. В заключение, однако, сказал: «Больше к этому вопросу не возвращаемся. Мы поняли мотивацию решения КПСС и принимаем ее к сведению»¹²⁹. Стоит обратить внимание на одну деталь в ходе этой московской встречи. Получив от советского советника в МВД ВНР не вполне достоверную информацию о готовившемся в Венгрии «процессе либерализации» (речь шла о подготовке новой экономической реформы), которая обросла необоснованными слухами о предстоящем «охлаждении венгеро-советских отношений», председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин решил узнать у самого Кадара, так ли это. Оказалось, что антиреформаторски настроенные «левацкие элементы» в ВНР, недовольные политикой Кадара, запустили эту дезинформацию, чтобы использовать ее против лидера партии.

Инцидент побудил Кадара передать Брежневу записку, в которой среди прочих вопросов сотрудничества была затронута проблема пребывания М. Ракоши в СССР. В ней указывалось, что этот обанкротившийся политик после уда-

ления Хрущёва, добиваясь возвращения на родину, начал «штурмовать» ЦК письмами и утверждал, что теперь он «во всем согласен с ЦК КПСС». Кадар счел целесообразным предупредить Брежнева: «Если для Вас затруднительно оставлять его далее (в СССР. — Б.Ж.), мы готовы привести его домой, разместить в тихом месте, чтобы жил себе спокойно. Но если он на это не способен и намерен воевать против партии, мы его разоблачим и при необходимости он предстанет перед судом»¹³⁰. Отметим, что с прекращением первоначальных попыток Брежнева ужесточить режим в СССР, Ракоши перестал писать ходатайства о завершении своей почетной «ссылки» и занял выжидательную позицию. В записке Кадара была выражена надежда на сохранение атмосферы «товарищеского доверия и искренности» между партиями.

В конце января 1965 г. министр иностранных дел Венгрии Я. Петер в интервью газете «Непсабадшаг» говорил о крепнущем взаимопонимании между ВНР и СССР, о «расширении между нами политических, экономических и культурных отношений»¹³¹. В мае 1965 г. в Москве снова побывала венгерская партийно-правительственная делегация во главе с Кадаром. Накануне он направил Брежневу письмо с конкретными предложениями для предстоящего обсуждения, которые касались внесения ряда коррективов в деятельность ОВД и СЭВ с целью повышения их эффективности, а также об экономическом сотрудничестве на 1966–1970 гг. с указанием перечня взаимных поставок товаров. Результаты встречи оказались половинчатыми, ведь конкретных ответов на венгерские предложения о реорганизации управления ОВД и децентрализации экономических связей в рамках СЭВа, сделанные в интересах повышения эффективности работы этих организаций, так и не поступило. Экономические потребности ВНР в товарообмене были удовлетворены лишь частично: вместо запрашиваемых Будапештом советских товарных поставок на сумму

300 млн рублей Москва согласилась только на 120 млн, а кредитные потребности ВНР (400 млн рублей) для сбалансирования торговли с Западом также были сокращены до 250 млн¹³². Кадар, однако, получил заверение, что в предстоящей пятилетке не планируются изменения в сложившейся модели поведения с социалистическими странами, а это давало ВНР возможность планировать стабильный экономический рост.

Кадар всегда уделял пристальное внимание советско-венгерским отношениям, внешней политике страны. Деятельность МИДа он держал под личным контролем, переводя ее на «ручное управление». Внешнеполитические решения, конечно, готовились в отделе ЦК ВСРП, курировавшего работу МИДа, но последнее слово во всех вопросах внешней политики, и особенно венгеро-российских отношений, оставалось именно за Кадаром¹³³. Его осторожная и прагматичная внешняя политика приносила свои плоды. Венгрия уже в 1960-х годы стала одной из наиболее открытых стран социализма. Каждый гражданин ВНР мог получить загранпаспорт и посещать иностранные государства. С красным паспортом с 1960 г. можно было совершать безвизовые поездки в Польшу, с 1964 г. — в Болгарию, Румынию, Чехословакию и ГДР, а с 1966 г. — в Югославию. С синим — в страны Западной Европы (раз в три года). Лишь СССР оставался закрытым для индивидуальных поездок венгров (советская власть допускала только контролируемые коллективные туры, частные поездки стали возможны с 5 марта 1969 г.).

Выступая на XXIII съезде КПСС (1966 г.), Кадар обратил на себя внимание яркой, запоминающейся речью, в которой отмечал, что «пробным камнем интернационализма всегда было и ныне продолжает оставаться принципиальное, товарищеское отношение к Советскому Союзу». Эти слова он дополнил яркой фразой, ставшей сразу же крылатой: «Анти-советского коммунизма не было, нет и никогда не будет»¹³⁴. Все это резко контрастировало на фоне политического курса

Н. Чаушеску с его ложным «нейтралитетом». Кадар другими путями и средствами добивался намеченных целей — он был скромным и осторожным, открытым в своих поступках, шел малыми шагами, иногда временно уступая внешнему давлению, но в целом расширяя пределы возможного, допустимого системой, достигая своих целей в нелегком диалоге с советским руководством.

Основные принципы и приоритеты внешней политики ВНР Кадар впервые четко сформулировал публично в ноябре 1966 г. на IX съезде ВСРП в такой последовательности: 1) защита «суверенитета» страны от сил империализма; 2) укрепление единства социалистических стран, и прежде всего добрососедские отношения с СССР; 3) солидарность с международным рабочим движением. Из этих направлений и внешнеполитических приоритетов особый акцент делался на союзнические обязательства. Добрососедские советско-венгерские отношения, как отмечалось, базировались на взаимном доверии руководителей государств и партий, на взаимовыгодном, всестороннем и расширяющемся сотрудничестве. Продление на следующие 20 лет «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Венгрией» в сентябре 1967 г. было тому подтверждением¹³⁵. Стороны обязались в соответствии с принципами социалистического интернационализма укреплять дружбу и развивать всестороннее сотрудничество, оказывать друг другу братскую помощь, «консультироваться по всем международным вопросам», действовать на международной арене «исходя из общей позиции»¹³⁶. При ратификации договора в Москве глава МИДа СССР А.А. Громыко вспомнил слова Кадара, произнесенные на XXIII съезде КПСС, и подчеркнул, что договор обеспечит «тесное сотрудничество Советского Союза и Венгерской Народной Республики на международной арене на основе совместно разрабатываемых позиций, принципов и задач Организации Варшавского договора»¹³⁷.

Выражением возросшего советского доверия к Кадару стало то, что Венгрия с 1 января 1968 г. получила возможность развернуть свой эксперимент по реформированию управления экономикой. Он стал пробным камнем и для советско-венгерских отношений. Венгерская «реформа хозяйственного механизма», как важный элемент кадаровской модернизации, означала далеко не обычную для тех условий попытку введения в экономику элементов товарно-денежных отношений и рынка, призванных стимулировать материальное производство. И хотя о реформах тогда уже задумывались в СССР и в ЧССР, кадаровская реформа являлась новацией, противоречащей постулатам социалистической экономики. Напомним, что ранее в СССР инициатива А. Н. Косыгина, встретив сопротивление партийной верхушки, заглохла. Против нее возражали Брежнев и особенно бывший посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов, занявший с 1967 г. пост председателя КГБ СССР. Последний в свое время резко осуждал реформаторство Имре Надя в ВНР и, согласно воспоминаниям В. В. Крючкова, «опасался, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размытию нашего социально-политического строя»¹³⁸.

Так или иначе, с 1968 г. реформа хозяйственного механизма в ВНР заняла чуть ли не центральное место в советско-венгерских отношениях, ей уделялось особое внимание. Москва в конце концов дала согласие Кадару на проведение этого непростого эксперимента, и реформа началась. Вокруг нее, конечно, разгорелись споры, носившие далеко не только экономический характер. Отношение к ней в СССР было разным, но не безразличным. Одни настороженно оценивали ее как отход от общепринятых базовых принципов советского типа социализма, другие сомневались в возможностях ее осуществления в тех условиях, третьи, наоборот, объявили ее образцом для подражания. Споры лишь обострились, когда пражские реформаторы также взяли

за реформу, которая вышла за рамки экономики. Прага была не столь осторожна, как Будапешт, уже имевший опыт 1953–1955 гг. и печальные уроки 1956 г. Венгры знали, что Москва не допустит столь далекого отхода от советских стандартов, возможностей общей демократизации строя. Прага же не учитывала, что к реформам в СССР всегда относились с подозрением. Вторжение в сферу политики, попытка комплексной реформы предрешили судьбу «пражской весны». Ситуация не могла не сказаться и на судьбе венгерской реформы. И хотя Будапешт не получал на то прямых указаний, общая атмосфера привела к ее свертыванию и в ВНР. Там тоже появились собственные противники преобразований, которые, опираясь на неоконсерваторов в окружении Брежнева, воспользовались ситуацией и, выступая в роли «рабочей оппозиции», требовали отказа от реформы, а за кулисами добивались замены Кадара.

После «товарищеской критики»¹³⁹ в Москве Кадару в 1972–1975 гг. пришлось нелегко, он был вынужден согласиться на фактическое свертывание реформы. Основной причиной «пробуксовки» венгерской реформы все же были не внутренние, а внешние факторы, прежде всего позиция советского руководства. Это подтверждается проектом письма Кадара в ЦК КПСС накануне вторжения войск ОВД в Чехословакию. В нем выражалось недовольство отношением Кремля к реформам в ВНР и ЧССР. «В венгеро-советских отношениях, но еще в большей степени в международных, в оценке вопросов, возникающих между социалистическими странами, в Ваших и наших позициях по этим вопросам, мы все чаще встречаем такие существенные расхождения как по содержанию, так и по методам их решения, которые нас беспокоят... У нас создалось впечатление, что наши принципиальные политические позиции, предлагаемые нами методы, воспринимаются с Вашей стороны с непониманием, оговорками и даже с недоверием, в то же время различия во мнениях и методах не убеждают нас в правильности Вашего

поведения»¹⁴⁰, — писал Я. Кадар. Не отправленное по ряду причин письмо отражало реальную ситуацию и в отношениях между странами. Попытка Кадара убедить советское руководство в необходимости реформ в тех условиях явно не могла увенчаться успехом и лишь накалила бы отношения между Брежневым и Кадаром.

Двусторонние советско-венгерские отношения тем не менее продолжали успешно развиваться как в экономической, так и политической областях. Кадару в 1970–1980-е годы удалось упрочить свои позиции, сохранить доверие советского руководства и приобрести немалый международный авторитет, который стал немаловажным капиталом для ВНР, позволял ему совершать прагматичные «малые шаги», направленные на дальнейшую частичную либерализацию режима. Тому благоприятствовал и хельсинский процесс, который внес новые элементы в развитие международных отношений, позволил покончить с односторонней блоковой ориентацией, давал возможность приступить к масштабному восстановлению десятилетиями прерванных связей со странами Запада и международными финансовыми организациями. ВНР, как известно, в 1967 г. вела переговоры о вступлении в МВФ и Всемирный банк, но они не получили одобрения брежневского руководства и были прерваны. Советские финансовые учреждения опасались, что вступление Венгрии в эти валютные организации может вызвать ее выход из социалистического лагеря. Позже ВНР повторила попытку вступления в эти международные структуры, так как привлечение средств в экономику к концу 1970-х годов стало для ВНР жизненной необходимостью. Но для этого, как и прежде, требовалось согласие Москвы. Как свидетельствуют материалы заседания политбюро ЦК ВСРП от 20 марта 1979 г. в переговорах с Брежневым был поднят этот вопрос, но тот на него не отреагировал. Ответ был получен позже от секретаря ЦК КПСС К. В. Русакова, который вступление социалистического государства в эту финансовую организа-

цию назвал недопустимым по соображениям безопасности и предложил решать проблему в рамках СЭВ, где также не хватало валютных средств для ее решения.

Ухудшение состояния экономики ВНР в начале 1980-х годов заставило Будапешт вернуться к этому вопросу. Кадар, отдыхая летом 1981 г. в Крыму, информировал Брежнева о финансово-экономических трудностях ВНР, о нехватке энергоносителей и необходимости привлечения дополнительных средств в экономику страны, рассказал о намерениях ВНР вступить в МВФ, объяснил, что энергетический кризис, чрезмерный рост цен на энергоносители с 1973 г. чрезмерно затруднили положение страны, и она нуждается в серьезных финансовых вливаниях. Того же требовали и экономические программы в рамках СЭВ. Брежнев выслушал Кадара, но своего отношения к проблеме не высказал, не обмолвился и о сложностях в советской энергетике. Вернувшегося же на родину Кадара ожидал сюрприз – письмо за подписью Брежнева, где сообщалось, что в связи с ухудшением условий добычи энергоносителей в СССР Москва не в состоянии предоставить их Венгрии в объеме, зафиксированном в двустороннем межгосударственном договоре¹⁴¹. Такой неожиданный отказ СССР выполнить в полном объеме взятые на себя договорные обязательства стали для ВНР, и без этого столкнувшейся с финансовыми трудностями, тяжелейшим ударом, угрожавшим также социальным программам для населения. Получить новые западные кредиты в тех условиях было затруднительно. Характерно, что в 1974–1979 гг. Венгрия сумела договориться всего о 3,5 млрд долларов займа, тогда как только на обслуживание внешнего долга к концу периода требовалось уже до 2 млрд в год¹⁴². Продолжала расти и рублевая задолженность, стране реально угрожал финансовый кризис.

Лишившись части плановых советских договорных поставок, руководству Венгрии не оставалось иного выхода, как обратиться к Всемирному банку и МВФ. На сей раз это

было сделано без предварительных консультаций с Кремлем. Москва лишь ровно за сутки до вручения заявок в эти структуры была извещена о намерениях Будапешта. Общее собрание МВФ и Всемирного банка 5 и 6 мая 1982 г. проголосовало за принятие Венгрии в члены этих организаций.

Долговременная блокировка реформы в ВНР сдерживала возможности экономического роста страны, но, как ни странно, советский интерес к использованию венгерского опыта проявился именно на рубеже 1970–1980-х годов, когда Будапешт, невзирая на возможные возражения, оказался вынужденным вновь обратиться к ее оживлению. И хотя наверстать упущенное тогда уже было невозможно, в СССР именно тогда начали считать Венгрию «испытательным полигоном» реформы. «Реанимация» реформы стала, таким образом, свершившимся фактом после того, как в СССР осознали, что сверхцентрализация стала тормозом экономического развития и изменения неизбежны. Как только осенью 1982 г. венгерская реформа была публично оценена Кадаром и получила право на продолжение, она заслужила официальную похвалу и самого Кремля. Андропов, под влиянием застойных и кризисных явлений в экономике СССР, явно поменявший свое отношение к подобного рода реформам, в апреле 1983 г., откликаясь на выступление Кадара, назвал венгерский опыт реформы «нашей коллективной ценностью» и отметил, что в Советском Союзе тоже ведется активная работа в этом направлении¹⁴³. В СССР имели место лишь попытки частичного использования венгерского и югославского опыта, но и они в бытность Андропова у власти не успели развернуться. Долговременное, традиционно отрицательное отношение советского руководства к любым реформам, к любому отходу от прежней практики стандартов и догм явно сдерживало развитие не только СССР, но и его партнеров по блоку.

Сегодня можно лишь предполагать, что произошло бы в случае своевременного перехода СССР к подлинным ре-

формам и как бы это отразилось на странах «реального социализма». Такая возможность появилась лишь с приходом к власти М. С. Горбачева, но потенциал реформ и тогда не был использован своевременно и рационально. В условиях перестройки, когда политическая сфера стремительно демократизировалась, немало говорилось и о реформах в экономике, однако конкретных и продуманных, а тем более обоснованных программ преобразований на деле не существовало. «В Советском Союзе экономическая реформа захлебывается в пучине неопределенности»¹⁴⁴, — оценивал ситуацию Дж. Сорос.

Что же касается характера отношений СССР со странами социализма, то здесь с середины 1980-х годов произошли глубинные, качественные перемены. Они были связаны с изменением общего направления внешней политики СССР и нашли выражение в советском курсе на разоружение, а также в отказе от прежнего патернализма в отношении «младших братьев», в предоставлении им большей свободы и самостоятельности. Последнее проявилось в отказе от «доктрины Брежнева», которая, по словам одного из ближайших сотрудников Горбачева, «никогда не выдвигалась официально, но определяла суть советской позиции»¹⁴⁵. Новая внешнеполитическая линия Горбачева исходила из «уважения прав каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития»¹⁴⁶. Идя на эти новые для советской политической практики шаги с союзными странами, отказываясь от прежней монополии на отношения с ними, горбачевское руководство фактически отменило прежнюю практику предварительных консультаций и обязательного согласования с Москвой всех своих действий. Возвращая им полноту самостоятельных действий и суверенитет, советский лидер явно рассчитывал укрепить свои позиции и авторитет СССР в мире; он вряд ли допускал возможность будущего развала системы, тесно связанной узами ОВД и СЭВ.

Разумеется, смена советской внешнеполитической доктрины находила конкретное воплощение и во взаимоотношениях с ВНР. Сам Горбачев, посетив 10–11 июня 1986 г. Будапешт, призвал руководство страны к «коренной перестройке во всей системе межгосударственных отношений», к свободному выбору своего пути. Но в ВНР, как и в других странах советского блока, ко второй половине 80-х годов создалась весьма противоречивая ситуация в отношении возможностей новых внешнеполитических действий. Развитие явно тормозилось двумя факторами: внутривнутриполитической ситуацией и устарелыми условиями в рамках социалистического разделения труда, которые, даже вопреки склонности советского руководства частично реализовать венгерские предложения по реформированию СЭВа, встречали сопротивление со стороны ряда стран-участниц. Кадар приветствовал в лице Горбачева приход к власти относительно молодого, динамичного советского политика и на начальном этапе возлагал на него большие надежды, однако возглавляемое им венгерское руководство не сразу осознало, что за горбачевской концепцией перестройки скрывается нечто больше, чем реформа венгерского типа, оно оказалось неспособным осуществить смену стратегии. Впрочем, данное определение тем более применимо к режимам Н. Чаушеску, Э. Хонеккера или Г. Гусака, которые, опасаясь потери личной власти, вовсе не желали отказываться от прежних «традиционных» методов управления. Однако подлинные перемены не смогла инициировать и кадаровская гвардия. Хотя Горбачев относился к Кадару с уважением, между ними особой привязанности не возникло. Эти лидеры принадлежали к разному поколению политиков. Поэтому уход Кадара весной 1988 г. с вершины пирамиды партийно-политической власти в ВНР, его замена на более молодого генсека – Кароя Гроса – произошли спокойно, не вызывая возражения Москвы, равно как и осуществление последним фактически полной смены кадаровской правящей элиты,

что дает основание некоторым исследователям говорить о «дворцовом перевороте». Кадар некоторое время еще оставался на номинальном посту председателя ВСРП, ездил в Китай для изучения тамошнего опыта, попутно останавливался в Москве, консультировался с Горбачевым, но вскоре был отстранен от всех дел.

Весной 1988 г. фактически завершился собственно кадаровский период почти 32-летнего, относительно спокойного развития советско-венгерских отношений. Наступавший новый этап их развития по времени совпал с углублением системного кризиса социализма советского типа, переходным состоянием и фактическим крахом коммунистических режимов в европейском ареале, которые сопровождались политической и социальной нестабильностью и закономерным переходом общества стран региона к парламентской демократии и рыночной экономике. Условия кризиса, переходное состояние общества и политики, смена политических элит, кардинальная ломка прежних устоев и порядков на рубеже 1980–1990-х годов наложили свой отпечаток на дальнейшее развитие отношений Венгрии с СССР и его правопреемницей – Российской Федерацией, с которой сепаратные межгосударственные связи начали налаживаться еще в советскую эпоху. Но это уже новые страницы взаимоотношений двух стран, требующие отдельного и самостоятельного анализа.

Глава 6. || **Венгерская экономическая реформа 60-х — начала 70-х годов XX века: социальные аспекты**

1960-е и первая половина 1970-х годов – один из наиболее успешных периодов восходящего общественно-политического и экономического развития того строя, который мы именовали социализмом советского образца. Эти годы счи-

таются наиболее благополучными и в полувековой истории политических режимов, установленных в конце 40-х годов XX столетия во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы и просуществовавших до 1990 г. Обладая всеми характерными атрибутами строго централизованной партийно-государственной власти и коммунистическими идейными принципами, командно-директивной системой хозяйственно-экономического управления и общественного распределения, соцстраны перманентно переживали разного рода кризисы. Несмотря на это, система в целом, как и режимы в отдельных странах, всегда упорно сопротивлялись любым изменениям, чреватым отходом от «оригинала». Национальные руководства не желали признать необходимость не только политической модернизации, но и экономических реформ, которые могли бы сделать режимы более гуманными для широких слоев населения. Тем не менее попытки экономического, да и политического реформирования или хотя бы частичного видоизменения режимов периодически происходили. Наиболее заметны они были в Венгрии, Чехословакии и в СССР, но стремления к переменам наблюдались и в других странах региона.

Функционирование государственно-политического и социально-экономического механизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, скопированного со сталинской модели общественного управления, после кончины в 1953 г. советского харизматического лидера сразу же начало давать весьма ощутимые сбои. События 1953 г. в ГДР показали, что система остро нуждается в неотложной корректировке «сверху». Властные структуры ощутили необходимость допущения хотя бы частичных перемен. Правда, они, в отличие от глубоких реформ, могли дать лишь временный результат, что и подтвердилось на практике. Предпринятые новым советским руководством действия в силу внутрисистемных причин лишь несколько отсрочили проявление открытого социального протеста. Они оказались недостаточ-

ными для предотвращения более серьезных потрясений, которые уже в 1956 г. дали о себе знать — сначала летом в польской Познани, а затем осенью — в Венгрии.

В Венгрии после 1953 г. благодаря экстренным мерам советского руководства на некоторое время удалось блокировать проявления социального недовольства. Временный перелом произошел в стране также во многом благодаря усилиям нового премьер-министра страны Имре Надя, предпринявшего первую попытку несколько смягчить давление тоталитарного пресса на общество и внесшего отдельные изменения в экономическую и социальную политику страны. Однако ортодоксальные политические силы во главе с лидером компартии М. Ракоши уже в 1955 г. прервали этот многообещающий процесс, сделали невозможной реализацию реформаторских начинаний премьер-министра, первого коммуниста-реформатора послевоенной Венгрии, чем, по сути, и помешали выходу страны из тупика. Уже осенью 1956 г. Венгрия оказалась в состоянии стремительно углублявшегося общественно-политического кризиса, приведшего к крайней его форме — революции.

Своей неожиданностью и вообще возможностью столь масштабного стихийного восстания масс в стране «социалистического лагеря» венгерская революция, без преувеличения, потрясла мир. Но завоевания революции (как и прежние мирные реформаторские попытки и начинания периода 1953–1955 гг.) были сведены на нет, уничтожены совместными усилиями внутренних ортодоксальных и внешних имперских сил, использовавших для этого советское вооруженное вмешательство. Казалось, что после поражения революции реформаторским идеям и тем более возможности их реализации настал конец, что новым реформам в Венгрии больше не бывать. Однако действительность опровергла такие предположения.

В условиях социализма советского типа поворот к реформам почти всегда происходил с опозданием, необходи-

мые перемены откладывались, а затем и тормозились, что обусловило, в конечном счете, крах всей системы. Вряд ли можно отрицать, что не только 1960-е годы, но и последующие десятилетия функционирования системы, когда она медленно, но совершала отход от авторитаризма и «реальный социализм» начал приобретать более гуманные черты, сопротивление реформам по-прежнему оставалось довольно значительным. И хотя в новых условиях в разных странах «реального социализма» реформаторские инициативы время от времени появлялись, их авторы редко получали поддержку властных структур и, как правило, реформы, если и начинались, нигде не были доведены до логического завершения. В этой связи далеко не безосновательны рассуждения о неререформируемости той системы социализма, которая существовала в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Вместе с тем некоторые коммунисты-реформаторы, непосредственные участники событий прошлых лет, оставались при убеждении, что при благоприятных условиях систему можно было реформировать. Так, в частности, полагал и инициатор венгерской экономической реформы 1968 г., Режё Нерш (в советской литературе он известен как Ньерш), хотя преобразования в Венгрии также не была доведена до конца.

Революция 1956 г. явилась для Венгрии тем рубежом, после которого в политическом мышлении власти и в сознании широких масс наступил перелом: сформировалось четкое понимание неизбежности реформ. Стало ясно, что после революции много чего нельзя было продолжать делать по-старому. Это понимание явилось глубинной причиной будущей реформы как в общественно-политической, так и в социально-экономической сфере. Обновленное партийно-политическое руководство ВНР во главе с Я. Кадаром, руководителем Рабоче-крестьянского революционного правительства страны и лидером Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), отказалось от возможного курса

на формальное исправление «ошибок» и «перегибов», допущенных М. Ракоши и его сторонниками, и решило пойти на некоторые уступки населению, несколько видоизменив прежнюю, дискредитировавшую себя социально-экономическую политику. В постреволюционных условиях это нашло поддержку советского руководства, которое оказало помощь венгерским коммунистам не только в политическом, но и в экономическом отношении.

Уже с 1957 г. в Венгрии начала реализовываться *коррекционная политика*. И хотя она еще не называлась реформой, но содержала в себе ее элементы, была направлена на частичное облегчение социально-экономического положения людей, и в первую очередь крестьянства, которое находилось в наиболее тяжелом положении. Эту политику в прямом смысле слова, конечно, нельзя было считать прямым продолжением насильно прерванных реформаторских инициатив и начинаний 1953–1955 гг., но она тем не менее опиралась именно на их основы. Как в свое время и И. Надь, новое руководство также начало реализацию своей политики с перемен в сфере сельского хозяйства, что дало бы возможность изменить социально-экономическую ситуацию в постреволюционной Венгрии, способствовать примирению в венгерском обществе.

В выборе политической линии далеко не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в составе высшего кадрового руководства партии и страны (ЦК и Политбюро ВСРП, правительства) четверо функционеров — Я. Кадар, Д. Каллаи, Э. Кишхази и Д. Марошан — в свое время прошли через ракошистские застенки. Еще двое — Ф. Мюнних и Л. Фехер — при режиме Ракоши оказались на периферии политической жизни. К тому же после революции в высшие руководящие структуры пришли из райкомов партии и некоторые представители нового поколения, среди них Б. Биску, Е. Фок, Ш. Ронаи, М. Шомоди и др., которые по своему мышлению и представлениям о будущем страны от-

личались от кадров ракошистской эпохи. И все же новые идеи и подходы, как и осуществление позитивных преобразований венгерского села и всей аграрной сферы, стали заслугой не столько политиков, сколько ученых-аграрников, сделавших необходимые выводы из отрицательного опыта рубежа 1940–1950-х гг. Особо следует отметить политика-агрария Л. Фехера и ученого – экономиста и социолога Ф. Эрдеи, досконально изучивших проблемы венгерского села и, главное, предложивших конкретные планы по его преобразованию. Достаточно указать на своеобразие проведения коллективизации сельского хозяйства (она была, как известно, провозглашена одной из важнейших обязательных закономерностей социалистического строительства). Венгерские власти еще летом 1957 г. дали понять крестьянству, что своевременное завершение кооперирования на селе является задачей номер один. При этом отказ от добровольного вступления в кооперативы был увязан со своего рода легендой, главным действующим лицом в которой был Н. С. Хрущёв. Согласно «легенде», если венгерские крестьяне не пойдут добровольно в кооператив, то Хрущёв сможет отстоять у своих соратников из высшего советского партийного руководства возможности для Венгрии проведения кооперирования по своему усмотрению, и тогда придется повторно пережить насильственную коллективизацию по колхозному типу, так, как она проводилась в начале 1950-х годов сторонниками М. Ракоши.

Кооперирование крестьянства в Венгрии было завершено, как известно, к весне 1963 г. и осуществлялось специфически, не советскими методами. Венгерские экономисты-аграрники, стремясь подобрать наиболее подходящие для страны варианты кооперирования, тщательно изучали опыт кооперативов Дании и некоторых Скандинавских стран. Поначалу они намеревались внедрить формы датских сельскохозяйственных кооперативов, однако в итоге получилось что-то свое, оригинальное.

Сам процесс и формы кооперации стали для того времени новацией в «социалистическом лагере»: на селе создавались разного типа хозяйственные производственные объединения, в которых земля оставалась в частной, групповой или коллективной собственности. Возникшие производственные объединения впоследствии оказалось возможным приобщить к экономическим реформам.

Власти ВНР осознали, что успешно провести процесс кооперирования в сельском хозяйстве возможно только с согласия и при содействии самих крестьян, поэтому в ряде вопросов пошли им навстречу. В этой связи характерно, что даже в *Тезисах ЦК ВСРП по аграрной политике* говорилось не о сплошной или массовой коллективизации, а только о «постепенном превращении сельского хозяйства в современное крупное товарное производство». В Венгрии утвердился принцип постепенности и использования разных форм кооперации (от самих низших до высших), и, что важно, земля оставалась в собственности крестьян. Учитывалась также незаменимая роль и значение приусадебных хозяйств. Такой подход успокоил деревню, примирил ее с коллективизацией. В результате кооперирование завершилось уже в начале 1960-х годов (в 1962 г. вне кооперативного сектора сельского хозяйства оставалось всего лишь 150 тыс. частных хозяйств, а к 1967 г. — 70 тыс.). При всем этом за двадцать лет (1950–1970 гг.) сельское хозяйство покинуло в общей сложности около 1 млн человек¹⁴⁷, что было связано с перекачкой рабочей силы в промышленность.

Важное значение с начала 1960-х гг. приобрела для Венгрии проблема *совершенствования системы управления хозяйственно-экономическими процессами*. Решалась эта проблема посредством реформы, начиная уже с 1957 г. Но намеченные тогда реформаторские по духу изменения явно не соответствовали теоретическим догматам, требовали осторожности и без должной предварительной подготовки, проверки на практике не могли быть введены в

экономическую жизнь всей страны. Суть этих новаций в сельском хозяйстве заключалась в отмене обязательных государственных поставок, их замене закупками сельхозпродукции, а также в создании специального фонда развития села. В городских условиях они проявились в сокращении плановых заданий промышленным предприятиям, в испытании на практике возможностей предоставления им права прямого выхода на внешний рынок со своими товарами, а также в частичной корректировке системы ценообразования и оплаты труда. Разумеется, тогда эти частичные корректировки в системе управления проводились лишь в порядке эксперимента. В целом они еще не ломали сложившуюся ранее директивную систему управления экономикой, но постепенно становились важным заделом для предстоящей экономической реформы. При проверке функционирования системы управления выяснилось, что сокращение плановых заданий на 1957–1964 гг. в сфере промышленности поначалу вызывало даже некоторое недовольство со стороны отдельных предприятий, успевших привыкнуть к потере самостоятельности, к получению спущенных «сверху» Центральным плановым управлением конкретных заданий. Тогда же девяти машиностроительным заводам в порядке эксперимента было предоставлено право на самостоятельный экспорт своей продукции и даже на частичный импорт. Приобретенный начальный опыт в целом оказался полезным, хотя одновременно показал, что предприятия, долгое время оторванные от свободной реализации товаров собственного производства, оказались неспособны действовать самостоятельно¹⁴⁸. Схожие результаты показали и выборочные испытания в интересах совершенствования самой системы управления промышленными предприятиями. Уроки экспериментов оказались весьма поучительными и полезными, впоследствии они были использованы для совершенствования экономической политики страны, создавали определенный задел для будущих преобразований.

Все вышеописанное являлось лишь прелюдией к венгерской экономической реформе, подготовка и проведение которой пришлось уже на 1960-е годы. К середине десятилетия иссякали источники экстенсивного роста национальной экономики, а наступивший вслед за стабилизацией политического положения этап спокойного общественного развития настоятельно требовал неуклонного роста жизненного уровня населения страны. Именно на гарантиях улучшения материального положения людей и держалась власть нового поколения политиков во главе с Я. Кадаром. Сознавая это, кадаровское руководство вплоть до конца своего существования стремилось обеспечить необходимый последовательный рост народного благосостояния, соблюдая достигнутое с народом негласное соглашение. Для этого и была нужна реформа, нацеленная на создание более эффективной экономики.

Чехословацкий вариант представляется наиболее комплексным из реформ 60-х годов, однако он больше был нацелен не на сферу экономики, а на изменения в политической структуре (социализм «с человеческим лицом», реальное возрождение традиционной социал-демократии и прочее), из-за чего воспринимался ортодоксальными силами в восточном блоке как явление, опасное для системы. Судьба реформы широко известна. Отметим, что впоследствии даже такой убежденный реформатор, как «отец» венгерской реформы 1968 года Режё Нерш, как-то назвал ее из-за недостаточной подготовленности «начатой с опозданием»¹⁴⁹. Данная фраза содержала указание на то, что предшественники чехословацкого партийного лидера Александра Дубчека не уделяли должного внимания реформам, и новой политической элите страны пришлось наверстывать упущенное.

В отличие от чехословацкой, венгерская реформа 1968 г. затрагивала почти исключительно экономическую сферу. Она стала первой в советском блоке реформой, которая

инициировала отказ от директивной плановой системы, отводила место рынку, товарно-денежным отношениям и опиралась на принципы материального стимулирования. Она была нацелена на изменение системы управления экономикой и официально называлась *реформой экономического механизма*. В основу было положено органическое сочетание принципов плановости с элементами рынка. Введению реформы в жизнь — официально это произошло 1 января 1968 г. — предшествовала тщательная, заблаговременно проведенная подготовительная работа. При этом отдельные элементы будущей реформы, как было показано выше, подвергались предварительной проверке на практике с 1957 г. или с 1965 г., о чем говорилось выше.

Авторы реформы исходили из необходимости решительно, но не демонстративно отказаться от социальной и политической модели сталинизма, перестали считать советский вариант классическим образцом для подражания, а тем более единственным и окончательным для социализма. Они начали искать новый механизм управления экономическими процессами. При этом, однако, они исходили из того, что после проведения необходимых изменений в планировании, ценообразовании и финансовой системе, рассчитанных на 15 лет, можно будет осуществить некоторую коррекцию или даже перестройку хотя бы части самой политической системы. Это означает, что венгерской реформой впоследствии предполагалось охватить также отдельные сферы политической системы, включить в модель 1968 г. элементы, в соответствии с которыми произошла бы реорганизация министерств, реформирование правительственного управления, а также системы местных Советов¹⁵⁰. Правда, после обсуждения проекта реформы в ЦК ВСРП в документе остались лишь положения о местном самоуправлении, существенно расширившие права и полномочия местных органов власти, да и то они тогда не афишировались.

Инициаторами разработки и испытания нового механизма управления экономикой являлись секретарь ЦК ВСРП по экономике Режё Нерш и заместитель председателя Совета министров ВНР Л. Фехер. В конце 1963 г. ими была образована инициативная группа из экономистов (М. Айтай, Й. Богнар, И. Вайда, Е. Вильчек, А. Кишш, И. Парди, Д. Петер, Я. Шебештен, Б. Чикош-Надь, Ф. Эрдеи и И. Фришш)¹⁵¹, которая во главе с Р. Нершем осуществила критический анализ состояния всего народного хозяйства ВНР. Летом 1964 г. группа пришла к выводу, что небольшая коррекция положения дел в экономике страны недостаточна. Экономисты убедились в острой необходимости смены всего механизма управления экономикой. В качестве первого шага было решено в 1965 г. начать испытания основных параметров будущей реформы в аграрном секторе (в качестве «предреформы», или частичной реформы), чтобы накопленный таким образом опыт использовать начиная с 1968 г. в экономике всей страны. Подверглись проверке соответствующие экономические регуляторы в сельском хозяйстве. Касались они, прежде всего, системы управления экономикой, повышения материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, выявления способов их долевого участия в производстве и получении прибыли. Испытывались новые, не существовавшие ранее формы кооперативов, в защиту крестьянства (ущемленного ранее насильственными методами коллективизации) принимались законы, укреплявшие самостоятельность разного вида хозяйственных единиц. Венгерским сельхозкооперативам были даны достаточно широкие возможности для свободного выбора и развития собственного производства. Они получили право создавать свое производство на подсобных хозяйствах, налаживать взаимовыгодное сотрудничество с приусадебными хозяйствами, что отличало их от производств колхозного типа. В результате часть кооперативов уже с середины 1960-х годов превратилась в серьезные предпринимательские органи-

зации на базе групповой или коллективной собственности. При этом в условиях реформы, уже во второй половине 1960-х и в 1970-е гг., все члены кооперативов могли претендовать на один хольд (0,57 га) пахотной земли, используемой для собственных нужд, им разрешалось содержать скот или даже малую домашнюю ферму с несколько увеличенным участком земли. Когда в 1966–1967 гг. проводилась предварительная проверка функционирования механизма управления экономическими процессами («предреформа»), участие членов кооператива и семей в долевой обработке земли было признано важным нововведением в качестве одной из форм повышения трудовой активности и роста материальной заинтересованности крестьян в результатах своего труда. При этой системе семьи (или группа работников), взяв на обработку определенную земельную площадь, могли получать с нее для себя от 25 до 50 % собранного урожая. Все это существенно отличало венгерских крестьян от советского колхозника, вызвало в их среде удовлетворение, способствовало улучшению материального положения, обеспечивало достаток. Кроме того, в сельском хозяйстве, а затем и в промышленности начала действовать система премирования и авансирования¹⁵². На селе создавались и успешно функционировали также сбыточные кооперативы. Такая «предреформа» в сельском хозяйстве дала сразу же значительный экономический эффект, тогда как внедрение подобных же регуляторов и стимуляторов на промышленном производстве не сопровождалось столь существенными результатами и требовало более тщательной подготовки.

Вопрос «о критическом пересмотре всего экономического механизма»¹⁵³, направленного на повышение эффективности материального производства, на уровне ЦК ВСРП впервые обсуждался в декабре 1964 г. И хотя инициаторы обсуждения еще тогда пообещали, что реформа не затронет сферу политики, сохранит социалистический характер системы и производственных отношений, что государст-

венная собственность разделяться не будет и во главе предприятий по-прежнему останутся назначаемые властями директора, уже тогда появились как сторонники нового экономического механизма, так и его противники (правда, еще пассивные). В вопросе поддержки и принятия реформы, а следовательно, и в комплексной модификации управления всей экономикой решающим оказалось слово Я. Кадара, пообещавшего отстоять нововведение перед советским руководством. Вслед за этим в 1964–1966 гг. проводился масштабный критический анализ двух основных аспектов реального состояния всего венгерского народного хозяйства. Было решено, что необходимо, с одной стороны, выявить положительные моменты в экономической жизни страны в 1957–1964 гг., которые следовало сохранить в дальнейшем, а с другой – определить тормозящие факторы, от которых надо было избавиться с помощью реформы. Новая система экономического управления была призвана более рационально и эффективно решать проблемы всего народного хозяйства Венгрии. Необходимость в реформе вместе с тем подняла немало вопросов, на которые еще не было ясных и четких ответов. Поэтому инициаторы с самого начала понимали, что в свои первоначальные замыслы придется вносить необходимые изменения в рабочем порядке.

Непосредственная подготовка реформы началась, таким образом, еще в 1964 г. и прошла три стадии: критический анализ проблем экономической жизни; формирование общей концепции новой системы управления; разработка конкретных государственных и общественных мер, а также определение программных задач. Работа требовала также соответствующей проверки на практике, на местном и отраслевом уровне (и в этом плане наиболее пригодным опять-таки оказалось сельское хозяйство). Параллельно велась подготовка кадровых специалистов, проводились консультации и обмен мнениями с руководящими работниками-практиками разных отраслей экономики. Это было

важно, тем более что реформаторы с самого начала были вынуждены пообещать, что оставят на месте основной кадровый состав предприятий, что реформа пока не затронет административный аппарат и правительственные органы.

К разработке концепции реформы было привлечено около 300 экспертов, квалифицированных специалистов под руководством Р. Нерша, а к ее обсуждению — несколько тысяч экономистов, теоретиков и практиков, хозяйственных и политических работников, занятых в государственных организациях и учреждениях, общественных организациях.

Развернулась также соответствующая пропагандистская работа в печати и на телевидении. Особо подчеркивалось, что разработка и введение реформы не противоречат общественно-политической системе, находятся в русле развития других социалистических государств, где также отмечаются стремления к переменам. Говорилось также, что новая система управления экономикой является продуктом коллективного творчества и сохранит социалистический характер производственных отношений.

Концепция реформы исходила из того, что истощаются важнейшие источники экономического роста, следовательно, дальнейшее развитие страны становится возможным только на основе интенсивного использования внутренних резервов. Ситуация требовала оживления и интенсификации экономической жизни, ее освобождения от излишних ограничений, преодоления бюрократических тенденций, повышения ответственности руководителей и рядовых тружеников, устранения факторов, сдерживающих развитие личной инициативы. Для этого и предлагалось преобразование хозяйственного механизма, а в его рамках введение новой системы экономического управления, которая органически сочетала бы плановость с использованием факторов рынка. Концепцией предполагалось создание так называемого регулируемого рынка, с гибкой системой косвенного управления экономическими процессами.

В соответствии с концепцией реформы государство при новой системе с помощью центрального народно-хозяйственного планирования определяло лишь главные цели и направления экономического развития, основные соотношения отраслей экономики, желательные темпы и условия их роста, равно как и заработной платы на предприятиях. К его компетенции относились и определение размера налога с прибыли, а также правила внешней торговли. Но государство отказывалось от централизованного определения подробных плановых заданий предприятиям и местным органам власти. Ликвидировалась практика, когда «сверху» спускались обязательные плановые поручения; предприятия получали право на самостоятельные действия, они могли проявлять инициативу, свободно определять свои производственные приоритеты. Государство впредь только посредством своей экономической политики, с помощью финансово-экономических регуляторов (налогообложение прибыли, отчисления из нее в госбюджет, условия кредитования и пр.) могло влиять на деятельность предприятий, на их заинтересованность в выборе своей «ниши» в товарном производстве и ассортимента продукции, равно как и во внешнеторговых поставках.

В качестве целей реформы экономического управления майский 1966 г. пленум ЦК ВСРП определил необходимость принятия решений по любому экономическому вопросу именно там, где «сосредоточено больше информации и имеется заинтересованность». Таким образом, партийный форум одобрил практику составления планов и принятия решений на местном уровне, т. е. в соответствии с интересами предприятий и трудового коллектива. Пленум заострил внимание на стимулировании предприятий к большей гибкости и разумному риску (ради рентабельности), установлении непосредственных отношений между производителем и покупателем, повышении инициативности и участия рабочих и служащих в контроле и управлении экономически-

ми процессами. Все эти аспекты нашли отражение в концепции реформы.

В документах IX съезда ВСРП, прошедшего в конце октября — начале ноября 1966 г., в связи с задачами, которые предстояла решать реформе, указывалась «необходимость повышения роли товарно-денежных отношений в рамках планового хозяйства»¹⁵⁴.

Иными словами, новый механизм экономического управления предлагал при сохранении центрального народно-хозяйственного плана ввести в действие экономические рычаги регулирования, т.е. придать больший вес товарно-денежным отношениям и рыночному механизму. Все это было призвано стимулировать материальное производство и одновременно использовать принципы материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда.

Одним из важнейших рычагов воздействия на процессы экономического развития у государства оставалась ценовая политика и система ценообразования. Новая система цен должна была отражать совокупное воздействие трех факторов: общественные затраты, соотношение спроса и предложения, государственные преференции. С 1968 г. было решено ввести гибкую систему смешанного ценообразования, которая должным образом ориентировала бы как государственные органы, так и производителей и потребителей. Она вводилась постепенно и предполагала децентрализовать право на установление цен, но при этом государство сохраняло за собой право контролировать ценообразование, стабилизировать цены и формировать их уровень. Была установлена такая ценовая разновидность: 1) твердые государственные цены на основные потребительские товары и услуги; 2) максимальные государственные цены, когда государство определяло их максимум; 3) лимитированные государственные цены, для которых государство устанавливало коридор (высшие и низшие границы, при которых конкретная цена зависела от производителя); 4) свободные

цены (договорные), которые устанавливались по соглашению между производителями и потребителями их продукции¹⁵⁵. Не вдаваясь в подробный анализ сложной системы ценовой политики, достаточно отметить, что в 1968 г. удельный вес свободных цен составлял 14 %, а в начале 70-х годов – 23 %¹⁵⁶, а в дальнейшем, к середине 1970-х гг., по мере развития реформы и роста самостоятельности предприятий, к категории «либерализованных» (две последние ценовые группы, вместе взятые) уже принадлежало примерно 60 % цен. При всем этом реформа цен, поэтапное введение которой было рассчитано на 15 лет, не должно было привести к снижению жизненного уровня ни одного из значительных социальных слоев венгерского общества. Иными словами, реформаторы продолжали считаться с базисными социалистическими требованиями, из-за которых отдельные экономисты впоследствии и называли венгерскую реформу 1968 г. половинчатой.

В соответствии с принципами реформы все три типа предприятий (крупные государственные, мелкотоварные и самоорганизующиеся кооперативные) в равной мере признавались социалистическими по своему характеру и на них распространялись одинаковые условия регулируемого рынка. При этом все они должны были вести самостоятельную деятельность и, находясь в «свободном плавании», соревноваться, конкурировать друг с другом. Предприятия сами принимали решения о характере производства и перспективах развития, одинаково были заинтересованы в выборе ассортимента и реализации товаров, в экспортно-импортной деятельности, в получении доходов, а также в распределении определенной части прибыли (около 25–30 %) среди трудящихся. Государственные предприятия, которые находились в общенародной собственности, также должны были самостоятельно решать все вопросы планирования и производства. Они возглавлялись директорами, которые несли ответственность за эффективность хозяйствования,

за использование доверенного им производства. Директоров госпредприятий назначал и освобождал собственник (государство).

Наряду с государственными промышленными предприятиями в условиях реформы особое значение придавалось и развитию мелкотоварного городского кооперативного сектора, возрожденного в своих правах после почти полного его исчезновения в ракошистский период. Вместе с признанием и восстановлением многосекторности венгерской экономики реформа дала толчок созданию различного рода кооперативов, находящихся в коллективной и групповой собственности и оказала им всяческую поддержку как в сфере материального производства, так и в сфере услуг. Таким образом, вслед за сельскохозяйственными кооперативами была восстановлена в своих правах и кустарная промышленность, получившая распространение преимущественно в сфере услуг.

Для жизни и деятельности промышленных предприятий, как и производственных кооперативов всех типов, в условиях реформы весьма важной стала новая, более эффективная система управления и система дифференцированного вознаграждения, которая опиралась на использование экономических рычагов, на хозрасчет при одновременном развитии принципа самоуправления. В сельском хозяйстве поощрялось формирование групповой собственности на землю¹⁵⁷. Присутствие рядом с государственным и кооперативным мелкотоварного сектора в качестве выполняющего важные дополняющие функции становилось в новых экономических условиях обычным явлением. Оно получило распространение и всеобщее признание. Особенно ощутимым стало возрастание его роли в сфере сельского хозяйства в виде мелкотоварного производственного семейного или индивидуального подряда или предпринимательства, которые в 1970 г. уже давали до 60 % сельскохозяйственного дохода¹⁵⁸. Важную дополняющую

роль стали играть мелкие предприятия также в сфере кустарного производства и торговли, в системе обслуживания населения. В условиях социализма они также были признаны не только допустимыми, но и полноправными хозяйственными единицами, причем не только на коротком этапе развития (как при советском НЭПе), но и в перспективе. Так, по статистическим данным ВНР за 1979 г., госсектор экономики давал 73,7% валового товарного производства, кооперативный — 18%, а возрожденный мелкотоварный — 8,3%. Еще более значительным стал удельный вес мелко-товарного производства в сфере торговли и обслуживания населения — 44,2%, тогда как доля госсектора составляла 31,4%, а кооперативного — 24,4%¹⁵⁹.

Уже первые годы реализации реформы показали, что на базе новой системы управления удалось добиться высокой эффективности всей венгерской экономики. Национальный доход страны только за 1968 г. вырос на 6%, промышленное производство увеличилось на 5%, выросли реальные доходы населения на 9%¹⁶⁰. Свидетельством положительных сдвигов в экономике в результате введения реформы являлись показатели третьего пятилетнего плана (1966–1970 гг.), три года из которых приходились уже на начало реформы. Рост национального дохода за пятилетку вместо 19–21% по плану составил 31%, а реальные доходы населения выросли соответственно с 14–16% до 34%, причем рост был более значителен за годы реформы. Нельзя не отметить, что доходы крестьян росли при этом более высокими темпами, чем у рабочих и служащих (соответственно 41 и 31%)¹⁶¹. В этом проявились как преимущества более раннего перехода села на новую систему экономического управления, так и стремление реформаторов преодолеть резкое отставание оплаты труда крестьян от зарплаты промышленных рабочих. Самостоятельность, предоставленная реформой предприятиям, привела к тому, что большинство из них также сумело наладить эффективное и рентабельное промышлен-

ное производство, сделала их заинтересованными в прибыли. Прибыль промышленных предприятий только за 1968 г. превысила запланированный уровень примерно на 20 %, а предназначенный к раздаче фонд участия в прибыли вырос на 26 %. В итоге именно самостоятельность и материальная заинтересованность обеспечивали экономический рост, доходы предприятий и самих работников, занятых на производстве. Уже в первые два года реформы улучшилась товарная структура внутреннего рынка, произошли положительные сдвиги в снабжении населения товарами. В 1969 г. по сравнению с предшествующим годом значительно, на 18 %, вырос экспорт венгерских товаров, был восстановлен внешнеторговый баланс страны. Хотя реформа затронула 43 % потребительских цен, их уровень за 1968–1969 гг. оставался относительно стабильным, не превысив прогнозируемого роста в 1–2 % (реально он поднялся всего на 0,5 %) ¹⁶². Поэтому неудивительно, что введение свободных цен было спокойно воспринято населением страны и не вызвало роста социального недовольства. Более того, возросший товарный ассортимент и возможности заработать дополнительным или сверхурочным трудом в рамках добровольно создаваемых «хозяйственно-трудовых сообществах» (Gazdasági Munkaközösségek) на основной или побочной работе стимулировал рост трудовой активности, являя собой при этом форму своеобразной «самоэксплуатации».

Оказались необоснованными первоначальные опасения специалистов относительно снижения занятости и появления безработицы. На промышленных предприятиях, наоборот, в первые годы реформы произошел трехпроцентный рост числа работающих, чего нельзя было предвидеть. Скептики полагали, что в ряде отраслей появится стремление избавиться от лишних рабочих рук. Перемещение же рабочих между отраслями появилось несколько позже, когда рабочая сила начала перетекать туда, где зарплата и доходы были выше. Начало реформы выявило и некоторые

другие непредвиденные, а подчас и негативные сопутствующие ей явления (в частности, медленно разворачивалась конкуренция между государственными промышленными предприятиями, слабые все еще ждали государственных дотаций, сохранялась уравниловка и медленно обеспечивалась дифференциация в распределении прибыли между работниками и др.), но некоторые из них устранялись по ходу реформы. При всем этом венгерская реформа, хотя действительно являлась «половинчатой» — мало охватывающей политическую сферу и ограничивающей действия рынка, — содержала гораздо больше полезного для страны и народа, чем негативного.

В целом реформа с самого начала полностью доказала свою жизнеспособность, но в нелегкие и переменчивые 1970–1980-е гг. ее ожидали не только взлеты, но и падения. В оптимистичные же 1960-е она стала надежным инструментом для достижения намеченных целей экономического роста, социально-экономического развития страны и повышения жизненного уровня венгерского народа. «В 1968 г. нашей конкретной целью являлось то, чтобы перейти Рубикон между старой и новой моделью управления экономикой. И этого мы добились, — отмечал в 1982 г. в интервью теоретическому журналу ВСРП «*Társadalmi Szemle*» («Общественное обозрение») главный организатор реформы Р. Нерш. — В дальнейшем до 1970–1971 гг. мы двигались вперед. Затем остановились и застряли в своем развитии где-то на полпути к принципиальной модели»¹⁶³. Конечно, Р. Нерш по известной причине обошел тот факт, что первый же год развернутого внедрения новой венгерской системы управления экономикой совпал с чехословацкими событиями 1968 г. Он умолчал также о вынужденном участии Венгрии в «общей акции» социалистических государств против соседней реформаторской Чехословакии, а ведь трагический исход «Пражской весны» не мог не отразиться на судьбе венгерской реформы.

В марте 1968 г. в Дрездене на совещании руководителей шести социалистических государств, где обсуждались проблемы Чехословакии, Я. Кадар попытался защитить чехословацких руководителей от массированного наступления противников реформирования социализма. При этом он отметил, что не с января 1968 г., а гораздо раньше начались проблемы в этой стране, и именно из-за *отсутствия реформы*. А реагируя на выступление В. Ульбрихта, призвавшего ввести войска в Чехословакию для «наведения порядка», он сослался на венгерский опыт и отметил, что в Венгрии, где были дислоцированы советские войска, избежать выступления масс осенью 1956 г. не удалось. Венгерский лидер стоял на своем до конца июля 1968 г., т. е. до самого вторжения войск шести стран Варшавского Договора в Чехословакию.

Несмотря на неблагоприятные внешнеполитические условия, венгерская экономическая реформа продолжалась. Вплоть до середины 1970-х гг. она помогала устранять несбалансированность внешнеэкономических связей Венгрии. Правда, в 1972 г. венгерскому руководству в подмосковном Завидове пришлось выслушать «братские упреки» в свой адрес от Л. И. Брежнева. Генеральный секретарь ЦК КПСС указал на некоторые отрицательные или «опасные тенденции», которые появились в венгерской экономике под воздействием реформы (более высокие заработки в кооперативном, чем в государственном секторе, переход квалифицированной рабочей силы из промышленности в кооперативы, высокие цены на модные товары, которые не всем доступны и др.), что, по его мнению, могло грозить социальным конфликтом. Все это свидетельствовало об усилении антиреформаторских тенденций как в самой Венгрии, так и за ее пределами. И тем не менее: если среднегодовые темпы экономического роста Венгрии за 1961–1965 гг. составляли 4–5 %, то за годы реформы, в 1966–1975 гг., превысили 6 %¹⁶⁴. Реальные же доходы населения страны за 1960-е и первую половину 1970-х гг. удвоились¹⁶⁵, что явилось важ-

ным объективным показателем и несомненным результатом реформы.

Таким образом, реализация реформы венгерского экономического механизма, с которой связывались большие надежды и ожидания, принесла немало положительного для экономики и населения страны. Ее результатом стал ощутимый рост жизненного уровня венгерского народа. Реформа вызвала неподдельный интерес среди реформаторских сил и в других странах «реального социализма», включая ученых и экономистов в Советском Союзе¹⁶⁶. Однако излишняя осторожность и непоследовательность действий высшего политического руководства ВНР в вопросе о продолжении реформы, ее фактическое торможение под воздействием внешних и внутренних экономических и политических факторов (особенно после 1973 г.) привели к необоснованному откату назад. Этот процесс Р. Нерш назвал впоследствии возвратом к «централизации в тени»¹⁶⁷. В этом, безусловно, сыграла незавидную роль и так называемая рабочая оппозиция, которая сформировалась в высшем партийно-государственном руководстве. Она заняла явные антиреформаторские позиции, выражала недовольство тем, что в результате реформы крестьянство получило бóльшие выгоды, чем рабочий класс. Как следствие, в 1974–1975 гг. под внешним и внутренним давлением своих постов лишились такие известные реформаторы, как Р. Нерш и Л. Фехер, а также активный участник разработки реформы Е. Фок (в 1967 г. он занял кресло премьер-министра ВНР в целях обеспечения правительственной поддержки реформе). Правда, устранение этих лиц прошло по-кадаровски — не сразу, а в течение определенного времени, что позволяло сохранять миф о якобы продолжающейся реформе.

Рассуждая впоследствии о судьбе венгерской реформы, рассчитанной на 15 лет, и оценивая ее основные достижения и недостатки, Р. Нерш, в частности, подчеркивал: «С помощью экономического механизма венгерская экономика

хорошо приспособлялась к современным условиям, к относительно благоприятной ситуации. В первые шесть лет реформа достигла серьезных успехов: ускорилось экономическое развитие... наблюдались изменения в рыночных отношениях, ускорился рост реальной заработной платы и реальных доходов трудящихся. Однако намеченные реформой цели до 1972–1973 гг. не удалось полностью реализовать, еще требовались дальнейшие шаги, направленные на развитие экономической конкуренции, а также на приток капитала по тогдашней программе. С 1973 г. эти направления в большинстве случаев не реализовывались. В результате экономический механизм остался в недоразвитом состоянии, он застыл, более того, на этапе 1973–1978 гг. в некоторых частях даже деградировал. В 1979 г. в экономической политике произошли перемены, но с того времени приоритетом стало уже не стремительное экономическое развитие, а восстановление внешнеэкономического равновесия страны и обеспечение ее международной платежеспособности. Если ранее среди приоритетов числились повышение реальных доходов и реальной зарплаты населения, то теперь необходимым стало сохранение уровня реальных доходов, а в исключительном случае даже их небольшое снижение»¹⁶⁸.

С 1978–1979 гг. в условиях наметившегося нового экономического спада, взрывообразного скачка цен на энергоносители и быстрого накопления внешней задолженности страны руководство ВСРП после имевших место нерешительности и бездействия снова заговорило о возобновлении, продолжении реформы, но время уже было упущено, а переломить стремительно ухудшавшуюся ситуацию не удавалось. Политическому руководству Венгрии приходилось довольствоваться удержанием достигнутого уровня в сфере экономики и социальной жизни, а упомянутое негласное соглашение власти с обществом оказалось под угрозой. Приближались роковые 1980-е годы, окончательно потрясшие систему «реального социализма».

Системный кризис и утверждение современной парламентской демократии

Глава 7. || **Общий кризис «реального социализма» и демократические преобразования в Венгрии**

На рубеже 80–90-х годов XX века в Европе, разделенной на две противоположные общественные системы, произошли кардинальные перемены. Эти процессы оказались столь масштабными и глубинными, что привели не только к слому существовавших в восточной части континента политических режимов, но и к смене общественно-политического строя, к смене системы. Странам Центральной и Юго-Восточной Европы, и особенно Польше и Венгрии, в этом историческом процессе смены эпох принадлежит особое место и немаловажная роль.

Стремительные, революционного содержания и значения изменения, наступившие в конце 1980-х годов, имели свои экономические, политические и прочие причины как в отдельных странах, так и во всей системе. Они были вызваны как объективными, так и субъективными причинами. Без них нельзя понять и объективно оценить наставшие перемены. Разумеется, первые оценки, данные этому революционному процессу по свежим следам событий (консервативные, антикоммунистические, анти тоталитарные, антидиктаторские или антиавторитарные, демократические революции), еще будут уточняться и анализироваться историками, корректироваться как применительно к отдельным странам, так и на уровне глобального противостояния двух

мировых систем. Нуждаются в детальном изучении причины, ход и этапы, интенсивность и глубина, формы и характерные особенности проявления той исторической ломки, в зависимости от которой они названы «тихими», «бархатными», «переговорными» или же «кровавыми» революциями. Так или иначе, те кардинальные исторические перемены, которые произошли в конце 1980-х — начале 1990-х годов во всем восточноевропейском регионе, требуют тщательного изучения, поскольку они вызвали поражение не только «реального социализма» в странах региона, но и развал так называемой мировой социалистической системы.

Несомненно, причины этого стремительного краха глубоки и многообразны. Они кроются в недрах самой системы, в сущности той власти, которая называлась социалистической и народной. Симптомы назревавшего кризиса и произошедшего в 1989 г. социально-политического взрыва обозначились значительно раньше, но в 1980-е годы они вызвали необратимый процесс во всей системе.

Политические режимы тоталитарного характера, воспроизводившие так называемый сталинский социализм, как известно, были привнесены искусственно и навязаны странам региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Они окончательно утвердились в 1950-е годы, и их общей чертой стала монополярная власть коммунистических партий, державшаяся на неоспоримом могуществе партийного вожака и немногочисленной высшей партийной элиты, опиравшейся на силовые структуры и диктаторски, до мелочей регламентировавшей жизнь «социалистического» общества. Эта жестко иерархическая властная структура, пронизывавшая как сферу политики, так и сферу экономики, повсеместно управлялась сверху по строго централизованному директивному принципу и воспринималась народами региона как инородная, чуждая. Ситуация усугублялась буквальным копированием советского опыта в строительстве социализма, усиленным развитием тяжелой индуст-

рии (что отвлекало средства от других отраслей), а также изоляцией стран советского блока от остального мира. На начальном этапе такая структура управления обществом давала определенный экономический эффект, но со временем замкнутость и изолированность привели к деформации экономических структур, исключению этих стран из общемирового процесса. В итоге резервы внутреннего развития стали истощаться, темпы экономического роста снизились, и страны региона начали ощущать хроническую нехватку капитала. Разумеется, система со временем претерпевала определенные изменения, но практически до конца сохранила все свои наиболее характерные основополагающие черты: однопартийность, директивную плановую экономику, почти безраздельное господство государственной собственности. Лидеры режимов не желали отказываться от этих принципов, сопротивлялись любым попыткам реформирования строя. И все же, исчерпав ресурсы внутреннего экономического роста, страны региона со временем были вынуждены частично восстановить прежние контакты с мировой экономикой, и под воздействием внешней среды их прежние устои начали подвергаться эрозии, признаки которой все больше сказывались как в экономике и политике, так и в идеологии и социальной жизни.

Кризисные явления, проявившиеся и ранее в системе, в конце 1980-х годов охватили все сферы жизни общества в европейских странах «реального социализма». Вот некоторые общезначимые признаки их регионального проявления.

Снижение темпов экономического развития стало первым, во многом определяющим признаком назревавшего кризиса. С начала 70-х годов XX века в странах – членах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) началось неуклонное сокращение темпов развития экономики, которое не могло остановить даже принятие в 1971 г. Комплексной программы экономического развития стран – членов СЭВ. Состояние экономики заставило эти страны искать выход из

сложившейся ситуации, прибегать к различным приемам привлечения капитала для оживления экономики, включая получение займов от Международного валютного фонда. Польша, например, была вынуждена пренебречь соблюдением одного из основополагающих требований или критериев «построения основ социализма». Ее руководство не осмелилось завершить коллективизацию сельского хозяйства, опасаясь трудностей в снабжении населения продуктами. Если ГДР, будучи своеобразной «витриной социализма», в последние десятилетия своего существования в экономическом отношении держалась в основном на германо-германской торговле, а болгарское руководство во главе с Т. Живковым связывало свои надежды исключительно с братской взаимопомощью с СССР, то румынский лидер Н. Чаушеску, наоборот, подчеркнуто демонстрировавший свою «независимую» внешнюю политику, начал заигрывать с Западом, устроил своеобразный бизнес по выдаче разрешений на выезд из страны для румынских граждан немецкой национальности, проживавших в Трансильвании, которые в массовом масштабе стремились покинуть «социалистический рай» румынского диктатора. Своеобразный выкуп за каждого выехавшего из страны немца стал важным источником как личного обогащения семейства Чаушеску, так и пополнения государственной казны.

Такие центральноевропейские страны, как Венгрия, Чехословакия и Польша, искали выход из тяжелого экономического положения, проводя экономические реформы сверху. Так, Венгрия еще в середине 1960-х годов приступила к разработке так называемой реформы хозяйственного механизма, которая преследовала цель интенсификации производства и частичного роста самостоятельности предприятий в целях повышения их производительности. Реформа несколько снизила роль и функции центрального планирования и директивного управления, включая некоторые элементы рыночности, а также материальной заинтересо-

ванности трудящихся в результатах своего труда. О реформе открыто заговорили в начале 1966 г., но ее реализация началась лишь 1 января 1968 года¹. Проведение реформы стало возможным лишь благодаря авторитету Я. Кадара, особенно к нему доверию советских лидеров за его «заслуги» в событиях 1956 года. Известно, что она стала первой и долгое время единственной в социалистическом лагере инициированной сверху реформой, но и она, несмотря на свою половинчатость, не была доведена до логического конца, так как этому помешали известные события 1968 г. в Чехословакии. Там также была предпринята попытка реформирования социализма, закончившаяся вводом в страну войск пяти стран – участников Организации Варшавского договора. Венгерская же реформа на уровне пропаганды была продолжена, но после 1973 г. она также была свернута и фактически снята с повестки дня. (Кстати, такая же судьба постигла экономические инициативы А. Н. Косыгина в СССР.)

Торжество антиреформаторских сил, упрочение позиций сторонников сохранения прежних режимов, лишение реформаторов власти (это особенно ярко проявилось в ЧСР, где в 1968 г., как и в Венгрии после 1956 г., наиболее отчетливо дала о себе знать реакция) существенно снизили способность стран «реального социализма» приспособляться к новым экономическим условиям. Говоря об этих реформаторских попытках следует учитывать, что они начинались сверху, но не получили завершения по целому ряду идеологических и политических причин, к тому же они изначально задумывались лишь как частичные, половинчатые реформы, не затрагивавшие устои режима. И все же попытки их внедрения являются свидетельством признания реальных проблем в экономике, с которыми неизбежно столкнулась эта система.

Первый скачкообразный рост цен на энергоносители в 1973–1974 гг. как существенный элемент мирового экономического кризиса нанес ощутимый урон странам СЭВ,

связанным с мировым рынком. Внешний долг стран-участниц этого объединения к 1981 г. достиг 88,5 млрд долларов². В 80-е годы некоторые из них оказались на грани потери платежеспособности и с трудом избежали долговой зависимости. Впрочем, в состоянии должников оказались не только страны, начавшие реформы, но и Югославия, и Румыния (последняя, правда, благодаря жесткому режиму экономии, приведшему к массовому обнищанию населения, к концу десятилетия рассчиталась с внешней задолженностью Западу).

Вторая волна роста цен на мировом рынке (1980 г.) еще больше ударила по экономике стран региона, где пытались решить эту проблему путем сокращения импорта и оживления торгового оборота в рамках СЭВ, но с 1985 г. в большинстве этих стран появились трудности с платежеспособностью и в рамках этой организации, участились перебои в снабжении населения продуктами питания, что явилось еще одним признаком углубляющегося кризиса. Так, если доля стран СЭВ в мировой торговле в 1965 г. составляла 16,5%, то в 1982 г. — 11,3%. Темпы хозяйственно-экономического роста Болгарии в 50-е годы составляли в среднем 10,9%, в 70-е — 7%, в 1980–1986 гг. — 4%. Эти показатели для Венгрии были соответственно: 5%, 4,8%, и 2,1%; ГДР — 10%, 4,8% и 4,4%; Чехословакии — 7,5%, 4,6% и 2%; Польши — 7,6%, 5,75% и 0,9%; Румынии — 10,3%, 9,3% и 5%; СССР — 8,4%, 5,1% и 3,7%³. Статистические данные последующих трех лет не публиковались, однако правомерно предположить, что тенденция к экономическому спаду продолжалась, а возможно, и усилилась. В частности, в Венгрии ситуация оказалась еще более сложной. Недаром в одном из интервью Й. Анталл, первый премьер-министр постсоциалистической Венгрии, отмечал, что, «если бы не наступил экономический крах коммунистического режима, коммунисты не уступили бы власть»⁴.

Дальнейшее неудержимое падение темпов экономического роста, хроническая нехватка капитала, снижение плате-

жеспособности переросли в общеполитический кризис в социалистическом регионе Европы. Возникшие противоречия между странами угрожали развалом международных экономических связей в рамках СЭВ, который к концу 80-х годов практически стал недееспособным и в итоге был распущен. Советская экономика, при наличии в стране огромных запасов нефти и газа, после кризиса 1970-х еще могла устоять, но в 1980-е годы также не сумела избежать потрясений.

Острые общественно-политические взрывы и потрясения в регионе – второй отчетливый признак кризиса системы. Здесь достаточно сослаться на активные выступления масс, выразивших недовольство режимом, в ходе которых выдвигались требования изменить политический курс правящих элит. Прежде всего, это была ГДР (Берлин, 1953 г.), но особенно слабым звеном оказалась Польша, где периодически происходили выступления рабочих, начиная с Познани в 1956 г. и продолжая последующими частыми проявлениями массового недовольства. Расстрел польских рабочих, решения XX съезда КПСС, прошедшего под знаком разоблачения культа личности Сталина, хрущевская оттепель оказали воздействие на Венгрию, где недовольство политикой сталинистов назревало годами. После венгерской попытки несколько смягчить догматизм сталинского социализма и ответных реставраторских действий партийного руководства, в октябре 1956 г. народное возмущение привело к массовому восстанию против ракошистского режима, которое быстро переросло в революцию и национально-освободительную борьбу. Эти выступления несколько расшатали устои системы, хотя и были жестоко подавлены. И наконец, в 1968 г. Прага предприняла новые усилия, чтобы несколько изменить характер режима и попыталась создать «социализм с человеческим лицом». Но и «пражская весна», как и попытки венгерских коммунистов-реформаторов остались лишь кратковременным эпизодом в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Эрозия системы, кризисные явления давали о себе знать и в дальнейшем, вызывая новые и новые потрясения, особенно в Польше. Если венгров, чехов и словаков уже удалось «убедить» в невозможности улучшить социализм путем реформ и в этих странах воцарились своеобразная апатия и безразличие к политическим акциям правящего класса, то Польша, еще не испытавшая военного вмешательства извне, продолжала бурлить. Когда летом–осенью 1980 г. и в 1981 г. недовольство масс достигло особого накала и конфликт между партийной властью и независимым профсоюзом «Солидарность» резко обострился, ситуация, подобно венгерской и чехословацкой, грозила советским военным вмешательством, генерал В. Ярузельский, опережая события, ввел военное положение в Польше, которое было отменено лишь в 1983 году⁵. Польское руководство со временем, преодолевая сопротивление доморощенных догматиков, пошло на уступки, которые открыли путь к реформам.

В 1980-е годы не только Польша, но и остальные «страны-реформаторы» могли убедиться в серьезности перестроечных намерений М.С. Горбачева и это позволило им перейти к открытому преобразованию режимов. 1987–1989 гг. стали для Польши и Венгрии годами активного движения по пути преобразования общественной жизни. Реформаторские силы и оппозиция в этих странах вместе с терявшей силу властью добились принятия законодательных мер для осуществления кардинальных демократических перемен. В рамках национальных «круглых столов» между властью и оппозицией по-разному, но была достигнута договоренность об условиях мирного перехода стран к парламентской демократии, что фактически явилось прорывом революционного значения и в итоге привело к смене политического строя.

Смена идеологических атрибутов – еще один признак кризиса системы. Анализируя проявления кризиса, нельзя пройти мимо факта официального отказа от идеологических

лозунгов или политических штампов «о строительстве коммунистического общества» в СССР и «развитого социализма» в других странах, провозглашенных еще в условиях экономического роста и относительного благополучия. Замена этих высоких самооценок достигнутого уровня общественного развития на «реальный социализм» явилась одновременно как актом отрезвления или осознания реальностей, так и фактическим признанием кризиса всей системы.

Смена поколений ведущих партийно-политических лидеров и приход к власти нового правящего политического класса также выражали неизбежность перемен. Утвердившиеся режимы сталинистского толка вошли в историю вместе с именами «твердокаменных большевиков»: Г. Димитрова – в Болгарии, М. Ракоши – в Венгрии, В. Ульбрихта – в ГДР, А. Новотного – в Чехословакии, Б. Берута – в Польше, Г. Георгиу-Деж – в Румынии. Все они олицетворяли систему в качестве «вождей» и «отцов» народов по сталинскому образцу. Их наследники – представители второго поколения партийных авторитетов, – Т. Живков, Я. Кадар, Э. Хонеккер, А. Дубчек, В. Гомулка и Н. Чаушеску оказались уже не столь единой и стандартной в своем мышлении и стиле правления новой когортой коммунистов-партийцев. При всем этом они оставались одинаково преданными идее социализма и так называемого пролетарского интернационализма. Некоторые из них, такие, как Гомулка и Кадар, а тем более Дубчек, занимали менее ортодоксальные позиции, чем олицетворявшие жесткие и неуступчивые принципы тоталитарные личности диктаторского типа вроде Чаушеску и Хонеккера. Разумеется, это поколение лидеров, вынужденное считаться с вызовом времени, приспособляться к реалиям окружающего мира, нередко лавировало, но неизменно внимательно прислушивалось к указаниям КПСС. Удаление Дубчека и приход к власти в Чехословакии в 1969 г. Г. Гусака означали новую попытку сторонников «железной руки» затормозить назревшие реформы⁶.

Рубеж 1970–1980-х годов, и особенно вторая половина последнего десятилетия, в ряде стран ознаменовался выходом на политическую арену следующего, уже молодого поколения руководящих деятелей коммунистических партий. Они оказались еще менее консервативными и не так зашоренными, хотя при этом и менее яркими, чем их предшественники. Они были не менее способными и образованными, обладали всеми решающими атрибутами власти, но настали иные времена, заставившие их иногда пренебречь даже, казалось бы, незыблемыми принципами режима, утвердившимися в прошлом.

В 80-е годы, особенно в условиях горбачевского ускорения и перестройки, настал этап неизбежной демократизации общественно-политической жизни, и партийным лидерам конца этого десятилетия, — а это было их время, — досталось и больше свободы, и больше проблем, которых не знали лидеры прежних эпох. Они должны были находить собственные ответы на вызовы времени. После того как все прежние попытки частичной либерализации строя потерпели крах, но стремление к его модификации или модернизации не только сохранилось, но и усилилось, лидеры этого поколения распорядились предоставленной им властью по своему умению. В этом заключалась как их сила, так и их слабость. В Польше меняли друг друга Э. Герек и С. Каня, но рядом с ними сверкнуло новое яркое имя — генерала В. Ярузельского. Спасая Польшу от угрозы интервенции, он сначала выступил в роли душителя польских «беспорядков», а затем, став президентом, пошел навстречу требованиям масс, не сопротивлялся заключению с оппозицией общественного согласия в рамках «круглого стола». В Венгрии на высшем партийном посту Я. Кадара сменил К. Грос, попытавшийся вместе с отдельными партийными реформаторами возглавить процесс неизбежных перемен и приступил к реформам, желая придать социалистической демократии в Венгрии привлекательный вид. Но остановить

развернувшийся процесс демократизации, несмотря на все его старания, ему не удалось. В стране настолько сильными оказались стремления к переменам, к подлинной демократизации жизни, что в итоге эти начинания привели к краху правящей Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), а затем к смене общественно-политического строя. Характерно, что в Венгрии именно представители партийной элиты нового поколения сделали больше всех для развала существовавшего режима.

Приводя пример Польши и Венгрии, необходимо учитывать, что в 1980-е годы именно эти две страны Центральной Европы возглавляли процесс кардинальных политических преобразований, именно они первыми пробили брешь в мощной стене тоталитарного наследия и первыми стали на путь плюралистической парламентской демократии. В остальных странах лишь вслед за ними и с более существенными потрясениями, вызвавшими сопротивление верхов, развернулись подобные процессы, и им не смогли помешать такие опытные партийные лидеры, как Гусак, Хонеккер, Чаушеску и Живков, в итоге также проигравшие и потерявшие власть.

Отдельные представители этой когорты лидеров второй половины 1980-х годов также начали осознавать необходимость перемен. Даже такой политический долгожитель, как Живков, пытался приспособиться к новым реалиям. В то же время Хонеккер и прославившийся своей «бульдозерной политикой», направленной на разрушение этнических общностей, на геноцид нерумынского населения страны, Чаушеску оказались способны довести народное возмущение до предела и ввергли свои страны в пучину кровавой бойни.

Появление диссидентства, оппозиционных движений и организаций, — еще один важный фактор кризиса. Диссидентство как политическое явление дало о себе знать в регионе уже в 1950-е годы. После революции 1956 г. Венгрию покинуло около 200 тыс. беженцев. Их тогда называли

диссидентами, проголосовавшими ногами против возрождения сталинистского режима. Это было самое массовое бегство инакомыслящих, не согласных с режимом. Лишь в Чехословакии после 1968 г. произошли аналогичные события, но там отъезд из страны сторонников реформ был все же менее значительным. Позже в странах Восточной Европы имело место и насильственное выдворение по политическим мотивам наиболее ярких критиков режима, но их численность определялась лишь десятками. Между диссидентами двух названных стран существовала определенная разница, имевшая значение для событий конца 1980-х годов. Так, если венгры, покинувшие родину в 1956 г., в 80-е годы в своем большинстве уже интегрировались в западное общество и фактически были лишены возможности активно влиять на политическую ситуацию в стране, то чехословацкие, выехавшие после «пражской весны», еще не успели сделать это и пытались активно воздействовать на ситуацию в стране. Конечно, среди эмигрантов обеих стран была группа лиц, которая через западные радиостанции пыталась влиять на общественное мнение населения⁷. В Венгрии диссидентов, выдворенных по политическим мотивам, практически не было, что объясняется менее жесткой политикой кадаровской власти по отношению к инакомыслящим.

Характерно, что среди диссидентов в ряде стран получило распространение мифологизированное представление о своей, якобы решающей роли в свержении коммунистических режимов, что явно приводит к умалению роли и значения внутренних оппозиционных сил, оформившихся в 1980-е годы. Являясь на деле внешней силой, диссиденты сами по себе вряд ли были способны поколебать, а тем более разрушить извне централизованные партийные государства региона. Именно внутренние факторы, как это будет показано ниже на примере Венгрии, привели в итоге к революционному перелому. Разумеется, они смогли реализовать эту возможность лишь в условиях охарактеризо-

ванного общего кризиса системы и наступивших в СССР перемен. Советский фактор всегда играл решающую роль в судьбе любых начинаний в каждой из подконтрольных стран восточного блока. Эпоха перестройки и нового политического мышления предоставила больше свобод и самостоятельности для политических элит стран Центральной и Юго-Восточной Европы, встретив симпатию со стороны реформаторских сил, особенно в Польше и Венгрии, где, несмотря на присутствие советских войск, развернулась мощная самоорганизация гражданского общества снизу. Перестройка дала новые импульсы и возможности для сил прогресса, для реализации реформаторских устремлений, приведших под напором политических новообразований к переменам революционного значения. Сыграло свою роль и еще одно важное обстоятельство – падение советского интереса к региону и горбачевская политика невмешательства в развитие событий, – позволившее осуществиться в 1989 г. быстротекущим преобразованиям, приведшим к свержению восточноевропейских режимов.

Партийные лидеры этих стран далеко не одинаково реагировали на политические процессы, развернувшиеся под лозунгом демократизации и модернизации общественной жизни, на появление неформальных массовых движений и возникновение многопартийности, на стремление к парламентской демократии. В развитии событий, предпосылки которых накапливались годами, центральное место принадлежит 1989 году – году революционного прорыва демократических сил. В Польше «Солидарность» получила признание и превратилась в партию, а затем овладела политической властью на свободных выборах. В Венгрии летом прошла «переговорная революция» в рамках национального «круглого стола», где согласовывались условия перехода к демократии, а в сентябре страна открыла свои границы перед беженцами из ГДР, способствуя тем самым развалу одного из наиболее догматичных постсталинских

режимов. В Чехословакии власти осенью еще использовали полицейский террор, но затем под влиянием массовых демонстраций были вынуждены уступить (в ноябре ушел со своего поста генсек КПЧ М. Якеш, а в декабре президент страны – Г. Гусак) и в конце года было сформировано коалиционное правительство. В Болгарии вынужден был уйти в отставку Живков, а в Румынии в ходе кровавых событий в декабре 1989 г. власть от Чаушеску перешла в руки Фронта национального спасения. Развернувшаяся в Югославии борьба привела не к «преодолению социализма», а скорее к противостоянию национальных республик. Сравнивая наиболее общие черты процесса развала и смены общественного строя в странах региона, следует подчеркнуть его в целом мирный характер. Исключение представляла Румыния, где без насильственного свержения жестокого и коррумпированного режима демократические преобразования были бы явно невозможны.

Обозначенные общие признаки кризиса, естественно, дополнялись в каждой из стран региона своими специфическими проблемами, и в конце 80-х годов создали серьезную опасность режимам, делая их менее устойчивыми перед растущим напором сил демократии и вызывая необратимый процесс развала. Стремительные перемены конца 80-х годов в каждой отдельной стране, наряду с общими чертами, имели свои особенности и конкретные формы проявления.

В общем процессе революционной ломки 1989 г. особое место принадлежит Польше и Венгрии. И не только потому, что они были первыми и стали пионерами уникального в истории перехода от левоавторитарных режимов к представительной демократии, но и потому, что демократическая оппозиция этих стран сумела заставить слабеющую, но еще достаточно сильную партийно-государственную власть сесть с ними за стол переговоров и договориться об условиях мирного перехода. Учитывая уникальность этого яв-

ния, редкую способность оппозиции и отдельных реформаторов в правящей элите пойти в интересах общественного согласия на исторический компромисс в деликатном вопросе о власти, целесообразно подробнее остановиться на обстоятельствах и конкретном развитии этого процесса на примере Венгрии.

В середине 1980-х годов в Венгрии проявили себя четкие признаки кризиса кадаровского «потребительского социализма», но руководство страны продолжало искусственно поддерживать относительно высокий жизненный уровень населения за счет западных кредитов, боясь повторения событий 1956 г. Объем задолженности страны за 1980-е годы удвоился, составив сумму, равную годовому национальному доходу, в результате чего Венгрия по этому показателю в пересчете на душу населения вышла на первое место среди социалистических стран⁸. Результатом стали дефицит бюджета, инфляция, снижение покупательной способности населения, рост безработицы.

Все это вызывало кризис доверия к руководству страны, которое вынуждено было вернуться к экономической реформе. Было заменено высшее руководство в сфере экономики, с 1981 г. разрешены «малые предприятия», как новая форма хозяйствования, получила распространение дополнительная и индивидуальная трудовая деятельность, но эти меры оказались недостаточными, чтобы переломить ситуацию. В области политики под лозунгом «расширения социалистической демократии» осуществили частичную модификацию избирательной системы — на выборах в парламент на каждое депутатское место стало возможным выдвигать не одного, а двух кандидатов. Практика показала, что высшая партийная геронтократия при этой системе вытесняется молодыми, поэтому для ее представителей был составлен специальный, так называемый общегосударственный, список, обеспечивший ей гарантированное прохождение в парламент.

Эти перемены не остановили процесса брожения в венгерском обществе. Интеллигенция открыто выражала недовольство политикой партийной элиты, безучастно относившейся к резкому ухудшению положения венгров в Трансильвании, где активно проводился в жизнь курс на этническую однородность «великой Румынии». Переговоры же на высшем уровне не принесли ожидаемого успеха в этом вопросе. «Нейтральная» позиция кадаровской элиты не удовлетворила национальную интеллигенцию. И хотя «бунты» в Союзе писателей Венгрии в 1983 г. завершились принятием соответствующих карательных мер против журнала «Mozó Világ», а затем в 1986 г. расформированием редакции литературного журнала «Tiszatáj», протесты продолжались.

Политическое руководство Венгрии с середины 80-х годов все больше ощущало рост недовольства положением в стране и в 1986 г. было вынуждено признать факт «исключительно медленного развития народного хозяйства», которое «вызывает сильную озабоченность у общественности»⁹, но само существование кризиса не признавало, так как это категорически отрицал Кадар. Реакция населения, и прежде всего интеллигенции, на положение в экономике и социально-политической сфере не заставила себя долго ждать. С конца 1970-х годов появились первые признаки начавшейся самоорганизации гражданского общества. Были выпущены первые оппозиционные самиздатовские журналы, создавались различные союзы, товарищества и общества.

Этапным событием на пути создания общественно-политических организаций и движений стала первая встреча оппозиционных групп Венгрии летом 1985 г. в селе Монор, где участники обсудили реальное положение в стране, обратив особое внимание на кризисные явления, которые замалчивались XIII съездом ВСРП (март 1985 г.). В ноябре 1986 г. на общем собрании Союза писателей произошел новый «бунт» — подавляющее большинство членов союза от-

вергло кандидатуры всех членов партии в руководство этой организации, что явилось началом открытой конфронтации с партийными властями. Активизировались ученые-экономисты и политологи, которые своими выступлениями и публикациями способствовали осознанию обществом ситуации застоя в экономике и политике, вносили свои предложения по выходу из углубляющегося кризиса, затрагивая вопросы неизбежных политических преобразований. В одном из изданий, составленном коммунистом-реформатором М. Би-хари¹⁰, прямо указывалось на тупиковость существовавшей политической системы. В осознании кризиса большую роль сыграли многочисленные газетные и журнальные публикации руководителя Отечественного Народного фронта (ОНФ) И. Пожгаи, сторонника замены, пользуясь его терминологией, «диктаторского социализма» демократией политического плюрализма, и вообще его разъяснительная деятельность во второй половине 80-х годов¹¹.

27 сентября 1987 г. произошло событие эпохального значения для будущей венгерской демократии. В селе Лаки-телек собрались на совещание более 180 лучших представителей так называемой народной оппозиции для обсуждения актуальных проблем страны. Именно тогда и там они заложили принципиальные основы движения Венгерский демократический форум (ВДФ), ставшего впоследствии наиболее массовым общественно-политическим движением страны. Собрал форум народный просветитель Ш. Лежак. В совещании участвовали наиболее известные в стране писатели, экономисты, ученые-гуманитарии и общественные деятели, в том числе Пожгаи, за что он получил официальное партийное порицание. О создании движения ВДФ, о его целях и задачах Пожгаи сообщил в интервью газете «Magyar Nemzet». В интервью им была высказана идея о необходимости вывода венгерского социализма из тупика и вообще о желательности его переосмысления. Здесь же впервые был опубликован текст обращения участников форума к наро-

ду¹². ВДФ определил себя в качестве «идейно-политического движения и независимой общественной организации», объединяющих народные, либеральные и христианские ценности. Форум провозгласил себя умеренной политической силой, стремящейся занимать центристскую позицию в политическом спектре демократизирующейся Венгрии. Это движение в январе 1988 г. выступило с требованием проведения свободных выборов в парламент, что являлось, по сути, открытым вызовом режиму. В рядах движения, которое выразило намерение стать политической партией, к концу года насчитывалось 10 тыс. членов¹³.

Оппозиционные силы Венгрии, в отличие от польской «Солидарности», не объединились в одну единую организацию. Наряду с народной оппозицией возникло также движение так называемой демократической оппозиции либерального толка, которое корнями уходило к подписантам пражской «Хартии-77», и в 1987 г. создало Союз свободных демократов (ССД). Была образована также оппозиционная организация молодых демократов Фидес¹⁴. Последние два движения либерально-демократического толка также не скрывали свои намерения стать партиями. В 1988–1989 гг. они, в отличие от умеренной политической силы ВДФ, представляли собой наиболее радикальную и открыто антикоммунистическую оппозиционную силу.

Вслед за появлением этих наиболее заметных оппозиционных политических новообразований, выделившихся в отдельные организации и во многом определивших процесс последующих преобразований и перспективу демократизации Венгрии, начался массовый рост численности подобных и, как их тогда называли, неформальных альтернативных общественно-политических организаций и движений самого различного толка и направления. В конечном счете, эти прототипы будущих партий, а также возродившиеся в 1988–1989 гг. бывшие, так называемые исторические, партии из числа участников демократической коалиции

1945–1948 гг. значительно оживили политическую жизнь в Венгрии конца 80-х годов. Наиболее активные из них уже в 1988 г. проводили массовые митинги и собрания, добиваясь восстановления национального праздника 15 марта, реабилитации И. Надя, а на других мероприятиях протестуя, в частности, против антивенгерской политики Чаушеску в отношении трансильванских венгров, против строительства на венгеро-чехословацкой границе на Дунае каскада электростанций и водохранилища, наносивших экологический урон водным ресурсам Венгрии (включая минеральные источники Будапешта). 1988 год вообще стал для этих движений и организаций периодом самоутверждения, активизации и приобретения политического опыта. Этому не могли помешать даже неоднократные заявления премьер-министра Гроса о том, что многопартийная система для Венгрии — это лишь далекая перспектива. Однако выход на политическую арену оппозиционных движений заставил парламент заняться обсуждением законопроектов, регулирующих право на создание общественных организаций и объединений, проведение собраний и митингов, которые в 1988 г. и были приняты. Осенью 1988 г. партийно-государственная власть оказалась вынужденной признать наличие в стране многопартийности¹⁵. Она уже реально существовала, но это не означало еще появления и наличия многопартийной политической системы. Для ее возникновения необходимо было добиться либо свержения существовавшей власти, либо убедить правящую монополю компартию поделиться этой властью.

Эрозия режима не могла не затронуть правящую партию, структуры ВСРП, в недрах которой также развернулось своеобразное внутрипартийное оппозиционное движение. В этой среде выделились сторонники продолжения экономических реформ во главе с Р. Нершем; в марте 1988 г. они создали в ВСРП леводемократическую коалицию под названием Новый мартовский фронт (за это лидеру движения

было вынесено официальное партийное порицание)¹⁶. Консервативные силы в руководстве венгерской компартии, надеясь на левый поворот в СССР, в апреле 1988 г. при поддержке Кадара исключили из рядов ВСРП четырех видных коммунистов-реформаторов (З. Биро, З. Кирая, М. Бихари, Л. Лендела), которые добивались роста активности партии, ее участия в политической демократизации страны. Их исключение фактически укрепило позиции внепартийной демократической оппозиции. В ВСРП усилились признаки разложения, и ее ряды с 1985 г. покинули около 8% членов партии.

Инициированные снизу политические процессы, подготовившие почву для кардинальных перемен 1989 г., совпали с назревшими переменами в высшем руководстве ВСРП, с неизбежной сменой поколения партийного ареопага и его лидера Кадара. В мае 1988 г. партийная конференция, обсудив положение в партии и стране, пришла к выводу о неотложности всесторонних реформ. На ней был осуществлен фактически своеобразный «дворцовый переворот», в ходе которого Я. Кадар был переведен на символический пост председателя ВСРП, сменено подавляющее большинство членов «старой гвардии». Генеральным секретарем, кстати, впервые без предварительного согласования с Москвой, был избран Грос, сохранивший также пост премьер-министра страны. Такая концентрация власти свидетельствовала о намерениях партийных младореформаторов не только возглавить процесс перемен, но и «железной рукой» остановить наметившийся распад и попытаться вывести страну из кризиса. На партконференции в состав политбюро в соответствии с новой расстановкой сил были избраны завоевавшие популярность убежденные реформаторы – Нерш, Пожгаи и М. Немет¹⁷. Предпринятые меры, однако, лишь задержали процесс развала, но оказались недостаточными для восстановления пошатнувшихся позиций ВСРП, ведь среди новых руководителей не было единого понима-

ния актуальных проблем и подходов к их решению. Кадар, хотя понимал значение сталинского лозунга о кадрах, которые «решают все», не подготовил себе достойную смену в партии, сравнимую с ним самим по авторитету. На эту роль долгое время прочили заведующего отделом ЦК ВСРП Я. Береца, который своими книгами о «контрреволюции 1956 года» завоевал расположение Кадара. Берец, однако, хотя и пользовался доверием руководства КПСС и в прежние времена подошел бы на эту роль, в новых условиях оказался политиком не того масштаба. Другим кандидатом в наследники мог стать более активный и способный Пожгаи — харизматическая личность, убежденный реформатор и сторонник «демократического социализма». Он был заметной фигурой на партийно-политическом небосклоне, проявил себя на посту руководителя Отечественного народного фронта (ОНФ) и пользовался широкой известностью и авторитетом. Но его, несмотря на предложение главного идеолога партии, «серого кардинала» Д. Ацела, Кадар отверг, ибо видел в нем последователя И. Надя¹⁸. В итоге предпочтение Кадара было отдано Гросу, который вместе с молодыми, влиятельными партийцами организовал смену всего поколения партийных лидеров и в 1988 г. сам занял высший пост на партийном Олимпе. Новый генсек ВСРП оказался амбициозным и динамичным человеком, имеющим в своих руках государственную власть и готовым взять на себя инициативу, но никак не ответственность за ошибки и просчеты старой гвардии партийных лидеров. С ним, секретарем Боршодского обкома ВСРП, Кадар познакомился в 1983 г., посетив эту область, после чего Грос был взят на работу в ЦК. В 1986–1987 гг., когда возникли экономические трудности, ему было поручено возглавить правительство, и летом 1987 г. он занял этот пост. В этой роли Грос укрепил свои позиции и вошел в состав высшего руководства. Недовольство политикой старых кадров им было использовано для переворота, осуществленного в мае 1988 года. Его при-

ход на вершину власти и начавшиеся под его руководством в 1988 г. перемены можно бы считать своеобразным прорывом к демократии, если бы не последующие его действия в качестве политика «нового порядка».

На начальном этапе осуществлявшихся сверху перемен Грос сыграл положительную роль. Пытаясь завоевать расположение масс путем проведения ограниченных демократических реформ, он, укрепив свои позиции, вскоре начал тормозить процесс и даже пытался остановить его. Грос быстро растерял полученный в мае 1988 г. «кредит доверия» масс. Так или иначе, ему не удалось завоевать особый авторитет ни в партии, ни в стране, что предопределило кратковременность его правления, ограниченность проводимых им реформ¹⁹. Люди не забыли призывы Гроса к жесткой экономике и связывали его имя с новым индивидуальным подоходным налогом с каждого гражданина, введенным в бытность его премьер-министром, а также с дальнейшим ухудшением экономической ситуации в стране. К тому же неудачей завершилась его миссия в октябре 1988 г., рассчитанная на нормализацию венгеро-румынских отношений, запомнились его «товарищеские поцелуи» с румынским диктатором. Эта встреча не принесла никаких положительных изменений для трансильванских венгров, подвергавшихся преследованиям, что поставило под сомнение его способности как государственного деятеля. Явным политическим просчетом оказались его указания о разгоне в середине ноября массовой демонстрации в Будапеште, проведенной в поддержку восставших румынских рабочих в Брашове, как и его угрозы «хаоса», «анархии» и «белого террора» (последние прозвучали в его речи во Дворце спорта в Будапеште 29 ноября 1988 г.), равно как и его прежние попытки помешать становлению многопартийной системы в стране²⁰. Эти и другие просчеты, в том числе препятствование переоценке событий 1956 г. и разгон демонстрации с требованием реабилитации Надя, не прибавили ему популярности.

Грос так и остался приверженцем «демократизации в рамках однопартийной системы». Он, как и Берец, пытался преодолеть кризис кадаровского социализма сверху, путем наведения «нового порядка», поэтому и закрепился за ним и его сторонниками эпитет «новорежимники»²¹. Разумеется, последние отличались от сохранившихся в партии сторонников «консервативного порядка», но уступали другому крылу в своем демократизме — радикальным реформаторам, которые сгруппировались вокруг Пожгаи, Нерша и бывшего посла Венгрии в Москве М. Сюрёша. Наряду с этими течениями в ВСРП в конце 80-х годов образовалась группа молодого экономиста-технократа М. Немета, который после работы в экономическом отделе ЦК в 40-летнем возрасте возглавил с ноября 1988 г. венгерское правительство. Роль как Пожгаи, так и Немета в расшатывании однопартийной системы и становлении плюрализма весьма значительна. Характерно, что эти и ряд других лидеров демократического толка в ВСРП были инициаторами дискуссии о проблемах перестройки, о неизбежных переменах. Иными словами, они усердно работали над развалом кадаровского наследия.

В 1987–1988 гг. сторонники сохранения прежнего режима в неизменном виде, представители модернизации социализма и силы, жаждавшие стремительного и кардинального продвижения к демократии, размежевались внутри самой ВСРП. И лишь в 1989 г. эта линия, разделяющая сторонников и противников демократизации, оказалась между ВСРП и оппозиционными движениями. Чтобы это могло произойти, потребовались самые активные действия коммунистов-реформаторов, фактически создавших условия для упрочения позиций внепартийной оппозиции. Лидеры оппозиционных сил до весны 1989 г. лишь внимательно прислушивались к голосам, заявлениям и острым политическим дискуссиям кардинальных реформаторов в ВСРП. Последние сами внесли существенный вклад в развал прежней кадаровской системы.

Важным моментом для становления венгерской парламентской демократии, подорвавшей устои кадаровского, да и посткадаровского режима, стало обнародование 28 января 1989 г. Пожгаи выводов специальной комиссии ЦК ВСРП о переоценке событий 1956 г., которые назывались «народным восстанием». Это было встречено с явным раздражением со стороны консервативного крыла партии. Заговорили о «путче Пожгаи». Переоценка фактически стала началом конца государственной партии. Заявление Пожгаи оказалось в центре общественного внимания не только Венгрии, но и всего мира. Его поддержали многие движения и организации. Чтобы избежать раскола в партии, ЦК ВСРП был вынужден пойти на уступки и 11 февраля официально подтвердил неизбежное — партия готова порвать с традицией однопартийности. На деле это означало, что ВСРП принимает предложение оппозиционных сил и отказывается от монополии на власть.

Не менее значительна роль правительства Немета и лично самого премьера в переходе к парламентской демократии. Это правительство, по сути, стало правительством переходным (24 ноября 1988 г. — 22 мая 1990 г.); на его долю выпало обеспечение мирных условий для перехода к парламентской демократии. Характерно, что в состав правительства в качестве министра без портфеля вошел Пожгаи, курировавший политические новообразования, и ему было поручено представить в парламент пакет законов о демократизации страны. Правительство Немета подготовило целый ряд законопроектов, которые в итоге расчистили путь к плюрализации политической жизни. В отличие от своих предшественников правительство не стало возвращать венгров — беженцев из Румынии, а открыто стало на их защиту, предоставляя им убежище в Венгрии и возводя это в ранг открытой национальной политики, чем, естественно, заслужило признание патриотически настроенной части населения, считающей необходимым оказать поддержку

соплеменникам. Произошло это после неудачной попытки, предпринятой в мае 1989 г. генсеком Гросом ввести в стране чрезвычайное положение и навести окончательный «порядок», в ответ на которую правительство Немета фактически вышло из подчинения ВСРП и стало самостоятельной политической силой.

Правительство Немета также впервые совершило не менее решительный шаг, который прежде не осмелилось бы сделать ни одно правительство социалистического региона – началось удаление пограничных заграждений из колючей проволоки между Венгрией и Австрией – ненавистного символа «железного занавеса», олицетворявшего разделенность Востока и Запада. Выполняя решение правительства, министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн вместе со своим австрийским коллегой А. Моком 27 июня 1989 г. перерезал первые метры заграждения, после чего начался его демонтаж. Этот акт имел далеко идущие последствия общеевропейского значения. Дело в том, что в Венгрии накопилось большое число «туристов» – беженцев из ГДР, отказывавшихся возвращаться на родину. 19 августа во время так называемого панъевропейского пикника сотни их сбежали на Запад через оставленный без охраны участок австро-венгерской границы. Проблема остальных десятков тысяч немцев, оставшихся в Венгрии, требовала своего решения. Переговоры с Восточным Берлином не дали результатов. Развертывание в стране мощного общественного движения в поддержку беженцев исключило возможность их выдворения и передачи властям ГДР.

Венгерское правительство после проведения секретных переговоров с ФРГ 10 сентября 1989 г. решилось на небывалую политическую акцию: открыло границу с Австрией, через которую множество граждан ГДР получили возможность свободно выехать в ФРГ и другие страны. Оценивая поступок тогдашнего венгерского правительства, бывший вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Ген-

шер в 1999 г. в Будапеште заявил: «Я повторно выразил благодарность тогдашнему венгерскому правительству, всем заинтересованным лицам и венгерскому народу за смелое решение, которое привело к ликвидации “железного занавеса”. Венгры своим смелым поступком вызвали тот самый процесс, который впоследствии привел к объединению Германии и всей Европы». Решительные шаги ведущих реформаторов-коммунистов, направленные на демократизацию строя в Венгрии, так или иначе, способствовали слому прежнего режима. В 1999 г. Хорн так оценил события десятилетней давности: «Смена системы стала таким сверху управляемым процессом, в котором сыграла свою роль как экономическая реформа 1968 г., так и то обстоятельство, что Венгрия – единственная из стран членов Варшавского договора – до конца поддерживала открытые отношения с Западом, с Европейским Сообществом. Реформаторы у нас никогда не выводились, и, по правде говоря, мы никогда не хотели их исчезновения. Мы активно участвовали в хельсинкском процессе, мы первыми и единственными подняли вопрос о возможности контактов с НАТО, ввели всемирные паспорта, установили дипломатические отношения с Южной Кореей. Это – сплошь шаги, которые были немислимы у любого из наших соседей. Все это присутствовало в наших тогдашних решениях, включая открытие границ»²².

Действия венгерских реформаторов по демократизации строя были поддержаны принятием в 1989 г. ряда важных законов Государственного собрания, председателем которого с марта стал коммунист-реформатор М. Сюрёш. Среди них был закон о свободе собраний и объединений (январь 1989 г.), право на создание политических партий, который устранил юридические препятствия на пути становления многопартийной политической системы. Благодаря активным действиям реформаторов процесс демократизации ускорился. Им, безусловно, благоприятствовала международная обстановка, особенно ситуация в СССР. Теперь Венгрия

была уже не единственной страной, которая встала на путь реформ и преобразований. Польша и СССР также пошли таким путем. И хотя весной–летом 1989 г. против венгерских преобразований уже сформировался своеобразный международный антиреформаторский блок из лидеров Румынии, ГДР и Чехословакии, это не могло помешать стремительным преобразованиям (известно, что Чаушеску и Хонеккер пытались убедить Прагу в создании коалиции против Венгрии по типу малой Антанты). Наиболее яростно и упорно стремился помешать процессу венгерской демократизации Чаушеску, который, по некоторым сведениям, на 26 декабря 1989 г. готовил даже военное вторжение в Венгрию²³. Этим замыслам и устремлениям, однако, было не суждено сбыться, так как советское руководство во главе с Горбачевым поддержало курс на общественно-политические реформы и фактически стало гарантом их продолжения.

В мае 1989 г. состоялся очередной пленум ЦК ВСРП, который принял решение по ряду актуальных вопросов. Пленум дал согласие на самостоятельные правовые действия правительства страны, признал утвержденный парламентом закон о партиях, одобрил свободу платформ в ВСРП, но главное – принял новые важные кадровые решения. Дело в том, что обострившиеся весной в руководстве ВСРП противоречия между Гросом и активными сторонниками продолжения политических реформ привели к упрочению позиций последних. Их поддержали рядовые члены партии, которые все настойчивее требовали снять Гроса с поста. Изменение расстановки сил нашло выражение в итоге в снятии со своих постов и Гроса, и председателя партии Я. Кадара. Новым председателем ВСРП стал Нерш. В июне 1989 г. был ликвидирован пост генсека, выполнение функций которого взял на себя коллективный орган – президиум в составе четырех человек (Грос, Пожгаи, Нерш и Немет)²⁴. Эта группа партийных реформаторов, среди которых главным стал Нерш, попыталась восстановить резко пошатнувшийся

престиж партии и довести ее до намеченного на начало октября 1989 г. XIV съезда ВСРП.

Укрепление позиций радикальных реформаторов в период с осени 1988 г. до лета 1989 г., падение авторитета ВСРП (ряды которой тысячами, а затем сотнями тысяч начали покидать члены партии), принятие парламентом законопроектов, легализовавших деятельность политических движений, партий и других организаций, позволили оппозиционным силам выступать все более активно, а затем начать разговор с руководством ВСРП почти на равных.

Март–октябрь 1989 г. стал для Венгрии периодом, который можно назвать стремительным процессом мирной «переговорной революции». Именно в эти месяцы произошло подлинное испытание сил на прочность между сформировавшимися и крепнущими оппозиционными движениями и организациями, с одной стороны, и старой, терявшей свои позиции, но еще достаточно сильной партийной властью – с другой. Эта последняя при случае могла разрушить еще хрупкие, но уже заявившие о себе ростки политической демократии. Пришло время, когда линия водораздела между старым и новым вышла за рамки ВСРП. Она переместилась в область между партией и новыми политическими оппозиционными силами. Силы внепартийной оппозиции объединились для проверки сопротивляемости, прочности и гибкости ВСРП и режима в целом. Они сели с ней за стол переговоров, и именно в этой, по существу скрытой от широких масс, невидимой битве за власть и решила судьба новой венгерской демократии.

Процесс самоутверждения оппозиционных движений и партий давался нелегко, так как их не сразу признали равноценными партнерами на политических переговорах. Но общественное давление заставило коммунистов считаться с оппозиционными силами, которые в народе уже воспринимались как партии. Определенные силы в ВСРП, желавшие направить процесс демократизации в желательное для

себя русло, в середине марта 1989 г. пригласили за стол переговоров лояльные к режиму общественные организации (профсоюзы, комсомол, ОНФ, Союз женщин, Союз антифашистов) и по своему выбору лишь отдельные оппозиционные политические образования. Тем самым они пытались провести лишь формальное обсуждение проблем страны, навязать свою линию и ограничить роль оппозиции в процессе выработки «общественного согласия». Такой формальный подход к насущной проблеме демократизации, однако, провалился, так как силы внепартийной оппозиции сплотились воедино.

22 марта 1989 г. по инициативе Независимого форума юристов (формально «нейтральной» организации, которая увидела слабость разрозненных оппозиционных сил и опасность возможного манипулирования ими со стороны ВСРП) был создан Оппозиционный круглый стол (ОКС). Его членами стали Общество друзей Байчи-Жилински, Фидес, ВДФ, ССД, Независимая партия мелких хозяев (НПМХ), Венгерская народная партия, Социал-демократическая партия и Демократическая лига независимых профсоюзов, а затем и Христианско-демократическая партия. ОКС стал первым важным, институционно оформленным объединением этих сил, позволившим оппозиционным силам выступить единым фронтом. Их формальное единство заставило ВСРП отказаться от прежней тактики вести с ними переговоры поодиночке и использовать ситуацию в свою пользу. Оппозиционное объединение, хотя оно и оказалось кратковременным, сыграло важную роль в деле становления новой венгерской демократии. Значение ОКС состоит в том, что, продемонстрировав единство сил оппозиции, он стал достойным противовесом абсолютистской партийной власти, оказался способным вести с ней конкретные переговоры и добился договоренности по ряду ключевых вопросов перехода к демократии. ОКС поставил под сомнение легитимность Государственного собрания созыва 1985 г. и

выразил мнение, что оно не может выполнять роль Конституционного собрания, вопреки стремлению коммунистов поскорее зафиксировать свою ведущую роль и в новой, будущей конституции страны. Представители ОКС придерживались мнения, что существующий парламент вправе принять лишь временную конституцию и может разработать только правила для перехода к плюралистической демократии²⁵. Правительство под давлением реформаторских сил в ВСРП и за ее пределами приняло эти условия. Затем представители 9 партий и движений Оппозиционного круглого стола, а также ВСРП вместе с традиционными общественными организациями и движениями образовали единый Национальный круглый стол (НКС), который сразу провел первую совместную встречу. 10 июня 1989 г. было подписано первое принципиальное соглашение о начале предстоящих политических переговоров по проблемам перехода к функциональной демократии.

13 июня 1989 г. в рамках НКС началась настоящая «переговорная революция», которая по требованию ВСРП проходила за закрытыми дверями в здании парламента. Публичными были лишь открытие работы НКС, где прозвучали заявления о намерениях, и закрытие переговорного процесса. Основной целью участников стало достижение политического соглашения об условиях мирного перехода к демократии. Стороны в самом начале работы форума договорились о том, что законодательная деятельность не должна опережать достижение политических соглашений между сторонами. Уважая эту договоренность, правительство Немета уже 27 июня отозвало в парламенте пакет законопроектов, предусматривавших смену политического строя (поправки к конституции, законы о партиях и объединениях, о конституционном суде и т. п.).

Учитывая, что НКС, который, хотя и становился наряду с парламентом (легитимность которого подверглась сомнению) важным, фактически властным органом переходного

периода, на деле не располагал правами Конституционного собрания, стороны пришли к соглашению о том, что «круглый стол» не может выполнить практические правовые функции²⁶. Тем не менее после острых дискуссий НКС все же взялся за подготовку окончательных юридических текстов для оформления основополагающих законов принципиального значения.

Работа НКС проходила в два этапа. До 16 июля 1989 г. (то есть до дня торжественного перезахоронения останков И. Надя, отмеченного массовым участием народа) на протяжении трех месяцев лишь согласовывались позиции и разрабатывались условия переговоров между ВСРП и оппозицией. Впоследствии участники «круглого стола», характеризуя этот этап, отмечали, что атмосфера на заседании была напряженной, «с обеих сторон чувствовалась огромная неуверенность» в действиях и, хотя все осознавали важность момента, в воздухе витал «дух временности, какой-то нереальности и даже сюрреализма». Сторонники оппозиции не верили в реальность заключенных соглашений, сомневались в постоянстве позиции лидеров ВСРП. Один из участников, вспоминая эти переговоры, впоследствии ссылался на то, что с 13 декабря 1981 г., то есть со времени введения чрезвычайного положения в Польше, они уже «полностью осознавали агонию режима, но не знали, насколько продолжительной она будет». На втором этапе переговоров в рамках НКС еще три месяца согласовывались позиции ВСРП и ОКС, в ходе которых благодаря представителям ВДФ как наиболее спокойной и умеренной политической силы удалось добиться прогресса. Лидеры ВДФ, стремившиеся к компромиссу, успешно выполнили роль интегратора и при этом «последовательно добивались намеченных целей». Наряду с ними важную роль сыграли напористость и радикализм Фидес и ССД. В итоге было достигнуто соглашение с ВСРП по целому ряду принципиальных ключевых и злободневных вопросов²⁷. Протоколы заседаний ОКС и

НКС по просьбе ВСРП были засекречены на 15 лет (весной 1999 г. было принято решение их опубликовать).

Во время работы «круглого стола» стороны согласовали позиции по проблемам экономики, договорились о необходимых изменениях в конституции, о деятельности политических партий и обеспечении мирных условий для перехода к демократии. В отношении проведения выборов в парламент, определения полномочий президента страны и конкретных модификаций основного закона позиции сторон разошлись. Но если была достигнута договоренность об учреждении президентства, времени проведения парламентских выборов, то о роспуске так называемой рабочей охраны (по сути, партийной милиции), о запрещении деятельности парторганизаций на рабочих местах и др. не было согласия. Все это означало, что по ряду ключевых для будущего страны вопросов сторонам удалось выработать в целом согласованные позиции.

18 сентября 1989 г. переговорный процесс завершился, и по его итогам было подписано соответствующее соглашение. ССД и Фидес не поставили свои подписи под документом, мотивируя это нежеланием заключать соглашение с ВСРП. На деле они стремились не допустить всенародное избрание президента Венгрии, опасаясь того, что в таком случае этот пост может занять Пожгаи, авторитетный представитель ВСРП. Национальный круглый стол в итоге выполнил свою ответственную функцию, добившись юридического закрепления условий мирного перехода к постсоциалистической демократии. НКС вместе с тем выполнила также роль Конституционного собрания, так как выработанные им «краеугольные законы», а точнее — отшлифованные в ходе переговоров тексты законопроектов, уже в начале октября 1989 г. были утверждены старым Государственным собранием Венгрии. Актом подписания соглашения в интересах достижения общего национально-го согласия и выработки условий мирного перехода тихая,

мирная «переговорная революция» в Венгрии приблизилась к своему концу, и страна оказалась перед парламентскими выборами на новых политических условиях. В начале октября прошел последний съезд правящей партии, на котором ВСРП фактически осуществила самороспуск. Ее реформаторские силы создали новую Венгерскую социалистическую партию, которая заявила о том, что будет стоять на социал-демократических позициях. Эта партия-наследница, хотя и сумела в условиях обострившейся политической конкуренции между различными партиями пройти в парламент, не сумела сохранить свое место и ведущее положение в новой, многопартийной, структуре страны. 23 октября 1989 г. была провозглашена Венгерская Республика, и председатель парламента, Сюрёш, стал временно — до новых парламентских выборов весной 1990 г. — исполнять обязанности президента. Истекший до выборов период в стране ознаменовался значительным ростом общественно-политической активности. Подлинными фаворитами развернувшейся политической борьбы стали, прежде всего, две оппозиционные силы — ВДФ и ССД, — получившие на выборах соответственно первое и второе места. Новый парламент, состав которого существенно отличался от прежнего, имел совершенно иной политический расклад сил в пользу сторонников нового строя. Смена строя и политической системы стали реальностью. Венгрия стала парламентской республикой. Впоследствии парламент избрал и президента Венгрии. Им стал писатель Арпад Гёнци.

Венгерский опыт политических преобразований в стране свидетельствует как о глубоком кризисе, так и о пошатнувшихся устоях «реального социализма», над коррекцией, демократизацией или развалом которого усердно работали самые различные силы общества. Углубляющийся кризис системы в странах региона, разразившаяся в 1989 г. революционная буря различной интенсивности привели к развалу коммунистических режимов в этой части Европы.

Процесс не остановился и у границ СССР, в начале 90-х годов привел к развалу этой страны, открывая эпоху коренных перемен во всем обширном евро-азиатском регионе. Главной особенностью процесса развала стало то, что революционные перемены, приведшие к слому политических режимов, к смене эпох, развились не в результате войн, как это было до этого в XX в., а в мирных условиях, и протекал он в основном мирно, без массовых столкновений и кровопролития.

Подводя общие итоги характеристики основных предпосылок назревания революционной волны в Центральной и Юго-Восточной Европе с упором на анализ венгерской специфики процесса, можно констатировать: назревавший десятилетиями кризис к концу 80-х годов стал всеобщим и приобрел системный характер, что позволяет говорить о кризисе всей коммунистической системы. Революционный взрыв, потрясший громадный регион и поразивший мир своей неожиданностью и стремительным развитием, имел свои внутрисистемные причины, вытекающие из характера самого строя. Социализм советского типа, привнесенный извне, держался на жесткой тоталитарно-авторитарной вертикали власти, на безраздельном господстве компартий, контролировавших все сферы жизни общества. Несмотря на попытки его частичного реформирования, характер и основополагающие устойчивые режимы оставались неизменными, что приводило к накоплению неразрешенных противоречий. Все реформаторские начинания режима терпели крах, встречая яростное сопротивление догматического крыла высшего внутрипартийного и советского руководства.

Кризисные явления 80-х годов проявились во всех сферах жизнедеятельности общества. Это служило основой для новых реформаторских попыток. Характерно, что если робкие, инициированные сверху попытки реформ 50–60-х годов провалились, привели к неверию в возмож-

ность реформ, то на новом витке развития новые поколения реформаторов в изменившихся внутренних и внешних условиях уже начали добиваться не только частичных реформ, но и преодоления «государственных социализмов». В поиски выхода из сложившегося ситуации включились не только реформаторы в рядах правящих элит, но и озабоченные положением своих стран лидеры новых неформальных политических движений и организаций, боровшихся за возрождение гражданского общества. Демократические структуры, возникшие и утвердившиеся в странах с менее жесткими режимами, быстро завоевали популярность и поддержку народа, стали активной преобразующей силой, инициаторами коренных перемен.

Сторонники реформ и демократии сумели начать процесс трансформации режимов, а затем, получив общественную поддержку, стали добиваться кардинальных преобразований, которые привели в итоге к демократическому перевороту, революционным образом изменившему ситуацию во всем регионе. Результатом стали перемены, которые в зависимости от силы сопротивления партийных верхов мирно или силой пробивали себе дорогу. Они коренным образом изменили расстановку политических сил в странах соцлагеря. Во главе революционных преобразований шли Польша и Венгрия. За ними собственными путями, но не без влияния первых, последовали остальные. Венгерский и польский процессы, наряду с их мирным характером, имели и другие общие специфические черты. В этих странах принципиальные вопросы перехода к демократии решались в рамках «круглого стола», путем переговоров оппозиции с властью. И в этом несомненная заслуга всех участников переговорного процесса. Предпосылки и условия для такого хода событий были подготовлены действиями венгерских реформаторов 50–60-х годов и польских деятелей «Солидарности», дополненными либерализаторскими стремлениями просвещенных политиков нового поколе-

ния, которые оказались у власти в новых условиях и продемонстрировали способность удерживать процесс назревших и неизбежных преобразований в конституционном русле. Лидеры демократической оппозиции, участники этих переговоров, стали той движущей силой, которая, опираясь на общественное мнение, фактически не дала возможность остановить процесс на полпути. В реализации достигнутых договоренностей активно участвовали народы этих стран, прежде всего в ходе первых свободных демократических выборов 1990 года.

Пример Венгрии и Польши показывает, что процесс слома старого не остановился на модернизации «реального социализма», к чему стремилось большинство коммунистов-реформаторов. Стремление к свободе, демократии было столь значительно, что население поддержало самые далеко идущие перемены. Разумеется, чтобы процесс демократического переустройства мог развернуться и успешно завершиться, потребовались соответствующие внешние условия, в которых решающим являлся советский фактор, позволивший всему этому процессу реализоваться. Бывшие социалистические страны Европы получили возможность самим решать свои внутренние проблемы. Результатом стали перемены эпохального значения, ознаменовавшие решительный отказ от прежнего общественно-политического устройства. Процесс слома тоталитарно-авторитарных режимов, несомненно, имеющий не только общеевропейское, но и всемирное значение, привел к тому, что перед регионом открылась перспектива возвращения на общечивилизационный путь развития. Как показывает опыт истекшего десятилетия, этот путь, как и любой переход от одной стадии общественного развития к другой, связанный со сломом и сменой общественной системы, никогда не был легким, но всегда связан с немалыми трудностями и социальными потрясениями.

Глава 8. || Венгерская «переговорная революция»

История Венгрии XX века богата историческими событиями, не раз круто менявшими судьбу ее народа. После Второй мировой войны со свертыванием кратковременного строя народной демократии (1944–1948 гг.) в стране был установлен режим коммунистического правления, который с небольшими модификациями просуществовал четыре десятилетия. Испытав потрясения череды кризисов, строй «реального социализма» во второй половине 80-х годов вступил в стадию, когда резервы дальнейшего развития существующей системы были исчерпаны и перемены стали неизбежными.

Кризисные явления в социалистической системе привели во второй половине 80-х годов прошлого века к горбачевской перестройке в СССР, которая облегчила протекание схожих процессов в центральноевропейских странах с идентичным по сути общественно-политическим устройством. Венгрия уже до этого не раз пыталась путем реформ (1953–1955, 1956, 1968 гг.) придать новый импульс своему социализму, несколько модифицировать «советскую модель» управления и экономической жизни, но по ряду причин, главным образом внешних, не смогла реализовать эти проекты. В 1970–1980-е годы параллельно с обострением кризиса в народном хозяйстве страны и с неизбежной, хотя и относительной, либерализацией власти в «эпоху Кадара», в Венгрии начали возрождаться заглохшие в 50-е годы элементы гражданского общества. Это возрождение знаменовалось появлением и выходом на общественно-политическую арену страны неформальных общественных групп и организаций оппозиционного настроения. Кризисная ситуация конца 80-х годов в стране заставила правящую компартию – Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП) пойти на признание неформальных или альтерна-

тивных общественных организаций и даже на переговоры с ними в надежде на совместные поиски путей выхода страны из сложного социально-экономического положения. Переговоры, в которых, впрочем, были заинтересованы обе стороны, привели к заседаниям «круглого стола», на которых началось обсуждение актуальных вопросов как вывода страны из кризиса, так и демократизации всей общественно-политической жизни. На «круглых столах» в ходе «переговорной революции», совершившейся весной–летом 1989 г., решались судьба венгерского социализма и будущее всей страны.

Исторические корни и факторы общественно-политического кризиса

После общественно-политического кризиса осенью 1956 г., проявившегося в крайне обостренной, революционной форме, последующей жестокой расправы властей с участниками борьбы и наступления реакции Венгрия вступила в новый исторический этап своего развития, нередко называемый историками «эпохой Кадара». Установившийся политический режим фактически восстановил все основные параметры «советской модели» политического строя, которые существовали до 1956 г., но вместе с тем был вынужден пойти на компромисс ради стабилизации положения в стране, а это, среди прочего, с неизбежностью заставляло считаться с удовлетворением хотя бы части требований народа, выдвинутых в 1956 г.

С помощью СССР было восстановлено несколько обновленное общественно-политическое устройство Венгрии. Во главе государства встал Янош Кадар (1912–1989), совмещавший пост главы правительства Венгерской Народной Республики и руководителя ВСРП. Наряду со всеми присущими советскому образцу характерными признаками оно с самого начала имело и свои специфические черты.

В экономической сфере была сохранена традиционная планово-директивная система управления, но сокращен

удельный вес тяжелой промышленности и увеличена доля легкой и пищевой, что вызывалось необходимостью удовлетворить потребности населения. Экономическое развитие при этом по-прежнему достигалось за счет капиталовложений и экстенсивного роста, к тому же полного обновления хозяйственной структуры не произошло. В сельском секторе был продолжен курс на коллективизацию, правда, уже не прежними насильственными методами, которые практиковались в первой половине 1950-х годов при диктаторском правлении генерального секретаря Центрального Руководства Венгерской партии трудящихся (ЦР ВПТ) Матяша Ракоши. В постреволюционных условиях вышли аграрные тезисы ЦК ВСРП (1957 г.), которые предусматривали создание крупных сельскохозяйственных кооперативов, но одновременно допускали существование приусадебных и вспомогательных хозяйств для живущих на селе, что сыграло значительную роль в улучшении обеспечения продуктами питания не только селян, но и городских жителей. Результатом такой политики в 60-е годы XX в. стал рост как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, хотя экономика по-прежнему оставалась «дефицитной», не способной полностью удовлетворить запросы населения.

В политической сфере была восстановлена однопартийная система с руководящей ролью ВСРП. Существование оппозиции не допускалось, с тем чтобы не подвергать эрозии систему. Отечественный Народный фронт (ОНФ), за который ратовали в 1953–1955 гг. и в октябре–ноябре 1956 г. венгерские реформаторы во главе с премьер-министром Имре Надем (в рамках этого движения предполагалось тогда согласовать как политические, так и все прочие интересы различных общественных сил), хотя и был создан и объединял различные общественные организации, не смог стать полноценным оппонентом, тем более оппозицией, партийной власти однопартийного государства. В стране формально существовали независимые органы власти: Государствен-

ное собрание (парламент) как высший законодательный орган государства и подотчетное ему правительство, — но фактически все важнейшие государственные решения принимались в ЦК ВСРП и его высших органах — политбюро и секретариате. Правительство, Советы, различные ведомства и предприятия только выполняли либо детализировали директивные партийные указания. Выборы в парламент оставались формальными, проводились по единому утвержденному из Центра списку, в который, наряду с коммунистами, включались и несколько беспартийных кандидатов. Лишь с 1967 г. в Венгрии, впервой из стран «социалистического сотрудничества», был проведен опыт голосования не по спущенному сверху «единому списку», а по отдельным избирательным округам, правда, с одним кандидатом (теоретически допускалось выдвижение и двух кандидатов на одно депутатское место), которого и требовалось избрать.

Политическое руководство во главе с Кадаром, в соответствии с требованием того времени, уже в начале 60-х годов XX в. провозгласило «победу социалистических производственных отношений», т.е. завершение строительства основ социализма с тем, чтобы вслед за этим взять курс на «полное построение социализма». В новых условиях, по мере улучшения экономической ситуации и смягчения общественно-политической атмосферы, между партией и обществом состоялся негласный договор, по которому политики делали свое дело, а венгерское общество взамен за свое молчание и невмешательство в эту сферу получало определенные материальные блага и свободы (последовательный рост жизненного уровня, свобода творчества для интеллигенции, возможность зарубежных поездок и т. п.).

Я. Кадар и его окружение в 60–70-е годы не отказывались от поиска определенных «мелких шагов» по частичной либерализации строя, но не затрагивавшей основы системы (ему это было дозволено Кремлем с учетом личных заслуг в решении проблем 1956 года). Лидер ВСРП и сам чутко сле-

дил за тем, чтобы не перейти ту допустимую грань, которая могла бы вызвать возражения или недоброжелательное отношение со стороны руководства КПСС. Такие осторожные изменения как в экономической, так и в политической сфере в конечном счете привели к тому, что «кадаровский социализм» стал все больше выделяться в «социалистическом содружестве» своим относительным либерализмом. Хотя он и сохранил основные признаки своего советского оригинала, все же становился его несколько модифицированным вариантом. С годами «кадаровский социализм» шаг за шагом начал приобретать свойственные лишь ему черты, которые со временем позволили квалифицировать его как либо «мягкую либеральную диктатуру», либо «авторитарный коммунистический режим», существенно отличающийся от режимов в других странах советского блока.

В «эпоху Кадара» наиболее существенной и заметной попыткой внести изменения в систему стала экономическая реформа 1968 г., называемая *реформой хозяйственного механизма*. Необходимость реформ в условиях неизбежной интенсификации народного хозяйства появилась еще в начале 1960-х годов. Тогда была создана первая рабочая группа (экономисты-реформаторы Р. Нерш, Л. Фехер, Е. Фок и др.) по изучению состояния экономики и выработке рекомендаций по реформированию системы управления ею. Эта группа реформаторов и доложила в апреле 1965 г. пленуму ЦК ВСРП об «истощении запасов экстенсивного развития» и о намерениях осуществить реформу хозяйственного механизма. Небезынтересно отметить, что о грядущих изменениях в венгерской экономике широкая общественность ВНР впервые узнала из выступления Р. Нерша, того самого высокопоставленного работника ЦК, который на пленуме в 1957 г. с партийно-идеологических позиций резко осуждал реформатора И. Надя и лишь позже осознал значение его преобразований. Конкретное же решение о проведении реформы было принято в мае 1966 г.²⁸ В целях ее кадро-

вого обеспечения пост премьер-министра страны в апреле 1967 г. занял Енё Фок. Реформа предусматривала, прежде всего, снижение роли и функций центрального планирования и директивного управления предприятиями, а также регулирование хозяйственных процессов преимущественно экономическими методами.

Венгерская реформа, введенная с 1 января 1968 г., содержала элементы рыночного регулирования всей хозяйственной деятельности. Наряду с децентрализацией управления народным хозяйством реформа преследовала цель интенсифицировать материальное производство, повысить самостоятельность предприятий и, естественно, добиться оживления экономики, равно как и повышения материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда. Государственный план теперь предусматривал лишь общие направления экономического роста, а плановые задания не «спускались» предприятиям. Последние получили больше возможностей для развития инициативы и самостоятельности в решении хозяйственных проблем на местах. Экономический эффект и социальные последствия реформы с самого начала были значительны и весьма ощутимы. Наибольших успехов удалось добиться в сельском хозяйстве.

Реформа хозяйственного механизма тем не менее оказалась половинчатой, так как рыночные принципы не получили достаточно свободного развития, а отстающим предприятиям продолжали выделять государственную дотацию. Эти и другие первоначальные трудности, однако, преодолевались благодаря гибкой ценовой политике, экономическому регулированию, корректировке по ходу реформы. Перемены в экономике, однако, не привели к необходимым преобразованиям в системе политических институтов, что оказало сдерживающее воздействие на развитие реформы. Руководство ВСРП и не предусматривало реформирования политического строя, хотя сами разработчики реформы, безусловно, предполагали такие последствия. Венгерские

преобразования были начаты в весьма неблагоприятных внешнеполитических условиях, которые фактически пред-
решили их судьбу. Хотя реформа хозяйственного меха-
низма оказалась многообещающей и, судя по ее первым
достижениям, достаточно результативной, что вызвало
пристальный интерес к ней и в СССР, события 1968 г. в Че-
хословакии, растущее недовольство венгерской реформой
со стороны отдельных лидеров «братских коммунистичес-
ких партий» заставили венгерское партийное руководст-
во после Пражской весны принять меры по фактическому
сдерживанию преобразований. Реформа в конечном счете
была «спущена на тормозах».

Политические нападки на реформу со стороны консер-
вативно-ортодоксальной части партийно-государственной
элиты в самой Венгрии в сочетании с неодобрительными
голосами извне, и не в последнюю очередь со стороны
ультраконсерваторов из ГДР и Румынии, сделали свое дело.
Решающим же для судьбы внедрения в Венгрии нового хо-
зяйственного механизма стало, однако, отношение брежнев-
ского руководства СССР к реформам вообще. Внутренняя,
так называемая «рабочая оппозиция» (ее лидеры в борьбе
за власть прикрывались защитой интересов рабочего клас-
са) начала использовать экономическую реформу против
самого Кадара и главных реформаторов, что и послужило
дополнительным толчком к ее фактическому свертыванию.
Антиреформаторским силам в первой половине 70-х годов
удалось добиться смещения разработчиков реформы с ру-
ководящих должностей. Е. Фок в 1975 г. был освобожден от
должности председателя Совета министров ВНР. Его сме-
нил Д. Лазар, считающийся премьер-министром «венгер-
ского застоя».

В условиях начавшегося мирового энергетического кри-
зиса 1973 г., весьма болезненно затронувшего Венгрию в
результате резкого роста цен на энергоносители, пробуксо-
вывавшая, но все еще теплившаяся реформа столкнулась с

новыми нападками со стороны директоров крупных предприятий и антиреформаторов в высших эшелонах политической власти. В комплексе ситуация привела к тому, что в стране значительно ухудшились условия народнохозяйственного развития.

Обозначенные политико-экономические предпосылки и привели к тому, что в 1980-е годы проявили себя четкие признаки кризиса кадаровского «потребительского социализма». Политическое руководство страны хорошо понимало, что стабильность режима держится, прежде всего, на достигнутом после 1956 г. согласии между властью и населением. Чтобы гарантировать социальную стабильность, правительство продолжало искусственно поддерживать относительно высокий уровень жизни венгров за счет привлечения западных кредитов, опасаясь повторения событий 1956 г. Начался стремительный рост внешней задолженности Венгрии, и ее правительству так и не удавалось восстановить экономическую конъюнктуру, хотя на это были направлены серьезные реформаторские усилия начала 80-х годов XX в. Объем задолженности страны за 80-е годы удвоился, составив сумму, равную годовому национальному доходу, в результате чего Венгрия по этому показателю в пересчете на душу населения вышла на первое место среди социалистических стран²⁹. Результатом стали дефицит бюджета, инфляция, снижение покупательной способности населения, рост безработицы. Все это вызывало кризис доверия к правящей Венгерской социалистической рабочей партии, которая вынуждена была вернуться к отложенной экономической реформе. Была проведена смена в высшем руководстве народным хозяйством. Противников реформы отстранили от руководящих должностей в надежде на улучшение ситуации. Группа реформаторов при активной поддержке Ференца Хаваша, возглавившего с конца 1977 г. экономический отдел ЦК ВСРП, начала предпринимать шаги по возрождению реформы.

С 1981 г. в условиях углублявшегося кризиса появились и получили гражданские права новые формы предпринимательства. Была легализована деятельность «малых предприятий» и дополнительных, так называемых побочных, или вспомогательных производств (в частности, промышленных производств при сельскохозяйственных кооперативах). В них в начале 1980-х годов сверхурочной и дополнительной трудовой деятельностью было занято уже около 4,5 млн человек. Такая деятельность во внеурочное время преследовала цель ликвидировать дефицит и удерживать жизненный уровень населения на прежнем уровне, но, с другой стороны, она приводила к «самоэксплуатации» людей и отрицательно сказывалась на их трудовой активности по основному месту работы. В конечном счете дополнительные трудовые и индивидуальные виды деятельности оказались недостаточными, чтобы переломить неблагоприятную ситуацию в венгерской экономике, испытывавшей стагнацию. Так, если рост национального дохода Венгрии в 1979 г. составлял 1,9%, то в 1980 г. — только 0,8%. В среднем же за 1981–1985 гг. его рост составлял 1,3% и имел тенденцию к дальнейшему снижению³⁰.

В изменившихся условиях 1980-х годов в Венгерской Народной Республике произошли определенные сдвиги и в политической сфере, где под лозунгом «расширения социалистической демократии» была осуществлена дальнейшая частичная модификация избирательной системы. На выборах в парламент на каждое депутатское место стало возможным выдвигать не одного, а двух и более кандидатов. Однако практика вскоре показала, что высшая партийная геронтократия при такой системе постепенно вытесняется молодыми кадрами политиков, поэтому ради сохранения старой партийной номенклатуры для представителей этой группы кандидатов составлялся специальный, так называемый общегосударственный список, обеспечивший ей гарантированное прохождение в парламент.

Указанные новации и перемены в экономике и политической сфере не могли остановить ни дальнейшее углубление экономического кризиса, ни демократическое брожение в различных слоях венгерского общества, которые начали нарастать прежде всего в интеллигентских кругах страны, но не обошли и ряды правящей ВСРП, умножая число инакомыслящих и безоговорочно жаждущих перемен. Часть интеллигенции открыто выражала свое недовольство политикой венгерской партийной элиты не только в стране, но и применительно к сопредельным государствам, где проживало немало венгров. В интеллигентской среде не могли смириться, в частности, с тем, что руководство ВСРП безучастно относилось к преследованиям и резкому ухудшению положения венгров в Трансильвании, где Н. Чаушеску активно проводил в жизнь курс на «систематизацию», т. е. на насильственное утверждение этнической однородности «великой Румынии». Переговоры на высшем уровне не принесли желаемого успеха в этом вопросе. «Нейтральная позиция» кадаровской элиты не могла удовлетворить национальную интеллигенцию. И хотя «бунты» в Союзе писателей Венгрии в 1983 г. завершились принятием карательных мер против журнала «Мозго Вилаг» («Мир в движении»), а затем в 1986 г. расформированием редакции литературного журнала «Тисатай» («Тисайский край»), протесты не прекращались.

Политическое руководство Венгрии с середины 80-х годов все больше ощущало рост недовольства положением в стране и наконец в 1986 г. было вынуждено признать факт «исключительно медленного развития народного хозяйства», отметив, что оно «вызывает сильную озабоченность у общественности»³¹. Существование же кризиса в стране элита еще не желала признавать, так как это категорически отрицал сам Я. Кадар. В действительности снабжение населения продуктами и товарами потребления в Венгрии было гораздо лучше, чем в других социалистических странах Ев-

ропы, где повсеместно ощущался дефицит. Реакция населения, и прежде всего интеллигенции, на положение в экономике и социально-политической сфере, однако, и здесь не заставила себя долго ждать.

С конца 1970-х годов в ВНР появились первые признаки начавшегося возрождения гражданского общества, стихийного роста его самоорганизации. Начался выпуск первых оппозиционных самиздатовских журналов, создавались различные союзы, товарищества и общества, не разделявшие официального оптимизма ни в вопросах экономики, ни в отношении демократизации строя. В стране назревали неизбежные перемены.

Появление первых неформальных объединений и реакция высшего руководства ||

Этапным событием на пути создания общественно-политических организаций и движений в Венгрии стала первая встреча оппозиционных групп и неформальных течений, проведенная летом 1985 г. в селе Монор. На ней участники обсудили реальное положение дел в стране, обратив особое внимание на кризисные явления, которые преднамеренно замалчивались XIII съездом ВСРП (март 1985 г.). В ноябре 1986 г. на общем собрании Союза писателей Венгрии произошел новый «бунт» — подавляющее большинство членов Союза отвергло кандидатуры всех членов партии для избрания в руководство этой организации, что явилось началом открытой конфронтации с партийными властями. Активизировались также ученые-экономисты и политологи, которые своими выступлениями и публикациями способствовали осознанию обществом ситуации застоя в экономике и политике, вносили свои предложения по выходу из углублявшегося кризиса, затрагивая при этом также вопросы неизбежных политических преобразований. В одном из изданий, составленном коммунистом-реформатором М. Би-хари³², прямо указывалось на тупиковость существовавшей

политической системы. В осознании обществом состояния кризиса в стране — и не только в экономике, но и в политической сфере, — большую роль сыграли многочисленные газетные и журнальные публикации, интервью руководителя Отечественного Народного фронта (ОНФ) Имре Пожгаи, сторонника замены (пользуясь его же терминологией), «диктаторского социализма» «демократией политического плюрализма», и вообще его разъяснительная деятельность во второй половине 1980-х годов³³.

В Венгрии, оказавшейся в состоянии брожения и поиска путей дальнейшего развития, 27 сентября 1987 г. произошло важное для будущей венгерской демократии событие эпохального значения. В селе Лакителек собрались на совещание более 180 лучших представителей так называемой «народной оппозиции», где фактически были заложены принципиальные основы движения «Венгерский демократический форум» (ВДФ), ставшего впоследствии наиболее массовым общественно-политическим движением страны. Участников на форум собрал сельский народный просветитель Шандор Лежак для обсуждения актуальных проблем страны. У этого руководителя местной художественной самодеятельности уже и ранее, начиная с 1969 г., собирались представители различных кружков и обществ, главным образом для разговора о своих проблемах, проводились литературные встречи, особенно с молодыми литераторами. Со временем такие встречи стали регулярными, расширился диапазон обсуждаемых тем. В сентябрьском совещании в Лакителеке под открытым небом участвовали представители течений самого различного толка и идейно-политической направленности, которых на сей раз объединял дух общей озабоченности положением страны и решимость искать пути выхода страны из сложившегося кризисного состояния. Вместе с тем собравшиеся выступали за безусловную демократизацию общественно-политического строя. Выступали именитые, наиболее известные в стране писа-

тели, экономисты, ученые-гуманитарии и общественные деятели, в том числе И. Пожгаи, который за свое участие в работе совещания вскоре получил официальное партийное порицание. При всем этом представители встречи избегали какого-либо прямого конфликта или столкновения с официальными властями. Однако, проведя свой форум и создав новое общественное движение, его участники, по оценкам Лежака, фактически уже предприняли шаг для изменения существующего строя, и встреча в Лакителеке, так или иначе, стала неким «прообразом учредительного национально-го собрания»³⁴.

О создании движения ВДФ, о его целях и задачах Пожгаи сообщил в интервью газете ОНФ – «Мадьяр Немзет». В нем была высказана идея о необходимости вывести венгерский социализм из тупика и вообще о желательности его переосмысления. Здесь же впервые был опубликован текст обращения участников форума к народу³⁵. ВДФ определил себя в качестве «идейно-политического движения и независимой общественной организации», объединяющих народные, либеральные и христианские ценности. Форум провозгласил себя *умеренной* общественно-политической силой, стремящейся занимать центристскую позицию в политическом спектре демократизирующейся Венгрии. Это движение, первым председателем которого был избран литературовед Золтан Биро, в январе 1988 г. выступило с требованием проведения свободных выборов в парламент, что являлось, по сути, открытым вызовом режиму. Реакция партийного руководства не заставила себя долго ждать, и Биро исключили из рядов ВСРП. В рядах движения ВДФ, которое вскоре выразило свое намерение стать в будущем политической партией, к концу года насчитывалось уже 10 тыс. членов³⁶.

Наряду с ВДФ в Венгрии почти параллельно возникли и другие альтернативные формирования, недовольные складывавшейся в стране ситуацией и также решившие изменить положение дел. Характерно, что оппозиционные обра-

зования Венгрии, в отличие от польской «Солидарности», не объединились в одну общую или единую организацию. Это объясняется, прежде всего, традиционно сложившимся еще в межвоенные годы разделением двух основных идейных течений (народно-национального и урбанистического направлений) в венгерской литературе и общественно-политической культуре, между которыми развернулось соперничество, и они так и не смогли найти общий язык. Поэтому наряду с *народно-национальной оппозицией* (ВДФ) возникло и другое движение, назвавшее себя *демократической оппозицией либерального толка*, которое уже ранее предпринимало попытку объединить все оппозиционные силы страны. Это второе движение корнями уходило к «подписантам» пражской «Хартии-77» и в 1987 г. создало *Союз свободных демократов* (ССД), который возглавил философ Янош Киш, редактор самиздатовского журнала «Беселё» («Говорящий»). Была образована также молодежная оппозиционная организация – *Союз молодых демократов*, или сокращенно *Фидес*³⁷, во главе с Виктором Орбаном. Последние два движения либерально-демократического толка также не скрывали свои намерения стать партиями. В 1988–1989 гг. они, в отличие от умеренного ВДФ, представляли собой наиболее *радикальную* и открыто *антикоммунистическую* оппозиционную силу (хотя руководящие кадры ССД в большинстве сами являлись выходцами из бывших коммунистических династий, представители которых в 50-е годы оказались отстраненными от власти).

Вслед за появлением этих трех наиболее заметных и выделившихся из остальной массы оппозиционных политических новообразований, во многом определивших процесс последующих перемен и перспективу демократизации Венгрии, начался массовый рост численности подобных, как в те времена их называли, «неформальных альтернативных общественно-политических организаций и движений» самого различного толка и идейно-политической направленности.

В конечном счете, эти прототипы будущих партий, а также возродившиеся в 1988–1989 гг. бывшие, так называемые исторические партии из числа участников демократической коалиции 1944–1948 гг., значительно оживили политическую жизнь в Венгрии конца 80-х годов XX в. Наиболее активные из них уже в 1988 г. проводили массовые митинги и собрания, добиваясь восстановления традиционного национального праздника 15 марта, реабилитации И. Надя, проводили другие мероприятия политического характера. Они протестовали, в частности, против националистической политики Чаушеску, направленной своим острием на многочисленных трансильванских венгров, критиковали венгерское политическое руководство за уступчивость и безразличие к судьбе соплеменников в Румынии и Чехословакии, выступали с экологическими требованиями за прекращение строительства на венгеро-чехословацкой границе на Дунае каскада электростанций и водохранилища и т. п.

В Венгрии 1988 год вообще стал для этих движений и организаций периодом самоутверждения, активизации деятельности и приобретения политического опыта. Этому не могли помешать даже неоднократные заявления премьер-министра страны 1987–1988 гг. Кароя Гроса о том, что многопартийная система для Венгрии – это лишь отдаленная перспектива. Выход на политическую арену оппозиционных движений и организаций заставил Государственное собрание ВНР заняться обсуждением законопроектов, регулирующих право на создание общественных организаций и объединений, условия проведения собраний и митингов. Осенью 1988 г. партийно-государственная власть оказалась вынужденной признать наличие в стране многопартийности³⁸, которая пробивала себе дорогу или уже реально существовала. Правда, это еще не означало наличия многопартийной системы, ведь реальная власть по-прежнему оставалась в руках государственной партии, т. е. партии, олицетворявшей собой социалистическое государство. Для возникновения много-

партийной системы еще требовалось добиваться отмены политической монополии ВСРП, а это было достижимо путем либо ее свержения, либо такого давления на нее, которое заставило бы коммунистов поделить власть.

Всеобщая эрозия режима, однако, не могла не затронуть и структуры ВСРП, в недрах которой постепенно также зарождались своеобразные внутрипартийные течения, оформление которых началось еще в декабре 1987 г. В партийной среде особыми позициями начали выделяться убежденные сторонники продолжения экономических реформ во главе с тем же Р. Нершем (к их числу принадлежали известные писатели Л. Дюрко, Ш. Фекете, ученые М. Бихари, Л. Лендел, Т. Вамош, Ф. Патаки и И. Витани, а также политики С. Уйхейи и М. Вашархейи, ставшие впоследствии деятелями ССД), которые в марте 1988 г. создали внутрипартийную леводемократическую коалицию под названием «Новый мартовский фронт» (НМФ), за что лидеру движения также было вынесено официальное партийное порицание³⁹. В обращении НМФ, призывавшего к духовному обновлению общества, в частности, отмечалось: «Венгрии угрожает кризис. Он опасен для всего общества, для политики и экономики страны. Перед лицом углубления этого процесса мы не можем бездействовать... Снижается жизненный уровень. И мы не знаем, до каких пор. Нерешенные социальные проблемы вызывают напряженность, которая угрожает безопасности общества»⁴⁰. Далее говорилось о глубоком структурном кризисе в экономике, обращалось внимание на идейный кризис, который охватил и сферу доверия народа к власти. Указывалось на то, что, если «рухнет Венгрия», которая в истекшую четверть века сыграла передовую роль в процессе реформ, это станет угрозой и для европейской стабильности.

Консервативные силы руководства Венгерской социалистической рабочей партии, которые надеялись на лево-догматический переворот в СССР и ожидали прекращения перестройки, смещения М.С. Горбачева, в апреле 1988 г.

добились исключения из партии четырех известных коммунистов с нестандартным мышлением (З. Биро, З. Кирая, М. Бихари, Л. Лендела), которые не скрывали свои взгляды, указывали на недостатки и проявляли большую общественную активность в интересах политической демократизации партии и страны. При этом уже наблюдались явные признаки падения престижа правящей партии, участились случаи, когда ее члены начали покидать партийные ряды (с 1985 г. вышли из партии около 8 % членов).

Инициированные же снизу политические процессы, направленные на демократизацию всей общественно-политической жизни Венгрии и готовившие почву для кардинальных преобразований, которые наступили в 1989 г., в определенной степени совпали с назревшими переменами в высшем руководстве ВСРП — с неизбежной сменой поколения партийных долгожителей и их лидера Я. Кадара. В мае 1988 г. Всевенгерская партийная конференция, обсудив положение в партии и стране, пришла к выводу о неотложности всесторонних реформ. Были обозначены допущенные руководством ошибки, а основной причиной сложившейся ситуации названо то, что экономическая реформа не сопровождалась реформой политической, реальным обновлением ВСРП. Вскоре тезис о том, что без внутрипартийного обновления и постепенного преобразования системы политических институтов не обойтись, получил признание и поддержку. Новые, более существенные реформы намечалось проводить постепенно, в течение предстоявших 8–10 лет ⁴¹.

На партконференции в мае произошел практически своеобразный «дворцовый переворот», в ходе которого Кадара перевели на символический пост председателя ВСРП, сменили больше половины членов ЦК. Впервые без предварительного согласования с Москвой был избран новый генеральный секретарь ЦК партии. Им стал Карой Грос, сохранивший также пост премьер-министра страны. Такая концентрация власти в руках этого главного режиссера об-

новления высшего партийного руководства явно свидетельствовала о желании нового поколения политиков возглавить процесс венгерской перестройки, допуская некоторую демократизацию в политической сфере, а при этом попытаться восстановить пошатнувшееся доверие к партийной власти в обществе в целом. Кроме того, безусловно, присутствовал расчет на то, чтобы усилиями группы партийных «младореформаторов» остановить дальнейшее углубление кризиса в экономике, а в политической сфере — помешать дальнейшей поляризации сил, могущей привести к потере компартией власти. Ради этого на партконференции в состав политбюро в соответствии с новой расстановкой внутрипартийных сил были избраны такие завоевавшие популярность в народе убежденные реформаторы, как Р. Нерш, И. Пожгаи и молодой экономист М. Немет⁴². Первоначальный динамизм нового генсека партии и всей новой когорты руководителей встречал понимание и поддержку в народе, давал надежду населению страны. Произшедшие сдвиги в составе руководящего штаба ВСРП не вызывали опасений у горбачевского руководства КПСС, так как в них усматривалось желательное омоложение, а в намеченных целях — подражание советской перестройке.

Предпринятые меры и инициированные новым руководством начинания, однако, могли лишь задержать процесс наметившегося системного развала, но оказались недостаточными для восстановления прежнего потенциала ВСРП, которая оказалась в цейтноте. На фоне стремительного нарастания тяги к демократии, неизбежных изменений в обществе, активизации действий новых альтернативных общественно-политических движений и объединений ВСРП фактически не успевала за процессами стремительной политизации масс. К тому же сказывался еще один фактор: среди членов обновленного руководства не было единого понимания подходов к решению назревших проблем и проведению конкретных действий.

Здесь следует учитывать также, что Кадар, хотя и понимал значение известного лозунга о кадрах (которые «решают все»), не подготовил себе в партии достойную замену, сравнимую с ним по авторитету. На роль его наследника долгое время прочили члена политбюро, секретаря ЦК ВСРП Яноша Береца, который своими книгами о «контрреволюции» 1956 г. завоевал расположение Кадара и его окружения. Но Берец, хотя и пользовался доверием руководства КПСС и в прежние времена явно годился для этой роли, в условиях перемен и неизбежной демократизации оказался неподходящим претендентом. Другим кандидатом в наследники мог стать более активный и способный Пожгаи — харизматическая личность, убежденный реформатор и сторонник «демократического социализма». Он был заметной фигурой на партийно-политическом небосклоне, проявил себя на посту руководителя ОНФ и пользовался широкой известностью и авторитетом в народе. Но его кандидатуру, несмотря на предложение «серого кардинала», главного идеолога партии, курировавшего культурную политику в ЦК Дёрдя Ацела, Кадар отверг, увидев в нем идейного последователя И. Надя⁴³. В итоге предпочтение было отдано Гросу, который вместе с молодыми влиятельными партийцами в высшем руководстве организовал смену старого поколения партийных бонзов, а с 1988 г. сам занял высший пост на партийном Олимпе.

К. Грос в роли нового лидера оказался амбициозным и динамичным человеком, сосредоточившим в своих руках, как отмечалось, немалую власть. Он взял на себя инициативу некоторых частичных реформ, но никак не желал брать ответственность за ошибки и просчеты старой партийной гвардии. С ним, секретарем Боршодского обкома ВСРП, Кадара познакомили во время его посещения в 1983 г. этой области. Гроса вскоре пригласили на работу в ЦК. Когда в середине 1980-х годов возникли экономические трудности, ему было поручено возглавить правительство, и летом 1987 г. он за-

нял этот пост. Здесь он укрепил свои позиции и вошел в состав высшего руководства страны. Недовольство политикой старых кадров Грос использовал для осуществления в мае 1988 г. упомянутого переворота. Приход К. Гроса на вершину политической власти и начавшиеся под его руководством в 1988 г. перемены можно бы считать даже своеобразным прорывом к демократии, если бы не последующие действия генсека в качестве политика «нового порядка», направленные на сдерживание процесса венгерской демократизации.

На начальном этапе осуществлявшихся сверху перемен Грос, безусловно, сыграл прогрессивную роль. Пытаясь завоевать расположение масс путем проведения ограниченных демократических реформ, он в партийных кругах казался приверженцем довольно существенных преобразований, но, укрепив свое положение, Грос вскоре начал тормозить и даже пытался остановить этот процесс. Поэтому полученный в мае 1988 г. «кредит доверия» масс Грос быстро растерял, а возглавляемая им партия встала перед аналогичной проблемой. Все это предопределило кратковременность его правления, а также ограниченность проводимых им реформ⁴⁴. Люди не простили Гросу призывы к жесткой экономике и связывали его имя с новым индивидуальным подоходным налогом с каждого гражданина, введенным еще в бытность его премьер-министром, а также с дальнейшим ухудшением экономической ситуации в стране. К тому же в октябре 1988 г. неудачей завершилась его миссия к Николае Чаушеску, рассчитанная на нормализацию румыно-венгерских отношений. Запомнились его «товарищеские поцелуи» с румынским диктатором (впрочем, это не отличало его от М. С. Горбачева, который во время визита в Бухарест также обнимался с «гением Карпат» и наградил его орденом Ленина). Эта встреча не принесла никаких положительных изменений для трансильванских венгров, подвергавшихся преследованиям в Румынии, и ставила под сомнение способности К. Гроса как государственного деятеля.

Были и другие явные политические просчеты, допущенные К. Гросом: личное указание разогнать массовую демонстрацию в Будапеште, которая проводилась в поддержку восставших рабочих в румынском Брашове в середине ноября 1988 г., попытка напугать население демократией, ссылаясь на угрозу возможного «хаоса», «анархии» и даже «белого террора» (все это прозвучало в его речи на партактиве во Дворце спорта в Будапеште 29 ноября 1988 г.). Эти и многие другие поступки и позиции не прибавили ему популярности, уже не говоря о неудавшихся попытках сопротивляться переименованию событий 1956 г. в «народное восстание», о приказе разогнать демонстрацию с требованием реабилитации Имре Надя или о препятствовании становлению многопартийной системы в стране⁴⁵. Грос так и остался приверженцем «демократизации в рамках однопартийной системы». Он, как и Я. Берец, пытался преодолеть кризис социализма сверху, путем наведения «нового порядка», поэтому не без основания закрепился за ним эпитет «новорежимника»⁴⁶. Разумеется, Грос и его окружение отличались от еще сохранившихся в партии сторонников старого «консервативного порядка», но в реальном демократизме явно уступали приверженцам реформаторского крыла ВСРП, которые окружали Нерша и Пожгаи.

В руководстве ВСРП не было единого мнения относительно решения ключевых проблем актуальной политики, конкретных путей дальнейшего развития, а тем более темпов, методов и этапов процесса реальной демократизации страны. Сплотившиеся вокруг отдельных лидеров группировки в партийном руководстве имели собственное представление о неотложных задачах. В ВСРП в конце 1980-х годов образовалась также группа молодого экономиста-технократа Миклоша Немета, который с ноября 1988 г. после работы в экономическом отделе ЦК, в 40-летнем возрасте возглавил новое венгерское правительство. Роль И. Пожгаи и М. Немета в расшатывании однопартийной системы

и становлении политического плюрализма в Венгрии весьма значительна. В этом направлении прилагал усилия и руководитель международного отдела ЦК, бывший посол ВНР в СССР Матяш Сюрёш. Характерно, что эти и ряд других представителей демократического толка в ВСРП были инициаторами дискуссии о проблемах перестройки о неизбежности перемен. Так или иначе, эти деятели усердно работали над развалом кадаровского политического наследия, стремясь к модернизации и демократизации страны. Вместе с тем появление различных групп и течений в партии и ее руководстве все больше указывало на нарастание расхождений между ними по ключевым проблемам назревших преобразований, в оценке пройденного за годы социалистического строительства пути, равно как и перспектив развития.

Следует отметить, что в 1987–1988 гг. водораздел между сторонниками сохранения прежнего режима в неизменном виде, представителями частичной модернизации социализма путем реформ и силами, жаждавшими стремительного и кардинального продвижения к демократии, в равной степени проходил внутри самой ВСРП. Такая линия раздела сторонников демократизации и ее противников лишь с 1989 г. переместилась в область между ВСРП и внепартийными оппозиционными движениями. Чтобы такое перемещение могло произойти, требовалось самое активное содействие коммунистов-реформаторов, фактически помогавших создавать условия для упрочения позиций внепартийной оппозиции. Оппозиционеры до весны 1989 г. лишь внимательно прислушивались к заявлениям и острым политическим дискуссиям, бурлившим в недрах Венгерской социалистической рабочей партии. Радикальные партийные реформаторы своими действиями фактически поддержали демократические устремления внепартийной оппозиции и тем самым также способствовали расшатыванию существовавшего строя.

Важным шагом, который дал исходный толчок процессу подлинной демократизации ВСРП и который явился переломным моментом в становлении венгерской демократии в целом и подорвал устои всего кадаровского и посткадаровского коммунистического режимов, стало обнародование 28 января 1989 г. Пожгаи выводов специальной исторической подкомиссии ЦК ВСРП. В этих выводах события осени 1956 г. подверглись коренной переоценке: вместо прежней «контрреволюции» они были признаны «народным восстанием»⁴⁷. И хотя это являлось лишь полуправдой в оценке реальностей прошлого, данное заявление Пожгаи сыграло роль катализатора всех дальнейших процессов продвижения к реальной демократии в Венгрии. Оно было встречено с явным раздражением со стороны консервативного крыла ВСРП, где сразу же заговорили о «путче» Пожгаи. Но оно потрясло и всю партию, усилило расхождения как в ее руководстве, так и в партийных рядах в целом. Переоценка событий 1956 г. фактически стала началом конца как для государственной партии, так и для партийного государства. Заявление Пожгаи сразу же оказалось в центре внимания венгерской и всей мировой общественности. Новую оценку поддержало подавляющее большинство общественных движений и организаций страны, она была положительно встречена в народе. Чтобы избежать раскола в рядах партии, ЦК вынужден был пойти на уступки и 11 февраля 1989 г. официально подтвердил неизбежное, а вместе с тем заявил также о готовности порвать с традицией однопартийности. Это был прорыв. Более того, руководство ВСРП фактически признало принципиально иную, нежели ранее, оценку октябрьских событий 1956 г., а затем под натиском собственных реформаторов, под давлением оппозиционных сил, настаивавших на дальнейшей демократизации, фактически выразило согласие отказаться от своей властной монополии в стране. И хотя это еще не означало практической готовности дать место у государственного кормила вышед-

шим на политическую сцену альтернативным общественным организациям, допустимость таких подвижек в принципе была публично заявлена.

На путях продвижения Венгрии к парламентской демократии значительную роль сыграло и правительство М. Немета, которое в интересах обеспечения гражданского мира внесло на утверждение в Государственное собрание ряд прогрессивных законопроектов. Оно по сути стало правительством переходным (24 ноября 1988 — 22 мая 1990 гг.), на долю которого выпало обеспечение мирных условий продвижения страны к реальной демократии. В состав его правительства в качестве министра без портфеля вошел И. Пожгаи, которому было поручено курировать политические новообразования и движения, представить в парламент пакет законов о демократизации страны. Подготовленные правительством законодательные предложения в итоге были призваны обеспечить продвижение ВНР к плюрализму в сфере политической жизни. Правительство М. Немета к тому же больше не стало возвращать в Румынию трансильванских венгров-беженцев, массы которых находили убежище в ВНР, т. е. оно открыто выступило на защиту ущемленного в своих правах венгерского меньшинства, возводя проблему в ранг национальной политики, чем заслужило бесспорное признание населения страны. Отметим, что произошло это вскоре после неудачной попытки Гроса решить за столом переговоров с Чаушеску проблему трансильванских венгров.

Правительство Немета впервые совершило и другой решительный шаг, не имеющий аналогов в социалистическом ареале. На границе с Австрией оно приступило к удалению пограничных заграждений, которые являлись ненавистным символом «железного занавеса», олицетворением разобщенности Востока и Запада. Выполняя решение своего правительства, министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн вместе со своим австрийским коллегой А. Моком 27 июня

1989 г. перерезал первые метры технических заграждений на австро-венгерской границе, после чего начался их демонтаж. Этот акт впоследствии расценивался как шаг общеевропейского значения, имевший далеко идущие последствия. По-новому подошло правительство и к решению проблемы собравшихся в Венгрии многочисленных туристов – беженцев из ГДР, которые отказывались возвращаться на родину. В августе во время пограничного «Паневропейского пикника» сотни восточных немцев сбежали на Запад через оставленный без охраны участок австро-венгерской границы. Остальные же десятки тысяч собрались у посольства ФРГ в Будапеште, требуя выезда в эту страну. Проблема нуждалась в неотложном решении, и правительство Немета занялось ею. Поскольку договор 1967 г. с ГДР обязывал Венгрию не выпускать восточных немцев в третьи страны, Будапешт начал переговоры с Берлином, но они не дали приемлемых результатов. К тому же Берлин, Бухарест и Прага настаивали на вооруженном разгоне восточных немцев, осаждавших в Будапеште посольство ФРГ, их аресте и выдаче ГДР. Будапешт в условиях развернувшегося в стране мощного общественного движения в поддержку беженцев исключил возможность силового решения в сложившейся ситуации, а после того как провел переговоры с ФРГ и предупредил Москву о возможных последствиях, открыл для беженцев границу с Австрией.

Все эти нестандартные действия последнего «коммунистического» правительства ВНР вместе с решительными поступками ведущих партийных реформаторов, направленных на демократизацию социалистического строя, так или иначе, способствовали изменению ситуации, кардинальной ломке существовавших ранее жестких порядков и привели к системным изменениям. Впоследствии Хорн, оценивая действия венгерского правительства того времени, отмечал: «Смена системы стала для нас таким управляемым сверху процессом, в котором сыграли свою роль как экономичес-

кая реформа 1968 г., так и то обстоятельство, что Венгрия — единственная из стран — членов Варшавского договора — до конца поддерживала открытые отношения с Западом, с Европейским сообществом. Реформаторы у нас никогда не выводились, и, по правде говоря, мы никогда не хотели их исчезновения. Мы активно участвовали в хельсинкском процессе, мы первыми и единственными подняли вопрос о возможности контактов с НАТО, ввели всемирные паспорта (венграм было разрешено посещать с ними любые страны мира. — Б.Ж.), установили дипломатические отношения с Южной Кореей. Эти шаги были немислимы у любого из наших соседей. Все это присутствовало в наших тогдашних решениях, включая открытие границ»⁴⁸.

Действия правительства и венгерских партийных реформаторов в 1989 г. были поддержаны принятием ряда важных законов Государственным собранием, председателем которого с марта стал М. Сюрёш. В их числе принятый закон о свободе собраний и объединений (январь 1989 г.), а затем и право на создание политических партий, который устранил юридические препятствия, мешавшие становлению многопартийности в ВНР. Характерно, что состоявшийся в мае 1989 г. очередной пленум ЦК ВСРП принял решение по ряду актуальных политических вопросов и наконец дал согласие (правда, уже постфактум) на самостоятельные правовые действия правительства — признал утвржденный парламентом закон о партиях и под знаком расширения внутрпартийной демократии одобрил свободу платформ в ВСРП. Все это было совершено в условиях демократизации венгерского социализма. Принимались и новые важные кадровые решения, которые поддержали рядовые члены партии, все настойчивее требовавшие удаления Гроса с поста руководителя из-за его ретроградных позиций, закономерно приводивших к снижению престижа ВСРП в массах. Дело в том, что Грос, стремясь тормозить слишком стремительный, по его мнению, процесс обще-

ственной демократизации (о котором, кроме всего прочего, напоминали ему и начавшиеся весной 1989 г. переговоры с оппозицией за закрытыми дверями), пригрозил введением чрезвычайного положения и наведением «порядка» в стране. В ответ на это правительство Немета фактически вышло из-под партийного подчинения и стало действовать в качестве самостоятельной политической силы.

Обстановка в стране реально помогала укреплению позиций реформаторского крыла в партии. Ведь период с осени 1988 г. до лета 1989 г. ознаменовался стремительным падением авторитета ВСРП (ряды которой тысячами, а затем сотнями тысяч начали покидать члены партии, не согласные с консерватизмом прежнего руководства), появлением оппозиционных ей новообразований, принятием, как упоминалось, в парламенте пакета демократических законопроектов, которые легализовали деятельность различных политических движений, партий и организаций, создавали конкурентную среду для ВСРП. Общественно-политическая ситуация существенно политизировалась, начались активные выступления оппозиционных организаций и движений, заставившие в итоге начать разговор с руководством ВСРП на равных. Кстати, весьма символично, что в тот самый день начала июля 1989 г., когда ушел из жизни олицетворявший собой уходящую коммунистическую эпоху Я. Кадар, Верховный суд ВНР реабилитировал его бывшего политического оппонента Имре Надя, торжественное перезахоронение которого состоялось 16 июля. Страна провожала в последний путь обоих политических деятелей ВНР, прощаясь с ними и идя навстречу новой, тогда еще неведомой эпохе дальнейших демократических преобразований.

Активными действиям венгерских партийных реформаторов и оппозиционных сил благоприятствовала и международная обстановка, особенно ситуация в Польше, а также перестройка в СССР, которые стали одновременно необходимым уроком, фоном и питательной средой для продви-

жения Венгрии к парламентской демократии. Страна на сей раз была уже не одна, как в 1956 г., и это давало силу и стимул оппозиционным организациям. Советское руководство во главе с М. С. Горбачевым воспринимало перемены в регионе как подражание советской перестройке, не вмешиваясь в процесс их развития и даже считая осуществленные изменения укрепляющими «реальный социализм». Тем самым, быть может того не осознавая, Москва способствовала развертыванию подлинно демократического и в конечном счете антикоммунистического процесса, становилась гарантом его проведения.

Начальный этап переговоров. || Оппозиционный круглый стол ||

Стремительные перемены, оживление общественно-политической активности масс и альтернативных образований в Венгерской Народной Республике уже на рубеже 1988–1989 гг. заставили руководство ВСРП, как отмечалось, не только приспособливаться к новым условиям, но и идти на неизбежные уступки, хотя в то же время оно по-прежнему пыталось законодательными мерами обеспечить себе гарантированную роль и место в будущем политическом устройстве страны. Следует напомнить, что, если в мае 1988 г. партийный пленум и признал наличие в венгерской общественной жизни некоторой степени плюрализма, это еще не означало согласия на установление институциональной многопартийности. Более того, хотя парламент уже легализовал общественные объединения и организации, в конце ноября генсек ЦК ВСРП на будапештском партактиве все еще пытался отстоять однопартийную систему. Но эта попытка успеха не имела. Сменивший Гроса на посту премьер-министра ВНР Миклош Немет, однако, в одном из зарубежных интервью прямо заявил, что проводимые в Венгрии реформы должны привести к парламентской демократии западного типа. Затем в начале 1989 г. и партийное руко-

водство заговорило о своей *готовности начать перегово-ры* «о новых формах осуществления власти со всеми орга-низациями, действующими в рамках закона»⁴⁹.

Готовность руководства ВСРП к диалогу с альтернативными общественными организациями и движениями ни в коей мере не означала, что ВСРП собирается упустить из рук контроль за процессом демократизации страны, а тем более за развернувшимся в правительстве и Государственном собрании (парламенте) Венгрии законотворческим процессом. На повестку дня политической жизни ВНР вставали такие вопросы, как разработка новой конституции страны и связанных с ней краеугольных законов (законы о партиях, об избирательной системе, о референдуме, о Конституционном суде и пр.). И хотя уже проникшие в парламент на промежуточных выборах одиночные представители оппозиционных сил вряд ли смогли бы помешать реализации партийной линии и воли, руководство ВСРП, заинтересованное в сохранении положения о своей «ведущей роли» в будущем Основном законе страны, позаботилось о том, чтобы организовать его принятие еще старыми испытанными приемами. Планировалось провести, как и прежде, сначала «общенародное обсуждение» проекта новой конституции, чтобы затем считавшееся послушным и управляемым Госсобрание созыва 1985 г. утвердило его.

В новых, изменившихся политических условиях обсуждение проекта уже нельзя было провести без привлечения к обсуждению возникших в последние годы независимых общественно-политических организаций и движений. Хотя они имели еще относительно небольшой численный состав (весной 1989 г. они насчитывали в своих рядах в общей сложности около 10–15 тыс. человек), они готовились, как и вся страна, участвовать в обсуждении всех актуальных проблем общественной жизни, и ими тем более уже нельзя было пренебречь при обсуждении основополагающих законов будущего демократического государства.

Ситуация, сложившаяся в ВНР к весне 1989 г., характеризовалась тем, что обе стороны — ВСРП и внепартийные оппозиционные структуры — в равной степени нуждались в общении и диалоге по ключевым вопросам перехода страны к демократии. Следует учитывать, что основные объединения демократических сил появились на общественно-политической арене ВНР не как сформировавшиеся политические партии, а лишь в качестве дискуссионных форумов или прообразов будущих партий. Причем на начальном этапе они сами находили себе опору и поддержку у отдельных демократических групп или членов правящей ВСРП: например, ВДФ — в лице И. Пожгаи и его окружения, ССД — у партийных реформаторов, сгруппировавшихся вокруг Р. Нерша. Иными словами, процесс самоутверждения оппозиционных организаций и движений был непростым, но в конечном счете им удалось постепенно приобрести известность и завоевать признание в массах, которые вскоре стали считать их партиями. Пришло время, когда благодаря стремительному росту их популярности руководство ВСРП оказалось вынужденным считаться с ними. Это и заставило правящую партию искать с ними контактов и привлекать их представителей к политическому диалогу.

Весной 1989 г., когда реальная обстановка в стране сделала необходимым обсуждение проектов демократического переустройства ВНР, руководство ВСРП начало поиск переговорщиков в оппозиционной среде. Предпринималась попытка предварительно «прощупать» каждую из политических структур в отдельности с тем, чтобы выбрать из них наиболее послушных и сговорчивых для проведения с ними переговоров и тем самым по-своему реализовать задуманное — осуществить ограниченную демократизацию государственно-политического строя. Секретарю ЦК ВСРП Дёрдю Фейти было поручено провести отбор соответствующих кандидатов среди оппозиционных организаций с тем, чтобы затем посадить их за общий

стол переговоров и под видом проведенного с ними диалога обеспечить поддержку нужных для ВСРП позиций. В это время решалась судьба будущей конституции и венгерской демократии в целом. Разобщенность оппозиционных организаций и движений для руководства ВСРП была очевидной, равно как и то, что при первых же контактах с ними каждая из мелких организаций будет стараться подчеркивать свою значимость, добиваться упрочения своего положения за счет других.

Таким образом, возникла реальная угроза, что такого рода переговоры могут привести к установлению формальной и контролируемой компартией демократии. Когда попытка такого рода подбора переговорщиков стала очевидной, в дальнейшее развитие событий вмешался созданный в начале ноября 1988 г., т.е. всего четыре месяца назад, Независимый форум юристов (НФЮ), сыгравший немаловажную роль в сплочении оппозиции и объединении ее сил. В рубрике новостей двух популярных газет 15 марта 1989 г. НФЮ опубликовал обращение к неформальным демократическим организациям с призывом собраться 22 марта на факультете государства и права Будапештского университета им. Л. Этвеша. В этот день на том же месте представители восьми оппозиционных организаций создали свое объединение Оппозиционный круглый стол (ОКС). В него вошли: Венгерский демократический форум (ВДФ), Союз свободных демократов (ССД), Союз молодых демократов (Фидес), Независимая партия мелких хозяев (НПМХ), Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП), Народная партия (НП), Общество друзей Байчи-Жилински (ОДБЖ), Независимая демократическая лига профсоюзов (НДЛП). Впоследствии в состав ОКС вошла и Христианско-демократическая народная партия (ХДНП). Фактически постоянным участником заседаний «круглого стола» стал и названный НФЮ, представители которого приняли самое активное участие в переговорном процессе.

Возникновение этого объединения сил венгерской демократической оппозиции стало поворотным моментом в борьбе за демократизацию Венгрии и одновременно началом серии переговоров, получивших название заседания «круглых столов» и охвативших период с 22 марта по 18 сентября 1989 г. До создания ОКС фактически каждая из разрозненных оппозиционных организаций правомерно считала, что судьба демократических преобразований ВНР в решающей мере зависит не от нее самой, а от процессов, протекающих внутри ВСРП, поэтому все они внимательно следили за этими процессами, не имея возможности воздействовать на них. Этим и объяснялся тот факт, что независимые альтернативные структуры искали и получали поддержку со стороны демократически настроенных элементов и в самой компартии. Объединение же внепартийных оппозиционных организаций в ОКС, пусть даже временное, принципиально меняло ситуацию, так как давало возможность для их совместного выступления в качестве единой оппозиционной силы. Создание ОКС стало важным событием не только с точки зрения самообороны его участников, оно исключало также возможность манипулирования отдельными оппозиционными группами со стороны ВСРП, не позволяло ей противопоставлять их друг другу и использовать по отдельности в своих интересах.

Объединение венгерских оппозиционных организаций по своему масштабу и силе, конечно, существенно уступало польской «Солидарности», но все же ОКС начал действовать в качестве единой силы, которая сумела наладить серьезный диалог с правящей партией, причем не с позиции просителя. Сам председатель НФЮ И. Коня, постоянно председательствовавший на заседаниях ОКС, позже весьма скромно оценивал свой вклад в его создание: «Мы, собственно, лишь заявили Фейти, находившемуся тогда в поисках партнеров для будущих переговоров, что он может прекратить дальнейшие поиски — ведь уже существует Оп-

позиционный круглый стол, который намерен выступить со-обща»⁵⁰. Несмотря на в чем-то формальный характер своего сплочения (группировки, движения и партии сохранили свои организационные структуры, оставались одновременно и самостоятельными участниками политической сцены), ОКС, благодаря поддержке независимых юристов, сумел стать серьезным партнером на переговорах с ВСРП и продемонстрировать свою силу в интересах продвижения к демократии. Ведь ОКС возник и действовал именно с целью успешного ведения диалога с правящей партией, находившейся в состоянии кризиса, как и само партийное государство.

Характеризуя ситуацию того времени в лагере оппозиции, И. Коня вспоминал: «Из числа независимых организаций только ВДФ имел реальную возможность, вместе с реформаторами ВСРП, вмешиваться в развитие событий, и тем самым в рамках оппозиции мог занять главенствующую позицию. Это хорошо осознавали в «круглом столе» такие значимые фигуры, как Дёрдь Сабад и Йозеф Анталл»⁵¹. По мнению Кони, эти два авторитетных деятеля ВДФ, будучи историками, хорошо понимали, что для смены системы недостаточна одна отдельная оппозиционная сила в виде Форума, и считали необходимым сплотить ряды всех оппозиционных организаций и движений, что и было осуществлено с созданием ОКС, в который фактически вошли народно-национальные, христианско-демократические и либерального толка оппозиционные организации. Говоря о связях и сотрудничестве лидеров ВДФ с демократическими элементами правящей партии (прежде всего с И. Пожгаи, который, кстати, недооценил объединение ОКС как своего возможного союзника), необходимо учитывать, что на том этапе борьбы за демократию многие венгры «считали для себя ближе национальную линию в ВСРП, чем линию либералов в рядах оппозиции»⁵², и, естественно, вначале намеревались именно с помощью демократических сил в правящей партии сдвинуть с места дело демократизации

страны. Другая группа оппозиционных сил, которую олицетворял ССД, пришла к своему либерализму через марксизм и была далека от идей и тактики ВДФ, более того, считала их представителей националистами. Эта вторая группа вместе с молодыми демократами из Фидеса нередко резко критиковала коммунистов, хотя при этом также имела связи в правящей компартии с реформаторской группой во главе с Р. Нершем. Заслуга Независимого форума юристов, несомненно, состояла и в том, что он сумел объединить разнородные оппозиционные силы и направить их энергию на созидание демократии.

Заседания ОКС, в рамках которых согласовывались точки зрения всех оппозиционных сил, вырабатывался единый коллективный и согласованный подход к обсуждаемым с ВСРП актуальным проблемам, по свидетельству участников, характеризовались общим стремлением найти единую позицию, которую следовало отстаивать сообща. Такая тактика была необходима, чтобы успешно противостоять консерваторам в ВСРП, которые, как, в частности, секретарь ЦК Д. Фейти, не раз пытались вбить клин между группами оппозиции. Следует отметить, что тактика ОКС оказалась успешной и принесла конкретные результаты. Ведь уже на втором заседании ОКС стало известно о попытке руководства ВСРП пригласить на совместное совещание, назначенное на 8 апреля 1989 г., вместе с близкими к компартии традиционными для режима общественными организациями (Общество Ф. Мюнниха – ОФМ, Всевенгерский Совет молодежных организаций – ВСМО, Новый мартовский фронт – НМФ, Союз женщин – СЖ, Всевенгерский Совет профсоюзов – ВСП, Союз партизан – СП и Отечественный Народный фронт – ОНФ) только часть оппозиционных формирований. Не получили приглашения на созванное компартией совещание Фидес, ОДБЖ и НДЛП. В ответ ОКС принял солидарное решение известить Фейти о том, что в переговорах будут участвовать либо все организации ОКС, либо ни одной. Данный принцип стал опреде-

ляющим и соблюдался в течение всего периода переговоров. Правда, на первое двустороннее совещание секретарь ЦК ВСРП Д. Фейти все-таки не допустил председателя НФЮ И. Коню, однако в дальнейшем именно последний зачитал Обращение ОКС на открытии переговоров общего «круглого стола».

На заседаниях ОКС, проходивших в зале библиотеки юридического факультета Будапештского университета, представители оппозиции сначала в своем кругу обсуждали все животрепещущие вопросы, разрабатывали совместную позицию и тактику выступлений. Следует учитывать, что на подготовительном этапе переговоров с ВСРП эти собрания в рамках ОКС и действия по согласованию тактики все еще противоречили действующему законодательству и участников этих заседаний могли привлечь к уголовной ответственности. Правда, в условиях заявленного курса на демократизацию и с учетом растущей политизации общественной жизни власти вряд ли могли позволить себе это. К тому же ВСРП не меньше оппозиции была заинтересована в налаживании диалога в поисках выхода из сложившегося в стране положения. Это стало заметно с самого начала, когда ВСРП, стремясь к политической модернизации страны, взяла курс на разработку новой конституции, в которой надеялась сохранить закрепленную за ней в действующей конституции «ведущую роль». Для ВСРП это был вопрос принципиальный, и она, будучи правящей партией, рассчитывала склонить силы оппозиции к признанию данного статус-кво. Вопрос о новом проекте Основного закона страны был в числе приоритетных и для обсуждения с широкой общественностью.

Правда, параллельно прорабатывался и дополнительный вариант. Еще до официального выступления ВСРП с инициативой о разработке новой конституции, в январе 1989 г. оппозиционным силам было сделано особое предложение, поступившее через движение партийных рефор-

маторов Новый мартовский фронт (НМФ), но организации ОКС отклонили его. Суть этого предложения ВСРП состояла в совместном создании какого-то «национального комитета», который взял бы на себя выполнение функций Учредительного национального собрания страны. Оппозиционные силы посчитали, что создание такого совместного властного учредительного органа было бы ошибочным, так как это сняло бы ответственность с партии, которая правила более 40 лет, совершила множество ошибок и ответственна за нынешнее кризисное состояние страны. Кроме того, оппозиция сочла, что принятие предложения ВСРП нивелировало бы различия между обладающей властью компартией и безвластными новыми политическими организациями.

Следующее предложение от ВСРП оппозиционным силам принять участие в обсуждении проблем выхода страны из кризисного состояния и приглашение их к рассмотрению конкретных документов предстоящей демократизации (в том числе проекта новой конституции) было встречено одобрительно. Однако ОКС на сей раз предпочел участвовать в переговорах с чистого листа, выдвигая свои предложения и условия. Организации ОКС исходили из необходимости решать вопросы будущих демократических преобразований исключительно с одной, ответственной за состояние страны силой, т. е. с ВСРП. Даже с правительством ВНР ОКС считал невозможным обсуждать проблемы преобразований и модернизации страны, указывая на то, что исполнительная власть десятилетиями находится под контролем партии и лишь заверяет, подтверждает и выполняет указания и решения партийного руководства. Объединенная оппозиция основывалась на том, что с правительством возможны переговоры лишь после смены существующего режима. Хотя необходимо отметить, что правительство М. Немета уже тогда нельзя было считать в прямом смысле слова выразителем воли компартии, хотя оно полностью и не освободилось от

влияния ВСРП. Аргументируя необходимость обсуждения основных вопросов преобразований именно со стержневой силой режима, ОКС ссылался на закрепленную за ВСРП в конституции ведущую роль.

Развернувшийся весной 1989 г. переговорный процесс между ВСРП и ОКС прошел определенные стадии развития, которые охватывают этап подготовки двусторонних переговоров, этап их проведения и трехсторонние переговоры. ОКС как участник всех этих этапов процесса с самого начала проводил заседания как с ВСРП, так и в рамках своих оппозиционных организаций. На первых согласовались исходные параметры и принципы проведения двусторонних переговоров, определялся круг вопросов и проблем, подлежащих совместному обсуждению. Параллельно с ними на заседаниях ОКС эти вопросы обсуждались, вырабатывались согласованные позиции, которые оппозиция представляла на дискуссиях с ВСРП. После того, как на двусторонних заседаниях с правящей партией были определены ключевые проблемы, которые были вынесены на широкое обсуждение, они с июня 1989 г. подверглись глубокому анализу на трехсторонних переговорах, получивших впоследствии название «Национальный круглый стол» (НКС). На его заседаниях принимались окончательные решения по всем важнейшим основополагающим политическим и социально-экономическим проблемам демократического перехода и будущих преобразований.

К летнему заключительному туру переговорного процесса ВСРП привлекла и традиционные для «реального социализма» общественные организации, которые формально представляли на «круглом столе» так называемую третью сторону. Но хотя эти общественные организации и стали равноправными участниками этого ответственного форума, в переговорном процессе они не сыграли сколько-нибудь заметной роли. Оппозиция не оспаривала право ВСРП пригласить эти организации на заседания, но при

этом пыталась добиться того, чтобы с одной стороны стола сидели представители оппозиции, а с другой — ВСРП со своими «сателлитами»⁵³. Однако такого размещения переговорщиков ей добиться не удалось, и за общий Национальный круглый стол в итоге эти официальные общественные организации сели рядом с переговорщиками в качестве третьей стороны. Впрочем, размещение сторон не имело особого значения, ведь вскоре та роль, которую ВСРП отводила этим своим союзникам, сама собой сошла на нет. Они сами отошли от переговоров, и большинство из них вообще прекратили свое существование. Такова же была судьба НМФ, который вначале попытался выполнить функцию «моста» между ОКС и ВСРП. Мартовский фронт не участвовал уже в подготовительных заседаниях и тихо исчез с политической арены. В конечном счете и двусторонние переговоры по обсуждению условий политического перехода, и последующие трехсторонние, на которых обсуждались вопросы по существу, проходили между двумя основными политическими силами: олицетворявшей партийное государство ВСРП и объединенной оппозицией — ОКС.

Таким образом, весь переговорный процесс за «круглым столом», начавшийся весной и завершившийся в начале осени 1989 г., прошел ряд этапов в своем развитии. Он начинается с образования ОКС и развернувшихся в его недрах обсуждений, плавно переходит в двусторонние переговоры между ОКС и ВСРП, на летних заседаниях которых были согласованы и юридически оформлены достигнутые договоренности, определены основные параметры перехода Венгрии к парламентской демократии, правовые и конституционные нормы будущего государственного устройства страны. В результате Национальный круглый стол выполнил свою особую функцию, по сути, революционного значения. Весь этот переговорный ряд в венгерском общественном сознании воспринимался в качестве единого «круглого стола».

Национальный круглый стол и основные итоги «переговорной революции»

Прежде чем проанализировать ход и содержание основного, заключительного раунда, начавшегося и продолжившегося до осени 1989 г. переговорного процесса, прошедшего уже в рамках Национального круглого стола (НКС), следует обратить внимание на некоторые обстоятельства и особенности встреч, проведенных сторонами еще в весенний период. Говоря об этом временном участке переговорного процесса, следует учитывать, что он начался с эпизодических контактов и продвинулся до более или менее регулярных *подготовительных переговоров* между ОКС и ВСРП. Причем ни партийные реформаторы, ни оппозиция не располагали готовыми сценариями перехода к демократии, они лишь сознавали такую необходимость. Не было наработанного сценария и после достижения принципиального согласия между сторонами. Конкретные предложения и решения вырабатывались и принимались в ходе самих заседаний. В целом же стороны были полны решимости и настроены на то, чтобы сделать Венгрию свободным демократическим государством, где должна существовать многопартийная система и представительная (парламентская) демократия. Это, конечно, не исключало и в дальнейшем попыток со стороны представителей ВСРП сохранить для себя определенные привилегии на будущее. В целом же стороны обещали совместно рассматривать прежде всего рамочные вопросы переговорного процесса и не допускать силовых решений, т. е. намечали реализовать свои намерения исключительно мирными средствами за столом переговоров⁵⁴. Таков был общий настрой, общая атмосфера всех «круглых столов».

Впрочем, целесообразно напомнить, что ВСРП, приглашая альтернативные общественные организации и движения на свое совещание еще в апреле, первоначально

планировала провести с ними лишь так называемый свободный форум консультативного характера с тем, чтобы просто обсудить актуальные политические вопросы. Тот форум не предполагал разговора равноправных партнеров. Действовал расчет на рутинное проведение такого мероприятия, чтобы затем, сославшись на него, можно было считать насущные проблемы обсужденными и получить мандат на внедрение приемлемой для партии управляемой демократии. Интересы сторон на этих первых встречах явно не совпали, что в итоге и привело к необходимости их дальнейшего согласования. Объединенной оппозиции удалось переломить ситуацию и вместо обсуждения широкого круга проблем политического и экономического переустройства для начала добиться сужения повестки дня заседаний до вопросов, связанных с разработкой условий и согласованием мер по обеспечению перехода к демократии, и лишь вслед за этим, на втором этапе, перейти к конкретике. На заседании ОКС 19 апреля оппозиция предварительно уже согласовала взгляды своих организаций и выработала собственные согласованные позиции в отношении такого перехода; ставились и обсуждались и некоторые вопросы будущей демократии.

Представители партийной власти, конечно, понимали необходимость переговоров об условиях плавного перехода к демократии, но, в отличие от объединенной оппозиции, не связывали демократию с какой-то масштабной сменой социалистической системы. Они допускали в крайнем случае коррективы существующего строя с некоторой сменой модели социализма. Организации же ОКС желали большего. Партийная власть после серии встреч с оппозицией приняла условия ОКС и согласилась обсудить сначала обстоятельства перехода от диктатуры к демократии. Данная проблема стала предметом пристального анализа и согласования в ходе двусторонних, так называемых согласительных, переговоров между ВСРП и ОКС.

Для переговорного процесса сторон были налицо соответствующие условия, поставленные на повестку дня самим временем. Общественно-политическая жизнь Венгрии весной 1989 г. забурлила, придавая все больше сил и решимости оппозиции, предвещая неотвратимые перемены. Время заставило торопиться как правящую партию, так и оппозицию. Достаточно обратить внимание на череду важнейших политических событий тех весенних месяцев. ВСРП 10 марта обнародовала свою программу действий, в которой попыталась отмежеваться от совершенных партий в прошлом ошибок, высказалась за переход к правовому государству и к многопартийной системе, заявляла о намерении провести свободные парламентские выборы и образовать в будущем коалиционное правительство. Уже эти заявления свидетельствовали о готовности партии сделать шаг в сторону демократизации общественной жизни Венгрии. Программа действий фактически содержала скрытое признание того, что компартия и правительство сами не в состоянии вывести страну из кризиса и во всяком случае нуждаются в разделении ответственности за предпринимаемые меры. Видимо, этим и объясняется активизация деятельности также и оппозиционных организаций. ВДФ 14 апреля выступил с предложением создать кабинет кризисного управления страной, а в последующие дни руководство Форума созвало свое первое Всевенгерское собрание (съезд). На нем был избран специальный комитет для преобразования этого общественного движения в политическую партию. Вслед за ними провели свое общее собрание и свободные демократы, где они утвердили «Синюю книгу» – своеобразную программу смены общественного строя. В ней предлагалось создание правительства из числа профессионалов, которые были бы способны вывести ВНР из кризиса, а также провозглашение Венгрии нейтральным государством. На гребне этих перемен 25 апреля начался частичный вывод советских войск из ВНР, а 8–9 мая 1989 г.

состоялся очередной пленум ЦК ВСРП, который освободил Я.Кадара от всех его постов.

Госсобрание ВНР также активизировало свою работу и еще 22 марта под знаком расширения прав трудящихся приняло закон о праве на забастовки. В конце месяца было найдено место безымянного погребения казненного в 1958 г. опального премьер-министра, коммуниста-реформатора Имре Надя и его соратников, а 2 апреля генсеку ЦК ВСРП К. Гросу уже пришлось заговорить о вероятной реабилитации этих безвинно казненных политиков. Все эти политические события не могли не оказать влияния на двусторонние переговоры между ОКС и ВСРП. Насыщенность политической жизни ВНР событиями показывает, что весенний период после 22 марта – со дня создания ОКС – ознаменовался ростом политической активности. Начавшиеся встречи между оппозиционным объединением и представителями ВСРП, переросшие в выяснение и согласование политических позиций под знаком демократизации, в серьезные обсуждения актуальных политических проблем, стали хорошей базой для успешного продолжения переговорного процесса общенационального значения.

В ходе переговоров с ВСРП уверенность и существенную моральную поддержку придали оппозиционным организациям демонстрации и митинги, прошедшие 15 марта, вскоре после вынужденной переоценки ВСРП событий 1956 г., а также последующие массовые выступления трудящихся, организованные независимыми профсоюзами 1 мая в Будапеште. За ними 16 июня последовал мощнейший по своим масштабам (различные оценки говорят об участии от 300 до 400 тыс. человек) митинг в Будапеште в связи с торжественным перезахоронением останков Имре Надя и его товарищей, где ораторы выступали с речами, разоблачавшими преступные действия прежнего режима⁵⁵. Все это окрыляло оппозицию, являлось источником ее решимости и дополнительных сил⁵⁶.

В лагере ОКС, конечно, временами возникали разногласия и существенные расхождения мнений по отдельным вопросам, но они быстро преодолевались, либо их решение откладывалось на более позднее время. В объединении оппозиционных сил был принят принцип консенсуса, все организации имели право вето, в результате чего выносимой на переговоры согласованной позицией могла стать лишь та, которая не встретила возражений членов ОКС. Такая тактика сыграла свою роль и на переговорах со слабеющей, но все еще достаточно сильной компартией⁵⁷. Другой вопрос, что организации ОКС, которые считали власть ВСРП нелегитимной, хотя и закрепленной в Конституции, и сами не являлись легитимными, но при этом полагали, что именно они представляют интересы широких слоев венгерского населения.

В результате возникла парадоксальная ситуация, когда летом 1989 г. после пройденных этапов двусторонних переговоров и согласований ВСРП и ОКС, — представители которых взаимно подозревали друг друга в нелегитимности их организаций, — готовились сесть за общий стол переговоров и обсудить самые жгучие вопросы демократизации общественно-политической жизни ВНР. Возобновившейся, или начавшейся встрече на сей раз было дано официальное название Национальный круглый стол (НКС). Согласно достигнутым на прежнем этапе переговорного процесса договоренностям, он должен был обсудить лишь проблемы, которые касались обеспечения мирных условий проведения будущих парламентских выборов на плюралистической основе. Однако повестка дня НКС в конечном счете была все же расширена и фактически охватила широкий диапазон вопросов перехода Венгрии к парламентской демократии. Здесь целесообразно вновь отметить, что ВСРП после проведения двусторонних переговоров с ОКС не отказалась от идеи обсуждения проекта новой конституции и ряда т.н. краеугольных конституционных законов, которые разраба-

тывались в Министерстве юстиции ВНР. Партия намеревалась скорее утвердить их в парламенте, срок полномочий которого подходил к концу. Организации ОКС, наоборот, желая избежать даже видимости вторжения в компетенцию Государственного собрания, по-прежнему оставались на позициях обсуждения прежде всего «путей и условий, ведущих к мирному переходу». При этом создание новых конституционных институтов ОКС намеревался доверить будущему избранному на демократической основе парламенту. Такими оставались принципиальные позиции сторон, когда ход двусторонних переговоров был практически остановлен до лета 1989 г.

Между тем проект новой конституции страны был подготовлен в Минюсте уже к маю 1989 г., и предстояло его обсуждение. В проекте были обозначены две проблемы, которые могли стать камнем преткновения между организациями ОКС и нарушить единство оппозиции: а) способ избрания президента республики и определение круга его полномочий; б) создание второй палаты парламента. Авторы проекта предлагали избрать главу государства — «среднесильного президента», — который бы делил исполнительную власть с премьер-министром. Создание же второй палаты Госсобрания, уже получившее поддержку политбюро ЦК ВСРП, предполагалось осуществить на корпоративной основе, куда местные самоуправления, общественные и религиозные организации и этнические сообщества делегировали бы своих представителей. В этих двух вопросах интересы ВСРП и ОКС вступили в противоречие. Оппозиция, опасаясь раскола своих рядов, была заинтересована в том, чтобы либо сузить тематику двусторонних обсуждений, исключив по возможности из нее вопрос о конституционном устройстве, либо хотя бы отложить его обсуждение.

ВСРП с конца апреля 1989 г. заняла позицию затягивания двусторонних переговоров с оппозицией, а в середине мая руководитель партии К.Грос вообще остановил их,

заявив, что свободные выборы в Венгрии могут быть проведены не ранее чем через шесть лет. Все это отражало те глубокие противоречия, которые имели место в руководстве ВСРП между отдельными группами. В ответ на такую позицию лидера партии возглавляемое коммунистами-реформаторами движение «Кружки реформ» 2 июня осудило Гроса и призвало его уйти с поста руководителя ВСРП. С приближением лета и наступлением массовых манифестаций руководство партии неожиданно решило продемонстрировать стране и миру свою готовность к национальному согласию, показать, что диалог с оппозицией продолжается. Переговорный процесс ожил. Партнером оппозиции на переговорах со стороны ВСРП, наряду с Д. Фейти, стал И. Пожгаи. Кандидатуру этого демократически настроенного политика 24 мая утвердил ОКС. Были приняты выдвинутые ОКС условия. Это означало, что партийные переговорщики согласились на ведение переговоров в ограниченном режиме — только о правилах и принципах непосредственного перехода к парламентской демократии.

После этих согласований между ВСРП и ОКС путь к НКС практически был открыт. Предстояла совместная разработка новых законов: о выборах, о партиях, об их деятельности и финансировании, требовалось принятие новой либо корректировка действующей Конституции так, чтобы в ней не оставалось положений, мешавших переходу страны к парламентской демократии. Нуждалось в пересмотре также положения уголовного законодательства, которые мешали проведению свободных выборов и избирательной кампании на демократических принципах. Необходимо было создать правовые нормы о свободе слова и информации, добиться соответствующих гарантий, чтобы силовые органы не стали помехой на пути перехода к представительской демократии на плюралистической основе. Весь этот сложный комплекс политических проблем демократизации общественной жизни Венгрии должен был стать предметом тщательного

совместного анализа и согласования участниками НКС, следовало подготовить его соответствующее юридическое оформление с привлечением специалистов.

В переговорном процессе, однако, неожиданно наступил перерыв, явно связанный с внутривнутрипартийной ситуацией в руководстве ВСРП, где преодолевались разногласия по поводу предстоящих преобразований. Затянувшееся молчание партийных переговорщиков тем временем начало вызывать определенную настороженность и опасения в лагере оппозиции. Во второй декаде июня контакты между делегациями ВСРП и ОКС обновились и переговорный процесс вступил в новую стадию. Накануне ВСРП, в которой взяли верх сторонники неотложных преобразований, документально подтвердила, что целью политического перехода станет именно такая демократия, которая будет претворена в жизнь посредством свободных парламентских выборов на плюралистической основе. Было дано также согласие на то, что проект новой конституции и конституционные законы (хотя большинство из них уже находилось в парламенте) не будут вынесены на утверждение до тех пор, пока их предварительно не обсудят за «круглым столом» с оппозицией. С этим предложением согласились также в правительстве и в Государственном собрании.

В интересах закрепления договоренностей, достигнутых на этапе весенних обсуждений между ВСРП и ОКС, в целях дальнейшего проведения переговоров уже по согласованным сторонами *конкретным ключевым проблемам демократического перехода* было составлено специальное соглашение между участниками переговорного процесса. Оно и стало исходным и одновременно официальным документом, известившим население страны об официальном начале нового раунда политических переговоров уже в рамках Национального круглого стола.

Документ, наряду с провозглашенными целями и намеренными для решения конкретными задачами, содер-

жал и обязательства, которые предписывалось соблюдать всем участникам очередного раунда переговорного процесса. К нему по просьбе ВСРП были привлечены также прокоммунистические общественные организации, которые 10 июня 1989 г. вместе с ВСРП и организациями – членами ОКС также завизировали этот документ. Таким образом, под соглашением поставили подписи главы делегаций: ВСРП (Д. Фейти), представители всех восьми оппозиционных партий и организаций, а также привлеченных к переговорам семи традиционных общественных организаций. На следующий день соглашение было опубликовано. В нем, в частности, говорилось: «Выход из поразившего нацию экономического и политического кризиса, а также необходимость демократического преобразования властных отношений делают неизбежным диалог всех политических объединений, ответственных за будущее. Судьба нации может перемениться к лучшему лишь при уважительном отношении к конституционным требованиям, при решительном отказе от применения силы. Мы заинтересованы в том, чтобы общественные конфликты были решены по общепринятым нормам европейской политической культуры, путем общественного согласия. Переход от однопартийной системы к представительской демократии, создание правового государства возможны только путем свободных выборов»⁵⁸. Эта декларативного характера, но весьма принципиальная констатация имела большое значение и ко многому обязывала всех участников переговорного процесса.

О прошедших весной между ВСРП и ОКС двусторонних согласительных политических переговорах в опубликованном сообщении указывалось, что стороны уже договорились осуществить переход к демократии. При этом в нем отмечались обязательства сторон решать политические конфликты исключительно мирными средствами. Было подчеркнуто, что все общественные организации признают и принимают принцип, согласно которому ни одна из сторон (следова-

тельно, ни ВСРП, ни ее сопутствующие организации и движения) не вправе распоряжаться вооруженными силами. Подтверждением серьезности этих договоренностей стало то, что контроль над партийной милицией с названием «Рабочая охрана» 15 июня 1989 г. был передан правительству. «Источником власти является сам народ» и «никакая отдельная политическая сила не вправе считать себя исключительным выразителем воли народа», — говорилось в документе, положившем начало продолжению переговоров на более высоком уровне.

Договаривающиеся стороны признали равноправие всех участников переговорного процесса. Своей основной целью они обозначили выработку основных политических соглашений, к которым допускалось приложение сопутствующих проектов, необходимых законодательных решений и законов. При этом было оговорено, что на проводимых заседаниях «круглые столы» ни в коей мере не собираются брать на себя непосредственные государственные функции, равно как и то, что законотворческий процесс в государственных органах не должен опережать достижение политического соглашения в рамках НКС. Стороны обязались воздержаться от односторонних действий, способных помешать достижению политического соглашения на переговорах. Повестка дня предстоящего обсуждения в рамках НКС включала два пункта: 1) определение принципов и правил, которые призваны служить реализации политического перехода к демократии; 2) стратегические задачи преодоления экономического и социального кризиса⁵⁹. Между тем председатель Государственного собрания Венгерской Народной Республики М. Сюрёш по просьбе ЦК ВСРП еще 30 мая дал согласие председательствовать на общих заседаниях НКС. Это существенно повышало значение и статус этих переговоров, придавало им некий официально-государственный оттенок, хотя переговорный процесс велся названными силами общественных организаций, и проводимый ими фо-

рум по настоянию ОКС не мог претендовать на выполнение роли и функций законодательных органов государства. Работу же в рабочих комиссиях и подкомиссиях было решено вести своими силами, но с привлечением профессионалов.

Решение сторон продолжить переговорный процесс на условиях, содержащихся в соглашении, повлекло за собой определенные действия властных органов и в структуре руководства ВСРП. Правительство М. Немета, уважая упомянутую договоренность участников «круглого стола», уже 27 июня отозвало из парламента пакет законов принципиального значения, что стало несомненным успехом всех демократических сил страны. Правящая компартия, политические и идеологические основы которой после упоминавшихся событий 16 июня, реабилитации Верховным судом ВНР Имре Надя и его товарищей были основательно подорваны и которой пришлось пойти на уступки оппозиции, решила осуществить перемены на вершине партийного Олимпа – вместо потерявшего доверие народа генсека К. Гроса, партию фактически возглавила руководящая «четверка». Это означало, что с 24 июня 1989 г. были образованы новые руководящие органы партии: Политисполком и компромиссный по своему составу Президиум. Новым председателем партии стал Р. Нерш. Роль генерального секретаря, которая стала не столь существенной, формально продолжал исполнять К. Грос, но его функции на самом деле возлагались на Президиум – коллективный орган, в который, наряду с оставшимся там К. Гросом, вошли Р. Нерш, глава правительства М. Немет и государственный министр И. Пожгаи. Расстановка сил в руководстве ВСРП таким образом изменилась в пользу сторонников продолжения переговоров и демократических преобразований⁶⁰. Эта группа партийных реформаторов, наиболее заметным среди которых был Нерш, попыталась восстановить резко пошатнувшийся престиж партии и довести ее до намеченного на начало октября 1989 г. XIV съезда.

Сам факт подписания всеми общественными организациями этого документа, определявшего критерии работы и функций Национального круглого стола, стал свидетельством готовности сторон обеспечить успех переговорного процесса и мирные условия перехода Венгрии к парламентской демократии. Стороны тем самым документально подтвердили свои намерения осуществить кардинальные изменения, избегая опасностей повторения 1956 года. Дав согласие на кардинальные перемены и взяв курс на их осуществление путем переговоров, ВСРП вместе с оппозицией и остальными участниками НКС, сама подготовила новый судьбоносный поворот современной венгерской истории. Проведение НКС и осуществление мирного переворота стали возможны благодаря тому, что в рядах находившейся у власти ВСРП находились коммунисты-реформаторы прагматического склада, а во внепартийной среде оформилась оппозиция с преобладанием умеренных представителей, которые оказались способными убедить как правящую партию, так и радикалов в необходимости мирных демократических *преобразований революционного характера*.

После подписания соглашения о намерениях, проведения открытого пленарного заседания работа НКС продолжалась за закрытыми дверями в зале Государственного собрания. Стартовал сложный переговорный процесс, в рамках которого с 13 июня по 18 сентября 1989 г. были обсуждены ключевые вопросы предстоящего перехода Венгрии к демократии.

В переговорах НКС участвовали, таким образом, три группы переговорщиков – ВСРП, девять организаций Оппозиционного круглого стола и «Третья сторона» (ТС), представлявшая собой семь приглашенных компартией традиционных общественных организаций. По подсчетам венгерского исследователя (позже министра культуры Венгерской Республики) А. Бозоки, под редакцией которого в 1999 г. вышли четыре тома документов венгерских «круг-

лых столов», в переговорном процессе приняли участие в общей сложности 573 человека, 64% которых составляли люди моложе 45 лет⁶¹. Среди них можно было встретить представителей разных поколений и профессий, людей с разным жизненным опытом и политической ориентацией. Причем ни одна из названных трех групп внутренне не была единой, однако всех их объединяли стремление не допускать нарастания конфликтов и столкновений, решимость привести страну к демократии. Небезынтересно обратить внимание также на состав трех названных групп.

Среди *переговорщиков от ВСРП*, которую сама венгерская реальность неизбежно толкала на переговоры с оппозицией, имелись как противники каких-либо перемен, так и сторонники дозированной и управляемой демократии (в том числе Д. Фейти или К. Грос, который намеревался растянуть переходный период на несколько лет), но присутствовали и реформаторы, и убежденные демократы типа И. Пожгаи, т. е. сторонники решительных и неотложных перемен. Кстати, советское перестроечное руководство во главе с М.С. Горбачевым делало ставку на первых, которые во время переговоров с оппозицией занимали наиболее консервативные позиции, представляли линию на торможение процесса демократизации. Что же касается сторонников дозированной демократии, то они являлись в большинстве своем выходцами из демократически настроенных кругов правительства М. Немета или близких к нему исполнительных органов, которые не считали себя при этом политиками. Именно они составляли 75% всей делегации ВСРП и, как правило, имели высшее образование. Приверженцы стремительных демократических преобразований почти все (до 90%)⁶² были выходцами из разных профессиональных групп интеллигенции.

В *лагере объединенной оппозиции* (на 70% состоявшей из различных интеллигентских групп, включая деятелей так называемых «свободных профессий»), несмотря на

внешнее единство, присутствовали как радикалы антикоммунистического толка, так и представители весьма умеренных в идейно-политическом отношении сил, которых было бы нетрудно склонить к уступкам и сотрудничеству с ВСРП. Представители ОКС на новом этапе переговоров также не пришли с готовыми, а тем более едиными согласованными взглядами и позициями по рассматриваемым проблемам. Они вырабатывались по ходу и совместными усилиями. Умеренные или же трезвые центристские силы оппозиции в ОКС представлял главным образом Венгерский демократический форум, ведущие представители которого выполняли роль интегратора различных частей этого временного объединения. Они не только шли на разумные компромиссы, но и «последовательно добивались намеченных целей». Во время переговоров им удавалось как успешно сдерживать порывы радикалов (из Фидес, ССД и ДЛПС), так и контролировать весьма умеренных (НПНХ, ДСДП, НП), подталкивая их соответственно к самоограничению или сдержанности⁶³.

Вместе с тем в достижении окончательного успеха переговорного процесса немаловажную роль играли также напористость и радикализм Фидеса и ССД. В целом же такие качества, как трезвость, умеренность и прагматичность, стали основными и определяющими характерными признаками поведения организаций ОКС в ходе переговоров. Они оказались мерилом, на которое следовало ориентироваться, в результате чего в ВНР даже радикалы в рядах оппозиции демонстрировали свою относительную сдержанность и взвешенность. Ярких антикоммунистических всплесков не наблюдалось, что, однако, временами не исключало неличеприятную критику и упреки в адрес отдельных руководителей ВСРП. Обстановка же в лагере ОКС в целом была таковой, что позволяла сохранить единство вплоть до завершения совместных заседаний НКС и принятия итогового документа.

«Третья сторона» в НКС была весьма разнородным собранием, не имевшим определенных целей. Ее организации, за исключением, пожалуй, официальных профсоюзов, представленных Всевенгерским Советом профсоюзов, вообще не имели собственного облика, тем более какой-либо программы действий. Эти традиционные, всегда управляемые ВСРП общественные организации и движения априорно принимали ее линию.

НКС, хотя и не располагал полномочиями Конституционного собрания и считал, что не может выполнять такие функции, все же взялся за подготовку текстов ряда важнейших законов, имевших принципиальное значение. Работа НКС после открытого пленарного заседания проводилась в шести рабочих комиссиях с привлечением специалистов и оказалась весьма успешной. Переговорщики быстро находили взаимопонимание даже по сложным политическим вопросам. Проведенная на НКС работа, подготовленные там законопроекты в конечном счете были приняты парламентом и вскоре приобрели законодательную силу.

Венгерская оппозиция не соглашалась заключить с компартией компромисс подобно польскому пакту между «Солидарностью» и ПОРП. Она желала большего, ее не удовлетворяло простое предложение ВСРП поделиться властью. Именно поэтому на НКС она добивалась лишь обеспечения «законных условий для проведения свободных выборов», так как не без основания полагала, что в свободном соревновании с государственной партией должна выиграть выборы. Однако работа по выработке тех самых «законных условий» потребовала немало усилий от всех участников переговорного процесса — законодательного преобразования всего конституционного устройства, следовательно, модификации действующей Конституции страны, разработки законов о выборах, о гарантиях и свободе действий для политических партий к предстоящим парламентским выборам. Как справедливо отмечал И. Коня, оппозиция не

пожелала «делиться властью за спиной народа», а в ходе переговоров добивалась разработки и принятия соответствующих «правил игры»⁶⁴, согласно которым можно было провести свободные общенародные выборы.

Усиленная работа НКС с профессионалами по разработке необходимых законодательных изменений принесла свои плоды. Так, ревизия текста Конституции ВНР, равно как и новая редакция уголовного и процессуального законодательства, летом 1989 г. продвигались успешно. Стороны высказались за превращение Венгрии в парламентскую республику, в которой главой исполнительной власти Венгрии становился ответственный перед парламентом премьер-министр (а не президент, как это произошло в подавляющем большинстве бывших соцстран). Приоритетное право принятия решений и политическая ответственность за них были отданы правительству страны. Правомочия и задачи «среднесильного» президента Республики решили сделать во многом символическими — на главу государства возлагались обязанности выражать и олицетворять «единство нации» и «охранять демократическую деятельность государственной организации». Весь комплекс полномочий президента конкретизирован в 30-м параграфе обновленной Конституции⁶⁵. В законопроекте о выборах уже к двадцатым числам июня 1989 г. было подготовлено 15 параграфов. Казалось, что этот и другие ключевые законы, необходимые для будущих демократических выборов, вскоре будут готовы.

Успехи в работе НКС, однако, были вскоре омрачены сомнениями. У оппозиции, считавшей своим единственным эффективным оружием публичность, возникло беспокойство в связи с тем, что общественность практически ничего не знала о происходивших за закрытыми дверями переговорах. Организации ОКС так и не смогли договориться с ЦК ВСРП о снятии информационной блокады и контроле за средствами массовой информации в целом⁶⁶. Ситуация давала оппозиции основание заподозрить партийное руководство в

возможном отказе от взятых на себя обязательств. Согласно воспоминаниям участников «круглого стола», атмосфера на заседаниях НКС становилась напряженной, и хотя они осознавали агонию режима, «с обеих сторон чувствовалась огромная неуверенность» в собственных действиях. Все понимали и важность переживаемого момента, но в воздухе витал какой-то «дух временности, какой-то нереальности происходящего, и даже атмосфера сюрреализма»⁶⁷.

Ко всему этому 26 июля 1989 г. на заседании комиссии, занимавшейся подготовкой законопроекта о партиях, Д. Фейти вдруг заявил, что компартия отказывается распустить свои парторганизации на рабочих местах и не собирается отчитаться за свое имущество⁶⁸. Такой, по сути, провоцирующий поворот поразил даже членов делегации от ВСРП, а представители ОКС в знак протеста отказались от дальнейшего участия в работе комиссии, где готовился законопроект о политических партиях. Переговоры зашли в тупик. Июльский маневр партийных радикалов, явно направленный на срыв переговоров, и прочие контрпродуктивные ходы и попытки уже не могли повернуть вспять развернувшийся процесс обновления законодательной базы и помешать политической демократизации. Тем не менее потребовались искусная дипломатия Й. Анталла, посредничество и готовность к компромиссу со стороны вернувшегося из летнего отпуска И. Пожгаи, чтобы в августе переговоры были успешно продолжены.

Правда, разрешить конфликтную ситуацию между сторонами до конца так и не удалось. Более того, инцидент и попытка его разрешения Й. Анталлом при помощи И. Пожгаи только актуализировали другой спорный вопрос, связанный с определением даты выборов президента Венгерской Республики, и обострили противоречия даже между организациями ОКС. Для понимания этого следует учесть, что Пожгаи, который поддерживал хорошие отношения с ВДФ, сразу же попытался добиться компромисса. Он пред-

ложил оппозиции вариант, согласно которому парторганизации ВСРП пока останутся на рабочих местах, но после выборов сразу же покинут их. Радикальная часть ОКС с этим не согласилась, после чего 17 августа Анталл от ВДФ представил свой пакет предложений по решению спорных вопросов. Он был готов пойти на уступки в вопросе о сроках и способе избрания президента⁶⁹, т. е. согласился с тем, чтобы его избрание проводилось общенародным голосованием и перед парламентскими выборами. С этого момента вопрос избрания президента стал яблоком раздора не только между ОКС и ВСРП, но и между умеренными и радикальными организациями оппозиции в рамках ОКС, что вскоре привело к расколу в рядах объединенной оппозиции.

Таким образом, если все организации НКС пришли к согласию в принципиальном вопросе учреждения института президентства на основании 1-го закона 1946 г., то в отношении его статуса и того, когда и каким образом избирать президента — всенародно или парламентом, — договориться так и не удавалось. Не могли найти общий язык даже оппозиционные организации. В результате не только ВСРП, но и ОКС также затягивал принятие окончательного решения по этому вопросу. В лагере оппозиции ХДНП, НП и ОДБЖ являлись принципиальными сторонниками избрания «среднесильного» президента путем общенародного голосования, однако против этого выступали Фидес и ССД. Склонный к трезвому компромиссу Анталл считал, что президента в принципе должен избирать парламент, однако в порядке исключения допускал возможность пойти на уступки. Понимая, что ВСРП считает этот пост своим, он склонялся к тому, чтобы для первого раза согласиться на избрание главы государства прямым общенародным голосованием. Он полагал, что отказ от жесткой позиции в данном вопросе позволит в будущем рассчитывать на готовность к компромиссу и со стороны коммунистов в чем-то другом⁷⁰. Такая позиция Анталла, допускавшая большую

вероятность того, что президентом в таком случае может стать коммунист, хотя и демократически настроенный и с реформаторскими взглядами, вызывала воинствующее недовольство и сопротивление у радикальной антикоммунистической части оппозиции.

В результате при завершении переговорного процесса две оппозиционные партии — ССД и Фидес, которые до этого не нарушали союза оппозиционных сил, — заявили о своем отказе подписать итоговые соглашения НКС, в которых выражалось согласие сторон осуществить плавный переход Венгрии к парламентской демократии на принципах и условиях совместно выработанных участниками переговорного процесса. Не подписала итоговый документ НКС и Лига независимых профсоюзов, ссылаясь на свой формальный статус наблюдателя в переговорном процессе. Это происходило в условиях, когда ВСРП фактически уже начала подготовку к выборам своего кандидата в президенту в лице И. Пожгаи, отказываясь при этом от выхода своих парторганизаций с рабочих мест, не желая отчитаться за свою собственность.

Продлившийся до 18 сентября 1989 г. в рамках НКС переговорный процесс тем не менее позволил достичь согласия почти по всем остальным существенным вопросам обеспечения мирного перехода Венгрии от диктатуры к демократии. В итоге ОКС и ВСРП, как две определяющие стороны самого продолжительного в регионе переговорного процесса, документально изложили согласованные позиции по кардинальным вопросам политических преобразований демократического характера и содержания. Они вместе разработали и в письменном виде представили целый ряд конституционных поправок, направленных на то, чтобы изменить характер государственной власти в стране, договорились об учреждении института президентства и Конституционного суда, призванного контролировать действия будущего правового государства. НКС фактически

создал новую законодательную базу для демократического перехода и развития, определил конкретные условия и сроки проведения свободных и прямых выборов в парламент страны, внес предложения по регулированию деятельности политических партий и их хозяйственной деятельности, модифицировал уголовное законодательство и законы по исполнению наказаний в полном соответствии с условиями правового государства.

Все эти разработанные за три месяца новые законопроекты на заключительном пленарном заседании НКС 18 сентября 1989 г. были утверждены организациями, участвовавшими в переговорном процессе. Данным заключительным актом подписания соглашения тихая и мирная «переговорная революция» в Венгрии приближалась к своему завершению. И хотя итоговое соглашение не завизировали ССД и Фидес, документы НКС сыграли свою решающую роль в том, что страна вскоре смогла выйти на первые свободные парламентские выборы, на которых путем демократического голосования каждый сам мог решать вопрос о новых представителях власти. Вслед за подписанием соглашения участники НКС обратились к главе правительства ВНР с просьбой вынести подготовленные законопроекты, разработанные поправки к законам на утверждение Государственного собрания ВНР, что и было сделано в начале октября 1989 г.

Совместное соглашение участников НКС обязывало подписавшие его стороны провести утверждение этих документов в своих организациях и предписывало всеми «находящимися в их распоряжении средствами добиться их вступления в законную силу»⁷¹. Такое обязательство накладывало особую ответственность на все еще самую многочисленную и могущественную организацию, ВСРП, членами которой являлось подавляющее большинство участников проведенного форума. Вместе с тем нельзя пройти мимо того факта, что в ВСРП еще были весьма сильны позиции тех, кто не соглашался на прекращение деятельности парт-

организаций на рабочих местах, не допускал отчетности о партийной собственности и тормозил процесс роспуска «рабочей охраны». По этим вопросам оппозиции так и не удалось договориться с ВСРП. На НКС так и не было найдено согласованного подхода и по упомянутому вопросу: когда и как проводить выборы президента государства. ВСРП продолжала настаивать на том, чтобы президента избирали прямым общенародным голосованием, причем до проведения парламентских выборов. В результате вопрос был вынесен для окончательного решения на референдум, инициированный Фидес и ССД.

Эти две радикальные антикоммунистические оппозиционные организации понимали, что при всенародных выборах президента, да еще перед парламентскими выборами, Пожгаи будет избран на этот пост. Но ССД и Фидес не желали видеть президентом даже этого наиболее яркого, демократически настроенного коммуниста. По этой причине и добивались избрания главы государства после парламентских выборов и только Государственным собранием страны. Отказавшись поставить свои подписи под итоговым документом переговорного процесса, они мотивировали свой поступок нежеланием «заключать пакт» с компартией, «мартать руки» сотрудничеством с ней перед выборами. На деле такая политическая линия была явно рассчитана уже на предвыборную кампанию, в качестве пропагандистской акции. К тому же приближалось время атомизации партийно-политического спектра, когда бывшие союзники, добившись общего успеха, начали расходиться с тем, чтобы проверить свои собственные силы в соревновании с другими. В поисках своей идентичности, в политической борьбе за голоса избирателей они вступали в полосу соревнования не только с общим бывшим противником, но и друг с другом.

Говоря об акции ССД и Фидес, отказавшихся поставить свои подписи под итоговым документом НКС, следует учитывать, что при этом они не воспользовались своим правом

вето, что могло бы свести на нет результаты всех договоренностей переговорного процесса. А это лишний раз подтверждает их фактическое согласие с результатами переговоров НКС. Дальнейшие же их действия явно были направлены на то, чтобы не допустить всенародного избрания будущего президента страны, помешать тому, чтобы им стал И. Пожгаи. Воспользовавшись демократическими принципами, принятыми на НКС и получившими затем законную силу, эти две оппозиционные партии вынесли на суд широкой общественности четыре вопроса: должна ли ВСРП выйти с рабочих мест, должна ли ВСРП отчитаться за свою собственность, следует ли распустить «рабочую охрану», проводить ли выборы президента после парламентских выборов?⁷² Они просили население дать положительные ответы на все поставленные вопросы. Другая влиятельная оппозиционная сила, ВДФ, призвала своих сторонников воздержаться от участия в голосовании. На общенародном опросе, проведенном 26 ноября 1989 г., большинство венгров высказалось за избрание главы государства после парламентских выборов. На остальные три вопроса также был получен положительный ответ. Референдум таким образом окончательно решил проблемы, по которым в ходе переговоров стороны не могли договориться.

Оценивая суммарные действия основных оппозиционных партий ВНР в 1989 г. на «круглых столах» и после них, следует констатировать, что, несмотря на имевшие место между ними разногласия, они совершили настоящий прорыв к подлинной демократизации страны. Объединив свои усилия, организациям ОКС в диалоге с ВСРП удалось добиться согласия на обеспечение мирных условий перехода к демократии, кардинального слома прежнего монолитного партийно-государственного политического устройства и создания демократического правового государства. НКС тем самым выполнил свою историческую миссию. И в этом сыграли свою положительную роль как умеренные, так и ра-

дикальные силы ОКСа, совместно с демократическими силами в ВСРП. Умеренные, подписав соглашение НКС и тем самым взяв на себя обязательства добиваться признания и утверждения краеугольных законов и модифицированной Конституции (которые вскоре после этого практически без доработок были приняты парламентом), внесли решающий вклад в дело возникновения третьей в государственной истории страны Венгерской Республики, которая была провозглашена 23 октября 1989 года. *Радикалы* же, добившись референдума и призвав население голосовать четырьмя «да», открыли прямой и кратчайший путь к свободным выборам. Суммарные действия оппозиционных организаций, таким образом, фактически успешно решили свою исходную задачу, поставленную ОКСом. Предпосылки и мирные условия для проведения свободных парламентских выборов на многопартийной основе и плавный переход к демократии тем самым были обеспечены как договорными, так и законодательными средствами.

Все политические партии стремительно менявшейся Венгрии в условиях неизбежно надвигавшихся перемен активно включились в предвыборную конкурентную борьбу. ВСРП в новых условиях с неизбежностью столкнулась с целесообразностью изменения своего имиджа и идейно-политической сущности. Этого требовали свободные парламентские выборы и переход к плюралистической демократии. В ходе подготовки к очередному съезду в ВСРП была провозглашена свобода платформ, что и привело к формированию нескольких. Среди них выделялась позиция радикальных партийных реформаторов, добивавшихся коренной политической перестройки. Они объединились с теми силами на правом фланге, кто желал не просто реформирования, но и основополагающей смены модели социализма. Центристские позиции занимало движение «Сплочение за обновление ВСРП» в компартии, а крайне левые догматические силы сплотились в так называемую Единую марксистскую

платформу и в Общество Ференца Мюнниха. В начале октября 1989 г. ВСПИ провела свой последний, XIV съезд, на котором фактически самораспустилась. Ее реформаторские силы создали новую партию — Венгерскую социалистическую партию (ВСП). Она, хотя и стала преемницей прежней государственной, фактически порвала с ее коммунистической наследственностью в идеологии и политике, отмежевалась от ее ошибок в прошлом и решила начинать с «чистого листа». Эта партия-наследница, наравне с остальными, в большинстве новыми политическими партиями, в условиях обострившейся предвыборной конкуренции сумела пройти в парламент, однако не смогла сохранить лидирующее положение в системе многопартийной политической структуры страны. Подлинными фаворитами, настоящими победителями политической борьбы на первых свободных парламентских выборах весной 1990 г. стали прежде всего две оппозиционные партии — ВДФ и ССД.

Таким образом, с подписанием 18 сентября 1989 г. документов НКС смену государственного строя страны уже можно было считать делом не просто решенным, но фактически свершившимся. Ведь согласие всех партий и движений документально закреплялось и оформлялось юридическим актом, зафиксировавшим коренные перемены в политической жизни Венгрии. В *политико-институционном* смысле смена коммунистического авторитаризма парламентской демократией, стремительно повлекшая за собой и смену всей системы советского типа, была процессом отнюдь не долговременным. В этой сфере, в отличие от экономической, где трансформация затянулась на годы, мирный переходный период в Венгрии завершился в сжатые сроки.

Значение венгерских «круглых столов» было огромным, они не только подготовили условия осуществления указанного перехода, но и разработали конкретные правовые и юридические документы, обеспечившие и гарантировавшие демократизацию всей общественно-политической жизни

страны. Эта документальная база практически тут же была утверждена еще прежним Государственным собранием, что позволяет говорить о полном успехе мирной «переговорной революции», которая коренным образом изменила не только политический ландшафт и облик Венгрии, но и вместе с тем внесла вклад в политологическую теорию смены общественных систем. Возвращаясь к изложенному выше, снова напомним о референдуме, проведенном 26 ноября 1989 г., который поставил точку на отдельных нерешенных вопросах переговорного процесса и тем самым позволил сократить путь перехода страны к демократии. Вслед за ним венгерское общество в двух турах свободных парламентских выборов 25 марта и 8 апреля 1990 г. целиком подтвердило легитимность достигнутых на Национальном круглом столе решений. Новый парламент Венгерской Республики по своему составу и характеру принципиально отличался от прежнего. Ведь 90 % депутатов являлись членами партий ОКС, а 10 % – бывшей ВСПП⁷³. Они избрали президента в лице писателя Арпада Гёнца, утвердили ответственное правительство страны во главе с Й. Анталлом, которое окончательно завершило на рубеже XX–XXI вв. процесс смены неотделимого от властной монополии коммунистов социалистического строя на демократический.

Глава 9. **Венгрия на старте демократических преобразований государственной-политической и экономической системы (1989–1994 гг.)**

Переход от тоталитарных режимов к парламентской демократии стал на рубеже 80–90-х годов прошлого века главной задачей для прогрессивных политических сил во всем восточноевропейском регионе. Не было готовых ре-

цептов, не доставало опыта в проведении преобразований, которые в итоге до основания потрясли существовавшую систему. В каждой из стран активные, деятельные участники этих сложных процессов демократизации методом проб и ошибок двигались к цели по своему разумению и усмотрению.

На пути перехода от диктаторских и авторитарных режимов к системе многопартийной парламентской демократии, безусловно, встречались немалые трудности, возникали проблемы, которые требовали неотложного решения. Причем в каждой из стран обстановка требовала своего, особого подхода, учета конкретной ситуации, специфики национального и исторического момента. Анализ всего сложного трансформационного процесса на основе опыта каждой отдельной страны представляет несомненный интерес для историков современности.

Историческая наука уже выявила основные формы и пути перехода к демократии от *правоталитарных* политических режимов (Греция, Португалия), но пока еще остается в долгу перед описанием выхода общества из *левоталитарного* состояния. Процессы, развернувшиеся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы вслед за мирными и кровавыми революциями рубежа 1980–1990-х гг., ознаменовавшие переход от советского типа режимов к плюралистической демократии и рыночной экономике западноевропейского образца, предоставляют уникальную возможность для исследования.

Автором предпринята попытка на примере Венгрии проследить ключевые действия демократических сил, новой политической элиты страны, взявшихся после мирной политической революции 1989 г. за осуществление демократических преобразований. Основное внимание уделяется изменениям в расстановке политических сил, проблемам формирования парламента и его законотворческой деятельности, анализу действий первого демократического прави-

тельства и реализации им проектов, радикально менявших формы, характер и содержание общественно-политического строя страны.

Основные предпосылки и процесс демократизации общественно-политического устройства (1989 – начало 1990-х гг.)

Венгрия, будучи страной, которая еще в условиях «реального социализма» выделялась в восточноевропейском регионе своим относительно либеральным режимом Я. Кадача, больше других была подготовлена к преобразованиям конца 1980-х годов. В экономической сфере она имела определенный опыт реформ, реализация которых началась еще в 1960-е годы и проходила с переменным успехом, обусловив введение некоторых элементов рыночного хозяйства и даже определенные «мелкие шаги» по модернизации политического устройства.

Однако, несмотря на последующую активизацию и частичную плюрализацию общественно-политической жизни во второй половине 1980-х годов, Венгрия, как и остальные социалистические страны Европы, была охвачена углубляющимся кризисом не только экономического, но и системного характера. В венгерских условиях он проявлялся, прежде всего, в хозяйственной стагнации (сокращение темпов роста, бюджетный дефицит, значительная внешняя задолженность, снижение жизненного уровня населения и пр.) и нараставших проблемах сотрудничества в рамках СЭВ. Кризисные явления приводили в различных слоях общества к опасной для властей гражданской активности: стали возникать альтернативные и оппозиционные группы, различные организации и общественно-политические объединения и движения⁷⁴, участники которых открыто выражали озабоченность сложившейся в стране ситуацией, поднимали неприятные для руководства вопросы, затрагивавшие основы партийно-государственного устройства (в частности, связанные

с событиями 1956 г., легитимностью власти коммунистов и социалистической системы в целом), выдвигали требования по всесторонней демократизации этого устройства.

Альтернативные и оппозиционные организации, возникшие и окрепшие на протяжении 1987–1989 гг., стали реальной политической силой, не считаясь с которой уже не могла правящая Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП). Ее представители вынуждены были реагировать на настроения в обществе, в том числе признать революционный характер массового народного выступления в октябре 1956 г., что фактически лишило венгерских коммунистов легитимности.

Весной 1989 г. руководству ВСРП впервые за послевоенные десятилетия пришлось пойти на продолжительные переговоры с представителями альтернативных и оппозиционных движений и организаций с тем, чтобы, обсудив с ними в рамках Национального круглого стола (НКС) животрепещущие проблемы развития страны, совместными усилиями найти выход из сложившегося положения.

Проведенные с весны до начала осени 1989 г. переговоры «круглого стола» вошли в историю как «мирная переговорная революция»⁷⁵. В рамках НКС была достигнута договоренность между ВСРП и политической оппозицией об условиях осуществления *мирного перехода* к плюралистической парламентской демократии. Принятые на НКС решения явились принципиальной основой для проведения первых после сорокалетнего периода коммунистического единовластия демократических выборов, открывших путь к последующему разворачиванию процессов общественно-политической и экономической трансформации на принципах парламентской многопартийности и рыночного хозяйства.

Парламент прежнего (1985 г.) созыва утвердил в октябре 1989 г. принципиальные поправки, предложенные НКС к тексту Конституции, приняв новый конституционный закон XXXI/1989.

Измененная Конституция в редакции 1989 г. формально оставалась при этом модификацией Основного закона 1949 г., однако по сути уже с совершенно другим нормативным содержанием. В ней были закреплены принципы парламентской республики, независимого демократического правового государства, разделения властей, многопартийности, прав человека. Участники процесса конституционного законотворчества отказались, таким образом, от подражания советской конституции и вернулись к идеям и традициям европейских конституций, проявляя интерес к институтам современного правового государства. Такой подход позволил, с одной стороны, исключить из Основного закона положения, которые были внесены в 1972 г. (в частности, о руководящей роли марксистско-ленинской партии), а с другой – обогатить текст рядом новых принципиальных положений (о Конституционном суде, гражданских правах и пр.), коренным образом менявших характер всей политической структуры Венгрии.

Конституционные поправки, сформулированные в рамках НКС и принятые Государственным собранием, явились существенной ревизией Конституции ВНР. Новый вариант Основного закона базировался на современных конституционных ценностях, и в нем почти ничего не оставалось от первоначального текста венгерской Конституции 1972 г., некогда самой либеральной в социалистическом лагере.

Учитывая, что принятые конституционные поправки стали опорой дальнейших кардинальных преобразований в государственно-политической сфере, что на этих поправках основывались все прочие трансформационные процессы в экономике и социальной жизни, на них стоит остановиться подробнее.

В обновленной Конституции число параграфов осталось прежним, а количество глав выросло с 10 до 15. Старое название гл. I «Общественный строй ВНР» было изменено на «Общие положения», а государство официально стало име-

новаться «Венгерская Республика». Было записано, что вся власть принадлежит народу и реализуется через избираемых представителей, а также непосредственно (§ 1, 2)⁷⁶.

В первом разделе Конституции определялись права и компетенции политических партий и других общественных организаций, участвующих в выражении воли народа, и их место в структуре государства. При этом, отменяя прежнюю практику социалистической эпохи, Конституция указывала, что партии «не могут непосредственно осуществлять государственно-административную власть», ни одна из них «не может управлять никаким государственным органом» (гл. I, § 3, ч. 3). В первой главе закреплялось положение о приверженности правовой системы ВР общепринятым нормам международного права, неприкосновенным и неотъемлемым основным правам человека (§ 7 и 8). Совершенно новым конституционным положением стала ответственность ВР «за судьбы венгров, живущих за ее пределами» и за поддержку их связи с родиной. Это положение было принято в связи с тем, что каждый третий этнический венгр (в общей сложности более 3 млн человек) в результате территориальных переделов в XX веке оказался отделенным от Венгрии новыми границами государств и жил в сопредельных государствах.

В Конституции появился также новый параграф о гарантиях частной собственности: «экономика Венгрии является рыночной, публичная собственность и частная собственность равноправны и пользуются равной защитой» (гл. I, § 9, ч. 1).

Введение ряда новых глав – «Президент Республики», «Конституционный суд», «Уполномоченный Государственного собрания по гражданским правам и по правам национальных и этнических меньшинств», «Государственная Счетная палата и Венгерский Национальный банк» – свидетельствовало о создании особо важных в меняющихся условиях институтов власти.

За переименованием части глав Конституции скрывалось наполнение их современным содержанием. Так, «Совет Министров» (гл. III) стал именоваться «Правительством» (гл. VI), а «Местные Советы» (гл. IV) – «Местным самоуправлением» (гл. IX).

Обновленная Конституция содержала несравненно более широкую шкалу *гражданских прав и свобод* (XII глава), чем прежняя, причем отмечалось, что они не могут быть ограничены или приостановлены даже в случае чрезвычайной ситуации.

Среди новых конституционных прав и свобод появились: право на человеческое достоинство, запрещение пыток; право на независимый и беспристрастный суд, на справедливый и публичный процесс; свобода передвижения и выбора места жительства; право на свободное выражение мнения; запрет монополии на информацию; право получать и распространять информацию, представляющую общественный интерес; право на мирные собрания и объединения; защита национальных и этнических меньшинств и их право на участие в общественной жизни, на пользование родным языком и обучение на нем; право свободного возвращения на родину; право на забастовки и пр.

Государственное собрание (парламент) ВР, избираемое на четыре года, провозглашалось высшим органом власти и народного представительства с весьма широкими правами, вытекающими из суверенитета нации. Его полномочия (наряду с принятием законов, определением основных направлений развития страны, утверждением государственного бюджета и программы правительства, решением проблем войны и мира, использования вооруженных сил) распространялись также на избрание президента республики, премьер-министра, членов Конституционного суда, председателя Счетной палаты и его заместителей, председателя Верховного суда и генерального прокурора (гл. II, § 19).

Конституцией регламентировались функции *главы государства*, коим снова, как и в 1946 г., должен был стать *президент ВР*, правда, с несколько более широкими полномочиями и компетенциями, чем прежде. Наряду с тем, что президент олицетворяет единство нации и стоит на страже демократической деятельности властных структур, он представляет государство, от имени Республики заключает международные договоры, назначает и принимает послов, определяет время проведения парламентских и муниципальных выборов. Президент обладает законодательной инициативой, подписывает законы и обеспечивает их публикацию в течение 15 дней после принятия парламентом. В случае своего несогласия с документом в целом либо с какими-то его положениями президент возвращает его для повторного рассмотрения. В случае неконституционности закона или его отдельных положений президент направляет его в Конституционный суд, после чего, однако, обязан опубликовать этот документ (гл. II, § 26). Президент ВР является также членом Совета обороны и Верховным главнокомандующим вооруженными силами.

В Венгерской Республике, согласно новой редакции Конституции, устанавливалось *парламентское правление*, при котором ответственное перед Государственным собранием *правительство* получало широкие полномочия для выполнения функций исполнительной власти. Премьер-министр, избираемый парламентом по предложению президента страны, наделялся широкими полномочиями (почти как у канцлера). Все эти положения Основного закона служили основой для осуществления реальных демократических преобразований, открывали перспективу для кардинальных перемен. Но реализовать конституционные положения, претворить в жизнь те задачи, которые были согласованы и намечены решением НКС, предстояло уже будущему, демократически избираемому парламенту и первому правительству посткоммунистической эпохи.

Конституция в ее новой редакции была опубликована 23 октября 1989 г. Эта дата – годовщина начала венгерской революции 1956 г. – и стала днем рождения новой Венгерской Республики (ВР), образование которой на площади Лайоша Кошута в Будапеште провозгласил председатель Государственного собрания Матяш Сюрёш, ставший с того дня *временным президентом* Республики.

Прежнее Государственное собрание 21 декабря 1989 г. заявило о самороспуске, а временный президент назначил новые парламентские выборы на 25 марта 1990 г. Немедленного роспуска прежнего парламента в интересах сохранения управляемости государства и утверждения важнейших законов переходного периода не произошло. Он продолжал работать до 16 марта 1990 г. Назначение же даты новых выборов в Государственное собрание ВР положило начало соперничеству политических партий и, по сути, явилось стартом для новой избирательной кампании.

Парламент прежнего созыва, завершив изменение Конституции, принял также отдельный закон о *Конституционном суде (КС)*. В положении об этом новом верховном органе власти, состоящем из избираемых парламентом на девятилетний срок 15 конституционных судей, определялись место и статус КС в системе разделения властей, контактов с парламентом, президентом и правительством (гл. IV). Конституционный суд стал самостоятельным фактором политической жизни, одной из ветвей власти, частью системы сдерживания и противовеса во взаимоотношениях парламента и правительства. Главной задачей КС провозглашалась защита Конституции, контроль за конституционностью правовых актов практически всех уровней и ветвей власти (КС дано право отменять любой закон или нормативный акт). Компетенция КС распространялась и на толкование законов. Конституционный суд получил, таким образом, весьма широкие полномочия для защиты Основного закона и законности в целом. Он приступил к выполнению

своих обязанностей 1 января 1990 г. в составе 5 судей (позже их численность была увеличена до 15).

В качестве продолжения конституционного строительства, в соответствии со ст. 6 Основного закона, была возрождена Счетная палата. В дальнейшем парламент принял также ряд других законов, связанных с реализацией властных и управленческих функций.

Сам факт принятия Конституции в редакции 1989 г. уже свидетельствовал о принципиально новом выборе пути развития страны, о политическом повороте и предстоящем переустройстве всего государственно-правового строя демократизирующейся Венгрии. Правда, ввиду компромиссного содержания отдельных положений обновленной Конституции, она отличалась некоторой незавершенностью, недосказанностью в вопросах, решение которых (с взаимного согласия политических партий, участвовавших в НКС) было отложено «на потом».

Неудивительно, что в дальнейшем эти не до конца проясненные вопросы продолжали вызывать дискуссии между представителями отдельных политических сил страны. О незавершенности конституционного строительства свидетельствовал тогда, в частности, ряд проблем, остававшихся в сфере юриспруденции, в области взаимоотношений между центральной исполнительной властью и системой муниципального самоуправления и др.

Хотя еще на завершающем этапе работы Национального круглого стола его участники считали желательным избрать президента ВР перед парламентскими выборами (намеченными на весну 1990 г.), им не удалось прийти к согласию в вопросе о способах избрания главы государства – всенародным голосованием либо голосованием парламента. В результате в проект Конституции был включен компромиссный вариант. С одной стороны, обозначалась целесообразность избрания президента парламентом, но с другой, – учитывая исключительность ситуации (переход к демократии), – допус-

кался вариант прямого тайного голосования (соответствующая процедура была прописана в законе ХХХ/1989). 7 января 1990 г. еще предполагалось осуществить последний вариант.

Следует отметить, что если основная часть венгерских политических сил была готова принять вариант избрания главы государства общенародным голосованием, то две наиболее радикальные, оппозиционные партии – ССД и Фидес, категорически воспротивились этому. Они говорили о попытке коммунистов таким способом спасти старый режим и о том, что в таком случае «не будет возможности контролировать президентскую власть». На самом деле эти партии осознавали, что, в случае общенародного волеизъявления, большинство голосов будет отдано весьма популярному тогда кандидату в президенты Имре Пожгаи (ВСП). Политик запомнился своими демократическими заявлениями, призывом к реформированию существовавшей политической системы и официальному пересмотру оценки событий октября 1956 года, названных тогда «контрреволюционными», предлагая для них термин «народное восстание».

ССД и Фидес решили помешать избранию президента страны до парламентских выборов, надеясь не только отсрочить время его проведения, но и изменить ситуацию в свою пользу. Они развернули активную политическую кампанию и добились референдума по этому вопросу. Большинство участников референдума, не подозревая, что скрывается за переносом даты выборов будущего главы государства, высказалось за его проведение после парламентских выборов. Результаты референдума заставили старое Государственное собрание отменить свое решение об уже назначенной дате (7 января 1990 г.) избрания президента всенародным голосованием. Маневр оппозиции удался. Ведь новый состав парламента по ряду причин был заинтересован провести выборы президента одним лишь депутатским корпусом, в котором конституционное большинство составляли уже силы бывших оппозиционных партий.

Между тем принятые старым парламентом принципиальные правовые документы, среди которых основное место занимали поправки, внесенные в Конституцию (подготовленные еще в рамках НКС), позволили провести весной 1990 г. общенародные выборы в новый парламент на многопартийной основе.

Парламентские выборы и расстановка политических сил в новом Государственном собрании ВР (весна 1990 г.)

Выборы нового Государственного собрания (парламента) должны были пройти с участием всех политических сил на принципах плюралистической демократии. Следует отметить, что уже в январе 1990 г. в стране было зарегистрировано в общей сложности 65 политических партий⁷⁷, и они – при выполнении нормативных формальностей и в полном соответствии необходимым критериям – могли участвовать в избирательной кампании. Правда, закон о выборах ставил перед партиями определенные условия, которые для многих из них представлялись невыполнимыми. К ним, в частности, относились система рекомендаций, требования к составлению партийных списков и т.п., не говоря уже об электоральном барьере. Чтобы получить представление о проблемах, возникавших на пути в первый демократически избираемый парламент страны, отметим, что для выдвижения кандидатуры в депутаты весной 1990 г. претенденту требовалось получить письменные рекомендации от 750 избирателей. Законом об избирательном праве в интересах лучшей управляемости государства заранее учитывалась необходимость ограничения числа политических партий, способных пройти в парламент. По этой причине был установлен барьер: партия должна была набрать не менее 4 % голосов избирателей.

К числу других ограничений принадлежало также право на составление партиями своего *территориального* списка. Такое право получала лишь та партия, которая сумела выдвинуть своего кандидата в четверти всех избирательных округов. Для составления же *республиканского* списка требовалось иметь хотя бы 7 территориальных списков. Эти требования сразу же автоматически приводили к отсеву части менее влиятельных политических организаций. В итоге из зарегистрированных 65 только 28 партиям удалось собрать и представить в избирком письменные рекомендации требуемой части избирателей (т. е. минимумы для каждого отдельного кандидата). Республиканские же списки сумели при этом составить лишь 12 партий. Четырехпроцентный барьер преодолели всего шесть.

Забегая вперед, отметим, что результаты этих, проведенных впервые в восточноевропейском регионе *полностью свободных парламентских выборов на многопартийной основе*, привели к формированию не только первого после 40-летнего коммунистического единовластия демократического парламента, но и к образованию правительства, в котором бывшая партия коммунистов (или посткоммунистов) уже не была представлена. При этом именно этому правительству пришлось решать ответственную историческую задачу: приступить к общей демократизации страны с одновременным внесением изменений в работу всего государственно-правового механизма. То есть осуществить не только предусмотренные «переговорной революцией» основные меры по демократизации общественной жизни и получить одобрение «старого, но еще действующего парламента, но и реализовать ряд *ключевых политических, экономических и социальных проектов*, меняющих характер исполнения властных функций и самой системы.

Парламентские выборы прошли в два тура (25 марта и 8 апреля 1990 г.) на основе нового избирательного закона 1989 г. Этот закон делил страну на 176 индивидуальных и

20 областных (19 комитатских и один столичный) избирательных округов. Состав нового Государственного собрания ВР предусматривалось избрать по довольно сложной комбинированной системе в количестве 386 депутатов. При этом 176 депутатов могли получить свой персональный мандат по одномандатным округам, 152 депутата из различных комитатов проходили в парламент по территориальным партийным спискам (один только Будапешт с большим числом избирателей давал 28 территориальных мандатов). Судьба же остальных 58 депутатских мандатов решалась на выборах по так называемому республиканскому списку. Эти мандаты распределялись между различными партиями по весьма сложной системе на основании остаточных голосов таким образом, что суммировались отданные за них голоса в различных областях, которые в отдельности не давали им право на получение мандата⁷⁸.

Столь сложная система выборов (как считают венгерские специалисты, подобная система существует в Европе лишь в Швейцарии и Ирландии) была призвана обеспечить пропорциональное представительство и предотвратить распыление депутатских мандатов среди множества мелких партий.

В Венгрии, как, впрочем, и в большинстве стран Европы, участие в выборах является не обязанностью гражданина, а его правом. Не вдаваясь в анализ причин, отметим лишь, что, в отличие от эпохи социализма с ее традиционно высокими процентами явки избирателей, в первом туре демократических выборов в голосовании приняло участие всего 63 % имеющих право голоса граждан страны, а во втором и того меньше – 46 %⁷⁹.

Уже в ходе развернувшейся избирательной кампании стало очевидно, что причиной «уступчивости» представителей официальной партийной власти силам оппозиции, как и последующего краха коммунистического режима в ВНР, было, прежде всего, углублявшееся *кризисное состояние экономики* страны. По сути, именно оно оказалось решаю-

щим фактором, приведшим к кризису власти и всей системы советского типа в странах региона. И хотя анализ экономического состояния, поиска путей выхода из сложившейся ситуации в рамках НКС так и не стал основным вопросом обсуждения, а на передний план выдвинулись проблемы государственного переустройства и перспективы демократизации общественно-политической жизни, уже в условиях предвыборной борьбы мало у кого оставались сомнения в том, что прежний режим обречен. Поэтому неудивительно, что основным вопросом избирательной кампании рубежа 1989–1990 гг. был не вопрос о замене старой власти, а о том, каков будет характер власти новой. Внешне казалось, что у оппозиционных партий существует некое единство мнений по этому вопросу, однако в действительности между ними были различия – в зависимости от идейно-политической ориентации партии.

Политические силы, способные претендовать на участие в законодательной и исполнительной власти новой Венгрии, можно сгруппировать в три основные группы.

Партии на *правоцентристском фланге* политического спектра ратовали за единство народно-национальных, христианско-демократических и либеральных ценностей (Венгерский демократический форум – ВДФ), к ним примыкали христианские демократы (Христианско-демократическая народная партия – ХДНП), а также представители традиционно крестьянских устремлений, требовавших проведения новой земельной реформы (Независимая партия мелких хозяев – НПМХ).

Партии второй группы преследовали *либеральные* цели (как, например, праворадикальный Союз свободных демократов – ССД либо стремившийся к либеральной, но при этом прагматичной политике с рационально-консервативным уклоном Союз молодых демократов – Фидес).

Партии на *левом фланге* выступали с левоцентристскими социал-демократическими лозунгами (Социал-демо-

кратическая партия Венгрии – СДПВ), коммунистическими (Венгерская социалистическая рабочая партия – ВСП) либо уже не коммунистическими, но в целом социалистическими идеями (Венгерская социалистическая партия, реформированная наследница бывшей правящей партии страны).

Судить о реальных симпатиях венгерского электората к тем или иным идейно-политическим течениям можно было, однако, только после первого тура парламентских выборов. Голосование выявило преимущество *двух главных оппозиционных партий* (ВДФ и ССД), резкое отставание от них возрожденной, но не оправдавшей ожиданий самой крупной крестьянской партии 40-х годов XX века (НПМХ), а также сильное разочарование избирателей левыми политическими силами, включая реформированную ВСП. Характерно, что даже такие популярные руководящие деятели этой партии, как И. Пожгаи, Д. Хорн или М. Сюрёш уступили место кандидатам от оппозиционных партий. Итоги первого тура голосования показали отсутствие шансов для ВСП остаться правительственной партией и одновременно свидетельствовали о вероятности того, что будущее правительство страны станет коалиционным. Осознание этого заставило участвующих в выборах руководителей политических партий искать потенциальных союзников.

Председатель ВДФ Йозеф Анталл (1932–1993), партия которого уже после первого тура стала лидирующей, еще в начале избирательной кампании заявил, что если Венгерский демократический форум не сможет самостоятельно претендовать на формирование правительства, то в качестве коалиционных партнеров ВДФ будет рассчитывать на наиболее близкие по духу политические силы. Из числа возможных партнеров Анталл тогда исключал лишь одну ВСП. Коалиционное партнерство с другой основной оппозиционной силой – ССД – он допускал только в исключительном случае. Наиболее вероятными потенциальными

союзниками в промежутке между двумя турами выборов им были определены ХДНП и НПМХ. Более того, с ними были начаты переговоры о взаимной поддержке. В идейно-политическом отношении эти две партии в равной мере подходили для ВДФ, и уже тогда было очевидно, что набираемые ими голоса избирателей будут достаточны для того, чтобы совместно подумать о перспективах формирования будущей правящей коалиции.

Оказавшиеся на втором месте (с 21,4 % голосов) *радикальные либералы* (ССД), рассчитывавшие на свои тесные связи с определенными кругами на Западе, также не теряли надежды на победу во втором туре (полагаясь при этом на содействие Фидес). Они, в отличие от ВДФ, по инерции продолжали делать ставку на «шумный антикоммунизм», не желая замечать, что их политический соперник из лагеря бывших коммунистов фактически уже проиграл сражение. ВСП (10,89 % голосов), как показали результаты первого тура выборов, оказалась лишь на четвертом месте, ее обогнала НПМХ (11,74 %), что указывало на то, что радикальный антикоммунизм потерял свое функциональное значение.

С другой стороны, ССД, продолжая наносить удары по ВСП с радикально-антикоммунистических позиций, развернул кампанию критики против ВДФ, изобличая его руководителей в связях с коммунистами-реформаторами (особенно с Пожгаи). Кроме того, лидеры ССД, — видимо, в расчете на голоса крайне правых избирателей — предметом своей критики против ВДФ попытались сделать его программные заявления о будущем общественно-политическом устройстве Венгрии и путях перехода к нему. При этом радикал-либералы заявили, что если на выборах победу одержит не ССД, то в стране вообще не будет демократии и система останется прежней. Они пытались внушить избирателям, что ВДФ, оказавшись он правящей партией, осуществит смену лишь *политического режима*, тогда как в случае победы ССД партия либералов — и только лишь она — может гаран-

тировать *смену всей системы*. Такого рода пропагандистская война, объявленная либералами бывшему партнеру по оппозиции, не только надолго испортила отношения между ССД и ВДФ, привела к продолжительному противостоянию между ними, но и разбудила тлеющий культурно-политический конфликт между основными силами «народников» (ВДФ) и «урбанистов» (ССД), что в конечном счете вряд ли прибавило популярности радикальным неолиберальным элементам в венгерском обществе. Будучи второй либеральной партией, Фидес безуспешно пыталась убедить руководство ССД пойти на сближение с ВДФ и создать «большую коалицию» оппозиционных партий. Молодым демократам во главе с Виктором Орбаном приходилось упорно отстаивать свою идентичность и утверждать, что Фидес «не молодежная организация ССД»⁸⁰. В результате молодые демократы стали добиваться лишь одного: по голосам избирателей обогнать ВСП⁸¹. Фидес работал на перспективу.

Левый фланг политических сил, над которым висел тяжелый груз наследия сорокалетней коммунистической диктатуры и «развитого социализма», пришел к парламентским выборам в состоянии шатания и раскола. А это не благоприятствовало партиям-наследницам ВСП. И хотя реформированное и преобразованное накануне в социалистическую партию основное ядро левых сил в лице ВСП порвало с коммунистическим прошлым и сумело мобилизоваться, новоявленным социалистам было весьма затруднительно соперничать с партиями оппозиции. Сотрудничества с ВСП стремились избежать все политические силы, включая ее бывших союзниц на переговорах НКС. По сути, это было проявлением сурового, но, на взгляд подавляющего большинства населения страны, справедливого суда со стороны общественного мнения.

Окончательные итоги парламентских выборов подтвердили внушительную победу основных партий оппозиции, и прежде всего их наиболее авторитетного, взвешенного и

умеренного в своих позициях правоцентристского *Венгерского демократического форума*. В итоге он и стал лидером избирательного марафона, получив наибольшее число – 165 (42,7%) депутатских мандатов, и тем самым фактически завоевал право формировать *первое демократическое правительство* страны на посткоммунистическом этапе истории ВР. Успех во многом объяснялся тем, что ВДФ стал настоящей народной партией, объединявшей в своих рядах представителей почти всех слоев венгерского общества. Кроме того, это была самая «спокойная» оппозиционная сила, предлагавшая умеренный, но надежный переход от «реального социализма» к демократии западноевропейского типа и к рыночной экономике. Эти качества и привлекали венгерских избирателей, не желавших политических и социальных потрясений.

На *второе место* (23,8% депутатских мандатов) вышел *Союз свободных демократов (ССД)*. Многие лидеры этой партии, хотя сами и являлись выходцами из семей коммунистов 1940–1950-х годов, некогда исключенных из рядов Венгерской партии трудящихся, позиционировали себя в качестве радикальных оппозиционеров и последовательных антикоммунистов. Руководство этой партии не сразу, а лишь после некоторых раздумий и поисков решилось самоопределиться как *либеральная партия*. Высшая партийная прослойка ССД, по признанию ее представителей, несла на себе клеймо «чуждой венграм», чуть ли не «антинациональной силы», состоящей из «космополитов»⁸². Очевидно, это обстоятельство и помешало ей привлечь к себе (кроме определенной прослойки городской интеллигенции) широкие круги средних слоев венгерского общества.

На *третьем месте*, благодаря обращению к традиционным для Венгрии аграрным проблемам, оказалась одна из возрожденных, так называемых исторических партий – *Независимая партия мелких хозяев (НПМХ)* – 11,4% мандатов. НПМХ вместе с другой, также возобновившей свою

деятельность политической силой 1940-х годов, *Христианско-демократической народной партией* (5,4 % депутатских мандатов), представляла базу для возможного создания политической коалиции. И хотя каждая из них на выборах решила себя испытать по отдельности, они фактически склонялись к союзу с родственными силами правоцентристской ориентации. Именно эти две партии пошли на сближение и сотрудничество с главной победительницей избирательного марафона 1990 г. — ВДФ, а затем вместе с ней создали первое за более чем 40 послевоенных лет некоммунистическое коалиционное правительство.

Из числа новых политических сил Венгрии с правоцентристским либеральным уклоном в парламент вошли также депутаты от *Союза молодых демократов* (Фидес), получившего 5,7 % парламентских мандатов. Они завоевали популярность и симпатию части избирателей своим юношеским азартом, оппозиционностью и компетентностью в актуальных вопросах современности. Фидес, сначала казавшийся близким ССД, так сказать, его молодежным довеском, вскоре показал свое собственное лицо, и пути этих двух партий кардинально разошлись.

Партии, расположенные на левом фланге, в открытом и свободном соперничестве, по сути, потерпели поражение. И это поражение на фоне внушительной победы новых партий правоцентристской и либеральной ориентации казалось значительным. Правда, преобразованная и реформированная накануне выборов *Венгерская социалистическая партия* (ВСП), хотя и резко сократилась в численном отношении, стала наиболее последовательной организацией чисто *социалистического толка*. В отличие от прочих осколков коммунистической ВСПП, она сумела добиться успеха, получив 8,5 % мандатов. Все остальные политические партии, участвовавшие в выборах, но не преодолевшие четырехпроцентный барьер, оказались за бортом нового, демократического парламента.

Таким образом, Государственное собрание ВР, которому в 1990–1994 гг. предстояло работать над совершенствованием законодательной базы страны, провести *коренные демократические преобразования*, формировалось из числа депутатов шести политических партий. По итогам выборов они получили следующее количество депутатских мест: ВДФ – 165, ССД – 93, НПМХ – 44, ВСП – 33, Фидес – 22, ХДНП – 21, независимые депутаты – 8⁸³.

95,6% состава нового депутатского корпуса Государственного собрания, состоящего из 386 человек, были совершенно новые люди, которые ранее никогда не избирались в высший законодательный орган страны, являли собой абсолютно свежую силу, которая вышла на политическую арену стремительно менявшейся демократической Венгрии.

Расстановка политических сил в новом Государственном собрании – с учетом традиций венгерского парламентаризма – не оставляла сомнений в том, что президент ВР поручит формирование первого демократического правительства той партии, которая набрала больше всего голосов и соответственно получила наибольшее количество парламентских мандатов, то есть ВДФ.

Межпартийное соглашение между турами выборов ради управляемости страны и предстоящих преобразований

После парламентских выборов первоочередное внимание в Венгрии уделялось утверждению новой структуры государственной власти – созданию государственных органов, а также переустройству и налаживанию работы всего политического механизма. Победивший на выборах ВДФ во главе с Й. Анталлом 12 апреля 1990 г. провел очередной, третий по счету съезд (официально он назывался Всевенгерским собранием), на котором партийное руководство получило согласие на проведение официальных переговоров с теми «естественными союзниками» (ХДНП и НПМХ), с

которыми идея коалиционного правления в принципе уже была согласована. Еще в апреле стороны провели межпартийные переговоры и условились, что в будущем правительстве НПМХ получит четыре министерских портфеля, а ХДНП – один. Хотя коалиционного соглашения подписано не было, представители партий успели обсудить конкретные кандидатуры на эти министерские посты. Предполагалось, что от НПМХ председатель партии Ф. Й. Надь займет пост министра земледелия, Ш. Дёривани – министра труда, а Е. Гербович и генеральный секретарь партии Д. Киши станут министрами без портфеля. Первоначально среди претендентов находился также амбициозный главный юрист НПМХ Й. Тордян, но в ходе переговоров Й. Анталлу удалось убедить его взять на себя руководство парламентской фракцией этой партии. Из числа руководящих деятелей ХДНП пост министра народного благосостояния планировали отдать председателю партии Л. Шурьяну.

О союзе ВДФ с ССД не могло быть и речи, вариант же возможного привлечения Фидес поднимался (правда, в рядах победившей партии было мало сторонников этой идеи, да и сами молодые демократы не особенно стремились тогда к участию в исполнительной власти, а готовились к будущему). Анталл, однако, между турами парламентских выборов заявил, что с этими двумя «соперничающими партиями не следует вступать в коалицию». Работая вместе с будущими либералами еще в рамках НКС, он имел возможность изучить их линию и прямо говорил о невозможности сотрудничать с ними в дальнейшем, прежде всего со свободными демократами. Анталл, подчеркивая, что «в экономических вопросах, и особенно в стиле и менталитете, мы не можем идентифицировать себя с ними»⁸⁴.

Между тем сложные задачи, стоявшие перед страной, еще до созыва парламента и образования правительства натолкнули будущего премьер-министра Анталла на далеко не демократический поступок, который в дальнейшем ока-

зал решающее воздействие на работу высших институтов государственной власти. Предвидя неизбежное сопротивление со стороны парламента, прежде всего в вопросах политических, общественных и экономических трансформаций, Анталл единолично пошел на закулисные переговоры, на *сговор* с ССД, который из бывшего союзника превратился в основного соперника ВДФ. Как позже выяснилось, сделал он это ради облегчения деятельности правительства на начальном этапе, в интересах большей управляемости политическим процессом.

Достигнутая между руководящими деятелями двух партий тайная договоренность, которая впоследствии нередко именовалась «*пактом*», по сути, отвечала как интересам ВДФ, так и ССД. Она давала им некоторую взаимную политическую выгоду. Однако лидеры прошедших в парламента обеих основных политических сил заключили этот «пакт» единолично, без ведома и согласия своих партий (хотя он требовал согласия, по крайней мере, со стороны их парламентских фракций). Упомянутая договоренность касалась взаимных уступок, направленных на то, чтобы избежать возможных преград при проведении демократических преобразований. Устремления Й. Анталла были направлены на то, чтобы обеспечить в парламенте проходимость законов, связанных с *предстоящими кардинальными преобразованиями*, которые, согласно договоренностям НКС, нуждались в поддержке двух третей депутатов Государственного собрания. А проектов таких законов именно по важнейшим *вопросам трансформации системы и дальнейшей коррекции конституционных положений* было множество, поскольку в свое время на «круглом столе» по ним не удалось добиться согласия и они оставались предметом будущих дебатов уже с новым составом демократически избранного парламента.

Чтобы добиться согласия руководящих деятелей ССД, Анталл считал возможным пойти на уступки свободным демократам. Он предложил отдать *пост президента республи-*

лики одному из деятелей этой партии, оговорив при этом конкретную кандидатуру писателя Арпада Гёнца, с которым был давно знаком (некогда они оба были в рядах НПМХ).

Переговоры Й. Анталла с узким кругом руководства ССД, прошедшие 27–29 апреля 1990 г., оставались тайной для рядовых членов обеих партий. Предложение Анталла оказалось неожиданным и для руководителей ССД, которые воспринимали занятое их партией на выборах второе место как явное поражение и поэтому охотно приняли его. В ходе переговоров они, взамен на предложенный им пост президента, пообещали согласованно выступать с ВДФ по вопросам, требующим поддержки двух третей парламента. А после длительных споров и оговорок согласились принять еще два принципиально важных предложения Анталла: 1) об импичменте или же о *конструктивном недоверии правительству* и 2) о *конкретном* кандидате на пост президента (сначала они добивались того, чтобы не связывать данное предложение именно с писателем А. Гёнцем). Смысл предложения о *конструктивном вотуме недоверия* сводился к тому, что смещения с поста главы действующего правительства можно было добиваться лишь в том случае, если инициаторы импичмента одновременно назовут имя предлагаемого на этот пост конкретного кандидата и сумеют обеспечить за ним большинство голосов в парламенте.

Договоренность Анталла с либералами в вопросе о конструктивном недоверии главе исполнительной власти впоследствии, несомненно, имела важное значение для сохранения управляемости страны, позволяла избежать опасных правительственных кризисов. В известной степени она действительно обеспечивала бесперебойную работу первого демократического кабинета постсоциалистической Венгрии. В отличие от ряда других стран региона, как известно, только Венгрия обошлась без «кризиса верхов», то есть первое некоммунистическое правительство страны оставалось на своем посту все четыре года парламентского цикла,

вплоть до очередных выборов. Словом, лидер ВДФ Анталл оказался дальновидным политиком. Деликатный вопрос межпартийных взаимоотношений он решил своевременно, умело, хотя и весьма своеобразно — заручившись поддержкой основного соперника в лице ССД.

В отношении этого второго, более радикального политического объединения, заключившего с ВДФ названный «пакт», — партии либеральных демократов (ССД) — следует отметить, что к его руководству лишь накануне парламентских выборов пришел бывший редактор самиздатовского журнала «Беселё», философ Янош Киш. Эта вторая по своему политическому весу партия, хотя и не стала участницей правящей коалиции и оказалась в оппозиции к правоцентристскому блоку, также была заинтересована в том, чтобы формирующаяся тогда новая правительственная коалиция правого политического центра изъявила готовность обеспечить для оппозиции нормальные условия функционирования. Для руководства ССД и либералов в целом данное обстоятельство также «работало» на принятие «пакта». Либеральные демократы, заключив тайное соглашение с лидером ВДФ, также оказались в выигрыше. По оценкам того же Я. Киша, они при всей своей оппозиционности к правящей партии, добились признания ССД авторитетной частью венгерской политической власти⁸⁵.

Подписав 29 апреля 1990 г. соглашение с ССД, Й. Анталл фактически заручился поддержкой либеральных демократов для решения в парламенте трех ключевых проблем, по которым ранее, в условиях работы НКС, не удавалось договориться. В законодательном плане они оставались нерешенными, что затрудняло бы работу любого правительства при дальнейшем проведении демократического переустройства страны. Эти вопросы касались: 1) конституционного положения правительства; 2) способа избрания президента республики (парламент с коммунистическим большинством 1 марта 1990 г., как подчеркивалось выше,

фактически высказался за его избрание общенародным голосованием); 3) принятия определенного круга законов, которые требовали значительного парламентского большинства. Свободные демократы обязались поддержать Анталла в первом и последнем вопросах, а он, со стороны своей партии, давал согласие на избрание президента парламентом. В выигрыше оказались обе наиболее влиятельные политические силы. Их негласный временный союз давал некоторую гарантию сохранения стабильности в стране, обеспечил условия для деятельности кабинета Анталла, которому предстояло управлять Венгрией в ближайшие четыре года.

Будучи председателем президиума ВДФ и руководителем парламентской фракции этой партии, Й. Анталл преследовал цель сплотить вокруг своего будущего кабинета все партии правого политического крыла в Государственном собрании ВР. Наличие «пакта», как отмечалось, давало определенные преимущества обеим партиям (ВДФ и ССД), снизило остроту взаимных публичных нападок, утверждало надежду на «проходимость» в парламенте законопроектов, требующих двух третей голосов депутатов. Кандидат в премьер-министры мог после этого заняться разработкой конкретной партийной программы ВДФ и его парламентской фракции на будущее.

Начало работы нового парламента ВР и формирование правительства Йозефа Анталла. Конституционные поправки и структурные сдвиги в управлении государством (1990–1994 гг.)

Учредительное собрание венгерского парламента нового состава состоялось 2 мая 1990 г. До формирования руководящих органов законодательного собрания Венгрии старейший из избранников народа, член ВДФ Калман Кери, представил собравшимся депутатам руководителей фракций шести парламентских партий: Йозефа Анталла (ВДФ), Петера Тёлдешши (ССД), Йозефа Тордяна (НПМХ), Имре

Пожгаи (ВСП), Виктора Орбана (Фидес), Тибора Фюзешши (ХДНП) и Иштвана Фаркаша (доверенного лица независимых депутатов).

Временно исполнявший обязанности президента Республики М. Сюрёш призвал парламент нового состава к «взвешенному национальному строительству, к дискуссиям по существу, к работе в интересах политической и экономической демократии», при которой «рабочие и предприниматели, интеллигенты и крестьяне в равной мере найдут свое гражданское достоинство, жизненные гарантии и благополучие без страха». Заявив о необходимости отказаться от розни, демагогии, мелочности и партийного эгоизма, соблюдения этического кодекса в депутатской работе, он выразил надежду на то, что новая демократическая Венгрия укрепит свой авторитет на международной арене. На открытие работы Госсобрания был приглашен бывший председатель Национального собрания Венгрии 1945–1947 гг. *Бела Варга* (в 1947 г. ему пришлось эмигрировать в связи с нараставшими тогда преследованиями со стороны утверждавшейся коммунистической диктатуры). Этот акт олицетворял собой преемственность с венгерской народной демократией середины 1940-х годов. Варга в своем приветственном слове подчеркнул решимость новой Венгрии вернуться к плюралистическому парламентаризму, говорил об уроках прошлого и призвал депутатов быть выше своих личных и политических амбиций, узко классовых интересов и думать о «высоком международном авторитете Венгрии, которого она удостоилась в 1956 г. и в последние годы»⁸⁶.

Вслед за этим подавляющим большинством голосов (только социалисты голосовали против) депутаты избрали временно исполняющим обязанности председателя Госсобрания, а также президента ВР юриста по образованию, писателя *Арпада Гёнца*. В свое время за участие в революции 1956 года он был арестован и приговорен к пожизненному заключению, но в 1963 г. его амнистировали,

после чего Гёнц занимался писательской и переводческой деятельностью. В условиях плюрализации общественно-политической жизни А. Гёнц стал членом ССД и поверенным в делах этой партии. С 1989 г. исполнял также функции заместителя председателя будапештского отделения Венгерской лиги прав человека, а весной 1990 г. был избран депутатом парламента ВР.

А. Гёнц после утверждения его врио президента Венгерской Республики освободил пост председателя Госсобрания и поручил вести заседание высшего законодательного органа страны депутату от ВДФ, по профессии ученому-историку, академику ВАН *Дёрдю Сабаду*. После чего Сабад был избран председателем нового парламента. В полном соответствии с предварительными договоренностями его двумя заместителями стали Матяш Сюрёш (ВСП) и Винце Вёрёш (НПМХ). Новый депутатский корпус на своем заседании заслушал также уходящего с поста премьер-министра Миклоша Немета, а затем принял первый закон о революции 1956 г., провозгласив при этом день ее начала — 23 октября — новым национальным праздником страны.

На очередном заседании парламента 3 мая 1990 г. А. Гёнц проинформировал депутатов о проведенной им встрече с руководителями парламентских фракций и заявил, что с учетом их мнения и в соответствии с парламентскими традициями поручает *формирование нового правительства ВР* председателю ВДФ, руководителю парламентской фракции партии, *Йозефу Анталлу*. Принимая поручение временного президента ВР, Анталл, уже в качестве уполномоченного исполнять обязанности премьер-министра страны, обратился к парламенту. Он выразил свое глубокое удовлетворение тем, что в новую эпоху венгерской конституционности приоритет на формирование правительства в полном соответствии с обычным правом снова отдается самой крупной политической парламентской партии. Говоря о задачах, стоящих перед политиками страны, Анталл, в частности, от-

мечал: «Если мы не сможем показать миру, что Венгрия со стороны власти и оппозиции проводит ответственную политику, если мы не можем продемонстрировать, что при внешних и внутренних обстоятельствах мы сами создаем себе все условия для того, чтобы политика Венгрии была стабильной, а экономика страны растущей, то опасности могут быть велики. Мы должны также завоевать доверие международных финансовых кругов и суметь поддерживать его»⁸⁷.

9 мая 1990 г. депутаты Госсобрания приняли свою первую поправку к тексту уже ранее модифицированной Конституции ВР. Кстати, голосование показало, что две самые авторитетные партии парламента (ВДФ и ССД) придерживались заключенного между их лидерами тайного соглашения, и это способствовало быстрому прохождению конституционной поправки через парламент. В соответствии с этой поправкой парламент Венгрии избирает только премьер-министра страны, остальных же членов правительства уже по личному представлению последнего просто утверждает президент. Это означало, что принимались предложения Анталла о полной ответственности главы правительства за формирование кабинета, за действия отдельных министров и их замену.

Государственное собрание с самого начала уделяло приоритетное внимание двум направлениям: законотворческой деятельности и контролю за работой исполнительной власти, которая, как известно, в условиях парламентского правления остается подконтрольной парламенту. Объективности ради следует отметить, что законодательное собрание на первоначальном этапе стремилось не столько контролировать деятельность правительства, сколько оказывать ему посильную помощь в реализации тех замыслов и устремлений, которые получили поддержку подавляющего большинства избирателей на весенних выборах 1990 года. В целом же как на парламент, так и на новый кабинет возлагалась ответственная задача продолжения начатого еще в 1989 г. процесса конституционного переустройства и реаль-

ного осуществления намеченных демократических преобразований. А это предполагало как соответствующее развитие законодательной базы для политических, экономических и социальных трансформаций, так и их претворение в жизнь со стороны новой исполнительной власти, контуры и структура которой лишь начали формироваться.

Вместе с тем процесс реальных изменений во власти не мог бы протекать успешно без соответствующей смены правящей элиты, образования новых властных структур, формирования соответствующих отношений между его участниками, т. е. без модернизации и изменения всей системы принятия решений.

В 1989–1990 гг. в ходе начавшихся демократических перемен постепенно складывались необходимые личностные, институциональные, а также организационные и структурные составляющие для смены всей общественно-политической системы. И хотя в *политическом отношении* уже 1989 год существенно обогатил общественную жизнь Венгрии демократическими принципами (достаточно сослаться на материалы НКС и утверждение старым парламентом новой редакции Конституции), не следует забывать, что угроза для венгерской демократии все еще существовала.

Во всяком случае, об этом свидетельствовало письмо, написанное в конце 1989 г. прежним премьер-министром М. Неметом. Оно было зачитано на заседании парламента 2 марта 1990 г. В нем говорилось о готовившейся попытке вооруженного захвата власти некоторыми радикальными силами с тем, чтобы помешать процессу демократизации страны, а также о заговоре руководителей крупных госпредприятий, готовых саботировать снабжение населения продуктами, другими необходимыми товарами, водой и электроэнергией. Целью акции было стремление вызвать товарный голод и рост массового недовольства. В руководящих кругах военных заговорили также о неактуальности выхода Венгрии из Варшавского блока⁸⁸. На такие сигналы

обращало внимание не только правительство Немета, которое едва освободилось от партийной опеки, но и формировавшаяся из рядов оппозиции новая политическая элита, которая не могла не реагировать на эти поползновения. И хотя после парламентских выборов ситуация изменилась, все это подталкивало новое поколение венгерских политиков в парламенте и временно исполнявших обязанности президента и премьер-министра к ускоренным системным трансформациям.

Работа парламента как органа власти, призванного обеспечить законодательную базу для грядущих кардинальных перемен, началась с утверждения нового внутреннего распорядка, в соответствии с которым депутаты могли взяться за реальную законотворческую работу. Напомним, что подавляющее большинство нового депутатского корпуса прежде не имело практики в сфере парламентской деятельности. Й. Анталл в начале июня 1990 г. охарактеризовал ситуацию так: «В парламент попали депутаты, которые ранее не были носителями политических функций, не имели никакого опыта государственной службы... У нас отсутствует прослойка профессиональных политиков, знакомых с политической демократией, основывающейся на многопартийной системе...»⁸⁹. Тем не менее начальный этап работы венгерского парламента, как справедливо отмечал его новый председатель Д. Сабад, проходил довольно успешно, парламентские партии быстро находили взаимопонимание, общий язык⁹⁰. И это неудивительно, ведь ни в Государственном собрании ВР, ни в стране в целом фактически не было ни одной партии, которая в 1990 г. не ставила бы задачу создания в Венгрии гражданского общества и институтов правового государства.

О формировании состава коалиционного правительства Венгерской Республики Й. Анталл позаботился заблаговременно, развернув подготовительную работу сразу после первого тура голосования.

Впрочем, ранее он и сам не имел никакой практики в сфере управления государством. Правда, отец Анталла (также Йожеф) в свое время был государственным чиновником, служил в Министерстве внутренних дел, где занимался социально-политическими проблемами, а позже, в годы Второй мировой войны, ему поручили заниматься проблемами многочисленных польских беженцев, оказавшихся на венгерской территории. Именно тогда Анталл-отец занял довольно высокое положение в государственной номенклатуре, стал уполномоченным по делам беженцев в ранге министра. Младший же Й. Анталл окончил историко-философский факультет Будапештского университета и работал преподавателем в одной из столичных гимназий. Одновременно он занимался историческими исследованиями в Педагогическом институте столицы, где увлекся изучением венгерских реформ XIX века и историей Венгрии 1825–1875 гг. Эти знания пригодились Анталлу, когда ему пришлось возглавить новое демократическое правительство страны.

В биографии Й. Анталла, как, впрочем, и в истории самой Венгрии, важной переломной вехой стал 1956 г., пробудивший интерес тогда еще молодого преподавателя к политике. В дни революции Анталл возглавил ревком в своей гимназии, способствовал возрождению НПМХ и созданию Христианского молодежного союза, за что был арестован и уволен с работы. В 1960–1962 гг. Анталл работал в Будапештской городской библиотеке им. Эрвина Сабо, а с 1964 г. — в архиве Музея истории медицины им. И. Ф. Земмельвейса. После объединения архива с медицинской библиотекой Анталл — заместитель директора, а в 1974–1984 гг. — исполняющий обязанности директора этого учреждения, с 1984 г. назначен его гендиректором. Впрочем, политика интересовала его гораздо больше. Анталл оказался среди основателей движения ВДФ, а в 1989 г. был избран членом президиума этой новой политической партии и вскоре стал ее председателем. С 1990 г. Й. Анталл — депутат венгерского

парламента, избранный также заместителем председателя Европейского союза демократических партий.

Важным моментом в жизни Й. Анталла после победы ВДФ на парламентских выборах стало его назначение премьер-министром страны. Поименный состав его коалиционного правительства был сформирован из представителей трех правоцентристских партий (ВДФ, НПМХ и ХДНП), которые обладали парламентским большинством в 59,9%. Анталл представил свое правительство Госсобранию уже 16 мая 1990 г., а 22 мая изложил депутатам правительственную «Программу национального обновления». На следующий день парламент простым большинством голосов (218 – «за», 126 – «против», при 8 воздержавшихся) *утвердил Анталла главой правительства ВР*, доверив ему тем самым руководство исполнительной властью государства на предстоящие четыре года⁹¹.

Позже в одном из интервью Й. Анталл не без основания назвал возглавляемый им кабинет «правительством камикадзе». В парламентском выступлении 23 мая 1990 г., сославшись на опыт прошлого, он так обозначил свое кредо: «Думаю, что быть премьер-министром Венгрии – значит не только возглавлять правительство, но и брать на себя ответственность. А это в нашей стране всегда сопровождалось риском, означало реальную смерть или моральную гибель»⁹². Анталл имел в виду историю двух казенных премьер-министров: Лайоша Баттяни, главы первого венгерского правительства после революции 1848–1849 гг., и Имре Надя, повешенного «за государственную измену» 16 июня 1958 года.

Реакция на выступление премьера была бурной. Особое внимание вызвала его фраза о том, что «*в глубине души* он желает стать премьер-министром 15 миллионов венгров». Фраза тут же была подхвачена его недругами, ложно истолкована (ее цитировали, опустив выражение «*в глубине души*») и распространена в сопредельных странах. В таком

искаженном изложении она вызвала нездоровую реакцию со стороны политиков одного из соседних государств, где проживает многочисленное венгерское национальное меньшинство (следует учитывать, что за пределами Венгрии в сопредельных государствах проживает больше одной трети всех этнических венгров общей численностью 3,5 млн человек). И хотя тогда упомянутое «недоразумение» было официально опровергнуто простой копией-выпиской из протокола заседания парламента, направленной в МИД соответствующего государства, искаженный вариант еще долго повторялся в средствах массовой информации, воздействуя на внутривнутриполитические и межгосударственные отношения⁹³.

Подбирая команду единомышленников, Й. Анталл исходил не столько из принципа обязательного включения в состав правительства представителей из каждой коалиционной партии соразмерно их мандатам в парламенте, сколько из учета реальных способностей каждого отдельного министра на своем посту. (Он мог это себе позволить, имея право как подбирать, так и снимать их без согласия парламента.) Такой подход был особенно важным для деятельности первого правительства, на плечи которого легло решение целого ряда сложных и весьма ответственных задач по осуществлению реальной смены общественного строя.

В первоначальном виде кабинет насчитывал 13 министров с портфелями и еще четырех без портфеля. Министерство внутренних дел возглавил Б. Хорват (с 21 декабря 1990 г. — П. Борошш), пост министра обороны занял Л. Фюр, юстиции — И. Балаши, иностранных дел — Г. Есенски, финансов — Ф. Рабар, промышленности и торговли — П.А. Бод, труда — Ш. Дёрирани, защиты окружающей среды — Ш.К. Керестеш, транспорта и связи — Ч. Шиклош, культуры и образования — Б. Андрашфалви. Все они были выходцами из ВДФ, и еще двое — Ф. Мадл и П. Борошш — получили пост министра без портфеля.

Коалиционные партнеры ВДФ, члены НПМХ возглавили министерство земледелия (Ф.Н. Надь) или стали министрами без портфеля (Е. Гербович и Д. Кишш), а представитель ХДНП возглавил министерство народного благосостояния (Л. Шурьян).

Характерная особенность этого состава правительства заключалась в том, что впервые после долгих десятилетий в Венгрии появился гражданский министр обороны в лице историка Л. Фюра, были учреждены министерства народного благосостояния и защиты окружающей среды. Й. Анталл не побоялся привлечь на пост министра международных экономических связей авторитетного при прежнем режиме ученого-экономиста Белу Кадара, возглавлявшего ранее Институт планового хозяйства при Госплане ВНР.

В первом парламентском выступлении Анталл назвал свой кабинет *правительством народной свободы, экономического перелома и воссоединения с Европой*, а его кардинальную задачу обозначил как утверждение *социальной рыночной экономики*⁹⁴. Такое определение, разумеется, не означало пренебрежения непосредственными политическими функциями по дальнейшей демократизации страны, началом которой стало отмеченное конституционное строительство. Эти начальные достижения премьер-министр оценивал высоко. Он, в частности, отмечал: «То, что произошло за истекшие два года, не имеет аналогов в нашей истории, но не было ничего схожего и во всей европейской истории. Мы с исключительной сознательностью и упорством, но при этом *без капли крови совершили революцию* (курсив наш. — Б.Ж.), стали пионерами в этом деле, показывая пример всему региону. Так это оценивает весь мир»⁹⁵. Венгрия на самом деле первой из стран бывшего восточного блока провела не только полностью свободные парламентские выборы, но и осуществила исключительно мирный, бескровный переход к демократическим порядкам, и при этом оказалась единственной страной в регионе, исполнительная

власть которой формировалась без участия компартии или ее наследницы в лице ВСП.

Принимая эстафету от главы переходного кабинета (М. Немета), Й. Анталл признавал, что, помимо завершения процесса преобразования политических институтов в интересах окончательного утверждения парламентской демократии, в центре внимания его правительства должны стоять как задачи преодоления финансово-экономического кризиса (государственной задолженности и бюджетного дефицита), так и перевод экономики на рыночную основу. Все это требовало немалых усилий и взаимодействия со стороны парламента и коалиционного кабинета. Пришлось подготовить и принять целый ряд новых законов, регулирующих проведение сложного процесса перестройки системы государственного управления и экономики. «Для меня было ясно, что первое правительство стоит перед труднейшими задачами, — констатировал Й. Анталл летом 1990 г. — Необходимо было брать на себя всю массу имущественных обязательств несостоятельного должника и одновременно под тяжестью этого долга реализовать задачи исторических преобразований... После сорокалетней диктатуры нам приходится строить новую политическую систему. Мировая история еще не видела и никогда не решала задачи перехода государства от социалистической системы к системе свободного рыночного хозяйства и парламентской демократии. Такого еще никто не делал, а нам придется это осуществить!»⁹⁶.

Правительство Й. Анталла начало решать стоявшие перед ним задачи с таким составом, в котором, как отмечалось, подавляющее большинство не обладало необходимым опытом. Но необходимости проводить частые кадровые ротации не возникало. Только на двух постах в декабре 1990 г. пришлось заменить министров. Замену осуществили исключительно по профессиональному принципу. Так, пост министра финансов занял беспартийный политик Михай Купа, в прошлом заместитель директора Института финан-

совых исследований и высокопоставленный работник Минфина ВНР; а пост министра промышленности и торговли занял бывший инженер-экономист, член Президиума ВДФ Иван Сабо⁹⁷.

Привлекая к работе профессиональные кадры, Анталл отнюдь не стремился к полной замене всего штата государственно-чиновничьего аппарата, насчитывавшего к тому времени уже 80 тыс. госслужащих⁹⁸. Такой подход вызывал некоторое удивление и даже непонимание в среде демократической части бывшей элиты. В этой связи достаточно сослаться на высказывание Матяша Сюрёша, который в одном из своих интервью выразил сожаление в связи с тем, что новая власть «недооценивает деятельность политиков, сыгравших решающую роль в том, чтобы могли начаться венгерские процессы реформ». При этом он назвал такие имена, как Имре Пожгаи, Дюла Хорн и др. Этим политическим деятелям, хотя и избранным в новый парламент, по словам Сюрёша, не достались достойные, сравнимые с их способностями, посты и позиции. «Странно, но за рубежом больше, чем у нас, признают их исторические заслуги и сожалеют, что они не получили заслуженных функций в общественной жизни новой Венгрии»⁹⁹, — не без основания подчеркивал М. Сюрёш, который и сам принадлежал к бывшей правящей элите, к ее демократическому крылу, являясь убежденным сторонником демократизации прежнего режима.

Обобщая сказанное, можно отметить, что первые посткоммунистические годы существенно упрочили позиции новой власти, способствовали изменению характера государства. Складывавшаяся на том этапе политическая система под влиянием новых конституционных законов стремительно преобразовывалась и в своей основе становилась схожей с существующей в ФРГ. Она дополнилась новыми элементами, которые снижали риск политических кризисов, укрепляли позицию премьер-министра как перед парламентом, так и перед членами его кабинета. В результате принятия

19 июня 1990 г. нового конституционного закон (XL/1990), в полном соответствии с содержащимися в нем новыми поправками, целиком изменился статус Венгерской Республики. Она официально стала называться «*независимым, демократическим правовым государством*», базирующимся на рыночной экономике и свободной конкуренции.

Летом 1990 г. нашла окончательное решение и проблема, вызывавшая споры в венгерском обществе: об избрании президента страны. До этого ВСП, как известно, не поддерживала избрание главы государства парламентом и инициировала его прямые выборы населением. Эта инициатива не увенчалась успехом по причине политической апатии избирателей и ввиду назначения выборов на период отпусков (проведенные 29 июня они привлекли всего 14% электората, что автоматически свело на нет их результаты). Вслед за этим в Конституцию была внесена отдельная поправка, согласно которой избрание президента стало компетенцией парламента, а срок его полномочий был продлен с четырех до пяти лет.

3 июля 1990 г. Госсобрание приняло решение о государственном гербе Венгерской Республики, утвердив после долгих общественных споров исторический вариант с короной, символизирующей вековую преемственность венгерской истории. Кроме того, национальным праздником страны, наряду с 23 октября (днем венгерской революции 1956 г.), снова стало 20 августа, день рождения первого венгерского короля – Св. Иштвана.

3 августа 1990 г. закрепил свой статус *президента Венгерской Республики* Арпад Гёнц, избранный на пятилетний срок. Характерно, что за утверждение его на этот высокий государственный пост на сей раз проголосовали 295 депутатов и лишь 13 голосов были поданы против¹⁰⁰. Следует отметить, что по истечении первого срока его полномочий Гёнц удостоился повторного избрания на пост президента ВР. Обращая внимание на данное обстоятельство, небезын-

интересно отметить, что по случаю 85-летия писателя и политика, занимавшего президентский пост с 1990 по 2000 г., его преемник, президент ВР *Ласло Шойом*, впоследствии подчеркивал: «Арпад Гёнци в венгерской истории был первым президентом Республики, первым главой государства действительно независимого, действительно демократического и действительно конституционного»¹⁰¹.

Летом 1990 г. венгерский парламент принял законы и конституционные поправки, среди которых особое значение имеют законы о расширении прав человека, о создании института парламентского поверенного в делах национальных и этнических меньшинств, о положении, правах и обязанностях депутатов и др.

Большое значение для осуществления *системных преобразований*, начатых правительством Й. Анталла и узаконенных Государственным собранием ВР, имело создание новой системы местных органов власти – муниципального самоуправления. Именно принятием пакета законов о местном самоуправлении (законы LXIV, LXV, LXVII 1990 г.) и завершился в Венгрии в августе 1990 г. *процесс конституционного переустройства*, практически начатый парламентом еще прежнего созыва (1985 г.) в октябре 1989 года.

Новый парламент практически отменил введенную еще в 1950-е годы по советскому образцу систему Советов, возродив исторически сложившуюся в Венгрии систему местного самоуправления.

В результате вместо существовавших до 1990 г. 1627 местных Советов к 1994 г. было образовано 3167 местных муниципалитетов¹⁰² с довольно широкими правами и полномочиями. В новой системе во главе местного самоуправления, независимо от его городского или сельского характера, стоит *мэр*. Был восстановлен институт *сельских нотариусов* (по сути, секретарей местного самоуправления, которые призваны вести все официальные записи на местах); они, в отличие от секретарей сельского Совета, не назначаются

вышестоящей инстанцией, а избираются на конкурсной основе и подчиняются только местному самоуправлению.

Принятые парламентом законы о местном самоуправлении существенно сократили роль и функциональное значение такой важной ранее средней административной единицы в системе государственного управления, как комитатские (областные) Советы. В результате муниципалитеты в ходе проведенной децентрализации управления, расширения их прав и полномочий получили возможность решать собственные проблемы на местах. Правда, *комитаты* (традиционное латинское название венгерского «меде», примерно соответствующее российскому «область», «губерния») в качестве исторически сложившейся крупной территориальной единицы сохранились, впрочем, как и комитатские собрания. Их возглавляют председатели, избираемые членами собрания.

Выборы в местное самоуправление состоялись уже после парламентских выборов и вызвали гораздо меньше интереса избирателей, чем парламентские. Они были проведены по новой схеме — в два тура, 30 сентября и 14 октября 1990 г. В них приняло участие соответственно 40 % и 29 % избирателей.

Характерным для состава депутатов, избранных в новые органы местного самоуправления, стало то, что они в гораздо меньшей степени политически зависимы, чем депутаты парламента. В городах и селах 72 % избранных депутатов и 83 % мэров были избраны из числа независимых кандидатов, т.е. не принадлежавших ни к какой партии. Исключение представляли крупные города, включая Будапешт, где состав местного самоуправления формировался на партийной основе¹⁰³. Еще одной отличительной чертой муниципальных выборов стало то, что чуть больше трети депутатов самоуправления провинциальных городов и большинство депутатов столицы являлись выходцами не из рядов правящих политических партий, а из представителей оппозиции

(ВСП и ССД). Так, в Будапеште, где проживало самое большое число сочувствующих либералам избирателей, новым мэром столицы стал бывший редактор самиздатовского журнала, влиятельный политик из рядов ССД Габор Демски.

Можно констатировать, что с выборами в органы местного самоуправления осенью 1990 г. в Венгрии практически завершился процесс демократических преобразований политической сферы. Осуществленные политические перемены коренным образом изменили облик и характер административно-управленческого и всего государственно-политического устройства, привели к коренным сдвигам в этой сфере, позволяющим говорить о системных преобразованиях. Венгрия из характерной для 1970–1980-х годов «мягкой кадаровской диктатуры» в условиях 1989–1990 гг. плавно преобразовалась в многопартийную парламентскую демократию западноевропейского образца. Процесс преобразований политической сферы по своему значению и содержанию можно считать революционным, а по методам их осуществления – носившим мирный характер.

21 декабря 1990 г. в интервью популярному еженедельнику «Мадьярорсаг» Й. Анталл отметил, что парламент «успешно выполнил работу, сравнимую разве что с великой эпохой преобразований (эпохой реформ XIX века. – Б.Ж.), и принял рекордное число законов». На вопрос журналиста о личной вовлеченности в процесс политических преобразований и готовности решать и далее сложные задачи, стоящие перед страной, Анталл ответил так: «Наконец этой нации представилась возможность после длительных десятилетий или даже веков пройти путь, который когда-нибудь приведет ее в ряды развитых европейских стран. Упустить такой исторический шанс мы не имеем права. И если волею судеб я оказался во главе этого политического движения и благодаря сложившимся обстоятельствам смог создать правительство, то я должен взяться за решение этих задач»¹⁰⁴.

Отвечая на вопрос о неизбежности решения стоящих перед его правительством непопулярных задач, Анталл отмечал, что правительство уже принимает такие решения, поскольку они непосредственно вытекают из задач, стоящих перед страной. На вопрос о его удовлетворенности достигнутыми успехами и о самочувствии венгерского общества в конце 1990 г., премьер-министр ответил так: «Я, естественно, не могу быть удовлетворен, но я знал это уже тогда, когда согласился на участие в выборах, стоя во главе Венгерского демократического форума. Было бы наивно думать, что Венгрия с ликвидацией однопартийной системы тут же станет развитым европейским государством не только со свободной системой политических институтов, но с признаками общества благосостояния. К сожалению, переходный процесс не так прост». И добавил: «Впереди еще трудный путь, но я убежден, что Венгрия выберется из кризиса... и возродится»¹⁰⁵.

Власть и оппозиция. Основные итоги работы правительства и парламента по трансформации политической сферы

Излагая процесс продолжительного конституционного переустройства, основные моменты реальной *политической трансформации*, начатой в ВР сразу после мирной венгерской «переговорной революции» 1989 г., следует обратить внимание и на отдельные теневые стороны преобразований, на явные упущения и даже ошибки правящей коалиции. Внешне казалось, что все парламентские партии были заинтересованными участниками демократического переустройства страны, равно как и проведения экономических и социальных трансформаций, направленных на построение социального государства. Тем не менее между исполнительной властью и обществом не всегда были равные взаимоотношения, и силы новой оппозиции или их отдельные груп-

пы пытались воспользоваться этим в собственных интересах, далеко не совпадающих с курсом правительства. Так, стремясь обеспечить благоприятные условия для начала созидательной деятельности, правительство попыталось избежать «информационных войн» между разными политическими группировками. Но 25 июля 1990 г. Госсобрание отклонило предложение правительства об образовании специального комитета по контролю за объективностью информации в СМИ (национальное телевидение, радио, агентство печати) и законопроект, который временно регулировал бы порядок назначения руководителей этих организаций. Представители оппозиции увидели в этом намерение власти ограничить свободу слова. Отклонение парламентом предложенных инициатив дало возможность для развязывания «информационных войн» между отдельными политическими группировками. А попытка установить временный общественный контроль над СМИ (кстати, находившихся преимущественно под влиянием главной оппозиционной партии – ССД) была истолкована как стремление правящей коалиции овладеть этими средствами информации.

Публичное противостояние правящих и оппозиционных партий, отражение этой борьбы в печати и в электронных средствах информации, безусловно, не облегчали работу правительства. В этой связи надо отметить, что главная правящая партия страны – ВДФ не уделяла достаточного внимания этой проблеме и фактически вплоть до конца своего правления не создала себе солидную базу в СМИ. Правящие ВДФ, НПМХ и ХДНП в своей пропагандистской деятельности существенно уступали ССД и социалистам, сохранившим за собой основные печатные органы бывшей ВСРП. Либеральные демократы фактически контролировали основные печатные органы страны, под их прямым влиянием находились также многие электронные средства массовой информации. Как заявлял в этой связи один из руководителей ССД, «ВДФ вскоре после прихода к власти

мог убедиться в том, что элита, занимающаяся формированием общественного мнения, настроена против него, и поэтому правительственное большинство почувствовало себя перед общественностью в меньшинстве»¹⁰⁶.

Эту же ситуацию известный политолог Э. Чизмадия в конце 1990 г. на страницах газеты «Мадьяр Хирлап» описывал так: «Одна из интереснейших особенностей венгерской смены строя состоит в том, что коалиция, пришедшая к власти в результате победы на выборах, с тех пор так и не обрела свои средства информации. Неудивительно, что поддержка коалиции со стороны общественного мнения не отражена в СМИ. Я лично не считаю такую ситуацию нормальной»¹⁰⁷. В результате, как он подчеркивал далее, сложилась ситуация, когда население страны по причине отсутствия проправительственной печати, получает однобокую информацию. «Точка зрения правительства не доходит до граждан, она проявляется лишь в дискуссии с органами печати, т.е. правительство только опосредованно может выразить свое мнение».

В начале 1990-х годов первому демократическому правительству ВР и его главе Й. Анталлу не раз приходилось сталкиваться с противостоянием со стороны разных групп оппозиции, что, очевидно, отвлекало от осуществления намеченных проектов. Во время обострения политической ситуации, при проявлениях социального недовольства правительству приходилось реагировать на критику парламентской оппозиции и выпады со стороны правых и левых группировок.

Наиболее серьезные упреки в адрес правящей коалиции и политического курса премьер-министра Й. Анталла начались с конца октября 1990 г. со стороны радикальных либералов из ССД, которые все чаще и активнее стали выступать в роли возмутителей спокойствия.

Незначительное повышение потребительского налога на бензин (решение о котором принималось, впрочем, еще парламентом прежнего партийного государства и должно

было вступить в силу с 1 января 1990 г., но по ряду причин откладывалось) повлекло за собой рост цен на этот вид горючего, что вызвало недовольство со стороны таксистов и автолюбителей. Поддержанные радикальными оппозиционными силами либералов из ССД, они организовали яркую и весьма своеобразную протестную акцию против правительства Анталла. Таксисты сначала перекрыли основные улицы и мосты столицы, фактически парализовав движение транспорта по магистралям города, а на следующий день почти по всей стране добились остановки движения на важнейших шоссе и дорогах страны.

Правительство в условиях роста цен на горючее не могло избежать повышения тарифа. Другой вопрос, что в информационном отношении повышение явно оказалось плохо подготовленным. И этим умело воспользовались основные соперники Й. Анталла и его правительства из рядов ССД, имея свои далеко идущие цели. Заметим также, что организуя протесты таксистов, они были хорошо осведомлены о том, что премьер-министр болен и находился на лечении в одной из больниц Будапешта.

Между тем четырехдневная (25–28 октября 1990 г.) блокада мостов через Дунай и улиц Будапешта была противозаконной акцией. Таксисты нарушили закон о праве проведения собраний и массовых мероприятий, особенно его положение об обязательном предварительном предупреждении за 72 часа о намерениях проводить такого рода акции (не говоря уже о значительном ущербе, который был нанесен экономике столицы и страны). Министр внутренних дел Б. Хорват, замещавший отсутствовавшего Й. Анталла, как впоследствии констатировала газета «Непсабадшаг», орган социалистической оппозиции, «оказался неспособным руководить работой по преодолению политического кризиса»¹⁰⁸. 25 октября руководитель МВД заявил о намерении «любими законными средствами восстановить правопорядок». В то же время начальник полиции Будапешта (муниципального

образования, находившегося под влиянием ССД) выступил с заявлением, что если ему дадут приказ бросить силы полиции против таксистов, он подаст в отставку. Все это было тут же растиражировано средствами массовой информации, что привело к дальнейшему осложнению ситуации.

Руководство будапештского муниципалитета, пользуясь поддержкой свободных демократов, находившихся в оппозиции к центральной исполнительной власти (Будапешт считался основной социальной базой ССД, мэр столицы также был избран от этой партии), тем не менее объявило акцию таксистов законной. В результате, по данным печати, все движение транспорта по Будапешту практически полностью оказалось заблокированным¹⁰⁹. Акцию таксистов поддержали находившиеся под влиянием ССД свободные профсоюзы, а также традиционные левые профсоюзы и часть горожан. Возникла реальная угроза беспорядков, но ее удалось предотвратить благодаря вмешательству президента А. Гёнца и Совета по согласованию интересов. Президент выступил с обращением и дал такую оценку событиям: «В нашей стране возникла кризисная ситуация, которая выходит за рамки вопроса о повышении цен на бензин и требованиях таксистов. А поскольку кризис имеет политический характер, его следует разрешить политическими средствами»¹¹⁰. Он призвал вовлеченные в конфликт стороны на время переговоров воздержаться от действий и поступков, которые затруднили бы достижение договоренностей.

Конфликт, которым воспользовались представители оппозиции при отсутствии главы правительства, преподносился в печати как «забастовка» и вошел в историю как «блокада таксистов». Акция, так или иначе, была направлена либералами против правящей коалиции, испытывала ее на прочность, демонстрировала неумение неопытных еще властных структур справляться со сложными ситуациями. Радикальные либералы, без сомнения, преследовали при этом свои корыстные цели и нанесли престижу растерявшегося прави-

тельства определенный урон. Для оппозиции во главе с ССД эти события стали первой серьезной пробой сил в противостоянии с правоцентристским кабинетом Й. Анталла, которая могла привести даже к правительственному кризису.

Разрешением конфликта и преодолением его причин в итоге занялся упомянутый Совет по согласованию интересов, за работой которого в прямом телеэфире следила вся страна. Совет закончил свою согласительную деятельность в воскресенье, 28 октября, поздно вечером. Правительство в конечном счете было вынуждено уступить, согласившись на выполнение важнейших требований таксистов. Правительство отказалось от повышения цен на бензин, а таксисты тут же сняли блокаду транспортных артерий. Ситуация заставила премьера покинуть больницу и пообещать парламенту проводить политику сотрудничества со всеми партиями на основе консенсуса, и в первую очередь в вопросах преодоления экономических и социальных конфликтов.

Выступая 29 октября 1990 г. в парламенте, министр внутренних дел Хорват, в частности, отмечал: «Правительство осознает, что лучшей подготовкой, более эффективным информированием населения можно было бы смягчить глубину конфликта... Правительство, несмотря на то что чувствовало за собой поддержку граждан, не пошло на применение силы. Оно осознавало, что только решение, базирующееся на консенсусе, может обеспечить стабильность в стране». На следующий день заявление сделал премьер Й. Анталл: «Мы вступили в новую фазу развития... Закончилась эпоха, при которой между парламентскими партиями не делалось различий, да и сами партии не обращали внимание на то, кто из них за кого или против кого. Впредь мы будем говорить откровенно. Даже если это будет означать конец для нас... если же большинство посчитает меня непригодным [для исполнения функций премьер-министра], я уйду со своего поста»¹¹¹. Парламент после выступления Анталла убедился в том, что, кроме его правительства, пока

нет другой реальной политической силы, которая могла бы успешно продолжить начатые преобразования. Парламентарии выразили премьеру доверие и пообещали оказывать всяческую поддержку его кабинету.

Последствия «блокады таксистов» в дальнейшем отразились как на руководстве оппозиционного ССД, так и на правительстве, в составе которых еще до конца 1990 г. прошли некоторые кадровые перестановки. Наиболее существенным изменением, осуществленным 15 декабря, стала замена Б. Хорвата на посту руководителя МВД Петером Брошшем, а также назначение Михая Купы министром финансов вместо ушедшего с этого поста в конце ноября Ф. Рабара. Мэром Будапешта городское собрание столицы именно тогда, 31 октября 1990 г., избрало влиятельного в ССД Габора Демски, а 2 декабря на пост председателя ССД был переизбран Янош Киш. Под руководством этого политика партия радикальных либералов 16 февраля 1991 г. декларировала, что «ССД теперь уже является не просто оппозицией, а открытым противником правительства» Й. Анталла. Как заявил тогда же один из членов руководства ССД, подписание тайного соглашения с ВДФ было ошибкой¹¹².

Эти заявления лидеров праворадикальной либеральной оппозиции свидетельствовали о наступлении новой, открытой фазы противостояния двух парламентских партий: не вошедших в исполнительную власть радикальных либералов и представителей правящей правоцентристской коалиции.

Отношения между ССД и ВДФ с начала 1990-х годов становились все более натянутыми, поскольку радикальные либералы, выдавая себя, свою партию за единственно верных и истинных представителей демократии, начали обвинять Венгерский демократический форум и его лидера Й. Анталла в узурпации власти. Реагируя на эти обвинения, представитель руководства ВДФ Имре Коня (опубликовавший накануне статью с анализом ситуации) 9 сентября 1991 г., в частности, писал: «Председатель ССД предложил мне сде-

лать эпитафией своей статьи фразу «Вся власть ВДФ!» и заявить, что если кому-то это не нравится, пусть дрожит... Потом мне предложили подписать так называемую Демократическую хартию вместе с теми, кто готов защитить основополагающие демократические ценности от ВДФ. Такие угрозы я считаю грубыми и недостойными»¹¹³. Приведенная выдержка представляет собой лишь фрагмент из той серии пропагандистских обвинений и интриг, которые были развернуты либеральными демократами против главной и наиболее влиятельной силы правящей коалиции, но не дает полного представления о степени их противостояния.

Нараставшая критика, ССД стремился любой ценой продемонстрировать свое превосходство над правящей коалицией. Это все больше отдаляло друг от друга бывших партнеров по борьбе с коммунистическим режимом, нарушало то хрупкое взаимодействие, которое до этого существовало между этими наиболее значительными политическими силами по демократическому переустройству Венгрии. В этом, с другой стороны, разумеется, не было ничего противоестественного. Ведь ВДФ стала правящей партией, а ССД, хотя и парламентской, но одновременно оппозиционной по отношению к исполнительной власти. Заняв позицию оппонента, либералы пытались внушить населению, что они провели бы процессы по трансформации строя, по переходу к рыночной экономике лучше и быстрее, чем ВДФ и его партнеры. Они обвиняли правительство Анталла в том, что оно якобы благоволит позднекадаровской элите и отвергает идею модернизации западного типа¹¹⁴.

Положение оппозиционной силы, конечно, предполагало и допускало критику в адрес правительства, однако маневры и действия, методы и средства, которыми пользовался ССД, накаляли общественно-политическую атмосферу, мешали работе действующего правительства, отвлекали его силы от реализации проектов политического и экономического переустройства.

Говоря о взаимоотношениях двух парламентских сил — правящей правоцентристской коалиции и либеральной оппозиции, — хотелось бы напомнить, что в условиях избирательной кампании 1990 г. последняя позиционировала себя в качестве наиболее радикальной и последовательной антикоммунистической партии. Тогда ССД не без популистских соображений, желая войти во власть, подвергала самой резкой критике не только ВСРП, но и ее наследницу ВСП. Однако с завершением парламентского цикла и с началом нового, когда того потребовали ее политические интересы, партия свободных демократов легко «переметнулась» в лагерь левых сил. С наступлением новой избирательной кампании 1994 г. она примкнула к партии социалистов, не брезгуя вступить с ней в союз и стать основной союзницей «бывших». (Правда, находясь в коалиции с ВСП, свободные демократы далеко не во всем находили с ней общий язык.)

Словом, если на начальном этапе преобразований благодаря закулисному сговору между лидерами ВДФ и ССД существовало некоторое временное взаимопонимание и согласие по вопросам общественно-политического переустройства и основные политические партии избегали публичной критики в адрес друг друга, то с момента «блокады таксистов» по правящей коалиции стали наносить все более ощутимые удары. И все же, несмотря на это противостояние, Й. Анталлу при поддержке парламента удалось много сделать для демократического переустройства страны.

Добиваясь реального перехода к европейскому типу современной демократии, коалиция совместно с новым парламентом страны осуществила необходимые преобразования старого общественного устройства, заложила конституционные и юридические основы функционирования новой структуры власти, которая позволила начать переход к рыночным принципам экономики. Программу демократических преобразований, намеченных кабинетом Й. Анталла, на завершающем этапе четырехлетнего парла-

ментского цикла продолжил член его команды Петер Бо-рошш, взявший на себя руководство кабинетом министров с конца декабря 1993 г., после кончины первого премьер-министра новой, демократической Венгрии.

Парламент ВР за время своей четырехлетней работы успел обсудить и утвердить целый ряд новых законов, которые способствовали реализации правительственных программ по трансформации строя. Только с мая до конца 1990 года через парламент прошло 29 законов (включая конституционные). За это время парламент внес 48 существенных поправок к действующим законам и принял 135 решений, в том числе направленных на перестройку системы государственного управления. Затем, до 29 марта 1994 г., было принято еще 210 новых законов и произведено 205 изменений и дополнений в действующие законы, вынесено 348 парламентских решений¹¹⁵ в интересах углубления процессов демократизации общественной жизни и коренных экономических преобразований.

Правительство Й. Анталла весной 1993 г. выступило с инициативой внесения некоторых изменений в венгерское избирательное право, предварительно согласовав их с парламентскими и внепарламентскими партиями, а также с общественными организациями (предложения отчасти были подсказаны избирателями). Правда, при этом правительство сочло целесообразным внести в закон о выборах всего две поправки. Они касались увеличения электорального барьера для прохождения в парламент с 4 до 5% , а также предоставления права участия в выборах для венгерских граждан, проживающих за границей, равно как и зарубежным венграм, имеющим двойное гражданство (по существовавшим правилам они могли участвовать в выборах, только находясь на территории Венгрии)¹¹⁶. Правительству предварительно удалось заручиться поддержкой этих предложений со стороны обеих оппозиционных либеральных партий (ССД и Фидес), что позволило обеспечить при голосовании

две трети голосов депутатского корпуса. Актуальность постановки этих вопросов объяснялось приближавшимися весной 1994 г. очередными выборами в Государственное собрание ВР. Введение 5%-ного барьера оберегало от избыточного дробления голосов между мелкими партиями.

Несколько иначе складывалась ситуация с другим, весьма актуальным для правительства вопросом. Весной 1993 г. был подготовлен еще один законопроект, который предусматривал поставить органы прокуратуры под правительственный контроль. Свою инициативу представители кабинета Анталла мотивировали тем, что независимость прокуратуры от исполнительной власти затрудняет эффективную борьбу с преступностью, коррупцией и не снижает возможность разобрататься в совершенных прежним режимом массовых расстрелах в 1956 г.¹¹⁷

Эти предложения правительства вызвали не только бурную дискуссию, но послужили основой для обвинений Анталла и его правительства, якобы стремившихся к узурпации власти в стране. Поднятая проблема встретила прямое возражение со стороны двух посткоммунистических оппозиционных сил – социалистов (ВСП) и радикальных либералов (ССД), в результате чего она не была поддержана. В итоге эта инициатива, наряду с некоторыми другими, была оставлена для решения парламентом следующего созыва.

В парламентском цикле 1990–1994 гг. депутаты, несмотря на напряженную работу, не успели обсудить ряд важных законопроектов и предложений, из которых 49 были инициированы правительством. Предложения кабинета, в частности, касались упомянутого урегулирования работы прокурорских и судебных органов, проблем модификации уголовно-процессуального права, вопросов муниципальной собственности, местного налогообложения, печати, защиты окружающей среды, семейного права, правового положения солдат и т. д.

Член центрального руководства ССД, известный писатель Дёрдь Конрад, осенью 1990 г. говорил следующее: «Наблюдая за внутренними процессами в Венгрии... первое, что хочу подчеркнуть, это то, что возводится конституционное правовое государство, в котором основные права человека и гражданина пока еще не нарушались. Кажется, что так будет и в будущем. И хотя кризис еще не до конца преодолен, хотя правительство все еще медлит с нужными законопроектами, хотя, в общем и целом, еще сохраняются унаследованные структуры, все же жизнь и частное предпринимательство в экономике существуют. Внешнеторговый баланс стал активным... В том, что либерально-демократическую реформу должно проводить консервативное правительство, есть что-то чисто венгерское. Желая того или нет, оно [правительство] должно следовать логике открытости. Новый венгерский политический класс, без малого исключения, умеет владеть собой»¹¹⁸. Эта оценка начального этапа деятельности правоцентристского коалиционного кабинета Анталла равносильна его полному признанию и представляется достаточно объективной. Ведь она прозвучала из уст одного из видных представителей соперничающей политической силы, партии ССД, которая заявляла, что считает себя наиболее компетентной в проведении демократических реформ и хотела осуществить их более радикально и стремительно.

Со времени завершения первого парламентского цикла и деятельности первого демократического правительства во главе с Анталлом прошли десятилетия. За это время из венгерской политической жизни, завершив свою деятельность, практически исчезли обе главные партии-соперницы – ВДФ и ССД, определявшие пути развития страны в начале 90-х годов XX века. Но на том историческом этапе в Венгрии именно этот кабинет и эти основные политические силы совершили реальный прорыв к политической демократии.

Основные трансформационные сдвиги в экономике ВР при правительстве Й. Анталла

Новая политическая элита, пришедшая к власти в 1990 г., принимала меры к тому, чтобы реализовать свои программные цели не только в области политики, но и в сфере реальной экономики. Экономика Венгрии находилась в кризисном состоянии и нуждалась в перестройке. Что, собственно, подтвердил в своем интервью от 27 августа 1990 г. и сам премьер-министр Й. Анталл: «Если бы коммунистическая система в экономическом плане не рухнула, коммунисты не отдали бы власть»¹¹⁹.

Анализ внешней и внутренней задолженности Венгрии, состояние экономики в целом проанализировал в монографии «Политическая история задолженности, 1957–1986» директор венгерского Института политической истории Д. Фёлдеш. Как пишет ученый, к началу 1986 г. стало очевидно не только отсутствие какого-либо экономического роста, но наблюдалось реальное снижение национального дохода. Среди факторов экономической стагнации и спада он обозначил ухудшение внешнеэкономических факторов, приведших к росту внешней задолженности ВНР, которая только за один 1987 г. увеличилась на 3 млрд долларов. Для Венгрии, как небольшого государства, это стало тяжелым испытанием. Экономическая политика страны оказалась на «вынужденной орбите», и для нее, по словам автора, «долговой капкан захлопнулся». «На венгерскую экономику легло еще одно, даже более тяжкое бремя, от которого уже нельзя было освободить общество. Разразился экономический, общественный и политический кризис»¹²⁰, — писал Фёлдеш. Автор исследования пришел к выводу, что государственная задолженность, хотя и была не единственной и даже не главной причиной смены системы, но тем не менее мешала политикам выработать другие пути решения, найти более подходящие пути выхода страны из кризисного состоя-

ния. И хотя задолженность «подточила авторитет политической элиты, неспособной преодолеть кризис», эта элита «не хотела и не предоставила возможности для того, чтобы допустить к власти оппозицию, тем более ту ее часть, которая стремилась к смене строя»¹²¹.

В упомянутом исследовании отмечается, что с изменением ситуации в СССР, потерей советским руководством контроля над регионом и концентрацией его внимания на внутренних экономических проблемах, а также в контексте серьезных изменений в международной обстановке, в Венгрии на передний план выдвинулась задача проведения системных преобразований. «К концу 1986 г. внешняя задолженность Венгрии стала почти критической, что не только исключительно негативно характеризовало реальную экономику, но и однозначно показывало: дальнейшее сохранение социальных завоеваний невозможно». По мнению исследователя, 1986 г. показал, что «политическое руководство не располагает такими средствами, которые могли бы повернуть неблагоприятные тенденции вспять, а при однопартийной системе оно уже не находило себе новых союзников, способных создать необходимую концентрацию сил для перелома»¹²².

Венгрия на самом деле не только накопила громадный для страны государственный внешний долг, истинные масштабы которого долго скрывались от населения, ее экономика пребывала в тяжелом состоянии и, безусловно, нуждалась в коренной перестройке. В сфере промышленного и сельскохозяйственного производства наблюдался спад, который затронул преимущественно крупные предприятия, и его прежде всего необходимо было остановить. При значительном бюджетном дефиците валютные запасы находились на довольно низком уровне. С 1972 г. начал углубляться инфляционный процесс. Рост инфляции продолжался вплоть до 1991 г., когда благодаря мерам, предпринятым новым, уже первым постсоциалистическим правительством,

сменился стагнацией. К началу 1990-х годов среднегодовая инфляция в Венгрии достигала 35 %¹²³.

Премьер-министру Анталлу, только что приступившему к выполнению своих обязанностей, при разработке неотложных мер для решения острых экономических проблем пришлось столкнуться с непониманием со стороны прессы и общества в целом и одновременно выдерживать массивное давление со стороны радикальной оппозиции, прежде всего от ССД. В конце лета 1990 г. премьер не без основания отмечал, что, с одной стороны, в газетах призывают к демократии, а с другой – называют диктаторскими те методы, которыми правительству необходимо пользоваться для решения неотложных задач. Он признавал, что от его кабинета ждут неотложных решений таких проблем, которые при демократиях не входят в компетенцию правительства, не являются его задачей. «Венгрия только начинает переход к рыночной экономике, а это означает перевод значительной части товаров на свободные цены», – отмечал глава правительства и подчеркивал, что правительство «лишь создает условия для рынка, но оно не определяет цены на товары». «Мы управляем при помощи законов, можем регулировать экономическое развитие только с их помощью». Говоря об этом, Анталл понимал, что переход к новому строю «для общества является большим испытанием, громадной нагрузкой», которую, однако, надо выдержать, так как «страну необходимо вывести из кризиса»¹²⁴.

Если сравнить переход к рынку в Венгрии с аналогичным процессом в других постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, то станет ясным, что правительство Анталла сумело осуществить его наиболее плавно и наименее болезненно. При этом, конечно, допускались просчеты и ошибки, неизбежно росла инфляция, что негативно воспринималось населением, привыкшим к стабильности в эпоху правления Кадара. Достаточно вспомнить Польшу того времени, где, по официальным данным, в

1990 г. инфляция достигала 586 %¹²⁵, а сама власть переходного периода открыто заявляла о необходимости непопулярной «шоковой терапии» в интересах излечения экономики. Не следует забывать и о России, где несколько позже при переходе к рыночной экономике также применялась соответствующая терапия, правда, она не называлась «шоковой», хотя шокировала не меньше польской и сопровождалась, как известно, более чем 2560 %-ной инфляцией¹²⁶.

Одной из причин более мягкого преодоления кризиса венгерской экономики, менее масштабных инфляционных потрясений мог быть опыт, приобретенный в 1960–1980 гг. в результате реформ, которые шли с переменным успехом, но закладывали основы будущего рынка. Разумеется, это лишь облегчало, но не гарантировало новому правительству решение сложных социально-экономических проблем в условиях трансформации. Но следует учитывать, что необходимость коренной перестройки хозяйственно-экономической и социальной сферы в стране осознано уже и последнее коммунистическое правительство М. Немета. Освободившись от партийно-директивной зависимости, оно обозначило некоторые штрихи неизбежных преобразований в экономике. В антикризисной программе правительства Немета уже стояли задачи либерализации цен, регулирования оплаты труда и импорта, сокращения дотаций нерентабельным предприятиям, формирования рынка, создания биржи, коммерческих банков и прочие. Принимались меры по сокращению государственных расходов, преодолению бюджетного дефицита, было объявлено о необходимости приватизации госсобственности и поощрении частного предпринимательства. В целях увеличения валютных запасов и сокращения внешнего долга правительство страны сочло важным изменить ориентацию внешнеэкономических связей, привлекать иностранный капитал в экономику.

Для преодоления кризиса и проведения экономической трансформации требовались неотложные меры, и в первую

очередь *приватизация государственной собственности*, модернизация промышленных предприятий, привлечение капитала. Характеризуя ситуацию того времени, экономист А. Салаи-Берзевици, 21 июня 1990 г. первым возглавивший Будапештскую биржу, открытую при правительстве Й. Анталла, впоследствии писал: «Еще правительству Немета было необходимо во что бы то ни стало наращивать валютные средства, чтобы избежать состояния неплатежеспособности и остановить рост дальнейшей задолженности страны. В таких условиях началась эпоха суетливой и отчаянной приватизации, при которой люди, принимавшие решения, двигались по заданной орбите. Они были вынуждены... начать распродажу наших самых доходных предприятий»¹²⁷. Далее экономист обратил внимание на то, что правительство Немета, работая над увеличением бюджетных доходов, вынужденно не считалось «с прочими задачами национального хозяйства, уделяло мало внимания формированию структуры предприятий Венгрии на длительную перспективу». В результате, как отмечал эксперт, самые доходные венгерские «финансовые учреждения, крупные промышленные предприятия и торговые сети, а также энергосистемы в подавляющем большинстве попали в руки иностранцев».

Все основные экономические начинания, предложенные правительством М. Немета, оставались актуальными и для кабинета Й. Анталла, учитывались им. Правда, приоритеты, акценты и подходы к их реализации несколько менялись. В главных вопросах экономической стабилизации и в начатом прежним правительством процессе приватизации работа была продолжена.

В понимании основных задач экономической трансформации представления венгерских политических партий практически совпали, в сфере решения второстепенных проблем между ними наблюдались определенные расхождения. Поэтому неудивительно, что в период первого посткоммунистического парламентского цикла заседания Гос-

собрания часто становились ареной острых споров между представителями различных политических фракций. Они касались в основном темпов и методов приватизации, привилегий для разных групп предпринимателей, вовлеченных в приватизационный процесс, а также масштабов участия иностранного капитала.

Вначале наиболее желательным считался способ приватизации, хорошо известный и россиянам, — ваучеризация, т.е. бесплатная раздача пакетов акций населению (она имела место также в Польше и Чехословакии). Но в Венгрии посчитали, что такой путь не приведет к появлению широкого класса собственников. Поэтому политические партии отказались от бесплатной раздачи госсобственности и остановились на ее продаже-покупке. Этот вариант мотивировался масштабностью государственного долга и необходимостью его быстрого сокращения, за что высказались практически все политические партии страны. Трудноразрешимой проблемой оставалось наличие у населения средств для участия в приватизации. Стоимость приватизируемых предприятий и объектов тогда оценивалась в десятки раз выше, чем объем находившихся на руках у населения денежных средств, составлявший в 1989 г. 2–3 млрд, в 1990 г. — порядка 100–150 млрд форинтов¹²⁸. Тем не менее, учитывая деятельность малых предприятий, правительство надеялось привлечь их свободные средства в экономику. Разумеется, для трансформации собственности оно намеревалось использовать также иностранный капитал. Правящая коалиция консерваторов, так или иначе, отдавала предпочтение *управляемой и контролируемой приватизации*.

В правительственной программе «Национальное обновление», принятой уже в сентябре 1990 г., а затем в «Программе перестройки венгерской экономики» (апрель 1991 г.) были определены главные задачи экономической стабилизации. Они предусматривали, прежде всего, прекращение

дальнейшего спада производства, сокращение темпов инфляции, восстановление бюджетного баланса, внесение изменений в приватизацию и установление государственного контроля над их осуществлением. Кабинет Анталла сразу же взялся за претворение в жизнь намеченных задач, сочетая при этом работу по созданию законодательной базы с практической деятельностью. Правительством с 1990 г. был подготовлен утвержденный затем парламентом ряд законов, которые стали надежной юридической базой для развития промышленного производства, сельского хозяйства и торговли, способствовали проведению приватизации, без чего дальнейшее экономическое развитие страны было немислимо.

К началу 1991 г. правительству удалось укрепить свое положение. Созданная им вместе с парламентом солидная законодательная база стала обеспечивать переход к рыночному хозяйству и регулировала практически все важнейшие процессы в экономике. Приоритет в предпринимаемых правительством мерах был отдан сокращению темпов инфляции, дальнейшего спада производства и восстановлению платежного баланса страны. В добавление к уже принятым в 1990 г. законам о ценовой политике (ограничение до минимума сферы государственного воздействия на формирование цен) и выпуску в обращение ценных бумаг был предложен комплекс мер по урегулированию деятельности прочих финансово-экономических и социальных объектов.

Концепция экономической политики правительства была дополнена конкретной *программой действий*, в которой детализировались основные задачи на 1991–1992 гг. и на перспективу. Разработка этой программы была поручена опытному специалисту Михаю Купе, который с 1984 г. руководил одним из отделов Министерства финансов ВНР, а с 1988 г. возглавлял комиссию по реформированию бюджета и был главным координатором налоговой реформы, проведенной еще правительством К. Гросса. С декабря 1990 г.

М. Купа занял пост министра финансов в правительстве Й. Анталла, где считался одним из наиболее популярных финансовых специалистов.

В марте 1991 г. правительство приняло *программу Купы*¹²⁹, которая, по сути, стала масштабной и самой эффективной программой *по преодолению кризиса*. Она внесла серьезные изменения в политическую практику правоцентристской коалиции. В результате появилась и солидная законодательная база, необходимая для реализации программы. Один из пунктов этой программы действий предусматривал завершение создания новых финансово-экономических институтов, формирование соответствующей правовой системы, которой предстояло регулировать процессы преобразования собственности, в т. ч. процедуру приватизации.

Благодаря принятию законов о государственном бюджете, об эмиссионном банке и финансовых институтах были выработаны правовые регуляторы в сфере денежного обращения. Закон о финансовой отчетности, о банкротстве и порядке его проведения, о ликвидации хозяйственных объектов в равной мере способствовали укреплению производственной и финансовой дисциплины, приучали предприятия и организации к жестким условиям рынка. Законы о капиталовложениях, о хозяйственных рисках и страховании, о недобросовестном поведении на рынке создали условия для новых инвестиций и притока капитала в экономику страны.

Для венгерских предприятий не менее важными стали законы, принятые еще в 1991 г. и связанные с программой Купы. Ими предусматривалась либерализация 90 % импорта, а отечественным предприятиям предоставлялось право на свободный импорт иностранных товаров на базе собственных платежных средств, что вело к децентрализации в этой сфере. Принимались законы, регулирующие роль государства в таких крупных реформируемых системах, ка-

ковыми являлись жилищное хозяйство, здравоохранение и образование, пенсионная система.

Программой Купы на 1992 г. предусматривался рост числа частных предпринимателей вследствие приватизации собственности и притока иностранного капитала в страну, посредством дальнейшей модернизации финансовой системы, создания условий для роста эффективности материального производства. Программа положила начало реформированию государственного бюджета, способствовала дальнейшей либерализации экспорта и импорта. Предвидя проблемы, ожидавшиеся в социальной сфере, программа Купы предусматривала образование специального накопительного фонда, где собирались внушительные средства для поддержки малоимущих слоев населения, оказавшихся на периферии социальной жизни, в т. ч. для безработных. Согласно предварительным расчетам, 1993 г. в результате развития производства и расширяющегося экспорта должен был стать началом ощутимого экономического роста. В программе отмечалось, что именно к этому времени можно будет добиться реальной стабилизации экономики Венгрии. С конца 1994 г. предусматривался период оживления хозяйственной деятельности и роста ВВП, причем такого экономического оздоровления, которое базируется также на росте внутреннего потребления. К этому времени предполагалось добиться существенного сокращения инфляции и определяющего положения в экономике страны частной собственности¹³⁰.

Названные законы, направленные на преодоление кризиса и преобразование экономики, относительно легко проходили через парламент. Только некоторые из них (например, *компенсационный закон*, предусматривавший возмещение части убытков бывшим собственникам времен национализации 1940-х годов) встречали упорное сопротивление со стороны отдельных групп нового депутатского корпуса, вызывая острые споры и разногласия даже в лагере

правлящей коалиции. Тем не менее представленный в апреле 1991 г. компенсационный закон был принят, но уже в мае Конституционный суд отклонил его и отправил на повторное рассмотрение. 26 июня парламент с некоторыми поправками снова принял этот закон. Его новый вариант оказался ближе к позициям Венгерского демократического форума. В нем *реприватизация*, как таковая, была отклонена, но получил поддержку принцип ее частичной реализации.

Характерно, что именно этот *ключевой закон* открыл путь к принятию ряда других законов о приватизации и существенно продвинул весь приватизационный процесс, особенно в сельском хозяйстве. Правда, обострившаяся борьба вокруг этого вопроса в дальнейшем привела не только к конфронтации различных политических сил, но и к разладу в самой правящей правоцентристской коалиции. Она ослабила ее внутренне, так как упомянутый закон побудил группу депутатов во главе с лидером НПМХ Йозефом Тордяном к выходу из правящей коалиции. Часть фракции этой партии (в общей сложности 36 депутатов) осталась в ней¹³¹, помогая тем самым сохранить видимость принципиальной целостности правящего кабинета, не вызвав правительственного кризиса.

Другой коалиционный партнер ВДФ, Христианско-демократическая народная партия не была столь болезненно затронута принятым законом. Меньше интересовали эти обстоятельства и депутатов ХДНП, более озабоченных вопросами возвращения церковной собственности, которую регулировал закон, принятый еще в середине июня 1991 года. Таким образом, закон о компенсациях в Венгрии не только подтолкнул приватизационные процессы и вызвал некоторую эрозию в лагере правоцентристских сил, но одновременно показал те пределы, в рамках которых исполнительная власть могла реализовать свою волю.

В связи с реальной практикой *преобразований в экономической сфере* следует отметить, что венгерские предприя-

тия, привыкшие ранее к государственным дотациям, в кризисных условиях второй половины 1980-х годов работали с низкой или недостаточной эффективностью, с чем правительство Анталла уже не было готово мириться. К тому же политические перемены, осуществленные в 1989–1990 гг., сразу же поставили хозяйственные объекты, по ряду обстоятельств достаточно ослабленные, в нелегкую рыночную ситуацию. Они оказались перед выбором и были вынуждены меняться. К лету 1990 г., когда в стране, как грибы, стали расти малые предприятия, 90 % занятого населения и 95 % производственного капитала все еще находились на крупных государственных предприятиях¹³², которые все еще работали с недостаточной эффективностью. В таких условиях министр промышленности и торговли нового правительства П. А. Бод, прежде занимавшийся изучением системы хозяйственного управления в Институте экономики Госплана ВНР, заговорил о необходимости инноваций и росте производства и взял курс на приватизацию промышленных предприятий. Это означало, что настал конец старой практики, при которой «руководитель предприятия мог оставаться на своем месте до тех пор, пока не довел его (предприятие. — Б.Ж.) до полного краха». Такие, еще не до конца разоренные, предприятия можно было, по словам министра, «либо обновить, либо передать в частные руки, чтобы они имели собственника, а если они останутся в госсобственности, их необходимо поставить под такой контроль, чтобы они больше не работали с низкой эффективностью»¹³³.

Многие руководители заводов, фабрик и прочих объектов промышленности еще до принятия госпрограммы приватизации спешили преобразовать свои предприятия в разрешенные законом акционерные общества (в том числе в АО с ограниченной ответственностью), что создавало видимость появления «новых собственников». Они пытались вместе с чиновниками или менеджментом предприятий спасти свои позиции, выводя эти объекты из-под государ-

ственного контроля. В таких случаях торопились они, а не государство, которое на начальном этапе оставалось пассивным наблюдателем. Прослойка же бывшей руководящей элиты госпредприятий была заинтересована именно в такой – скрытой, а не публичной – приватизации, перевода государственную собственность в свои руки.

Помешать скрытой приватизации было призвано образованное еще в начале 1991 г. *Государственное имущество-венное агентство* (ГИА). Оно занималось наведением порядка в этой области, а в дальнейшем регулировало приватизационные процессы, сыграв важную роль в хозяйственно-экономической трансформации. Первая приватизационная акция была объявлена еще в сентябре 1990 г. и сразу же проходила под контролем ГИА. На аукцион было выставлено 20 крупнейших акционерных обществ (среди них «Ибус», аналог «Интуриста», автотранспортное предприятие «Волан», сеть супермаркетов «Центрум», химико-фармацевтическое предприятие «Гедеон Рихтер» и др.) стоимостью 33 млрд форинтов¹³⁴. Предстоял также перевод намеченной части госпредприятий в частную или коллективную собственность, причем на конкурсной основе. В руках государства к началу 1991 г. еще оставалась национальная собственность, оцененная на сумму 2000 млрд форинтов.

Правительство Й. Анталла (а после его кончины – П. Борошша), хотя и остро нуждалось в средствах, будучи сторонником приватизации, не проявляло особой торопливости в проведении приватизационного процесса. Весной 1991 г. оно обнародовало специальную программу передачи госсобственности в частные руки под контролем ГИА. В соответствии с программой к 1994 г. предусматривалось сокращение удельного веса государственной собственности до 50 %, а долю частной собственности (венгерской и иностранной вместе) при этом полагалось довести до 35 % (удельный вес иностранной за три года следовало при этом увеличить с 3,5 % максимально до 25 %) ¹³⁵.

Реализуя программу приватизации, государство оставляло в госсобственности коммунальные предприятия, государственные концерны и холдинги, а также торговые корпорации. Правительство исходило из необходимости полностью сохранить в госсобственности объекты нефтедобывающей и газодобывающей промышленности, нефте- и газотранспортные предприятия, а также электростанции, которые на 100 % оставались в руках государства. Государство сохранило за собой право владения 51 % собственности объектов стратегического значения в отраслях промышленности, а также в сфере услуг и в четырех крупных коммерческих банках, где 49 % акций могли приобретать отечественные вкладчики¹³⁶.

В условиях спада производства и последующей приватизации (1991–1993 гг.) в общей сложности прекратили свою работу около 1500 хозяйственных объектов, из которых 850 предприятий прошли процедуру банкротства¹³⁷, проведенной при соблюдении строгой и жесткой финансовой отчетности.

Хотя названный подход к приватизации приносил в казну не так много средств, а в какой-то степени даже несколько сдерживал темпы преобразования собственности (по имеющимся данным, до весны 1994 г. была приватизирована госсобственность на сумму всего 310 млрд форинтов)¹³⁸, правительство достигло ощутимых результатов в деле формирования прослойки отечественных собственников. Иными словами, намеченная на 1991–1994 гг. программа приватизации была выполнена. К окончанию срока полномочий правительства Анталла–Борошша 50 % собственности была приватизирована. В различных отраслях экономики от 25 до 30 % собственности перешли в руки отечественных предпринимателей, в руки иностранных соответственно 15–20 %¹³⁹.

К концу парламентского цикла темпы приватизации несколько замедлились, так как у отечественных предпринимателей не хватало средств для приобретения промышленных объектов, особенно в таких ключевых отраслях экономики,

как металлургия, энергетика, химия, транспорт, банковская сфера и пр. Начиная с лета 1994 г. приватизацией в этих областях занялось уже следующее коалиционное правительство, сформированное из социалистов и либеральных демократов, причем последние постарались провести процесс в задуманном ими ускоренном варианте.

Возвращаясь к некоторым общим вопросам венгерской экономической политики первой половины 1990-х годов, целесообразно отметить, что правительство Анталла–Борошша в итоге провело приватизацию госсобственности на сумму 310 млрд форинтов. Причем переход к рынку был выполнен в исключительно тяжелых внешнеэкономических условиях, когда распался СЭВ, а страны Европейского Экономического Сообщества применяли политику протекционизма, правительству приходилось преодолевать немалые трудности, характеризовавшиеся продолжавшимся спадом производства, и одновременно решать неизбежные задачи политической и экономической трансформации. Экономисты в таких условиях заговорили о трансформационном спаде, который нашел отражение в печати.

По некоторым сведениям, за четыре года работы кабинета Анталла–Борошша экономический спад составил порядка 20 %. Эксперты считали это очевидным признаком не до конца преодоленного кризиса¹⁴⁰. Правда, эти цифры замелькали в печати уже в условиях новой предвыборной кампании и были, по словам известного экономиста Б. Кадара, несколько завышенными. По его подсчетам, спад ВВП за четыре года работы правоцентристского кабинета составил не более 13–14 %, что гораздо меньше аналогичных показателей ряда других стран бывшего социалистического блока (Болгария, Румыния, СССР и др.)¹⁴¹.

Разумеется, причин для спада в венгерской экономике было немало, и трансформационные издержки также имели место. Проблемы, в частности, возникли в сельском хозяйстве: засуха 1993 г., вследствие которой уровень про-

изводства в отрасли составил всего 65 % от уровня 1989 г. Продолжало сокращаться промышленное производство: за 1989–1993 гг. – на треть¹⁴². Следует отметить также, что спад промышленного производства приходился именно на крупные предприятия, мелкие и средние производители быстрее приспособились к новым условиям.

Благодаря предпринятым правительством мерам в 1993 г. спад был остановлен. Отметим, что кризисные явления в сельском хозяйстве были связаны не только с распадом социалистического рынка (ранее туда направлялись 90 % зерновых, 60 % консервов и птицы, 80 % вина)¹⁴³, но и тем обстоятельством, что отрасль практически лишилась дотаций со стороны государства, что не позволяло успешно конкурировать на рынках западных стран. В этой связи достаточно сослаться на то, что если в начале 1980-х годов венгерское сельское хозяйство имело почти схожий со странами Европейского Сообщества уровень дотаций, то к началу смены общественно-политического строя (1989–1990 гг.) он сократился до 10–12 %, а к 1993 г. составлял всего 3 процента. В таких условиях венгерские аграрии оказались в проигрыше, не выдержав ценовой конкуренции на внешних рынках. Ведь их коллеги из США и ЕС только в 1992 г. получили соответственно 28 % и 47 % дотаций на развитие сельского хозяйства¹⁴⁴.

Рассматривая причины и факторы экономического спада в Венгрии в условиях перехода к рынку, нельзя забывать, что правительство Анталла (впрочем, как и любое другое в бывшем социалистическом регионе) не имело научно обоснованных моделей или готовых рецептов, чтобы миновать трансформационные кризисы.

Процесс перестройки и либерализации венгерской экономики, хотя и оказался растянутыми во времени, не привел к масштабному всплеску инфляции, которую правительство держало под контролем. Так, если обесценение венгерской национальной валюты (форинта) в конце 1980-х годов счи-

талось постоянным явлением (к началу 1991 г. годовая инфляция составила 35 %), то к 1994 г. правительству удалось не только остановить высокие темпы роста уровня цен, но и существенно снизить инфляцию. В этой связи по итогам 1993 г. ЦСУ ВР констатировало, что «инфляция в последние годы подскочила до невиданных в прежние десятилетия масштабов и возникла угроза необратимости этого процесса; правительству, однако, эту проблему удалось решить»¹⁴⁵. В этом несомненная заслуга первого демократического правительства Венгрии перед собственным народом.

Общий уровень инфляции в Венгрии к 1993 г. снизился с 35 до 22 %, а в 1994 г. — до 17 %¹⁴⁶. Потребительские цены с 1992 по 1993 г. выросли с 12,4 до 13,2 %. В 1994 г. правительство рассчитывало удержать цены на потребительском рынке на уровне 16–19 % (реально оказалось — 20 %)¹⁴⁷.

Вопреки реальным трудностям, правительству Анталла–Борошша удалось добиться и некоторых других успехов. Был полностью восстановлен *платежный баланс* страны, за 1991–1993 гг. объем экспорта венгерских товаров увеличился в денежном выражении с 7 до 11 млрд долларов¹⁴⁸. Если *валютные запасы* в конце 1989 г. составляли всего 800 млн долларов, то в 1990 г. выросли до 1,2 млрд, а к началу 1994 г. достигли 6,5 млрд долларов. Накопления населения за четыре года в национальной денежной единице увеличились со 180 млрд до 1070 млрд форинтов. О реальных масштабах осуществленных правительством экономических и социальных преобразований свидетельствует и то, что более двух пятых ВВП Венгрии уже летом 1993 г. производилось в частном секторе. Властям к тому времени удалось сформировать первую, хотя тогда еще и не очень мощную, прослойку отечественных частных предпринимателей, численность которых выросла со 169 тыс. до 680 тыс. человек¹⁴⁹, занимающихся производством, бизнесом и торговлей. Кроме того, Венгрия начиная с 1991 г. стала одной из самых привлекательных для иностранного капитала стран бывше-

го восточного блока, куда устремились западные предприниматели. В страну ежегодно поступало по 1,5–2,0 млрд долларов активного капитала¹⁵⁰.

Между тем правительству в наследство досталась груда социально-экономических проблем, и одного парламентского цикла (1990–1994 гг.) для их разрешения оказалось недостаточно. Среди них оставался немалый *внешний долг*, который в конце 1993 г. составлял 24,7 млрд долларов¹⁵¹. При большей опытности и поворотливости, а может быть, и меньшей самоуверенности правящих кругов долг мог бы быть списан, но такой возможностью тогда не воспользовались. Сюда же следует отнести проблему роста *безработицы*, неизбежного спутника рыночных преобразований. В конце 1980-х годов только в скрытой форме она, по подсчетам Б. Кадара, составила 15–20 %¹⁵². В условиях кризиса и экономической трансформации, как отмечал экономист Я. Тимар, в общей сложности было оставлено до 1,3 млн рабочих мест¹⁵³. Многие из уволенных по сокращению или в результате ликвидации предприятий стали безработными. Число зарегистрированных на бирже труда рабочих с 1990 по 1993 г. постоянно росло, и безработица оставалась тяжелой проблемой. Динамика роста бедствия в цифровом выражении была следующей: в 1990 г. — 24 тыс., в 1991 г. — 101 тыс., в 1992 г. — 406 тыс., в 1993 г. — 663 тыс., в 1994 г. — 632 тыс. человек¹⁵⁴.

Не смогла новая власть избавиться и от *бюджетного дефицита*. Правительству только в 1990–1992 гг. удалось удержать его на прежнем уровне, после чего с 1993 г. начался некоторый рост бюджетных накоплений, достигший в 1995 г., уже при социал-либеральном правительстве, 12 млрд форинтов¹⁵⁵.

Оценивая реальный вклад кабинета Й. Анталла, директор Центральноевропейского международного банка (СІВ) Дёрдь Шурани весной 1994 г. заявил: «Правительству на этапе с конца 1989 г. (его последней четверти) и до сере-

дины 1992 г. в напряженных социальных условиях ценою немалых жертв удалось совершить существенные структурные преобразования. Ситуацию нельзя драматизировать, ведь при замене старой общественной формации новой определенные потери неизбежны. Достаточно напомнить о развале СЭВа, в результате которого Венгрия лишилась значительной части рынка для своего экспорта. Нельзя удивляться также тому, что реальные показатели страны сократились, но этого нельзя было избежать, если бы даже утвердился другой политический курс... Параллельно с этим наступили благоприятные перемены. Существенно улучшилось финансовое и экономическое положение страны. Не рухнул баланс внешней торговли, удалось сдерживать инфляцию, более того, сократились темпы ее роста... Удалось более-менее восстановить даже равновесие бюджета, произошли существенные сдвиги в росте денежных вкладов населения в экономику, достигших беспрецедентных в истории масштабов, а это явное свидетельство появления доверия к деньгам»¹⁵⁶.

Специалист по финансово-экономическим проблемам Д. Шурани, разумеется, указал на причины, которые к 1993 г. привели к дисбалансу и росту бюджетного дефицита. Это были отдельные неудачные законы, перерасход бюджетных средств и задержка с проведением бюджетной реформы в 1990–1991 гг. Приватизацию он признал довольно быстрой, а правительственную политику по отношению к инфляции – удачной и положительной. «Считаю важным подчеркнуть, что хотя за истекшие четыре года инфляция и была высокой, ее удавалось сдерживать, – отмечал он. – Никогда не было опасности ее выхода из-под контроля»¹⁵⁷.

Таким образом, важнейшие направления в деятельности первого демократического правительства Венгрии, направленные на преобразование плановой социалистической экономики в рыночную, в целом свидетельствуют о его умелом подходе к решению сложных экономических проб-

лем. Если учесть, что все трансформационные процессы в народно-хозяйственной сфере осуществлялись в неблагоприятных внешних и внутриэкономических условиях, то автор исследования вправе констатировать, что кабинет Анталла–Борошша совершил решительный и успешный шаг не только по выводу страны из кризиса, но и в сфере кардинальных экономических и системных преобразований.

* * *

В завершение — несколько выводов. В этом очерке мы попытались показать, что представляли собой и как осуществлялись демократические преобразования в Венгрии на постсоциалистическом этапе развития страны — в 1989–1994 годы. Основное внимание закономерно обращалось на то, какие конституционные меры принимала молодая венгерская демократия, новая исполнительная власть для обеспечения трансформационных процессов, какие цели ставила и какие задачи решала, приступив к переходу от эпохи «реального социализма» к многопартийной парламентской демократии, направляясь к новым, еще неизвестным и непривычным условиям неокapиталистической эры. Мы выяснили, каким был, как осуществлялся переход от всеобщей государственной собственности к частной, показали, как проходила приватизация. В исследовании уделено особое внимание созданию законодательной базы для проведения преобразований, освещению работы первого свободно избранного парламента и деятельности демократического правительства как главного исполнительного органа страны, ответственного за реализацию программ по демократизации жизни и проведение экономической трансформации. Анализируя процессы преобразований, автор стремился отметить как достижения, так и встречавшиеся на этом пути трудности, ошибки и разочарования, оценить работу кабинета министров по реальному переустройству политической и экономической жизни Венгрии.

Стремление к демократизации общественно-политической жизни в Венгрии, конечно, появляется гораздо раньше рассматриваемого в настоящем очерке периода, но ее судьба решалась именно в 1989 г. в условиях мирной «переговорной революции» и весенних парламентских выборов 1990 года. Тогда основные политические силы страны, представители общественно-политических движений, обсуждая за Национальным круглым столом важнейшие проблемы, приняли принципиальное судьбоносное решение о смене советского типа политического режима и выразили намерение строить демократическое правовое государство. После проведения первых парламентских выборов на многопартийной основе страна прочно встала на рельсы демократического развития и вернулась в семью европейских народов, от которых была искусственно отделена и изолирована на протяжении всего послевоенного периода. В свете задач, намеченных общественными движениями за Национальным круглым столом, она приступила к кардинальным общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям.

Венгрия пошла своим путем навстречу неведомому еще будущему, преодолевая трудности и достигая значительных успехов. Ей первой удалось перешагнуть через системные преграды, сломить старую государственную машину, которая выросла из режима диктатуры, удалось изменить структуру и характер государственно-политического и экономического устройства страны, обеспечить ее переход на общеевропейскую орбиту демократического развития.

Прорыв к демократии был достигнут на первых же свободных парламентских выборах в 1990 г. За короткий исторический период – практически за время первого четырехлетнего парламентского цикла – демократические силы страны во главе с правоцентристским коалиционным кабинетом Й. Анталла осуществили кардинальные преобразования, которые в итоге получили поддержку всех парламентских партий.

В 1990–1994 гг. в Венгрии проходили существенные трансформационные процессы не только в общественно-политической жизни, но и в сфере экономики. Правительству Анталла за эти годы удалось остановить дальнейшее углубление кризиса в экономике, где после наблюдавшегося спада ситуация по ряду показателей стала постепенно улучшаться. Более того, правительство добилось определенного экономического роста и существенного снижения темпов инфляции.

За время премьерства Й. Анталла была начата и успешно проводилась приватизация государственной собственности, при которой приоритет отдавался отечественным предпринимателям, что способствовало формированию прослойки новых венгерских собственников. Начатый демонтаж госсобственности, проведение приватизации, хотя и не были лишены определенных недостатков и поэтому временами сопровождались шумихой в средствах массовой информации, способствовали складыванию и утверждению рыночных условий в стране.

Кардинальные сдвиги в политической жизни, разумеется, проходили легче и более стремительно, чем реальные преобразования в социально-экономической сфере. И это понятно, ведь для широких слоев населения, стремившихся к демократии западного образца и соответствующим жизненным стандартам, переустройство политического бытия на принципах плюралистической парламентской демократии было ожидаемым, желанным и проходило не столь болезненно, как переход к рыночным условиям. Ведь выход страны из экономического кризиса, проведение трансформационных процессов в экономике подвергали многих граждан страны немалым испытаниям. К тому же экономическая трансформация проходила медленнее, чем политическая, а в условиях кризиса сам переход собственности от государства в частные руки, несомненно, оказывал ошутимое воздействие на всю социальную сферу, особенно на беднейшие слои населения.

Разумеется, масштабы задач, намеченные и реализованные с 1990 г. первым демократическим правительством Венгерской Республики были весьма значительны. Для их завершения четырех лет работы было недостаточно. И это при том, что первый кабинет министров в Венгрии, в отличие от правительств других стран постсоциалистического региона Европы, не переживал правительственных кризисов и выполнял свои обязанности до конца срока своих полномочий. И хотя достижения этого правительства по-разному оценивались современниками, его вклад в демократические преобразования жизни Венгрии, несомненно, велик. Ведь в венгерских условиях именно этот кабинет вместе с демократически избранным парламентом осуществлял реальную перестройку политического и экономического строя. Из однопартийной коммунистической страны Венгрия стала демократическим многопартийным парламентским государством, с функциональной демократией и рыночной экономикой. Системные преобразования стали необратимыми.

Портреты политических деятелей эпохи

Глава 10. || Имре Надь

Венгерского политика 50-х годов XX века Имре Надя по праву можно называть масштабной исторической личностью, известной во всем мире. Его имя знают поколения венгров, о нем слышали, его имя помнят представители уходящих поколений и в России. Широкую известность принесли Надю его реформы, но еще больше та роль, которую он, как глава венгерского правительства, сыграл в осенних событиях 1956 г., в дни венгерской революции. Надь, будучи убежденным сторонником социалистической идеи, в отличие от многих своих идейных соратников, пришедших к власти, не был фанатом отвлеченных от жизни идеологических догм. Он был политиком реформаторского толка, каковых было очень мало в рядах компартии. События революции 1956 г. потребовали от него принятия ответственных решений, которые поставили его в ранг самих видных политических деятелей венгерской истории.

Личности Имре Надя и его реформаторской деятельности по ряду причин и исторических обстоятельств с середины прошлого века давались разные и не всегда адекватные оценки, которые базировались на искаженном толковании, предвзятости и идеологических постулатах, на политической целесообразности. Эти обстоятельства и интересы текущей политики, а также недоступность объективных источников долго затрудняли проведение исследования и научного анализа реального вклада И. Надя в историю Венгрии, его реформаторских начинаний и того политичес-

кого курса, который он проводил и пытался осуществить в Венгрии в 40–50-е годы прошлого века. Но сделать это ему так и не дали.

Ныне, когда в Москве и Будапеште опубликованы архивные документы той эпохи, когда издано немало других документальных материалов, воспоминаний и статей по истории ВНР 1940–1950-х годов, на их базе можно составить достоверный политический портрет Имре Надя.

Родился Имре Надь 7 июня 1896 г. и вырос в бедной крестьянской семье Йожефа Надя в городе Капошвар, что на западе Венгрии. «Детство мое, хотя и прошло в бедности, принесло много радостей и счастья»¹, — писал он впоследствии. Окончив начальную школу, а затем четыре класса гимназии (1907–1912 гг.), Имре решил освоить специальность слесаря, чтобы не сидеть на шее у небогатых родителей, зарабатывать на жизнь самому. Он был еще гимназистом, когда его отец, работавший в этом провинциальном городке мелким почтовым служащим, на свои скудные накопления сумел построить собственный трехкомнатный дом. Запомнились Имре на всю жизнь полученные еще учеником первые впечатления о выборах в Капошваре (1905, 1906, 1910 гг.), пробудивших в нем интерес к политике. В феврале 1914 г., сдав экзамены, молодой Надь уже помощник мастера. Вступив в ряды организованных рабочих, он стал членом профсоюза металлистов и Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ). Однако мать, в девичестве Розалия Сабо, которая работала горничной, хотела видеть сына образованным человеком. Надь по настоянию матери начал учебу в открывшейся в городе трехгодичной Высшей школе торговли.

Вскоре началась Первая мировая война, и в декабре 1914 г. Надя призвали в армию. Он был зачислен в пехотный полк, в составе которого в августе 1915 г. находился на итальянском фронте, где его ранило в ногу. После выздоровления ему удалось вернуться домой для сдачи экзаменов, но

в июне 1916 г. он снова на фронте, причем на восточном. В конце июля 1916 г. под Луцком Надь снова был ранен и попал в российский плен. Лечили его в Курске, затем переместили в Дарницу, под Киевом, потом последовал лагерь для военнопленных в Рязани, а далее Сибирь: Иркутск и забайкальский Верхнеудинск (ныне Улан-Уде). Лагерная жизнь проходила в Березовке, возле Байкала, где размещалось до 35–40 тыс. военнопленных. Там застала его Февральская революция 1917 г., изменившая жизнь военнопленных, а затем и Октябрьский переворот, после которого с апреля 1918 г. большевики развернули активную агитационную работу среди военнопленных, начали создавать из них интернациональные группы. Революционные идеи, оживившие память об участии в социал-демократическом движении, обещание скорейшего возвращения на родину стали для Нады аргументом, чтобы вступить в Красную Армию, стать членом РСДРП и принимать участие в гражданской войне в Забайкалье. В феврале 1919 г. он попал в плен к белочехам, бежал и несколько месяцев работал кузнецом и плотником в с. Лиственный под Иркутском. В январе 1920 г. в составе интернационального рабоче-крестьянского отряда он участвовал в освобождении от белых Иркутска. В 1920–1921 гг. Надь – инструктор венгерской секции большевистской партии, читал лекции в лагере для военнопленных, а 15 марта 1921 г. большевики передали его компартии Венгрии как коммуниста, которого можно мобилизовать на нелегальную работу в Венгрии.

На родину Надь возвратился, видимо, вместе с первой тысячей военнопленных и снова включился в социал-демократическое движение Венгрии. С 1921 г. Надь работал мелким служащим в Капошваре. Быстро завоевал доверие рабочих, и на XXII съезде СДПВ в 1924 г. он уже представлял их интересы. На съезде выступил с докладом и критиковал соглашательскую политику лидеров партии. С 1925 г. в области Шомодь он возглавил местную группу создан-

ной И. Ваги Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), легального «дублера» коммунистической партии. Полиция неоднократно задерживала и арестовывала Надя по подозрению в коммунистической деятельности. В марте 1927 г. он вместе с Ваги предстал перед судом. На процессе вел себя смело, держался мужественно и через два месяца заключения был освобожден. Потом по указанию из Москвы он прекратил всякую публичную деятельность и перешел на нелегальную работу в компартии, возглавив ее аграрную секцию. В том же году Надь женился на скромной крестьянской девушке Марии Эгетё, которая родила ему дочь Эржебет и до конца сопровождала его на нелегком жизненном пути.

В конце 1920-х годов Надь, как и компартия, не раз менял свои псевдонимы, писал статьи для печати и разного рода очерки о положении села и крестьянства. Летом 1929 г. побывал в Берлине, где вел переговоры с бывшим президентом Венгерской Республики 1918 года, графом М. Каройи (1875–1955), встречался с работающим в Крестинтерне коммунистом А. Хевеши. В беседе с последним он резко критиковал сектантскую политику Коммунистической партии Венгрии (КПВ). В январе 1930 г. Надь эмигрировал в Вену, откуда поехал на II съезд КПВ, работа которой проходила в подмосковной Апрелевке, где выступил с докладом об аграрной программе партии. Основные положения его доклада, однако, не совпали с официальной позицией, принятой в Коминтерне. Надь настаивал на проведении земельной реформы, с раздачей земли крестьянам, за что впервые был обвинен в ревизионизме². Партия заставила его выступить с самокритикой.

В связи с обстоятельствами Надь остался в СССР. Его жена и дочь также переехали в Москву, где в последующие годы семья жила на правах политэмигрантов. Здесь Надь окончил партийную школу (ее называли Ленинской) и остался там руководить ее венгерской секцией. Позже рабо-

тал в Международном аграрном институте вплоть до его закрытия, был членом партбюро этого заведения. В 1936 г., получив советское гражданство, Надь трудился также в ЦСУ СССР, а с лета 1943 г. — в 205-м Институте, созданном после роспуска Коминтерна. Отход от политики позволил ему заняться научной работой, досконально изучить аграрные вопросы и земельные отношения, советский опыт преобразования деревни, проблемы крестьянства, разработать проекты демократических аграрных преобразований для Венгрии. Занимаясь этими вопросами, Надь стал экономистом-аграрником, знатоком аграрно-крестьянской проблематики. Еще в 1932 г. по заказу Коминтерна он разработал программу действий по аграрному вопросу, опубликовал ряд статей и три книги. Причем на сей раз Надь подверг критике слева так называемую боевую программу КПВ по крестьянскому вопросу.

В целом же концепция и взгляды Надя на решение земельной проблемы для Венгрии расходились с мнением наиболее именитых деятелей КПВ, работавших в Коминтерне и определявших политику партии. Суть этих расхождений состояла в том, что Надь считал обязательным раздел земли между крестьянами, а партийные руководители стояли за немедленное создание на базе национализированных крупных землевладений колхозов, следуя во всем советскому образцу. Развернувшаяся между ними дискуссия в итоге привела к осуждению взглядов Надя по аграрно-крестьянскому вопросу. Видимо, это тоже способствовало тому, что он, хотя и был членом партии, старался как можно меньше контактировать с коминтерновской группой лидеров КПВ в условиях эмиграции, можно даже сказать, что сознательно сторонился их. Правда, такие представители второго эшелона руководителей КПВ, как М. Ракоши, Э. Герё, М. Фаркаш, Й. Ревай, прибиравшие к своим рукам партийную власть после Б. Куна (1886–1938), смотрели на Надя свысока, считая его «малообразованным крестьянином». Научная сре-

да, в которой вращался Надь, работая аграрным специалистом, жизнь вне гостиничной резервации позволяли ему задуматься над печальным опытом сталинизма и коллективизации в СССР, чтобы избежать насилия над своим народом. Но в итоге не он, а определявшие политику компартии руководители сказали решающее слово в выборе пути для Венгрии.

Прошедшая в 1937–1938 гг. в СССР волна репрессий и чисток партийных кадров, жертвой которых стало и немало венгров-интернационалистов во главе с Б. Куном, пощадила Надя, как и названный второй эшелон лидеров. «Ему удалось избежать сталинской чистки. С партийными руководителями второго эшелона у него были чисто товарищеские, по сути прохладные и сдержанные отношения, можно сказать, даже скептические». Особенно плохое впечатление произвело на него «мелочность и склонность Ракоши к вождизму»³, — писал З. Ваш в одном из документальных сборников об И. Наде.

В конце 1930-х годов Надь публиковал свои статьи по истории венгерского села и крестьянства в выходившем в Москве на венгерском языке журнале «Új Hang» («Новый голос»). В одной из статей он отмечал, что революции 1918–1919 гг. так и не смогли решить аграрную проблему Венгрии. Примечательно, что Надь в своих статьях обратился даже к непривычным для партийного журнала тех лет национальному и территориальному вопросам в Центральной Европе. Осознавая боль и проблемы для Венгрии, связанные с Трианонским мирным договором, он высказался за мирную ревизию границ в регионе. При этом, однако, он предупреждал, что ревизию следует осуществить без помощи Гитлера⁴. После нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 г. 45-летний Надь записался в интернациональный полк Красной Армии, чтобы добровольцем отправиться на фронт. Однако по просьбе Г. Димитрова был отозван и назначен заместителем главного редактора,

а затем главным редактором радиостанции им. Кошута⁵, вещавшей из Москвы на венгерском языке о борьбе СССР против фашизма.

На родину Надь вернулся в конце 1944 г. и был избран депутатом Временного Национального собрания, а во Временном Национальном правительстве Венгрии, которое находилось в г. Дебрецен, стал министром земледелия. В этом качестве он «раздавал» землю крестьянам и сыграл решающую роль в проведении демократической земельной реформы, чем завоевал популярность в народе. В указе временного правительства от 15 марта 1945 г. о ликвидации крупных землевладений и разделе земли фактически восторжествовала концепция Надя.

Следующий год ознаменовался в его жизни семейной радостью: его дочь Эржебет в Дебрецене познакомилась с реформатским священником Ф. Яноши и вышла за него замуж. Надь не воспротивился союзу дочери со священником⁶. Свадьба с согласия партийного руководства состоялась уже в Будапеште, куда вскоре переехало правительство, которое провело там первое заседание 18 апреля 1945 г. В столице министру Надю, в отличие от размещившейся в элитных коттеджах на Рожадомбе партийных лидеров, выделили дом по ул. Оршо в будайских горах, где он вместе с семьей проживал до конца своей жизни. Размещение Надя, члена политбюро, отдельно от других партийных деятелей демонстрировало превосходство ракошистской партийной элиты.

Надь, хотя вернулся на родину из московской эмиграции, не принадлежал к той группе «москвитов», которая во главе с Герё и Ракоши играла в КПВ ведущую роль. Хотя эта группа меньше всего была знакома с реальными условиями страны, считалось закономерным, что именно она, лучше других сочетающая коммунистические венгерские и советские интересы, должна руководить партией и страной. Ее представители осуществляли фильтрацию и чистку той части КПВ, которая в годы войны действовала в условиях

подполья (последней руководили Я. Кадар, Л. Райк и др.). С мая 1945 г., когда КПВ изменила свое название и была переименована в Венгерскую коммунистическую партию (ВКП), членом ее руководящих органов – Центрального Руководства (ЦР) и политбюро стал также И. Надь, лучше остальных «москвитов» ориентировавшийся в венгерских условиях.

С победой на парламентских выборах 1945 г. Независимой партии мелких хозяев (НПМХ) место министра земледелия, которое занимал И. Надь, было передано представителю этой партии. В коалиционном правительстве коммунисты сохранили за собой силовые министерства. В новом кабинете на пост министра внутренних дел Ракоши хотел поставить М. Фаркаша, но его кандидатура была отклонена правительством, и пост занял Надь. После неполных четырех месяцев работы руководителем МВД, Надя сменил на этом посту Райк. Надь вернулся к занятиям аграрной политикой, разрабатывая крестьянскую и экономическую программу партии, возглавляя сельскую секцию ВКП и выпуская еженедельник для села.

Как считают исследователи, И. Надь в 1945–1946 гг. полностью отождествлял себя с политикой руководства ВКП, разделял даже начатое весной 1947 г. фронтальное наступление коммунистов на своих же партнеров по коалиции, хотя влиятельная НПМХ сама поделилась с ними властью. Надь не отмежевался от ракошистской политики «нарезки салями» (обвинения видных деятелей союзных партий на основе сфабрикованных материалов). Надь по своей политической неопытности не сразу понял, что это ведет к диктатуре Ракоши и его ближайшего окружения⁷, что жертвами подобных акций вскоре станут многие известные люди страны и что это коснется даже деятелей компартии. Он тем более не предполагал, что близится время, когда ему самому придется отстаивать от нападков «вождя» партии свое главное детище – земельную реформу.

После победы левых сил на парламентских выборах осенью 1947 г. Надь был избран председателем Государственного собрания Венгрии. Заняв этот пост, он сохранил свое членство в ЦР и политбюро даже после объединения компартии в 1948 г. с СДПВ — в Венгерскую партию трудящихся (ВПТ).

В конце 1940-х годов трезвая аграрная политика Надя наткнулась на неприятие со стороны Ракоши. Надь не принимал сектантскую политику Ракоши, а тем более его подход к селу, его курс на насильственную кооперацию крестьянства. Генеральный секретарь партии относился к середняку как к кулаку. Надь выступил в защиту интересов крестьянства. В ходе начавшейся в 1948 г. острой дискуссии он вспомнил уроки и последствия уничтожения «кулачества как класса» в СССР и прямо указал на ошибочность такого курса, когда «капиталистическая опасность преувеличена», а вместо ограничения кулака и опоры на середняка развернуто преследование крестьян, которых насильно загоняли в колхозы. 23 августа 1949 г. Надь был подвергнут резкой критике за «оппортунистические взгляды», а в сентябре 1949 г. он был исключен из состава политбюро и обвинен в правом уклоне, объявлен ревизионистом. Ему, однако, было разрешено продолжать преподавательскую работу, которой он занимался с 1948 г. в Экономическом университете им. К. Маркса в Будапеште и Аграрном университете в Геделлё.

С 1948 г. в Венгрии началось установление управляемого сверху, из единого партийно-бюрократического центра, сверхцентрализованного тоталитарного режима со строгой системой иерархического подчинения, на вершине которого в соответствии с его сталинским прообразом стояла высшая партноменклатура во главе с «вождем». Этот режим, который по праву называют в исторической литературе ракошистской диктатурой, контролировал практически все сферы жизни венгерского общества. Демократическая многопартийность прекратила свое существование, исчезли

независимые организации гражданского общества. Один из членов партийного ареопага Й. Реваи, выступая весной 1949 г. на заседании ЦР ВПТ, заявил: «На самом деле, товарищи... лишь одна наша партия руководит страной». Этот же идеолог ВПТ 20 июня 1953 г., также в узком кругу партийных иерархов, признал, что они создали настоящее «полицейское государство, в старом понимании»⁸. Иными словами, он подтвердил, что они создали в Венгрии антинародный режим.

Летом 1950 г. после унижительной «самокритики» Надю предложили возглавить административный отдел ЦР ВПТ, где все важные дела решались без его участия. Решения принимались руководящей «тройкой» – Ракоши, Герё и Фаркаш, – которая к тому времени узурпировала всю власть в партии и стране. Парадоксально, но факт, что Надь снова стал членом политбюро со II съезда ВПТ (март 1951 г.), проникнутого духом классово-ненавистливости. С декабря ему поручили пост министра продовольствия, а с января 1952 г. – министра государственных заготовок. Будучи дисциплинированным партийцем, Надь подчинился решению и выполнял возложенные на него задачи, которые были ему чужды. В то же время он писал записки и выступал, протестуя и выражая свое крайнее несогласие с жесткими санкциями против крестьянства. В наступлении на крестьянство Надь видел крах политики партии на селе, предупреждал, что она доведет страну до кризисного состояния. Когда же положение становилось катастрофическим, в ноябре 1952 г. его назначили заместителем премьер-министра в правительстве М. Ракоши, сосредоточившего в руках почти всю полноту партийной и государственной власти.

Ракошистский режим закономерно приводил к произволу вождя. Руководящая «четверка» (Ракоши, Герё, Фаркаш, Реваи) по своему усмотрению управляла всеми делами ВПТ и государства, келейно принимала решения, затем на политбюро и в ЦР ВПТ утверждала их и спускала испол-

нительным структурам в качестве обязательных директив. Надь, впрочем, как и Л. Райк и Я. Кадар, которые пострадали от ракошистского произвола и беззакония, по сути дела, мало что решал в этой структуре. Однако, находясь во власти, он тоже разделял с ней ответственность за содеянные преступления режима.

Управлением госбезопасности (УГБ) негласно управлял сам Ракоши, и оно тесно срослось с его диктатурой, держа в страхе и под контролем все население. Из немногим более 9 млн жителей страны на учете у этих органов в начале 1950-х годов состояло 1,3 млн человек⁹. Карательная система широко практиковала задержания без судебного решения, массовое выселение людей из мест проживания и интернирование в лагерях и спецпоселениях. Из Будапешта только за май–июнь 1951 г. было выселено 12 700 «классово чуждых элементов», а около 1400 семей, опасаясь за свою жизнь, «добровольно» покинули столицу. В трудовых лагерях содержалось 45 000 человек. С мая 1951 г. по май 1953 г. аресту и допросам было подвергнуто 850 тыс. венгров.

Массовые нарушения законности в сочетании с проводимой ракошистским руководством экономической политикой, направленной на превращение Венгрии в «страну железа и стали» без учета ее природных условий и реальных возможностей, проведение насильственной коллективизации села привели к резкому ухудшению социального положения народа и росту его недовольства.

Ситуация, грозившая социальным взрывом, вызвала озабоченность и у нового постсталинского руководства СССР, которое решило принять срочные меры. 13 июня 1953 г. группа венгерских партийно-государственных деятелей была приглашена в Кремль, где три дня с ними велись переговоры. В список приглашенных входил и зампреьера Надь. На этой межпартийной встрече Ракоши был подвергнут острой критике. Советское руководство во главе с Г. М. Маленковым, Н. С. Хрущёвым, Л. П. Берия настойчиво

рекомендовало Ракоши поделиться властью. Причем ответственность за экономическую политику и массовое нарушение законности возлагались именно на Ракоши. Ему было предложено передать пост главы правительства пользующемуся доверием народа Имре Надю. Это предложение было вполне обоснованным. Надя знали как противника сектантской политики, что в новых условиях тоже имело значение. К тому же 26 мая 1953 г. его избрали членом Венгерской академии наук.

Кандидатуру Надя на пост премьер-министра ВНР 27 июня одобрил пленум ЦР ВПТ. В начале июля 1953 г. на первом же заседании нового парламента Надя был официально утвержден главой правительства Венгерской Народной Республики (ВНР). Его программную речь¹⁰ по радио с особым вниманием слушала вся страна. Основное внимание в ней уделялось вопросам экономики, проблемам села, отмене принудительного кооперирования крестьянства, увеличению производства потребительских товаров для населения. Особый акцент получил совершенно новый подход к вопросам законности и правопорядка, говорилось об отмене практики политического террора, об амнистии для некоторых категорий заключенных, об исправлении ошибок в этой и других сферах. Речь Надя оказала весьма благоприятное воздействие на общественное мнение, но не могла не вызвать тревогу в кругах, причастных к массовым нарушениям законности. Новый премьер предложил стране совершенно иной, коренным образом отличающийся от прежнего, политический курс. Люди, несмотря на скудность информации о пленуме, увидели, что именно его, еще недавно обвиненного в «ревизионизме» и выведенного из состава политбюро ЦР ВПТ, избрали премьер-министром, призвали исправлять «ошибки» ракошистского руководства.

Действия Надя были направлены прежде всего на ликвидацию перекоса экономики в сторону тяжелой индустрии, на сбалансированное развитие всех ее отраслей, на подъем

сельского хозяйства и обеспечение устойчивого роста жизненного уровня населения. Он рассчитывал осуществить также частичную демократизацию общественно-политической жизни страны, оставаясь при этом в рамках допустимого системой. Однако Надь, будучи политиком без достаточного опыта, допустил определенные просчеты. Он не потребовал для себя от парламента широких полномочий и свободы действий, особенно столь необходимой независимости от группы Ракоши. К тому же Надь не имел подготовленной команды. Все это не могло не сказаться на конечных результатах начатых им преобразований. Но Надь решительно взялся за обновление жизни страны, начав с серии мероприятий по снижению социальной и политической напряженности в обществе, продолжая проведение реформ и курс на демократизацию строя¹¹.

Будучи аграрником, досконально знающим проблемы села, Надь прежде всего стремился добиться ощутимых результатов в сельском хозяйстве ради улучшения продовольственного положения населения. Он принял меры, направленные на рост товарного производства отрасли, на удержание крестьян на селе, на повышение их заинтересованности в результатах своего труда. Была списана задолженность селян по госпоставкам, провозглашена поддержка товаропроизводителей-единоличников и середняков, а также рентабельных кооперативов. Вместе с тем Надь пошел на снижение темпов кооперирования, подчеркивал важность соблюдения принципа добровольности, позволил выход из уже существующих, но созданных под давлением сельхозкооперативов. Такая политика гарантировала успех обеспечения населения продуктами. Существенное облегчение принесли его реформы промышленным рабочим: были снижены нормы выработки, отменена сверхурочная работа, допускалось мелкое частное предпринимательство, началось ускоренное развитие пищевой и легкой промышленности, которым раньше уделялось мало внимания. Эти

меры с удовлетворением были встречены рабочими. Надь не забывал и об интеллигенции, считая важным предоставить ей больше возможностей для творческой деятельности. Он исходил из того, что в условиях «народной демократии образование и знания должны получать заслуженное признание». Надь расширил права средств массовой информации.

За короткое время пребывания Надя на посту главы правительства (июль 1953 г. — март 1955 г.) он, конечно, не успел реализовать все свои реформаторские проекты и начинания, а тем более довести их до логического завершения. Начатые им реформы не ограничивались социально-экономической сферой, они затронули систему госуправления, вооруженные силы и административный аппарат. Началось сокращение армии и чиновничества, восстанавливались законность и правопорядок, возрождалась независимость прокуратуры и судов, произошел отказ от карательной практики органов госбезопасности, выросла самостоятельность местных Советов. Совершенствование работы органов правосудия началось в июле 1953 года. Распоряжением правительства от 23 июля органы местной власти были выведены из подчинения МВД. Президиум ВНР 25 июля издал закон об амнистии, 30 июля учредил Генеральную прокуратуру, правительство ликвидировало лагеря интернированных, а в марте 1954 г. были отменены чрезвычайные суды.

Амнистия и ликвидация лагерей позволили выйти на свободу и заняться трудовой деятельностью большой массе незаконно осужденных и содержавшихся в заключении без суда и следствия. В ноябре 1953 г. из советских лагерей на родину вернулось 1500 политических заключенных. Меры, предпринятые в 1953 г. правительством Надя, только по амнистированию затронули около 750 тыс. человек. Заработали комиссии по пересмотру сфальсифицированных судебных процессов (кстати, так оказались на свободе коммунисты Я. Кадар, Л. Райк и участники его процесса)¹².

Инициатива Надя, направленная на всемерное усиление самостоятельной роли Советов, предусматривала существенные изменения в системе власти в целом. Началось с частичного ограничения функций раздутого административно-управленческого аппарата. Одним из первых распоряжений премьер-министра стала отмена 23 июля 1953 г. контроля за Советами со стороны силовых органов (МВД и госбезопасности), наделение их самостоятельным кругом компетенций. Этот акт уже сам по себе резко менял характер сформированной Ракоши властной вертикали, а по существу, означал отказ от полицейского государства. Устремления Надя были направлены на то, чтобы правительство стало полноправным органом в решении государственных дел, а Советы — законными органами власти на местах, чтобы массовые общественные организации в полной мере выполняли свою роль. Советам на местах поручалось представлять интересы населения, заниматься делами развития подведомственных территорий и вести хозяйственную деятельность. Подобный подход, помимо прочего, являлся попыткой спасти остатки гражданского общества с его инициативой «снизу». В 1953–1954 гг. премьер-министр и его окружение добивались того, чтобы Советы стали подлинными выразителями интересов народа, чтобы росла их роль в самоуправлении, чтобы они не ожидали пассивно директив из центра, а развивали местную инициативу¹³.

Меры, предпринятые Надем по демократизации строя, вызывали у Ракоши и его единомышленников растущее недовольство. Они выжидали и по возможности тормозили преобразования Надя, втайне готовились к нанесению удара по его реформам. Накануне III съезда ВПТ 19 мая 1954 г. на политбюро обсуждались проблемы демократизации, где Надя выступил с принципиальными предложениями по комплексу политических вопросов, изложив свои взгляды на работу местных Советов, на многопартийность и возможное возрождение коалиционного правления, на реани-

мацию Народного фронта, считая их весьма важными для развития страны. Выслушав выступление Надя, Ракоши выразил категорическое несогласие с двумя вещами: для Венгрии не может быть и речи ни о многопартийности, ни о том, чтобы оставить ВПТ вне Народного фронта¹⁴.

На съезде И. Надь выступил с докладом «О задачах государственного управления и Советов»¹⁵, где изложил суть начатой им реформы системы и подчеркнул, что местные Советы увлеклись администрированием и фактически пренебрегли «хозяйственными, коммунальными и социальными проблемами трудящихся, в результате массы отвернулись от них, и работа Советов была направлена в бюрократическое русло». Конкретные предложения Надя касались упомянутых сокращений бюрократического аппарата, переподчинения Советов и укрепления их финансовой самостоятельности, развития местного самоуправления, выведения Советов из подчинения Совмина, как главного органа исполнительной власти, и передачи этих функций высшему органу законодательной власти — Государственному собранию или Президиуму Госсовета. Премьер-министр под знаком расширения парламентской демократии предложил вообще отказаться от существующей сверхцентрализованной системы управления и провести рационализацию всего государственного и хозяйственно-экономического аппарата в целях его упрощения и частичного сокращения¹⁶. В докладе Надь изложил также свой план возрождения Народного фронта, что было одобрено съездом.

Не прошло, однако, и месяца, как Ракоши и его окружение начали борьбу против проекта Надя по демократизации работы Советов. И все же разработка нового закона о Советах по государственной линии была продолжена. Законопроект непривычным для того времени образом в августе 1954 г. был вынесен на обсуждение широкой общественности. В результате поступило 13 тыс. предложений и более 750 тыс. граждан страны высказали свое мнение по зако-

нопроекту. Участники дискуссии высказались за необходимость сделать Советы «не просто органом, исполняющим волю государственной власти, а связующим звеном между высшим государственным руководством и трудовым народом». Было выражено мнение, что депутаты, работающие в Советах, не должны назначаться сверху, а должны избираться «исключительно по воле народа»¹⁷. Парламент 22 сентября 1954 г. после двухдневных дебатов принял новый закон о Советах. Прежний порядок голосования списком за кандидатов в депутаты на выборах был отменен, предписывалось создание индивидуальных избирательных округов. Первые выборы по новой демократической системе прошли 28 ноября 1954 г., а несколько ранее Совмин ВНР принял постановление о хозяйственной самостоятельности Советов, после чего они больше не получали директив от Госплана.

Начатая Надем реорганизация системы всего государственного управления все же не могла получить своего логического завершения. Мешали политические причины, позиция самого Ракоши и его окружения. Хотя съезд и поддержал инициативу премьер-министра, добиться подлинной самостоятельности Советам, да и Совмину, так и не удалось, ведь реальная власть осталась в руках партаппарата, а он с самого начала саботировал выполнение правительственной программы. Эти силы лишь выжидали удобного момента, чтобы начать открытое выступление против премьера и его реформ.

Реформаторские начинания И. Надя были уникальными для своего времени. Они шли гораздо дальше инициатив нового советского руководства, к тому же оказались более радикальными, затрагивающими наряду с экономикой социальную и политическую сферы. Следует особо подчеркнуть, что Надь предпринял попытку перенести место принятия решений из партийных органов в государственные (Советы разных уровней, правительство, парламент), что

вполне определенно свидетельствует о стремлении политика разделить функции партийного и государственного аппарата. Другой вопрос, что эти намерения, как, в частности, идея возрождения Отечественного Народного фронта (ОНФ) в его новой роли, были торпедированы Ракоши и ортодоксальной верхушкой ВПТ, поэтому не могли быть реализованы в задуманном Надем варианте. Новаторские идеи из них были выхолощены либо не получили дальнейшего развития. Возрождая ОНФ в новом виде, Надь пытался установить хотя бы минимальный контроль за чрезмерной, монопольной властью партийной верхушки, чтобы исключить в будущем возможность повторения рецидивов беззакония 1948–1953 гг.

Предшественник ОНФ – Венгерский фронт национальной независимости (1949 г.), – считавшийся объединением разнообразных общественных сил, находился под полным контролем руководства ВПТ. Его считали лишь временной «формой организационного отмирания коалиционных партий», и он исчез вместе с последними. Надь же считал важным создать Народный фронт на постоянной основе и сделать его «совестью страны». По его мысли, ОНФ, как «следящее око» народа, своевременно выявлял бы и обращал внимание на нарушения законности, чтобы предотвратить их и не допустить повторения рецидивов прошлого, чтобы «во всех областях государственной и общественной жизни реализовались справедливость, законность и гуманизм». Надь представлял его в виде «свободного форума, на котором обсуждались бы вопросы общегосударственного значения в интересах демократизации общественной жизни, развития инициативы самых широких слоев населения»¹⁸. В августе 1953 г. началась работа по созданию такого Фронта: в него добровольно вступали общественные организации, избирались городские и сельские комитеты. Была надежда, что создание такого ОНФ позволит сделать политику ВПТ более «умеренной» и правильной.

За несколько идеалистическими представлениями и не вполне определенными функциями нового Фронта скрывалась идея Надя сделать ОНФ важным элементом политической структуры Венгрии, но ему этого не позволили. В начале 1954 г. он еще полагал, что ОНФ, его организации и комитеты будут осуществлять политический контроль за находящейся у власти компартией, однако к концу года ему пришлось осознать невозможность реализации этой идеи. На политбюро она встретила ярое сопротивление со стороны Ракоши и партийной бюрократии, которые фактически перешли во фронтальное наступление против реформ премьер-министра, а ОНФ назвали «скопищем» вражеских сил. Надь был вынужден отказаться от своего проекта и принять решение политбюро ЦР ВПТ о том, что Фронт должен оставаться движением, а не организацией со своей структурой. Поэтому в октябре 1954 г. на учредительном съезде ОНФ в его выступлении уже говорилось, что это «общественное движение, объединяющее широкие слои венгерского народа в интересах социалистического строительства» и «демократизации общественной жизни».

Тогда Надь уже чувствовал возросшее давление партаппарата и поэтому, ставя перед ОНФ ряд весьма актуальных задач, он обратился к делегатам съезда поддержать реформаторскую политику его правительства и дал такое напутствие: «Пусть станет Отечественный Народный фронт живой совестью страны, работает над осуществлением великих национальных целей, учитывает необходимость реализации патриотических обязательств, спрашивает за упущения, зорко следит за тем, чтобы во всех областях нашей государственной и общественной жизни соблюдались справедливость, законность, человечность. Задачей фронта станут формирование общественной морали, претворение в жизнь моральных правил нашей новой жизни в самых широких слоях населения, гарантия чистоты общественной жизни...» Надь высказался за сотрудничество коммунистов и

беспартийных, за то, чтобы ВПТ свою руководящую роль в ОНФ реализовывала не иначе как через работающих в нем членов партии¹⁹. Этот подход отразился и на составе избранных съездом руководящих органов. Из 104 членов Всевенгерского Совета ОНФ на ведущие посты были избраны совсем не руководители партии. Председателем ОНФ стал писатель П. Сабо, а генеральным секретарем — близкий к премьер-министру Ф. Яноши.

Надь пытался сделать ОНФ органом независимой и конструктивной критики, осуществляющим контроль со стороны общества за неограниченной партийной властью. В его планах ОНФ в какой-то мере мог бы компенсировать отсутствие многопартийности, помогал бы в той или иной степени устранять негативные явления, порождаемые абсолютным господством ВПТ, стать опорой государственной власти против всемогущества партийного аппарата. Это вовсе не означало, что дисциплинированный и всегда считающийся с партией коммунист Надь затеял какую-то борьбу с ВПТ. Ведь в своей речи на съезде ОНФ он призывал «спланироваться вокруг руководства страны», не оставлял сомнений в том, что считает Фронт «классово ориентированным». Надь не отходил от целей, обозначенных в программе партии 1948 года²⁰, но при этом считал необходимым иметь орган или форум, который способен предостеречь партию от повторения ошибок прошлого. В этой реформаторской инициативе Надя Ракоши и его сторонники узрели, однако, опасность превращения ОНФ во вторую партию и не желали упреждения его роли. ОНФ остался движением, в котором под руководством либо при участии партии должны были сотрудничать общественные организации. Поэтому учредительный съезд ОНФ принял устав движения, в котором уже и речи не было об индивидуальном членстве, а исключительно лишь о коллективном.

Уникальные реформы И. Нады, не имевшие на том этапе аналогов в социалистическом лагере, были, таким образом,

нацелены на разрыв со сталинско-ракошистским вариантом экономического и общественно-политического устройства, на преодоление кризиса путем некоторой демократизации и придания венгерскому социализму нового импульса, второго дыхания. Однако сплотившиеся вокруг Ракоши ретроградные силы с самого начала противились новому курсу Надя и, затаившись, не только всячески тормозили процесс реформ, но и вели против премьер-министра и его начинаний сначала «подковерную», а затем все более открытую борьбу. Это вынудило Надя 20 октября 1954 г. выступить в газете «Szabad Nép» со статьей, в которой он проинформировал страну о том, что в руководстве ВПТ, в госаппарате и в экономике имеются силы, которые препятствуют выполнению принятых на съезде партии решений. В статье указывалось также на преднамеренное торможение процесса реабилитации людей, незаконно арестованных. Обращение к общественности со ссылкой на коллективные решения, публичная попытка Надя изменить положение дел оказались, однако, запоздалыми. Реакция уже успела окрепнуть и начать массированную атаку на Надя и его реформы. Запоздалые действия премьер-министра свидетельствовали о том, что, подчиняясь партийной дисциплине, он долго не решался «выносить сор из избы». В итоге он оказался политиком более слабым и менее опытным, чем хитрый, закаленный в коминтерновских интригах Ракоши. Удобное время нейтрализовать своего постоянного соперника Надя упустил.

К концу 1954 г. ситуация резко изменилась. Ракоши, который осенью 1954 г. почти три месяца «лечился» в Москве, успел подготовить почву для дискредитации политики Надя в глазах Кремля. Причем это было сделано не без уловок и хитрости. В Москве Ракоши утверждал, что якобы все члены ЦР ВПТ против политики Надя, а вернувшись в Будапешт, внушал мысль о том, что Президиум ЦК КПСС осуждает взгляды премьера и обеспокоен ростом «правой

опасности» в Венгрии²¹. Так или иначе, ему удалось настроить руководство ВПТ против политики Надя.

В начале января 1955 г. в Москву была приглашена группа венгерских руководителей, где на основании информации Ракоши были рассмотрены взгляды и политика премьер-министра. Москва по ряду вопросов Надя поддержала, но его взгляды на ОНФ подвергла товарищеской критике и обвинила в «правом уклоне». Лично Надя не осудили, так как он обещал исправиться. Но в Будапеште, опираясь на одну из вопросительных фраз Хрущёва о Наде, сказанных им в ходе дискуссии, Ракоши развернул против него фронтальную атаку, мобилизуя для этого партаппарат. Сначала упорно добивались от него самокритики, но Надь не соглашался. Нападки ракошистов на премьер-министра особенно участились после удаления из советского руководства Маленкова. В начале марта 1955 г. Ракоши созвал заседание ЦР ВПТ, где Надя обвинили в преступном свертывании приоритетного развития тяжелой индустрии, в неправильной аграрной политике, а взгляды на ОНФ, на союз рабочего класса с крестьянством осудили. Характерно, что Москва даже после этого решения ЦР ВПТ считала возможным оставить Надя на посту главы правительства. Но гонения ракошистов на премьер-министра продолжались даже тогда, когда он с сердечным приступом оказался в больнице. И хотя Надь «отбивался» письмами в адрес ЦР, опровергая лживые слухи о себе (он сам отмечал: «...меня пытались полностью изолировать, заставить замолчать, но этого я не стерпел»)²², отразить нападки ему так и не удалось.

Надь, конечно, имел право выбора: совершить беспринципную самокритику и остаться на своем посту либо сохранить верность принципам. Как дисциплинированный партиец, решение ЦР ВПТ Надь считал для себя обязательным, но, будучи уверенным в своей правоте, он не захотел изменить самому себе. Поэтому отказался от унижительной и публичной самокритики, которую требовали от него Ракоши и

его окружение в письменном виде. В больнице Надя написал заявление об уходе со своего поста. Этот пост с апреля 1955 г. занял Андраш Хегедюш (р. 1922), но это не прекратило нападки на Надя. Экс-премьер, обвиненный с позиции воинствующего догматизма в «правооппортунистическом уклоне», вскоре был выведен из состава всех руководящих органов ВПТ²³, а затем 3 декабря исключен даже из рядов партии. Последнее он переживал особенно тяжело.

На уход И. Надя с поста, конечно, оказали влияние изменения международной обстановки, смена «политического ветра» в СССР, вызванные войной в Корее, восстановлением суверенитета Западной Германии, новой гонкой вооружений и пр., что требовало возврата к централизации и развитию тяжелой индустрии. Однако попытка возврата к старым порядкам не была принята народом и вскоре вызвала новую волну общественного недовольства.

Ракоши остановил реформы Надя, взявшись за полную реставрацию дореформенных отношений. Активную поддержку Ракоши неизменно оказывал советский посол Ю.В. Андропов. Венгерская интеллигенция, которая первой осознала грозящую опасность и поддерживала взгляды Надя, начала открыто выражать свое недовольство грядущим тоталитаризмом. С февраля 1956 г. она получила к тому дополнительный стимул в решениях XX съезда КПСС, что особенно насторожило ракошистов.

С весны 1956 г. в ВНР активизировались силы, оппозиционные режиму Ракоши. Они начали добиваться перемен. На новом идейно-политическом фоне ушедшая «эпоха реформ» Надя приобрела особую привлекательность. Пришли в движение писатели, философы, молодежь, проводились диспуты в дискуссионных клубах. Бывший премьер, не имеющий к этим акциям прямого отношения, невольно становился знаменем оппозиции. Начался ренессанс популярности и авторитета 60-летнего Надя. С юбилеем 19 июня 1956 г. его поздравляли многие выдающиеся люди Венг-

рии. Ракоши же со своей стороны начал поспешно составлять список наиболее опасных, на его взгляд, лиц, которых следовало срочно изолировать. В конце июня 1956 г. список «подлежащих аресту правых элементов» в первую очередь был составлен. В нем среди первых 400 фамилий значились Надь, Кадар²⁴ и бывшие социал-демократы. Реализовать свой план Ракоши, однако, уже не успел. Этому помешали последующие события и новое вмешательство Москвы.

Надь не подозревал о нависшей над ним угрозе, но в своем анализе положения в стране, предназначенном для ЦР ВПТ, обстановку он характеризовал как чрезвычайную, даже более опасную, чем в 1953 году. Причину опасности он видел в грозящей стране «бонапартистской диктатуре». В частности, он писал: «Не правда, что нельзя изменить нынешнюю политику и сменить руководство, поскольку это якобы может вызвать внутренние потрясения и приведет к усилению реакции и даже к контрреволюции. Напротив, страна, а вместе с ней и дело социализма окажутся на краю катастрофической пропасти, если срочно не осуществить необходимые коренные политические и кадровые изменения»²⁵. Предупреждение Надя оказалось пророческим. В стране резко возросло недовольство политикой Ракоши, и Москва предложила ему уйти со своего поста. Его место занял Герё. Прибывший в Будапешт А. И. Микоян 18 июля 1956 г. на пленуме ЦР ВПТ прямо заявил, что Ракоши больше не может оставаться руководителем ВПТ, к тому же отметил, что Президиум ЦК КПСС не считает правильным исключение Надя из партии и рекомендует вернуть его в свои ряды.

Надь сам добивался возвращения в ряды ВПТ и неоднократно, но тщетно «штурмовал» руководство письмами, ситуационными анализами и теоретическими очерками, безуспешно пытаясь через Андропова отправлять их дубликаты в Президиум ЦК КПСС. Его послания методично передавались Ракоши, который вообще не реагировал на

них. Надь писал о важных теоретических, морально-этических и актуальных политических проблемах: о левизне и демократии, о принципиальности и моральном кризисе, об искаженном толковании его реформ и пр. Вот выдержка из его письма: «За свои убеждения и взгляды, в прошлом и настоящем, я принимаю ответственность на себя. Я стерплю и глупую клевету, и пренебрежение, и изгнание, и даже публичное унижение. Готов нести ответственность и за свои ошибки, которые в самом деле совершал. Но не приемлю беспринципную сдачу своих позиций». И действительно, свои позиции он не сдавал. Надь предупреждал: «Власть все больше отдаляется от народа, она все четче противопоставляет себя ему. Народная демократия превращается в партийную диктатуру, которая опирается не на членов партии, а олицетворяет собой диктатуру личную»²⁶.

После пленума Ракоши покинул Венгрию, выехал в СССР, но родственный сталинизму ракошизм продолжал отравлять политическую атмосферу и общественную жизнь страны. Что же касается Нады, то с ним 19 июля были начаты переговоры об условиях возвращения в ряды ВПТ, завершившиеся через три месяца. Как отмечалось в докладе специальной комиссии ООН о событиях 1956 г. в Венгрии, Надь добивался «пересмотра выдвинутых против него идеологических и политических обвинений». Ссылаясь на 40-летнее членство в партии, Надь был готов «признать ленинский принцип демократического централизма, т. е. принятия решения партии, даже если он лично не был с ним согласен; при этом, однако, настаивал на том, чтобы учитывались особые условия социалистического строительства в Венгрии»²⁷. 4 октября 1956 г. он написал письмо в ЦК ВПТ с просьбой о восстановлении в правах члена ВПТ. Его просьба и положительное решение политбюро 14 октября 1956 г. были опубликованы в газете «Szabad Nép».

Замена партийного лидера, предпринятая Кремлем для предотвращения надвигавшейся катастрофы, на сей раз не

дала, да и не могла дать того эффекта, как в 1953 г., когда Надь возглавил правительство Венгрии. Инертность и бездействие характеризовали первые месяцы деятельности Герё, что никак не отвечало ожиданиям масс. Венгры были вдохновлены идеями XX съезда, ожидали демократических перемен и находились под прямым впечатлением вывода советских войск из Австрии, которая провозгласила свой государственный нейтралитет. Все это обнадеживало венгров, и они ожидали возможности пойти своим путем социалистического созидания. Люди ждали немедленного и безоговорочного разрыва с духом и практикой сталинизма, улавливали поразительное созвучие идей XX съезда с реформами Надя, находили в них параллели, надеялись на продолжение реформ. Но реальных изменений не происходило. Поэтому страна оказалась перед стремительно углублявшимся кризисом, ростом общественного недовольства.

23 октября 1956 г. в Будапеште студенческая молодежь провела митинг солидарности с польскими рабочими и потребовала от партийно-государственного руководства осуществить десталинизацию и демократизацию общественной жизни страны. К концу рабочего дня у здания парламента собрались сотни тысяч митингующих, в основном рабочих, солидарных с требованиями студентов. Беспомощное партийно-государственное руководство во главе с Герё не нашло разумного разрешения ситуации и пригрозило применением силы против митингующих. От лидера партии люди ожидали согласия на демократические перемены, но вместо этого слышали из его уст по радио угрозы и обидные эпитеты в свой адрес. Стихийно собравшаяся у парламента огромная масса людей начала требовать от растерявшейся власти выступления опального бывшего премьер-министра И. Надя.

Сначала ему позвонил заместитель главы правительства Ф. Эрдеи (1910–1971) и в расчете на его популярность в народе просил приехать успокоить толпу. Потом к нему домой

стали приезжать делегации с просьбой выступить у парламента перед народом. Надя сначала посетили два заместителя премьер-министра, члены политбюро партии, а затем его товарищи и единомышленники, делегации писателей... Его уговаривали, убеждали, чтобы он поехал, но Надя отказывался. Лишь после того, как было получено согласие самых высоких партийных инстанций и извещен Герё, — речь которого все еще передавалось по радио — Надя набросал проект своего выступления и на машине Совмина поехал к парламенту. Огромная масса людей у здания поразила его и заставила усомниться в своих возможностях. Он счел неуместным пользоваться своими набросками и, осознавая, что не имеет права обещать что-либо от имени правительства, говорил из окна здания парламента только от своего имени.

Суть сказанного Надем состояла в призыве мирно разойтись и доверить решение проблем политическому руководству страны. Он пытался успокоить собравшихся, но свою программу выхода из ситуации предложить не мог, да и не считал себя вправе делать это. Надя призвал к трезвости, к вере в будущее, выразил надежду, что расцвет социалистической демократии наступит²⁸. Его речь не удовлетворила собравшихся. Люди, потеряв всякую надежду, начали действовать по закону толпы.

Между тем студенты потянулись к зданию радио, надеясь встретить там Герё и поговорить с ним, разъяснить ему свои позиции и подлинные цели. Но его там не оказалось, к тому же делегацию студентов в здание не пустили, после чего те попытались передать своих требования руководству радиостанции для эфира, но и в этом было им отказано. Другая группа возбужденных людей направилась к грандиозному монументу И. В. Сталина и взялась за разрушение этого символа тирании. С демонтированного за считанные часы памятника (на пьедестале осталась лишь пара сапог) голову «вождя народов» отбуксировали к зданию советско-

го посольства. Так начинались так называемые беспорядки, которые переросли в стихийное народное восстание и стали началом революционной борьбы, десятилетиями именовавшейся официально «контрреволюционным путчем», ответственность за который возлагалась впоследствии на Надя и его единомышленников.

У здания радио произошла стычка с охраной, а затем появились и первые жертвы среди митингующих. Выстрелы, которые вряд ли могли прозвучать без согласия Герё и привели к кровопролитию, только усилили возмущение масс. На выручку охранявшему здание отряду безопасности власти направили поднятые по тревоге армейские части, надеясь, что те разгонят демонстрантов, но солдаты, оказавшись перед жертвами кровавой расправы и встретив тысячную толпу взбудораженных ею людей, отказались открывать огонь по соотечественникам. К тому же, разъяренная толпа окружила первые же грузовики с солдатами, разоружила их и открыла ответный огонь по зданию. С того момента столкновение начало приобретать характер вооруженного восстания. Для начального этапа революционной борьбы в целом характерным было то, что в конфликте между массами и партийно-государственной властью, — для ликвидации которого по инициативе Герё были приглашены советские войска, — соединения венгерской армии фактически не встали ни на чью сторону, сохранив нейтралитет²⁹.

На митинговом этапе развития событий еще можно было остановить нарастание конфликта, однако Герё и его окружение предпочли обратиться к силовым методам его решения, вовлекли в борьбу с народом и советские вооруженные силы. Надь случайно оказался невольным свидетелем телефонных переговоров Герё с советским руководством. Герё сначала обращался за срочной военной помощью для разгона митингов и демонстраций в Будапешт к Андропову, а он в свою очередь просил направить в столицу расквартированные в ВНР советские воинские

формирования, но генерал-лейтенант П. Н. Лащенко, командующий Особым корпусом в г. Секешфехерваре, без согласия Москвы на это не шел. Согласие он получил от начальника Генштаба ВС СССР, маршала В. Д. Соколовского, который по телефону отдал Лащенко приказ на выступление. В результате «телефонной дипломатии» Андропова, Герё и Хрущёва было получено согласие на советское военное вмешательство, и войска двинулись на Будапешт. Хрущёв при этом, понимая отсутствие конституционных правомочий у Герё на приглашение войск, оговорил необходимость оформления просьбы от правительства ВНР в письменном виде (такое ходатайство было подписано постфактум 28 октября, к тому времени уже бывшим премьер-министром А. Хегедюшем). Так или иначе, советские войска к утру 24 октября вошли в Будапешт, где вооруженные повстанцы заняли здание радио, но передать в эфир требования студентов не смогли, так как вещание уже было отключено. Ввиду отсутствия организованности у восставших и нейтралитета венгерской армии прибывшие на рассвете 24 октября советские части не встретили сопротивления, но вскоре в различных районах города — как реакция на военное вмешательство — начали возникать отдельные очаги стихийного сопротивления.

Надь, оказавшийся в ночь на 24 октября в здании ЦР ВПТ, был вовлечен в работу ночного заседания партийного руководства, где обсуждался главный вопрос: что нужно предпринять для разрядки ситуации? Он был единственным, кто сказал, что для этого Герё должен уйти с поста руководителя партии. А когда его спросили, готов ли занять пост премьер-министра, Надь ответил, что «в сложившихся условиях вовсе не желает» этого, но если на него, как члена партии, «возложат такую обязанность, то он это выдержит». Впрочем, Хегедюш в своих воспоминаниях отмечает, что в ту ночь, на 24 октября, Герё обратился к нему, действующему премьер-министру, с вопросом, как

он отреагирует на то, если правительство возглавит Надя, а он станет его заместителем. На Надя и его авторитет тогда надеялись многие. Это нашло выражение и в позиции Микояна на заседании Президиума ЦК КПСС 23 октября. Он тогда заявил, что «без Надя нам не овладеть этим движением»³⁰, к тому же, как он выразился, это обойдется «дешевле и нам». Следовательно, и Будапешт, и Москва посчитали важным использовать Надя для преодоления острейшего кризиса. Кстати, Микоян с самого начала сомневался в целесообразности вмешательства советских войск в события и предлагал Президиуму ЦК попытаться решить проблему политическими средствами в расчете именно на Надя. Москва тогда согласилась на изменения в венгерском руководстве, но настояла на сохранении Герё во главе партии. Надя 24 октября действительно согласился снова возглавить правительство, и был введен в состав руководящих органов ВПТ.

До этого, однако, по радио зачитали заявление правительства, в котором участников массовых протестов назвали фашистами, реакционерами и контрреволюционными элементами. Сообщение же о том, что ЦР ВПТ рекомендует избрать Надя главой правительства, появилось утром в 8 часов 15 минут. Надя еще не вступил в свои полномочия, когда уже от его имени объявили о введении чрезвычайного положения, что, кстати, еще больше осложнило ситуацию по стране и привело к всеобщей забастовке. Радио известило также о том, что «правительственные органы... обратились за помощью к советским войскам» для подавления контрреволюционного мятежа. Такое совпадение информации производило ложное впечатление о том, что иностранные войска приглашены правительством Надя. Было сообщено также, что он вот-вот сам обратится к народу, но его обращение прозвучало лишь в 12 часов 10 минут. Причиной такой задержки стал категорический отказ Надя зачитать текст, написанный для него Герё³¹.

Надь выступил с собственным текстом обращения. Он предложил полную амнистию тем участникам восстания, кто сложит оружие до 14 часов дня, обещал продолжить реформы по программе 1953 года. Его главным стремлением было избежать дальнейшего кровопролития. Своей попыткой примирения и посреднической ролью Надь сразу же обозначил свое место между народом и руководством во главе с Герё. Он явно не желал брать на себя просчеты лидера партии и прежнего правительства, стремился не к конфронтации, а к мирному преодолению противостояния.

Герё же оказался неспособным на это и вместо нужных своевременных политических решений втянул в вооруженный конфликт руководство СССР и его вооруженные силы. К И. Надю он был вынужден обратиться за помощью, чтобы попытаться остановить разраставшееся противостояние власти и народа, но, как и Ракоши в свое время, свободу действий ему не давал. Правда, использование Надя оказалось несколько запоздалым маневром беспомощной партийной власти. Благоприятный для нормализации ситуации момент уже был упущен. Простое возвращение Надя в руководство уже не смогло переломить ситуацию, тем более восстановить доверие к власти, пригласившей иностранные войска для разгона демонстрантов и митингующих. Надь, согласившись занять ответственный пост главы правительства без каких бы то ни было предварительных оговорок и условий, оказался в сложном положении. Власть по-прежнему оставалась в руках старых кадров, которые ему не доверяли. Премьер-министр был ограничен в своих возможностях, все его действия контролировались ракошистским штабом, что с самого начала мешало поиску мирного исхода. Его поиски встречали неприятие воинствующих сил в руководстве, делавших ставку на применение силы. Они же пустили слух, что именно Надь пригласил советские войска для наведения порядка, что явно препятствовало проявлению к нему доверия со стороны восставших. Эти обстоятель-

ства, да и сомнение улицы в возможностях Надя, мешали ему найти быстрые и эффективные решения для прекращения противостояния.

Надю, взявшему на себя обязанности главы правительства, в военных условиях требовалось немало выдержки, упорства и сил, чтобы добиться взаимопонимания со своим партийным руководством и согласовать свои действия с прибывшими в Венгрию А. И. Микояном и М. А. Сусловым. С другой стороны, необходимо было убедить и участников национального сопротивления в целесообразности взаимных уступок. Ему и самому сначала нужно было разобраться в ситуации, но его окружали партийные политики, которые, наоборот, мешали ему в этом. А прямых контактов с внешним миром у Надя, изолированного в охраняемом здании, фактически не было. Между тем с 24 по 28 октября в руководстве постоянно сталкивались две концепции: силового решения и мирного выхода из кризиса. Обстановка заставляла Надя в чем-то маневрировать, но он упорно добивался курса на политическое разрешение острейшей ситуации. Расхождения во взглядах в руководстве страны мешали поиску компромисса между противоборствующими сторонами. В результате сам Надя тоже оставался «чужим» как для «своих», так и для участников восстания. У него было мало шансов на успех, но он не сдавался.

Перелом в такой ситуации наступил после вооруженной провокации, развязанной 25 октября органами госбезопасности у здания парламента. К ее организации явно были причастны радикальные элементы в руководящих органах и силовых структурах. Причем, как сообщали в Москву Микоян и Суслов, «по нашим войскам было сделано несколько выстрелов с крыш прилегающих домов», а также открыт пулеметный огонь «по окнам зала заседания»³². Произошло это во время совещания венгерских руководителей с представителями Кремля, во время обсуждения вопросов, связанных с отставкой тех руководителей из высших органов

ВПТ и правительства, на которых ложилась ответственность за сложившуюся в стране ситуацию. Ответный огонь открыли стоявшие у парламента советские танки. События, в конечном счете, привели к гибели около ста человек и появлению большого числа раненых среди мирных участников митинга. Расстрел у парламента оказался не единственной попыткой запугать недовольных режимом, требовавших ухода Герё и вывода советских войск. Вооруженный разгон мирных демонстрантов теми же силами произошел в ряде городов страны (Дебрецен, Дёндёш, Дьёр, Залаэгерсег, Кечкемет, Мишкольц, Мошонмадьаровар, Надьканижа, Папа, Цеглед, Эстергом), где также были многочисленные жертвы. Но террор не остановил ни митинги, ни сопротивление. Скорее – наоборот. Участились требования роспуска УГБ, движение масс приобретало общенациональный характер, а Надь в случае дальнейшего применения силы против мирных демонстрантов пригрозил отставкой с поста главы правительства.

Озабоченный последствиями расстрела у парламента, нарастанием массовых демонстраций и митингов, Надь в интересах поддержания порядка просил увеличить патрулирование советскими военными не только в столице, но вместе с тем поставил вопрос об изменениях в политическом руководстве. В связи с массовыми требованиями еще 25 октября на заседании политбюро в присутствии советских представителей в итоге было решено, что Герё, хотя и остается членом политбюро, должен оставить пост лидера партии. Первым секретарем ЦК ВПТ стал Я. Кадар. Надь и Кадар выступили по радио и говорили о своей «крайней заинтересованности в скорейшем восстановлении порядка», о предстоящем созыве Госсобрания. Премьер-министр пообещал представить там «широкую и обоснованную программу реформ», направленную на осуществление преобразований «на основе сплочения самых широких демократических национальных сил ОНФ». Он заявил, что его правительство

«выступит с инициативой проведения переговоров об отношениях между СССР и ВНР, в частности о выводе советских войск»³³. Кстати, эта была единая согласованная с политбюро позиция, которую теперь разделял даже Герё, но она сразу же вызвала особую обеспокоенность Москвы.

В последующие дни шли трудные для Надя переговоры по согласованию неотложных изменений в правительстве и в руководящих органах ВПТ. Проведения этих мер требовала обострившаяся после 25 октября ситуация: манифестации и митинги не прекращались, что свидетельствовало о полном банкротстве политического курса руководящей ракошистско-герёевской группировки. Последняя еще вела свои арьергардные бои, сопротивляясь стремлению Надя на мирное урегулирование и поиски «примирения и сближения с нами интеллигенции и народных масс», не желая «пойти навстречу народному движению». 26 октября Микоян сообщал в Москву: «Мирное народное движение продолжается. Пока этим движением не смогли овладеть, и оно нарастает, особенно в провинции. Прибывают делегации от разных групп населения — рабочие, студенты, интеллигенция, которые требуют изменения в правительстве. Перед нами два возможных пути: отклонить все эти требования, не вносить изменения в состав правительства, опираясь на части Советской Армии, продолжать борьбу. Но в таком случае они (партия и правительство ВНР. — Б.Ж.) потеряют всякий контакт и доверие у мирного населения... Если мы пойдем по этому пути, мы пропадем. Поэтому венгерские товарищи считают приемлемым второй путь: это вовлечь в состав правительства нескольких видных демократов, сторонников народной демократии...интеллигентов, студентов, рабочих — 5–6 человек из 20–22 членов правительства»³⁴. Необходимость изменений в правительстве давно назрела, и это наиболее остро ощущал сам Надь.

Правительство Надя с самого начала ориентировало венгерские вооруженные силы не вступать в конфликт с

советскими войсками. В этом проявилось не только желание исключить их столкновения и жертвы, но и намерение сохранить верность как своему отечеству, так и социалистическим идеалам, Советскому Союзу. Это, однако, не мешало ему добиваться вывода советских войск в первую очередь из Будапешта. Надь считал это важным шагом для прекращения противостояния со стороны повстанцев. Следует учитывать, что в ходе восстания и последующего национального сопротивления народ не переставал требовать вывода советских войск, уважения национально-государственного суверенитета, а также ликвидации ненавистных органов госбезопасности, признания органов местного самоуправления, введения многопартийной системы и т. п. Надь и его правительство знали об этих требованиях и искали взаимоприемлемое решение. Правда, на первом этапе борьбы, когда во власти определяющей оставалась позиция сторонников Герё, достижение компромисса было невозможным. Принципы и намерения Надя, его основные подходы к решению проблемы были ясны. Реализацию же этих устремлений тормозили ретроградные силы руководства. Как справедливо сообщали 26 октября в Москву Микоян и Суслов, для преодоления кризиса Надь справедливо считал недостаточным опираться лишь на советские войска. Поэтому, наряду с ликвидацией очагов вооруженного сопротивления, он собирался «проводить политику примирения и сближения с нами интеллигенции и народных масс, пойти навстречу народному движению, с тем чтобы возглавить это народное движение... и сохранить народно-демократический строй»³⁵.

Стремясь к урегулированию вооруженного конфликта, к нормализации ситуации с последующей демократизацией общественно-политической жизни в духе своих реформаторских представлений о демократическом социализме, Надь добивался согласия руководства ВПТ и кремлевских эмиссаров пойти навстречу движению масс. В результате

было объявлено о прекращении огня как предпосылке диалога с повстанцами. Затем в правительство начали приходить делегации профсоюзов, стихийно возникших рабочих, национальных и революционных Советов, самоуправляемых организаций, которые отвечали за поддержание порядка на местах. Они принимали курс Надя на демократический социализм, но настаивали на необходимости вывода советских войск, ставили вопрос о переходе к реальной демократической многопартийности и пр. Но эти реальные шаги, направленные на диалог правительства с населением, появление общих точек соприкосновения стали возможными лишь после перемен в правительстве и руководстве ВПТ. Другой вопрос, что «уступчивость» Надя начала вызывать в Москве опасения.

Среди мер, выработанных и принятых совместно партией и правительством Надя в последующие дни, направленных на скорейшее изменение положения в стране, особое место занимала радикальная переоценка венгерских событий. Характерно, что этот вопрос обсуждался на политбюро ЦК ВПТ 28 октября в присутствии Микояна и Суслова. Причем проект предложений о переоценке «контрреволюции» и о роспуске органов госбезопасности представил Кадар, явно солидарный с Надем в этих вопросах. Решались и другие проблемы, в частности проблема вывода войск, которая после дискуссий в венгерском руководстве и обсуждения в советском посольстве, казалось, была решена. Выступая, Кадар отметил, что следует дать возможность повстанцам сложить оружие «без того, чтобы считать их контрреволюционерами», и сам высказался за переоценку событий. Но при этом он остерегался назвать это «движение просто национальной революцией», мотивируя это тем, что тогда «каждый, кто против нас, революционер, мы же контрреволюционеры». Он призывал к поиску «приемлемой формулировки». Касаясь вывода советских войск, Я. Кадар говорил: «Как мы просили их

участвовать в боях, так можем просить и о выводе войск из боев», а будут ли они выведены из страны или нет, «зависит исключительно от решения Советского Союза». Микоян, призвал решительнее осудить ошибки прежнего руководства страны, а правительству Надя предложил выходить к рабочим на собрания и требовать от повстанцев прекращения борьбы. «Мы уважаем товарища Надя, он искренний человек», — подчеркивал он. А затем советовал ему «не поддаваться влиянию других», проявлять больше твердости и договариваться с профсоюзами, «убеждать их в правильности нашей линии»³⁶.

Надь, реагируя на замечания Микояна, заявил: «В этой трагической ситуации, в которой мы оказались, сам факт, что вопросы всплывают случайно, свидетельствует о крахе партийного руководства... Уже вчера я поставил вопрос о том, что такое руководство дальше терпеть нельзя... Товарищ Микоян, обращаясь ко мне, сказал, что нужно твердо стоять на своем. Но я не буду твердо стоять там, где интересы партии требуют идти дальше. Я не проявлял твердости и в отношении той позиции, на которой стояли ЦР и политбюро. Моя позиция была верная, я отстаивал то же самое, что и сейчас. Есть две возможности: если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, как мы и оценивали его поначалу, то не остается другой возможности, как подавить его с помощью оружия, танков и артиллерии. Это трагедия. Теперь нам уже ясно, что это не наш путь. Мы создали крайне сложную ситуацию для Советского Союза и для своей страны, которую захлестнет контрреволюция... Нужно встать во главе тех огромных, мощных народных сил, которые пришли в движение. А это возможно только в том случае, если оценивать события так, как сегодня». Затем добавил: «Нужно вывести советские войска из боев и одновременно ввести венгерские части; нужно опираться на армию, на демократическую полицию, на рабочих, и я не исключаю, что и на студенчество»³⁷.

Это решительное выступление Надя, по сути, убедило политбюро ЦР ВПТ принять решение, которое произвело настоящий перелом, и не только в оценке происходящих событий. 28-го же октября было решено реорганизовать партию, и ЦР ВПТ объявило о самороспуске, возложив свои полномочия по принятию политических решений на образованный Президиум партии в составе 6 членов (Я. Кадар, И. Надь, А. Апро, Ф. Мюнних, К. Кишш, З. Санто). Президиум заявил, что в Венгрии произошло национально-демократическое восстание. Надю было поручено выступить с правительственным заявлением, в котором предлагалось обнародовать данную переоценку и указать, что и она, и намеченные меры принимаются правительством с согласия партии. Характерно, что Надь с Кадаром во всех вопросах находили взаимопонимание и вплоть до начала ноября 1956 г. занимали единую позицию. Это касалось как выхода из вооруженного противостояния, так и вывода советских войск, а также проблем политической демократизации страны и партийной жизни. Необходимо было реорганизовать ВПТ, спасти партию, так как, дискредитированная бывшими руководителями, она оказалась не только парализованной, но фактически распалась за считанные дни. Возрождаемой по инициативе Надя партии было решено дать название «Венгерская социалистическая рабочая партия» (ВСРП), в надежде тем самым избавить ее от тяжелого ракошистского наследия. Причем по замыслу Надя ВСРП должна была стать не единственной господствующей партией, а одним из ключевых факторов будущей подлинной парламентской демократии, партией, ориентирующейся на плюрализм и независимость страны.

После заседания руководства и принятия им еще в полном составе соответствующих решений отстраненные от власти партийно-политические деятели (Э. Герё и А. Хегедюш, а также министр обороны И. Бата, министр внутренних дел Л. Пирош и др., по вине которых разразился

венгерский кризис и в вооруженный конфликт были вовлечены советские войска) в интересах их же безопасности были отправлены в СССР. Разумеется, все это совершалось с согласия Москвы и диктовалось политической целесообразностью. Отстранение и срочная эвакуация этих обанкротившихся политиков были призваны облегчить правительству Надя поиск диалога с повстанцами и способствовать стабилизации положения в стране.

В составе правительства, согласно договоренностям, начались изменения. Повторно согласовав с руководством партии свое выступление, премьер Надь вечером 28-го выступил с заявлением о прекращении огня и о переоценке октябрьских событий. Он квалифицировал их в качестве «широкого национально-демократического движения, охватившего весь наш народ». Указав на причины недовольства и массового протеста, Надь признал, что это «мощное движение было вызвано тяжкими преступлениями недавней исторической эпохи», что оно преследовало цель «обеспечить нашу национальную независимость, самостоятельность и суверенитет». Правительственное заявление Надя, безусловно, было направлено на поиск выхода из сложившейся острой кризисной ситуации с тем, чтобы нормализовать положение, добиться общенационального согласия и примирения. Говоря о целях «правительства демократического национального единства», возникшего в борьбе, Надь отметил, что оно отстаивает независимость и социализм, должно стать подлинным выразителем чаяний народа». Он отметил, что правительство надеется завоевать полное доверие населения страны. Конкретизируя основные цели и задачи правительственной программы, Надь говорил о повсеместном прекращении огня и роспуске органов госбезопасности, ликвидации однопартийной системы и скорейшем формировании кабинета национального согласия на плюралистической основе, о договоренности с представителями Кремля об отводе советских войск из Будапешта, о

восстановлении запрещенных ранее национальных праздников, государственной символики и пр. Одним из пунктов программы предусматривалась нормализация отношений между ВНР и СССР «в духе венгеро-советской дружбы, на основе принципов равноправия социалистических стран и национальной независимости»³⁸, упоминалось также о будущих переговорах относительно вывода войск из страны.

В Москве, однако, думали иначе. В Президиуме ЦК КПСС уже 28 октября взяли верх сторонники силового решения венгерского кризиса, и изложенные в правительственной программе Надя идеи не нашли понимания, а вопрос о выводе войск вообще вызвал бурю эмоций и осуждение. Наиболее воинственно настроенные члены Президиума сочли программный тезис Надя о многопартийности, о будущих переговорах по выводу войск недопустимым, а готовность премьера и Кадара к переговорам с «очагами сопротивления» вообще вызвала подозрение. К. Е. Ворошилов предложил отказаться от вывода войск даже из Будапешта и назвал Надя «ликвидатором». В дискуссии, судя по протокольным записям заведующего Общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малина, члены Президиума заговорили об «активизации контрреволюции», указали на отсутствие «твердого руководства» и нерешительности Кадара, которому Л. М. Каганович предложил «дать направление» на «нейтрализацию» движения. Н. А. Булганин поднял вопрос о необходимости «назначить правительство самим»³⁹. Хрущёв, подводя итоги, сказал, что в ВНР нам не нужно правительство, «которое будет просить вывести войска». Наряду с выражением сомнения в лояльности Надя, он предположил также возможность «перехода (венгерских. — Б.Ж.) войск на сторону восставших» и допускал, что Надя может «вернуть против нас, потребовать прекращения огня и вывода войск, а затем и капитуляции»⁴⁰.

Недоверие к Надю явно подогревала и не вполне корректная информация, получаемая от его старых противни-

ков (Ракоши, Герё и др.), а также из донесений им сочувствующих Андропова и генерала КГБ И.А. Серова. Так или иначе, это означало неприятие предлагаемого премьер-министром варианта мирного преодоления кризиса. Для доклада на заседании Президиума о положении в Венгрии 28 октября был вызван в Москву Суслов. После этого Президиум все же дал согласие на прекращение огня и на вывод войск из Будапешта. Было решено сохранить видимость поддержки правительства И. Надя⁴¹, но не более. Советским эмиссарам в Венгрии Москва дала указание прекратить все дальнейшие уступки партийно-правительственным кругам ВНР и рекомендовала отказаться от «соглашательства» с повстанцами, определив грань «допустимых уступок»⁴². Президиум ЦК КПСС принял решение о подготовке «политически выгодной для нас декларации» в связи с положением в Венгрии. Такой проект был подготовлен 30 октября и стал известен в качестве «Декларации Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами»⁴³.

В Венгрии же, как показали события последующих дней, именно комплекс мер, предпринятых правительством Надя, привел к прекращению вооруженных стычек и начавшейся нормализации ситуации. Страна поверила обновленной коммунистической власти и поддержала создание правительства на коалиционной основе. В те дни всех интересовал вопрос о сроках вывода советских войск и наказании гэбистов, совершивших преступления. Он был задан и Надю, который ответил на него так: «Благодарите советские органы, ведь вывод войск не простая задача, было бы наивным определить точную дату. А органы безопасности нужно реформировать и реорганизовать»⁴⁴. В конце октября — начале ноября 1956 г. все видимые внутренние и внешние признаки говорили о том, что борьба за придание венгерскому социализму более привлекательных, гуманистических

черт одержит победу. Ничто не предвещало новых столкновений и испытаний. В Будапеште налаживалась мирная жизнь, заработал транспорт, горожане приступили к уборке территорий и очистке улиц от руин. Но именно в день вывода советских войск из столицы, 30 октября, диссонансом прозвучал пущенный кем-то слух, что в подвалах горкома партии переодетые гэбисты все еще держат заключенных. Толпа бросилась их освобождать. Жертвой этой последней вооруженной стычки стал и сторонник Надя, секретарь горкома партии И. Мезё, который еще до 23 октября предостерегал его о возможных провокациях ракошистов против него. Кроме этого эксцесса ничто больше не нарушило внутреннее спокойствие. На свободу было отпущено около 3,5 тыс. политических заключенных. На базе армии и полиции, с незначительным привлечением участников восстания, формировалась Национальная гвардия, призванная охранять общественный порядок после ухода советских частей. С 31 октября Надя, понимая значение партии в новых условиях, настоял на образовании Временного оргкомитета по возрождению ВСРП. Население жило в ожидании наступающего примирения как с советскими войсками, так и со своим обновляющимся партийно-государственным руководством. Эти и другие признаки консолидации, сплочения почти всех сил вокруг политики правительства Надя давали надежду на перспективу.

Мирному исходу, казалось, благоприятствовали и внешние условия. Надя обнадеживали дух и смысл опубликованной 31 октября советской правительственной декларации о принципах взаимоотношений между социалистическими государствами. Ведь в ней провозглашалось, что «страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга». Указывалось, что истори-

ческие решения XX съезда создают условия для укрепления дружбы между соцстранами «на незыблемой основе соблюдения полного суверенитета каждого социалистического государства». Была выражена готовность совместными усилиями «устранить какие бы то ни было возможности нарушения принципов национального суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях», отозвать из стран своих советников, рассмотреть вопросы пребывания советских войск на территории Венгрии, Румынии, Польши. Отмечалось, что трудящиеся ВНР «достигли большого прогресса на основе народно-демократического строя, справедливо ставят вопрос о необходимости устранения серьезных недостатков в области экономического строительства, о дальнейшем повышении материального благосостояния, о борьбе с бюрократическими извращениями в государственном аппарате, однако к этому справедливому и прогрессивному движению трудящихся вскоре примкнули силы, которые пытаются использовать недовольство для того, чтобы подорвать основы народно-демократического строя». Было выражено также «глубокое сожаление, что развитие событий в Венгрии привело к кровопролитию». Вслед за этим сообщалось, что военному командованию в ВНР дано «указание вывести советские воинские части из Будапешта, как только это будет признано необходимым Венгерским правительством» и было заявлено о готовности вступить в переговоры «по вопросу о пребывании советских войск на территории Венгрии»⁴⁵.

Была достигнута договоренность о проведении с 3 ноября советско-венгерских межправительственных переговоров об условиях будущего вывода войск из Венгрии. Ситуация умиротворения и покоя оказалась однако призрачным затишьем перед новой бурей. Правительство Надя не догадывалось, как Кремль на самом деле оценивает его намерения частичной либерализации политической жизни и вывода советских войск из страны. Оно не могло знать и о готовив-

шейся военной операции, направленной на ликвидацию революционных завоеваний. А такое решение принималось в Президиуме ЦК КПСС, где 31 октября – 2 ноября 1956 г. ежедневно обсуждалось положение в Венгрии, рассматривались кардинальные меры, направленные на прекращение всех дальнейших экспериментов Надя по мирному выходу из кризиса и демократизации венгерского социализма. В те дни Москва выразила полное недоверие его намерениям и действиям. Посчитала их неприемлемыми при единственно возможном советском варианте социализма, а попытку реальной многопартийности – недопустимой уступкой силам «контрреволюции». Самого Надя некоторые члены Президиума ЦК подозревали уже не только в слабости, но даже в измене и в предательстве дела социализма. В итоге 30–31 октября окончательно было решено развязать венгерский узел именно путем военной интервенции, что на уровне пропаганды стало именоваться спасением дела социализма, подавлением «контрреволюционного мятежа».

Вынесению осуждающего вердикта политике Надя и состоянию дел в Венгрии, как отмечалось, помогли Ракоши, Герё и др., которые, встречаясь с представителями советского руководства, подливали масла в огонь. Ракоши, вспоминая о своей встрече с Хрущёвым по этому поводу, утверждал, что советский лидер сам представил ему весьма мрачную картину положения в Венгрии, где якобы «собственного правительства уже не существует», и поэтому считал необходимым перед началом военной операции «создать контрправительство... которое обратится к СССР и с его помощью разгромит силы контрреволюции». Такую идею Ракоши сразу же одобрил, с удовлетворением отметив, что его «решительная позиция не могла не оказать влияние на членов Президиума». «Я заявил, что если к утру в воскресенье, 4 ноября, мы не сможем начать эту операцию, то в тот же день (в Венгрии. – Б.Ж.) развернется кровавая расправа, которая будет стоить жизни многих наших товарищей»⁴⁶.

Разрешение кризиса путем военного вторжения, «наведение порядка» при помощи танков и артиллерии, полная ликвидация революционных завоеваний требовали соответствующей подготовки. Она, как и механизм принятия Кремлем решений, нашла документальное подтверждение в тех же протокольных записях Малина. На заседании Президиума ЦК 31 октября было решено «не проявлять слабость своих позиций», «войска не выводить... и проявить инициативу в наведении порядка». Ответственным за разработку плана военной операции был назначен министр обороны, кандидат в члены Президиума маршал Г. К. Жуков, а маршалу И. С. Коневу поручалось срочно подготовить приказы и выехать в Венгрию. Обеспечение пропагандистской стороны будущей операции возлагалось на Л. И. Брежнева, Е. А. Фурцеву и секретаря ЦК П. Н. Поспелова. Обсуждался вопрос и о создании для Венгрии Временного революционного правительства, но еще не было решено, кто его возглавит — Кадар или бывший участник гражданской войны в России, действующий глава МВД ВНР Ф. Мюнних. Но судьба правительства Надя уже была предрешена. Хрущёв полагал, что, именно «Мюнних обратится к нам с просьбой о помощи, мы оказываем помощь и наводим порядок». Из членов Президиума лишь М. З. Сабуров выразил беспокойство возможными последствиями военного вторжения и отметил, что «нельзя руководить против воли народа»⁴⁷. Характерно, что Ракоши, Герё и Хегедюш также советовали советскому руководству сделать Мюнниха главой контрправительства, но после консультации Хрущёва с И. Тито Кремль остановился на кандидатуре Кадара. Последнего 1 ноября Мюнних по просьбе Андропова доставил в советское посольство, откуда они вместе были отправлены в Москву, где Кадар дал согласие возглавить проектируемое правительство.

На заседании Президиума 1 ноября вновь изложил свое мнение о ситуации в Венгрии Суслов. На сей раз он говорил об «опасности буржуазной реставрации», которая «по-

дошла вплотную» и которую можно устранить «только с помощью оккупации», создания «правительства, поддерживающего нас». Правда, он все же добавил, что не считает Надя организатором восстания, хотя «его имя использовано». Серов, наоборот, утверждал, что «Надь все-таки был связан с повстанцами»⁴⁸. У Микояна, который несколько позже прилетел из Венгрии, было несколько иное видение ситуации в стране. Он попытался добиться пересмотра уже принятого Президиумом 31 октября решения и предлагал «поддержать нынешнее правительство»⁴⁹, то есть Надя. Правда, переломить ситуацию ему уже не удалось, заведенный механизм военной машины подавления остановить было уже невозможно. Даже Жуков, который 30 октября еще высказывался за вывод войск из Будапешта, «а если потребуется – вывести из Венгрии»⁵⁰, на сей раз стоял «за решительные действия».

Планы проведения конкретных военных и прочих операций в Венгрии были окончательно одобрены Президиумом ЦК 2 ноября. Тогда и там же с относительно умеренной оценкой ситуации выступил Кадар, отметив, что декларация советского правительства произвела на страну «успокаивающее впечатление». Судя по протоколам Малина, сам Кадар каких-либо основательных выводов не сделал, но это уже ничего не меняло. План по «наведению порядка» вступил в активную фазу реализации. На следующий день протокол Малина зафиксировал также согласие Микояна на формирование правительства Кадара, но при этом он счел нужным оговориться: «На одном хотел бы остановиться: весь народ (участвует. – Б.Ж.) в движении. Народ не хочет ликвидировать народно-демократический строй. Усиливаемся в военном отношении – слабее становимся в политическом». Кстати, Хрущёв в своем выступлении основной причиной венгерского кризиса назвал тогда именно «ошибки» Ракоши, Герё и других, которые довели страну до кризисного состояния. Вспоминая лето 1956 г., он давал такую

оценку: «Моя и Микояна вина, что Герё предложили, а не Кадара. Поддались Герё... Исключение Имре Надя из партии было ошибкой при глупости Ракоши»⁵¹. Конечно, все эти высказывания, оценки и предложения были произнесены на закрытом форуме, но принятых решений о вооруженном выступлении против революционных завоеваний и правительства Надя не меняли.

31 октября на Президиуме ЦК КПСС еще предлагалось оставить Надя, при его личном согласии, даже в будущем правительстве Кадара в качестве заместителя премьер-министра. Таким образом, отношение к Надю хотя и было поставлено под вопрос, но с ним еще считались. Правда, Хрущёв предъявил к нему требование: если Надь сам не уйдет в отставку, то следует считать, что он «находится на службе у врага»⁵². Мы не располагаем сведениями, узнал ли об этом условном ультиматуме Надь, но остается фактом, что Москва его тогда еще окончательно не списала и предполагала использовать. Необходимо учитывать, что Надь, будучи всю сознательную жизнь связанным почти в равной степени с Москвой и Будапештом, конечно, не был ни предателем идеи социализма, ни тем более врагом или представителем «контрреволюционных кругов», что ему впоследствии приписывалось, но он, безусловно, хотел довести до конца начатое дело мирного выхода страны из тяжелейшего конфликта. Надь доверял Кремлю, поверил в искренность заявления советского правительства и, естественно, хотел строить отношения постреволюционной Венгрии с СССР на провозглашенных принципах, мечтал реализовать свое представление о демократическом социализме. Но сделать этого ему не дали, причем сделали это не силы «контрреволюции», а вооруженная интервенция братской социалистической державы.

Будучи главой кабинета, который согласно договоренностям начал пополняться отдельными министрами, представляющими некоторые возрождающиеся демократичес-

кие партии, он с 31 октября впервые стал ощущать тревожные сигналы недоверия к себе со стороны советского руководства. Происходило это в условиях несогласованного ввода в страну новых советских воинских формирований, когда от Андропова он не мог получить внятного ответа, почему это происходит. Ситуация насторожила кабинет министров и самого И. Надя, взявшего на себя 1 ноября исполнение также функций министра иностранных дел ВНР. Тогда же исчез и Кадар, с которым они начали заниматься срочным возрождением компартии. Надь, занятый делами реорганизации правительства и добивающийся скорейшего воссоздания ВСРП, стал искать Кадара, но не смог его найти. Интересовался о нем и в советском посольстве, но и там его не оказалось. В те дни Надь вплоть до 3 ноября ежедневно встречался с Андроповым, добиваясь от него разъяснений и ожидая ответа из Москвы относительно продолжающегося притока в страну советских вооруженных сил, но, несмотря на протесты и официальные предупреждения венгерского МИДа, получал от посла исключительно уклончивые ответы. Разумеется, за непрекращавшимся вводом в страну советских войск на деле уже открывалась начатая под руководством главкома Организации Варшавского договора (ОВД), маршала Советского Союза И.С. Конева подготовка к военной операции под кодовым названием «Вихрь»⁵³, направленной на ликвидацию завоеваний венгерской революции.

Надь осознал, что ему чего-то не договаривают, от него что-то скрывают. Андропов же не менял своей тактики даже после ряда официальных предупреждений о том, что при продолжении военного вторжения правительство Венгрии будет вынуждено заявить о выходе страны из ОВД, провозгласит статус нейтрального государства и обратится за помощью к ООН. Протесты Надя, его заявления о выходе из ОВД и нейтралитете ВНР лишь раздражали советское руководство. Так и не получив ответа по существу, Надь понял, что его используют. Как это вытекает из телеграммы

Андропова в Москву от 2 ноября, Надь сначала подозревал его в том, что посольство под его началом занимается «нехорошими делами». «Надь очень нервничал, — отмечалось в телеграмме. — Он сказал, что поведение Советского правительства по отношению к новому правительству ВНР является беспрецедентным и недоброжелательным, что он, как премьер и представитель коммунистической партии, поставлен в весьма затруднительное положение тем, что советские войска, несмотря на все протесты венгерского правительства, продолжают вновь и вновь прибывать на венгерскую территорию... Будапешт, по существу, окружен советскими войсками. Сегодня утром 1300 танков перешли венгерскую границу... Венгерское правительство с трудом удерживает свою армию от нападения на части советской армии, что, по словам Нады, явилось бы роковым шагом»⁵⁴. Далее приводились слова Нады о том, что «правительство ВНР вновь и вновь заявляет, что оно и в дальнейшем желает поддерживать с СССР далеко идущие дружеские связи». Но все это уже не меняло положение вещей.

Воспитанный на ленинских принципах и верности СССР, всегда держащий свое слово, преданный идее и делу партии, не меняющий своих убеждений и принципов, дисциплинированный политик И. Надь, который всегда строго соизмерял свои поступки с партийными интересами и высокими идеалами, оказался перед дилеммой. В этой ситуации премьер-министр ВНР, которого связывали обязательства перед страной и народом, вместе со своим правительством пришел к выводу о необходимости реализации тех мер, о которых он предупреждал советского посла. При этом он, все еще надеясь на ответ из Москвы, не раз повторял Андропову, что в случае прекращения военного вторжения правительство Венгрии готово отозвать свою телеграмму Генеральному секретарю ООН. Но Кремль хранил молчание.

Советское руководство готовилось отстранить возглавляемое Надем коалиционное правительство от власти, лик-

видировать завоевания революции. Серьезность принятого венгерским правительством решения соответствовала о серьезности и ответственности ситуации, и Надь понимал это. Он, не раз обвиненный и отстраненный от политической жизни своими соратниками, по сути, никогда не менял свои позиции и убеждения. Так поступил он и тогда, когда на восьмой день революции, преодолев сомнения и самого себя, рискуя репутацией убежденного партийца, всегда преданного как своей родине, так и СССР, принял окончательное решение. Действия и поступок премьер-министра венгерские историки М. Молнар и Л. Надь оценивают так: «Что касается принципов и преданности идее, то Имре Надь был непоколебим. „Изменял” он им лишь тогда, когда, ссылаясь на партийную дисциплину, требовали от него предать свои принципы, лгать во имя самокритики, предать родину ради верности Советам. Он был человеком честным, но этого советские руководители не знали»⁵⁵. В докладе упомянувшейся выше специальной комиссии ООН, составленном по свежим следам событий, на базе опроса большого числа граждан ВНР было зафиксировано преобладающее мнение о Наде: «Он, хотя и был коммунистом, все же считался настоящим венгром, честным и смелым человеком, правда, — как указывали некоторые, — слабым политиком»⁵⁶. Эти оценки, как и сомнения в способностях и искусности Надя как политика, вполне обоснованны.

Слабость Надя как премьер-министра заключалась далеко не в его честности или неопытности (хотя эти факторы также имели место), а скорее вытекала из predeterminedности ситуации, при которой советская сторона лишь делала вид, что принимает, а на деле отвергала предложения венгерского премьера. Ведь эти предложения предполагали не только мирный выход из кризиса, но и видоизменение венгерского социализма, чего система не могла допустить. Надь же, устремления которого были созвучны идеям XX съезда КПСС, поверил этим идеям, советским заявлени-

ям и упорно искал возможность реализации своих демократических намерений. Другой вопрос, что эти попытки в тех реальных условиях были сродни идеализму, следовательно, так или иначе считались недостатком либо слабостью политика, хотя демократическая многопартийность обещала явный политический эффект. Неискушенность и наивность доверчивого Надя-политика просматривалась и в ряде других моментов.

Вопреки необычному поведению Андропова и затянувшемуся ожиданию ответа из Москвы о причинах передвижения войск, уход советских частей из Будапешта и публикация правительственной декларации, а также получение согласия Кремля начать с 3 ноября межправительственные переговоры об условиях вывода войск из Венгрии еще оставляли правительству Надя надежду на продолжение диалога. В тот день в Будапешт прибыла советская делегация во главе с генералом армии М. С. Малининым для участия в переговорах о выводе войск, первый тур которых прошел днем в здании венгерского парламента. Стороны быстро достигли договоренности о прекращении дальнейшего ввода свежих советских сил на территорию ВНР, а также о том, что при выполнении венграми ряда условий находящиеся в стране вооруженные силы с 12 ноября 1956 г. по 31 января 1957 г. будут выведены из страны. Техническую сторону вывода войск было решено обсудить во время продолжения переговоров, намеченного на 22 часа. Члены венгерской правительственной делегации (ее глава министр без портфеля Ф. Эрдеи, министр обороны П. Малетер, начальник генштаба И. Ковач и полковник М. Сюч) в 15 часов проинформировали И. Надя о ходе переговоров, выразив общее мнение, что советская сторона принимает венгерские предложения⁵⁷. Малетер сказал главе правительства, что условия, выдвинутые советской стороной, выполнимы. Второй, ночной, раунд переговоров проходил в советском военном городке Тёкёл, под Будапештом. Он был, однако, прерван

действиями одетого в парадную форму председателя КГБ СССР И. А. Серова, который с группой вооруженных офицеров ведомства, войдя в зал заседания, арестовал венгерскую делегацию, предварительно лишив ее связи со своим правительством.

Почти одновременно с этим 4 ноября 1956 г. в 4 часа утра советские вооруженные силы начали массированные боевые действия против революционной Венгрии. Официально, в соответствии с приказом главнокомандующего Объединенными вооруженными силами ОВД И.С. Конева, эти действия мотивировались необходимостью «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма»⁵⁸. Тогда же на волнах радиостанции г. Солнока прозвучало воззвание Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Кадара к венгерскому народу. В нем говорилось об ошибках, допущенных Ракоши и Герё, о происках контрреволюционных сил, которые взяли верх «при попустительстве кабинета Имре Надя». Это правительство в составе Кадара, Мюнниха и др. обратилось к советскому командованию, чтобы «оно помогло нашему народу обуздать черные силы реакции, восстановить народно-демократический строй, восстановить порядок»⁵⁹.

Наступательные боевые действия советских войск, предпринятые с целью свержения правительства Надя, ликвидации завоеваний революции и восстановления советского варианта социализма в Венгрии, привели к вступлению в бой на стороне восставшего народа и части венгерских вооруженных сил. Венгерский военный исследователь И. Такач в этой связи пишет: «Советское руководство... прислало дополнительные подкрепления в Венгрию. Советские войска ничем не рисковали, имея в своем распоряжении 11 дивизий и 2000 танков. Четвертого ноября, в 5.30 утра, премьер-министр Надь выступил по радио с со-

общением о полномасштабном нападении советских войск на Будапешт». Такач отмечает также, что «на рассвете советские войска напали на нашу столицу... наши вооруженные силы вступили в бой»⁶⁰. Боевые действия в отдельных точках сопротивления продолжались до середины ноября, а стихийно возникшие органы революционной власти на местах продолжали функционировать вплоть до середины декабря 1956 г., хотя сама революция уже была подавлена. Отдельные исследователи считают, что сопротивление повстанцев и части венгерской армии советским войскам превратило события в ВНР в первую войну одной социалистической страны против другой⁶¹. Венгры с 23 октября 1956 г. по январь 1957 г. в ходе вооруженных столкновений и сопротивления только в Будапеште потеряли убитыми 1950 человек, по стране в целом – 2,5 тысячи (причем из них 58 % составляли рабочие), численность раненых достигла более 20 тыс. человек (в т. ч. 50 % – молодые люди до 30 лет). Официальные данные о потерях советских войск таковы: 720 погибших, скончавшихся от ран или пропавших без вести, а также 1540 раненых⁶². По другим сведениям, численность погибших с советской стороны исчисляется «2000 человек, включая тех, кто присоединился к венграм, побратавшись с ними»⁶³.

Поражение революции, потеря надежды на демократизацию страны привели к тому, что Венгрию покинуло значительное число беженцев – 211 тыс. человек⁶⁴. Они «проголосовали» ногами против возрождения прежнего режима, который только с конца 1956 г. и до конца 1959 г. подверг арестам и судебным разбирательствам 35 тыс. человек, из них 22 тыс. были осуждены к различным срокам тюремного заключения. Число казненных составило 350 человек, кроме того, без суда и следствия в лагеря были заключены 13 тыс. человек⁶⁵. Среди жертв реставрации режима, поплатившихся своей жизнью, были И. Надь и его соратники.

Надь с частью членов своего последнего кабинета во время военной операции нашел убежище в здании посольства Югославии в Будапеште. Судя по официальным документам, опубликованным в тематическом сборнике совместной комиссии историков России и Венгрии в Москве в 1998 г., хрущевское руководство планировало арест Надя и его «группы», привлечение их к ответственности сразу же после подавления «мятежа», однако, титовская Югославия, опасаясь урона своего престижа, не согласилась их выдать. Опирающееся же на советское военное присутствие правительство Кадара сначала неоднократно уверяло, что не собирается привлекать Надя и членов его кабинета к судебной ответственности, но оно было заинтересовано в том, чтобы «пленники» в посольстве официально отказались от своих полномочий. Газета новой партийной власти, «Népszabadság», тогда же сообщала, что в будущем эти политики могут участвовать в политической жизни страны, что у Надя «будет возможность договориться с нами... и мы тоже хотим многопартийной системы, подлинных и честных выборов»⁶⁶.

Представители правительства Кадара вели с посольством Югославии и его «пленниками» продолжительные переговоры, добиваясь признания последними новой власти. В итоге, благодаря посредничеству Белграда, им были даны обещание и даже «письменные гарантии относительно личной безопасности И. Надя и остальных лиц». К вечеру 16 ноября 1956 г. были получены эти гарантии, и утром они должны были свободно разъехаться по домам. Утром 17 ноября, однако, Кадар встретился с членами Президиума ЦК КПСС М. А. Суловым, Г. М. Маленковым и А. Б. Аристовым, что в корне изменило ситуацию. После этой встречи Кадар стал настаивать, чтобы «группу Надя» передали его правительству либо вывезли из Венгрии. От членов «группы» он требовал заявление о признании своих ошибок и поддержке нового правительства. Он не возражал против

того, чтобы группа «попросила разрешения выехать за пределы страны», возможно в Югославию. В Москве уже 10 ноября возникла идея о депортации Надя и его товарищей в Румынию⁶⁷.

Итак, продолжительные венгеро-югославские переговоры завершились тем, что правительство Кадара свое многократное устное обещание о том, что «к Имре Надю и членам его группы не желает применять наказание за их прошлую деятельность»⁶⁸, представило в письменном виде. Получив гарантию безопасности, Надя и его товарищи «добровольно покинули югославское посольство 22 ноября 1956 г. в 18 часов 30 минут», после чего были арестованы спецотрядом КГБ. Пленники были доставлены в Тёкёл, а затем вывезены в румынский Снагов, где их изолировали друг от друга и поставили под надежную охрану.

Надя, находясь еще в югославском посольстве, в ходе переговоров с правительством Кадара был готов на разумные компромиссы в тех пределах, которые не противоречили его принципам, но он не признавал инкриминируемые ему ложные обвинения. Ведь он не был участником нелегальных групп, в заговорах не участвовал, своих слов не нарушал, свои решения принимал с ведома и согласия партии и советских представителей, в отношениях с СССР был корректен и последователен. В Снагове же Надя понимал или чувствовал, что ему уготовано. Там он взялся за описание своей жизни под названием «Бурный век моего поколения», под которым собственноручно поставил даты: «1896–195...», свидетельствующие о том, что у него не было сомнений в завершении его жизненного пути уже в 1950-х годах. Поставить точную дату, как, впрочем, и завершить свои мемуары, Надя не мог, ведь еще предстояли допросы и обвинения...

В Венгрию, где готовился закрытый судебный процесс, Надя и его товарищи были возвращены лишь весной 1957 г. Прокуратура ВНР 22 января 1958 г. возбудила против них

уголовное дело по обвинению в государственном заговоре и попытке свержения народно-демократического строя, а лично Надя – еще и в предательстве родины. Механизм таких процессов известен и был отработан еще при Ракоши. Надя было решено сделать «козлом отпущения», свалить на него все грехи за «подготовку контрреволюции» и «предательство дела социализма». Президиум ЦК КПСС еще 27 ноября 1956 г. принял специальное решение о полной дискредитации Имре Нады⁶⁹, и оно повсеместно выполнялось. К его реализации приложили руку также официальные круги ВНР и венгерские средства массовой информации.

Судебное разбирательство по «делу» Надя, несколько раз отложенное по разным политическим причинам, состоялось 15 июня 1958 г. На процессе прокурор много говорил об участии «И. Надя и его сообщников» в организации «антигосударственного заговора», об их ведущей роли в подготовке «контрреволюционного мятежа» с целью «захвата власти», о связях «группы Надя» с реакционными силами и «союзе с внешними империалистическими кругами», с которыми они якобы вместе осуществляли попытку путча и насильственного захвата власти. Говорилось о созданном ими подпольном «центре» или «нелегальной организации, проводившей свою подрывную работу» даже тогда, когда «венгерский народ под руководством революционного рабоче-крестьянского правительства уже приступил к восстановлению законного порядка». Лично И. Надю, наряду с обвинением в «организации заговора, направленного на свержение народно-демократического строя», приписывались также «разработка политической платформы движения» и «предательство родины»⁷⁰. Обвинитель просил для И. Нады и его соратников, министра обороны П. Малетера, начальника хозяйственного аппарата ЦР ВПТ Й. Силади вынесение смертного приговора, остальным участникам «группы» – различные сроки тюремного заключения.

Надь отверг все лживые обвинения в свой адрес, своей вины не признал, о помиловании не просил, но заявил, что судьбу свою отдает в руки венгерской нации, понимая при этом, что народ на том этапе и в тех условиях не имел возможности распоряжаться его судьбой (народ даже об исполнении приговора узнал не сразу). Но Надь был убежден, что «венгерский народ и международный рабочий класс раньше или позже освободят меня от тех тяжких обвинений, вследствие которых я должен пожертвовать своей жизнью». В своем последнем слове он напомнил: «Я дважды пытался спасти честь слова «социализм» в долине Дуная: в 1953 и 1956 году. В этом мне в первом случае помешал Ракоши, а во второй раз целая армия Советского Союза. В результате этого процесса, сплетенного из страсти и ненависти, я должен пожертвовать жизнью за свои идеалы. Жизнь отдаю с готовностью. Ведь после того, что вы со мной сделали, она все равно ничего не стоит. Но я уверен, что история осудит моих палачей. Содрогаюсь я лишь от одного: что реабилитируют меня мои же убийцы»⁷¹. Прокурорское ходатайство было удовлетворено. Вынесенный Надю 15 июня 1958 г. смертный приговор через повешение в следующий день был приведен в исполнение. Тела казненных Надя, Малетера, Силади и еще одного мученика из «группы Надя», Г. Лошонци, скончавшегося во время следствия, были закопаны в безымянные могилы без всякого обозначения, где и пролежали долгие годы.

Пропагандистская кампания по дискредитации И. Надя, начатая сразу же после подавления венгерской революции и продолжавшаяся десятилетиями, казалось, сумела наложить отрицательный отпечаток на образ и дела этого исторического деятеля Венгрии, который в сложнейших условиях дважды встал у руля страны, чтобы вывести ее из тяжелейшего кризиса. Но людская память и открывшаяся документальная база сумели сохранить объективные сведения о Наде и его действиях на посту премьер-минист-

ра в 50-х годах XX века. Ныне, после нового исторического перелома 1989 г., он предстает перед нами очищенным от пропагандистских, актуально-политических наслоений. Самым последним эхом проявления упомянутой идеологической кампании была попытка «разоблачить» И. Надя как «агента НКВД». Парадоксально, но она была предпринята руководителем КГБ СССР, впоследствии гэкачепистом В.А. Крючковым, правда, с целью помешать готовившейся летом 1989 г. в ВНР реабилитации и торжественному перезахоронению останков И. Надя. Эта попытка выразилась в подготовке компромата, составленного весьма опытными в таких делах специалистами из его же ведомства. Надя, подобно многим политэмигрантам, прошедшим долгие годы в СССР, в 1930-е годы вряд ли мог избежать контакта с органами, ведь такова была общая практика того времени. Как вытекает из собранных материалов, Надя действительно стоял на учете в НКВД под псевдонимом «Володя». В прилагаемой справке при этом без конкретных документальных доказательств ему приписывалось доноительство. Предназначенный для дискредитации Надя материал был передан руководству ЦК ВСРП в надежде, что это помешает реабилитации политика. Акция, однако, не достигла своей цели: Верховный суд ВНР еще при коммунистическом режиме летом 1989 г. официально реабилитировал Имре Надя. Торжественное перезахоронение его останков состоялось 16 июня 1989 г. в Будапеште. В последний путь И. Надя провожали сотни тысяч венгров. Как сообщала 17 июня 1989 г. газета «Правда», «на панихиде, проведенной на одной из площадей (центральная площадь Героев. — Б.Ж.), присутствовали около 250 тысяч жителей столицы и других венгерских городов, гости из-за рубежа». Венгерский парламент 25 июня 1996 г. принял специальный закон об увековечении памяти своего бывшего спикера и премьер-министра страны Имре Надя.

Глава 11. || Янош Кадар

Летом 1989 г. окончил свой жизненный путь Янош Кадар – многолетний партийный лидер Венгерской Народной Республики, завоевавший международное признание в качестве коммуниста-реформатора. В Венгрии 60–80-х годов нередко шутили, что благодаря Кадару и его политическому курсу их страна стала «наиболее веселым баракком социалистического лагеря». Он прожил долгую, тревожную и насыщенную событиями жизнь, но мемуаров не оставил, хотя изданы его речи и статьи, опубликовано последнее интервью. В отличие от многих других коммунистических деятелей Кадар не заказывал себе официальную парадную биографию. В реальной же кадаровской биографии сокровенных тайн и политических секретов было, видимо, немало. Некоторые из них сегодня становятся достоянием общечеловечности.

Его знали под разными именами: Черманек, Барна, Луптак, Кадар. Последнее имя, обретенное в годы военного подполья, стало известно всему миру, этим именем назван более чем 30-летний период в современной истории Венгрии («кадаровский социализм»). Он знал взлеты и падения, удачи и просчеты, сидел в тюрьмах как своих врагов, так и идейных собратьев. Во второй половине 50-х годов одни называли Кадара «предателем и советской марионеткой», другие – «спасителем социалистической Венгрии». Однако каковы же были тайные пружины и причины, определявшие его поступки и действия на том или другом отрезке жизненного пути? Что, к примеру, толкало Кадара к соглашательству с советскими интервенционистами во время событий 1956 г.? Каким он видится нам сегодня? Пока еще трудно претендовать на исчерпывающую характеристику и однозначную оценку всех сторон деятельности этого политика. Думается все же, что нижеследующий рассказ о его жизни дополнит знания читателя небезынтересными, до сих пор малоизвестными сведениями.

Многонациональная Венгрия была, как известно, в начале XX в. составной частью двуединой Австро-Венгерской монархии. 26 мая 1912 г. на юге страны, в портовом городе Фиуме (ныне Риека в Хорватии) на берегу Адриатики, у матери-одиночки, служанки Борбалы Черманек родился сын Янош. Янош Черманек не знал своего отца и до шестилетнего возраста воспитывался у приемных родителей в семье крестьянина села Капой, что на юго-западе Венгрии. С 1918 г. его жизнь проходила в Будапеште, куда после развала Австро-Венгрии перебралась Б. Черманек. Там он окончил начальную школу и четыре класса средней школы, затем работал подмастерьем и приобрел специальность механика по ремонту пишущих машинок. В свободное от работы время занимался спортом, читал художественную литературу, увлекался шахматами. Эти пристрастия Кадар сохранил до конца жизни. Войны и революционные бури, пронесшиеся над Венгрией в XX в., социальные условия жизни привели его в нелегальное коммунистическое движение. В 1932 г. молодой подпольщик под именем Янош Барна стал секретарем ЦК Венгерского коммунистического союза рабочей молодежи и автоматически — членом Венгерской компартии (ВКП).

В 30–40-е годы Я. Кадар работал в рядах легальной Социал-демократической партии Венгрии, занимал руководящие посты в компартии, в частности во время войны фактически выполнял функции секретаря ЦК ВКП. Внутренние пружины его стремительной партийной карьеры малоизвестны: во всяком случае поддержкой ЦК ВКП(б) Кадар тогда не пользовался, ибо не прошел характерную для коммунистических руководителей специальную подготовку в Москве. А вот в тюремной камере несколько раз в те годы побывать ему пришлось.

После того как в условиях нацистской оккупации Венгрии связь между коммунистами-подпольщиками во главе с

Я. Кадаром и руководящим центром в СССР прервалась, в 1944 г. в интересах согласования действий решено было ее восстановить. Первоначально предполагалось переправить через линию фронта руководителя венгерского комсомола Э. Шагвари, но в конечном счете выполнять это задание пришлось самому Я. Кадару. По его словам, произошло так потому, что он не хотел подвергать риску молодого коммуниста. Впрочем, в июне 1944 г. полиция напала на след Шагвари, и он погиб в перестрелке.

Вооружившись добротными документами на имя солдата Яноша Луптака, Кадар намеревался пробраться через югославскую границу, а затем с помощью партизан маршала Тито — к советским частям. Ему не повезло: при попытке перейти границу он был задержан. На допросах Кадар стоял на своем: зовут его Я. Луптак, ему надоела война и он бежал из своей части. Версия дезертира, за которого выдавал себя Кадар, сулила мало хорошего. Он должен был предстать перед трибуналом, и в качестве наказания не исключалась смертная казнь. Правда, в итоге Я. Луптака приговорили всего к двум годам заключения и отправили в Будапешт в военную тюрьму на ул. Конти.

Это был лучший для Кадара вариант, к тому же появилась надежда сообщить на волю о случившемся. Сидя в тюрьме, он продумывал самые разные ходы и наконец решил написать письмо знакомому, который должен был узнать почерк. Подпись «Луптак», рассуждал осужденный, вызовет у его знакомого, естественно, недоумение, и тогда он покажет письмо своей старшей сестре, связанной с партийным руководством. Подобная цепь логических рассуждений сработала. Руководство партии быстро нашло влиятельного адвоката, обещавшего за 2 тыс. пенгё освободить из тюрьмы Я. Луптака. Обстоятельства, правда, осложнились. Дело в том, что правитель Венгрии М. Хорти накануне принятия решения о выходе страны из войны согласился 11 октября встретиться с руководителями всех оппозицион-

ных партий, а поэтому повсюду стали искать руководителя КПВ Я. Черманека (который тогда уже имел партийную кличку «Кадар»), но тот сидел в камере военной пересыльной тюрьмы под фамилией Луптак. Об этом знал всего лишь один член партийного руководства, который, к счастью для Кадара, решил не раскрывать тайну, ибо приспешники Гитлера в Венгрии – нилашисты – вскоре взяли власть в стране и всех арестантов с ул. Конти перевели в стационарную тюрьму на кольцевой дороге Маргит в Будапеште. Таким образом, старания адвоката не принесли результатов, а заключенных в ноябре 1944 г. сначала пешком, а затем в вагонах отправили в Германию. Для освобождения Я. Луптака партийное руководство отправило специальные группы, в том числе вооруженные, которые, однако, не нашли его среди перевозимых арестантов. Оказалось, что Кадар у села Нергешуйфалу сбежал вместе с несколькими югославскими партизанами.

В это сложное, полное драматических событий время работавший в подполье Кадар с большим трудом получал достоверную информацию, он не знал, что происходит за линией фронта на освобожденной территории Венгрии. В Будапеште еще хозяйничали гитлеровцы, арестовавшие в ноябре 1944 г. секретаря ВКП Ласло Райка, а в освобожденном на юге страны городе Сегеде следовавшие за советскими военными частями коммунисты-эмигранты уже создали новый, легальный ЦК компартии. В начале декабря там был образован из числа демократических партий страны Венгерский фронт национальной независимости, а 22 декабря в Дебрецене сформировано Временное национальное правительство.

В Будапеште же в это время от ареста скрывались руководители самых различных антифашистских организаций и движений: и бывший премьер-министр граф Иштван Бетлен, известный своими антигитлеровскими взглядами, и видные деятели различных религиозных конфессий, и ли-

дер коммунистов-подпольщиков Я. Кадар. Постоянно подвергаясь угрозе ареста, все они стремились к одному — выжить. В дни блокады и штурма столицы Кадар вынужден был скрываться вместе с двумя другими руководящими деятелями компартии. По иронии судьбы с ним находился будущий глава Управления госбезопасности Габор Петер, который позднее, в 1951 г., арестовал Кадара. Предпринятая ими попытка перейти линию фронта в городе не увенчалась успехом, к тому же продвижение советских частей вскоре приостановилось. Пришлось провести две томительные недели в подвале одного из разрушенных домов района Зугло, в непосредственной близости от линии фронта.

Я. Кадара и его товарищей задержали советские солдаты, которым они с трудом объяснили, что являются руководителями ВКП, после чего их освободили.

В феврале 1945 г. Будапешт был очищен от гитлеровцев Красной Армией, и 33-летний Кадар вместе с другими товарищами вышел из подполья. Освобождение страны и возвращение московской эмиграции явились для него радостным событием. Вдохновляли как объединение сил коммунистов подполья и эмиграции, так и стремительное налаживание мирной жизни, демократическое переустройство Венгрии. Восстановительные работы начались сразу, ибо страна лежала в развалинах, фабрично-заводское оборудование в значительной степени оказалось демонтированным и вывезенным в СССР, мосты через Дунай были взорваны, транспорт не работал.

Перед демократическими силами открывались новые возможности и перспективы. Ситуация (присутствие советских войск) позволила ВКП стать одной из самых влиятельных партий послевоенной Венгрии. На выборах в 1945 г. коммунисты добились определенных успехов, получив 17% голосов избирателей. В тех исторических условиях это казалось невероятно высоким достижением. Политическая жизнь оживилась. К тому же начался небывалый рост рядов

компартии, что, впрочем, наблюдалось и в других демократических партиях.

Послевоенные достижения радовали людей, вселяли в них надежду. Но они не удовлетворяли ту часть руководства ВКП, которая вернулась из московской эмиграции. Эти деятели, стремившиеся стать безраздельными хозяевами послевоенной Венгрии, были недовольны результатами выборов. В отличие от коммунистов, остававшихся в годы войны в стране, они, проведя много лет вдали от родины и практически не зная венгерской действительности, не учитывали влияния антикоммунистической пропаганды в межвоенный период. Питаясь ложной идеей о «хортистском фашизме», они ошибочно полагали, что большинство простых венгров ждет именно их и мечтает о восстановлении пролетарской диктатуры образца 1919 г.

Руководящая группа коммунистических функционеров, вернувшихся домой из московской эмиграции, была представлена ставшей впоследствии печально известной всей стране четверкой. Это Матяш Ракоши, избранный в феврале 1945 г. генеральным секретарем ЦК ВКП; Эрне Герё — «серый кардинал», заслуживший почетный в среде коммунистов-ортодоксов эпитет «абсолютно железного солдата партии»; Йожеф Реваи — публицист, способный оратор и идеолог ВКП с диктаторскими наклонностями; Михай Фаркаш — недалекий человек, верой и правдой служивший своему хозяину, усердно исполнявший возложенные на него обязанности «карающего меча» диктатуры пролетариата. Политический курс и конкретные действия этой «четверки» венгерских ленинцев-сталинцев фактически ввергли страну в пучину катастрофы, которая в итоге вызвала народную революцию 1956 г. Они запятнали свои имена кровью тысяч невинных жертв и вызвали ненависть всего венгерского народа.

Однако все это случилось позднее. В 1945 г. еще давались обещания, была вера в возможность возрождения

Венгрии и налаживание подлинно демократической жизни. Я. Кадар, как и другие руководители, активно включился в работу по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, передаче помещичьих и церковных земель крестьянству. Правда, он, как и секретарь ЦК ВКП Л. Райк, в 40-е годы вместе с ним попеременно руководивший деятельностью коммунистов-подпольщиков (то один, то другой находился в заключении), вскоре почувствовали не совсем доброжелательное отношение к себе со стороны бывшего эмигрантского штаба партии.

Дело в том, что эта часть партийной элиты, хотя и включила Кадара в состав нового ЦК (позже он стал называться Центральным руководством – ЦР), однако никогда не доверяла ему до конца, равно как и всем бывшим коммунистам-подпольщикам. Так, на одном из первых заседаний ЦК Э. Герё, который до приезда в страну М. Ракоши вершил партийные дела, вынес Кадару строгий выговор за то, что тот в годы войны якобы распустил компартию (на деле же она просто стала работать под названием Партия мира). Кадар тогда смирился, так как не понимал, кем Герё уполномочен на такое решение, он еще не разбирался в насаждаемых, непривычных для него командно-административных методах управления, наивно полагая, что подобные решения могут быть только коллективными.

Остававшихся в стране в годы войны коммунистов «москвичи» считали партийцами второго сорта, поскольку они мало знали большевистский стиль, не прошли соответствующей подготовки в СССР. Кадар и другие «аборигены» не имели, конечно, того уровня образования и теоретической подготовки, что большинство из команды Ракоши, хотя у них был ряд других преимуществ – знание реальной обстановки, тесные связи с различными социальными и политическими силами в стране. Как-то раз Ракоши, еще будучи в Москве, с пренебрежением отозвался об оставшихся в подполье собратях, сказав при этом, что, вер-

нувшись на родину, его единомышленникам придется делать все самим, поскольку партийные руководители в стране «ничего не стоят».

Следует учитывать и еще одно обстоятельство. Московская эмиграция относилась с нескрываемым подозрением к лидерам КПВ на родине, полагая, что они не погибли в условиях подполья лишь потому, что были связаны с хортистскими властями или стали агентами полиции. Кроме того, отсиживавшиеся в Москве партийные деятели побаивались авторитета и влияния коммунистов-подпольщиков, имевших тесные связи с массами. Среди последних особенно выделялись два секретаря ЦК ВКП — Кадар и Райк. Одного хорошо знали в рабочей среде, а другой был известен прежде всего коммунистам-интеллигентам.

С 1945 г. Кадар выполнял обязанности сначала заместителя начальника полиции Будапешта, а затем заведующего отделом кадров компартии. Кроме того, он являлся секретарем Будапештского горкома, членом политбюро и секретарем ЦР, а впоследствии на партийном съезде в 1946 г. был избран заместителем генерального секретаря ЦК ВКП. Это означало, что его партийная карьера пошла в гору — он довольно быстро (видимо, по принципу разделения власти между бывшими эмигрантами и коммунистами-подпольщиками) стал заместителем глубоко им тогда уважаемого М. Ракоши, с которым во второй половине 40-х годов разделял все успехи и тяготы развернувшейся политической борьбы. Правда, последний никогда не считал Я. Кадара, впрочем, как и других коммунистов бывшего подполья, своим настоящим партнером.

Обстановка тех лет была непростой. Все политические партии боролись за власть. Из числа демократических партий наиболее близкими к коммунистам были социал-демократы, с которыми Я. Кадар имел тесные связи. Руководителем Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ) являлся Арпад Сакашич, выходец из рабочих, журналист.

Левое крыло этой партии возглавлял профсоюзный деятель Дёрдь Марошан. Основным конкурентом коммунистов и социал-демократов стала Независимая партия мелких хозяев (НПМХ), получившая на ноябрьских выборах в парламент абсолютное большинство голосов (57%). В этой партии были представлены самые различные идейно-политические течения — от ярых консерваторов и антикоммунистов до либеральных демократов, и объединяла она главным образом те силы, которые не принимали предлагаемую коммунистами модель социалистического развития.

Я. Кадар в качестве партийного деятеля и депутата Национального собрания активно участвовал в политической жизни тех лет. Как ответственный за организационную работу в партии, он вместе с Ракоши и Имре Надем сделал на проходившем осенью 1946 г. III съезде ВКП один из докладов об организационной деятельности партии. К тому времени число ее членов достигло 650 тыс. человек против 30 тыс. в феврале 1945 г. Такое стремительное увеличение рядов отражало политику партийного руководства, которое считало массовость гарантией успеха ВКП в политической борьбе.

Рост партийных рядов, первоначальные успехи в реализации экономической программы ВКП, удачные политические маневры, союз с левыми и демократическими силами — СДПВ, НПМХ и Национально-крестьянской партией, а также подтасовка избирательных бюллетеней обеспечили коммунистам на парламентских выборах 1947 г. большой успех, чем на предыдущих. ВКП стала наиболее влиятельной партией победившей коалиции — из 60 % голосов 22 % принадлежали ей.

В марте 1948 г. на заседании парламента Я. Кадар еще предполагал, что этот успех откроет широкие возможности для дальнейшего сплочения всех демократических сил, что предстоит «будущее без потрясений и кризисов». Но он глубоко ошибался. В 1947–1948 гг. наступил перелом в политике ВКП, в результате которого не только противники,

но и союзники коммунистов были ею вытеснены из сферы политической жизни. Началось установление однопартийной диктатуры по образу и подобию СССР.

В июне 1948 г. произошло далеко не добровольное объединение СДПВ с ВКП и была образована Венгерская партия трудящихся (ВПТ), программу которой определяли идеи марксизма-ленинизма. Председателем объединенной партии стал А. Сакашич, генеральным секретарем — М. Ракоши, а его заместителями — Я. Кадар, Д. Марошан и М. Фаркаш. С этого времени в Венгрии установилась власть, которую официально стали именовать диктатурой пролетариата. Используя приобретенный в Советском Союзе сталинский опыт, Ракоши и его команда утверждали, что существование всех других политических партий — это «резерв для классового врага», и предпринимали конкретные шаги по их ликвидации. С 1949 г. они были либо запрещены, либо сами прекратили свое существование. В официальной литературе этот процесс впоследствии квалифицировался как «отмирание партий».

Становление однопартийного режима не было исторически обусловлено, поскольку партии бывшей коалиции, лишь поддавшись давлению, признали и приняли предлагаемый коммунистами курс на постепенное установление социалистического государственного строя. В устранении же их с политической арены сыграли свою роль настоятельные подказы национальным партфункционерам из Москвы, с одной стороны, и слепое копирование этими функционерами советского опыта — с другой. Для нового руководства ВПТ однопартийная система была удобнее: она обеспечивала монополию компартии на власть, позволяла ей стать всемогущей государственной организацией и открыла путь к единовластию М. Ракоши. Судя по выступлениям в печати и в парламенте, Я. Кадара тогда беспокоили другие проблемы, он еще не был готов к восприятию этой коммунистической схемы и рассчитывал на другой путь развития. Во всяком

случае, в 1948 г. Кадар говорил о необходимости сохранения демократической оппозиции с ее конструктивной критикой, полагая, что «формальная ликвидация партий не продвинула бы нас ни на один шаг к ликвидации классов»⁷².

И тем не менее диктатура, называемая пролетарской, стала в Венгрии в советском однопартийном варианте реальностью. Фашистскую диктатуру конца войны после кратковременного периода демократического развития сменила новая, большевистского типа диктатура Ракоши и его сторонников, силу которой вскоре испытал на себе и сам Кадар. Ракошисты, в чьих руках сразу же после окончания войны оказались все органы принуждения, уже с 1947 г. не только начали чистку партий и госаппарата от неудобных им политических деятелей, но и провели первые показательные процессы, обвиняя участников тех или иных сфабрикованных ими дел в «антигосударственном заговоре». Среди таких процессов выделялось «дело» Ласло Райка, организованное вскоре после начала советско-югославского конфликта и осуждения Коминформом югославских руководителей как «предателей и платных агентов империализма».

Это был нашумевший политический процесс, призванный доказать наличие заговора империализма, Тито и его венгерских «цепных псов» против народной власти и руководителей ВПТ. Главным дирижером здесь, несомненно, выступал Ракоши, хотя подготовил он процесс при активном содействии группы высокопоставленных специалистов-советников из ведомства Л. П. Берии⁷³. То есть инициатива тут исходила из Москвы, и ликвидация «банды Райка», как впоследствии признавался Ракоши, была «заданием не из легких»⁷⁴.

Следует отметить, что процесс был проведен по образцу московских, и в итоге обвиняемые дали нужные организаторам показания. Согласно некоторым воспоминаниям, опубликованным в венгерской печати, руководитель внутренней охраны здания ЦР ВПТ в Будапеште полковник Й. Силади

на одном из судебных разбирательств по «делу» Райка доверительно сказал сидевшему рядом товарищу: «Ласло Райк не виновен. Все это спектакль, организованный советскими и венгерскими органами безопасности... Партия знает, что они не виновны, но их просят ввиду сложности международной обстановки взять на себя вину. Им будет объявлен смертный приговор, однако его не приведут в исполнение, отправят в Крым, где они со своими семьями будут жить на каком-нибудь партийном курорте»⁷⁵. Приговор, как известно, был приведен в исполнение: Л. Райка и 14 его товарищей казнили, а остальные 78 обвиняемых отбывали длительное тюремное заключение.

Именно этот фальсифицированный судебный процесс связан с некоторыми до конца не выясненными моментами в деятельности Я. Кадара. Когда арестовали Л. Райка, его близкого товарища, Кадар уже был министром внутренних дел, т. е. занимал то самое кресло, которого незадолго до этого был лишен Райк. Бывший заведующий главным отделом разведки бывшего Управления государственной безопасности (УГБ), член коллегии и партбюро этого учреждения подполковник Владимир Фаркаш (сын М. Фаркаша из руководящей «четверки»), ссылаясь на записи отца и на собственную осведомленность, в недавно опубликованной книге воспоминаний утверждает, что реализация «дела» Райка с самого начала развивалась по совместно разработанному в Москве и Будапеште, но исходившему из Москвы сценарию. Как только было получено соответствующее послание от генерал-лейтенанта Ф. Белкина, представителя КГБ СССР, Ракоши сразу же дал указание взять под стражу Л. Райка и вызвал к себе Э. Герё, Й. Реваи и Я. Кадара. Фаркаш пишет, что последний в некотором роде был даже участником разработки и реализации плана ареста Райка. Чтобы развеять возможные подозрения, он по договоренности якобы с М. Ракоши и руководителем УГБ Г. Петером пригласил Райка к себе в дом отдыха ЦР ВПТ на шахмат-

ную партию и играл с ним до условленного времени, после чего тот возвратился домой и был арестован 30 мая 1949 г. Г. Петером и его подручными.

Насколько достоверны эти утверждения бывшего гэбиста, сказать трудно, но можно с уверенностью констатировать: Кадар задолго до этого ареста знал о подозрениях Ракоши и Фаркаша в отношении Райка, о частых жалобах и доносительстве Г. Петера на него своим начальникам. Кадар сам подтверждал, что накануне назначения на пост министра внутренних дел его вызвали в особняк Ракоши, где он неожиданно для себя застал руководящую «четверку», которая всегда заранее обговаривала и решала все важные для партии и страны дела. Тогда же речь зашла и о том, что Райк является вроде бы агентом американских спецслужб. Вскоре он был переведен на должность министра иностранных дел, чтобы не оставлять в его руках один из ключевых силовых постов. Согласно утверждениям Кадара, тогда он еще заступился за Райка, назвав подозрения абсурдными. Впрочем, больше никаких шагов не предпринимал, т. е. о предупреждении своего товарища по подполью даже не помышлял. Словом, повел себя, как полагалось дисциплинированному номенклатурному работнику высокого уровня.

Я. Кадар, естественно, никогда не подтверждал, а, наоборот, всегда отрицал причастность к этому судебному «делу», пытаясь акцентировать внимание спрашивавших на своих попытках убедить Ракоши в невинности Райка. Впоследствии он неоднократно осуждал этот процесс, подчеркивая его сфабрикованный характер. В своем последнем интервью Я. Кадар признал, что в качестве члена политбюро и секретариата ЦР ВПТ, а также министра внутренних дел он состоял членом того комитета, который осуществлял надзор за ходом расследования, присутствовал и на заседаниях ЦР, где обсуждались и принимались соответствующие решения. Получается так, что он был как бы сторонним наблюдателем, а больше его вины ни в чем нет.

Однако Владимир Фаркаш, участвовавший в расследовании «дела» Райка, в своих воспоминаниях утверждает иное. Он пишет, что на основании партийного решения Кадар вместе с отцом Владимира руководили этим расследованием и «на месте помогали следствию по выявлению проникшей в партию империалистической банды». Фаркаш-младший утверждает, что Кадар, как и его отец, М. Фаркаш, не просто осуществлял надзор за следствием, но «лично принимал участие в допросах многих арестованных». По словам автора воспоминаний, в июне и сентябре 1949 г. Кадар выступал с докладами на заседаниях партийного руководства о состоянии «дела» Л. Райка. Он сообщает также, что все материалы по следствию регулярно получали лишь трое – Ракоши, Фаркаш и Кадар, но признает, что последний всегда проявлял меньше активности в этом «деле», чем его отец.

Насколько достоверны свидетельства бывшего влиятельного и посвященного в тайны УГБ офицера-следователя, не брезговавшего никакими средствами и методами для получения нужного начальству признания, определить трудно. Известно, что на одном из закрытых заседаний партийного руководства Ракоши представил магнитофонную ленту, на которой якобы был записан разговор Кадара и Фаркаша с Райком, где те убеждали его в необходимости признать в интересах партии свою вину⁷⁶. Был ли в действительности такой разговор, оказавшийся тайно записанным, или это всего лишь ловкий монтаж, а главное – как реагировал на предъявление подобного «вещдока» сам Кадар, мы не знаем. Возможно, открывшиеся в Венгрии архивы позволят со временем ответить и на этот вопрос. Сегодня же можно лишь с уверенностью утверждать, что Кадар, безусловно, знал многое, а может быть, и все о «деле» Райка, ведь оно было связано с его должностными обязанностями министра внутренних дел и члена комитета по надзору за расследованием этого дела.

Разумеется, у Кадара в то время было достаточно власти и влияния, чтобы не побояться выразить свое сомнение в виновности Райка, но он этого не сделал, во всяком случае публично. Правда, реагируя на сообщение начальника УГБ Г. Петера об избиениях Райка на допросах, Кадар, по его словам, заступился за него, говоря, что подобными методами от данного человека нельзя добиться признания, ведь в свое время этого не смогла сделать и хортистская полиция. «Избиением его нельзя заставить дать показания и сейчас»⁷⁷, — сказал он. После этого подследственного действительно перестали бить. Однако, несмотря на озвученные позднее Кадаром примеры «заступничества», родственники Л. Райка так и не простили его, ибо он не сумел достаточно убедительно опровергнуть широко распространенное в Венгрии мнение о своей причастности к этой преднамеренной провокации. Люди до сих пор продолжают верить в то, что Кадар помог вырвать у Райка так называемое признание, столь нужное органам УГБ и партийной верхушке, равно как и «спецам» из бериевского ведомства во главе с генералом Ф. Белкиным.

Впрочем в «деле» Райка министр внутренних дел мог быть лишь орудием в руках подлинных его сценаристов. Из сохранившегося текста доклада М. Фаркаша на июльском (1956 г.) пленуме ЦР ВПТ, в частности, известно, что приказ на избиение Райка с предварительного одобрения Ракоши отдал Г. Петер. При этом, как свидетельствовал Фаркаш, присутствовали и Кадар, и он сам, и они оба тоже одобрили данный приказ. «Я с сознанием полной ответственности заявляю, — отмечал он, — что без провокации Берии не было бы дела Райка; если бы Сталин не вмешался непосредственно в это дело, то Райк и казненные вместе с ним товарищи были бы живы и сегодня»⁷⁸. Известно, что исполнители этой акции, в том числе и Кадар, были удостоены высоких венгерских и советских наград.

После процесса над Л. Райком для Венгрии наступили тяжелые времена. В лагерях и тюремных застенках оказались сотни тысяч, если не миллионы ни в чем не повинных людей. Сегодня подсчитано, что в результате политики партруководства ВПТ во главе с М. Ракоши через «венгерский ГУЛАГ» прошли члены каждой третьей семьи⁷⁹. Пострадали все без исключения социальные группы населения, включая рабочих. Карались не только представители бывшей буржуазии или недовольные коммунистическим режимом, но, как видно на примере Райка, и самые его верно-подданные слуги. Как на первый взгляд ни парадоксально, тоталитарное ракошистское государство, опиравшееся на коммунистов, за несколько лет уничтожило их гораздо больше, чем так называемый фашистский режим Хорти своих непримиримых и активных противников за четверть века своего существования.

Политическая полиция по указанию правящей коммунистической верхушки создавала в стране атмосферу всеобщего страха и подозрительности. Стоит ли после этого удивляться тому, что расстрел Л. Райка и других явился потрясением, личной трагедией и для самого Кадара. Его стали одолевать сомнения, угрызения совести, которые не покидали его до конца жизни. В частности, много позднее, в 1976 г., во время одной из встреч с первым секретарем Социалистической партии Франции Ф. Миттераном это все трансформировалось в следующие слова: «Хуже всего сомневаться в своих (сторонниках. — Б.Ж.). Хорти отнял у меня физическую свободу, а Ракоши вдобавок лишил меня и моральной свободы»⁸⁰. Будучи, с одной стороны, верным солдатом компартии, а с другой — осознавая себя втянутым в нечистоплотные дела М. Ракоши, Кадар вскоре попытался решить эту дилемму посредством просьбы об освобождении его от должности министра внутренних дел. Заявление об

этом он написал 23 июня 1950 г., ровно за день до опубликования в печати официального постановления о том, что он в числе прочих удостоен высокой государственной награды «за деятельность в интересах укрепления народной демократии»⁸¹. Ракоши удовлетворил его просьбу, и Кадар вернулся на работу в ЦР ВПТ в качестве заместителя генерального секретаря и заведующего отделом.

Уже тогда Кадар почувствовал, что «хозяин» относится к нему с недоверием, хотя о причинах этого сам он никогда не распространялся. Состоялся ли между ними какой-либо предварительный разговор, сказать трудно, но в своем последнем интервью Кадар подтвердил, что их отношения испортились именно из-за «дела» Райка.

Между тем властвующая «тройка» Ракоши–Герё–Фаркаш продолжала выявлять «окопавшихся в партии врагов», начав массовые аресты в среде партноменклатуры. Шандор Зёльд, занявший освобожденный Кадаром пост министра внутренних дел, вынужден был застрелиться, других схватило УГБ во главе с Г. Петером не без ведома Ракоши, который уже плел свои сети вокруг таких партийных деятелей, как Я. Кадар, Д. Каллаи, П. Вереш, обвиняя их в троцкизме или в чем-либо другом. Зловещим знаком надвигавшихся испытаний для Кадара стало то, что из протоколов и публичных сообщений о работе II съезда ВПТ (февраль 1951 г.), на котором он выступал в качестве содокладчика и был избран в состав всех центральных партийных органов, вдруг исчезла его фамилия. Позже, уже после ареста Кадара, на одной из встреч со слушателями Высшей партийной школы Ракоши с гордостью рассказывал о своей бдительности и ведущей роли в разоблачении и расследовании дела не только Райка, но и Кадара. В частности, он детально изложил слушателям, как перед ним постепенно из мелких мозаичных деталей складывалась целостная картина «нового внутрипартийного враждебного центра» с участием Кадара.

Я. Кадара арестовали без всякого соблюдения формальностей среди бела дня 19 апреля 1951 г., когда он возвращался в здание ЦР ВПТ с обеда. Произошло это вблизи его дома по ул. Черье, где он жил с женой, урожденной Марией Тамашка. Арест произвел сам начальник УГБ Г. Петер, кстати, старый друг семьи – свидетель со стороны жены при их вступлении в брак, соратник по подпольной работе. Г. Петеру «помогали» офицеры из его ведомства. Как вспоминала впоследствии жена Кадара, муж «ушел и вернулся только спустя три года». До 1954 г. она не знала, жив ли Янош вообще. В доме Кадара произвели обыск, жену выселили и уволили с работы. Она была полковником и выполняла административные функции в УГБ, непосредственно подчиняясь Владимиру Фаркашу. В сентябре ее исключили из партии, в которой она состояла с 1927 г. В официальной мотивировке исключения за подписью Б. Биску говорилось, что, будучи членом партии и женой задержанного человека, совершившего антипартийный поступок, она обязана была знать о делах своего мужа, но не донесла на него⁸².

После ареста от Я. Кадара добивались признания, которое должно было подтвердить «догадку» Ракоши в том, что в годы войны он был завербован хортистской полицией. Первые допросы проходили в одном из особняков под руководством Г. Петера, а позже – в тюрьме по ул. Конти, где его допрашивал В. Фаркаш (в своей книге воспоминаний он пишет, что с апреля по июль в допросах участвовали и специалисты из МГБ СССР подполковники Доперчук, Кедрин и др.). В. Фаркаш признает, что он должен был разоблачить Кадара как полицейского агента. Допросы записывались на магнитофонную ленту и прослушивались в соседней комнате Г. Петером и Фаркашем-старшим.

С психологической точки зрения интересны откровения этого преуспевающего и многое знавшего следователя. «Ведущий допрос и жертва в одинаковой мере руководствовались слепой верой: первый добивался признания вины, ис-

ходя из приказа вождя, второй — в своей растерянности и недоступном пониманию разума положении писал тому же вождю подробные и чистосердечные признания о всех моментах своей жизни»⁸³, — отмечал хорошо разбиравшийся в иезуитско-палаческом механизме В. Фаркаш.

У Кадара не оставалось иллюзий насчет своей дальнейшей судьбы, ведь он прекрасно знал, кто дал санкцию на его арест и как они поступили с Райком. Сначала этот сановный арестант не давал никаких показаний, что вызвало раздражение М. Ракоши и М. Фаркаша, которые на заседании ЦР ВПТ 21 апреля уже объявили его агентом хортистской полиции. В этом направлении с ним и «работали», но в отличие от Райка Кадара не подвергали физическим пыткам, что он и подтвердил в 1989 г. в своем последнем интервью, назвав распространенные в стране и за рубежом слухи и утверждения об этом необоснованными. Неясно, правда, почему подобные слухи и утверждения не опровергались ранее... Во всяком случае, ходившие долгие годы легенды о бесчеловечных пытках Я. Кадара вызывали не только сочувствие, симпатии и доверие миллионов, но и формировали образ мученика, последовательного борца против ракошистского диктата. Но если не было прямого избиения, это еще не значит, что к Кадару вообще не применялись методы физического и морально-психологического воздействия: ему, например, по его же словам, долго не давали пить и спать, не разрешали ходить в туалет. В итоге через несколько недель он сдался, заявив главному следователю, что готов подписать любые показания, но дальнейших унижений не потерпит. В противном случае грозился закатить «скандал» на всю Венгрию.

Судебное разбирательство началось 18 декабря 1951 г. Кадар «признался», что был полицейским агентом и провокатором, что в 1943 г. распустил ВКП. Его приговорили к пожизненному заключению. Характерно, что Ракоши, сам прошедший в тюрьмах долгие годы и испытывавший многие

тяготы и лишения (его спасла от пожизненного заключения международная солидарность), поступал с соратниками по партии, в том числе и с Кадаром, даже более свирепо, чем некогда хортисты с ним. Он без колебаний отправлял сотни тысяч невинных граждан страны в тюремные застенки, подтверждая тем самым, что его тоталитарная власть ничуть не лучше той, против которой этот деятель и ему подобные боролись всю жизнь. В дальнейшем Кадара держали в полной изоляции. «Три года Кадар не слышал человеческой речи, не встречался и не разговаривал ни с кем», — писал венгерский писатель Л. Дюрко, который некогда специально беседовал с ним на эту тему⁸⁴.

Сам Кадар в одном из своих выступлений в октябре 1958 г. говорил: «Я в своей жизни дважды попадал в ситуации, когда казалось, что смерти не миновать. Первый случай произошел в 1944 г., второй — позже... В 1944 г. у меня не было никаких проблем: если суждено умереть, умру. Народ будет жить, советские войска придут, социализм победит. Во втором случае я оказался в беде. Тогда дело выглядело таким образом, что я должен умереть в условиях, когда все мои соратники и братья, мнением которых я всегда дорожил, с кем работал в молодежном движении, будут думать, что я предал дело коммунизма. А это, поверьте, страшное дело. В этой ситуации я боролся не за собственную жизнь. Хотел дожить до того дня, когда люди узнают: я не предал знамя коммунистов»⁸⁵.

Кстати, этот день, что называется, наступил, когда благодаря Имре Надю и его новому политическому курсу с июля 1953 г. начался пересмотр дел незаконно осужденных деятелей рабочего движения, в том числе в первую очередь коммунистической ориентации. С Кадаром стали обращаться по-другому. Правда, он о происходивших переменах, будучи изолированным от внешнего мира, и не подозревал. Пересмотр его дела в Верховном суде состоялся лишь в июле 1954 г. Накануне, как вспоминал он впоследствии, «меня в

тюрьме допросили два высокопоставленных советских офицера, которым я изложил все, что со мной произошло»⁸⁶. Тогда же жену Кадара, работавшую на фабрике игрушек, вызвал к себе Э. Герё и довел до ее сведения: подозрения в том, что «ваш муж — югославский шпион или агент полиции» не подтвердились. Вскоре она впервые после задержания Кадара получила возможность встретиться с ним.

За день до своего освобождения, 21 июля 1954 г., Кадар, плохо ориентируясь в политической ситуации в стране, обратился к Ракоши с покаянным письмом, в котором извинялся и давал пространное объяснение своему поведению на допросах. Он заверял его, что «все случившееся со мной за истекшие годы никогда, ни на миг не поколебали моего отношения к Партии, к Народной Республике, к Советскому Союзу». Говоря о своих взаимоотношениях с Ракоши, Герё, Фаркашем и Реваи до начала августа 1950 г., Кадар считал их «политически нормальными, а по-человечески — близкими». Он прощал им все подозрения в свой адрес, более того, даже оправдывал их поступки, отмечая, что они были «ответственны за судьбу венгерского народа и государства» и «выполняли свой коммунистический долг», а в заключение даже добавил, что на их месте он поступил бы точно так же.

Были ли эти покаянные строки продиктованы искренним убеждением или же являлись «дежурными фразами» с прицелом на будущее, сказать трудно. В заключительной части письма есть и такой пассаж: «Могу сказать, — и, конечно, не только я, — что все пережитое мною за последние четыре года — это античеловечно. Если можно было бы поменять судьбу, я выбрал бы возможность сидеть как коммунист в тюрьме капиталистического государства, будучи заточенным на 12 лет, нежели 12 месяцев находиться в тюрьме собственной народной республики. К сожалению, я имел возможность сопоставить эти две вещи — они неидентичны, они несопоставимы»⁸⁷.

Как явствует из этого послания к вождю венгерских коммунистов, Я. Кадар даже не подозревал, что освобожден благодаря тому политическому курсу, который начал осуществлять И. Надь, что именно он, а не Ракоши настоял на пересмотре сфабрикованных дел, реабилитации незаконно осужденных, пытаясь осуществить частичную демократизацию всей общественно-политической жизни. Кадар не догадывался, что все это делается вопреки желаниям Ракоши. С выходом из заключения он приобрел ореол коммунист-мученика, что в новых условиях обеспечивало ему соответствующий политический капитал, которым, однако, Кадар тогда не воспользовался.

Освобожденного из тюрьмы Яноша, исхудавшего, находившегося в плохом физическом состоянии, встретила жена. Она жила тогда в скромной однокомнатной квартире по ул. Фокош, в отдаленном районе Будапешта. Кадару предстоял месячный отдых на берегу Балатона, где за ним наблюдало бдительное око УГБ, затем состоялся переезд в принадлежавшую ЦР ВПТ трехкомнатную квартиру на площади Лекаи.

Поведение Кадара после выхода на свободу определялось то ли его личной скромностью, то ли осторожностью, то ли непониманием обстановки в стране, а может быть, было продиктовано его глубокой убежденностью во всесилье партийно-гэбистской структуры. Преданный и дисциплинированный солдат партии пошел на поклон к своему палачу. Ракоши принял Кадара как ни в чем не бывало, будто они расстались только вчера. Изобразив на своем лице радость по поводу встречи, он с лицемерным изумлением спросил: «Что это такое, почему Вы не обратились ко мне? Я бы помог». Кадар промолчал. Ему была предложена партийная должность, хотя и не очень высокая, но все же не где-то в захолустье, а в одном из рабочих районов Будапешта. Он стал первым секретарем райкома ВПТ. Ракоши вел себя цинично и расчетливо: он делал вид, будто ответственность за арест

Кадара лежит исключительно на бывшем начальнике УГБ Г. Петере, сидевшем с конца 1952 г. в тюрьме. Предоставляя новую должность Кадару, этот венгерский первокоммунист явно рассчитывал на него в будущем.

Таким образом, бывшего политзаключенного вновь вмонтировали в механизм того деспотического партийно-государственного Левиафана, который Ракоши называл вслед за советским «старшим братом» социализмом и который совсем недавно чуть не затоптал Кадара насмерть. Испытание своей веры фанатика-коммуниста, причем испытание самым подлейшим образом, т. е. путем самоговора, сделки со своими палачами и коленопреклоненного уверения их в своей незамутненной преданности «великому делу партии», он выдержал. Перед 42-летним представителем венгерской партноменклатуры, милостиво возвращенным в ее лоно, вновь открылся путь к «зияющим вершинам» этой коммунистической касты.

Новое восхождение ||

Кадар признавался, что после освобождения из тюрьмы он плохо ориентировался в сложившейся в стране ситуации. Не было уже в живых Сталина, а Ракоши, хоть и оставался руководителем партии, но именовался теперь первым секретарем ЦР ВПТ и лишился поста премьер-министра страны. Ушли в прошлое и июньские события 1953 г., когда новым премьером стал И. Надь, провозгласивший необходимость смягчения коммунистического режима. Произошли сдвиги и в сфере экономики — отказались от нереальных проектов, от гигантомании Ракоши и его идеи превращения Венгрии «в страну железа и стали», снизили темпы насильственного кооперирования крестьян, начался подъем жизненного уровня населения, упавший до низшей отметки за все послевоенные годы; люди почувствовали свежий ветер свободы. В тех условиях имя И. Нады стало символом демократизации и реформ.

Преимущества этого курса ощущал и первый секретарь XIII районного комитета ВПТ столицы Я. Кадар. Однако привыкнуть к новой обстановке мало кто успел, так как вскоре в политике наступил поворот. Ракоши стремился взять реванш. В партии и стране обострилась борьба между сторонниками демократии и реформ, с одной стороны, и последователями прежнего курса — с другой. Ракоши развернул кампанию против ставшего популярным соперника — И. Надя. С 1954 г. первый секретарь ЦР ВПТ практически торпедировал все демократические начинания премьер-министра, так как не без основания увидел в них смертельную для своей догматической линии опасность. Беспокоило его и то, что большая часть народа уже потеряла веру в партийное руководство. Он решил восстановить свой авторитет силой и возвратиться к прежним, испытанным методам руководства. В апреле 1955 г. Ракоши добился отстранения И. Надя со всех постов не только в партии, но и в государстве, а затем исключил его из рядов ВПТ.

В сложившихся обстоятельствах Кадар получил повышение — стал первым секретарем ключевого Пештского обкома ВПТ. Так по инициативе хитроумного и расчетливого Ракоши началось его повторное восхождение по партийной иерархической лестнице. Первый секретарь ЦР ВПТ, окружая себя молодыми и малоизвестными политическими деятелями, на пост премьера выдвинул 33-летнего Андраша Хегедюша. Новая должность Я. Кадара позволила ему участвовать в заседаниях ЦР, что открыло доступ к информации, расширило его возможности. Наделив Кадара новыми полномочиями, Ракоши, по-видимому, и дальше рассчитывал на него. Но последний, хотя и продолжал следовать определенным упрощенным штампам идеологического догматизма, все же прозревал и день ото дня становился сдержаннее в отношении своего «благодетеля».

После XX съезда КПСС, на котором Н. С. Хрущёв впервые подверг публичной критике деятельность Сталина и

беззакония прежней эпохи, Кадар, выступая на мартовском (1956 г.) пленуме ЦР ВПТ, как и на его последующих заседаниях, решился критиковать политику Ракоши за возврат к старому курсу. Он осудил акции ракошистов против И. Надя. Правда, это еще не означало восприятия им концепции бывшего премьера, а тем более его поддержки. Ряд высказанных Надем положений об Отечественном народном фронте и его функциях, обращение к идее национальной гордости не были тогда поняты не только Кадаром, но и другими руководителями партии.

В новых условиях Кадару пригодились те уроки и тот капитал, которые он приобрел в качестве бывшего заключенного. Он теперь более критично стал смотреть на партийного вождя, подмечая порочность его политики, которая подрывала доверие масс к ВПТ. В связи с утверждениями Ракоши на упомянутом выше пленуме, что, дескать, решения XX съезда КПСС соответствуют его политической линии, Кадар отметил: в прошлом товарищ Ракоши действительно пользовался большим авторитетом и доверием, но в новых условиях лично он, Я. Кадар, не сомневается в том, что Ракоши сам не верит в свои утверждения. Он осудил нарушение законности, потребовал скорейшего завершения реабилитации безвинно упрятанных в тюрьмы или лагеря, а также привлечения виновных к ответственности. Слова Кадара были встречены с пониманием и вызвали поддержку участников пленума, в частности, его позицию разделял даже Й. Реваи.

Не исключено, что именно тогда Кадар обратил на себя внимание посла СССР в Венгрии Ю.В. Андропова. На июльском (1956 г.) пленуме ЦР ВПТ, снявшим М. Ракоши с поста первого секретаря, Кадар занял позицию, которая заслужила одобрение А.И. Микояна, участвовавшего в работе пленума. Он осудил Ракоши, но в то же время И. Надя все же не поддержал. Была ли это осторожность или принципиальная позиция, сказать трудно. Правда, для критики бывшего

«патрона» в тогдашних условиях уже не требовалось особой смелости.

На том этапе Я. Кадар и И. Надь стояли на антисталинистских и антиракошистских позициях и фактически возглавили силы, недовольные прежним политическим курсом. Став пропагандистами политики продолжения реформ, начатых летом 1953 г., они постепенно сумели сплотить вокруг себя основные демократические силы, желавшие обновления социализма. Однако Кадар был более осторожным. Он считал необходимым осуществить перемены в высшем руководстве, но его выступления в марте и июле 1956 г. на партийных пленумах, в открытой печати не публиковались и не стали достоянием общественности. Поэтому Кадар оставался менее известной стране фигурой, чем Надь. На него, однако, уже начали обращать внимание на высоких номенклатурных форумах. В отличие от И. Нады весной он еще не имел достаточно сторонников и своей «команды», которая бы открыто поддерживала его. Не проявились еще и личные амбиции Кадара, в скромном противоборстве с Ракоши он не стремился к низвержению своего бывшего шефа, а уж тем более не помышлял стать руководителем партии. Кадар решился всего лишь выразить свою позицию, свое видение и понимание ситуации. Тем не менее он зарекомендовал себя этими выступлениями как взвешенный политический деятель и быстро завоевал уважение коллег.

По сравнению с Кадаром Имре Надь, инициатор экономических форм и демократизации общественно-политической жизни, был более известным в стране человеком и имел многих сторонников. Однако он уже не входил в партийное руководство и даже не был членом ВПТ. Это обстоятельство, безусловно, снижало его возможности реально возглавить процесс обновления существовавшего строя.

Ракоши, несомненно, нанес партии непоправимый вред, когда исключил Нады из ВПТ и упорно препятствовал его восстановлению в ее рядах. Итак, И. Надь, не имея рычагов

власти, был лишен возможности эффективно воздействовать на основные политические процессы в стране и в партии, а это, в свою очередь, ограничивало реальные шансы всех демократических сил.

Тем не менее борьба с ракошистской системой велась именно теми силами, которые группировались вокруг Нады и Кадара. Последний позже говорил: «Я знал Имре Надя как порядочного и честного человека, образованного и умного коммуниста»⁸⁸. Оценивая его действия того периода, Кадар в своем последнем интервью отмечал: «Я и тогда, и сегодня свято верил, был убежден, что борьба, которую вел Имре Надь против Ракоши и ракошистов, была справедливой и позитивной»⁸⁹. Они оба разными средствами и методами боролись на том этапе против произвола и диктата Ракоши, желая спасти честь своей партии, в историческую миссию и призвание которой искренне верили. Интересы и жизненные позиции этих двух политических деятелей разошлись позже, в дни великих испытаний октября–ноября 1956 г., а пока они делали общее дело.

Ракоши же, чувствуя угрозу своей личной власти, упорно и отчаянно сопротивлялся, не признавая необходимости каких-либо перемен, отвергая любые предложения. Тем временем в июне в рамках политического дискуссионного клуба (Кружок им. Петёфи), организованного по инициативе комсомола и при поддержке ВПТ, развернулись споры о неотложности «социалистического обновления». Некоторые ораторы даже ставили вопрос о целесообразности отставки группы Ракоши–Герё, что было расценено последними как «самое серьезное нападение на нашу партию и народно-демократический строй», как «открытые контрреволюционные взгляды»⁹⁰. Вся вину за эти взгляды Ракоши возложил на И. Надя, хотя тот, оставаясь дисциплинированным «беспартийным партийцем», не только не был причастен к созданию клуба, но даже предостерегал писателей и журналистов от любых необдуманных поступков. Ракоши

искал «руку врага» и уже готовил новые списки для массовых арестов и расправ, но развернуться не успел. Ибо все это происходило уже в условиях, когда стало очевидным, что идеи демократизации и реформ овладели массами, которые больше не желали терпеть навязанную стране модель диктаторского правления. Я. Кадар в июне 1956 г. во время одной из встреч с представителями советского посольства в Будапеште отмечал, что он «не помнит события, которое так сильно волновало бы партию и страну... как XX съезд КПСС». Критически отозвавшись о «весьма серьезных ошибках и промахах», допущенных руководством ВПТ, он подчеркнул, что «социализм надо строить со знанием дела, без ошибок и ненужных жертв»⁹¹.

В июне в Будапешт для участия в работе пленума ЦР ВПТ прибыл А. И. Микоян. Он приехал с конкретным предложением руководства КПСС о замене первого секретаря партии и уже на аэродроме встречавшим его партийным лидерам сообщил об этом. Пленум единогласно освободил Ракоши с поста первого секретаря. Правда, его место занял не какой-либо реформатор, а Э. Герё, такой же правоверный сталинист и не менее, чем Ракоши, причастный к преступлениям его тоталитарно-диктаторского режима. Кадар хорошо знал, что собой представляет Герё, однако публично не высказал своих сомнений.

Июньский (1956 г.) пленум ЦР ВПТ обновил высшее партийное руководство. В его состав включили ряд некогда отстраненных и прошедших ракошистские застенки партийных деятелей: Я. Кадара, Д. Марошана, Д. Каллаи, И. Сирмай, Э. Кишхази, Д. Ацела и др. Кадар стал секретарем ЦР ВПТ и вместе с Марошаном вошел в состав политбюро. Кажется, наступили существенные перемены, появилась надежда на лучшее. На деле же решения пленума имели половинчатый и явно недостаточный характер. Взять хотя бы того же Ракоши: он был снят со своего поста и выведен из состава политбюро не по причине совершенных им преступ-

лений против народа («козлом отпущения» стал единственный виновник — М. Фаркаш, исключенный из партии), а с широко известной тогда в лагере социализма формулировкой — «по состоянию здоровья». К тому же Ракоши остался членом ЦР ВПТ, а основная партийно-государственная власть, благодаря Э. Герё, фактически сохранилась в руках ракошистской группы. Очевидно, не без основания подчеркивал Кадар 14 июля 1956 г. в одной из бесед с А. И. Микояном, что он продолжает опасаться: «Ракоши и Герё могут вновь допустить повторение ошибок» и «произведут поворот к прежней практике произвола и репрессий»⁹².

Позже многие, в том числе и новый премьер-министр А. Хегедюш, полагали, что если бы летом 1956 г. партию возглавил Я. Кадар, а премьером избрали И. Надя, Венгрия избежала бы остро политического кризиса и осенних кровавых потрясений. Может, оно и так, но в Кадаре тогда еще мало кто видел отвечающего требованиям момента и перспективного партийного и государственного деятеля страны. Сам же он много позже пришел к выводу, что подобные кадровые перестановки «не могли бы предотвратить катастрофу». Видимо, к тому времени слишком обострились противоречия, слишком велики были социальная напряженность и недовольство политикой партийной элиты.

Внешне, однако, все выглядело благополучно. Наступило летне-осеннее затишье, эдакий «мертвый сезон» в большой политике. В общем успокоение некоторое разнообразие вносил лишь И. Надя, добивавшийся своего возвращения в партию. Он не представлял себя вне партии, поэтому писал письма в партийные инстанции, добился встречи с Герё и Кадаром. В итоге 13 октября 1956 г. И. Надя был восстановлен в рядах ВПТ. «Я способствовал восстановлению чести и членства Имре Надя в партии»⁹³, — отмечал много лет спустя Я. Кадар. Продолжалась, хотя и медленно, реабилитация и других деятелей. Одновременно были арестованы М. Фаркаш, его сын, многие соратники УГБ, грубо нарушавшие законы.

Казалось, что перемены в «верхах» должны дать результат — принести всеобщее успокоение. Ничто не предвещало приближения бури. В тех условиях партийно-государственное руководство своей главной заботой считало доведение до сведения союзнических стран сути перемен на венгерском политическом Олимпе, с этой целью выезжали специальные делегации в Китай, СССР и Югославию. Сначала Э. Герё в конце сентября встретился в обществе Хрущёва, Ворошилова, Булганина, Брежнева, Гречко и главы советской госбезопасности Серова с отдохавшим на Черном море югославским лидером Иосипом Броз Тито, а 6 октября 1956 г. (в Будапеште в тот день проходило торжественное перезахоронение останков Л. Райка) он вместе с Кадаром вел переговоры с Микояном и Суловым в Москве.

Кадар был участником и той партийно-правительственной делегации, которая в октябре посетила Югославию. Его присутствие признавалось весьма желательным, ибо при Ракоши он сидел в тюрьме, а, как известно, Тито и руки не хотел подавать Ракоши со времени оголтелой антиюгославской кампании, в частности процесса над Райком, и считал невозможным нормализовать отношения с Венгрией до тех пор, пока тот находился у власти. Кадару же, как показали последующие события, удалось завоевать расположение и даже симпатию маршала, и этот факт сыграл большое значение в его личной судьбе в ближайшие недели.

Драма 1956 года ||

В последнюю декаду октября в венгерской столице стало особенно беспокойно. 23 числа вышли на улицы студенты. К ним за считанные часы присоединились представители самых различных групп населения. Страну потрясла мощная волна стихийного народного возмущения. Улица требовала полного отказа от сталинизма, проведения реальных реформ и неотложных общедемократических преобразований.

О позициях и суждениях Я. Кадара как члена высшего партийного руководства в первые дни восстания сохранилось мало достоверных сведений. Да и они вряд ли могут быть поняты вне контекста начавшихся 23 октября бурных событий. Рассмотрим их в хронологической последовательности, но прежде всего вновь отметим, что Кадар и Надь принадлежали к числу тех деятелей, которые считались коммунистами-реформаторами, сторонниками антиракошистского курса, готовыми к переменам и демократизации социализма.

Накануне студенческой демонстрации 23 октября в Будапеште и в других университетских городах — Сегеде, Мишкольце, Пече, Шопроне — прошли собрания студентов, выразивших стремление к объединению в независимую молодежную организацию. Они одновременно выдвинули свои пожелания партийно-государственным властям: прежде всего решительный отказ от сталинизма. Студенты Будапештского политехнического университета, в частности, потребовали созыва партийного съезда и выборов нового руководства партии, устранения ярых коммунистических догматиков, привлечения к ответственности Ракоши, публичного суда над Фаркашем и другими виновниками беспредела, всеобщих и тайных выборов, возвращения И. Надя на пост премьер-министра и продолжения реформ, права на забастовки и разрешения деятельности демократических партий, введения независимых судов и освобождения всех незаконно осужденных, полной свободы слова. Кроме того, требовали также пересмотра неравноправных венгерско-советских отношений, возвращения к национальным символам и традициям, в том числе ликвидации памятника Сталину, восстановления запрещенного ранее национального праздника 15 марта, национального герба и формы одежды в армии.

Партийные лидеры, возвратившиеся утром 23 октября из Белграда, явно не ожидали такого поворота событий.

Они тут же собрались на экстренное заседание политбюро. Кадар впоследствии вспоминал, что он предлагал поехать сначала домой и лишь затем на заседание, «но, поскольку Герё был первым секретарем и решающее слово было за ним, мы поехали в ЦК. И я уже домой вообще не вернулся». О чем они говорили, какую позицию занимал каждый, в частности Кадар, достоверных сведений мы не имеем. Известно, однако, что вместе с Герё, Хегедюшем и Реваи он сидел в президиуме. Герё явно не сознавал серьезности положения, ибо начал заседание с пространного отчета о поездке в Югославию и лишь затем перешел к обсуждению злободневного вопроса. Сначала решили запретить демонстрацию студентов, и часть членов политбюро была направлена в различные организации для разъяснения такой необходимости. Я. Кадар поехал на радио и в Совет профсоюзов, вскоре, однако, его отозвали назад, поскольку после выступления министра внутренних дел Пироша, заявившего, что без применения огня он не сможет помешать проведению демонстрации, политбюро было вынуждено ее разрешить.

В 15 часов в Будапеште у памятника Петёфи собралось около 10 тыс. человек, в основном студенты и представители интеллигенции. Они пели гимн и зачитали 16 пунктов своих требований. Демонстранты направились к памятнику польского генерала Бема, воевавшего в XIX в. за свободу Венгрии, где выразили солидарность с рабочими Познани. По пути провозглашались антиракошистские, антисталинские лозунги. Демонстранты на некоторых знаменах вырезали утверченный по советскому образцу в конце 40-х годов герб Венгерской Народной Республики.

Напуганный развитием событий, лидер ВПТ Э. Герё по телефону обратился за помощью к послу СССР Ю. В. Андропову. Последовали переговоры с командованием войск в Венгрии, с генштабом и с Н. С. Хрущёвым. Вскоре со стороны Секешфехервара, Кечкемета и Цегледа в направлении

столицы двинулись советские формирования Особого корпуса, находившиеся с лета в состоянии повышенной боевой готовности (что было предпринято под влиянием «беспорядков» в Польше).

От памятника Бема демонстранты, к которым присоединились многие рабочие и служащие, направились к зданию парламента, где собралось уже около 200 тыс. человек. Это была мощная мирная демонстрация за демократию и восстановление национального достоинства народа. После прибытия в Будапешт военных частей демонстранты в свои требования включили новый пункт – вывод советских войск из Венгрии. Тогда и появился лозунг: «Советскую Армию – домой, пусть Сталина заберут с собой!».

У парламента демонстранты стали требовать, чтобы к ним обратился опальный Имре Надь, который лишь после официальных приглашений руководства партии приехал к парламенту. Выйдя на балкон, он сказал о необходимости разрешения проблемы самой ВПТ и о продолжении реформ, начатых в 1953 г., а затем призвал собравшихся разойтись по домам. Его выступление вызвало разочарование, ведь от него ожидали большего.

В 20 часов вечера по радио прозвучала речь главы правящей компартии Э. Герё. Он назвал демонстрантов нарушителями порядка, националистическими подстрекателями и провокаторами, а их выступление – вражеским (а пропаганда к этому добавила еще эпитет «фашистский»), что вызвало возмущение митинговавших. Эта беспомощная и злобная речь коммунистического догматика вызвала обратный ожидаемому эффект: новые тысячи людей вышли на улицы и площади. Часть из них от парламента двинулась к зданию радио в надежде на то, что Герё находится там и они смогут ему выразить свое недовольство, объяснить подлинные устремления масс, зачитать студенческие требования. Другая часть направилась к памятнику Сталину и приступила к его демонтажу. В здание радиокомитета представителей

демонстрантов не пустили, отказались передавать в эфир их требования. Тогда собравшиеся пытались силой проникнуть внутрь. Против них применили водометы, а затем около 21 часа гэбисты открыли огонь на поражение. Появились первые убитые и раненые. Мирная демонстрация протеста постепенно превратилась в вооруженное столкновение. Ночью армейский полк, направленный из Пилишчабы на подкрепление охранявшим радио солдатам и офицерам УГБ, видя эту расправу, перешел на сторону штурмовавших здание демонстрантов, а по сути уже повстанцев. Жертв с обеих сторон было немало.

На чрезвычайном заседании ЦР ВПТ в присутствии И. Надя были осуществлены новые перестановки. Пост первого секретаря остался за Э. Герё. Я. Кадар, Д. Каллаи и Ф. Донат стали новыми секретарями, а членами ЦР ВПТ избрали Ф. Мюнниха и Д. Лукача. В политбюро ввели И. Надя и И. Кёбёла, а кандидатом в его члены – Г. Лошонци. Это были существенные, но запоздалые уступки в пользу сторонников реформ. И. Надь опять стал премьер-министром, а А. Хегедюш – его первым заместителем, который по просьбе Ю.В. Андропова несколько дней спустя поставил свою подпись на документе о приглашении советских войск в столицу⁹⁴.

Ночью в Будапешт вошли новые советские военные формирования, занявшие стратегические точки города. Возникали стихийные очаги сопротивления. Большинство повстанцев составляла рабочая молодежь. С 24 октября началась всеобщая политическая забастовка, на предприятиях столицы приступили к созданию органов революционной власти снизу – рабочих Советов. На эти события откликнулись и в других городах, где прошли митинги и демонстрации. Характеризуя позже обстановку тех дней, Я. Кадар отмечал: «Сложилась ситуация, которую не только я, но еще никто и нигде в мире не переживал. Тут не помогали никакая теория, никакой рецепт, никакой опыт. Нужно было время, чтобы прийти в себя»⁹⁵.

Вечером 24 октября он выступил по радио и признал значительную часть требований студентов справедливой, подчеркнув, что путь к реформам будет открыт. В то же время Кадар констатировал, что демонстрация быстро переросла в выступление против народно-демократического строя, в котором участвуют и «контрреволюционные реакционные элементы». Он призвал членов ВПТ охранять партийные помещения от возможного «вражеского нападения».

24 октября ТАСС сообщил о разгроме «контрреволюционного мятежа», утром следующего дня Будапештское радио заявило о «ликвидации попытки контрреволюционного путча». В первой половине дня 25 октября в столице, на площади перед зданием парламента, вновь собрались массы мирных демонстрантов, требуя отставки Э. Герё и демократизации жизни в стране. Здесь же началось братание будапештцев с экипажами советских танков, выставленных для охраны от народа находившихся там руководителей. Студенты разъясняли солдатам свои цели. По безоружным людям, братавшимся с советскими воинами, внезапно около 11 часов утра был открыт пулеметный огонь: около 200 человек было убито, многие получили ранения. По чьей команде «сверху» гэбистам был отдан приказ стрелять, до сих пор неизвестно. Сегодня имеются сведения о 80 таких «акциях» вооруженных отрядов по стране. Массовые расстрелы и аресты мирных демонстрантов еще больше осложнили обстановку, вызвав всеобщее сопротивление режиму. На сторону восставшего народа начали переходить части венгерской армии. Полковник Пал Малетер, направленный с танковой группой для подавления очагов сопротивления, 26 октября заявил, что отказывается стрелять в народ и перешел на сторону повстанцев.

Пытаясь сбить накал страстей и сдержать стремительный рост массового недовольства, ЦР ВПТ, посоветовавшись с приехавшими в первый же день событий в Венгрию А. И. Микояном и М. А. Суловым, сняло Э. Герё с поста пер-

вого секретаря, заменив его 25 октября Я. Кадаром, но этого было уже явно недостаточно для спасения авторитета ВПТ и восстановления ее безраздельной власти.

На ночном заседании политбюро 26 октября в присутствии Микояна и Суслова была обсуждена платформа, предложенная новым лидером ВПТ. Ее главные положения: переоценка «контрреволюции» в революцию, роспуск УГБ, прекращение огня и вывод советских войск. Согласно принятому решению, все эти положения Кадара должны были быть обнародованы не в качестве партийного решения, а в виде правительственного заявления⁹⁶. Одновременно создавался специальный комитет для разработки проекта установления военной диктатуры. В условиях снижения напряженности к концу октября потребность в нем отпала сама собой.

27 октября произошли перемены и в составе правительства: кабинет И. Надя пополнился 14 новыми членами, среди которых были Ф. Мюнних, Д. Лукач, З. Ваш, а также З. Тильди от Независимой партии мелких хозяев в качестве государственного министра. Через день новый министр внутренних дел Мюнних распустил УГБ и заявил о создании полиции демократического режима. Скомпрометировавшие себя партийно-государственные деятели Герё, Хегедюш, Пирош и другие вместе с семьями были отправлены вслед за Ракоши в Москву.

28 октября заседание ЦР ВПТ под руководством Кадара одобрило решение политбюро и оценило события октября 1956 г. как революцию и освободительную борьбу. В интересах кардинального обновления ЦР приняло решение о самороспуске ВПТ и избрало подготовительный комитет и его президиум во главе с Кадаром для реорганизованной партии, которую он же предложил назвать Венгерской социалистической рабочей партией (ВСРП). Этот президиум также признал единогласно октябрьские события национально-демократической революцией. Позднее лидеру

ВСРП ставили в упрек, что он дважды распустил компартию. «Не было другого выхода, — объяснял он. — Партия распалась, лишилась доверия, ее необходимо было реорганизовать»⁹⁷.

Кадар в те дни был так занят, что, по воспоминаниям его жены, после возвращения из Белграда он встретился с ней только 28 или 29 октября, да и то на чужой квартире, куда явился в каске и «производил весьма комическое впечатление».

28–30 октября И. Надь в качестве премьера и министра иностранных дел неоднократно встречался с послом СССР в Будапеште Ю. В. Андроповым, а также с А. И. Микояном и М. А. Сусловым для обсуждения и согласования вопросов о выводе советских войск из страны и планов правительства, предусматривавших меры по стабилизации положения, введения многопартийности и создания коалиционного правительства. Притом все шаги правительства осуществлялись с участием Я. Кадара и были одобрены высшим партийным руководством. Советские представители вели переговоры не только с Надем, но и с Кадаром, а также с некоторыми другими членами венгерского руководства. «В те дни только Имре Надь, Лошонци и я имели реальную возможность оказывать влияние на события, — подчеркивал в последнем интервью Кадар. — Это был подлинный кабинет... мы тогда пошли на далеко идущие политические уступки»⁹⁸.

30 октября после обсуждения позиций с представителями СССР И. Надь выступил по радио и с согласия президиума партии заявил, что «в интересах дальнейшей демократизации жизни страны прекращает свое действие однопартийная система», управление государством будет осуществляться «на основе демократического сотрудничества возрождаемых коалиционных партий»^{*}. Премьер-министр сообщил, что пра-

---

^{*} Речь шла о правительственной коалиции, в которую наряду с коммунистами вошли бы представители партии мелких хозяев и социал-демократической партии.

вительство признает возникшие в дни революции местные демократические органы власти — революционные и национальные комитеты, а также рабочие Советы.

Лидер коммунистов Я. Кадар, обращаясь по радио к нации, сказал, что «в интересах спасения народа, трудящихся масс от дальнейшей кровопролитной братоубийственной борьбы» он от имени президиума партии выражает согласие с решением Совета министров.

Позднее Я. Кадар неоднократно подчеркивал, что до последнего поддерживал И. Надя и разделял все решения его правительства в октябрьские дни. Правда, при этом не скрывал, что у него имелись некоторые опасения, когда Надя, желая не допустить кровопролития, вопреки намерениям военного комитета ЦР ВПТ, не разрешил военную операцию против укрепленного очага повстанцев у кинотеатра «Корвин» в Будапеште. Кадар колебался, думая, что если не принять меры, то повстанцы «за считанные часы разнесут и нас». Но затем его подозрения рассеялись, и он полностью разделил позицию И. Нады.

30 октября по требованию правительства И. Нады, одним из влиятельных членов которого был Я. Кадар, начался вывод советских войск из Будапешта. Венгерские газеты на следующий день опубликовали декларацию правительства СССР от 30 октября, которая в основном расценивалась как извинения Москвы. В ней речь шла о развитии взаимоотношений с социалистическими странами на принципах «полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»⁹⁹. Отмечалось, что войска были введены в Будапешт по просьбе Венгерского народного правительства для того, «чтобы помочь Венгерской народной армии и венгерским органам власти навести порядок в городе», выражалась готовность «вступить в соответствующие переговоры с правительством Венгерской Народной Республики и другими участниками

Варшавского договора по вопросу о пребывании советских войск на территории Венгрии»¹⁰⁰.

Имре Надь поверил этой декларации и искренности высокопоставленных эмиссаров КПСС, которые дали «добро на возрождение коалиционного правления четырех демократических партий на базе признания ими строительства социализма». Новому кабинету удалось добиться прекращения политической забастовки и возобновления работы предприятий, были остановлены вооруженные столкновения, началось налаживание мирной жизни. Казалось, завершился наиболее острый этап антисталинистской борьбы масс, добившихся продолжения реформ, отстранения клики Ракоши–Герё, демократизации «социализма» и национальной независимости. Печать и радио сообщали о славной победе национально-демократической народной революции, о достигнутой договоренности начать переговоры о выводе советских войск из страны. Однако 1 ноября страну вновь облетела тревожная весть. Радио сообщило, что премьер вызвал посла СССР Ю. В. Андропова и, ознакомив его с достоверными сведениями о введении на территорию Венгрии дополнительных советских военных формирований, потребовал их немедленного вывода. Он подчеркнул, что в противном случае Венгрия заявит о выходе из Варшавского договора и своем нейтралитете и обратится к ООН за помощью.

Я. Кадар, поддерживавший в те дни все шаги правительства, и на этот раз решительно высказался против ввода новых советских формирований на территорию Венгрии, а по некоторым сведениям, даже заявил, что сам выйдет на улицу и голыми руками будет останавливать танки. 1 ноября он целый день находился в Будапеште, а затем бесследно исчез. В последний раз его видели около 22 часов в здании парламента. Примерно в то же время по радио передавалось записанное еще утром его обращение к венгерскому народу. «Славное восстание нашего народа сбросило с себя, с шеи народа и страны, ракошистское господство, добилось на-

родной свободы и восстановления независимости родины, без чего нет и не может быть социализма...» – говорилось в этом обращении. – Мы не хотим больше быть зависимыми! Не желаем превратить страну в военный плацдарм! Обращаемся ко всем честным патриотам: сплотимся ради венгерской независимости, во имя венгерской свободы!»¹⁰¹

Все эти фразы партийца-реформатора о единении со своим разогнувшим спину народом находились в явном противоречии с последующими поступками Я. Кадара. На вопросы о том, где он был, что делал и с кем встречался 1–4 ноября, Кадар впоследствии отвечал весьма уклончивыми предложениями: сложилась обстановка, когда «я больше не мог сопротивляться» и нести ответственность за ситуацию; «никто уже не слушался нас», было ясно, что коалиционное «правительство долго не удержится»; появилась угроза того, что повстанцы «могут смести и коммунистов» и т.п. Наряду с реальными и мнимыми опасениями, безусловно, существовали иные обстоятельства и причины, заставившие Кадара внезапно исчезнуть из Будапешта и изменить свою позицию.

К вершине политического Олимпа, || или как стать человеком № 1 ||

Среди тех немногих, кто знал о местонахождении лидера венгерских коммунистов, был посол Ю.В. Андропов и некоторые члены ЦК КПСС, в том числе Н.С. Хрущёв. Согласно утверждениям очевидцев, Кадару накануне позвонил Андропов и попросил его приехать в посольство. Последний раз видели его на ул. Академиаи, когда он садился в машину. Впоследствии Кадар так рассказывал об этом: «Мне помнится, товарищ Мюнних или его непосредственные подчиненные обеспечили нам машину, и мы поехали в советское посольство. Там получили другую машину с сопровождающим и на ней добрались до советского военного аэродрома в Текеле»¹⁰².

Из записей в дневнике югославского посла в Москве В. Мичуновича от 3 ноября 1956 г. известно, что Хрущёв вместе с Маленковым прибыл на остров Бриони в Югославии для согласования с маршалом Тито планов предполагаемых действий по отношению к «мятежной Венгрии». Советский лидер уже за несколько дней до этого знал о решении руководства США не вмешиваться в венгерские дела. Кстати, это обстоятельство, а также агрессия Израиля, Англии и Франции против Египта позволили Хрущёву действовать без оглядки. Он поставил Тито в известность, что подготовленные войска смогут за день-два «покончить с этим положением». Хрущёв сказал также, что Булганин по телефону сообщил ему хорошую весть: «Ференцу Мюнниху и Яношу Кадару удалось сбежать из Будапешта и они сейчас следуют самолетом в Москву»¹⁰³. Характерно, что именно на острове Бриони решался вопрос: кто из двоих, Кадар или Мюнних, возглавит «новое революционное правительство Венгрии». Как утверждает В. Мичунович, советский руководитель предпочел Ф. Мюнниха — бывшего интернационалиста и посла Венгрии в Москве при Ракоши. Тито же настаивал на кандидатуре Кадара. После почти трехчасового обмена мнениями в ночь на 3 октября предпочтение было отдано Я. Кадару. Тюремное заключение при Ракоши, лучшее знание кадров страны склонили чашу весов в его пользу.

Итак, Я. Кадара выбрали для выполнения незавидной роли душителя дела, за которое боролись его товарищи, коммунисты-реформаторы во главе с И. Надем, народного восстания, начавшегося под лозунгом борьбы против сталинизма и догматизма, за демократизацию социализма. Историки еще не располагают конкретными достоверными сведениями о том, кто, где и когда информировал впервые об этом Кадара. Для окончательного решения вопроса требовалось его личное согласие. Решил ли он возглавить контрправительство Венгрии добровольно или же ему пришлось сделать это под давлением, сказать трудно. Ответ са-

мого Кадара весьма лаконичен: «Кто-то должен был взять на себя ответственность»¹⁰⁴. Так или иначе, но он возглавил квислинговское, так называемое Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство, в задачу которого входили такие контрреволюционные меры, как отстранение законного демократического коалиционного правительства И. Надя, поддержка советских интервенционных акций «по наведению порядка» и расправа с участниками активных повстанческих выступлений.

С конца октября 1956 г. судьба Венгрии была предрешена — военная машина заработала¹⁰⁵. Первое воззвание от имени нового правительства прозвучало в эфире 4 ноября в 5 часов утра. По официальной версии, это произошло на волнах радиостанции г. Солнок, но скорее всего вещание велось с советской территории, из г. Ужгород. Известно, что текст этого воззвания Я. Кадара к народу подправляли по срочному заданию «сверху» стилисты областной газеты «Карпати Игаз Со» («Закарпатская правда»), выходящей в Ужгороде на венгерском языке. Посол Югославии в СССР В. Мичунович записал в своем дневнике: «Из слов Хрущёва у меня создалось впечатление, что текст заявления нового венгерского правительства заранее был отредактирован в Москве, но они (Хрущёв и Маленков, находившиеся на острове Бриони. — Б.Ж.) выражали готовность исправить его с учетом наших переговоров и предложений»¹⁰⁶.

Исчезновение Кадара в начале ноября удивило и поразило И. Надя. Узнав о создании контрправительства, он, как утверждают его сторонники, не исключал того, что Кадар испугался. Но не хотел верить в то, что тот предал его и страну¹⁰⁷.

Пока вдали от Будапешта формировался будущий кабинет Кадара и готовилась акция по «спасению социализма», 3 ноября в венгерском парламенте собрались советские и венгерские представители для обсуждения вопросов вывода советских войск с территории Венгрии. Второй тур перего-

воров проходил с 22 часов ночи на советской военной базе в Текеле. Около полуночи венгерская делегация была арестована председателем КГБ СССР генералом армии И. А. Серовым. Вместе с советскими гэбистами здесь оказался и бывший министр внутренних дел ВНР Л. Пирош, выехавший ранее вместе с Герё в СССР. С этой вероломной акции фактически начиналась реализация активных действий по «подавлению контрреволюции». Еще 2 ноября маршал И. С. Конев в Солноке поставил перед командиром Особого корпуса боевую задачу «ликвидировать контрреволюционный мятеж в Будапеште».

4 ноября в 4 часа утра советские войсковые части под командованием генерала К. Е. Гребенника в составе пяти армейских дивизий начали штурм Будапешта. Именно тогда, через час после начала военных действий, на волне Солнокского радио было передано сообщение об образовании революционного рабоче-крестьянского правительства, которое с помощью советских вооруженных сил вступает в борьбу против контрреволюции. Далее, не называя главу правительства, Ф. Мюнних перечислил имена его членов: А. Апро, Я. Кадар, И. Кошша и Ф. Мюнних. Несколько позже в эфир пошло обращение Я. Кадара, в котором он уже в качестве главы правительства заявлял, что новое венгерское правительство «в интересах народа, рабочего класса, родины обратилось с просьбой к командованию советских войск помочь нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, порядок и спокойствие в нашей стране»¹⁰⁸.

В тот же день, 4 ноября, в 7 часов 14 минут Будапештское радио от имени правительства И. Надя на венгерском и русском языках призывало советских солдат и офицеров не стрелять. В обращении И. Надя к народу не содержалось слов об организации сопротивления советским войскам, хотя и говорилось, что их действия направлены на «свержение законного венгерского демократического правительства»¹⁰⁹.

Декларированная Кадаром цель — воспрепятствовать дальнейшему кровопролитию в стране — на деле не реализовалась. Пролилось больше крови, чем в дни восстания. Люди, добившиеся в октябре демократических свобод, стали на защиту своих завоеваний. Стихийное сопротивление и его жестокое подавление сопровождалось немалыми жертвами, принесли несчастье и скорбь тысячам венгерских и советских семей. С 4 по 9 ноября в столице было зафиксировано официальной статистикой более 800 убитых¹¹⁰. Эта цифра значительна и несопоставима по своим масштабам с теми жертвами «народного террора» и самосуда над гэбистами, которые имели место в Будапеште, Мишкольце, Озде и Мошонмадьярваре с 23 по 30 октября, т. е. в дни революционной борьбы. Тогда погибло 28 человек (из них — 20 — сотрудники УГБ). По другим подсчетам, в дни сопротивления советским «войскам число жертв в одном лишь Будапеште было гораздо больше: в результате боевых действий в ноябре 1956 г. — январе 1957 г. погибло 1188 жителей¹¹¹. К этому следует добавить еще около 200 убитых в других городах, многочисленных раненых, а также советские потери — 2260 солдат, сержантов и офицеров (в том числе 720 погибших и пропавших без вести, 1540 раненых¹¹²).

В Будапеште, несмотря на объявление осадного положения, бои продолжались. Сопротивление дольше всего оказывалось в рабочих районах Чепеля, где еще и 11 ноября велись перестрелки. Кадар прибыл в Будапешт утром 7 ноября на советской бронемашине в сопровождении танков. Как впоследствии отмечал он сам, пробирались они в столицу окольными путями и ехали всю ночь. Возглавив новую администрацию, Кадар на сей раз выступил в традиционной роли коммунистического правителя, которому по существу чуждо радикальное реформаторство, хотя по форме он и может, подчас искусно, рядиться в соответствующие одежды демократа-преобразователя.

Начался процесс восстановления старых структур власти, фактически прежней системы в ее кадаровском исполнении. Основная забота партийного и государственного руководства состояла в «наведении прочного порядка» и установлении «спокойствия». Дело это оказалось нелегким. В стране происходили политические забастовки, продолжались местного значения бои с повстанцами, сопротивление квислинговскому режиму принимало самые различные формы. Комендантский час был отменен только в апреле 1957 г. Новая власть, опираясь лишь на военную силу, на начальном этапе не имела политической или социальной поддержки. Недоверие к ней было глубоким и продолжительным. Первые попытки рассеять его не увенчались успехом. От предложений принять участие в кабинете Кадара отказывались многие известные в стране общественные деятели, представлявшие различные политические партии и движения. Даже на заседании Временного ЦК ВСРП 11 ноября 1956 г. из уст партийных функционеров звучали весьма неприятные для Кадара высказывания. «Создание революционного правительства было большой ошибкой, ведь Имре Надь уже добился того, что мог консолидировать ситуацию», — говорил М. Хорват. «Наблюдается громадная ненависть со стороны подавляющего большинства жителей Будапешта», — констатировал Д. Ацел и подчеркнул, что без И. Надя «мы не в состоянии привлечь на сторону партии ни интеллигенцию, ни рабочие массы». Л. Фехер признал, что «в городе царит антипартийное и антисоветское настроение», «присутствие советских войск вызывает невиданное ранее национальное сопротивление»¹¹³.

Особую сложность для Кадара на первых порах представляла проблема легитимности его власти. Ведь наряду с ней де-юре еще существовало другое, законное правительство И. Надя, представители которого отказывались признать новых «хозяев». 14 ноября Кадар вынужден был заявить, что не считает Имре Надя контрреволюционером и не

будет ограничивать свободу его передвижения, что только от него самого будет зависеть желание «участвовать в политической жизни страны». Посол Югославии в Будапеште передал Кадару список лиц, попросивших и получивших от правительства его страны политическое убежище. «Когда выяснилось, что включенных в список лиц они собираются вывезти в Югославию, — отмечал позже Я. Кадар, — я сказал, что на это мы ни под каким предлогом не можем согласиться... Они не заявили о сложении с себя официальных полномочий. Я предложил передать им: пусть дадут письменное заверение в том, что больше не считают себя министрами и пусть скажут что-то и о новом правительстве. Они должны заявить, что никогда и нигде не выступят против него. До тех пор пока они не сделают такого заявления, не может быть никаких переговоров»¹¹⁴. В ответ 10 ноября от И. Надя последовало заявление о том, что он не намерен подавать в отставку.

Большое значение Кадар придавал возрождению партийной власти, изгнанию из ее коридоров сторонников «идейной смуты». Еще 7 ноября Временный ЦК ВСРП обратился ко всем коммунистам с требованием очистить свои ряды от «контрреволюционеров». На призыв ЦК откликнулись прежде всего партийцы старой закалки, которые на первом этапе и являлись опорой Кадара. Эта консервативная, левацки настроенная, прослойка партии ожидала возврата к старой, ракошистской системе, некоторые надеялись даже на возвращение бывшего «вождя». До весны 1957 г. М. Ракоши представлял для Кадара особую опасность. Он строчил в ЦК КПСС письма и предлагал свои услуги, добиваясь возвращения на родину в качестве политического лидера.

На Старой площади были на сей счет разные мнения. Окончательно вопрос решили лишь в марте–апреле, когда после пребывания в Москве венгерский партийно-правительственной делегации во главе с Кадаром он обсуждался

лидерами КПСС. Результаты оказались благоприятными для Кадара, что фактически означало конец политической карьеры М. Ракоши¹¹⁵. Избавившись от грозного соперника, взамен Кадар был вынужден принять общую с руководителями КПСС позицию и по отношению к Имре Надю, суть которой заключалась в неизбежности привлечения его к ответственности.

Кадар, повторим, настаивал на официальном отказе от министерских постов укравшихся в югославском посольстве И. Надя и его соратников. Переговоры об этом через министра иностранных дел Югославии Д. Видича и посла Д. Солдатича в 20-х числах ноября 1956 г. наконец увенчались успехом. Кадар предложил членам кабинета И. Надя до нормализации положения в стране выехать в какое-либо социалистическое государство, но не в Югославию. Те, однако, пожелали остаться в Венгрии. В итоге между правительством Кадара и Югославией удалось достигнуть договоренность о том, что все они получат возможность свободно вернуться домой.

21 ноября Кадар подписал гарантийное письмо, в котором говорилось, что Надя и его сторонники «не будут привлечены к ответственности за ошибки прошлого»¹¹⁶. Вечером 22 ноября они вышли из здания посольства в сопровождении югославских дипломатов и сели в автобус, который должен был развести их по домам. Однако автобус оказался в руках советских оперативников. В сопровождении бронемашин Надя и другие были доставлены в Матяшфёльд, а затем вывезены самолетом в Румынию, где их разместили под охраной в Снягове. Данная операция, осуществленная с ведома Я. Кадара и румынского партруководства, вызвала недовольство югославских политических деятелей и привела к продолжительной советско-югославно-венгерской дипломатической переписке. В апреле 1957 г. некоторые из числа депортированных в Румынию были возвращены в Будапешт, а затем предстали перед судом.

Проведение судебного процесса несколько раз откладывалось. Мешали различные юридические и международные обстоятельства. 26 августа 1957 г. Ю. В. Андропов, работавший уже на посту заведующего отделом ЦК КПСС, вместе с генеральным прокурором СССР и работником партаппарата в специальной записке для руководства отмечал, в частности, что ознакомившись с обвинительным заключением по делу Надя, «присланным в ЦК КПСС тов. Кадаром», считает «правильным провести закрытый судебный процесс по группе Имре Надя после обсуждения венгерского вопроса в ООН». В записке «составленный МВД ВНР проект обвинительного заключения» оценивался как «в основном приемлемый», но «нуждающийся в доработке». Авторы предложили для этого соответствующую помощь со стороны Р. А. Руденко и П. И. Ивашутина. В записке от 27 августа Андропов обращал внимание ЦК на то, что «немаловажное значение имеет правильный выбор времени проведения суда над Надем и его группой». Он подчеркивал: «По нашему мнению, было бы целесообразно, воспользовавшись желанием тов. Кадара, обсудить вопросы, связанные с процессом Надя, на высоком уровне, посоветовать венгерским друзьям перенести срок проведения процесса Надя на декабрь 1957 г. — январь 1958 г.»¹¹⁷.

На состоявшемся в январе 1958 г. пленуме ЦК ВСРП было определено время будущего судебного процесса над Надем и его товарищами — июль 1958 г. Начались допросы, готовилось «концептуальное дело», т. е. фальсифицированный судебный процесс по заранее заданной программе. Группу И. Надя следовало квалифицировать как «перешедшую в лагерь врага». Эти детали стали известны недавно из материалов, хранившихся в личном сейфе Я. Кадара. 6 июня ЦК дал зеленый свет судебному «разбирательству», а через несколько дней И. Надь и его соратники по борьбе со сталинизмом за «демократический социализм» были повешены, в то время как главных виновников октябрьских

событий 1856 г. — М. Ракоши и Э. Герё — всего лишь исключили из партии, да и то только в августе 1962 г. Таким образом, коммунистические лидеры левацко-догматического толка фактически избежали возмездия, тогда как реформаторы-демократы поплатились за свои взгляды жизнью.

Казнь Имре Надя и его товарищей явилась неожиданностью как для членов партии, так и для всей венгерской общественности. Но сам Кадар неоднократно публично оправдывал совершенную расправу. Только незадолго до смерти он изменил трактовку этого вопроса, лаконично заметив: «Трагедия Имре Надя — это и моя личная трагедия»¹¹⁸.

К концу 50-х годов режим реставрации практически укрепил свои позиции в стране. Завершились судебные разбирательства участников восстания и революционной борьбы. В октябре 1958 г. Кадар подчеркивал, что основная масса дел общегосударственного значения фактически закончена, остается завершить лишь около 600 мелких дел по событиям 1956 г. Новые власти в этом вопросе оказались последовательными. С декабря 1956 г. до начала 1962 г. суды работали безостановочно, и несколько тысяч человек получили различные сроки тюремного заключения, более 300 были приговорены к смертной казни¹¹⁹.

К началу 60-х годов на смену жестоким наказаниям пришли более мягкие, а затем была объявлена и амнистия для значительной части осужденных за «контрреволюционную деятельность». Кадар и его правительство, стремясь расширить социальную базу своей власти, столкнулись с необходимостью искать оправдание собственным действиям. Это и понятно. Ведь от того, насколько убедительной станет оценка событий 1956 г., как она будет преподнесена миру и стране, зависело в Венгрии очень многое.

Массы считали эти события народным восстанием, революцией и национально-освободительной борьбой. Такая их оценка была, как известно, свойственна в бурные октябрьские дни и Кадару. Официальная же пропаганда

реставрированного режима стремилась оправдать как ввод советских войск в страну, так и конкретные действия своего лидера. От его прежней оценки пришлось отказаться в пользу собственно ракошистской формулировки о контрреволюции от начала до конца, разделяемой советским руководством. В этом ракурсе и развернули соответствующую обработку массового сознания. Как известно, такая официальная трактовка оставалась в силе вплоть до 1989 г. Кадар, конечно, хорошо понимал подлинное значение осенних событий 1956 г. и впоследствии часто называл их «национальной трагедией». Он, как очевидец и активный участник этого революционного процесса, знал его подлинную цену, но из «высших соображений» был вынужден подходить к нему с позиции двойной морали.

С этим двоемыслием Я. Кадар и его сторонники надеялись покончить после завершения консолидации. Идя на уступки некоторым требованиям масс, они к началу 60-х годов действительно добились консолидации режима, что позволило Кадару сформулировать программу дальнейшего продвижения общества по пути социализма, но новыми методами и средствами в условиях восстановления конституционных норм. Кадар и общество, осознав необходимость мира и согласия и учитывая реалии социалистического пути, пошли друг другу навстречу.

Эпоха Кадара ||

На вершине политической пирамиды Я. Кадар оказался еще в ноябре 1956 г., но подлинный смысл того, что обозначается с помощью понятия «эпоха Кадара», относится, собственно, не к первым годам его правления (хотя они тоже важны и являются неотъемлемой частью кадаровской политики, ее первого этапа), а к той четверти века, отсчет которой идет с начала 60-х. Разумеется, многое выработалось еще в период стабилизации. Уже тогда вызревала линия на отказ от искусственного нагнетания страстей в

угоду догме о незатухающей в стране классовый борьбе, линия на достижение национального примирения и согласия, на терпимое отношение к иному мнению, а позже — даже на некоторую демократизацию всей общественно-политической сферы. Правда, все это в пределах возможного и допустимого для советского типа социалистического развития, включая завершение кооперирования сельского хозяйства, обязательную победу марксистско-ленинской идеологии в мировоззренческой сфере и т. п.

Кадар всегда отчетливо сознавал, что перед ним два ориентира: с одной стороны, опора на Советский Союз, а с другой — поиск путей и возможностей, и не обязательно только тех, что культивируются в СССР, для удовлетворения потребностей трудящихся своей страны. В марте 1957 г. во время поездки в Москву ему удалось договориться с Хрущёвым о том, что М. Ракоши не должен вернуться на родину. Впоследствии Кадар неоднократно бывал в СССР, равно как и советские руководители — в Венгрии. Видимо, не случайно, что с Н. С. Хрущёвым ему удалось наладить теплые, даже дружеские, отношения. Они встречались семьями: Хрущёв со своей женой бывал у него на вилле в Будапеште, на Рожадомбе, где Кадар в мае 1957 г. поселился вновь и жил в довольно скромных условиях до своей кончины. В конце 80-х годов жена Кадара сказала, что Нина Петровна Хрущёва однажды подарила ей автомобиль «Волга»¹²⁰.

Н. С. Хрущёва можно считать в какой-то мере учителем Кадара. Последний, безусловно, ценил и разделял реформаторские идеи и начинания советского лидера (правда, будучи от природы весьма уравновешенным, трудно представить, что он думал на самом деле об импульсивности Хрущёва). Однако примечателен такой редкий для тех времен факт. Кадар в 1964 г. оказался единственным партийным лидером «дружного лагеря социализма», кто осмелился после совершенного Л. И. Брежневым «дворцового переворота» заговорить о заслугах Хрущёва. Только что

вернувшись из поездки в Польшу, он на вокзале узнал о снятии Хрущёва. Тут же выступил на митинге, где дал высокую оценку уже опальному политическому деятелю. Характерно, что ни тогда, ни позже никто из других «хозяев» восточноевропейских стран не помянул добрым словом советского реформатора. А что касается Кадара, то его поступок, безусловно, мог иметь свои последствия. Венгры беспокоились, что политика брежневского руководства может обернуться возвратом к сталинизму не только в СССР, но и в Венгрии. Эту озабоченность, а вместе с тем и остроту исторического момента остроумно отражал один из знаменитых пештских анекдотов-загадок: «Кто теперь вернется быстрее домой — Кадар из Варшавы или Ракоши из Ташкента?» (В действительности Ракоши жил сначала в Краснодаре, а затем в Киргизии.) К счастью для венгров, домой вернулся все же Кадар, а не Ракоши. Кстати, анекдот свидетельствовал уже о расположенности людей к Кадару.

Кадар был убежден, что в условиях разделенности мира на два лагеря его важнейшей обязанностью является обеспечение спокойствия и благоприятных условий для мирной созидательной жизни. А это тогда в значительной степени зависело от взаимоотношений с Москвой. В отличие от диктатора Н. Чаушеску, который часто спекулировал на отношениях с СССР и бравировал своей показушной независимостью, заработав на этом политический капитал, симпатии или даже высокие награды и звания некоторых стран Запада, Кадар был последовательным и постоянным в своей поддержке и ориентации на Страну Советов. Залог успеха он видел не в противопоставлении государств друг другу, а, наоборот, в их сближении и взаимопонимании. Он обладал рядом таких личных качеств, которые выделяли его среди руководителей «братских» стран, что хорошо понимали и венгры, и международная общественность. Правда, если западные политики смотрели на поступки Кадара в 1956–1958 гг. сквозь пальцы, то венгерский народ и осо-

бенно венгерская интеллигенция, которых это касалось непосредственно, если и приняли Кадара, а затем и признали олицетворяемую им власть и модернизированную постсталинскую систему, если и примирились с ней в итоге, то все же не забыли и не простили своему лидеру его первоначальное «грехопадение».

Кадар обычно тонко чувствовал и по-своему реагировал на колебания в настроениях кремлевских временщиков. Он старался не вызывать недовольство Москвы, умело лавировал среди твердых идеологии и политики, «закономерностей социалистического строительства», многочисленных табу, характерных для системы в целом, умело отстаивал свою политическую линию, отличавшуюся известным либерализмом от общеустановленных в регионе.

Политика Кадара 60–80-х годов характеризовалась осторожностью, взвешенностью, трезвым прагматизмом. Известен его лозунг: «То, что было при Ракоши, не должно повториться больше никогда». Он продвигался небольшими, обдуманными шагами, постепенно создавая венгерскую разновидность социализма советского типа, который впоследствии часто называли «кадаровским». О подкупающей личной скромности, даже пуританстве, о демократизме и самокритичности Кадара, о простоте в обращении и его чувстве ответственности ходили в свое время легенды. Жил он действительно скромно среди поштучно купленной мебели с единственным телевизором, но множеством книг, и в первую очередь художественных – венгерской классики и особенно любимых им приключенческих романов.

В октябре 1958 г., выступая на митинге в своем любимом Андялфельде, Кадар сказал: «У каждого свой жизненный путь... Я не могу утверждать, что никогда не совершал ошибок. Допускал я их, и даже столько, что хватило бы на троих. Но делал и добро... Пост премьер-министра – это очень высокий ранг. Быть первым секретарем партии – тоже очень высокий ранг. Но есть ранг, который выше всего

этого — это то, когда можно называть себя коммунистом и человеком... Я стараюсь остаться им, пока буду жить»¹²¹. И в самом деле, он не изменял марксистско-ленинской вере и всегда старался соответствовать своему положению в партии и государстве. Он был, наверное, единственным на том этапе коммунистическим лидером, который не претендовал на множество собственных портретов на площадях и улицах городов, на громкие лозунги и здравицы в свой адрес и прочую неотъемлемую от коммунистического правления атрибутику культа.

Тем не менее все же нельзя отрицать авторитаристский в целом характер 32-летнего периода кадаровского руководства. Этот авторитаризм был сутью, вытекал из самой природы личной власти любого первого или генерального секретаря партии той, в сущности, монопартийной системы, которая существовала в странах восточной половины Европы. Ведь именно на политбюро решались все существенные проблемы, и последнее слово, так или иначе, оставалось за тем, кто был на самом верху этой партийно-номенклатурной пирамиды.

Еще в период политической реставрации Кадар осознал, что для решения проблем, стоявших перед страной, необходимы экономические реформы. Эта идея возникла у него еще в 1957 г., но ее тогда, после острых дискуссий, отвергли. В начале 60-х годов Кадар к ней вернулся, а в январе 1965 г. на заседании Государственного собрания заявил о необходимости разработки программы коренных реформ управления экономикой. С 1966 г. развернулась ее конкретная подготовка, а с 1 января 1968 г. началось осуществление этой программы.

Экономическая реформа, начатая Кадаром, являлась поиском не только новых народнохозяйственных возможностей, но и возможностей демократизации всей общественной жизни, формой инакомыслия в этой сфере. Она предусматривала отказ от громоздкой, сильно централи-

зованной системы управления производством, фактически отменяла директивное управление, которое считалось фундаментом социалистического хозяйства. Были введены индикативное планирование и экономические методы управления. Кооперативную собственность уравнивали в своих правах с государственной. Предприятия получили широкие права и самостоятельность, ограничивались функции министерств и возможности их вмешательства в дела предприятий. В хозяйственную жизнь последних, а также в систему ценообразования внедрялись рыночные отношения.

Новая система управления экономикой практически означала то, что впоследствии стали называть отказом от командно-административной системы. Поэтому неудивительно, что венгерские новации в экономике были встречены партийно-государственной элитой других стран социалистического содружества с явным недоверием и подозрением. В результате проведенной реформы в Венгрии выросли производительность труда, материальная заинтересованность, повысился уровень жизни, внутренний рынок наполнился товарами. Все это способствовало укреплению доверия к кадаровскому руководству, все более утверждался политический консенсус в обществе. Росла популярность самого Кадара. И несмотря на то что экономическая реформа в Венгрии на деле была лишь компромиссной попыткой примирить или соединить два в общем-то несоединимых принципа экономического руководства, т. е. не означала полной замены командной экономической модели, в 1968 г., после чехословацкого кризиса, она не была свернута только благодаря личному авторитету Кадара.

В период чехословацких событий Я. Кадар до последнего момента отстаивал необходимость использования только политических средств разрешения кризиса. Он предлагал дать свободу чешским реформаторам, противился вводу войск. Нет сомнений, что «пражская весна» вызывала у него горькие воспоминания о 1956 г. Он неоднократно

встречался с А. Дубчеком и руководителями КПСС, пытаясь примирить обе стороны. Известный сегодня политолог, а в 1968 г. член руководства КПЧ З. Млынарж, вспоминая о Кадаре тех дней, писал: «На его политике и личности в равной мере отражается пережитое в 1956 г.». Млынарж считал, что Кадар готов был трудиться, казалось бы, «за безнадежный минимум национальных интересов и упорно отстаивать свое мнение. Он человек, не испорченный собственной властью, поскольку никогда не забывает о цели». Вместе с тем, продолжал автор, «если бы события в Венгрии достигли такого предела, что можно было бы шагнуть дальше, решая уже принципиальные вопросы демократии, то Кадар консервативным образом помешал бы этому»¹²².

...Свое 60-летие Я. Кадар отмечал в мае 1972 г. Находясь в зените славы и всеобщего признания, он решился на беспрецедентный для коммунистических лидеров шаг: обратился к партии с вопросом, нуждается ли она в его услугах или же он может уходить на пенсию. Разумеется, такой тактический ход застал всех врасплох. Мало кто воспринял это всерьез, и заявление, конечно же, рассматривалось на заседании ЦК. Полагают, что данный жест служил своеобразным намеком Брежневу, которого Кадар не особенно уважал. Советский лидер на намек не отреагировал и остался верен себе.

По собственному признанию Кадара, он «не рукоплескал» принятому Брежневым решению о вводе войск в Афганистан, хотя советский руководитель «оказал Кадару честь» быть информированным об этом раньше американского президента. В то же время Кадар поощрял действия Брежнева, направленные на укрепление контактов с Западом. Сам руководитель ВСРП начиная с 1970-х годов проводил вполне определенную политику сближения и сотрудничества с деятелями социалистических партий Европы. Ему удалось наладить весьма хорошие контакты и личные отношения с рядом таких известных в мире политиков, как

В. Брандт, Г. Шмидт, а затем Г. Коль, Б. Крайски, У. Пальме, Ф. Миттеран, М. Тэтчер. Эти руководители также симпатизировали Кадару и проводимому им политическому курсу, ценили его заслуги и достижения, реформаторские склонности и стремление построить «мост» между Востоком и Западом.

С западной социал-демократией Кадара сближали как социалистические идеи, так и осознание и понимание проблем всего центральноевропейского региона, учет реальности и поиск возможностей сближения этих стран и народов. Председатель Социнтерна В. Брандт в 1989 г., в частности, отмечал, что «с именем Кадара связаны не только разрушение образа врага, но существенный толчок, данный им развитию европейского сотрудничества, значение которого далеко выходит за пределы военных блоков. Результаты этих усилий наконец дали о себе знать»¹²³.

В середине 70-х годов Кадар предпринимал меры по углублению международного сотрудничества с различными странами, активизировал венгерскую внешнюю политику. Стремясь к нормализации отношений с Румынией в интересах улучшения положения 2-миллионного венгерского населения в румынской Трансильвании, он согласился на встречу с наиболее одиозной фигурой «социалистического лагеря» в Европе, с диктатором Н. Чаушеску. В итоге было подписано двустороннее соглашение из 21 пункта. Правда, проблема так и не нашла своего разрешения, а со временем, в результате «бульдозерной политики» Чаушеску, еще больше осложнилась.

В мае 1982 г. Кадару исполнилось 70 лет. По этому случаю ЦК ВСРП направил ему поздравительное письмо, в котором, в частности, высоко оценивались его принципиальность и деловитость, то, что «он никогда не считал власть целью, а лишь служением».

Провозглашение М.С. Горбачевым в СССР перестройки Я. Кадар встретил с удовлетворением. Он приветствовал ее

как перспективу обновления в странах социализма. В одном из своих интервью в ноябре 1987 г. Кадар отмечал: «Мы, венгры, — наши партия, правительство и общественность — без всяких оговорок согласны с теми изменениями, которые происходят в Советском Союзе, с перестройкой. Мы считаем, что они идентичны нашим собственным стремлениям»¹²⁴. В этом плане характерны и слова Кадара, сказанные в 1988 г. в интервью журналу «Огонек»: «То, что происходит ныне в Советском Союзе, Китае и в других социалистических странах, обозначает эпоху великого обновления социализма на пороге XXI столетия. Что касается меня, то я счастлив, что как коммунист дожил до этой эпохи и являюсь у себя на родине участником этой великой работы, ведущей всех вперед»¹²⁵. Кадар верил, что грядущие перемены приведут к настоящей «демократизации социализма».

В 1987 г. он, готовясь уйти с поста генерального секретаря партии, был занят поиском достойного для себя места будущей общественной деятельности. Но весной следующего года в ВСРП и в Венгрии в целом произошли такие события, в которых ему отводилась лишь символическая роль. Уход Кадара с поста генерального секретаря был по ряду причин актуальным, однако сам он с принятием окончательного и добровольного решения медлил. Сдерживали ли его какие-то личные мотивы, отсутствие надежного и достойного преемника или же, как считают некоторые, он дожидался для передачи эстафеты определенного улучшения экономической ситуации, сказать трудно. Многие считают, что если бы он ушел на несколько лет раньше, у большинства венгров остались бы о нем более благоприятные впечатления.

В мае 1988 г. на Всевенгерской партийной конференции Я. Кадар был переведен на учрежденный тогда символический пост председателя ВСРП. Его преемником на посту генерального секретаря стал Карой Грос. Соглашаясь на роль председателя партии, Кадар поставил условием свое неучастие в заседаниях политбюро даже в качестве приглашен-

ного. В своем последнем интервью он подчеркивал: «Я не хотел быть председателем, но сказал, что если этим могу служить делу, то я согласен. Что касается моего участия в политбюро, то я был на первом заседании. Послушал дискуссию, затем высказал свое мнение. Я там тоже заявил, что в будущем не желаю участвовать в заседаниях. Пусть делают все без меня, чтобы мое присутствие им не мешало»¹²⁶.

Уход с политической арены сопровождался ухудшением физического состояния Кадара, начала прогрессировать болезнь. Перестали работать пальцы правой руки, ослабло зрение, что отвлекало его от любимого чтения приключенческих романов. 14 ноября 1988 г. ему прооперировали руку, но недуг продолжал подтачивать его здоровье, годы давали о себе знать.

12 апреля 1989 г. Кадар в последний раз явился на заседание ЦК ВСРП, где его выступление затянулось на целый час. На весенней сессии парламента в 1989 г. этот уставший, надломленный человек долго говорил об экономике, кадровой политике, международных проблемах, о совершенных ошибках в программе партии. В его речи были и некоторые элементы самоанализа, осознания личной ответственности. Зал утомленно, без особого внимания слушал изречения бывшего руководителя о его личной убежденности в единственно возможном социалистическом пути развития. Характерно, что после его выступления некоторые сравнивали Кадара с капитаном тонущего корабля, мечтающим о голубых лентах и наградах.

В ВСРП и в стране в целом изменился политический климат: готовилась реабилитация И. Надя и его сторонников, предстояли парламентские выборы на многопартийной основе. В этих условиях фигура Кадара на посту председателя партии ограничивала возможности и снижала шансы ВСРП на будущее. Кадару было предложено подать в отставку, но он на это не соглашался. Новому генеральному секретарю заявил: «Освободите меня Вы, и тогда я с этим соглашусь,

но сам в отставку не подам. Я не сам хотел стать председателем»¹²⁷. В итоге Кадару вручили письмо ЦК ВСРП, и 8 мая 1989 г. он был освобожден от обязанностей председателя партии и члена ЦК. В ответ он направил ЦК прощальное письмо. Из-за болезни Кадар писать не мог, поэтому письмо под диктовку в присутствии жены Кадара записывал сам К. Грос. Затем текст был перепечатан и Кадар подписал его. В нем, в частности, говорилось: «Выражаю благодарность за доверие всем гражданам, которые как избиратели верили в политику, нацеленную на достижение национального примирения, на создание лучшей, процветающей Венгрии, которые способствовали этому. Если были у нас достигнутые совместными усилиями результаты, то их обобщение уже станет задачей других. Меня же сейчас больше всего занимает мысль о собственной ответственности. Надеюсь, что вы окажетесь правы: последующие поколения смогут более предметно оценить результаты и ошибки последних 30 лет»¹²⁸.

Так завершилась политическая карьера Я. Кадара. После 32-летнего пребывания на вершине пирамиды власти Кадар стал пенсионером. В свое время он, выступая на одном из партийных съездов, напоминал о том, что придет время, когда народ спросит своих руководителей, потребует отчета за их поступки. Весной 1990 г. венгры вынесли свой суровый вердикт – на первых демократических выборах на многопартийной основе отказали коммунистам в доверии. Этого трагического для компартии конца Кадар уже не застал, хотя был еще свидетелем падения престижа ВСРП, углубления экономического и политического кризиса, неудержимого роста антикоммунистических настроений. Настал, что называется, суд истории – реабилитация событий 1956 г., возрождение поруганных демократической многопартийности, национального достоинства и независимости народа и страны.

С Кадара не спросили за совершенные им деяния и ошибки, его не привлекли к юридической или политичес-

кой ответственности, от него не требовали публичного покаяния. Но он не избежал суда истории. Ему, видимо, было нелегко, а с морально-психологической точки зрения даже весьма тяжело видеть, как начали рушиться идеология и устои созданного им в 1956 г. механизма власти, снова вставал вопрос о ее легитимности. Кадар застал начало крушения выпестованной им партии, коммунистических идеалов. Тех самых идеалов, той самой коммунистической веры, которые он пронес через всю свою сознательную жизнь. Он ведь совсем недавно, в конце своей политической карьеры, говоря о смысле своей жизни, констатировал: «Мой жизненный путь сложен, как и путь нашего народа. Много раз оказывался я в критическом положении, но никогда не терял своей убежденности, своей веры»¹²⁹. Как человек трагической судьбы, он остался в конце своей жизни очень одиноким, фактически покинутым своей партией «стариком». Перед его внутренним взором, наверное, предстали события собственной жизни, тесно связанные с судьбами бывших соратников — Л. Райка и И. Надя, трагедию которых он, по собственному признанию, считал и своей личной. О чем он думал, какие чувства одолевали его в последние дни и часы его жизни, знать нам не дано.

Умер Кадар 6 июля 1989 г. в больнице Будапешта от сердечно-сосудистой и легочной недостаточности. Символично, что произошло это в тот самый день, когда Верховный суд Венгрии полностью реабилитировал Имре Надя, сняв с него все обвинения, за которые коммунисты-единомышленники накинули ему на шею веревочную петлю. Характерно, что народ, долгое время не прощавший Кадару жертв событий 1956 г., все же помнит и годы относительного благополучия кадаровской эпохи. Сотни тысяч венгров провозжали в последний путь как Яноша Кадара, так и Имре Надя. Многими это расценивалось как достижение примирения и единства нации.

Примечания

|| Введение

- ¹ *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966.
- ² *Нежинский Л.Н.* Очерки истории народной Венгрии, 1948–1962. М., 1969.
- ³ История Венгрии в трех томах. Т. 3. М., 1972.
- ⁴ Венгерская революция 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993.
- ⁵ 1956. Осень в Будапеште. М., 1996.
- ⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
- ⁷ Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995.
- ⁸ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том третий: Становление реального социализма, 1945–1965. М., 2000.
- ⁹ *Стькалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.
- ¹⁰ История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.
- ¹¹ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй: От стабилизации к кризису, 1966–1989. М., 2002.
- ¹² Magyarország Politikai Évkönyve. Bp., 1988–1997.
- ¹³ Egy év után, választás előtt. *Bíró Zoltán* beszélgetése Pozsgay Imrével. Bp., 1990; *Pozsgay I., Polgár T.* A rendszerváltás (k)ára. Nyílt párbeszéd. Bp., 2003; *Huszár T.* Beszélgetések Nyers Rezsővel. Bp., 2004; *Orbán V.* Az interjút készítette és a dokumentumokat összeállította Kéri László. Bp., 1994.
- ¹⁴ *Nyers R.* Útkeresés és reformok. Bp., 1988; *Horn Gy.* Cölöpök. Bp., 1991; *Pozsgay I.* 1989, Politikus-pálya a pártállamban és rendszerváltásban. Bp., 1993; *Csurka I.* Új magyar önépítés. Bp., 1991.
- ¹⁵ Magyar Demokrata Fórum programja. [Bp.], 1989. október.; A rendszerváltás programja. SzDSz. [Bp.] 1989; A FIDESZ II. kongresszusa által elfogadott program. [Bp.], 1989. október.; A Független Kisgazda-Földmunkás és Polgári párt, 1930–1990. [Bp.], 1990.
- ¹⁶ Fordulat és reform. Bp., 1986; Társadalmi szerződés. Bp., 1987; Reform és demokrácia. Bp., 1988; A Magyar Szocialista Munkáspárt határozatai és dokumentumai 1985–1986. Bp., 1987; Történelmi utunk // Társadalmi Szemle. XLIV. Különszám. [Bp.], 1989; A rendszerváltás forgatókönyve. Kerekasztaltárgyalások 1989-ben. Dokumentumok. 1–4. kötet. Bp., 1999.
- ¹⁷ *Balogh S.* Magyarország külpolitikája, 1945–1950. Bp., 1988; *Fülöp M., Sipos P.* Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998; *Izsák L.* A koalíció évei Magyarországon 1944–1948. Bp., 1986; *Vida I.* Koalíció és párt-

harcok, 1944–1948. Bp., 1986; *Dombrády L., Tóth S.* A magyar királyi honvédség, 1919–1945. Bp., 1987; Magyarország a XX. században. Bp., 1985.

¹⁸ 20. századi magyar történelem, 1900–1994. Egyetemi tankönyv. Bp., 1997; *Izsák L.* Pártok és politikusok Magyarországon, 1944–1994. Bp., 2010; *Bihari M.* Magyar politika 1944–2004. Politikai és hatalmi viszonyok. Bp., 2005; *Horváth Cs.* Magyarország 1944-től napjainkig. Pécs, 1992.

¹⁹ *Ripp Z.* Rendszerváltás Magyarországon, 1987–1990. Bp., 2006.

Венгрия в конце и после Второй мировой войны (Главы 1–3)

¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 077. Д. 5. Л. 57.

² *Juhász Gy.* Magyarország külpolitikája, 1919–1945. Bp., 1987. 249–250. о.

³ Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 189. Оп. 2. Д. 714. Л. 6. (Нами были выявлены и здесь использованы материалы фондов этого архива, которые впоследствии, в начале XXI в., переданы и размещены в Государственном архиве РФ со знаком Ф. 189к.)

⁴ *Horthy M.* Emlékirataim (далее – НМЕ). Bp., 1990. 239. о.

⁵ *Bárdossy L.* Népbíróság előtt. Bp., 1991. 229, 232. о.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 5. Л. 37–39.

⁷ *Bárdossy L.* Op. cit. 327. о.

⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 6. Л. 58.

⁹ *Желицки Б.Й.* Советские сведения о Венгрии, ее политиках и политэмигрантах 1941–1945 (по материалам московских архивов) // Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной. СПб, 2013. С. 122.

¹⁰ Там же.

¹¹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. Д. 5. Л. 73–74.

¹² См.: А 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál. Bp., 1959.

¹³ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 5, Л. 157.

¹⁴ Magyarország külpolitikája 1939–1945. Bp., 1988. 317–318. о.

¹⁵ *Nagybacsoni Nagy V.* Végzetes esztendőik, 1938–1945. Bp., 1986. 150. о.

¹⁶ Ibid. 226–227. о.

¹⁷ НМЕ. 277. о.

¹⁸ *Желицки Б.Й.* Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 197.

¹⁹ Magyarország hadtörténete. A kiegyezéstől napjainkig. 2. kötet. [Bp.], 1985. 374. о.

²⁰ *Cornelius D.S.* Hungary in World War II. New York, 2011. 270, 278. p.

²¹ Élet és Irodalom, 1980. május 17; См. также: *Желицки Б.Й.* Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 198.

- 22 Там же. С. 375.
- 23 Там же.
- 24 *Ormos M. Hitler*. [Вр.], Т. Twins, 1993. 439. о.
- 25 *Ibid.*
- 26 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 4. Л. 21.
- 27 НМЕ. 284. о.
- 28 *Ibid.* 285. о.
- 29 Magyarország hadtörténete... 376–377. о.
- 30 *Dombrády L, Tóth S. A Magyar Királyi honvédség, 1919–1945*. Вр., 1987. 314. о.
- 31 *Ibid.* Magyarország hadtörténete... 377. о.
- 32 Horthy Miklós Titkos iratai (далее – НМТИ). Вр., 1993. 427. о.
- 33 АВП РФ. Ф. 77. Д. 5. Л. 29.
- 34 Там же. Л. 15, 27.
- 35 Там же. Л. 28.
- 36 АВП РФ. Ф. 077. Д. 6. Л. 3, 23; Д. 5. Л. 46–47.
- 37 Там же. Д. 5. Л. 47.
- 38 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 10/а. Ед. хр. 333. Л. 1–2; Új Magyarország. 1993. február 27.
- 39 Magyarország hadtörténete... 376. о.
- 40 Száz éve született Bajcsy-Zsilinszky Endre // *Látóhatár*. 1986. október. 212. о.
- 41 *Dombrády L., Tóth S.* Op. cit. 312. о.
- 42 Így élt Bajcsy-Zsilinszky Endre. [Вр.] 1986. 206–215. о.
- 43 *Желицки Б.И.* Регент Венгрии... С. 199.
- 44 *Cornelius D.S.* Op. cit. p. 283; *Dombrády L., Tóth S.* Op. cit. 317. о.
- 45 Magyarország hadtörténete... 378. о.
- 46 АВП РФ. Ф. 77. Д. 5. Л. 16, 17.
- 47 *Nagybaczoni Nagy V.* Op. cit. 241–242. о.
- 48 *Fülöp M., Sipos P.* Magyarország külpolitikája a XX. században. Вр., 1998. 267. о.
- 49 *Ibid.* 266. о.
- 50 *Nagybaczoni Nagy V.* Op. cit. 240. о.
- 51 *Ránki Gy.* A németek szerepe a magyar zsidók elpusztításában // *Az 1944. év története*. História Évkönyv, Вр., 1984. 68. о.
- 52 *Ormos M.* Op. cit. 439. old.; *Cornelius D.S.* Op. cit. 292. p.
- 53 Új Magyarország, 1994. október 7; Подробнее см.: *Cornelius D.S.* Op. cit. 292. p.
- 54 *Ránki Gy.* Op. cit. 67. old.
- 55 *Ibid.*
- 56 Hétvégi Világgazdaság. 1994. június 18, 79–80. о.
- 57 Magyarország hadtörténete... 378. о.

- ⁵⁸ Magyarország hadtörténete... 379. o.
- ⁵⁹ *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 266. o.
- ⁶⁰ *Nagybaczoni Nagy V.* Op. cit. 273–275. o.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² *Желицки Б.Й.* Регент Венгрии... С. 204.
- ⁶³ Там же. С. 205–206.
- ⁶⁴ *Dombrády L., Tóth S.* Op. cit. 353. o.
- ⁶⁵ Ibid. 351. o.; *Nagybaczoni Nagy V.* Op. cit. 284–285. o.
- ⁶⁶ Подробнее см.: *Vigh K.* Ugrás a sötétbe. Вр., 1984.
- ⁶⁷ *Ölvedi I.* A Lakatos-kormány és a fegyverszünet // *Új Magyarország.* 1994. október 15.
- ⁶⁸ НМЕ. 305–306. old.
- ⁶⁹ *Nagybaczoni Nagy V.* Op. cit. 297–298. o.
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. Д. 5. Л. 155; *Желицки Б.Й.* Регент Венгрии... С. 209.
- ⁷¹ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. М., 1968. С. 170–172.
- ⁷² Нариси історії Закарпаття. Ужгород, 1995. С. 534–542.
- ⁷³ *Невзоров Б.И., Желицки Б.Й.* Венгрия: обстановка, операции, капитуляция // Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 128–129.
- ⁷⁴ Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород, 2010. С. 252.
- ⁷⁵ *Невзоров Б.И., Желицки Б.Й.* Указ соч. С. 134.
- ⁷⁶ *Тарасенко В.А.* Венгрия во второй мировой войне // Очерки по новой истории Венгрии. Киев–Дебрецен, 1972. С. 25–27.
- ⁷⁷ *Невзоров Б.И., Желицки Б.Й.* Указ. соч. С. 134.
- ⁷⁸ *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 434.
- ⁷⁹ Magyarország hadtörténete... 387. o.
- ⁸⁰ *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 176.
- ⁸¹ Там же. С. 185.
- ⁸² *Dombrády L., Tóth S.* Op. cit. 446. o.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 77. Д. 5. Л. 5.
- ⁸⁴ *Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б.* Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX – конец 50-х годов XX века. М., 2012. С. 274–275.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 118. Л. 4.
- ⁸⁶ Об этом подробно см.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948. М., 2004.
- ⁸⁷ *Тарасенко В.А.* Указ. соч. С. 28.
- ⁸⁸ *Magyar Front.* Вр. 1984. 293–294. old.; См. также: *Невзоров Б.И., Желицки Б.Й.* Венгрия: обстановка, операции, капитуляция // Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 134.
- ⁸⁹ *Dombrády L., Tóth S.* Op. cit. 447–448. o.

- ⁹⁰ *Pintér I.* A magyar antifasiszta ellenállásról // *Pártélet*, 1985. 2. sz. 61–62. o.
- ⁹¹ *История второй мировой войны 1939–1945.* Т. 9. М., 1978. С. 423.
- ⁹² *Bajcsy-Zsilinszky E.* Tudományos tanácskozás születésének centenáriuma alkalmából. Вр., 1986. június 3.
- ⁹³ *Dombrády L., Tóth S.* Op. cit. 416–417. o.
- ⁹⁴ *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.* Т. IV. М., 1962. С. 405–413; *Magyar Front.* Вр., 1984. 298–314. o.
- ⁹⁵ *Srb V.* Demografická příručka Republiky Československé. Praha, 1967. S. 44; *Retrospektivní lexikon obcí Československé Socialistické Republiky, 1850–1970.* Praha, 1978. S. 1184.
- ⁹⁶ *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E.* Magyarok a határokon túl a Kárpát-medencében. Вр., 1991. 34–35. o.; *Zseliczky B.* Kárpátalja a cseh és szovjet politika érdekerében, 1920–1998. Вр., 1998. 13–15, 23–24. o.
- ⁹⁷ *Statistický lexikon obcí v Krajině Slovenskej.* Praha, 1936. S. 249; *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E.* Op. cit. 22. o.
- ⁹⁸ *Doležal B.* A demokrácia lehetőségei // *Irodalmi Szemle.* 1990. 5. sz. 507. o.
- ⁹⁹ «Чехословакия станет национальным государством без национальных меньшинств, – уверенно заявлял Э. Бенеш в начале 1945 г. – Необходимо добиться этой цели, с одной стороны, путем выдворения меньшинств, а с другой, при помощи насильственной ассимиляции» (Католическое обозрение. Рим, 1976 – Цит. по: *Für L.* Kisebbség és tudomány. Вр., 1989. 19. o.).
- ¹⁰⁰ *Zseliczky B.* Op. cit. 70. o.
- ¹⁰¹ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Díl 2. Praha, 1947. S. 193.
- ¹⁰² *Zseliczky B.* Op. cit. 73. o.
- ¹⁰³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 395. Л. 30.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 1–4; *Zseliczky B.* Op. cit. 73–74. o.
- ¹⁰⁵ *Zseliczky B.* Op. cit. 75. o.
- ¹⁰⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 439. Л. 58; *Zseliczky B.* Op. cit. 80–81. o.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 3. Л. 59.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 131.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 29. Д. 388. Л. 9.
- ¹¹¹ Там же. Л. 10.
- ¹¹² Там же. Л. 25.
- ¹¹³ Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 2; *Zseliczky B.* Op. cit. 135. o.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17; *Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953.* Т. 1. Москва–Новосибирск, 1997. С. 226.
- ¹¹⁶ Там же. С. 199.
- ¹¹⁷ *Восточная Европа в документах... С. 232.*
- ¹¹⁸ *Murashko G.P.* The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War: Resettlement and Re-Slovakization: Moscow's Position //

The Journal Communist Studies and transition politics. V. 16. March/June 2000. No 1/2. P. 86.

¹¹⁹ *Fülöp M., Sipos P.* Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998. 315. o.

¹²⁰ Magyarországi Rendeleték Tára. Bp., 1945. II. köt. 1027. o.

¹²¹ *R. Süle A.* A Közép-és Keleteurópai német kisebbségek kitelepítése a második világháború után // *Medvetánc.* 1988. 4. sz. 112–113. o., 1989. 1. sz. 119. o.

¹²² *Izsák L.* A koalíció évei Magyarországon 1944–1948. Bp., 1986. 116–117. o.

¹²³ *Kertész I.* Magyar békeillúziók 1945–1947. Bp., 1995. 239–240. o.

¹²⁴ *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 315. o.

¹²⁵ *Zvara J.* A magyar nemzetiségi kérdés megoldása Szlovákiában. Bratislava, 1965. 30–35. o.

¹²⁶ В конце 1939 г. руководитель словацкого ведомства пропаганды Ш. Мах на волнах «Радио Братиславы», например, утверждал, что в Венгрии проживает якобы не менее 550 тыс. словаков.

¹²⁷ *Zvara J.* Op. cit. 36. old.; *Dávid Z.* A magyar nemzetiségi statisztika múltja és jelene // *Látóhatár,* 1980. október. 133–134. o.

¹²⁸ *Šindelka J.* A nemzetiségi kisebbségek problémájának megoldása Csehszlovákiában 1945 és 1968 között // *Társadalomtudományi Közlemények.* 1972. 1. sz. 64. o.

¹²⁹ *Zvara J.* Op. cit. 32–34. o.

¹³⁰ *Beneš E.* Šestlet exilu a druhé světové války. Praha, 1946. S.17.

¹³¹ *Balogh S.* Kitelepítés – Deportálás // *Rendszerváltás történelemszemmel.* Bp., 1992. 277–278. o.

¹³² *Balogh S.* A népi demokratikus Magyarország külpolitikája 1945–1947. Bp., 1982. 107. o.

¹³³ Cesto května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 – kveten 1946. Praha, 1975. S. 220–223, 253–260.

¹³⁴ *Zaváda P.* Hazátlanok, sorakozó! Forráselemzés 1947–1948-ban áttelepült csehszlovákiai magyarok dokumentumairól // *Medvetánc.* 1988/4 – 1989/1. sz. 51, 79. o.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Восточная Европа в документах... С. 224.

¹³⁷ Там же. С. 225.

¹³⁸ Там же. С. 225.

¹³⁹ Документ «Emlékirat» // *Látóhatár.* 1990. április. 180–187. o.

¹⁴⁰ Документ «Helyzetkép a szlovákiai magyarokról» // *Látóhatár.* 1990. április. 187–196. o. (Опубликован впервые в Братиславе в журнале «Régió», 1990. № 1. 112–131. old.)

¹⁴¹ Ibid. 189–190. o.

¹⁴² Ibid. 190. o.

¹⁴³ Ibid. 191. o.

¹⁴⁴ Ibid. 192. o.

¹⁴⁵ Népszabadság. 1994. október 28.

- ¹⁴⁶ Magyar Nemzet. 1993. augusztus 27.
- ¹⁴⁷ *Doležal D.* Op. cit. 507. o.
- ¹⁴⁸ *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 315. o.
- ¹⁴⁹ *Clementis V.* The Czechoslovak – Magyar Relationship // The Central European Observer, 1943. P. 69.
- ¹⁵⁰ *Beneš E.* Šest let exilu... S. 416.
- ¹⁵¹ *Kertész I.* Op. cit. 233. o.
- ¹⁵² Цит. по: *Balázs S.* Egy hidverési kísérlet – tanulságokkal // Valóság, 1987. 2. sz. 42. o. (автор приводит отрывок из текста послания с ссылкой на издание: *Masaryk T.G.* Cesta demokracie. Praha, 1923, S. 135).
- ¹⁵³ *Gyönyör J.* A Kassai kormányprogramtól a jogtípró «Benesi dekrétumokig» // *Edvard Benes* elnöki dekrétumai avagy a magyarok és németek jogfosztása. Pozsony, 1996. 92. o.
- ¹⁵⁴ *Ibid.* 93. old.; *Jablonický J.* Slovensko na prelome. Bratislava, 1965. S. 403.
- ¹⁵⁵ *Murashko G.P.* Op. cit. P. 86–87.
- ¹⁵⁶ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. Документы. М., 1999. С. 128.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 226.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 226–227.
- ¹⁶⁰ Népszabadság. 1992. március 7.
- ¹⁶¹ *Gyönyör J.* Op. cit. 90. old.
- ¹⁶² См.: *Balogh S.* A népi demokratikus... 279–280. o.; *Kertész I.* Op. cit. 236–237. o.; *Izsák L.* Op. cit. 117–118. o.
- ¹⁶³ *Izsák L.* Op. cit. 118. o.
- ¹⁶⁴ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 19. П. 12а. Д. 12. Л. 65.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 67, 69.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 37. Л. 19.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 750. Л. 222.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 223.
- ¹⁶⁹ Там же. Д. 751. Л. 12.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 19–20.
- ¹⁷¹ *Rákosi M.* Visszaemlékezések, 1940–1956. Bp., 1997. 184. o.
- ¹⁷² Все они опубликованы в сборнике документов: «Hungary and the Conference of Paris». Bp., 1947. Т. 2. P. 1–12, 155–163.
- ¹⁷³ АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 77. Д. 60. Л. 16.
- ¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 784. Л. 71.
- ¹⁷⁵ *Rákosi M.* Op. cit. 591. o. Приводится полный текст письма с ссылкой на фонд партархива ВСРП, ныне Института политической истории (PIA. 274. f., 4. cs., 70. ó. e.).
- ¹⁷⁶ Helyzetkép a szlovákiai magyarokról, 194. o.
- ¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 786. Л. 23.
- ¹⁷⁸ *Kertész I.* Op. cit. 241. o.

- 179 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 316–317. o.
- 180 *Balogh S.* Parlamenti és pártarcok Magyarországon, 1945–1947. Bp., 1975. 149. o.
- 181 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 317–318. o.
- 182 *Kertész I.* Op. cit. 242. o. Подсчеты дипломата базируются на источниках: Statistický Zpravodaj. Official Bulletin of the Czechoslovak Statistical Office. Praha, 1945. № 6. S. 114; Hungary and the Conference of Paris. T. 2. P. 28, 62.
- 183 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 318. o.
- 184 *Kertész I.* Op. cit. 243. o.
- 185 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 318. o.
- 186 *Kertész I.* Op. cit. 85. o.
- 187 *Ibid.* 86. o.
- 188 *Ibid.* 244. o.
- 189 *Ibid.* 245. o.
- 190 *Ibid.*
- 191 АВП РФ. Ф. 77. Оп. 20. П. 12. Д. 26. Л. 47–50 (в документе ошибочно указана дата – 1946 г.).
- 192 Там же. Л. 47.
- 193 Там же. Л. 47–48.
- 194 *Kertész I.* Op. cit. 246. o.
- 195 *Ibid.* 268. o.
- 196 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 321. o.
- 197 *Ibid.*
- 198 АВП РФ. Ф. 77. Оп. 20. П. 12. Д. 24. Л. 49.
- 199 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 318. o.
- 200 *Ibid.* 322. o.; *Kertész I.* Op. cit. 252. o.
- 201 АВП РФ. Ф. 77. Оп. 20. П. 12. Д. 24. Л. 49.
- 202 Там же. Л. 50.
- 203 Там же.
- 204 *Balogh S.* A népi demokratikus... 115. o.
- 205 *Izsák L.* Op. cit. 116–117. o.
- 206 *Zvara J.* Op. cit. 32. o.
- 207 *Závada Pál.* Op. cit. 80. o.
- 208 *Balogh S.* A népi demokratikus... 120. o.
- 209 Népszabadság. 1992. március 7.
- 210 *Balogh S.* A népi demokratikus... 123. o.; *Zvara Juraj.* Op. cit. 32. o.
- 211 *Balogh S.* Kitelepítés – Deportálás... 276. o.
- 212 *Závada P.* Op. cit. 80. o.
- 213 *Kertész I.* Op. cit. 256, 326. o.
- 214 Hungary and the Conference of Paris. T. 4. P. 41–42, 82–83.
- 215 Népszabadság. 1992. március 27.

- 216 *Kertész I.* Op. cit. 257–258. o.
- 217 *Kertész I.* Op. cit. 235. o.
- 218 Подробнее см.: *Vadkerty K.* A reszlovakizáció. Pozsony, 1993.
- 219 Népszabadság. 1992. március 7.
- 220 *Szerencsés K.* Magyarország története a második világháború után, 1945–1975. Bp., 1990. 64. o.
- 221 История Словакии. М., 2003. С. 339.
- 222 *Šindelka J.* Op. cit. 66. o.
- 223 История Словакии. С. 339.
- 224 *Zaváda P.* Op. cit. 55. o.
- 225 *Gyöngyör J.* Op. cit. 94. o.
- 226 *Zaváda P.* Op. cit. 55. o.
- 227 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102; *Murashko G.P.* Op. cit. P. 90.
- 228 *Izsák L.* Op. cit. 120. o.
- 229 Приложение к изданию «Edvard Beneš elnöki dekrétumai...» (документ № 10). 291–294. o.
- 230 *Šindelka J.* Op. cit. 66. o.
- 231 *Balogh S.* Kitelepítés – Deportálás... 281. o.; *Izsák L.* Op. cit. 120–121. o.; *Szerencsés K.* Op. cit. 63. o.
- 232 Ibid.
- 233 *Böhm V.* Másodszor emigrációban... Bp., 1990. 128. o.
- 234 Приложения к изданию: «Edvard Beneš elnöki dekrétumai...» (документ № 9). 290. o.
- 235 *Izsák L.* Op. cit. 119. o.
- 236 АВП РФ. Ф. 12. Оп. 6. П. 106. Д. 171. Л. 5.
- 237 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 323–324. o.
- 238 *Rákosi M.* Op. cit. 449. o.
- 239 Восточная Европа в документах... С. 403.
- 240 Там же. С. 404.
- 241 Там же. С. 413.
- 242 Там же. С. 414.
- 243 Там же. С. 414–415.
- 244 Там же. С. 415.
- 245 *Rákosi M.* Op. cit. 264. o.
- 246 Ibid. 264–265. o.
- 247 Ibid.
- 248 Ibid. 266. o.
- 249 Ibid. 267. o.
- 250 *Zhelitski B.* Postwar Hungary, 1944–1946 // The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe 1944–1949. Oxford, 1997. P. 73–92.
- 251 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 325. o.

- 252 Восточная Европа в документах... С. 430–433.
- 253 *Izsák L.* Op. cit. 121. o.
- 254 Восточная Европа в документах... С. 516–517.
- 255 Там же. С. 517.
- 256 *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 324–325. o.
- 257 Ibid.
- 258 Советский фактор... С. 410.
- 259 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 14.
- 260 Там же. Д. 15–16.
- 261 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 2122.
- 262 Советский фактор... С. 493–494.
- 263 *Kaplan K.* Poválečné Československo. München, 1985. S. 122.
- 264 Ibid. S. 124.
- 265 *Dávid Z.* A magyar nemzetiségi statisztika múltja és jelene // *Látóhatár* 1980. október. 144–145. o.; *Kővágó L.* A nemzetiségek a mai Magyarországon. Bp., 1981. 9. 20. o.
- 266 Справка ОВП ЦК ВКП(б) «Уроки, которые должно извлечь руководство КПЧ из ошибок руководства ЦК компартии Югославии» // Советский фактор... С. 616.
- 267 *Popély Gy.* Népfogyatkozás // *Látóhatár*, 1991. 5. sz., 182. o. Опубли. также в братиславской газете «*Új Szó*», 1991, 9. sz. Vasárnapi Melléklet, 3. o.; *Pankovič V.* Etnické mešiny na Slovensku. Košice, 1991. S. 162.
- 268 Восточная Европа в документах... С. 809.
- 269 Там же. С. 847.
- 270 Там же. С. 848–849.
- 271 Там же. С. 850.
- 272 Советский фактор... С. 614–615.
- 273 Там же.
- 274 См.: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 годы // *Славяноведение*. 2003. № 1.
- 275 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 077. Оп. 24а. П. 131а. Д. 1. Л. 1–2.
- 276 Там же. Д. 3. Л. 2, 12–15.
- 277 *Magyar Nemzet*. 1984. december 21.
- 278 Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 380–386.
- 279 *Izsák L.* Illegalitás után // *Historia*. 1985. 1. sz. 21–22. o.
- 280 *Strassenreiter E.* Megváltozott körülmények // *Historia*. 1985. 2. sz. 34. o.
- 281 *Izsák L.* Op. cit. 22. o.
- 282 *Strassenreiter E.* Op. cit. 24. o.
- 283 *Varga L.* New Yorki beszélgetés Vas Zoltánnal. Részletek egy eddig Magyarországon nem publikált életinterjúból // *Magyar Nemzet*. 1992. október 31. 9. o.
- 284 Népszabadság. 1985. február 2.

- 285 Varga L. Op. cit. 9. o.
- 286 Vida I. A magyar népi demokrácia struktúrája, 1944–1948 // Társadalmi Szemle. 1985. 1. sz. 34. o.
- 287 Népszabadság. 1966. február 1; *Gyarmati Gy.* Közigazgatási reform és pártküzdelmek, 1944–1947 // Valóság. 1984. 6. sz. 10–12. o.
- 288 Horváth Cs. Magyarország 1944-től napjainkig. Pécs, 1992. 32. o.
- 289 Ibid. 36. o.
- 290 Vida I. Koalíció és pártharcok, 1944–1948. Bp., 1986. 197–198. o.
- 291 Magyar Hírlap. 1997. március 27.
- 292 Magyar Nemzet. 1997. március 28.
- 293 Strassenreiter E. Végig kell menni a megkezdett uton! A KMP III. kongresszusára emlékezve // Társadalmi Szemle. 1986. 10. sz. 85. o.
- 294 Szabó B. Útirány a szocializmus // A felszabadulás utáni történetünkől. I. köt. Bp., 1987. 135. o.
- 295 Újra itthon. Eörsi István interjúja Lukács Györggyel // Társadalmi Szemle. 1989. 4. sz.; Látóhatár. 1989. május. 56–57. o.
- 296 Horváth Cs. Op. cit. 30. o.
- 297 Új Magyar Központi Levéltár. F. XVIII–7. ö. e. 4, 1. 4.
- 298 Vitézy L. Komor ég alatt // Valóság. 1989. 9. sz. 76. o.
- 299 Magyar Nemzet. 1977. február 8.
- 300 Ibid. 1977. február 11.
- 301 Ibid.
- 302 Ibid. 1977. szeptember 27.
- 303 Vida I. Koalíció és... 257. o.
- 304 Vida I. Nagy Ferenc «meghallgattatása» az amerikai külügyminisztériumban 1947. júniusában // Századok. 1990. 5–6. sz. 787–846. o.; *Idem.* Koalíció és... 258–259. o.
- 305 Ibid.
- 306 Public papers of the presidents of the United States. Harry S. Truman 1947. U.S. Washington, 1963. P. 265–266.
- 307 Farkas V. Nincs mentség. Az ÁVH alezredese voltam. Bp., 1990. 104–126. o.
- 308 Vida I. Tildy Zoltán // Társadalmi Szemle. 1982. 11. sz. 63. o.
- 309 Ibid.
- 310 Vida I. Koalíció és... 264–265. o.
- 311 Ibid. 286. o.
- 312 Horváth Cs. Op. cit. 48. o.
- 313 Balogh S. Koalíció és parlamentáris demokrácia // Népszabadság. 1985. február 2.
- 314 Izsák L. A koalíció évei Magyarországon, 1944–1948. Bp., 1986. 182. o.
- 315 Horváth Cs. Op. cit. 55. o.
- 316 Izsák L. A koalíció évei... 183. o.
- 317 Izsák L. A két munkáspárt egyesülése Magyarországon 1948-ban // A felszabadulás utáni történelmünkről. I. köt. 127–128. o.

- ³¹⁸ *Vitézy L.* Op. cit. 78. o.
- ³¹⁹ См.: *Úrbán K. Révai József (1898–1959) // Párttörténeti Közlemények. 1978. 3. sz. 162–222. o.*
- ³²⁰ *Úrbán K. Lukács és a magyar népi demokrácia // A felszabadulás utáni történelmünkről. I. köt. 266–278. o.*
- ³²¹ *Марына В.В. Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 53–54.*
- ³²² *Úrbán K. Lukács és a... 275. o.*
- ³²³ *Horváth Cs. Op. cit. 56. o.*
- ³²⁴ *Úrbán K. Lukács és a... 275. o.*
- ³²⁵ *Izsák L. Rákosi, Révai, Rajk a többpártrendszer felszámolásáról // Historia. 1984. 3. sz. 34. o.*
- ³²⁶ 20. századi magyar történelem, 1900–1994. Bp., 1997. 304. old.
- ³²⁷ *Rákosi M. Visszaemlékezések, 1940–1956. II. köt. Bp., 1997. 748. o.; I. köt. 353. o.*
- ³²⁸ Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 20.
- ³²⁹ *Vida I. Tildy Zoltán. 66. o.*
- ³³⁰ *Horváth Cs. Op. cit. 57. o.*
- ³³¹ 20. századi magyar... 307. o.
- ³³² *Ibid. 308. o.*
- ³³³ Подробно об этом см.: *Желицки Б.Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия, 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2 и 3.*
- ³³⁴ См.: Тоталитаризм, что это такое? Исследования зарубежных политологов. М., 1993. Т. II. С. 95–112.
- ³³⁵ *Желицки Б.Й. XX век: смена политических режимов в венгерском государстве // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 228–229.*

В условиях социалистического эксперимента

(Главы 4–6)

- ¹ *Hegedűs A. Élet egy eszme árnyékában. Wien, 1985. 188–189. o.*
- ² *Vásárhelyi M. Az 1953-as kormányprogram // Medvetánc. 1988. 2–3. sz. 166. o.*
- ³ Rákosi Mátyás referátuma az MDF Központi Vezetőségének 1953. júniusi ülése után // *Múltunk. 1990. I. sz. 142. o.* (далее – Rákosi Mátyás referátuma...).
- ⁴ *Ibid; [Földvári R.] Látlelet a magyar függetlenségről // Kapu. 1989. május; Magyar Nemzet. 1993. február 24; Új Tükör. 1989. május 28.*
- ⁵ Politikatörténeti Intézet Archívuma, f. 276, ö. e. 54/248 (далее – PTI Arch.); Rákosi Mátyás referátuma... 143–144. o.
- ⁶ *Vásárhelyi M. Op. cit. 189–190. o.*
- ⁷ См.: *Нежинский Л.Н. Очерк истории народной Венгрии. 1948–1962. М., 1969. С. 180–200.*

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) – бывший Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1–4.

⁹ Там же.

¹⁰ А «Jelcin-dosszié». Szovjet dokumentumok 1956-ról Bp., 1993. 21–23. о. (документы из Архива президента РФ, опубликованные в Венгрии). Далее – А «Jelcin-dosszié»...

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Ед. хр. 394. Л. 106–107.

¹² Там же. Л. 108–109.

¹³ Там же. Л. 103.

¹⁴ Там же. Л. 123–125.

¹⁵ Там же. Л. 118–119.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Az MDP Politikai Bizottsága 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi kommunista csúcstalálkozó és Magyarország // Társadalmi Szemle. 1993. 2. sz. 83–84. о.

¹⁸ Цит. по: *Litván Gy.* A Nagy Imre-per politikai háttere // Világosság. 1992. 10. sz. 745. о.

¹⁹ А «Jelcin-dosszié»... 24–26. о.

²⁰ Az MDP Politikai Bizottsága... 94. о.

²¹ См.: *Mićunović V.* Tito követe voltam Moszkvában. 1956–1958. Bp., 1990. 63. о.

²² *Hegedűs A.* A történelem és a hatalom ígézetében. Bp., 1988. 266. о.

²³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 6–8.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 9, 15.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 19.

²⁹ Там же. Л. 46–47, 50.

³⁰ Там же. Л. 19–20.

³¹ Там же. Л. 20.

³² Там же. Л. 57.

³³ Там же. Л. 60–61.

³⁴ *Benkő P.* Adalékok a politikai rendszer restaurációjához Magyarországon 1956 és 1958 között // Múltunk. 1990. 1. sz. 113. о.

³⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 20–21.

³⁶ А «Jelcin-dosszié»... 31–41. о.

³⁷ *Litván Gy.* Op. cit. 745. о.

³⁸ А «Jelcin-dosszié»... 42–43. о.

³⁹ Irodalmi Újság. 1959. október 23 (Különszám).

⁴⁰ А kormány és a párt vezető szerveinek dokumentumaiból 1956. október 23 – november 4 // *Historia.* 1989. 4–5. sz. 25–30. о.

⁴¹ См.: Az 1956-os magyar forradalom. Reform–Felkelés–Szabadságharc–Megtorlás. Bp., 1991. 38. о.

⁴² А forradalom hangja. Magyarországi rádióadások 1956. október 23 – november 9 // *Századvég füzetek* 2. Bp., 1989. 15. о.

- ⁴³ A «Jelcin-dosszié»... 54. o.
- ⁴⁴ Új Magyar Központi Levéltár, XX-5h. Nagy Imre és társai pere. Operatív iratok (далее – УМКЛ). A levéltár dokumentumai ma már a Magyar Országos Levéltárban találhatóak, esetleg más fond-jelzéssel.
- ⁴⁵ A «Jelcin-dosszié»... 56, 71. o.
- ⁴⁶ *Hajdú T.* Az 1956. október 24-i moszkvai értekezlet // 1956-os Intézet Évkönyve, 1. 1992. Bp., 1992. 152–153. o.
- ⁴⁷ *Ibid.*; A «Jelcin-dosszié»... 56–57. o.
- ⁴⁸ *Hajdú T.* Hruscsov október huszonharmadikán // Népszabadság. 1992. június 20.
- ⁴⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 367–368; Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárából. Bp., 1994. 99–100. o.
- ⁵⁰ Дипломатический вестник. 1992. № 19–20. С. 53–55.
- ⁵¹ Там же. С. 54–55.
- ⁵² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 97–98.
- ⁵³ Дипломатический вестник. 1992. № 19–20. С. 54–55.
- ⁵⁴ *Hegedűs A.* A történelem... 296. o.
- ⁵⁵ A «Jelcin-dosszié»... 50–51. o.
- ⁵⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 98.
- ⁵⁷ Там же. Л. 101–102.
- ⁵⁸ A «Jelcin-dosszié»... 51. o.
- ⁵⁹ A forradalom hangja. 72. o.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ *Ibid.*
- ⁶² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 101–107.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ A kormány és párt vezető szerveinek dokumentumaiból // *Historia.* 1989. 4–5. sz. 32–33. o.
- ⁶⁶ *Ibid.* 34–36. o.
- ⁶⁷ *Szabad Nép.* 1956. október 27.
- ⁶⁸ *Hegedűs A.* A történelem... 305. o.
- ⁶⁹ *Ibid.* 306. o.
- ⁷⁰ *Irodalmi Újság.* 1956. október. 26.
- ⁷¹ A forradalom hangja. 115. o.
- ⁷² *Ibid.* 164. o.
- ⁷³ Az 1956-os magyar forradalom... 63. o.
- ⁷⁴ A «Jelcin-dosszié»... 63. o.
- ⁷⁵ *Szabad Nép.* 1956. október 29.
- ⁷⁶ *Historia.* 1988. 6. sz. 6. o.
- ⁷⁷ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 122.
- ⁷⁸ *Vengria 1956 года. Очерки истории кризиса.* М., 1993. С. 11–12, 94. o.
- ⁷⁹ Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М. (ИСБ РАН), 1993. С. 85, 89.

- ⁸⁰ *Hajdú T.* 1956 nemzetközi háttere // Társadalmi Szemle. 1989. 8–9. sz. 41–43. o.
- ⁸¹ См. подробнее: Jalta és Szuezi között. Bp., 1989; 1956-os Intézet Évkönyve. I. 1993. Bp., 1993. 40–41. o.
- ⁸² *Штраус Ф.-Й.* Воспоминания. М., 1991. С. 302–303.
- ⁸³ См.: Правда. 1956. 31 окт.; 1956 sajtója. Október 23 – november 4. Bp., 1989. 284–287. o.
- ⁸⁴ *Muszátov V.* Szovjet politikai beavatkozás és katonai intervenció Magyarországon 1956-ban // Múltunk. 1991. 4. sz. 164. o.
- ⁸⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 122–124.
- ⁸⁶ A «Jelcin-dosszié»... 63. old.
- ⁸⁷ Titkos jelentések, 1956. október 23 – november 4. Bp., 1989. 82. o.
- ⁸⁸ Ibid. 83. o.
- ⁸⁹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 479–481, 494–497; A «Jelcin-dosszié»... 73. o.
- ⁹⁰ Hiányzó lapok... 125–126. o.
- ⁹¹ A «Jelcin-dosszié»... 69. o.
- ⁹² A forradalom hangja... 308–309. o.
- ⁹³ Népszabadság. 1956. november 2.
- ⁹⁴ UMKL. XX-5-h (25. köt.). 105–108. o.
- ⁹⁵ Hiányzó lapok... 127. o.; A «Jelcin-dosszié»... 74. o.
- ⁹⁶ UMKL, XX-5-h (25. köt.). A Nagy Imre-per iratai. 103–104. o.; Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. 105–108. o.
- ⁹⁷ Hiányzó lapok... 127. o.
- ⁹⁸ UMK XX-5-h (25. köt.). 103–104. o.
- ⁹⁹ Népszabadság. 1956. november 2.
- ¹⁰⁰ *Hegedűs A.* A történelem... 311–312. o.
- ¹⁰¹ A «Jelcin-dosszié»... 93. o.
- ¹⁰² Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С. 103–105.
- ¹⁰³ 1956 sajtója... 482. o.
- ¹⁰⁴ A forradalom hangja... 488. o.
- ¹⁰⁵ A Magyar Forradalmi Munkás-Paraszt Kormány közérdekű rendelete. Bp., 1956. 1–3. o.
- ¹⁰⁶ *L.A.Ch. Fry* táviratai a brit külügyminisztériumnak // Társadalmi Szemle. 1991. 1. sz. 71–72. o.
- ¹⁰⁷ *Bibó I.* Magyarország helyzete és a világhelyzet (Emlékirat) // Medvetánc. 1988. 2–3. sz. 215–216. o.
- ¹⁰⁸ Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. С. 76.
- ¹⁰⁹ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 397.
- ¹¹⁰ Magyar Hírlap. 1994. március 28.
- ¹¹¹ См.: Советско-венгерские отношения, 1945–1948 гг. Сборник документов и материалов. М., 1969.
- ¹¹² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 464–467.

- ¹¹³ A «Jelcin-dosszié». Szovjet dokumentumok 1956-ból. Bp., 1993. 96. o.
- ¹¹⁴ A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületének jegyzőkönyvei. I. köt. Bp., 1993. 28. o.
- ¹¹⁵ Ibid. 72. o.
- ¹¹⁶ Dokumentumok. Szovjet–magyar katonai tágyalások Moszkvában, 1957. január 28 – február 1 // *Múltunk*, 1997. 1. sz. 112–130. o.
- ¹¹⁷ Советско-венгерские отношения 1948–1970 гг. Документы и материалы. М., 1974. С. 135–142.
- ¹¹⁸ *Pritz P.* Magyarország helye a 20. századi Európában // *Magyarország helye a 20. századi Európában*. Bp., 2002. 41. o.
- ¹¹⁹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 28. Ед. хр. 294. Л. 93–94.
- ¹²⁰ Там же. С. 104–124.
- ¹²¹ Там же. С. 107–108.
- ¹²² Там же. С. 115–116.
- ¹²³ Архив Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М., 2003. С. 210–211.
- ¹²⁴ *Békés Cs.* Magyar-szovjet csúcstalálkozók 1957–1965 // 1956-os Intézet Évkönyve VI. Bp., 1998. 157. o.
- ¹²⁵ *Földes Gy.* Kádár János külpolitikai nézetei (1957–1967) // *Magyarország helye a 20. században*. Bp., 2002. 139. o.
- ¹²⁶ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. № 15. 8 апреля 1964 г.; Népszabadság. 1964. április 4.
- ¹²⁷ *Fülöp M., Sipos P.* Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998. 435. o.
- ¹²⁸ *Békés Cs.* Op. cit. 164–165. o. (док. № 4).
- ¹²⁹ Ibid. 147. o., 166–178. o. (док. № 5).
- ¹³⁰ Ibid. 164–165. o. (док. № 4).
- ¹³¹ Népszabadság, 1965. január 31.
- ¹³² *Békés Cs.* Op. cit. 149. o.
- ¹³³ *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 437. o.
- ¹³⁴ *Кадар Янош.* Избранные статьи и речи. М., 1970. С. 123.
- ¹³⁵ Советско-венгерские отношения 1948–1970. С. 450–454.
- ¹³⁶ Там же. С. 451, 453.
- ¹³⁷ Известия. 1 ноября 1967 г.
- ¹³⁸ *Крючков В.* Личное дело. Часть первая. М., 1996. С. 80.
- ¹³⁹ *Pritz P.* Op. cit. 45–46. o.
- ¹⁴⁰ Népszabadság, 2003. október 21.
- ¹⁴¹ *Huszár T.* Kádár János az 1980-as években // *Múltunk*, 2003. 1. sz. 12–13. o.
- ¹⁴² *Szakács S.* Op. cit. 180. o.
- ¹⁴³ *Huszár T.* Op. cit. 37. o.
- ¹⁴⁴ *Сорос Дж.* Идеи Горбачева: новое мышление в Советском Союзе // Центрально-Европейский Ежегодник 2003. М., 2003. С. 304.
- ¹⁴⁵ *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. М., 2001. С. 239.
- ¹⁴⁶ За новое политическое мышление в международных отношениях. Документы и материалы. М., 1987. С. 40.

- ¹⁴⁷ *Pető I., Szakács S.* A hazai gazdaság négy évtizedének története, 1945–1985. I. kötet. Bp., 1985. 464. o.
- ¹⁴⁸ *Berend T.I., Ránki Gy.* Gazdaság és társadalom. Tanulmányok hazánk és Kelet Európa XIX–XX. századi történetéről. Bp., 1974. 502. o.
- ¹⁴⁹ 1968 utóélete // *Látóhatár.* 1988. október. 114. o.
- ¹⁵⁰ Visszapillantás az 1968-as reformra. Beszélgetés Nyers Rezsővel // *Látóhatár,* 1988. október. 183. o.
- ¹⁵¹ *Huszár T.* Beszélgetések Nyers Rezsővel. Bp., 2004. 289. o.
- ¹⁵² *Romsics I.* Magyarország története a XX. században. Bp., 2000. 425–428. o.
- ¹⁵³ A Magyar Szocialista Munkáspárt határozatai és dokumentumai, 1963–1966. Bp., 1968. 107. o.
- ¹⁵⁴ *Ibid.* 553. o.
- ¹⁵⁵ *Нерш Р.* Экономическая политика и реформа экономического механизма в Венгрии // Этюды о Венгрии. Т. IV. Будапешт, 1969. С. 63–64.
- ¹⁵⁶ Венгерский опыт соотношения революции и реформ // Власть–общество–реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 62.
- ¹⁵⁷ *Нерш Р.* Указ. соч. С. 66.
- ¹⁵⁸ *Pető I., Szakács S.* Op. cit. 454. o.
- ¹⁵⁹ *Nyers R.* Útkeresés – reformok. Bp., 1988. 71. o.
- ¹⁶⁰ *Богота Б., Гарам Й.* Об опыте реформы хозяйственного механизма в Венгрии. Будапешт, 1970. С. 4–6.
- ¹⁶¹ *Stark A.* Népgazdaságunk 30 éve. Bp., 1975. 85. o.
- ¹⁶² *Нерш Р.* Указ. соч. С. 68; *Hazánk,* Magyarország. Bp., 1970. 352–354. o.
- ¹⁶³ *Nyers R.* Op. cit. 408–409. o.
- ¹⁶⁴ *Ibid.* 415. o.
- ¹⁶⁵ *Szerencsés K.* Magyarország története a második világháború után (1945–1975). Bp., 1990. 156. o.
- ¹⁶⁶ См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй. От стабилизации к кризису 1966–1989. М., 2002. С. 400–401.
- ¹⁶⁷ *Nyers R.* Op. cit. 404. o.
- ¹⁶⁸ *Ibid.* 297–298. o.

|| Системный кризис и утверждение современной парламентской демократии (Главы 7–9)

- ¹ Реформа хозяйственного механизма в Венгрии. Будапешт, 1968; *Az MSzMP határozatai és dokumentumai (1967–1970).* Bp., 1974. 264–289. o.
- ² *Köves A.* Külgazdasági egyensúly, gazdasági fejlődés és gazdaságpolitika a KGST-országokban // *Valóság.* 1986. 3. sz. 13. o.
- ³ *Rendszerváltás történész szemmel.* Bp., 1992. 25. o.
- ⁴ *Közép-Európa mozgásban.* Bp., 1990. 123. o.
- ⁵ Бывшие «хозяева» Восточной Европы. М., 1995. С. 160–172.

⁶ Там же.

⁷ Nagy K. Elveszett alkotmány. Bp., 1984; Borbándi Gy. A magyar emigráció életrajza. I–II. köt. Bp., 1989.

⁸ Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995. С. 45–46.

⁹ Az MSZMP határozatai és dokumentumai, 1985–1986. Bp., 1987. 271–272. o.

¹⁰ Fordulat és reform. Bp., 1986; Társadalmi szerződés. Bp., 1987; Reform és demokrácia. Bp., 1988.

¹¹ Pozsgay I. 1989. Politikus-pálya a pártállamban és rendszerváltásban. Bp., 1993. 77. o.

¹² Magyar Nemzet. 1987. november 4.

¹³ Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 81–82; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997. С. 55–94.

¹⁵ Восточная Европа... С. 83–87.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ Lengyel L. A rendszerváltó elit tűndöklése és bukása. Bp., 1996. 115. o.

¹⁹ Восточная Европа... С. 72–79.

²⁰ Lengyel L. Op. cit. 237–238. o.

²¹ 20. századi magyar történelem, 1900–1994. Bp., 1997. 375. o.

²² Népszabadság. 1999. szeptember 9–10; Pozsgay I. Op. cit. 169. o.

²³ Восточная Европа... С. 94–95.

²⁴ Közép-Európa mozgásban, 27. old.

²⁵ Восточная Европа... С. 95.

²⁶ 20. századi magyar történelem... 381. o.

²⁷ Ibid. 382. o.; Magyar Nemzet. 1999. március 13.

²⁸ См.: Центральная Европа во второй половине XX века. Том второй. М., 2002. С. 392–393.

²⁹ Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995. С. 45–46.

³⁰ См.: 20. századi magyar történelem. 1900–1994. Bp., 1997. 364. o.

³¹ Az MSZMP határozatai és dokumentumai, 1985–1986. Bp., 1987. 271–272. o.

³² Fordulat és reform. Bp., 1986; Társadalmi szerződés. Bp., 1987; Reform és demokrácia. Bp., 1988.

³³ Pozsgay I. 1989. Politikus-pálya a pártállamban és rendszerváltásban. Bp., 1993. 77. o.

³⁴ Elfogyás vagy talpraállás // Népszabadság. 2002. szeptember 28.

³⁵ Magyar Nemzet. 1987. november 4.

³⁶ Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 80.

³⁷ Там же. С. 81–82; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997. С. 55–94.

³⁸ Восточная Европа... С. 83–87.

³⁹ Там же. С. 81.

⁴⁰ Új Márciusi Front // Magyarország Politikai Évkönyve 1988. Debrecen, 1989. 782. o.

- ⁴¹ *Kolesnikov S., Pashkov E.* Венгрия: приоритет реформы // Коммунист. 1989. № 16. С. 95.
- ⁴² Восточная Европа... С. 72.
- ⁴³ *Lengyel L.* A rendszerváltási elit tündöklése és bukása. Bp., 1996. 115. o.
- ⁴⁴ Восточная Европа... С. 72–79.
- ⁴⁵ *Lengyel L.* Op. cit. 237–238. o.
- ⁴⁶ 20. századi magyar történelem, 1900–1994. Bp., 1997. 375. o.
- ⁴⁷ Társadalmi Szemle. 1989. Különszám. 1–80. o.
- ⁴⁸ Népszabadság, 1999. szeptember 9–10; *Pozsgay I.* Op. cit. 169. o.
- ⁴⁹ *Kis J.* 1989: víg esztendő // *Beszélő.* 1999. 10. sz. 23. o.
- ⁵⁰ Magyar Hírlap. 1997. március 24.
- ⁵¹ *Kónya I.* A megegyezései forradalom // A magyar forradalom eszméi. Eltípi-rásuk és győzelmük (1956–1999). Bp., 2001. 232. o.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ *Bozóki A.* Az 1987-es kerekasztal-tárgyalások Kelet-Közép-Európai összehasonlításban // A magyar forradalom eszméi... Bp., 2001. 204. o.
- ⁵⁴ A rendszerváltás forгатókönyve. Kerekasztal-tárgyalások 1989-ben. (Далее – RF. KAT '89). Első kötet. Bp., 1999. 13. o.
- ⁵⁵ *Rainer M.J.* Nagy Imre újratemetése – a magyar demokratikus átalakulás szimbolikus aktusa // A magyar forradalom eszméi... 240–260. o.
- ⁵⁶ RF. KAT '89. 651–658. o.
- ⁵⁷ *Kis János.* Op. cit. 31–32. o.
- ⁵⁸ RF. KAT '89. 604. o.
- ⁵⁹ Ibid. 604–608. o.
- ⁶⁰ Közép-Európa mozgásban. Bp., 1990. 27. o.
- ⁶¹ Bozóki András. Op. cit. 206–207. o.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid. 204–205. o.
- ⁶⁴ *Kónya I.* Op. cit. 237. o.
- ⁶⁵ Конституция Венгерской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 110–111.
- ⁶⁶ RF. KAT '89. 19. o.
- ⁶⁷ Magyar Nemzet. 1999. március 13; *Желицки Б.Й.* Общий кризис «реального социализма» и демократические преобразования в Венгрии // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 67.
- ⁶⁸ *Kis J.* Op. cit. 33. o.
- ⁶⁹ Ibid. 34. o.
- ⁷⁰ Ibid. 35. o.
- ⁷¹ *Kónya I.* Op. cit. 238. o.
- ⁷² Ibid. 238–239. o.
- ⁷³ Ibid. 239. o.
- ⁷⁴ См.: Венгерская «переговорная революция» // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 75–128.

- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Здесь и далее ссылки на Конституцию Венгерской Республики приводятся по русскому изданию: Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 97–132.
- ⁷⁷ 20. századi magyar történelem 1900–1994. Bp., 1997. 385. o.
- ⁷⁸ Еженедельный бюллетень МТИ (Венгерского Телеграфного Агентства). 28 мая 1993 г. С. 1.
- ⁷⁹ Там же. С. 2.
- ⁸⁰ Nem az SzDSz ifjúsági szervezete. Interjú Orbán Viktorral // *Heti Világgazdaság*. 1990. március 3.
- ⁸¹ *Ripp Z. Rendszerváltás Magyarországon 1987–1990*. Bp., 2006. 536. o.
- ⁸² *Ibid.* 535. o.
- ⁸³ 20. századi magyar történelem... 385. o.; *Ripp Z. Op. cit.* 540. o.
- ⁸⁴ *Magyar Nemzet*. 1990. április 13; *Ripp Z. Op. cit.* 541. o.
- ⁸⁵ *Kis J. A megállapodás // Beszélő*. 1990. május 19. 4–5. o.; *Ripp Z. Op. cit.* 545. o.
- ⁸⁶ *Magyar Hírlap*. 1994. április 8.
- ⁸⁷ *Magyar Hírlap*. 1994. április 8.
- ⁸⁸ *Népszabadság*. 2005. március 25.
- ⁸⁹ *Magyar Nemzet*. 1990. július 6.
- ⁹⁰ *Szabad Gy. Az Országgyűlés elnöke eszköz legyen a népakarat felsőbb szintű megnyilatkozásában // Közép-Kelet Európa mozgásban. Beszélgetések a rendszerváltásról*. Bp., 1990. 165–167. o.
- ⁹¹ *Ibid.*
- ⁹² *Magyar Hírlap*. 1994. április 8.
- ⁹³ *Antall J. Az átalakulás Magyarország hatalmas történelmi vállalkozása // Közép-Kelet-Európa mozgásban. Beszélgetések a rendszerváltásról*. Bp., 1990. 121–122. o.
- ⁹⁴ *Ripp Z. Op. cit.* 548. o.
- ⁹⁵ *Antall J. Modell és válság. II. köt. Bp., 1994. 42–43. o.*
- ⁹⁶ *Antall J. Az átalakulás... 123. o.*
- ⁹⁷ *Bölgöny J. Magyarország kormányai 1848–1992*. Bp., 1992. 338, 388. o.
- ⁹⁸ *Államigazgatás. Bizonytalanságban // Magyarország*. 1990. március 23. 20. o.
- ⁹⁹ *Politikai Bal-sors // Magyarország*. 1990. május 18. 19. o.
- ¹⁰⁰ *Romsics I. A rendszerváltás első négy éve (1990–1994) // A magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956–1999)*. Bp., 2001. 263. o.
- ¹⁰¹ *Népszabadság*. 2007. február 10.
- ¹⁰² *Romsics I. Op. cit.* 263. o.; *Izsák L. Rendszerváltástól rendszerváltásig. 1944–1990*. Bp., 1998. 175. o.
- ¹⁰³ *Ibid.* 264. o.
- ¹⁰⁴ *Van feltámadás és újjászületés. Interjú József Antall miniszterelnökkel // Magyarország*, 1990. december 21. 2. o.
- ¹⁰⁵ *Ibid.* 3. o.
- ¹⁰⁶ *Népszabadság*. 1993. július 7.
- ¹⁰⁷ *Magyar Hírlap*. 1990. október 1.
- ¹⁰⁸ *Népszabadság*. 1994. március 5.

- 109 Demokratikus rend és felelősség // Magyarország. 1991. február 8. 6. o.
- 110 Népszabadság. 1994. március 5. 23. o.
- 111 Magyar Hírlap. 1994. április 8.
- 112 Népszabadság. 1994. március 8.
- 113 Magyar Hírlap. 1994. április 8.
- 114 Népszabadság. 1993. július 7.
- 115 Magyar Hírlap. 1994. április 8.
- 116 Еженедельный бюллетень МТИ. 28 мая 1993 г. С. 1–3.
- 117 Babus E. Vádorzők // Hétvégi Világgazdaság. 1993. április 24. 88–90. o.
- 118 Magyar Hírlap. 1990. szeptember 29.
- 119 Antall J. Az átalakulás... 124. o.
- 120 Földes Gy. Az eladósodás politikai története 1957–1986. Bp., 1995. 243, 257. o.
- 121 Ibid. 19. o.
- 122 Ibid. 20. o.
- 123 Romsics I. Op. cit. 270–271. o.
- 124 Antall J. Az átalakulás... 124–125. o.
- 125 Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. М., 2002. С. 118.
- 126 Индекс потребительских цен в РФ в 1992 г. по сравнению с 1991 г. вырос в 26,1 раза. В целом за период 1992–1996 гг. – в 2177 раз // А. Угланов. Приватизация по-русски. Аргументы и факты. № 49. 2004 г. С. 8.
- 127 Népszabadság. 2007. június 29. 11. o.
- 128 Romsics I. Op. cit. 265–266. o.
- 129 Népszabadság, Hétvége. 1994. március 12.
- 130 Ibid.
- 131 Népszabadság, Hétvége. 1994. március 12.
- 132 Magyar Hírlap. 1990. július 9.
- 133 Bod P.Á. Egy állami vállalat ne működhessen tartósan gyenge hatékonysággal // Közép-Európa mozgásban... 160–161. o.
- 134 Romsics I. Op. cit. 266. o.
- 135 Стратегия правительства в области приватизации, МТИ //Еженедельный бюллетень. № 16. 19 апреля 1991 г. С. 5–6.
- 136 Там же.
- 137 Центрально-Восточная Европа... С. 122.
- 138 Romsics I. Op. cit. 266. o.
- 139 Népszabadság. 1994. november 30.
- 140 Magyar Nemzet. 1994. február 4.
- 141 Új Magyarország. 1994. május 6.
- 142 Romsics I. Op. cit. 270. o.
- 143 Magyar Nemzet. 1994. március 5.
- 144 Еженедельный бюллетень МТИ. 28 мая 1993 г. С. 14–15.
- 145 Magyar Hírlap. 1994. január 18.
- 146 Új Magyarország. 1994. május 6.
- 147 Ibid.

- 148 Еженедельный бюллетень МТИ. 11 июня 1993 г. С. 13–14.
149 Új Magyarország. 1994. május 6.
150 Еженедельный бюллетень МТИ. 11 июня 1993 г. С. 14.
151 Új Magyarország. 1994. május 6.
152 Új Magyarország. 1994. május 6.
153 Népszabadság. 1994. május 9.
154 Ibid.
155 *Romsics I.* Op. cit. 271. o.
156 Magyar Nemzet. 1994. március 4.
157 Ibid.

Портреты политических деятелей эпохи (Главы 10–11)

- ¹ *Nagy I.* Viharos emberöltő. Bp., 2002. 59. o.
² *Molnár M., Nagy L.* Reformátor vagy forradalmár volt-e Nagy Imre? Párizs, 1983. 8. o.
³ A Nagy Imre vonal. Dokumentumválogatás. Bp., 1989. 12. o.
⁴ *Várkonyi E.* In memoriam // Magyarország. 1989. 24. sz. 18. o.
⁵ A Nagy Imre vonal... 12. o.
⁶ *Molnár M., Nagy L.* Op. cit. 14. o.
⁷ Ibid. 13–14. o.
⁸ См.: Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. М., 2002. С. 205.
⁹ *Rainer J.* Az eszmék útja, előzmények és események // A magyar forradalom eszméi. Eltírásuk és győzelmük (1956–1990). Bp., 2001. 26. o.
¹⁰ *Nagy I.* Egy évtized. Válogatott beszédek és írások. II. Bp., 1954. 349–376. o.
¹¹ Подробнее см.: Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 22–49.
¹² Венгрия 1956 года... С. 24–28.
¹³ *Barla Szabó Ö.* Adalékok a magyarországi megújulási próbálkozásokhoz (1954–1956) // Múltunk. 1991. 4. sz. 80–82. o.
¹⁴ *Izsák L.* Op. cit. 124. o.
¹⁵ *Nagy I.* Egy évtized... 480–575. o.
¹⁶ A Magyar Dolgozók Pártja III. kongresszusának jegyzőkönyve. 1954. május 24–30. Bp., 1954. 428–436. o.
¹⁷ *Beér J.* A helyi tanácsok kialakulása és fejlődése Magyarországon (1945–1960). Bp., 1962. 228. o.; *Barla Szabó Ö.* Op. cit. 87. o.
¹⁸ Ibid; Szabad Nép. 1954. október 25; Magyar Nemzet. 1989. október 3, április 30.
¹⁹ Magyar Nemzet. 1954. október 3; Венгрия 1956 года... С. 111–112.
²⁰ Magyar Nemzet. 1989. október 5.

- ²¹ *Molnár M., Nagy L.* Op. cit. 58. o.
- ²² *Ibid.* 59. o.
- ²³ *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 30–31, 33–34.
- ²⁴ *A Nagy Imre vonal...* 18. o.
- ²⁵ *Molnár M., Nagy L.* Op. cit. 95. o.
- ²⁶ *Molnár M., Nagy L.* Op. cit. 20. o.
- ²⁷ 1956. Az ENSZ Különbizottságának jelentése. Вр., 1989. 94–95. o.
- ²⁸ *Nagy I.* Nagy Imre és Erdei Ferenc 1956-ban // Nagy Imre és kora. Tanulmányok, forrásközlések I. Вр., 2002. 96. o.
- ²⁹ *Такач И.* Вооруженные силы и внутригосударственная безопасность Венгрии: взгляд нового члена НАТО // Connections. The Quarterly Journal. Консорциум «Партнерство ради мира». Т. IV. М., 2005. № 3. С. 27.
- ³⁰ *Nagy I.* Op. cit. 93. o.; *Losonczy Géza* feljegyzései // *Historia.* 1990. 2. sz. 33. o.; *Hegedűs A.* A történelem és hatalom ígészetében. Вр., 1988. 297–298. o.; Советский Союз и венгерский кризис. Документы. М., 1998. С. 356.
- ³¹ *A forradalom hangja.* Вр., 1989. 29–32. o.; *Molnár M., Nagy L.* Op. cit. 129–130. o.
- ³² Советский Союз и венгерский кризис... С. 385.
- ³³ Там же. С. 382–384; *Szabad Nép.* 1956. október 26 // *A forradalom sajtója.* 1956. Вр., 1986.
- ³⁴ Советский Союз и венгерский кризис... С. 388, 404.
- ³⁵ Там же. С. 404.
- ³⁶ Там же. С. 420–423.
- ³⁷ Там же. С. 426.
- ³⁸ Там же. С. 442–443.
- ³⁹ Там же. С. 431–434.
- ⁴⁰ Там же. С. 434–435.
- ⁴¹ Там же. С. 438.
- ⁴² Там же. С. 412, 433, 436.
- ⁴³ Там же. С. 464–465.
- ⁴⁴ 1956. Az ENSZ... 101. o.
- ⁴⁵ Советский Союз и венгерский кризис... С. 464–466.
- ⁴⁶ Там же. С. 482–483.
- ⁴⁷ Там же. С. 460, 479–480.
- ⁴⁸ Там же. С. 495.
- ⁴⁹ Там же. С. 496.
- ⁵⁰ Там же. С. 459, 495–496.
- ⁵¹ Там же. С. 518, 543, 545–546.
- ⁵² Там же. С. 479.
- ⁵³ *Карпиченко Н., Кыров А.* От плана «Волна» к операции «Вихрь» // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С. 90–131; *Muszátov V.* Szovjet politikai beavatkozás és katonai intervenció Magyarországon 1956-ban // *Múltunk.* 1991. 4. sz. 166–167. o.
- ⁵⁴ Советский Союз и венгерский кризис... С. 522–523.

- ⁵⁵ *Molnár M., Nagy L.* Op. cit. 32. o.
⁵⁶ 1956. Az ENSZ... 94. o.
⁵⁷ *Nagy I.* Op. cit. 127. o.
⁵⁸ *Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 35.
⁵⁹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 552.
⁶⁰ *Такач И.* Указ. соч. С. 27.
⁶¹ *Карпиченко Н., Кыров А.* Указ. соч. С. 90–131; *Király B.* Az elvetélt és az első valószínű háború a szocialista országok között // A magyar forradalom eszméi. Eltírásuk és győzelmük (1956–1999). Bp., 46–64. o.
⁶² Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 397.
⁶³ *Такач И.* Указ. соч. С. 27; *Bárány D.Z.* Soldiers and Politics in Eastern Europe, 1945–90. New York, 1993. p. 64.
⁶⁴ *Romsics I.* Magyarország története a XX. században. Bp., 2000. 394. o.
⁶⁵ *Ibid.* 404. o.
⁶⁶ Népszabadság. 1956. november 15.
⁶⁷ Советский Союз и венгерский кризис... С. 632–635, 656–661.
⁶⁸ Там же. С. 681.
⁶⁹ О дискредитации Имре [Надя] // Архив Кремля. Президиум ЦК КПСС. Документы 1954–1964. М., 2003. Док. № 91. С. 210–211.
⁷⁰ Magyar Nemzet. 1989. június 17. Igazság a Nagy Imre ügyben. Bp., 1989. 9–12. o.; Контрреволюционный заговор Имре Надя и его сообщников. (Будапешт, б.г.). С. 9–20.
⁷¹ Nagy Imre elvtárs // Új Tükör. 1989. 26. sz. 30. o.; 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С. 44
⁷² *Gyurkó L.* Arcképvázlat történelmi háttérrel. Bp., 1982. 169. o.
⁷³ *Farkas V.* Nincs mentség: az AVH ezredese voltam. Bp., 1990.
⁷⁴ Népszabadság. 1989. március 4; Magyar Hírek. 1989. 3. sz. 9. o.
⁷⁵ *Kálmán E.* Viszontlátásra Főkapitány // Kapu. 1989. szeptember. 14. o.
⁷⁶ *Méray T.* Nagy Imre élete és halála. Bp., 1989. 290. o.
⁷⁷ Magyarország. 1989. 20. sz. 4. o.
⁷⁸ *Farkas M.* Kedves elvtársak! // Századvég. 1989. 1–2. sz. 65. o.
⁷⁹ *M. Kiss S.* Vázlat az AVH-ról // Látóhatár. 1989. július. 199. o.
⁸⁰ Magyarország. 1989. 20. sz. 14. o.
⁸¹ Magyar Közlöny. 1950. június 24.
⁸² Magyarország. 1989. 43. sz. 4–5. o.; 42. sz. 4–5. o.
⁸³ *Farkas V.* Op. cit. 344. o.
⁸⁴ *Gyurkó L.* Op. cit. 192. o.
⁸⁵ *Kádár J.* Művei. Első kötet, 1956–1958. Bp., 1987. 480. o.
⁸⁶ Magyarország. 1989. 22. sz. 4–5. o.
⁸⁷ *Ibid.*
⁸⁸ Magyarország. 1989. 21. sz. 4. o.
⁸⁹ *Ibid.* 25. sz. 4. o.
⁹⁰ Magyar Nemzet. 1989. július 15.

- 91 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ, бывший ЦХСД). Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 130.
- 92 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 2. Л. 46–47.
- 93 Magyarország. 1989. 23. sz. 50. o.
- 94 *Hegedűs A.* A történelem és a hatalom ígézetében. Bp., 1988. 291. o.
- 95 *Gyurkó L.* Op. cit. 234. o.
- 96 1956. A forradalom kronológiája és bibliográfiája. Bp., 1990. 55. o.
- 97 *Gyurkó L.* Op. cit. 237. o.
- 98 Magyarország. 1989. 24. sz. 4. o.
- 99 Цит. по: Под знаменем пролетарского интернационализма: Сборник материалов. М., 1957. С. 15.
- 100 Там же.
- 101 Magyar Krónika. 1956 sajtója. Bp., 1989. 267. o.
- 102 Magyarország. 1989. 24. sz. 4. o.
- 103 *Tóbiás A.* In memoriam Nagy Imre. Bp., 1989. 294. o.
- 104 Magyarország. 1989. 24. sz. 5. o.
- 105 См.: *Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 50
- 106 *Tóbiás A.* Op. cit. 313. o.
- 107 *Méray T.* Op. cit. 324. o.
- 108 A «Jelcin-dosszié». Szovjet dokumentumok 1956-ról. Bp., 1993. 91. o.
- 109 A forradalom hangja. Bp., 1989. 487–488. o.
- 110 1956. A forradalom kronológiája... 67–71. o.
- 111 *Gosztonyi P.* Feltámadott a tenger... 1956. Bp., 1990. 214–215. o.
- 112 Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистические исследования. М., 1993. С. 397; *Малашенко Е.И.* Указ. соч. С. 36.
- 113 Magyar Országos Levéltár (MOL). PTI Archivum részleg. 288. f. 4/1. 12–42. o.
- 114 Magyarország. 1989. 25. sz. 4. o.
- 115 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 3. Л. 20–24.
- 116 Magyarország. 1989. 24. sz. 19. o.; 25. sz. 5. o.
- 117 A «Jelcin-dosszié»... 199–203. o.
- 118 Magyarország. 1989. 42. sz. 4. o.
- 119 *Ormos M.* A konszolidáció problémái 1956 és 1958 között // Társadalmi Szemle. 1989. 8–9. sz. 64. o.; Magyar Nemzet. 1989. május 11.
- 120 Magyarország. 1989. 44. sz. 5. o.
- 121 *Gyurkó L.* Op. cit. 348. o.
- 122 Magyarország. 1989. 29. sz. 4–5. o.
- 123 Népszabadság. 1989. március 14.
- 124 Ibid. 1987. november 18.
- 125 Огонёк. 1988. № 13. С. 11.
- 126 Magyarország. 1989. 29. sz. 5. o.
- 127 Világ. 1990. 23. sz. 21. o.
- 128 Ibid.
- 129 Огонёк. 1988. № 13. С. 10.

Список сокращений

- БДП – Буржуазно-демократическая партия
ВДФ – Венгерский демократический форум
ВКП – Венгерская коммунистическая партия
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков
ВНР – Венгерская Народная Республика
ВПТ – Венгерская партия трудящихся
ВСРП – Венгерская социалистическая рабочая партия
ВФНН – Венгерский фронт национальной независимости
ГДР – Германская демократическая республика
ГКО – Государственный комитет обороны
ГлавПУРККА – Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии
ГРУ КА – Главное разведывательное управление Красной Армии
ЕС – Европейский Союз
ЕЭС – Европейское Экономическое Сообщество
КГБ – Комитет государственной безопасности
КПВ – Коммунистическая партия Венгрии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
КСХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев
МВД – Министерство внутренних дел
МО – Министерство обороны
МИД – Министерство иностранных дел
МВФ – Международный валютный фонд
НАТО – Североатлантический блок
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел

НКП – Национальная крестьянская партия
НКС – Национальный круглый стол
НПМХ – Независимая партия мелких хозяев
НЭП – Новая экономическая политика
ОВД – Организация Варшавского договора
ОНФ – Отечественный Народный фронт
ОКС – Оппозиционный круглый стол
ООН – Организация Объединенных Наций
ОВД – Отдел внешней политики МИД
СД – Служба безопасности Германии
СДПВ – Социал-демократическая партия Венгрии
СКК – Союзная Контрольная комиссия
СКЮ – Союз коммунистов Югославии
СНС – Словацкий национальный Совет
СС – Schutz-Staffel (дословно: отряд защиты) – главная вооруженная организация насилия гитлеровского германского фашизма
ССД – Союз свободных демократов
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные штаты Америки
СЭВ – Совет Экономической Взаимопомощи
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
Фидес – Союз молодых демократов
ФРГ – Федеративная республика Германия
ЦК – Центральный комитет
ЦР – Центральное Руководство
ЧСР – Чехословацкая республика
УГБ – Управление госбезопасности

Именной указатель

|| А

Амбрози Д. 49, 54
Андраш Ш. 67
Андрашфалви Б. 439
Андропов Ю. В. 217–220, 224, 226, 229–230, 236, 239, 246, 253–254, 256–258, 272, 277, 281, 503–504, 508–509, 521, 525, 528–529, 531, 563, 570, 572, 575, 577–578, 586
Анталл Й. 17, 189, 313, 376, 398–399, 406, 421, 426–431, 433–434, 436–442, 444, 446–447, 449–450, 452–459, 461, 463, 465–466, 469–475, 477–479
Антонеску И. 31, 48–49
Антонов А. И. 52
Апро А. 242, 245, 518, 581
Арань Б. 183
Аристов А. Б. 534
Астафьев В. В. 217
Ацел Д. 328, 362, 566, 583

|| Б

Бабуш Э. 620
Байноци Й. 37
Байчи-Жилински Э. 42–43, 66–67, 336, 374, 602, 604
Бакаи С. 52, 56
Баки Л. 47
Балаж Ш. 606
Балаша И. 439
Балог И. 184, 187, 193
Балог Ш. 17, 129, 600, 605–608, 610
Бан А. 197

Барань Д. 623
Бардошши Л. 23–24, 601
Барла-Сабо Э. 621
Бата И. 518
Баттяни Л. 438
Безушко П. П. 10
Бекеш Ч. 615
Белкин Ф. 550, 553
Бёлени Й. 619
Бём В. 133, 197, 608
Бенеш Э. 64–65, 70–81, 84–86, 88, 92, 94, 96–97, 99–101, 103–106, 113, 116, 129, 132–133, 136–137, 141, 143, 145, 157–158, 160, 604–606, 608
Бенкё П. 612
Беренд Т. И. 616
Бер Я. 621
Берец Я. 328, 330, 362, 364
Берия Л. П. 210, 215, 491, 549, 553
Бибо И. 260–261, 614
Биро З. 17, 327, 356, 360, 600
Биску Б. 288, 556
Бихари М. 17, 324, 327, 354, 359–360, 601
Богнар И. 233, 242
Богнар Й. 294
Богота Б. 616
Бод П. А. 439, 469, 620
Бозоки А. 17, 393
Болен Ч. 251, 254
Борбанди Д. 617
Борошш П. 439, 453, 456, 470–472, 474, 477
Брандт В. 595
Бранкович И. 193

Брежнев Л. И. 272–274, 277–280, 282, 395, 525, 568, 589, 594
Булганин Н. А. 210, 254, 520, 568, 579
Бурцев М. И. 88–89, 98–99

|| В

Ваги И. 484
Вадас Ф. 219
Вадкерти К. 608
Вамош Т. 359
Варга Б. 179, 184, 189, 432
Варга Л. 609–610
Варихази О. 67–68
Варкони Э. 621
Ваттаи А. 49
Ваш З. 170–171, 173, 217, 227, 245, 486, 574
Вашархейи М. 359, 611
Везенмайер Э. 31, 37, 43–44, 46–48, 55–56
Вейхс М. 27
Вереш П. 192, 555
Вёрёш В. 433
Вёрёш Я. 25, 45, 50, 54, 167
Верт Г. 22
Виг К. 124, 603
Вида И. 17, 600, 610–611
Видич Д. 585
Витани И. 359
Витези Л. 610–611
Ворошилов К. Е. 82, 84, 114–115, 118, 171, 178, 189, 221–222, 257, 520, 568
Вышинский А. Я. 78

|| Г

Гайду В. 143–144
Галас Ф. 94
Гарам Й. 616

Гастилович А. И. 59
Геббельс Й. 30
Гейгер Б. 165
Гёнц А. 340, 406, 429, 432–433, 443–444, 451
Гербович Е. 427, 440
Герё Э. 168–169, 171, 176, 195, 199, 201, 205, 210, 218–220, 222, 225–230, 234–237, 239–241, 244, 246, 249, 485, 487, 490, 504, 506–511, 513–515, 518, 521, 524–527, 532, 544–545, 550, 555, 559, 565–568, 570–574, 577, 581, 587
Гитлер А. 20, 22, 24–40, 43–44, 46, 48, 50, 56, 91, 94, 152, 486, 542
Гици Е. 32–33, 35
Глинка 90–91
Гомулка В. 231, 316
Горбачев М. С. 272, 282–284, 315, 334, 359, 363, 371, 394, 595
Гостони П. 624
Готвальд К. 93, 95, 106, 144, 153, 157
Гребенник К. Е. 581
Гречко А. А. 568
Громыко А. А. 230, 276
Грос К. 283, 317, 326–330, 332, 334, 358, 360, 362–364, 369, 385, 387–388, 392, 394, 465, 596, 598
Гусак Г. 92, 94, 283, 316, 318, 321

|| Д

Давид З. 85, 609
Даллес Дж. Ф. 254
Далноки-Вереш Л. 183
Далноки-Миклош Б. 37, 61, 167
Дарваш И. 192, 233
Дастич Ф. 109, 126
Дебрецени Й. 17
Дёгеи И. 217
Деканозов В. Г. 26, 39, 148, 165
Демски Г. 446, 453

Дёнёр Й. 606, 608
Дёндѣши Я. 82, 109, 111, 113–114,
116–117, 119–122, 124, 126, 137–140,
145, 147
Дѣривани Ш. 427, 439
Димитров Г. 89, 98–99, 103–106,
199, 316, 486, 611
Диннеш Л. 194
Доби И. 173, 179, 189–194, 204–205,
210
Долежал Б. 604, 606
Домбради Л. 601–604
Донат Д. 183–184
Донат Ф. 245, 572
Доперчук 556
Дубчек А. 292, 316, 594
Дюрко Л. 359, 558, 623–624
Дярмати Д. 610

|| Ж

Желицки Б. Й. 601–604, 611, 618
Желицки Ч. Б. 19, 603
Жолт Б. 172
Жуков Г. К. 237–238, 253, 259–260,
266, 525–526
Журавлев Е. П. 59

|| З

Завада П. 605, 608
Звара Ю. 84, 123, 605, 607
Зѣльд Ш. 555
Зорин В. А. 77–79

|| Е

Есенски Г. 439

|| И

Ивашутин П. И. 586
Ижак Л. 17, 132, 600–601, 605–611,
619, 621

Ильичев И. 26
Имредди Б. 43–44
Иштван I. Св. 443

|| К

Каганович Л. М. 254, 520
Кадар Б. 440, 472, 475
Кадар Д. 45
Кадар Я. 18, 168, 198, 201, 206,
216–217, 226–228, 241–242, 244–
245, 248, 258–261, 265–281, 283–
284, 287–288, 292, 296, 305, 312,
316–317, 327–328, 334–335, 347,
353, 360, 362, 370, 385, 408, 488,
491, 494, 513, 516, 518, 520, 525–
528, 534–535, 539–543, 545–564,
566, 569, 574–599, 623
Каллаи Д. 288, 555, 566, 572
Каллаи М. 20, 28–34, 37–38, 40–
43, 46
Калман Э. 623
Каплан К. 609
Каройи М. 484
Карпиченко Н. 622–623
Кѣбѣл И. 217, 572
Кѣваго Л. 609
Кѣвеш А. 616
Кедрин 556
Келемен Д. 197
Кейтел В. 29, 35
Келлер 114
Керестеш Ш. К. 439
Кери К. 431
Кери Л. 600
Кертес И. 113, 115, 118, 605–608
Кетли А. 197
Кирай Б. 623
Кирай З. 327, 360
Киселев К. В. 210
Киш М. Ш. 623
Киш Я. 357, 430, 453, 618–619

Кишхази Э. 197, 288, 566
Кишш А. 294
Кишш Д. 427, 440
Кишш К. 217, 518
Кишш Я. 66
Клементис В. 85, 94, 96, 111–115, 119–120, 122, 126, 135, 144, 152, 158, 606
Ковач Б. 173, 179, 184–188, 190–191
Ковач И. 186, 216, 227–228, 245
Ковач И. 531
Колесников С. 618
Коль Г. 595
Конрад Д. 458
Конев И.С. 254–255, 525, 528, 532, 581
Коня И. 17, 375–376, 396, 453, 618
Корнелиус Д.С. 601–602
Кошша И. 581
Кочиш К. 604
Кочишне Ходоши Э. 604
Крайски Б. 595
Крно Д. 106, 109–110, 118, 136
Крючков В.А. 10, 219, 277, 538, 615
Кузнецов Ф.И. 52
Кукорелли И. 17
Кун Б. 485–486
Купа М. 441, 453, 466–467
Кыров А.М. 622–623

|| Л

Лаврищев А. 116
Лавров И.М. 77
Лазар Д. 350
Лакатош Г. 45, 49–51, 54–55
Лежак Ш. 17, 324, 355–356
Лендел Л. 327, 359, 366
Леньшина М.И. 19
Липпай З. 39

Литван Д. 612
Лошонци Г. 242, 537, 572, 575, 622
Лукач Д. 181, 572, 574, 610–611
Лукач Э.Б. 94
Луптак Я. (Кадар Я.) 539, 541–542

|| М

Мадл Ф. 439
Мадьяроши Й. 37
Малашенко Е.И. 623–624
Маленков Г.М. 210, 491, 502, 534, 579, 586
Малетер П. 531, 536–537, 573
Малин В.Н. 520, 525–526
Малинин М.С. 233, 531
Малиновский Р.Я. 58–59, 65
Марошан Д. 192, 196–198, 206, 233, 288, 547–548, 566
Марына В.В. 160, 601, 609, 611
Масарик Т.Г. 97, 103, 115, 145
Масарик Я. 78, 84, 111, 144
Мах Ш. 605
Медведев И.Н. 156
Мезё И. 522
Мераи Т. 623–624
Микоян А.И. 185, 210, 223–229, 238–245, 248–249, 252–253, 504, 510, 512, 514–517, 526–527, 563, 566–568, 573–575
Миндсенти И. 263
Миттеран Ф. 554, 595
Мичунович В. 579–580, 612
Млынарж З. 594
Мок А. 332, 367
Молнар М. 530, 621–623
Молотов В.М. 52, 63–64, 73, 78–79, 137–138, 140, 144–145, 149–152, 210, 254
Мурашко Г.П. 604, 606, 608
Мусатов В.Л. 614, 622

Мюнних Ф. 248, 259, 266, 288, 377, 405, 518, 525, 532, 572, 574, 578–579, 581

|| Н

Надаи И. 37, 50

Надь Е. 66

Надь И. 10, 18, 168, 176, 185, 189, 204, 210–216, 218–220, 222, 224, 230–231, 234–236, 240, 242–244, 246–250, 252–255, 257–260, 269–270, 277, 286, 288, 326, 328–329, 338, 346, 348, 358, 362, 364, 370, 385, 392, 438, 481–538, 547, 558, 560–565, 567, 569, 571–572, 574–577, 579–581, 583–587, 597, 599, 612–614, 618, 621–623

Надь К. 617

Надь Л. 530, 621–623

Надь Н. 179

Надь Ф. 137–138, 140, 143, 146, 173–174, 176, 183–188, 190–191, 427

Надьбацони-Надь В. 29, 50, 601–603

Невзоров Б. И. 603

Неедлы З. 104–105

Нежинский Л. Н. 10, 12, 600, 611

Незвал В. 94

Немет М. 330–332, 334, 337, 361, 364, 367–368, 370–371, 379, 392, 394, 433, 435–436, 441, 462–463

Нерш (Ньерш) Р. 197, 287, 292, 294, 297, 304, 306, 326–327, 330, 334, 348, 359, 361, 364, 373, 377, 392, 600, 616

Никифоров К. В. 18

Новомеский Л. 93–94

Нонн Д. 220

|| О

Орбан В. 17, 357, 423, 432, 600, 619

Ормош М. 34, 602, 624

|| П

Палффи Д. 180, 198

Пальме У. 595

Панкович В. 609

Патаки Ф. 359

Петер Г. 180, 182, 198, 202, 215, 543, 550–551, 553, 555–556, 561

Петер Д. 294

Петер Я. 274

Петё И. 616

Петров И. Е. 58

Пинтер И. 604

Пирош Л. 228, 233, 246, 518, 570, 574, 581

Пожгаи И. 324, 327–328, 330–331, 334, 339, 355–356, 361–362, 364, 366–367, 373, 376, 388, 392, 394, 398, 400, 402–403, 416, 421–422, 432, 442

Полгар Т. 600

Попели Д. 609

Поспелов П. Н. 525

Приц П. 615

Пушкаш А. И. 10, 600, 603

Пушкин Г. М. 106, 118, 165, 188

Пфейффер З. 177, 186, 193

|| Р

Рабар Ф. 439, 453

Рагл Э. 71, 95

Райк Л. 168, 176, 179, 191, 198, 201–202, 204, 206, 215, 222, 488, 491, 494, 542, 545–546, 549–555, 557, 568, 599, 611

Райнер М. Я. 618, 621

Ракоши М. 62, 64, 103–108, 137, 140–142, 149–151, 163–164, 168–173, 178, 184–185, 187–189, 191, 195, 197–206, 209–229, 233, 249, 265, 269, 272–274, 286, 288–289, 316, 346, 485–493, 495–505, 521, 524, 526, 532, 536–537, 544–557, 559–569, 574, 579, 584–585, 587, 589–590

Ран Р. 56
Ранки Д. 602, 616
Ревай Й. 151, 168–169, 171, 179,
182, 195, 197–199, 204–205, 210,
216–217, 222, 228, 233, 485, 490,
544, 550, 559, 563, 570, 611
Риббентроп И. 31, 35
Рипка Г. 76
Рипп З. 18, 601, 619
Ромшич И. 17, 616, 619–621, 623
Рузвельт Т. 75
Руденко Р.А. 586
Русицаи-Ридигер Ф. 37

|| С

Сабад Д. 376, 433, 436, 619
Сабо Б. 610
Сабо И. 442
Сабуров М.З. 525
Сакач Ш. 615–616
Сакашич А. 169, 173, 178, 192, 196,
198, 201, 204–206, 546, 548
Салаи Б. 210, 225
Салаи-Берзевици А. 463
Салаши Ф. 57, 66, 95
Санто З. 217, 518
Свобода Л. 63
Свиридов В.П. 176–177, 185, 188
Сегеди-Масак А. 126
Седер Ф. 197
Селиг И. 197
Сентивани Д. 51, 183
Сентмиклоши И. 37
Серенчеш К. 608, 616
Серов И.А. 233, 248, 259, 521, 526,
532, 568, 581
Силади Й. 233, 536–537, 549
Сирмаи И. 566
Скорцени О. 52
Сланский Р. 106
Смирнов А. 62

Смрек Я. 94
Соколовский В.Д. 238, 509
Солдатич Д. 585
Сомбатхейи Ф. 25, 28–29, 32–33,
35–36, 45
Сорос Дж. 282, 615
Срб В. 604
Сталин И.В. 52, 64, 80–81, 106–
107, 138–142, 149, 160, 170–171,
199, 207, 208–209, 211, 215, 507,
553, 561–562, 571
Стояи Д. 22, 39, 44–45, 47–49, 51
Стыкалин А.С. 12, 600, 622
Суслов М.А. 149, 185, 216–218, 220,
225, 227–228, 238–241, 243–245,
248–249, 252–253, 512, 515–516,
521, 525, 534, 568, 573–575
Сюреш М. 330, 333, 340, 365, 369,
391, 414, 421, 432–433, 442
Сюч М. 202

|| Т

Такач И. 532–533, 622–623
Тамашка М. 556
Тарасенко В.А. 603
Тарчаи В. 66
Тварожек 92
Тёлдешши П. 431
Телеки Г. 52, 167
Тильди З. 82, 110, 118, 173–174, 176,
178, 186, 189–191, 203–204, 242, 574
Тимар Я. 475
Тисо Й. 31, 91–93, 95
Тито И.Б. 53, 203, 221–223, 230,
525, 541, 549, 568, 579
Тобиаш А. 624
Толбухин Ф.И. 65
Тольятти П. 255
Тордян Й. 427, 431, 468
Тот Л. 17
Тот Ш. 601–604
Трумэн Г. 81, 188, 610
Тэтчер М. 595

|| У

Угланов А. 620
Уйхейи С. 359
Урбан К. 611

|| Ф

Фараго Г. 50–52
Фаркаш М. 100, 168–169, 171, 182, 189, 193, 198, 201–202, 205, 210, 215, 221, 227, 249, 485, 488, 490, 544, 548, 550–553, 555, 557, 559, 567, 569
Фаркаш В. 550, 552, 556–557, 610, 623
Фаркаш И. 432
Фейти Д. 373, 375, 377–378, 388, 390, 394, 398
Фекете Ш. 359
Фёлдвари Р. 210, 611
Фёлдеш Д. 459, 615, 620
Фёлдеш Л. 245
Фехер Л. 348
Фирлингер З. 73, 78–80, 108, 110, 148, 604
Фок Е. 288, 306, 348–350
Фрай Л. 614
Фридрих К. 206
Фриснер Г. 59, 61, 603
Фурцева Е. А. 525
Фюзешши Т. 432
Фюлеп М. 600, 602–603, 605–609, 615
Фюр Л. 439–440, 604

|| Х

Хаваша Ф. 351
Хайду Т. 613–614
Хевеша А. 484
Хегедюш А. 210, 218, 220, 224–225, 230, 232, 235–237, 241, 245–246, 258, 503, 509, 518, 525, 562, 567, 570, 572, 574, 611–614, 622, 624

Хейнрици Г. 61
Хеннеи Г. 50, 54–55
Хёттл В. 31, 51
Хидаш И. 210
Хорват Б. 439, 450, 452–453
Хорват И. 254
Хорват М. 217, 583
Хорват Ч. 17, 601, 610–611
Хорн Д. 332–333, 367–368, 421, 442, 600
Хорти И. 28
Хорти М. 6, 20, 22–23, 26–40, 42–47, 49, 51–57, 62, 65, 152, 165, 183, 541, 554, 601
Хорти М. (мл.) 52–53
Хрущёв Н. С. 210, 214, 221, 230, 235, 237, 251, 254, 265, 267–274, 289, 491, 502, 509, 520, 524–527, 562, 568, 570, 578–580, 589–590
Хусар Т. 600, 615–616

|| Ч

Чатаи Л. 32–33, 44, 50
Чаушеску Н. 270, 276, 283, 311, 316, 318, 321, 334, 353, 363, 367, 590, 595
Ченгеи Д. 17
Черманек Б. 540
Черманек (Кадар) Я. 539–540
Черноки В. 203
Чизмадиа Э. 17
Чикош-Надь В. 294
Чомош М. 25
Чурка И. 600

|| Ш

Шагвари Э. 541
Шариф А. 40
Шахназаров Г. Х. 615
Шашков Е. 618
Шелленберг В. 31

Шиклош Ч. 439
Шинделка Я. 130, 133, 605, 608
Шипош П. 600, 602–603, 605–609,
615
Широкий В. 93, 106
Шмидт Г. 595
Шойом Л. 444
Шомбор-Швейнитцер Й. 37
Штарк А. 616
Штрассенрайтер Э. 609–610
Штраус Ф.-Й. 252, 614
Шуйок Д. 178–179
Шурани Д. 475–476
Шурьян Л. 427, 440
Шюле Р.А. 605

|| Э

Эгетё М. 484
Эйзенхауэр Д. 251

Эйхман А. 46–47
Элведи И. 603
Эндре Л. 47
Эрдеи Ф. 192, 233, 242, 289, 294,
506, 531
Эрши И. 610
Эстерхази Я. 87, 90, 94–95
Этли С.Р. 81

|| Ю

Юстус П. 169
Юхас Д. 601

|| Я

Яблоницкий Й. 606
Ягов Д. 29, 32, 37
Яни Г. 27
Ярош А. 47

Библиография трудов Б. И. Желицки (избранное)

|| Индивидуальные монографии

1. Социалистическое рабочее движение в Венгрии 1873–1890. М.: Наука, 1975. 264 с.
2. Революционный путь Венгрии к социализму. К 60-летию Венгерской Советской республики 1919 г. М.: Знание, 1979. 64 с.
3. Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов (социальное развитие). М.: Наука, 1984. 336 с.
4. Kárpátalja a cseh és szovjet politika érdekerében, 1920–1945. Budapest, Napvilág Kiadó, 1998. 160. о. (Подкарпатье в сфере чешских и советских политических интересов, 1920–1945).
5. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX – конец 50-х годов XX века). М.: Индрик, 2012. 600 с. (в соавт. Ч. Б. Желицки).

|| Коллективные труды и тематические сборники (член редколлегии)

6. Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1979. 372 с.
7. Великий Октябрь и Венгерская Советская республика. М.: Наука, 1983. 280 с.
8. Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М.: Наука, 1987. 205 с. (отв. редактор).
9. Политические кризисы и конфликты 50-60-х годов в Восточной Европе. М.: ИСБ РАН, 1993. 229 с. (ред.-составитель).
10. Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М.: Наука, 1993. 182 с. (ред.-составитель).
11. Бывшие «хозяева» Восточной Европы (политические портреты). М.: ИСБ РАН, 1995. 311 с. (ред.-составитель).
12. Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М.: ИСБ РАН, 1995. 216 с.
13. 1956. Осень в Будапеште. М.: Март, 1996. 256 с. (науч. редактор).
14. Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М.: ИСБ РАН, 1997. 239 с. (ред.-составитель).
15. Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М.: ИСБ РАН, 1997. 262 с.
16. Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. М.: ИСБ РАН, 2002. 262 с.

|| Статьи и главы в коллективных трудах, сборниках и исторических журналах

1966

1. Использование женского и детского труда в промышленности Венгрии во второй половине XIX века // Тезисы докладов к XX научной конференции Ужгородского государственного университета. Ужгород, 1966.

1967

2. Братство по оружию в годы Второй мировой войны // Kárpáti Igaz Szó. 29.10.1967.

1968

3. Советско-венгерские культурные связи // Kárpáti Igaz Szó. 11.01.1968.
4. Наше сотрудничество в сфере политики, экономики и культуры // Kárpáti Igaz Szó. 04.02.1968.
5. К 49 годовщине Венгерской Советской республики. Солдат революции // Kárpáti Igaz Szó. 21.03.1968.
6. Венгерские партизаны в отряде Марии Осиповой // Kárpáti Igaz Szó. 28.03.1968.
7. Архивные материалы свидетельствуют (о советско-венгерских связях) // Kárpáti Igaz Szó. 28.04.1968.
8. Сотрудничество издательств (культурные и научные связи) // Kárpáti Igaz Szó. 24.11.1968.

1969

9. Из истории венгерского рабочего движения (70–80-е годы XIX века) // Вопросы новой и новейшей истории европейских социалистических стран. Ужгород, 1969.

1970

10. Положение венгерского пролетариата и его борьба за создание партии в 70–80-е годы XIX века // Украинский исторический журнал. № 4. 1970 г.
11. Освобождение Венгрии (к 25-летию события) // Kárpáti Igaz Szó. 05.04.1970.
12. Произведения художников семьи Ференци // Kárpáti Igaz Szó. 26.04.1970.
13. Факты братского взаимодействия // Kárpáti Igaz Szó. 05.06.1970.
14. Из истории советско-венгерского сотрудничества // Kárpáti Igaz Szó. 18.11.1970.

1971

15. По пути социализма. Летопись событий за четверть века после освобождения // Новая и новейшая история. № 4. 1971.
16. Размышления о первом двадцати пятилетии, 1944–1969 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. № 5. 1971.
17. Связи венгерских и германских социалистов в 1878–1880 гг. // Вопросы истории. № 10. 1971.

18. Автореферат кандидатской диссертации «Социалистическое рабочее движение в Венгрии (1873–1890)». М., 1971.

1972

19. Культура и история // В мире книг. № 6. 1972.

1973

20. Аладар Дьёрдь и рабочее движение // Вопросы истории. № 9. 1973.

1974

21. Русские интернационалисты за Венгерскую Советскую республику // Вопросы истории. № 11. 1974.

22. Значительное событие нашей научной жизни // Общественные науки. № 4. 1974 [тот же текст на 5 иностранных языках].

23. Образование Всеобщей рабочей партии, ее программа и начало деятельности (1880–1881) // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX в. М.: Наука, 1974.

1975

24. Лукач Б. И. Союз рабочего класса и кооперативного крестьянства в Венгрии (рецензия) // Новая и новейшая история. № 6. 1975.

25. Первая русская революция и народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Изд. АПН. М., 1975 [на русском и иностранных языках].

1976

26. Венгерская Народная Республика в строительстве социализма (в соавторстве с А. И. Пушкашем) // Новая и новейшая история. № 2. 1976.

1977

27. Доронченков А. И. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе (рецензия) // Новая и новейшая история. № 1. 1977.

28. Рабочий класс Венгрии в строительстве социализма (в соавторстве с А. И. Пушкашем) // В книге «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М.: Наука, 1977.

1979

29. Изучение истории Венгрии в СССР (20-е – середина 60-х годов) // История исторической науки в СССР. Т. 7. М., 1979.

30. Классовая борьба в годы социалистического строительства // Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1979.

31. Magyar-orosz társalgási zsebkönyv. (в соавторстве с В. Зотовым). Tankönyvkiadó–Русский язык. Moszkva–Budapest, 1979.

1980

32. Образование наций в Восточной Европе // Проблемы социально-политического и национального развития Балкан (конец XVIII в. – 1939 г.) в зарубежной историографии. К XV Международному конгрессу исторических наук. М.: ИНИОН, 1980.

1981

33. Комят И. История «Импрекорра» (перевод с венгерского). М.: Прогресс, 1981.

34. Создание и сущность буржуазной политической системы в Венгрии в 20-х годах // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 год. М.: Наука, 1981.

35. Zur Herausbildung der ersten sozialistischen Arbeiterparteiin Ungarns (1873–1878) // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Lender Europas. Bad 25/1. Berlin, Deutcher Verlag der Wissenschaften. 1981.

36. Торгово-экономические связи Венгрии с независимыми и развивающимися странами Африки. М.: Изд. АПН, 1981.

1982

37. Основные тенденции социального развития рабочего класса социалистических стран Европы в 60–70-е годы // Узловые проблемы советского славяноведения (тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной конференции историков-славистов). УжДУ, 1982.

38. Правительство Иштвана Беллена и политика стабилизации контрреволюционного режима в Венгрии // Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М.: Наука, 1982.

39. Рабочий класс ВНР и его партия в условиях строительства развитого социализма // Исторические исследования. История зарубежных стран. Выпуск 8. М.: Наука, 1982.

40. Рабочий класс социалистической Венгрии 60–70-х годов // Вопросы истории. № 9. 1982.

41. 1919 год в Венгрии. В советско-венгерском сборнике «Венгерская Советская республика – первое государство трудящихся Венгрии». Будапешт, 1982.

1983

42. Рабочие-мигранты в ВНР // Рабочий класс и современный мир. № 3. 1983.

43. Социально-экономические преобразования в Венгерской Советской республике // Октябрь и Венгерская Советская республика. М.: Наука, 1983.

44. Печать Венгерской Советской республики о Советской России // Annales Universitatis Budapestinensis de Lorandis Eötvös nominatae. Sectio historica. Tomus. XXI // Вопросы истории. № 6. 1983.

45. Социальное планирование в сфере культуры Венгрии (аналитический обзор). М.: ИНИОН, 1983.

46. Социальное пополнение венгерской гуманитарной интеллигенции. М.: ИНИОН, 1983.

1984

47. Проблемы новейшей истории Венгрии на страницах журнала «Сазадок» // Вопросы истории. № 1. 1984.

48. Классовые отношения в социалистических странах Европы (социально-экономические аспекты развития) // Советское славяноведение. № 2. 1984.

49. A legendás Mirko (Lapok Pataki Ferenc életéből) // Szovjetunió. № 5. 1984.

1985

50. Золтан Шёнхерц — организатор коммунистического подполья, движения Сопротивления в Венгрии // Герои антифашистского Сопротивления. М.: Политиздат, 1985.

51. Важнейшие изменения в социальной структуре ВНР (1960–1985) // Социологические исследования. № 5. 1985.

52. Автореферат докторской диссертации «Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х — первой половины 70-х годов (социальное развитие)». М., 1985.

1986

53. Важнейшие изменения в социальной структуре социалистических стран Европы // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. Минск, 1986.

54. Золтан Шёнхерц (1905–1942) // Документы стойкости и героизма. М.: Политиздат, 1986.

55. Ференц Рожа (1906–1942) // Документы стойкости и героизма. М.: Политиздат, 1986.

56. A Bethlen-kormány és a magyarországi ellenforradalmi rezsim stabilizációs politikája // A közép-és Délkelet Európai államok a két világháború között. Budapest. Akadémiai Kiadó. 1986.

1987

57. Предисловие (к колл. монографии) // Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М.: Наука, 1987.

58. Проблемы классовых отношений в период социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (раздел коллективной монографии в соавторстве с М. И. Копашёвой) // Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М.: Наука, 1987.

59. Проблемы переходного периода от капитализма к социализму (по материалам «круглого стола», в соавторстве) // Новая и новейшая история. № 5. 1987.

60. A munkásság szerkezeti változásai (Структурные сдвиги в составе рабочего класса) // História. 5–6. sz. 1987.

1988

61. Важнейшие изменения в социальной структуре социалистических стран Европы // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. Минск, 1988.

62. Основные сдвиги и тенденции развития социально-классовой структуры ВНР в 60–80-е годы // Советское славяноведение. № 3. 1988.

63. Попытка Венгрии участвовать в польско-советской войне 1920 г. // Вопросы истории. № 2. 1988.

64. Уроки современной трагедии (заметки историка) // Иностранная литература. № 9. 1988.

1989

65. Бела Кун (исторический портрет) // Вопросы истории. № 1. 1989.

66. Исторический опыт социалистического строительства и некоторые проблемы его изучения // Актуальные проблемы общественных преобразований в странах социалистического содружества. Фрунзе, 1989.

67. Революция 1919 г. в Венгрии. Исторический путь ВПК (материалы «круглого стола», подготовлены в соавторстве) // Вопросы истории КПСС. № 3. 1989.

68. 1919 a történelem mérlegén (1919 год на весах истории) // *Szovjet Irodalom* («Советская литература» на венгерском языке). М., № 5. 1989.

69. Állítsuk helyre a történelmi igazságot (Восстановить историческую правду) // *Szovjet Irodalom* («Советская литература» на венгерском языке). М., № 10. 1989.

70. Magyar–orosz társalgási zsebkönyv. Budapest–Moszkva, 1989.

1990

71. Втягивание Венгрии в орбиту германской политики и позиция венгерских политических сил // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940 гг.). М., 1990.

72. Революционные перемены в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Год 1989-й (материалы «круглого стола», в соавторстве) // Советское славяноведение. № 3. 1990.

73. Движение Сопротивления в странах Восточной Европы (материалы «круглого стола», в соавторстве) // Новая и новейшая история. № 6. 1990.

1991

74. Историография венгерского антифашистского движения Сопротивления // Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: ИСБ РАН, 1991.

75. Трагедия ВСРП // Восточная Европа на историческом переломе. М.: ИСБ РАН, 1991.

1992

76. Подготовка квалифицированных рабочих, рост общеобразовательного и профессионально-технического уровня рабочего класса ВНР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы. М.: ИСБ РАН, 1992.

77. О взаимоотношении интеллигенции Венгрии и ее коммунистического руководства (40–80-е годы) // Власть и интеллигенция. (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы.) М.: ИСБ РАН, 1992.

78. Венгрия 1956 года. Эволюция оценок венгерских историков // Новая и новейшая история. № 3. 1992.

79. Ормош М. От Падуи до Трианона (рецензия) // Вопросы истории. № 2–3. 1992.

80. Историзм и комплексность в изучении актуальных проблем советской хунгарологии (тезисы пленарного доклада) // *Acta Hungarica* («Акта хунгарика»). Ungvár–Ужгород. № 1. 1992.

1993

81. Глава «Назревание общественного недовольства и политического кризиса в Венгрии в первой половине 50-х годов» // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М.: Наука, 1993.

82. Глава «Временное торжество и крах ракошизма. Новый политический курс и дальнейшее углубление кризиса в Венгрии» // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М.: Наука, 1993.

83. Moszkvai diákmegmozdulás – 1956-ban. // Magyar Nemzet. 1993. November 6.

84. События 1956 года в Венгрии и отклик на них студенчества Москвы // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития. Вып. 2. М.: ИСБ РАН, 1993.

85. Венгерские события 1956 года (В свете новейшей историографии) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М.: ИСБ РАН, 1993.

86. A sztálini rendszer jellege és nemzetiségi állodozatai (1944–1946) // Évkönyv a sztáliniumus Kárpátaljai áldozatairól. Ungvár–Budapest, 1993.

87. A magyar és szovjet társadalmi élet főbb eszmei és reápolitikai kölcsönhatásai (a magyar demokratizálódási törekvések szempontjából). (О важнейших взаимодействиях венгерской и советской общественной жизни в свете венгерских демократических устремлений) // Régi és új pegrináció. Magyarok külföldön, külföldiek Magyarországon. 1. kötet. Budapest–Szeged, 1993.

88. Венгерский Демократический Форум и его программа // Политические партии и движения Восточной Европы. М.: ИСБ РАН, 1993.

1994

89. Венгрия в 1989–1994 гг. // Преподавание истории в школе. № 7. 1994.

90. Посттоталитарная Восточная Европа: проблемы развития (материалы «круглого стола», в соавторстве) // Славяноведение. № 6. 1994.

91. Szovjet helyzetjelentés Magyarországról 1945 májusában (Ситуационное сообщение о положении в Венгрии) // História. 1. sz. 1994.

92. Laudationes. Niederhauser Emil akadémikus // Szomszédaink között Kelet Európában. Budapest, 1994.

93. 1956: a felsőszintű szovjet-magyar kapcsolatok történetéhez (К истории советско-венгерских связей на высшем уровне) // Múltunk. 3. sz. 1994.

1995

94. Глава «Подготовительный этап и начало антифашистских выступлений в Венгрии (1941–1944 гг.)» // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945. М.: ИСБ РАН, 1995.

95. Глава «Антифашистские силы в Венгрии после оккупации страны гитлеровцами (март 1944 – начало 1945 гг.)» // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945. М.: ИСБ РАН, 1995.

96. Будапешт–Москва: год 1956-ой // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1955). Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1995.

97. Magyar-ország – ukrán társalgási zsebkönyv (в соавторстве с Ч.Б. Желички). Ungvár, 1995.

98. Венгрия в меняющейся Восточной Европе. Из опыта социально-экономических преобразований 90-х годов // Свободная мысль. № 4. 1995.

99. Восставшая Венгрия и реакция советского партийно-политического руководства (в свете документов и материалов) // Русский архив. № 4. 1995.

100. Янош Кадар: превратности судьбы // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. М.: ИСБ РАН, 1995.

101. Демократическая многопартийность и политическая панорама современной Венгрии // Политический ландшафт в Восточной Европе в середине 90-х годов. М.: ИСБ РАН, 1995.

1996

102. Венгрия в системе центрально-европейских социально-экономических преобразований в начале 90-х годов XX века (попытка сравнительного анализа) // Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и социальные изменения. М.: ИСБ РАН, 1996.

103. Элита партийной власти о характере и содержании событий 1956 года в Венгрии // Славяноведение. № 4. 1996.

104. Регент Венгрии Миклош Хорти (часть 1-я) // Новая и новейшая история. № 2. 1996.

105. Регент Венгрии Миклош Хорти (часть 2-я) // Новая и новейшая история. № 3. 1996.

106. Славянские народы и Вторая мировая война (материалы «круглого стола», в соавторстве) // Славяноведение. № 3. 1996.

107. A szovjet hadigépezet 1956-os magyarországi beavatkozása történetéhez hadtörténeti hárcászati és hadműveleti szempontból (К истории ввода советских войск на территорию Венгрии) // Hadtörténeti Közlemények. 3. sz. 1996.

108. Историко-политологические статьи: 1) «Реабилитируют меня мои же убийцы»; 2) Жертвоприношение или заговор негодяев. Театр ужаса времен тоталитаризма; 3) Искупление грехопадения (судьба Яноша Кадара, которого одни называли «предателем и советской марионеткой», другие – «спасителем социалистической Венгрии»); 4) «Счел целесообразным покинуть аудиторию» – МГУ и Венгрия; 5) Победа над венграми прискорбна // В книге «1956: осень в Будапеште». М.: Март, 1996.

109. Первый юбилей (из истории российско-венгерских отношений) // Русский курьер. № 25. 1996.

110. Проблемы региональной идентичности центрально-европейских стран (материалы «круглого стола», в соавторстве) // Славяноведение. № 3. 1996.

1997

111. Венгерская осень 1956 г. в донесениях дипломатов из Будапешта и Москвы // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М.: ИСБ РАН, 1997.

112. Многопартийность и политическая панорама в современной Венгрии // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М.: ИСБ РАН, 1997.

113. Postwar Hungary, 1944–1946 // The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1946. New York, 1997.

114. Глава «Венгрия в XX веке» // История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. Учебное пособие для студентов высшей школы. М., 1997.

115. Россия и Венгрия: экономические отношения сегодня // Русский курьер. 19–25 мая 1997.

1999

116. Глава «Венгрия: обстановка, операции, капитуляция» // Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение (в соавторстве с Б. И. Невзоровым). М.: Наука, 1999.

117. XX век: смена политических режимов в венгерском государстве, 1917–1990 // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М.: ИСБ РАН, 1999.

118. Orosz ismeretek Magyarország népeségi-nemzetiségi összetételéről a 19. század második felében (Российская информация о народонаселении и национальной структуре Венгрии во второй половине 19 века) // A KSH Könyvtár-és Dokumentációs Szolgálatának Évkönyve, 1998. Budapest, 1999.

119. Венгерский кризис 1956 года: реакция руководства и армии // Das internationale Krisenjahr 1956. Polen, Ungarn, Suez. München, 1999.

120. Революция 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие (материалы «круглого стола», в соавторстве) // Славяноведение. № 6. 1999.

2000

121. Общий кризис реального социализма и демократические преобразования в Венгрии // Вопросы истории. № 6. 2000.

122. Центральноевропейская идентичность и Венгрия // Международный исторический журнал. № 7. 2000 (электронный вариант: <http://history.machoon.ru>).

123. Эрозия реального социализма и Венгрия // Революция 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы. М.: ИСБ РАН, 2000.

124. Эрозия реального социализма и Венгрия // Международный исторический журнал. № 7. 2000.

125. Центральноевропейская идентичность и Венгрия // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М.: ИСБ РАН, 2000.

126. Региональная идентичность венгров и судьба центрально-европейской идеи // Реформы вчера, сегодня и завтра. Вестник научной информации ИМЭПИ РАН. № 9. 2000.

127. Глава XXII. Венгерское восстание 1956 г.: его подавление и политические последствия // Центральноевропейская Европа во второй половине XX века. Том первый. Становление «реального социализма», 1945–1965. ИМЭПИ РАН. Наука, 2000.

128. Глава XXXIV. Венгрия // Центральноевропейская Европа. Том первый. Становление «реального социализма», 1945–1965. ИМЭПИ РАН. М.: Наука, 2000.

2001

129. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 год (часть I) // Новая и новейшая история. № 2. 2001.

130. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 год (часть II) // Новая и новейшая история. № 3. 2001.

131. Magyarország és politikusainak jellemzése a másodikvilágháborús szovjet dokumentumokban (К характеристике Венгрии и ее политиков в советских документах времен Второй мировой войны) // Múltunk. 4. sz. 2001.

132. Вмешательство царских войск и конец венгерской национально-освободительной войны 1848–1849 гг. // Два возврата венгерских гонимых знамен. Научные издания Московского Венгерского культурного, научного и информационного центра. Т. 1. М., 2001.

133. Общая эрозия «реального социализма» и Венгрия конца 80-х годов. Предпосылки и причины революционной ломки // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М.: Наука, 2001.

2002

134. Народная демократия и становление тоталитарного режима в Венгрии // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. Институт славяноведения РАН. М.: Наука, 2002.

135. Модернизация и социально-политические перемены в венгерском обществе второй половины XX века // Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. ИСБ РАН. М., 2002.

136. Глава XXI. «Венгрия» (в соавторстве с М. А. Усиевич) // Колл. труд: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй. От стабилизации к кризису, 1966–1989. ИМЭПИ РАН. М.: Наука, 2002.

2003

137. Раздел «Венгерская Республика – Magyar Köztársaság» // Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Справочник. Институт славяноведения РАН. Новый хронограф. М., 2003.

138. Поп И. Энциклопедия Карпатской Руси (рецензия). Ужгород, 2001 // Славяноведение. №1. 2003.

2004

139. Анталл Йожеф – премьер-министр Венгрии // Большая Российская Энциклопедия. М., 2004.

140. Глава 5. «Проблемы выселения венгров из Чехословакии» // Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948. ИСБ РАН. М.: Наука, 2004.

141. Венгры в Европе: идентичность и региональная принадлежность (проблемы переплетения исторических и современных черт региональной идентичности) // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Институт славяноведения. М., 2004.

142. Венгрия в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. № 6. 2004.

143. Az 1945. június 29-i szovjet-csehszlovák szerződés Kárpátaljáról. (Советско-чехословацкое соглашение о Закарпатье от 29 июня 1945 года — документальный очерк в соавторстве с И. Вида) // Kúlvügyi Szemle. 1–2. sz., 2004.

2005

144. Новый венгерский центр славистики, и изучение историко-культурных проблем подкарпатских русинов (в соавторстве с Ч.Б. Желлицки) // Славяноведение. №1. 2005.

145. Венгерское изобразительное искусство эпохи дуализма // Vi-lágtörténelem («Всемирная история», Будапешт). 2. sz. 2005 .

146. Beneš Eduard, a magyar kérdés és a Szovjetunió, 1943–1948 (Эдуард Бенеш, венгерский вопрос и Советский Союз, 1943–1948) // Múltunk. 2. sz. 2005.

147. Nagy Imre alakja a szovjet és orosz történeti irodalomban (Образ Имре Надя в советской и российской литературе) // Nagy Imre és kora. II. kötet. Budapest, 2005.

148. Kelet- és közép-európai kitelepítések a második világháború idején és után, azok sztálini módszerei (Депортация и ее приемы в Восточной и Центральной Европе в период и после Второй мировой войны) // A П. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola tudományos Évkönyve. Acta Beregsasiensis. IV. évfolyam. 4. sz. 2005.

149. Энциклопедические статьи (9 статей): (Иштван Добо, Иштван Лоби, Ишпан, Иштванффи, Иштван-король, Миклош Зрини, Михай Зрини, Заполяи (Сапойя), Животорокский мир) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2004–2005.

2006

150. Имре Надь (исторический портрет) // Вопросы истории. № 8. 2006.

151. Nagy Imre és alakja az orosz történeti irodalomban (Образ И. Надя в российской исторической литературе) // Nagy Imre és kora. 4. köt. Budapest, 2006.

152. Кадаровский контекст советско-венгерских отношений (1957–1988) // Россия и современный мир. № 1. 2006 .

153. Глава III. «Венгерский опыт соотношения революции и реформ» // Власть – Общество – Реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. Институт славяноведения РАН. М.: Наука, 2006.

2007

154. Глава II. «Венгерская переговорная революция» // Антикommунистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 2007.

2008

155. Москва–Будапешт: рубежи взаимоотношений (1948–2008 годы) // Россия XXI век. № 1. 2008.

156. Глава II. Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989–1994) // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия. М.: 2008.

157. Оппозиционность и формирование реальной политической оппозиции в Венгрии, 1948–1990 годы. (К вопросу о взаимоотношениях власти и общества) // Власть и общество: непростые взаимоотношения. (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008.

158. Доби (Dobi) Иштван // Новая Российская Энциклопедия (НРЭ). Т. 3. Ч. 2. М., 2008.

159. Добо (Dobó) Иштван // НРЭ. Т. 3. Ч. 2. М., 2008.

160. Дожа (Dózsa) Дьёрдь // НРЭ. Т. 3. Ч. 2. М., 2008.

161. Энциклопедические статьи (8 статей): (Янош Кадар, Миклош Каллаи, Михай Каройи, Куруцы, Кун-Хедервари, Иштван I Святой и др. // Большая Российская Энциклопедия. М., 2008–2010.

2009

162. Дэчи (Décsy) Шамуэл // НРЭ. Т. 6. Ч. 1. М., 2009.

163. Дюрчань (Gyurcsány) Ференц // НРЭ. Т. 6. Ч. 1. М., 2009.

164. Запольяи (Szapolyai, Zápolya) Янош // НРЭ. Т. 6. Ч. 1. М., 2009.

165. Историзм в венгерской живописи и творчество художников второй половины XIX века // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Спб: Алетейя, 2009.

2010

166. Основные черты российско-венгерских отношений во второй половине XX века // Восточный блок и советско-венгерские отношения, 1945–1989 годы. Спб: Алетейя, 2010.

167. Иосиф Август Габсбург (Joseph August, Jozsef Habsburg) // НРЭ. Т. 7. Ч. 1. М., 2010.

168. Ишпан (Ispán) // НРЭ. Т. 7. Ч. 1. М., 2010.

169. Иштван I Святой (I. István, Szent István), Вайк // НРЭ. Т. 7. Ч. 1. М., 2010.

170. Иштванффи (Istvánffy) Миклош // НРЭ. Т. 7. Ч. 1. М., 2010.

171. Кадар (Kádár) Янош, Йожеф // НРЭ. Т. 7. Ч. 1. М., 2010.

172. Каллаи (Kállay) Миклош // НРЭ. Т. 7. Ч. 2. М., 2010.

173. Каройи (Károlyi) Михай, граф // НРЭ. Т. 7. Ч. 2. М., 2010.

2011

174. Кун-Хедервари (Khuen-Héderváry) Карой // НРЭ. Т. 9. Ч. 1. М., 2011.

175. Венгерский процесс демократических преобразований: некоторые сравнения, важнейшие предпосылки и последствия // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: РОССПЕН, 2011.

176. Венгрия в середине XX века: влияние внутривнутриполитических факторов на динамику общественного мнения // В поисках новых путей: власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е и 60-е гг. XX века. М., 2011.

177. Надь (Nagy) Имре // Большая Российская Энциклопедия. 2011.

178. Нилашты (nyilasok) // Большая Российская Энциклопедия. 2011.

179. Центральная Европа: проблемы общности исторических судеб и региональной идентичности ее народов (в свете исторического опыта венгров и других народов региона) // Миграция и эмиграция в странах

Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб: Алетей, 2011.

2012

180. Раздел «Венгрия» // Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века (начало 1970-х – первая половина 1980-х годов). Т. I. СПб: Алетей, 2012.

2013

181. Раздел «Венгрия» // Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века (вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов). Т. II. СПб: Алетей, 2013.

182. Раздел «Венгрия» // Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х – 1980-е гг. Хрестоматия. Изд. МГУ. М., 2013.

183. Партия Единства (Egységes Párt) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2013.

184. Партия мелких хозяев (Kisgazda Párt) (НПМХ) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2013.

185. Пейер (Peyer) Карой // Большая Российская Энциклопедия. М., 2013.

186. Пакт Пейера–Бетлена (Bethlen–Peyer paktum) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2013.

187. Советские сведения о Венгрии, ее политиках и политэмигрантах 1941–1945 (По материалам московских архивов) // Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В. В. Марьиной. М.–СПб, 2013.

188. Венгерская экономическая реформа 60-х – начала 70-х годов XX века: ее социальные аспекты // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-ые... Экономика, политика, культура. Сборник статей. М., 2013.

2014

189. Военно-политическая ситуация в Венгрии и гитлеровская оккупация 1944 г. // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014.

190. Ракоши (Rákosi) Матяш // Большая Российская Энциклопедия. М., 2014.

191. Международная правовая защита и венгерское национальное меньшинство // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014.

192. Переговоры в Брест-Литовске глазами участника (в свете воспоминаний офицера Генштаба австро-венгерской армии Г. Покорны) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014.

2015

193. Национальные меньшинства в системе международной правовой защиты (венгерский опыт XX века) // Новая и новейшая история. № 1. 2015.

194. Раздел «Венгерская Республика – Magyar Köztársaság» // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Историко-политологический справочник. М.–СПб: Нестор-История, 2015.

195. Статья «Ранний этап истории венгров от этногенеза до «обретения родины» в Дунайско-Карпатском регионе и основания собственного раннефеодального государства» // История венгерской литературы в портретах. М.: Индрик, 2015.

196. Статья «У истоков венгерской культуры и литературы» // История венгерской литературы в портретах. М.: Индрик, 2015.

197. Статья «Венгрия в эпоху дуализма: 1867–1918» (в соавторстве с А.С. Стыкалиным) // История венгерской литературы в портретах. М.: Индрик, 2015.

198. Статья «Венгрия в посткоммунистическую эру. Тернистый путь к современной европейской демократии» (в соавторстве с А.С. Стыкалиным) // История венгерской литературы в портретах. М.: Индрик, 2015.

2016

199. Статья «Место Венгрии в восточноевропейских системных преобразованиях XX века» // Россия и современный мир. № 1. 2016.

200. Глава 13. Венгрия в процессе восточноевропейских системных преобразований XX века // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН. 2016 .

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Желицки Бела Йозефович

**ВЕНГРИЯ
новейших времён**

Очерки
политической истории
1944–1994 гг.

Ответственный редактор

Н. Ю. Калашникова

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН

119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»

Подписано в печать 07.11.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 40,5 печ. л.

Заказ № 124.

Тираж 500 экз.

Автор книги – доктор исторических наук Бела Желицки – в 1964 г. окончил исторический факультет Ужгородского государственного университета. С 1970 г. работает в Институте славяноведения РАН. Изучением истории Венгрии занимается со студенческих лет. Его перу принадлежат многочисленные научные исследования по истории страны XIX и XXI вв., в том числе авторские и коллективные монографии. Ученый известен как высококвалифицированный специалист по истории нового и новейшего времени Венгрии и стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

В настоящей работе читатель получит редкую возможность ознакомиться с достоверным анализом сложных и противоречивых, прежде не всегда объективно изложенных в литературе процессов новейшей истории Венгрии 1940–1990-х годов. Автор на богатом фактическом материале, привлекая архивные документы и литературные источники, анализирует ключевые события венгерской политической истории от завершающего этапа Второй мировой войны до становления современной многопартийной демократии. В книге в ярком авторском освещении прослеживается смена политических режимов и систем с характеристикой основных руководящих деятелей страны. Показан переход Венгрии от ограниченной народной демократии к коммунистической диктатуре, стихийный взрыв революции 1956 г., взаимоотношения Москвы и Будапешта после ее подавления, последующая попытка нового социалистического эксперимента 60–80-х годов, а также нарастание оппозиционных сил и кризисных явлений в жизни страны с середины 1980-х годов, завершившиеся крахом системы «реального социализма».

Особое внимание уделено вопросам мирного исторического поворота Венгрии к суверенитету и реальной многопартийной парламентской демократии в 1989–1990 гг., утверждению новой системы ценностей. Работу удачно дополняют политические портреты двух ведущих деятелей рассматриваемой эпохи – Имре Надя и Яноша Кадара.

ISBN 978-5-7576-0399-5

